A/CN.4/SER.A/2005/Add.1 (Part 1)

ЕЖЕГОДНИК КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

2005

Том II
Часть первая

Документы пятьдесят седьмой сессии

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Нью-Йорк и Женева, 2013

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

Ссылки на *Ежегодник Комиссии международного права* в сокращенном виде состоят из слова *Ежегодник*, за которым следует многоточие и соответствующий год издания (например, *Ежегодник.., 2004 год*).

На русском языке *Ежегодник* начал издаваться с 1969 года, поэтому все ссылки на тома *Ежегодника*, выпущенные до 1969 года, даются по их английскому тексту.

Ежегодник каждой сессии Комиссии международного права состоит из двух томов:

Том I: краткие отчеты о заседаниях сессии;

Том II (часть первая): доклады специальных докладчиков и другие документы, рассмотренные в ходе сессии;

Том II (часть вторая): доклад Комиссии Генеральной Ассамблее.

Ссылки на эти издания и выдержки из них относятся к их окончательным текстам, фигурирующим в томах *Ежегодника*, которые были выпущены в качестве изданий Организации Объединенных Наций.

*

* *

Доклады специальных докладчиков и другие документы, рассмотренные Комиссией в ходе ее пятьдесят седьмой сессии, которые первоначально были выпущены в мимеографированном виде, воспроизводятся в настоящем томе и включают исправления, выпущенные Секретариатом, и поправки редакционного характера, которые были сочтены необходимыми для представления окончательного текста.

A/CN.4/SER.A/2005/Add.1 (Part 1)

ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ISSN 0251-771X

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Сокращения iv

Примечание, касающееся цитат v

Дипломатическая защита (пункт 2 повестки дня)

Документ A/CN.4/546. Шестой доклад по вопросу о дипломатической защите, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джоном Дугардом 1

Ответственность международных организаций (пункт 3 повестки дня)

Документ A/CN.4/553. Третий доклад об ответственности международных организаций, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джорджо Гая 9

Документ A/CN.4/547. Комментарии и замечания, полученные от правительств 23

Документ A/CN.4/556. Комментарии и замечания, полученные от правительств и международных организаций 33

Общие природные ресурсы (пункт 4 повестки дня)

Документ A/CN.4/551 и Add.1. Третий доклад об общих природных ресурсах: трансграничные грунтовые воды, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Тусэем Ямадой 79

Документ A/CN.4/555 и Add.1. Комментарии и замечания, полученные от правительств и от соответствующих межправительственных организаций 115

Односторонние акты государств (пункт 5 повестки дня)

Документ A/CN.4/557. Восьмой доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седеньо 147

Оговорки к международным договорам (пункт 6 повестки дня)

Документ A/CN.4/558 и Add.1–2. Десятый доклад об оговорках к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Аленом Пелле 173

Высылка иностранцев (пункт 7 повестки дня)

Документ A/CN.4/554. Предварительный доклад о высылке иностранцев, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Морисом Камто. 235

Воздействие вооруженных конфликтов на международные договоры (пункт 8 повестки дня)

Документ A/CN.4/552. Первый доклад о воздействии вооруженных конфликтов на международные договоры, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Яном Броунли 255

Перечень документов пятьдесят седьмой сессии 283

СОКРАЩЕНИЯ

АКТ	Группа стран Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
БМР	Банк международных расчетов
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВМО	Всемирная метеорологическая организация
ВОИС	Всемирная организация интеллектуальной собственности
ВПС	Всемирный почтовый союз
ВТО	Всемирная торговая организация
ЕОУС	Европейское объединение угля и стали
ЕС	Европейское сообщество (ранее ЕЭС)
ЕЭК	Европейская экономическая комиссия
ЕЭК ООН	Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций
ЕЭС	Европейское экономическое сообщество
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
Интерпол	Международная организация уголовной полиции
ККООН	Компенсационная комиссия Организации Объединенных Наций
КФОР	Международные силы безопасности в Косово
МАГ	Международная ассоциация гидрогеологов
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБРР	Международный банк реконструкции и развития
МВФ	Международный валютный фонд
МОМД	Международный орган по морскому дну
МОТ	Международная организация труда
МПВК	Международная пограничная и водная комиссия
МПС	Межпарламентский союз
МС	Международный Суд
МТП	Международная торговая палата
НАТО	Организация Североатлантического договора
ОАГ	Организация американских государств
ОЗХО	Организация по запрещению химического оружия
ООП	Организация освобождения Палестины
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ППМП	Постоянная палата международного правосудия
САДК	Сообщество по вопросам развития стран юга Африки
ФАО	Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций
ЦЕРН	Европейская организация по ядерным исследованиям
ЮНЕП	Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде
ЮНЕСКО	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЮНИДО	Организация Объединенных Наций по промышленному развитию
ЮНКТАД	Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию

AFDI	Annuaire français de droit international (Paris)
AJIL	*American Journal of International Law* (Washington, D.C.)
I.C.J. Pleadings	ICJ, *Pleadings, Oral Arguments, Documents*
I.C.J. Reports	ICJ, *Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders*
ILM	*International Legal Materials* (Washington, D.C.)
ILR	*International Law Reports* (United Kingdom)
LGDJ	Librarie générale de droit et de jurisprudence (Paris)
P.C.I.J. Series A	PCIJ, *Collection of Judgments* (Nos. 1–24: up to and including 1930)
P.C.I.J., Series B	PCIJ, *Judgments, Orders and Advisory Opinions* (Nos. 1–18: up to and including 1930)
P.C.I.J. Series A/B	PCIJ, *Judgments, Orders and Advisory Opinions* (Nos. 40–80: beginning in 1931)
REDI	*Revista Española de Derecho Internacional* (Madrid)
RGDIP	*Revue générale de droit international public* (Paris)
UNRIAA	United Nations, *Reports of International Arbitral Awards*

*

* *

ПРИМЕЧАНИЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ЦИТАТ

В цитатах слова или выдержки, выделенные курсивом, за которыми следует звездочка, в тексте подлинника курсивом не выделены.

Если нет иных указаний, то перевод цитат из работ на иностранных языках выполнен Секретариатом.

*

* *

Адрес Комиссии международного права в Интернете **– www.un.org/law/ilc/**.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

[Пункт 2 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/546

Шестой доклад по вопросу о дипломатической защите, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джоном Дугардом

[*Подлинный текст на английском языке*]
[*11 августа 2004 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Работы, цитируемые в настоящем докладе		1
	Пункты	
ВВЕДЕНИЕ	1–4	2
Глава		
I. НЕПРИМЕНИМОСТЬ ДОКТРИНЫ "ЧИСТЫХ РУК" К СПОРАМ, КАСАЮЩИМСЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОБСТВЕННОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО ТЕРМИНА	5–7	3
II. ПРИМЕНИМОСТЬ ДОКТРИНЫ "ЧИСТЫХ РУК" К ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ	8–9	5
III. СЛУЧАИ ПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ДОКТРИНЫ "ЧИСТЫХ РУК"	10–15	5
IV. ОСНОВАНИЕ ДЛЯ НЕПРИЕМЛЕМОСТИ?	16	6
V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	17–18	7

Работы, цитируемые в настоящем докладе

CARREAU, Dominique

Droit international. 7th ed. Paris, Pedone, 2001. 688 p.

CHENG, Bin

General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. London, Stevens, 1953. 490 p.

COMBACAU, Jean and Serge SUR

Droit international public, 5th ed. París, Montchrestien, 2001. 814 p.

FENWICK, Charles G.

Cases on International Law. Chicago, Callaghan, 1935.

FITZMAURICE, Sir Gerald

"The general principles of international law considered from the standpoint of the rule of law", *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1957–II*. Leiden, Sijthoff, 1958. Vol. 92, pp. 1–227.

GARCIA-ARIAS, Luis

"La doctrine des 'clean hands' en droit international public", *Yearbook of the Association of Attenders and Alumni of The Hague Academy of International Law*, vol. 30, 1960, pp. 14–22.

MALANCZUK, Peter

Akehurst's Modern Introduction to International Law. 7th rev. ed. London and New York, Routledge, 1997.

MOORE, John Bassett

A Digest of International Law, vol. II, Washington, D.C., Government Printing Office, 1906.

ROUSSEAU, Charles

Droit international public. Vol. V, *Les rapports conflictuels*. París, Sirey, 1983.

RUZIÉ, David

Droit international public. 14th ed. París, Dalloz, 1999. 250 p.

SALMON, Jean J. A.

"Des 'mains propres' comme condition de recevabilité des réclamations internationales", AFDI, vol. X, 1964, pp. 225–266.

SALMON, Jean, ed.

Dictionnaire de droit international public. Brussels, Bruylant, 2001.

Введение

1. Было предложено отразить доктрину "чистых рук" в одной из статей, одобренных Комиссией в 2004 году проектов статей о дипломатической защите[1]. В настоящем докладе рассматривается это предложение.

2. В соответствии с доктриной "чистых рук" умышленное правонарушение лишает права заявлять исковые требования: ex dolo malo non oritur actio. Этот принцип также отражен в максиме nullus commodum capere potest de sua injuria propria. По словам Фицмориса,

> "Тот, кто обращается за защитой к правосудию, должен приходить с «чистыми руками»". Таким образом, государство, виновное в противоправном поведении, может быть лишено необходимого locus standi in judicio для подачи жалобы об аналогичных противоправных действиях со стороны других государств, особенно если они явились следствием его собственного противоправного поведения или были начаты для противодействия ему − короче, были спровоцированы им[2].

В контексте дипломатической защиты на эту доктрину ссылаются в качестве основания, препятствующего государству осуществлять дипломатическую защиту, если физическое или юридическое лицо, которого оно стремится защитить, потерпело ущерб в результате своего собственного противоправного поведения.

3. В обоснование предложения о включении в проекты статей в дипломатической защите доктрины "чистых рук" были приведены следующие аргументы:

a) эта доктрина не применяется к спорам, касающимся межгосударственных отношений, когда государство не стремится осуществить защиту своих физических или юридических лиц[3];

b) в то же время доктрина применима к случаям дипломатической защиты, когда государство стремится осуществить защиту своих потерпевших физических или юридических лиц. 5 мая 2004 года г-н Ален Пелле, поддержавший предложение о включении положения о "чистых руках", заявил:

> Туманная концепция "чистых рук" не имеет существенных отличий от общего принципа добросовестности в контексте межгосударственных отношений, не имеет никаких автономных последствий и на практике мало влияет на общие нормы о международной ответственности. Однако, в контексте дипломатической защиты, которая затрагивает отношения между государствами и частными лицами, эта концепция наполняется новым содержанием: она становится функциональной, поскольку без "чистых рук" осуществление дипломатической защиты становится невозможным. Если какое-либо частное лицо, пользующееся дипломатической защитой, нарушает либо внутреннее законодательство предоставляющего защиту государства – при этом следует отметить, что внутреннее законодательство вообще не играет никакой роли во всех случаях, касающихся межгосударственных отношений, – либо международное право, то в общем контексте требования государства, призванное предоставить защиту, вправе в дальнейшем этого не делать[4].

Доктрина действует лишь в контексте дипломатической защиты[5];

c) в контексте дипломатической защиты доктрина "чистых рук" применялась в "многочисленных случаях"[6]. Хорошим примером является арбитраж по делу *Ben Tillett*[7];

d) ссылка на доктрину "чистых рук" влечет за собой неприемлемость ходатайства о предоставлении дипломатической защиты[8].

4. В настоящем докладе рассматриваются вышеупомянутые четыре аргумента.

---

[1] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 54.

[2] "The general principles of international law considered from the standpoint of the rule of law", p. 119.

[3] См. *Ежегодник.., 2004 год*, том I, 2792-е заседание, пункт 48, стр. 12, и 2793-е заседание, пункт 2, стр. 13.

[4] Там же, 2793-е заседание, пункт 5.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] См. Fenwick, *Cases on International Law*, pp. 181–184. См. также RGDIP, vol. 6, No. 46 (1899).

[8] См. *Ежегодник.., 2004 год*, том I, 2793-е заседание, пункт 5, стр. 14.

ГЛАВА I

Неприменимость доктрины "чистых рук" к спорам, касающимся межгосударственных отношений в собственном смысле этого термина

5. Возможно, правильным является утверждение о том, что доктрина "чистых рук" не применима к спорам, касающимся межгосударственных отношений. Однако на практике на эту доктрину чаще всего ссылаются в контексте межгосударственных отношений в случаях, когда государства или формулирующие особое мнение судьи объявляют требование неприемлемым или необоснованным на основании того, что руки государства-истца не чисты. Нижеследующие примеры иллюстрируют такую практику:

a) совсем недавно этот аргумент выдвигался Израилем в ходе консультативного разбирательства *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*. В этом контексте Израиль утверждал, что:

> Палестина, с учетом ее ответственности за акты насилия против Израиля и его населения, которые стена призвана прекратить, не может искать в Суде средство правовой защиты в отношении ситуации, сложившейся в результате ее собственного противоправного поведения. В этом контексте Израиль сослался на принцип nullus commodum capere potest de sua injuria propria, который он считает значимым для консультативного разбирательства, а также для разбирательства споров. Поэтому Израиль делает вывод о том, что добросовестность и принцип "чистых рук" являются веской причиной для того, чтобы суд отклонил просьбу Генеральной Ассамблеи[9].

МС не посчитал этот аргумент относящимся к делу[10] на том основании, что заключение выносилось для Генеральной Ассамблеи, а не для какого-либо конкретного государства или образования. Существенно, что Суд не отрицал уместность этого аргумента при разбирательстве межгосударственных споров;

b) в деле *Oil Platforms* Соединенные Штаты Америки привели аргумент "предварительного характера"[11], прося МС отклонить требование Исламской Республики Иран по причине его собственного противоправного поведения. Исламская Республика Иран охарактеризовала этот аргумент как основывающийся на принципе "чистых рук", который, как он утверждал, не применим к требованиям одного государства к другому в отличие от требований в области дипломатической защиты, где он является основанием для неприемлемости требования. Исламская Республика Иран признала, что этот принцип может иметь значимость на стадии разбирательства по существу дела. Суд не согласился с доводом о том, что возражение Соединенных Штатов относится к основаниям неприемлемости, и счел ненужным рассматривать просьбу Соединенных Штатов об отклонении требования Исламской Республики Иран по причине приписываемого последнему поведения. Суд не прокомментировал довод Исламской Республики Иран о том, что доктрина "чистых рук" может применяться лишь в качестве основания неприемлемости требования в контексте дипломатической защиты[12];

c) в деле *LaGrand* в связи с требованием к Германии Соединенные Штаты выдвинули аргумент, который, как представляется, является производным от доктрины "чистых рук". Соединенные Штаты утверждали, что иск Германии не приемлем на том основании, что Германия ожидает от Соединенных Штатов соблюдения правил, которые отличаются от ее собственной практики. По мнению Соединенных Штатов, Германия не доказала, что ее система правосудия по уголовным делам требует отмены уголовных приговоров при нарушении обязательства об уведомлении консульства и что на практике в подобных случаях Германия ограничивается тем, что приносит извинения. Соединенные Штаты заявили, что применение по отношению к Соединенным Штатам таких якобы нормативных положений, которые Германия, очевидно, сама не выполняет, будет противоречить основополагающим принципам отправления правосудия и равенства сторон. Германия отрицала, что предлагает Соединенным Штатам соблюдать стандарты, которых сама Германия не придерживается. Суд счел, что в вынесении решения о том, должен ли аргумент Соединенных Штатов, в случае его истинности, влечь неприемлемость иска Германии, отсутствует необходимость, поскольку приведенные Соединенными Штатами доказательства недостаточны для вывода о том, что собственная практика Германии не отвечает тем стандартам, соблюдение которых она требует от Соединенных Штатов[13];

d) сходный приведенному выше по делу *LaGrand* аргумент прозвучал в деле *Avena*[14]. Однако в этом случае Соединенные Штаты не характеризовали его в качестве аргумента о "чистых руках". Вместо этого возражение было сформулировано, исходя из толкования статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях[15] в том смысле, что, по мнению Соединенных Шта-

---

[9] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion. I.C.J. Reports 2004*, p. 163, para. 63. См. также A/ES–10/273 и Corr.1.

[10] Ibid., p. 164, para. 64.

[11] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran* v. *United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2003*, p. 176, para. 27.

[12] Ibid., pp. 177–178, paras. 28–30.

[13] См. *LaGrand (Germany* v. *United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001*, pp. 488–489, paras. 61–63.

[14] *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico* v. *United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2004*, p. 12.

[15] Vienna Convention on Consular Relations (Vienna, 24 April 1963), United Nations, *Treaty Series*, vol. 596, No. 8638, p. 359.

тов, невозможно такое истолкование договора, при котором на одну сторону возлагается значительно более тяжелое бремя, чем на другую. МС отвел этот аргумент, ссылаясь на дело *LaGrand*. При этом он добавил, что:

> Даже если было бы доказано, что практика Мексики в отношении применения статьи 36 не безупречна, это не являлось бы основанием оспаривать приемлемость претензии Мексики[16].

e) в деле *Gabčikovo-Nagymaros Project* МС отказался применять доктрину "чистых рук". Он заявил:

> Суд, однако, не может пренебречь тем обстоятельством, что в течение многих лет Договор не выполнялся в полной мере ни той, ни другой стороной и что в действительности возникновению той фактической ситуации, которая существует в настоящее время, способствовали их действия и бездействие. Равным образом он не может не принимать во внимание эту фактическую ситуацию – или фактические возможности и невозможности, которые она обусловливает – при вынесении решения о юридических требованиях в отношении будущего поведения Сторон.
>
> Это не означает, что факты – в данном случае факты, вытекающие из противоправного поведения, – становятся источником права[17];

f) в деле *Arrest Warrant* бельгийский судья ad hoc ван ден Вингерт в своем особом мнении заключила:

> При обращении в суд у Конго отсутствовали "чистые руки". Обвиняя Бельгию в расследовании и судебном преследовании за предполагаемые международные преступления, которые оно было обязано расследовать и преследовать самостоятельно, Конго действовало недобросовестно[18];

g) в деле *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua* судья Швебель счел, что доктрина "чистых рук" может быть применена против Никарагуа:

> Никарагуа не обратилась в суд с "чистыми руками". Напротив, как у агрессора, косвенным образом ответственного – но в конечном счете ответственного – за большое количество смертей и широкомасштабные разрушения в Сальвадоре, значительно превосходящие то, что претерпела Никарагуа, руки у Никарагуа одиозно "нечистые". Никарагуа усугубила свои прегрешения, скрывая их перед Судом. Таким образом, по причинам его незаконной военной интервенции в Сальвадоре и его сознательных попыток ввести Суд в заблуждение относительно фактов этой интервенции посредством ложных показаний его министров в исках Никарагуа против Соединенных Штатов следует отказать[19].

В подкрепление этих соображений он привел ряд решений ППМП и МС. Все приведенные случаи могут быть отнесены к категории прямых межправительственных споров.

h) В ходе судебных прений, как на стадии предварительного разбирательства, так при осуществлении юрисдикции по делам *Legality of the Use of Force*, возбужденным Югославией против членов НАТО, ряд ответчиков приводили тот довод, что искомые Югославией судебные запреты не могут быть вынесены, поскольку Югославия обратилась в МС не с "чистыми руками"[20].

6. Вышеупомянутые случаи мешают поддержать аргумент о том, что доктрина "чистых рук" не применяется к спорам, прямо касающимся межгосударственных отношений. Государства неоднократно ссылались на доктрину "чистых рук" в прямых межгосударственных исках. Суд ни разу не заявил, что эта доктрина иррелевантна по отношению к межгосударственным искам.

7. В то время как возможно провести различие между прямыми и непрямыми исками в целях некоторых судебных разбирательств (в частности, в отношении исчерпания внутренних средств защиты), делать это следует с большой осторожностью с учетом представления о том, что ущерб, причиненный гражданину, является ущербом, причиненным самому государству. Данная фикция, сформулированная Ваттелем, провозглашенная в деле *Mavrommatis*[21] и принятая Комиссией в проектах статей о дипломатической защите, является фундаментальной для понимания дипломатической защиты. Один из краеугольных камней дипломатической защиты заключается в том, что "[с] того момента, как государство выступает в защиту одного из своих граждан в международном судебном органе, этот орган рассматривает в качестве стороны в процессе лишь государство"[22]. Речь, конечно, идет не об отказе от этой фикции и представлении государства, являющегося стороной связанного с дипломатической защитой требования, в качестве простого агента, действующего от имени своих граждан или юридических лиц?

---

[16] *I.C.J. Reports 2004* (see footnote 14 above), p. 38, para. 47.

[17] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997*, p. 76, para. 133.

[18] *Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo* v. *Belgium), Judgment, I.C.J. Reports 2002*, p. 160, para. 35.

[19] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua* v. *United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, p. 392, para. 268.

[20] *Legality of the Use of Force (Yugoslavia* v. *Belgium; Yugoslavia* v. *Canada; Yugoslavia* v. *France; Yugoslavia* v. *Germany; Yugoslavia* v. *Italy; Yugoslavia* v. *Netherlands; Yugoslavia* v. *Portugal; Yugoslavia* v. *Spain; Yugoslavia* v. *United Kingdom*, and *Yugoslavia* v. *United States of America), Provisional Measures, Order of 2 June 1999, I.C.J. Reports 1999*, pp. 124, 259, 363, 422, 481, 542, 656, 761, 826 and 916, соответственно.

[21] *Mavrommatis Palestine Concessions, Judgment No. 2, 1924, P.C.I.J., Series A, No. 2*.

[22] Ibid., p. 12.

ГЛАВА II

Применимость доктрины "чистых рук" к дипломатической защите

8. В случае, когда иностранец виновен в каком-либо правонарушении, совершенном в иностранном государстве, и в результате этого по решению суда в соответствии с законодательством этого государства лишается свободы или имущества, представляется маловероятным, что государство его гражданской принадлежности вмешается в целях предоставления ему защиты. Вмешательство со стороны государства гражданства было бы в таком случае неправомерным, поскольку, как правило, при этом международно-противоправного деяния не совершается. В этом смысле доктрина "чистых рук" служит цели воспрепятствовать дипломатической защите. Однако ситуация принимает другой характер, если государством-ответчиком совершен международно-противоправный акт в ответ на правонарушение, совершенное иностранцем, – как, например, когда иностранец, подозреваемый в совершении уголовного преступления, подвергается пыткам либо пристрастному суду. В таком случае государство гражданства может осуществлять дипломатическую защиту данного лица по причине совершения международно-противоправного деяния. Доктрина "чистых рук" не может быть применена в этом последнем случае к потерпевшему лицу за нарушение международного права, во-первых, потому, что иск принимает теперь характер международного требования, обращенного одним государством к другому, и, во-вторых, поскольку данное лицо не обладает международной правосубъектностью и таким образом не может (за исключением сферы международной уголовной ответственности) отвечать за нарушение международного права. Говоря коротко, вследствие фикции, что ущерб потерпевшего является ущербом, нанесенным самому государству, иск от имени гражданина, в отношении которого был совершен международно-противоправный акт, превращается в международное требование, и доктрина "чистых рук" может быть обращена против осуществляющего защиту государства только за его собственное поведение, а не против потерпевшего лица за его неправомерное поведение, которое могло предшествовать международно-противоправному деянию.

9. Из рассмотренной выше аргументации вытекает, что доктрина "чистых рук" не занимает какого-либо особого места в исках, связанных с дипломатической защитой. Если какое-либо лицо совершает незаконное деяние в принимающем государстве и с соблюдением надлежащей правовой процедуры приговаривается судом к наказанию, международно-противоправное деяние места не имеет и доктрина "нечистых рук" нерелевантна. Если же, с другой стороны, противоправное, согласно внутреннему праву, поведение гражданина влечет за собой совершение нарушения международного права в результате действий, предпринятых государством-ответчиком в связи с совершенным этим гражданином правонарушением, иск, если государство гражданства потерпевшего осуществляет его дипломатическую защиту, принимает международный характер. В таком случае на доктрину "чистых рук" можно ссылаться только лишь в отношении государства-истца и применительно к его собственному поведению. Указание на это содержится в делах *LaGrand* и *Avena*. В обоих случаях иностранные граждане совершили тяжкие преступления, требующие их судебного преследования и наказания. Однако в обоих случаях, осуществляя их преследование, Соединенные Штаты нарушили международное право, не предоставив им возможности обратиться в консульство. Ни на одной из стадий разбирательства Соединенные Штаты не утверждали, что тяжкий характер совершенных иностранными гражданами преступлений делает их "руки нечистыми", тем самым препятствуя соответственно Германии и Мексики в осуществлении их защиты согласно Венской конвенции о консульских сношениях. С другой стороны, в обоих случаях (как показано выше) Соединенные Штаты утверждали, что у самих государств-истцов отсутствовали "чистые руки", поскольку они не выполняли положений Венской конвенции так, как это требуется от Соединенных Штатов.

ГЛАВА III

Случаи применения в контексте дипломатической защиты доктрины "чистых рук"

10. В отличие от случаев, касающихся прямых межгосударственных исков, в которых доктрина "чистых рук" упоминалась неоднократно, случаи, в которых на эту доктрину ссылались в контексте дипломатической защиты, немногочисленны.

11. Случаями, которыми обосновывают свою аргументацию некоторые авторы, являются третейские разбирательства по делам *Ben Tillett*[23] и *Virginius*[24] Карро приводит в этой связи два инцидента в качестве примеров, подкрепляющих его заявление о том, что "лицо, дипломатическую защиту которого государство осу-

[23] См. сноску 7, выше.

[24] См. Moore, *A Digest of International Law*, p. 895.

ществляет, само не должно иметь «предосудительного поведения»"[25]. Внимательный анализ дел *Ben Tillett* и *Virginius* показывает, что ни то, ни другое не имело никакого отношения к доктрине "чистых рук". Равным образом при их рассмотрении не использовалась фразеология доктрины.

12. Рассмотрим, во-первых, дело *Ben Tillett*[26]. 21 августа 1896 года Бен Тиллет, британский гражданин и профсоюзный активист, прибыл в Бельгию для участия в собрании докеров. В день, когда он прибыл в Бельгию, он был арестован, несколько часов содержался под стражей и был депортирован в Соединенное Королевство. Предъявляя иск в порядке защиты Бена Тиллета, последнее утверждало, что Бельгией было нарушено ее собственное законодательство, и требовала денежное возмещение в размере 75 000 франков. После того, как переговоры оказались безуспешными, дело было передано на третейский суд. Из текста третейского соглашения между Бельгией и Соединенным Королевством, а также из решения третейского суда становится ясно, что вопрос о неприемлемости дипломатической защиты вообще не рассматривался. Соединенное Королевство, безусловно, осуществляло дипломатическую защиту Бена Тиллета. Она проиграла дело по существенным основаниям, при этом основной причиной являлось то, что действия Бельгии не составляли международно-противоправное деяние (вопреки толкованию Карро, который заявляет, что "третейский судья оставил иск Великобритании без удовлетворения по причине нарушения Беном Тиллетом бельгийского закона. Короче говоря, он не обладал «чистыми руками»")[27].

13. Рассмотрим далее дело *Virginius*[28]. 31 октября 1873 года паровое судно "Виргиниус" было перехвачено в открытом море испанским военным кораблем. "Виргиниус", который плавал под американским флагом (как потом было установлено, не имея на это права), перевозил оружие, боеприпасы и потенциальных повстанцев, имея местом назначения Кубу. "Виргиниус" был эскортирован в Сантьяго-де-Куба, где 53 из 155 членов экипажа и пассажиров были в ускоренном порядке преданы за пиратство суду военного трибунала и казнены. Среди казненных были граждане Соединенного Королевства и Соединенных Штатов. Из предъявленных в ходе переговоров между Испанией и Соединенными Штатами документов ясно, что между сторонами не было разногласий относительно права Соединенных Штатов осуществлять дипломатическую защиту в данной конкретной ситуации. Обе страны также согласились с тем, что Испания виновна в нарушении международного права безотносительно к тому, правомерно ли "Виргиниус" плавал под американским флагом и перевозил ли он военные грузы и потенциальных повстанцев на Кубу. Дело не рассматривалось в третейском суде, поскольку Испания выплатила Соединенному Королевству и Соединенным Штатам компенсацию семьям казненных британских и американских граждан.

14. Ряд авторов высказываются в поддержку доктрины "чистых рук" в контексте дипломатической защиты, но не приводят веских оснований в подкрепление своей точки зрения[29]. Бин Чен цитирует однако иск по делу *Clark* 1862 года, в котором американский комиссар отказался поддержать претензию американского гражданина, задаваясь вопросом: "Что касается Соединенных Штатов, можно ли допустить, чтобы он извлек выгоду от своего собственного правонарушения? … Сторона, которая обращается за защитой, должна являться с «чистыми руками»"[30].

15. Многие авторы скептически высказываются о доктрине "чистых рук" и авторитетности приводимых в ее пользу ссылок. Следует, в частности, обратить внимание на мнение Сальмона[31], Руссо[32] и Гарсиа-Ариаса[33]. Мнение Руссо особенно важно. Он заявляет: "Невозможно рассматривать теорию "чистых рук" в качестве института общего обычного права в отличие от других причин неприемлемости, к изучению которых мы сейчас обращаемся"[34].

---

[25] Carreau, *Droit international*, pp. 467–468.

[26] Carreau, *Droit international*, pp. 467–468.

[27] Carreau, op. cit., p. 468.

[28] См. сноску 24, выше.

[29] Ruzié, *Droit international public*, p. 95; Combacau and Sur, *Droit international public*, pp. 596–597; и Malanczuk, *Akehurst's Modern Introduction to International Law*, pp. 263–269.

[30] Cheng, *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals*, p. 156.

[31] "Des 'mains propres' comme condition de recevabilité des réclamations internationales", и *Dictionnaire de droit international public*, pp. 677–678.

[32] *Droit international public*, p. 172.

[33] "La doctrine des 'clean hands' en droit international public".

[34] Op. cit., p. 177.

Глава IV

Основание для неприемлемости?

16. Иногда довод, основывающийся на доктрине "чистых рук", приводился в МС в качестве предварительного замечания при рассмотрении прямых межгосударственных споров. Не ясно, однако, имелось ли при этом намерение поднимать этот вопрос в качестве основания для неприемлемости. Если доктрина относится к искам, связанным с дипломатической защитой, то, как представляется, на нее было бы более уместно ссылаться на стадии рассмотрения по существу, поскольку она относится, скорее, не к приемлемости а к смягчающим или освобождающим от ответственности обстоятельствам.

Глава V

Заключительные замечания

17. В пункте 332 его второго доклада об ответственности государств[35] г-н Джеймс Кроуфорд пишет, что доктрина "чистых рук" используется как средство защиты "главным образом, хотя и не всегда, в рамках дипломатической защиты". Он добавляет:

> Даже в контексте дипломатической защиты авторитетные источники, поддерживающие существование доктрины "чистых рук", будь то в качестве основы для неприемлемости или в каком-то ином качестве, являются, по словам Сальмона, "довольно старыми и неединодушными"[36]. Речь идет в основном о лицах, причастных к работорговле и нарушению нейтралитета и, в частности, о серии решений Смешанной комиссии, созданной Соединенными Штатами Америки и Великобританией на основе Конвенции от 8 февраля 1853 года для урегулирования претензий судовладельцев о компенсации. По мнению Сальмона, в случаях, когда иск считался неприемлемым:
>
> "Так или иначе представляется, что все эти дела характеризуются тем, что *нарушение международного права со стороны потерпевшего было единственной законной причиной ущерба, по поводу которого был предъявлен иск,* и что *причинно-следственная связь между ущербом и поведением потерпевшего была свободной от какого-либо противоправного деяния со стороны государства-ответчика.*
>
> Когда же, напротив, это последнее в свою очередь нарушало международное право посредством репрессий против заявителя, третейские судьи никогда не объявляли требование неприемлемым"[37].

18. Настоящий доклад показывает, что доказательства в пользу доктрины "чистых рук" не является неопровержимыми. Доводы, основывающиеся на этой доктрине, регулярно выдвигались в ходе рассмотрения прямых межгосударственных споров в МС, но пока что не были поддержаны. Применимость доктрины ко всем требованиям в рамках дипломатической защиты весьма спорна. Отсутствуют явные авторитетные источники для подкрепления применимости доктрины к случаям дипломатической защиты. Имеющиеся же источники нечетки в своих указаниях и имеют давнее происхождение, восходя главным образом к середине XIX века, о чем и свидетельствуют приведенные выше выдержки из статьи Сальмона. Хотя некоторые авторы высказываются в поддержку существования доктрины в контексте дипломатической защиты, авторитетные источники это мнение не подтверждают. Кроме того, Сальмон и Руссо решительно высказываются против такой доктрины. Поэтому Специальный докладчик не видит оснований включать в проекты статей какое-либо положение, касающееся доктрины "чистых рук". Такое положение явно не укладывается в рамки кодификации и не является уместным действием в рамках прогрессивного развития, если принять во внимание неопределенность в отношении самого существования этой доктрины и ее применимости к дипломатической защите.

---

[35] *Ежегодник.., 1999 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/498 и Add.1–4, стр. 102.

[36] Loc. cit., p. 249.

[37] Ibid., p. 259.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

[Пункт 3 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/553*

Третий доклад об ответственности международных организаций, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джорджо Гая

[*Подлинный текст на английском языке*]
[*13 мая 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Многосторонние документы, цитируемые в настоящем докладе		10
Работы, цитируемые в настоящем докладе		10
	Пункты	
ВВЕДЕНИЕ	1–4	11
Глава		
I. НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СО СТОРОНЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	5–24	12
Статья 8. Наличие нарушения международного обязательства		16
Статья 9. Международное обязательство, находящееся в силе для международной организации		16
Статья 10. Продолжительность нарушения международного обязательства		16
Статья 11. Нарушение, представляющее собой составное деяние		16
II. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СВЯЗИ С ДЕЯНИЕМ ГОСУДАРСТВА ИЛИ ДРУГОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	25–44	16
Статья 12. Помощь или содействие в совершении международно-противоправного деяния		21
Статья 13. Руководство и контроль в совершении международно-противоправного деяния		22
Статья 14. Принуждение государства или другой международной организации		22
Статья 15. Действие предыдущих статей		22
Статья 16. Решения, рекомендации и санкции, адресованные государствам-членам и международным организациям		22

* Специальный докладчик благодарит за помощь, оказанную в подготовке настоящего доклада Стефано Дориго (кандидат на соискание степени доктора права, Пизанский университет), Паоло Палкетти (доцент, Мачератский университет) и Марком Тоуфеяном (кандидат на соискание степени магистра права, Нью-Йоркский университет).

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 78, No. 1021, p. 292.
Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) (Рим, 4 ноября 1950 года)	Ibid., vol. 213, No. 2889, p. 221.
Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	Ibid., vol. 999, No. 14668, p. 225.
Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 23 марта 1976 года)	Ibid., p. 315.
Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (Монреаль, 16 сентября 1987 года)	Ibid., vol. 1522, No. 26369, p. 53.

Работы, цитируемые в настоящем докладе

BALLADORE PALLIERI, G.

"Le droit interne des organisations internationales", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1969–II*. Leiden, Sijthoff, 1970. Vol. 127, pp. 1–38.

BARBERIS, Julio A.

"Nouvelles questions concernant la personnalité juridique internationale", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1983–I*. Vol. 179, pp. 145–304.

BERNHARDT, Rudolf

"Qualifikation und Anwendungsbereich des internes Rechts internationaler Organisationen", *Berichte der Deutschen Gesellschaft für Völkerrecht*, vol. 12, 1973, pp. 7–42.

CAHIER, Philippe

"Le droit interne des organisations internationales", RGDIP, vol. LXVII, 1963, pp. 563–602.

CARRERA HERNÁNDEZ, Francisco Jesús

Política pesquera y responsabilidad internacional de la Comunidad Europea. Salamanca, University of Salamanca, 1995.

COHEN-JONATHAN, Gérard

"Cour européenne des droits de l'homme et droit international général (2000)", AFDI, vol. XLVI, 2000, pp. 614–642.

CONZE, Albrecht

Die völkerrechtliche Haftung der Europäischen Gemeinschaft. Baden-Baden, Nomos, 1987. 98 p.

DAILLIER, Patrick and Alain PELLET

Droit international public. 7th ed. Paris, LGDJ, 2002.

DECLEVA, MATTEO

Il diritto interno delle unioni internazionali. Padua, CEDAM, 1962.

FOCSANEANU, Lazar

"Le droit interne de l'Organisation des Nations Unies", AFDI, vol. III, 1957, pp. 315–349.

FRANK, Daniel

Verantwortlichkeit für die Verletzung der Europäischen Menschenrechtskonvention durch internationale Organisationen. Basel, Helbing & Lichtenhahn, 1999.

HIRSCH, Moshe

The Responsibility of International Organizations toward Third Parties: Some Basic Principles. Vol. 20, *Legal Aspects of International Organization*. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1995.

KLEIN, Pierre

La responsabilité des organisations internationales dans les ordres juridiques internes et en droit des gens. Brussels, Bruylant/University of Brussels, 1998.

KUIJPER, P. J. and E. PAASIVIRTA

"Further exploring international responsibility: the European Community and the ILC's project on responsibility of international organizations", *International Organizations Law Review*, vol. 1, No. 1, 2004, pp. 111–138.

PELLET, Alain

"L'imputabilité d'éventuels actes illicites: responsabilité de l'OTAN ou des États membres", *in* Christian Tomuschat, ed., *Kosovo and the International Community: a Legal Assessment*. The Hague, Kluwer, 2002, pp. 193–202.

PÉREZ GONZALEZ, Manuel

"Les organisations internationales et le droit de la responsabilité", RGDIP, vol. XCII, 1988, pp. 63–102.

PITSCHAS, Christian

Die völkerrechtliche Verantwortlichkeit der Europäischen Gemeinschaft und ihrer Mitgliedstaaten. Berlin, Duncker & Humblot, 2001.

RITTER, Jean-Pierre

"La protection diplomatique à l'égard d'une organisation internationale", AFDI, vol. VIII, 1962, pp. 427–456.

SHIHATA, Ibrahim F. I.

"Human rights, development, and international financial institutions", *American University Journal of International Law and Policy*, vol. 8, No. 1, Fall 1992, pp. 27–37.

STEIN, Torsten

"Kosovo and the international community—the attribution of possible internationally wrongful acts: responsibility of NATO or of its member States?", *in* Christian Tomuschat, ed., *Kosovo and the International Community: a Legal Assessment.* The Hague, Kluwer, 2002, pp. 181–192.

TOMUSCHAT, Christian

"Liability for mixed agreements", *in* David O'Keeffe and Henry G. Schermers, eds., *Mixed Agreements.* Deventer, The Netherlands, Kluwer, 1983, pp. 125–132.

VACAS FERNÁNDEZ, Félix

La responsibilidad internacional de Naciones Unidas: Fundamento y Principales Problemas de su Puesta en Práctica. Madrid, Dykinson, 2002.

ZWANENBURG, Marten

Accountability of Peace Support Operations. Leiden, Martinus Nijhoff, 2005. 363 p.

Введение

1. В 2003 году Комиссия международного права в предварительном порядке приняла проекты статей 1–3[1], а в 2004 году – проекты статей 4–7[2] по теме "Ответственность международных организаций". Статьи 4–7 посвящены присвоению поведения международным организациям. Специальный докладчик по-прежнему придерживается высказанного в его предыдущем докладе[3] мнения, согласно которому Комиссии следует вновь рассмотреть уже принятые проекты статей до завершения первого чтения с учетом замечаний, представленных государствами и международными организациями.

2. Как отмечал Специальный докладчик в своем втором докладе об ответственности международных организаций[4], ряд международных организаций представили свои замечания и материалы в ответ на просьбу, с которой к ним обратился Юрисконсульт Организации Объединенных Наций по рекомендации Комиссии, сформулированной на ее сессии 2002 года[5]. Эти материалы собраны в документе A/CN.4/545[6]. К сожалению, до настоящего времени лишь небольшое количество материалов было добавлено в ответ на предложение, сформулированное Генеральной Ассамблеей в пункте 5 ее резолюции 58/77 от 9 декабря 2003 года, в которой она просила "государства и международные организации представить информацию, касающуюся их практики, имеющей отношение к теме «Ответственность международных организаций»".

3. Многочисленность и многообразие международных организаций и ограниченный характер существующей практики обусловливают сложность задачи, стоящей перед Комиссией. Комиссия рискует увязнуть в обсуждениях, которые могут показаться в основном теоретическими. Тем не менее данная тема, разумеется, вовсе не лишена практического значения. Не следует надеяться, что со временем ситуация выправится сама по себе. Прогресс в работе Комиссии должен побудить государства и международные организации представлять дальнейшие замечания и описывать соответствующую практику. Тем временем мнения, выражаемые государствами и международными организациями (хотя и весьма лаконично), по вопросам, поднятым Комиссией[7], представляют собой полезные ориентиры.

4. Как и два предыдущих доклада, настоящий доклад подготовлен в целом на основе проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния[8]. В нем рассматриваются вопросы, которые были отражены применительно к государствам в части первой, главы III–IV, вышеупомянутых статей. Так, поскольку второй доклад был посвящен вопросам присвоения поведения международным организациям, в настоящем докладе сначала рассматривается вопрос о наличии нарушения международного обязательства со стороны международной организации, а затем – ответственность международной организации в связи с деянием государства или другой организации.

[1] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), пункт 53, стр. 19.

[2] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 71, стр. 54

[3] Там же, том II (часть первая), документ A/CN.4/541, пункт 1, стр. 4.

[4] Там же, пункт 2.

[5] *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), пункты 464 и 488.

[6] Воспроизводится в *Ежегоднике.., 2004 год*, том II (часть первая).

[7] См. *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), глава III, пункт 25, стр. 16, по вопросам, касающимся темы настоящего доклада.

[8] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), пункт 76, стр. 26.

Глава I

Нарушение международного обязательства со стороны международной организации

5. Четыре статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния, которые включены в главу о нарушении международного обязательства[9], посвящены, соответственно, наличию нарушения международного обязательства, критерию действительности обязательства во время совершения деяния, времени, в течение которого длится нарушение, и нарушению, представляющему собой составное деяние. Все эти четыре статьи носят общий характер и, как представляется, отражают принципы, явно применимые к нарушению международного обязательства со стороны любого субъекта международного права. Например, в статье 13 говорится, что "[н]икакое деяние государства не является нарушением международно-правового обязательства, если это обязательство не связывает данное государство во время совершения деяния"[10], и хотя эта норма относится к государствам, она могла бы быть сформулирована аналогичным образом и в отношении нарушения международного обязательства любым другим субъектом международного права. Иными словами, данная формулировка останется вполне корректной, если слово "государство" будет заменено словами "международная организация". Такая же логика применима и в отношении трех других статей.

6. По вопросам, охватываемым в четырех статьях об ответственности государств в случае нарушения международного обязательства, Комиссии едва ли целесообразно придерживаться иного подхода в отношении международных организаций. Это относится также к формулировке норм, изложенных в этих статьях, которые поэтому будут идентичными вышеупомянутым формулировкам, за исключением замены указаний на государства указаниями на международные организации.

7. Изложенный выше вывод не означает, что применительно к нарушению международных обязательств со стороны международных организаций не должны рассматриваться какие-либо дополнительные вопросы, независимо от того, целесообразно ли в связи с этим подготавливать дополнительный текст. Речь идет либо о вопросах, отражающих специфику международных организаций, либо об особенно актуальных для них вопросах.

8. Как указывается в проекте статьи 3[11], противоправное деяние международной организации может состоять как в действии, так и в бездействии. Разумеется, бездействие представляет собой противоправное деяние, когда международная организация обязана совершить какое-либо позитивное действие, но не делает этого. Соблюдение обязанности такого типа может оказаться затруднительным для международной организации, если для совершения ею определенного действия требуется принятие необходимым большинством голосов в политическом органе организации соответствующего решения. Исходя из этого, Генеральный юрисконсульт МВФ выразил обеспокоенность в письме Секретарю Комиссии:

> Включение слова "бездействие" наряду со словом "действие" для возникновения ответственности организации также может создать определенные проблемы, которые могут и не возникать в ситуациях ответственности государств. Такое бездействие может возникать в результате осуществления процесса принятия решений в этой организации в соответствии с ее учредительным документом. Будет ли организация нести ответственность за непринятие мер, если такое непринятие является результатом правомерного осуществления ее полномочий со стороны ее государств-членов?[12]

9. Вместе с тем трудности, с которыми связано соблюдение этой нормы в процессе принятия политических решений, характерны не только для международных организаций. Кроме того, подобные трудности могут возникать также тогда, когда требуемым деянием является именно бездействие. В любом случае, было бы нелогично исходить из того, что на международную организацию не может быть возложена юридическая обязанность совершать позитивные действия, ибо, несомненно, имеется немало примеров заключенных международными организациями договоров, в которых предусмотрена такая обязанность[13].

10. Обязанность такого рода вполне может возлагаться на международную организацию также в соответствии с общими нормами международного права. В качестве примера можно привести неспособность Организации Объединенных Наций предотвратить геноцид в Руанде[14]. Если исходить из того, что общие нормы международного права, равно как и Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него,

---

[9] Там же, статьи 12–15, стр. 27–28.

[10] Там же, стр. 28.

[11] См. сноску 1, выше.

[12] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/545, раздел D2, пункт 4, стр. 31.

[13] Возможность того, что противоправное деяние Европейского сообщества может состоять в бездействии, было отмечено в Conze, *Die völkerrechtliche Haftung der Europäischen Gemeinschaft*, p. 56.

[14] Неспособность Организации Объединенных Наций пресечь геноцид в Руанде была отмечена в докладе комиссии по проведению независимого расследования деятельности Организации Объединенных Наций в период геноцида в Руанде в 1994 году (S/1999/1257, добавление), стр. 36–40. Аналогичную оценку событий, связанных с падением Сребреницы, см. в докладе Генерального секретаря, представленном во исполнение резолюции 53/35 Генеральной Ассамблеи (A/54/549), стр. 154.

требуют от государств и других образований предотвращать геноцид и что Организация Объединенных Наций была в состоянии предотвратить геноцид, то бездействие должно квалифицироваться как нарушение международного обязательства. Трудности, связанные с процессом принятия решения, не могут оправдать Организацию Объединенных Наций.

11. Необходимо поднять еще один вопрос, который касается таких организаций, как Европейское сообщество или Европейский союз, которые имеют полномочия заключать с государствами, не являющимися их членами, договоры, осуществление которых обеспечивают затем власти государств-членов.

12. По мнению Европейской комиссии,

> Особое положение Европейского сообщества и других потенциально сходных с ним организаций можно учесть в проекте статей, предусмотрев в них специальные правила о присвоении поведения (по которым действия органов государств-членов могли бы присваиваться организации), особые правила об ответственности (по которым ответственность могла бы присваиваться организации, даже если органы государств-членов являются главными нарушителями одного из обязательств организации), либо специальное исключение или защитительную оговорку для таких организаций, как Европейское сообщество[15].

Данный подход был одобрен коллегией ВТО в деле *European Communities—Protection of Trademarks and Geographical Indications for Agricultural Products and Foodstuffs*, когда коллегия:

> согласилась с разъяснением Европейских сообществ в отношении того, что именно является их внутренними учредительными договоренностями sui generis, в соответствии с которыми правовые нормы Сообщества, как правило, не осуществляются через органы на уровне Сообщества, а реализуются путем обращения в органы его государств-членов, которые в такой ситуации "действуют в качестве органов де−факто Сообщества, за действия которых Сообщество несет ответственность по нормам, регулирующим деятельность ВТО, и международному праву в целом"[16].

Если следовать тому же подходу, то поведение государств-членов должно присваиваться Европейскому сообществу, даже если это не следует из общих норм о присвоении, поскольку нельзя утверждать, что государства-члены предоставили в распоряжение Сообщества для этой цели один из своих органов[17]. Как правило, государства-члены могут обеспечивать осуществление по своему усмотрению через те государственные органы, которые остаются под контролем государства.

13. Существуют и другие способы рассмотрения вопроса об осуществлении государствами договоров, заключенных организацией, членом которой они являются. Эти способы не связаны с проблемами присвоения ответственности, а скорее имеют отношение к содержанию нарушенного обязательства. Во-первых, организация может быть обязана принимать необходимые меры для обеспечения определенного поведения своих государств-членов. В этом случае поведение, избранное государством-членом, не является само по себе противоправным в соответствии с договором; оно лишь дает организации возможность выполнить свое обязательство или не выполнять его[18]. Поведение государств-членов может приводить к нарушению другого обязательства. Как указывается в комментарии к статьям об ответственности государств в отношениях между государствами,

> от государства в силу его собственных международных обязательств может требоваться предотвращение определенного поведения со стороны другого государства или по крайней мере предотвращение того ущерба, который мог бы возникнуть в результате такого поведения. Так, основанием для установления ответственности Албании в деле *Corfu Channel* стал тот факт, что она не предупредила Соединенное Королевство о наличии в албанских водах мин, установленных третьим государством. В данных обстоятельствах ответственность Албании носила первичный характер и не была связана с противоправным поведением какого-либо другого государства[19].

Организация может оказаться в том же положении, что и Албания.

14. Вторым возможным объяснением является то, что обязательство международной организации касается достижения определенного результата, независимо от того, какая сторона осуществляет поведение, необходимое для достижения этой цели. Так, например, Европейское сообщество может быть обязано обеспечить результат, который может быть достигнут государствами-членами; в соответствии с нормами, регулирующими деятельность организации, государства-члены могут даже быть единственными имеющими право осуществлять соответствующую деятельность сторонами. Эта возможность была признана Европейским судом в деле *Parliament* v. *Council* в отношении договора о сотрудничестве, который был заключен между Европейским сообществом и его государствами-членами, с одной стороны, и несколькими государствами, не являющимися членами, с другой стороны. Суд определил, что:

> В данных обстоятельствах в отсутствие прямо установленных Конвенцией исключений Сообщество и его государства-члены в качестве партнеров государств Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона несут совместную ответственность перед этими последними государствами за выполнение каждого из при-

---

[15] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 21-е заседание, пункт 18. Это же мнение было выражено в работе Kuijper and Paasivirta, “Further exploring international responsibility: the European Community and the ILC’s project on responsibility of international organizations”, p. 127.

[16] WT/DS174R от 15 марта 2005 года. Жалоба была подана Соединенными Штатами Америки.

[17] Что касается осуществления договоров, заключенных Европейским сообществом, то в Klein, *La responsabilité des organisations internationales dans les ordres juridiques internes et en droit des gens* p. 385, отмечается, что на практике, как правило, трудно доказать, что государственные органы действовали как агенты Сообщества.

[18] Существующее мнение, согласно которому, если осуществление договора, заключенного организацией, является обязанностью ее государств-членов, присвоение ответственности организации не обязательно основывается на присвоении ей поведения органов таких государств, отражено также в Pitschas, *Die völkerrechtliche Verantwortlichkeit der Europäischen Gemeinschaft und ihrer Mitgliedstaaten*, p. 255.

[19] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), пункт 4 комментария к главе IV, стр. 74–75.

нятых на себя обязательств, включая обязательства, касающиеся финансовой помощи[20].

Что касается соглашений, заключаемых с государствами, не являющимися членами Европейского сообщества, исключительно Европейским сообществом, то причина, по которой Сообщество берет на себя обязательства рассматриваемого вида, состоит в том, что, хотя государства-члены не приобретают никаких обязательств по отношению к государствам, не являющимся по этим соглашениям членами Сообщества, они обязаны обеспечивать их соблюдение в соответствии с законодательством Сообщества. Как было отмечено Европейским судом в деле *Demirel*:

обеспечивая выполнение обязательств, вытекающих из любого соглашения, заключенного учреждениями Сообщества, государства-члены выполняют в системе Сообщества обязательство по отношению к Сообществу, которое взяло на себя ответственность за выполнение соглашения[21].

15. Представляется нецелесообразным уточнять в проекте статей возможность наличия видов обязательств, о которых идет речь в предыдущих пунктах, точно так же, как это не было сочтено необходимым при подготовке статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Как очевидно, во многих случаях государства обязаны контролировать поведение физических лиц или других образований. Государства могут также быть обязаны обеспечивать достижение определенного результата. Цитируемое выше решение по делу *Parliament* v. *Council*[22], касается как Европейского сообщества, так и его государств-членов. Ситуация нарушения обязательства для достижения определенного результата, как представляется, подразумевает возможность исключения из общего принципа, который был сформулирован в проекте статьи 3 и согласно которому международно-противоправное деяние подразумевает противоправное поведение организации. Тем не менее общие принципы сформулированы не как нормы, не допускающие отступлений. Еще одной причиной нецелесообразности отражения в качестве отдельного положения в проекте статей ситуации с обязательством, предусматривающим достижение определенного результата, состоит в том, что эта возможность имеет практическое значение лишь для ограниченного числа международных организаций, главным образом тех, в которых, как в Европейском сообществе, от государств-членов требуется выполнять обязательства, которые организация взяла на себя перед государствами, не являющимися членами, и в которых поэтому соблюдение существующих обязательств организации может обеспечиваться с помощью норм, регулирующих деятельность организации.

16. В настоящих проектах статей рассматриваются нарушения только тех обязательств, которые налагает на международные организации международное право. Хотя не вызывает сомнений то, что эти обязательства могут включать обязательства по отношению к государствам-членам и агентам[23], может возникнуть вопрос, относятся ли обязательства, вытекающие из норм организации, к международному праву.

17. В проекте статьи 4 для целей разработки общей нормы о присвоении поведения было сформулировано определение "правил организаций". Как указывается в комментарии к данной статье, в связи с тем, что это определение имеет значение также для других положений, на более позднем этапе первого чтения определение может быть перемещено в текст проекта статьи 2 "Употребление терминов"[24]. С учетом конкретного назначения проекта статьи 4 представляется нецелесообразным рассматривать на этом этапе вопрос о том, следует ли считать правило организации частью международного права. Даже если они не будут сочтены таковыми, в любом случае они будут иметь международно-правовое значение благодаря референции общей правовой нормы о присвоении поведения.

18. Вопрос о юридической природе правил организации вызывает противоречия. Согласно одному мнению, эти правила являются частью международного права, поскольку они основаны на договоре или другом документе, на который распространяется действие международного права[25]. Эта точка зрения была отражена в заявлениях Франции и Российской Федерации в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи[26]. Сходного мнения придерживается Юрисконсульт ВОИС говоря, что отношения между международной организацией и входящими в нее государствами-членами и между международной организацией и ее агентами должны, как правило, регулироваться международным правом, составной частью которого являются правила организации[27].

---

[20] *European Parliament* v. *Council of the European Union*, Judgment of 2 March 1994, case C–316/91, *Reports of Cases before the Court, 1994–3*, pp. I–661–662 (recital 29). Как утверждается в Tomuschat, “Liability for mixed agreements”, p. 130:

"Даже в случае смешанного соглашения его признание обычно означает, что все договаривающиеся стороны становятся членами со всеми правами и обязанностями, вытекающими из всего текста договоренности. Таким образом, Сообщество и его государства-члены несут совместную ответственность за осуществление смешанных соглашений".

[21] *Meryem Demirel* v. *Stadt Schwäbisch Gmünd*, Judgment of 30 September 1987, case 12/86, *Reports of Cases before the Court, 1987–8*, p. 3751 (recital 11).

[22] См. сноску 20, выше.

[23] Это соображение было подчеркнуто в заявлениях Китая (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 21-е заседание, пункт 41), Бельгии (там же, 22-е заседание, пункты 74–75), Кубы (там же, 23-е заседание, пункт 25) и Мексики (там же, пункт 27).

[24] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая) пункт 14 комментария к проекту статьи 4.

[25] Теория, в соответствии с которой "правила организации" являются частью международного права, была, в частности, подробно изложена в Decleva, *Il diritto interno delle unioni internazionali* и Balladore Pallieri, “Le droit interne des organisations internationales”. Недавнее подтверждение этой точки зрения см. в работе Daillier and Pellet, *Droit international public*, pp. 576–577.

[26] Заявления Франции (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 22-е заседание, пункт 11) и Российской Федерации (там же, 23-заседание, пункт 23).

[27] Неопубликованное письмо от 19 января 2005 года на имя Юрисконсульта Организации Объединенных Наций.

19. Ряд авторов придерживаются иной позиции. Они признают, что источником правил организации является документ, на который распространяется действие норм международного права, но при этом указывают, что внутренняя система организации отделена от международного права и похожа на внутреннее право государства[28]. Отсюда следует, что в настоящем проекте статей не нужно охватывать обязательства, вытекающие из правил организаций. Хотя эта точка зрения не была конкретно одобрена в ходе обсуждений в Шестом комитете, высказывались предложения, в соответствии с которыми в проектах статей не следует рассматривать нарушения обязательств организации перед ее агентами[29], а в одном заявлении предлагалось исключить также нарушения обязательств перед ее государствами-членами[30]. Однако целью этих предложений может быть лишь ограничение сферы действия проектов статей, поскольку, как представляется, они охватывают также обязательства, которые международная организация может иметь по отношению к своим агентам и к своим государствам-членам в соответствии с правилами, которые не относятся к правилам организации: например, обязательства, вытекающие из общих норм международного права, касающихся прав человека.

20. На первый взгляд, вторую точку зрения, возможно, подтверждает мнение МС по делу *Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt*, в котором Суд заявил:

> Международные организации являются субъектами международного права и, как таковые, обязаны выполнять любые обязательства, распространяющиеся на них в соответствии с общими нормами международного права, в соответствии с их учредительными документами или международными соглашениями, участниками которых они являются[31].

Тем не менее, хотя Суд и не упомянул о других правилах организации, помимо его учредительного документа, вопрос о таких правилах не ставился. При рассмотрении Судом резолюций Совета Безопасности, например в деле *Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie*, обязательства в соответствии с резолюцией были сочтены имеющими преимущественную силу над обязательствами по договору и, по крайней мере имплицитно, имеющими такую же международно-правовую природу, что и обязательства по международному праву[32]. Таким образом, можно заключить, что, по мнению МС, правила организации представляют собой часть международного права, по крайней мере в том, что касается Организации Объединенных Наций.

21. Вполне возможно, что юридический характер правил организации зависит от самой организации. Так, хотя в большинстве организаций соответствующие правила по−прежнему связаны с их учредительным международно-правовым документом, некоторые организации, по всей видимости, создали систему права, отличающуюся от международного права. В качестве примера организации последнего типа можно привести Европейское сообщество, которому Европейский суд дал следующее определение в деле *Costa* v. *E.N.E.L.* в 1964 году:

> В отличие от обычных международных договоров Договор об образовании ЕЭС породил отдельную правовую систему, которая после вступления в силу Договора стала составной частью правовых систем государств-членов и которую их суды обязаны применять.
>
> Создав Сообщество и не определив срок действия его мандата и снабдив его собственными институтами, правосубъектностью, правоспособностью и правом представительства на международной арене и, в более конкретном плане, реальными полномочиями, вытекающими из ограничения суверенитета или передачи полномочий государств Сообществу, государства-члены ограничили свои суверенные права, хотя и в ограниченном количестве областей, и тем самым создали свод норм, которыми должны руководствоваться как их граждане, так и они сами[33].

22. Если воспользоваться этим подходом, то в начале проекта статей можно было бы указать, что их сфера охвата включает нарушения обязательств, вытекающих из правил организации, в той мере, в какой эти правила остаются по своему характеру нормами международного права. Хотя включение в проект статей утверждения о том, что нарушение международного обязательства может касаться обязательства, предусмотренного правилами организации, может показаться избыточным, это уточнение принесло бы определенную пользу с учетом важнейшей роли, которую правила организации играют в жизни любой организации. Таким образом, можно было бы добавить в тексте проекта первой статьи пункт о нарушении обязательств. Однако формулировка этого пункта должна быть достаточно гибкой,

---

[28] В числе авторов, отстаивающих эту точку зрения: Focsaneanu, “Le droit interne de l’Organisation des Nations Unies”, Cahier, “Le droit interne des organisations internationales”, and Barberis, “Nouvelles questions concernant la personnalité juridique internationale”, pp. 222–225. Концепция разграничения международного права и внутреннего права международных организаций поддерживается также в Bernhardt, “Qualifikation und Anwendungsbereich des internes Rechts internationaler Organisationen”.

[29] Заявления Австрии (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 22-е заседание, пункт 22), Бельгии (там же, пункт 73) и Греции (там же, 23-заседание, пункт 42).

[30] Там же, 22-е заседание, заявление Сингапура, пункт 56.

[31] *Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1980*, pp. 89–90, para. 37.

[32] *Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya* v. *United States of America), Provisional Measures, Order of 14 April 1992, I.C.J. Reports 1992*, p. 126, para. 42. В постановлении Суда резолюция Совета Безопасности упоминается в следующем контексте:

> "принимая во внимание, что Суд, рассматривающий дело на стадии слушаний по вопросу об определении временных мер, считает, что такое обязательство prima facie распространяется на решение, содержащееся в резолюции 748 (1992); и принимая во внимание, что в соответствии со статьей 103 Устава обязательства сторон в этом отношении имеют преимущественную силу перед их обязательствами по любому другому международному соглашению, включая Монреальскую конвенцию".

[33] *Flaminio Costa* v. *E.N.E.L.*, Judgment of 15 July 1964, case 6/64, *Reports of Cases before the Court*, vol. X (1964), p. 593.

чтобы допускать исключения в отношении тех организаций, чьи правила более не могут рассматриваться в качестве элемента международного права.

23. Независимо от того, считаются ли правила организации частью международного права, они могут включать в себя конкретные положения о нарушениях обязательств, в том числе установлении самого факта нарушения. В проект статей следует включить положения о существовании специальных норм. Вместе с тем для этой цели может оказаться достаточно включения одного заключительного положения, охватывающего все аспекты.

24. Исходя из вышеизложенных соображений, в четырех проектах статей следует учесть возможность нарушения международного обязательства. Предлагаются следующие формулировки:

"***Статья 8. Наличие нарушения международного обязательства***

1. Нарушение международной организацией международного обязательства имеет место, когда деяние данной международной организации не соответствует тому, что требует от нее данное обязательство, независимо от его происхождения или характера.

2. Предшествующий пункт распространяется также в принципе на нарушение обязательства, установленного правилом организации.

Статья 9. Международное обязательство, находящееся в силе для международной организации

Никакое деяние международной организации не является нарушением международного обязательства, если это обязательство не связывает данную международную организацию во время совершения деяния.

Статья 10. Продолжительность нарушения международного обязательства

1. Нарушение международного обязательства деянием международной организации, не носящим длящегося характера, происходит в момент совершения деяния, даже если его последствия продолжаются.

2. Нарушение международного обязательства деянием международной организации, носящим длящийся характер, продолжается в течение всего срока длительности деяния и остается несоответствующим международному обязательству.

3. Нарушение международного обязательства, требующего от международной организации предотвратить определенное событие, происходит в момент, когда происходит данное событие, и продолжается в течение всего срока длительности этого события и остается несоответствующим этому обязательству.

Статья 11
Нарушение, представляющее собой составное деяние

1. Нарушение международной организацией международного обязательства посредством серии действий или бездействия, определяемых в совокупности как противоправные, происходит в момент, когда происходит то действие или бездействие, которое, взятое вместе с другими действиями или бездействием, является достаточным, чтобы составить международно-противоправное деяние.

2. В этом случае нарушение продолжается в течение всего периода, начинающегося с первого из действий или бездействия в данной серии, и длится до тех пор, пока такие действия или бездействие повторяются и остаются несоответствующими международному обязательству".

ГЛАВА II

Ответственность международной организации в связи с деянием государства или другой организации

25. В главе IV части первой проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния предусмотрены определенные случаи, в которых государство считается ответственным за поведение, которое можно присвоить другому государству[34]. В статьях 16–18 этой главы указаны случаи, когда государство "помогает или содействует" другому государству или "руководит другим государством и осуществляет контроль над ним в совершении последним международно-противоправного деяния", либо "принуждает другое государство к совершению какого-либо деяния, если такое деяние в случае отсутствия принуждения являлось бы международно-противоправным деянием принуждаемого государства". Ответственность государства, которое помогает или содействует, руководит и осуществляет контроль или принуждает другое государство, признается при условии осознания обстоятельств международно-противоправного деяния. Дополнительным условием присвоения

[34] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), пункт 76, стр. 26.

ответственности является связанность обоих государств нарушенным обязательством. Это последнее условие не указано в отношении принуждающего государства.

26. Хотя в статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния прямо не предусмотрено, что государства могут помогать или содействовать, руководить или осуществлять контроль или принуждать международную организацию к совершению международно-противоправного деяния, как представляется, эти случаи аналогичны случаям, о которых идет речь в вышеупомянутых статьях[35]. Даже если данный проект, как указано в пункте 2 статьи 1, распространяется также на "международную ответственность государства за международно-противоправное деяние международной организации"[36], представляется нецелесообразным включать в проект положение, имеющее целью расширить сферу охвата статей 16–18 об ответственности государств для учета случаев, когда сторона, которой оказывается помощь или содействие, которой осуществляется руководство и над которой осуществляется контроль или которая принуждается государством, представляет собой не другое государство, а международную организацию. Эта экстраполяция легко достигается путем проведения аналогии со статьями, касающимися ответственности государств. Представляется предпочтительным отложить для дальнейшего анализа, который будет конкретно посвящен проблеме международной ответственности государств за поведение организации, членами которой они являются[37], вопрос о том, распространяются ли случаи, предусмотренные в вышеупомянутых статьях, также на государства, действующие в качестве членов в рамках международной организации[38].

27. В настоящем проекте статей необходимо отразить случаи, когда международная организация помогает или содействует, руководит или осуществляет контроль или принуждает другую организацию или государство к совершению международно-противоправного деяния. Нет никаких оснований для разграничения для целей международной ответственности случаев, например, государства, помогающего другому государству, и организации, помогающей другой организации или государству в совершении международно-противоправного деяния[39]. То же самое в целом относится и к случаям руководства и осуществления контроля и к случаю принуждения. Данное утверждение, как представляется, подразумевает целесообразность принятия формулировок, сходных со статьями об ответственности государств. Как отмечалось в главе I настоящего доклада в отношении нарушения международного обязательства, существует мало оснований для изменения уже принятых формулировок статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, за исключением замены указания на государство, которое будет нести международную ответственность, указанием на международную организацию. То же самое должно относиться и к положению в статьях об ответственности государств (статья 19), с тем чтобы настоящая глава "не затрагивала международной ответственности на основании других положений этих статей, государства, которое совершает соответствующее деяние, ни любого другого государства"[40]. В этом случае необходимо заменить указание на государства указанием на международные организации.

28. Практика, относящаяся к международной ответственности международных организаций в случаях такого характера, является ограниченной. Тем не менее нельзя полностью исключать вероятность случаев, в которых ответственность международной организации может возникать в обстоятельствах, соответствующих тем, которые были предусмотрены в отношении государств. Например, международная организация может нести ответственность за оказание государству помощи посредством финансовой поддержки или иным путем в осуществлении проекта, который приводит к нарушению прав человека определенных затрагиваемых физических лиц[41]. Если считать. что Международные силы безопасности в Косово (КФОР) являются международной организацией, то пример руководства и осуществления контроля со стороны организации в совершении предположительно противоправных деяний был приведен правительством Франции в заявленных им предварительных возражениях от 5 июля 2000 года в деле *Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro* v. *France*, где оно отметило в отношении СДК: "НАТО несет ответственность за "руководство" СДК, а Организация Объединенных Наций − за "контроль" над ними"[42]. В качестве гипотетического примера принуждения можно привести ситуацию, в которой международная финансовая организация требует соблюдения строгих условий при предоставлении существенно важного займа, тем самым принуждая получающее заем госу-

---

[35] См. Klein, op. cit., pp. 468–469.

[36] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 71, стр. 54.

[37] Этому вопросу будет посвящен четвертый доклад об ответственности международных организаций.

[38] Данный вопрос недавно рассматривался в Zwanenburg, *Accountability of Peace Support Operations*, pp. 121–123.

[39] В докладе под названием "Ответственность международных организаций", который был представлен на Берлинской конференции 2004 года Ассоциацией международного права, содержалось следующее положение:

> "Международная организация также совершает международно-противоправное деяние, когда она помогает или содействует государству или другой международной организации в совершении международно-противоправного деяния этим последним государством или организацией".

(*International Organizations Law Review*, vol. 1 (2004), p. 258)

[40] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), пункт 76, стр. 28.

[41] В Shihata, "Human rights, development, and international financial institutions", p. 35, был рассмотрен другой случай, а именно заем, непосредственно не предназначенный для проекта, с которым сопряжено нарушение прав человека, и сделан вывод, что "соглашение о предоставлении займа стране, которая нарушает такие права, само по себе не является нарушением какой-либо нормы защиты прав человека, либо, в данном случае, попустительством нарушениям таких прав".

[42] *I.C.J. Pleadings* (еще не опубликованы). Аналогичная точка зрения применительно к отношениям между Организацией Североатлантического договора и СДК была высказана в Pellet, "L'imputabilité d'éventuels actes illicites: responsabilité de l'OTAN ou des États membres", p. 199.

дарство нарушать свои обязательства по отношению к другому государству или определенным физическим лицам. В своем письме в адрес Управления по правовым вопросам Организации Объединенных Наций Генеральный юрисконсульт МВФ сослался на "сообщения о том, что МВФ был назван одним из ответчиков в судебном иске, возбужденном в Румынии профсоюзной организацией, которая пожаловалась на то, что МВФ навязал экономическую политику, приведшую к обнищанию румын"[43].

29. В практической юриспруденции имеется значительное количество разнообразных случаев, когда затрагивается вопрос ответственности международной организации за поведение ее членов. Такие случаи, как представляется, невозможно полностью отнести к какой-либо одной из трех категорий, охватываемых статьями 16–18 об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

30. Когда международная организация имеет право принимать решения, имеющие обязательную силу для государств-членов, осуществление таких решений государствами-членами может приводить к возникновению противоправного деяния. Если государства-члены имеют при этом достаточную свободу действий для того, чтобы выполнить такое решение, не нарушая международное обязательство, организация не может считаться ответственной за противоправное деяние[44]. Этим, вероятно, объясняется то, почему в связи с иском о возмещении расходов по грузообработке, понесенных компанией в ходе инспекции судна, которая проводилась в порту Джибути в период действия эмбарго на поставки оружия в Сомали, помощник Генерального секретаря, Департамент по операциям по поддержанию мира, утверждал:

> Ответственность за соблюдение эмбарго, введенного Советом Безопасности, лежит на государствах-членах, которые соответственно, отвечают за оплату расходов, связанных с конкретным действием, необходимым, по их мнению, для того, чтобы обеспечить соблюдение эмбарго[45].

31. Иной сценарий возник бы, если бы санкционированное поведение с необходимостью предполагало совершение противоправного деяния. В этом случае также наступала бы ответственность организации. Как указывалось в заявлении Дании, сделанном от имени пяти стран Северной Европы:

> представляется важным определить момент, начиная с которого можно считать, что у государства-члена оказалось столь мало "возможностей для маневра", что было бы неразумно привлекать исключительно его к ответственности за определенное поведение[46].

Возможное наличие ответственности организации, как представляется, зависит от того, действительно ли имеющее обязательную силу решение организации требует совершения противоправного деяния, либо такое противоправное деяние является лишь одним из возможных вариантов выполнения решения, из которых государство-член может выбирать[47].

32. Применение вышеупомянутого критерия в конкретных случаях может оказаться затруднительным. Примером такой ситуации может служить рассматриваемое Европейским судом по правам человека дело *Босфор*[48]. Это дело связано с арестом летательного аппарата властями Ирландии во исполнение постановления Европейского сообщества, принятого для выполнения резолюции Совета Безопасности. Правительство Ирландии утверждало, что оно всего лишь действовало в качестве агента Европейского сообщества и косвенно Организации Объединенных Наций, тогда как истец утверждал, что государство-ответчик сохраняло в том, каким образом оно осуществляло свои обязательства перед Европейским сообществом, определенную степень гибкости в плане соблюдения прав человека и свободы действовать соответствующим образом и что

---

[43] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/545, раздел I.2, пункт 2. Как указывается в приложении к письму, в апреле 2002 года "апелляционный суд Бухареста отказался признать свою компетенцию" (там же, приложение, дополнение 71).

[44] Такая ситуация возникла бы, если бы "просьба международной организации сама по себе не содержала призыв к неправомерному поведению, которое осуществило государство-член" (заявление Российской Федерации, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 23-е заседание, пункт 23). В заявлении Франции (там же, 22- заседание, пункт 13) шла речь о том, "насколько широкую свободу действий получило государство согласно просьбе организации". В докладе Ассоциации международного права (см. сноску 39, выше) на стр. 261 англ. текста имеется следующее замечание:

> "Государство-член будет нести отдельную ответственность за осуществление правомерного деяния международной организации, если государство в процессе такого осуществления нарушает нормы международного права, которые оно обязано соблюдать".

[45] *Юридический ежегодник Организации Объединенных Наций, 1995 год* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.01.V.1), стр. 495. Обыск проводился властями Джибути и Соединенных Штатов и не привел к обнаружению каких-либо запрещенных товаров.

[46] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 22-е заседание, пункт 66. См. также цитату из доклада Ассоциации международного права.

[47] B Ritter, “La protection diplomatique à l’égard d’une organisation internationale”, p. 441) и в Klein, op. cit., p. 386, p. 386, утверждается, что организация не понесет ответственности, если государство-член выполнило решение организации в соответствии с ее собственными инструкциями и под ее контролем. В Frank, *Verantwortlichkeit für die Verletzung der Europäischen Menschenrechtskonvention durch internationale Organisationen*, p. 275, придается значение элементу выбора, который может быть у государства-члена при осуществлении имеющего обязательную силу решения организации. Кроме того, в Stein, “Kosovo and the international community—the attribution of possible internationally wrongful acts: responsibility of NATO or of its member States?”, p. 184) говорится, что, когда "организация предписывает или приказывает своим членам выполнить решение организации, ключевым фактором… для определения ответственности за имплементирующее деяние является то, в какой мере члены организации имели свободу действий в выборе средства осуществления решения". При рассмотрении этого вопроса с точки зрения ответственности государств-членов, в Hirsch, *The Responsibility of International Organizations toward Third Parties: Some Basic Principles*, p. 87) и в Vacas Fernández, *La responsabilidad internacional de Naciones Unidas: Fundamento y Principales Problemas de su Puesta en Práctica*, p. 120) также придается особое значение критерию свободы выбора.

[48] *Bosphorus Hara Yollari Turizm ve Ticaret AS* v. *Ireland*, application No. 45036/98.

осуществление могло включать в себя такие более традиционные меры, как требование компенсации. В своем решении о приемлемости заявления Суд отложил принятие решения по данному вопросу:

> Суд должен… рассмотреть, можно ли считать оспариваемые деяния подпадающими под юрисдикцию Ирландии по смыслу статьи 1 Конвенции, если это государство утверждает, что оно было обязано принять меры в соответствии с непосредственно действующим и обязательным положением Европейского сообщества.
>
> Вместе с тем Суд считает, что он не располагает существенной информацией для вынесения решения по данному делу[49].

33. Следует отметить, что в этом решении Европейский суд по правам человека предусмотрел лишь освобождение от ответственности данного государства и не рассматривал вопрос об ответственности международной организации. Это очевидно объясняется отсутствием у Суда компетенции ratione personae в отношении любой стороны, помимо государств − участников Европейской конвенции о правах человека. По этой же причине Европейская комиссия по правам человека также не смогла рассмотреть вопрос об ответственности Европейского сообщества в деле *M. & Co.* v. *the Federal Republic of Germany* [50], а Европейский суд – принять решение в деле *Cantoni* v. *France* [51], *деле Matthews* v. *the United Kingdom*[52] и деле *Senator Lines GmbH* v. *Austria, Belgium, Denmark, Finland, France, Germany, Greece, Ireland, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Portugal, Spain, Sweden and the United Kingdom*[53]. Аналогичным образом, Комитет по правам человека заявил, что сообщение, касающееся поведения Европейского патентного бюро, является неприемлемым, поскольку

> не может истолковываться как входящее в юрисдикцию Нидерландов или любого другого государства – участника Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему[54].

Еще одним случаем, когда предположительно противоправное поведение было санкционировано международной организацией, однако вопрос об ответственности этой организации вряд ли будет изучаться, связан с предстоящим разбирательством в Совете ИКАО вопроса о стандартах шума для летательных аппаратов. Совет не уполномочен рассматривать вопрос об ответственности Европейского сообщества, хотя государства-члены, против которых подано заявление, всего лишь осуществляют постановление Европейского сообщества[55].

34. Вопросы ответственности Европейского сообщества за поведение государств-членов обсуждались Европейским судом. Однако решения этого Суда по данному вопросу не имеют столь важного значения для целей настоящего доклада, поскольку анализ был произведен исключительно на основе законодательства Европейского сообщества и отразил тенденцию к присвоению ответственности лишь одной из сторон: той стороне, которая в данном случае была сочтена совершившей без какого-либо принуждения противоправное деяние. Так, в деле *Krohn & Co.* v. *Commission of the European Communities* Суд постановил, что:

> противоправное поведение, на которое ссылается заявитель в обоснование своего требования о компенсации, должно присваиваться не федеральному учреждению (Bundesanstalt), которое обязано выполнять инструкции Комиссии, а самой Комиссии[56].

Такой же подход применительно также к отношениям между Европейским сообществом и Организацией Объединенных Наций был использован Судом первой инстанции в его решении по делу *Dorsch Consult* v. *Council and Commission*. Этот Суд заявил:

> приводимый ущерб в конечном итоге не может быть обусловлен правилом № 2340/90, а должен быть обусловлен (что фактически Совет и утверждает) резолюцией № 661 (1990) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, которой было введено эмбарго на торговлю с Ираком[57].

Единственным результатом этого решения было освобождение Европейского сообщества от ответственности по законодательству Европейского сообщества.

---

[49] Ibid., decision as to the admissibility of application No. 45036/98, (13 September 2001). Резюме аргументации сторон заимствовано из текста решения. Мнение, согласно которому дело *Босфор* главным образом посвящено тому, каким образом государство-ответчик выполнило меру, предписанную Сообществом, см. в Cohen-Jonathan, "Cour européenne des droits de l'homme et droit international général (2000)", pp. 619–620.

[50] Application No. 13258/87, decision of 9 February 1990, *Decisions and Reports*, vol. 64, p. 138.

[51] *Reports of Judgments and Decisions*, No. 20 (1996–V), Judgment of 15 November 1996, p. 1614. Это дело связано с предполагаемым нарушением французским статутом, посредством которого осуществляются директивы Европейского сообщества, принципа, согласно которому только закон может определять состав преступления (nullum crimen sine lege). Согласно соответствующей директиве вводить штрафные санкции было не обязательно. В любом случае, Суд решил, что этот принцип нарушен не был.

[52] Ibid., application No. 24833/94, Judgment of 18 February 1999 (1999–I), p. 251. Суд решил, что значимым документом был не "«обычный» акт Сообщества, а… договор, входящий в правопорядок Сообщества" (p. 266, para. 33). Суд также отметил (p. 265, para. 32), что: "акты ЕС как таковые не могут оспариваться в Суде, поскольку ЕС не является одной из договаривающихся сторон".

[53] Ibid., Grand Chamber, application No. 56672/00 (2004–IV), decision of 10 March 2004, p. 331.

[54] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок вторая сессия, Дополнение № 40*, сообщение № 217/1986, *H.v.d.P.* v. *the Netherlands*, решение от 8 апреля 1987 (A/42/40), приложение IX C, пункт 3.2.

[55] См. "Oral statements and comments on the US response", представленные 15 ноября 2000 года от имени государства – члена Европейского союза, *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/545, приложение, дополнение 18.

[56] *Reports of Cases before the Court of Justice and the Court of First Instance* (1986–2), case 175/84, Judgment of 26 February 1986, p. 768, para. 23. Подход Европейского суда к распределению ответственности путем ее присвоения либо Европейскому сообществу, либо государству-члену, но не обеим сторонам, даже когда имеются основания для одновременного присвоения ответственности, был отмечен в Pérez González, "Les organisations internationales et le droit de la responsabilité", p. 89.

[57] *Reports of Cases before the Court of First Instance* (1998–3/4), Judgment of 28 April 1998, case T–184/95, p. 694, para. 73.

35. Хотя вопрос об ответственности международной организации за поведение, требуемое этой организацией от своих государств-членов, не рассматривался судебными или иными органами ни в одном из нескольких дел, упомянутых в предыдущих пунктах, этот вопрос явно имеет важное значение и должен быть рассмотрен в настоящей работе. Одним из возможных решений являлось бы присвоение международной организации ответственности в том случае, если она осуществляет руководство и контроль при совершении государством-членом противоправного деяния. Понятие контроля было бы в этом случае расширено и охватывало бы "нормативный" контроль[58]. Это не соответствовало бы мнению Комиссии, отраженному в ее комментарии к проекту статьи 17 об ответственности государств за международно-противоправные деяния, где формулировка "руководит и осуществляет контроль" интерпретируется как означающая фактический контроль. Тогда Комиссия заявила:

> слова "осуществляет контроль" относятся к случаям решающего влияния в отношении совершения противоправного деяния, а не просто к осуществлению общего наблюдения и тем более не к случаям простого влияния или какой−либо связанности. Аналогичным образом, слово "руководит" не предполагает простого подстрекательства или побуждения, а несет смысл фактического управления оперативного характера[59].

Возможны случаи, в которых полномочие организации обязывать государства-члены выполнять ее решения подкрепляются элементами, обеспечивающими исполнение этих решений, в результате чего нормативный контроль по сути дела означает фактический контроль. Однако это нельзя считать признаком, характерным для всех организаций, уполномоченных обязывать свои государства-члены.

36. Как бы там ни было, имеется один существенный элемент, затрудняющий признание в качестве решения концепции, согласно которой ответственность международной организации за поведение, которое обязаны осуществлять государства-члены в связи с решением, принятым организацией, зависит от руководства и контроля. В соответствии со статьей 17 об ответственности государств за международно-противоправные деяния поведение должно быть противоправным как для организации, осуществляющей руководство и контроль, так и для организации и государства, чье поведение управляется и контролируется. Это второе условие исключает возможность присвоения ответственности за определенное событие организации, использующей свое полномочие обязывать государства-члены для того, чтобы заставить их уклониться от одного из своих международных обязательств. Организация может добиваться этого, требуя от государств-членов, не связанных обязательством, осуществить определенное поведение, которое не может правомерно осуществить сама организация. Как заявил представитель Австрии, "[н]ельзя допускать, чтобы международная организация могла уклоняться от ответственности путем делегирования своих функций "субподрядчикам"[60]. Это означает, что международная организация должна привлекаться к ответственности, если деяние, которое было бы противоправным, если бы его совершила сама организация, фактически было совершено государством-членом на основании обязательного решения организации. Возможность потребовать от государств-членов совершения определенного действия позволяет, иными словами, организации добиваться косвенными методами того, что прямо запрещено.

37. Если организация обязует государство-член осуществить определенное поведение с целью уклониться от соблюдения международного обязательства, то критерий знания обстоятельств международно-противоправного деяния, который также включен в статью 17 об ответственности государств за международно-противоправные деяния, как представляется, не имеет значения.

38. То, что касается отношений между международной организацией и ее государствами-членами, явно справедливо и в тех случаях, когда организация имеет право обязать другую организацию, являющуюся ее членом.

39. До настоящего момента рассматривались только решения, имеющие обязательную силу. Теперь необходимо обсудить вопрос о том, может ли организация привлекаться к ответственности также тогда, когда она санкционирует или рекомендует поведение, осуществляемое государством-членом или организацией-членом[61]. Действительно, когда рекомендация или санкция предоставляется государству-члену, ее выполнение не является обязательным, вследствие чего такое государство вправе воздержаться от санкционированного или рекомендованного поведения. Вместе с тем возможны обстоятельства, в которых организации все же может присваиваться ответственность.

40. Следует прежде всего провести следующее разграничение. Государству-члену может быть предоставлена санкция добиваться достижения своих собственных интересов. В качестве примера можно привести поставки газа фреона в Ирак, разрешенные Комитетом по санкциям, учрежденным в соответствии с резолюци-

---

[58] В соответствии с заявлением Европейского союза (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 21-е заседание, пункт 19), "с учетом специфики Европейского сообщества актуальнее подходить к вопросу с точки зрения эффективного юридического контроля". Мнение, согласно которому Европейское сообщество осуществляет "окончательный контроль" (“control último”) над береговой охраной государств-членов в вопросах рыболовства, см. в Carrera Hernández, *Política pesquera y responsabilidad internacional de la Comunidad Europea*, p. 198.

[59] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), пункт 7, стр. 69.

[60] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 22-е заседание, пункт 24.

[61] Концепция, согласно которой организация может признаваться ответственной также за поведение государства-члена, которое было явно санкционировано, нашла поддержку в заявлениях Китая (там же, 21-заседание, пункт 43), Сингапура (там же, 22-е заседание, пункт 58), Австрии (там же, пункт 24), Беларуси (там же, пункт 44), Испании (там же, пункт 50), Дании от имени пяти стран Северной Европы (там же, пункт 66), Новой Зеландии (там же, 23-е заседание,, пункт 11) и Мексики (там же, пункт 27).

ей 661 (1990) Совета Безопасности, и поправками, внесенными резолюцией 687 (1991). Утверждалось, что эти поставки производились экспортирующим государством в нарушение Монреальского протокола о веществах, разрушающих озоновый слой[62]. Поставки, как очевидно, отражали лишь интересы экспортирующего государства и Ирака, а не организации. Поэтому они не повлекли за собой ответственность Организации Объединенных Наций.

41. Если же санкция или рекомендация предоставляется в интересах организации, то организация в определенной мере оказывается вовлеченной. Хотя государства-члены не были связаны обязательством, организация могла бы ожидать от них позитивной реакции того или иного характера. Государства-члены, реагирующие на рекомендацию или санкцию, предоставленную организацией, действовали бы в интересах организации. Это не означает, что санкционированное или рекомендованное поведение всегда повлечет за собой ответственность организации. Это зависело бы от характера рекомендованного или санкционированного поведения. Ответственность была бы обоснованной только в том случае, если рекомендуемое или санкционированное деяние фактически имело место и представляло бы собой нарушение обязательства организации, если бы организация сама совершила такое деяние. Возможность того, что государства-члены могут нарушить другое международно-правовое обязательство, осуществляя требуемое или рекомендуемое поведение, сама по себе не имеет значения для присвоения ответственности организации. Иными словами, ответственность организации зависит от того, в какой мере она была вовлечена в само деяние[63].

42. С учетом вышеизложенного вывода следующее утверждение, содержащееся в письме Генерального секретаря Организации Объединенных Наций от 11 ноября 1996 года на имя премьер-министра Руанды, можно было бы снабдить небольшой оговоркой. Генеральный секретарь заявил, что хотя "Операция «Бирюза»" и была "санкционирована" Советом Безопасности, сама операция проводилась под национальным командованием и управлением и не являлась операцией Организации Объединенных Наций. Поэтому Организация Объединенных Наций не несет международной ответственности за действия и бездействие, которые могут быть присвоены "Операции «Бирюза»"[64]. Вышеизложенное утверждение подразумевает, что санкционированное поведение не содержит какого-либо нарушения международного обязательства со стороны организации. То же самое относится и к формулировке, содержащейся в докладе Генерального секретаря о финансировании операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира:

> Международная ответственность Организации Объединенных Наций в связи с боевыми действиями сил Организации Объединенных Наций зиждется на том предположении, что данная операция осуществляется под исключительным командованием и управлением Организации Объединенных Наций. В случаях проведения операции, санкционированной в соответствии с главой VII под национальным командованием и управлением, международная ответственность за действия сил ложится на государство или государства, проводящие операцию[65].

43. Случай, когда международная организация вынуждает другую сторону к определенному поведению, не идентичен случаю, когда организация санкционирует или рекомендует такое поведение. Юрисконсульт ВОИС заявил, что если определенное поведение, осуществляемое государством-членом во исполнение просьбы международной организации, представляется как нарушение международного обязательства как этого государства, так и этой организации, то данная организация также должна нести международную ответственность. Степень ответственности организации должна быть намного меньше, если противоправное поведение государства было лишь санкционировано, а не затребовано организацией[66]. Ясно также и то, что, когда помощь в совершении противоправного деяния влечет за собой ответственность организации, объем помощи может быть разным, и это будет влиять на степень ответственности. Однако, поскольку степень ответственности связана с содержанием ответственности, а не с ее наличием, этот вопрос должен рассматриваться на более позднем этапе настоящего исследования.

44. С учетом изложенных выше соображений представляется возможным предложить подготовить помимо четырех статей, соотносящихся с проектами статей 16–19 об ответственности государств за международно-противоправные деяния, еще одну статью, с тем чтобы охватить случаи, в которых ответственность международной организации возникает в связи с тем, что в противном случае она уклонилась бы от выполнения международного обязательства, предложив государствам-членам осуществить определенное поведение, которое было бы запрещено самой организации. Предлагаются следующие проекты статей:

"*Статья 12. Помощь или содействие в совершении международно-противоправного деяния*

Международная организация, которая помогает или содействует государству или другой международной организации в совершении таким государством или организацией международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за это, если:

---

[62] См. *Юридический ежегодник Организации Объединенных Наций, 1994 год* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.00.V.8), стр. 535–536.

[63] Важное значение обстоятельств было подчеркнуто в заявлениях Италии (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 21-е заседание, пункт 32), Японии (там же, пункт 57), Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (там же, 22-е заседание, пункт 33), Дании от имени пяти стран Северной Европы (там же, пункт 66) и Кубы (там же, 23-е заседание, пункт 25).

[64] Неопубликованное письмо.

[65] A/51/389 от 20 сентября 1996 года, пункт 17, стр. 7.

[66] См. сноску 27, выше. Аналогичная точка зрения была отражена в заявлениях Китая (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 21-е заседание, пункт 43) и Беларуси (там же, 22-е заседание, пункт 44).

a) данная организация делает это, зная об обстоятельствах международно-противоправного деяния; и

b) деяние являлось бы международно-противоправным в случае его совершения этой организацией.

Статья 13. Руководство и контроль в совершении международно-противоправного деяния

Международная организация, которая руководит государством или другой международной организацией и осуществляет контроль над ним или над нею в совершении им или ею международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за данное деяние, если:

a) данная организация делает это, зная об обстоятельствах международно-противоправного деяния; и

b) деяние являлось бы международно-противоправным в случае его совершения данной организацией.

Статья 14. Принуждение государства или другой международной организации

Международная организация, которая принуждает государство или другую международную организацию к совершению какого-либо деяния, несет международную ответственность за данное деяние, если:

a) такое деяние, если бы не принуждение, являлось бы международно-противоправным деянием принуждаемого государства или международной организации; и

b) принуждающая международная организация делает это, зная об обстоятельствах этого деяния.

Статья 15. Действие предыдущих статей

Статьи 12–14 не затрагивают международной ответственности ни государства или международной организации, которое или которая совершает соответствующее деяние, ни любого другого государства или международной организации.

Статья 16. Решения, рекомендации и санкции, адресованные государствам-членам и международным организациям

1. Международная организация несет международную ответственность, если:

a) она принимает решение, обязующее государство-член или международную организацию совершить деяние, которое являлось бы международно-противоправным деянием, если бы оно было совершено непосредственно принявшей решение, рекомендацию или санкцию организацией; и

b) данное деяние совершено.

2. Международная организация несет международную ответственность, если она санкционирует совершение государством-членом или международной организацией деяния, которое было бы международно-противоправным, если бы оно было совершено санкционирующей организацией непосредственно, или рекомендует совершение такого деяния, при условии, что:

a) деяние осуществляется в интересах этой организации; и

b) данное деяние совершено.

3. Предыдущие пункты распространяются также на случаи, когда государство-член или международная организация не совершает действий в нарушение одного из его или ее международных обязательств, и вследствие этого не несет международной ответственности".

ДОКУМЕНТ A/CN.4/547

Комментарии и замечания, полученные от правительств

[*Подлинный текст на английском языке*]
[*6 августа 2004 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ 24

КОММЕНТАРИИ И ЗАМЕЧАНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВ 24

A. Общие замечания 24

1. Мексика 24

2. Польша 24

B. Проект статьи 1. Сфера охвата настоящих проектов статей 25

Мексика 25

C. Проект статьи 2. Употребление терминов 25

Мексика 25

D. Проект статьи 3. Общие принципы 26

Мексика 26

E. Ссылка на "правила организации" 26

1. Мексика 26

2. Польша 26

F. Определение "правил организации" 27

1. Мексика 27

2. Польша 27

G. Присвоение поведения сил по поддержанию мира Организации Объединенных Наций или предоставившим их государствам 27

1. Мексика 27

2. Польша 28

H. Практика, касающаяся присвоения поведения 28

1. Австрия 28

2. Италия 30

Введение

1. В своем докладе 2002 года Комиссия международного права предложила правительствам направить комментарии "в отношении предложенной сферы охвата и направления исследования по вопросу об ответственности международных организаций"[1]. В своем докладе 2003 года Комиссия запросила мнения правительств, особенно по трем вопросам, касающимся норм о присвоении поведения международным организациям[2].

2. Впоследствии, 9 декабря 2003 года, Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 58/77, озаглавленную "Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят пятой сессии". В пункте 5 этой резолюции Ассамблея просила Генерального секретаря предложить государствам и международным организациям представить информацию, касающуюся их практики, имеющей отношение к теме "Ответственность международных организаций", включая случаи, когда государства – члены международной организации могут рассматриваться в качестве ответственных за действия этой организации. Это предложение было направлено Секретариатом правительствам в вербальной ноте от 30 декабря 2003 года.

3. По состоянию на 1 мая 2004 года письменные комментарии были получены от следующих четырех государств (даты представления приводятся в скобках): Австрии (20 апреля 2004 года), Италии (30 апреля 2004 года), Мексики (16 декабря 2003 года) и Польши (21 апреля 2004 года). Эти комментарии воспроизводятся ниже с разбивкой по темам.

---

[1] *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), пункт 31, стр. 14.

[2] "*a*) Следует ли в общую норму о присвоении поведения международным организациям включать упоминание о "правиле организации";

b) если ответ на вопрос подпункта *a* дан положительный, то является ли адекватным определение правил организации, предусмотренное в статье 2, пункт 1 *j*, Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между организациями;

c) в какой степени поведение сил по поддержанию мира может присваиваться участвующему государству, а в какой – Организации Объединенных Наций".

(*Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), пункт 27, стр. 15)

Комментарии и замечания, полученные от правительств

A. Общие замечания

1. Мексика

1. Мексика выражает свою искреннюю благодарность Специальному докладчику по вопросу об ответственности международных организаций г-ну Джорджо Гая и остальным членам Рабочей группы за их отличную работу. Прошло немногим более одного года с тех пор, как эта задача была поставлена, а уже получены некоторые весьма удовлетворительные результаты.

2. Рассматриваемая тема в значительной мере является отражением хода развития международного права. Сотрудничество между государствами стало одним из наиболее важных факторов, если не ключевым фактором, в международных отношениях. В связи с этим роль международных организаций на мировой арене приобрела дополнительное значение.

3. Самые обычные вопросы повседневной жизни имеют международное измерение. Не представляется возможным далее питать иллюзии в отношении возможных методов противодействия экологическим угрозам или организованной преступности с чисто национальной точки зрения. Государства пришли к осознанию того, что только с помощью совместных и скоординированных действий, что обеспечивают международные организации, можно противостоять этим угрозам и в то же время содействовать укреплению дружбы и сотрудничества между народами. Только с помощью таких действий можно в полной мере воспользоваться преимуществами, которые предлагает глобализация.

4. С учетом этого изменения был укреплен правовой и фактический потенциал международных организаций, позволяющий принимать действенные меры. В качестве логического последствия вероятность того, что их поведение (будь то действие или бездействие) может вести к возникновению международной ответственности, также увеличилась. Нет сомнений в том, что работа, проводимая Комиссией, отвечает подлинной необходимости развития норм международного права, и Мексика хотела бы выразить свою твердую приверженность и готовность сделать все возможное для содействия этой работе.

2. Польша

1. В связи с темой "Ответственность международных организаций" Польша приветствует намерение Специального докладчика изучить в своем следующем докладе сложный вопрос присвоения поведения международным организациям.

2. Ниже приводятся комментарии Польши по вопросам, поставленным Комиссией в главе III своего доклада[3], хотя и весьма непросто дать на них точные ответы, поскольку Польше не известна подлинная исходная информация по этим вопросам, а также потому, что Польша не была ознакомлена с первоначальными мнениями Комиссии по ним.

B. Проект статьи 1. Сфера охвата настоящих проектов статей

В проекте статьи 1, принятом Комиссией в предварительном порядке на ее пятьдесят пятой сессии в 2003 году, говорится следующее:

Статья 1. Сфера охвата настоящих проектов статей

1. Настоящие проекты статей применяются к международной ответственности международной организации за деяние, которое является противоправным по международному праву.

2. Настоящие проекты статей применяются также к международной ответственности государства за международно-противоправное деяние международной организации[4].

Мексика

Мексика удовлетворена положением первого пункта проекта статьи 1, фактически охватывающим ряд возможностей в рамках открытой формулировки, не прибегая к исчерпывающему перечню. Формулировка данного положения охватывает не только международную ответственность международной организации, поведение (действие или бездействие) которой является прямой причиной совершения международно-противоправного деяния, но и международную ответственность организации, возникающую из таких других ситуаций, как поведение, приводящее к совершению международно-противоправного деяния другой организацией, членом которой является первая организация.

C. Проект статьи 2. Употребление терминов

В проекте статьи 2, принятом Комиссией в предварительном порядке на ее пятьдесят пятой сессии в 2003 году, говорится следующее:

Статья 2. Употребление терминов

Для целей настоящих проектов статей термин "международная организация" означает организацию, учрежденную на основании международного договора или иного документа, регулируемого международным правом, и обладающую своей собственной международной правосубъектностью. Международные организации могут включать в качестве членов, наряду с государствами, и другие образования[5].

Мексика

1. Это свидетельствует об одном из многих обоснованных аспектов данных проектов статей, предложенных Специальным докладчиком по вопросу об ответственности международных организаций объективность в качестве основополагающего критерия определения согласно международному праву правосубъектности международной организации, как это отражено в проекте статьи 2. Существует аналитическая связь между основными правовыми понятиями "правоспособности", "правосубъектности" и "ответственности", и это обусловливается тем, что данные три термина определяются с точки зрения прав и обязательств. Международная организация обладает правоспособностью совершать правовые действия (осуществлять права и принимать на себя обязательства), и это обусловливает ее способность нести международную ответственность (за невыполнение своих обязательств) в качестве юридического лица согласно международному праву (субъекта международных прав и обязательств). Либеральная точка зрения, касающаяся приобретения правосубъектности согласно международному праву, является по этой причине гораздо более приемлемой для целей настоящих проектов статей, чем жесткая гипотеза, согласно которой правосубъектность может быть приобретена только в силу какого-либо конкретного положения учредительного документа[6]. Определяющим фактором, касающимся правосубъектности, как указывается в докладе Комиссии, является статус субъекта международного права и все то, что подразумевает такой статус, а именно правосубъектность, правоспособность предпринимать действия и способность нести ответственность.

2. Поэтому Мексика полагает, что определение международной организации, содержащееся в проекте статьи 2, является надлежащим для целей настоящих проектов статей. Хотя "традиционная" международная организация имеет в качестве своих членов только государства, межправительственный элемент перестал быть определяющим, и эту реальность нельзя игнорировать в документе, который направлен на кодификацию сложившейся практики. Сейчас в качестве отправного пункта мы должны взять концепцию, согласно которой государства являются необходимым, но не достаточным компонентом; другими словами, помимо государств, членами организации могут быть и другие образования.

3. Делегация Мексики полностью согласна с Комиссией в том, что нет оснований для исключения столь многих "нетрадиционных" международных организаций – если можно использовать такой термин – из сферы применения документа, основная цель которого заключается в установлении ответственности за международно-противоправные деяния, совершенные основными субъектами международного права, помимо государств.

4. Что касается учреждения международных организаций другими способами, помимо международных до-

[3] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), стр. 15.

[4] Там же, пункт 53, стр. 19.

[5] Там же.

[6] Там же, пункты 7–9 комментария к статье 2, стр. 22–23.

говоров, то делегация Мексики согласна с содержанием проекта статьи 2 по вышеизложенным причинам. Мексика полагает, что в интересах обеспечения правовой определенности любая организация должна учреждаться с помощью международного договора как наиболее приемлемого документа для установления ее учредительных норм. Тем не менее, поскольку существуют международные организации, учрежденные с помощью других способов, например в силу мандата, предоставленного согласно резолюциям более широких организаций, или в силу решения конференций государств, их не следует исключать из режима ответственности за международно-противоправные деяния, которые они, как и другие организации, могут совершать. Мексика убеждена в том, что данный общий подход, которым Комиссия руководствовалась при разработке настоящих проектов статей, а именно подход, заключающийся в том, что они должны быть применимыми ко всем существующим международным организациям, является правильным подходом.

D. Проект статьи 3. Общие принципы

В проекте статьи 3, принятом Комиссией в предварительном порядке на ее пятьдесят пятой сессии в 2003 году, говорится следующее:

Статья 3. Общие принципы

1. Каждое международно-противоправное деяние международной организации влечет за собой международную ответственность этой международной организации.

2. Международно-противоправное деяние международной организации имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии:

a) присваивается международной организации по международному праву; и

b) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этой международной организации[7].

МЕКСИКА

1. Как представляется, проект статьи 3 противоречит положениям проекта статьи 2, поскольку он, по всей видимости, ограничивает сферу применения проектов статей международной ответственностью за поведение только конкретной организации. Вместе с тем в докладе Комиссии данный вопрос разъясняется таким образом, что проект статьи 3 "является вводным" и что его положения, как следует понимать, "не затрагивают случаи, когда международной организации может быть присвоена ответственность за поведение государства или другой организации"[8].

2. Исходя из такого понимания Мексика хотела бы заявить о том, что удовлетворена проектами статей 1– 3, содержащимися в докладе Комиссии, и ожидает разработки других норм, регулирующих материальное и персональное применение этой важной совокупности проектов статей.

E. Ссылка на "правила организации"

1. МЕКСИКА

В проектах статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния основные факторы[9], определяющие присвоение поведения государству, сопряжены со статусом какого-либо государственного органа и осуществлением публичных функций, т.е. поведением, обусловливающимся государственной властью. Оба эти аспекта определяются в соответствии с внутренним правом рассматриваемого государства. Вопрос о том, когда "действие или бездействие… присваивается международной организации по международному праву" (проект статьи 3, пункт 2), по этой причине должен определяться в соответствии с внутренним правом рассматриваемой международной организации.

2. ПОЛЬША

1. Польша полагает, что ссылка на "правила организации" была бы полезной, если бы она привела к разработке общей нормы о присвоении поведения международным организациям. Это могло бы способствовать принятию решения по вопросам о компетенции, следовательно, сфере ответственности какой-либо данной организации.

2. Вместе с тем такая общая норма о присвоении поведения международным организациям не должна разрабатываться на основе простой аналогии с внутренним правом государства и правилами международной организации, поскольку между ними существуют очевидные различия.

3. В то же время Польша придерживается точки зрения о том, что такая ссылка на правила международных организаций не должна толковаться как сужающая сферу ответственности международных организаций.

4. Присвоение поведения означает, что данная организация должна нести ответственность за конкретные международно-противоправные деяния, совершенные различными органами/учреждениями этой организации. Общая норма об ответственности международной организации заключается в том, что она несет ответственность исключительно за деяния, совершенные в рамках ее полномочий (компетенции).

5. Эта норма имеет одно важное последствие. Организация не несет ответственности за деяния, которые являются ultra vires, и, как представляется, данная точка зрения доминирует в международно-правовой литературе. Понятие ultra vires можно толковать двояко: как исключающее ответственность за деяния, совершенные

[7] Там же, пункт 53, стр. 19.

[8] Там же, пункт 1 комментария к статье 3, стр. 24.

[9] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), пункт 76, стр. 26.

за рамками полномочий организации, и как ограничивающее ответственность за деяния, совершенные должностными лицами организации в рамках их полномочий.

6. Разделение полномочий между различными органами организации регулируется вышеупомянутыми правилами организации. Возникает вопрос: если ограничивается присвоение международных правонарушений деяниями, совершенными в рамках компетенции конкретных органов организации, возникает ли необходимость также согласиться с точкой зрения о том, что данная организация не несет ответственности за деяния, совершенные ее органами, которые действуют в рамках полномочий этой организации, как они определены в ее уставе, но в нарушение разделения полномочий, как это сформулировано в данном уставе?

F. Определение "правил организации"

1. МЕКСИКА

Внутреннее право международной организации состоит прежде всего из международного договора, устава или иного документа, регулируемого международным правом, учреждающего эту организацию, например резолюции Генеральной Ассамблеи. Во−вторых, оно будет состоять из норм, вытекающих из таких учредительных документов, включая установившуюся практику организации. Вполне очевидно, что Мексика ссылается на "правила организации", как они определены в пункте 1 *j* статьи 2 Венской конвенции 1986 года о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (в дальнейшем Венская конвенция 1986 года)[10].

2. ПОЛЬША

С учетом ее ответа, изложенного выше, Польша считает, что определение "правил организации", содержащееся в пункте 1 *j* статьи 2 Венской конвенции 1986 года, может служить в качестве полезной отправной точки для дальнейшего обсуждения.

G. Присвоение поведения сил по поддержанию мира Организации Объединенных Наций или предоставившим их государствам

1. МЕКСИКА

1. Что касается вопроса о степени, в которой поведение сил по поддержанию мира должно присваиваться предоставившему их государству или Организации Объединенных Наций, то данный вопрос заслуживает более полного изучения, однако можно дать некоторые предварительные комментарии.

2. Мексика считает, что статья 6 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния является полезной в этом отношении. Она предусматривает, что "поведение органа, предоставленного в распоряжение государства другим государством, рассматривается как деяние первого государства по международному праву, если этот орган действует в осуществление элементов государственной власти того государства, в распоряжение которого он предоставлен"[11].

3. Ключевыми элементами данного положения являются "распоряжение" и "осуществление элементов государственной власти". В проектах статей об ответственности международных организаций необходимо придерживаться таких же руководящих принципов. Хотя в последнем случае нельзя говорить об "элементах государственной власти", ничто не препятствует провести аналогию с полномочиями Организации Объединенных Наций по вопросам поддержания мира и международной безопасности согласно Уставу Организации Объединенных Наций и практикой Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи в этом отношении.

4. В случае операций по поддержанию мира все действия должны осуществляться на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, т.е. в соответствии с мандатом, содержащимся в резолюции Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи. Это может быть первым критерием присвоения поведения: определение того, осуществлялись ли действия или бездействие сил по поддержанию мира, предоставленных государством, в соответствии с таким мандатом. Если действия или бездействие совершались за пределами нормативных основ, что вполне может произойти, то они перестают образовывать часть операции по поддержанию мира и, следовательно, возникнут серьезные сомнения в отношении того, можно ли рассматривать персонал, предоставленный государством в качестве силы Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

5. Термин "распоряжение", несомненно, следует понимать как иерархическую субординацию. Если государство предоставляет персонал какой−либо операции по поддержанию мира, то ему необходимо задать вопрос о том, в какой степени данный персонал находится под контролем Организации Объединенных Наций или под контролем военных властей его собственной страны или даже другого государства, которое может выполнять функции координатора какой-либо миссии. Это будет еще одним критерием присвоения поведения. Ссылка на последнюю практику Совета Безопасности будет иметь важное значение с точки зрения разъяснения этих вопросов.

6. Короче говоря, присвоение поведения Организации Объединенных Наций будет являться общей нормой тогда, когда *a*) участвующие силы находятся под контролем Организации Объединенных Наций; *b*) дей-

[10] Подписана в Вене 21 марта 1986 года (A/CONF.129/15).

[11] См. сноску 9, выше, стр. 27.

ствия или бездействие совершаются в пределах мандата Организации Объединенных Наций, включая действия ultra vires; и *c*) такое поведение вытекает из соглашения о статусе сил или статусе миссии.

7. Мексика осознает, что были высказаны только некоторые предварительные идеи, которые вполне могут всего лишь углубить сомнения в ходе обсуждения. Однако Мексика в полной мере убеждена в высокой правовой компетентности членов Рабочей группы, ее Председателя, г−на Гая, и Комиссии в целом, а также уверены в том, что в течение еще одного года будут найдены весьма удовлетворительные решения этих и других интересных проблем.

2. ПОЛЬША

1. Что касается третьего вопроса[12], то Польша занимает позицию, согласно которой на данном этапе работы Комиссии было бы преждевременным давать окончательный и точный ответ.

2. С самого начала необходимо прояснить общую проблему, касающуюся сферы ответственности государств-членов за действия Организации. Кроме того, нынешняя международная практика не свидетельствует о существовании каких-либо норм общего (обычного) международного права, указывающих на ясное решение поставленного вопроса. В связи с этим представляется, что Комиссия должна предложить норму, отражающую прогрессивное развитие международного права. Эта норма должны быть сформулирована весьма тщательно и prima facie она будет относительно казуистической.

3. В данный момент Польша предлагает отложить принятие окончательного решения по этому вопросу на более позднюю стадию. С учетом результатов первичного теоретического анализа ответственность международной организации должна ограничиваться случаями, в которых силы по поддержанию мира действуют на основании конкретной резолюции организации и под командованием данной организации. Однако ответственность государств-членов не может быть абсолютно исключена, если вооруженные силы действуют от имени направивших их государств и/или прямо контролируются офицерами (командирами) из соответствующих государств.

4. Термин "поддержание мира" охватывает целый ряд видов деятельности под контролем большого числа органов и на основании большого числа мандатов, и зачастую существует специальное соглашение между предоставляющим контингент государством и организацией, в котором определены основные взаимоотношения сторон, в том числе положения, касающиеся вопроса о присвоении ответственности.

5. В связи с этим Польша полагает, что Комиссии следует прежде всего тщательно изучить существующую практику Организации Объединенных Наций и других международных организаций по этому вопросу.

H. Практика, касающаяся присвоения поведения

1. АВСТРИЯ

Австрия заявляет о своем уважении к Генеральному секретарю и препровождает следующие договорные положения, действующие в отношении Австрии и касающиеся вопроса об "ответственности международных организаций".

Международный договор	*Статья*	*Текст*
Соглашение между Австрийской Республикой и Организацией Объединенных Наций о местонахождении Организации Объединенных Наций в Вене (Вена, 29 ноября 1995 года)[13]	Статья II, раздел 9	Если Организация Объединенных Наций заключила договор страхования, охватывающий ее ответственность за ущерб, возникающий в результате использования местонахождения Организации Объединенных Наций и понесенный юридическими или физическими лицами, которые не являются должностными лицами Организации Объединенных Наций, любое требование, касающееся ответственности Организации Объединенных Наций за такой ущерб, может быть предъявлено непосредственно страховщику в австрийских судах, и это предусматривается самим договором страхования.
	Статья XV, раздел 47	Австрийская Республика не несет, вследствие местонахождения Организации Объединенных Наций на ее территории, какой-либо международной ответственности за действия или бездействие Организации Объединенных Наций или ее должностных лиц, действующих или воздерживающихся от действий в пределах своих функций, кроме той международной ответственности, которую Австрийская Республика несет как член Организации Объединенных Наций.
Соглашение между Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию и Австрийской Республикой о штаб-квартире Орга-	Статья II, раздел 9	Если Организация Объединенных Наций по промышленному развитию заключила договор страхования, охватывающий ее ответственность за ущерб, возникающий в результате использования ме-

[12] См. сноску 2, выше.

[13] United Nations, *Treaty Series*, vol. 2023, No. 34923, p. 255.

Международный договор	*Статья*	*Текст*
низации Объединенных Наций по промышленному развитию (Вена, 29 ноября 1995 года)[14]		стонахождения штаб-квартиры и понесенный юридическими или физическими лицами, которые не являются должностными лицами Организации Объединенных Наций по промышленному развитию, любое требование, касающееся ответственности Организации Объединенных Наций по промышленному развитию за такой ущерб, может быть предъявлено непосредственно страховщику в австрийских судах, и это предусматривается самим договором страхования.
	Статья XV, раздел 47	Австрийская Республика не несет, вследствие местонахождения штаб-квартиры на ее территории, какой-либо международной ответственности за действия или бездействие Организации Объединенных Наций по промышленному развитию или ее должностных лиц, действующих или воздерживающихся от действий в пределах своих функций, кроме той международной ответственности, которую Австрийская Республика несет как член Организации Объединенных Наций по промышленному развитию.
Соглашение между Австрийской Республикой и Международным агентством по атомной энергии о центральных учреждениях Международного агентства по атомной энергии (Вена, 11 декабря 1957 года)[15]	Статья XVIII, раздел 46	Австрийская Республика не несет, вследствие местонахождения центральных учреждений Международного агентства по атомной энергии на ее территории, какой-либо международной ответственности за действия или бездействие Международного агентства по атомной энергии или его должностных лиц, действующих или воздерживающихся от действий в пределах своих функций, кроме той международной ответственности, которую Австрийская Республика несет как член Международного агентства по атомной энергии.
Соглашение между Австрийской Республикой и Подготовительной комиссией Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний о местонахождении Комиссии (Вена, 18 марта 1997 года)[16]	Статья III, раздел 9	Если Комиссия заключила договор страхования, охватывающий ее ответственность за ущерб, возникающий в результате использования местонахождения Комиссии и понесенный юридическими или физическими лицами, которые не являются должностными лицами Комиссии, любое требование, касающееся ответственности Комиссии за такой ущерб, может быть предъявлено непосредственно страховщику в австрийских судах, и это предусматривается самим договором страхования.
	Статья XIX, раздел 56	Австрия не несет, вследствие местонахождения Комиссии на ее территории, какой-либо международной ответственности за действия или бездействие Комиссии или ее должностных лиц, действующих или воздерживающихся от действий в пределах своих функций, кроме той международной ответственности, которую Австрия несет как государство, подписавшее Договор.
Обмен письмами, образующими Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Австрийской Республикой относительно службы национального контингента в составе Вооруженных сил Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре[17]; приложение II, Положения, касающиеся Вооруженных сил Организации Объединенных Наций на Кипре (Нью-Йорк, 21 и 24 февраля 1966 года)	Статья 39 Положений	В случае смерти, увечья или болезни какого-либо военнослужащего Сил, произошедших в результате службы в Силах, соответствующее государство, к вооруженным силам которого относится данный военнослужащий, несет ответственность за выплату таких пособий или компенсации, какие могут причитаться в соответствии с законодательством и положениями, применимыми к службе в вооруженных силах этого государства. Командир несет ответственность за принятие мер в отношении тела и личного имущества погибшего военнослужащего Сил.
Соглашение между Международным агентством по атомной энергии и Австрийской Республикой относительно лабораторий в Зайберсдорфе (Вена, 1 марта 1982 года)[18]	Статья VI	1) Все вопросы, касающиеся ответственности за ядерный ущерб, регулируются австрийским законодательством. 2) Международное агентство по атомной энергии обеспечивает надлежащее страхование, охватывающее его финансовую ответственность за ядерный ущерб, причем такое страхование также предусматривает, что любое требование, касающееся ответственности Международного агентства по атомной энергии за ядерный ущерб, может быть предъявлено непосредственно страховщику. Австрийские суды обладают юрисдикцией по таким делам.

[14] UNIDO, Financial and administrative matters: headquarters agreement between UNIDO and the Republic of Austria (G.C.6/20), annex, p. 5.

[15] United Nations, *Treaty Series*, vol. 339, No. 4849, p. 110.

[16] Ibid., vol. 1998, No. 34224, p. 3.

[17] Ibid., vol. 557, No. 8131, p. 129.

[18] Ibid., vol. 1404, No. 23473, p. 129.

Международный договор	*Статья*	*Текст*
		3) Без ущерба для ответственности МАГАТЭ за ядерный ущерб, Австрийская Республика обеспечивает гарантию выплаты компенсации ("Bürge und Zahler" в соответствии с австрийским законодательством) в отношении любого такого ущерба. 4) Если платеж, который Австрийской Республике предписывается произвести в соответствии с пунктом 3 в силу решения австрийского суда, не возмещается страховщиком Австрийской Республике, Австрийская Республика вправе требовать возмещения непосредственно от МАГАТЭ.
Соглашение между Австрией и Организацией Североатлантического договора относительно транзита в целях операций многонациональных вооруженных сил по выполнению мирного соглашения в Боснии (ИФОР) (Брюссель, 14 декабря 1995 года)[19]	Статья 11	Организация Североатлантического договора будет обладать соответствующим страховым охватом и предоставлять компенсацию за ущерб или вред, причиненный частным лицам или любому имуществу персоналом и транспортными средствами НАТО во время транзита через Австрию. Требования в связи с ущербом или вредом частным лицам или имуществу представляются австрийскими правительственными органами назначенным представителям Организации Североатлантического договора.

[19] Ibid., vol. 1912, No. 32622, p. 261.

2. Италия

1. Проблема определения органов международной организации рассматривалась итальянскими судами в связи с некоторыми делами. Хотя эти дела касались вопроса об иммунитете международных организаций, можно утверждать, что принципы, применявшиеся судьями для решения такой проблемы, будут также применяться в области ответственности международных организаций. По делу *Cristiani* v. *Istituto italo-latino-americano*[20] Кассационный суд установил, что органы международной организации, которая обладает международной правосубъектностью, следует отличать в правовых целях от органов государств-членов и в то же время они не могут быть уравнены с совместными органами государств-членов. По делу *Paradiso* v. *Istituto di Bari del Centro internazionale di alti studi agronomici mediterranei*[21] Кассационный суд сослался на учредительный документ Международного центра высших агрономических исследований в Средиземноморье и на соглашение, заключенное в соответствии с этим документом, с тем чтобы определить, является ли Институт агрономических исследований в Средиземноморье в Бари органом этой организации.

2. Что касается дел, связанных с противоправными деяниями, совершенными международными организациями против Италии, то можно сделать ссылку на соглашение, заключенное между Италией и Организацией Объединенных Наций относительно урегулирования требований, предъявленных Организации Объединенных Наций в Конго итальянскими гражданами[22]. Это соглашение касается требований, предъявленных Организации Объединенных Наций от имени итальянских граждан и связанных с ущербом, возникшим в результате операций Сил Организации Объединенных Наций в Конго.

3. Наряду с другими государствами Италии был предъявлен иск Союзной Республикой Югославией в МС в связи с военными действиями под руководством НАТО в 1999 году. Дело *Legality of Use of Force* все еще рассматривается[23]. Югославские граждане также предъявили главе итальянского правительства иски в итальянском суде в связи с ущербом, понесенным вследствие гибели их родственников в результате воздушных бомбардировок, проводившихся НАТО. По мнению этих истцов, Италия несет ответственность за это, поскольку, среди прочего, в качестве члена НАТО она участвовала в планировании военных действий, проводившихся против Союзной Республики Югославии. Кассационный суд отклонил этот иск из−за отсутствия юрисдикции[24].

4. В ряде случаев Италия предоставляла военные контингенты силам по поддержанию мира, учрежденным международными организациями. В большинстве случаев силы по поддержанию мира, в состав которых Италия предоставляла контингенты, явились силами, созданными по инициативе Совета Безопасности. Однако Италия также предоставляла контингенты силам, действующим в контексте других международных организаций. В этом отношении можно упомянуть о том,

[20] Court of Cassation, 23 November 1985, No. 5819 (*Rivista di diritto internazionale*, vol. LXIX, 1986, p. 146).

[21] Court of Cassation, 4 June 1986, No. 3733 (ibid., vol. LXX, 1987, p. 190).

[22] Обмен письмами, образующими соглашение между Организацией Объединенных Наций и Италией, касающееся урегулирования требований, предъявленных Организации Объединенных Наций в Конго итальянскими гражданами (Нью-Йорк, 18 января 1967 года) (United Nations, *Treaty Series*, vol. 588, No. 8525, p. 197).

[23] *Legality of Use of Force (Yugoslavia* v. *Italy), Provisional Measures, Order of 2 June 1999, I.C.J. Reports 1999*, p. 481.

[24] Court of Cassation, 5 June 2002, No. 8157, *Presidenza del Consiglio ministri* v. *Markoviç e altri*, *Rivista di diritto internazionale*, vol. LXXXV, 2002, p. 799.

что Италия предоставила военно-морской контингент Многонациональным силам и наблюдателям, являющимся международной организацией, которая была учреждена согласно Протоколу к Договору о мире, заключенному между Египтом и Израилем (Вашингтон, округ Колумбия, 26 марта 1979 года)[25].

5. Наряду с другими государствами – членами Европейского сообщества Италии был предъявлен иск в Европейском суде по правам человека частной компанией ("Senator Lines GmbH"), которая утверждала, что государства – члены ЕС несут индивидуальную и коллективную ответственность за действия учреждений Сообщества. Италия высказала возражение против этого требования, утверждая, среди прочего, о том, что, поскольку Европейское сообщество обладает отдельной международной правосубъектностью, его государства-члены не могут нести ответственность за действия учреждений Сообщества. Это тем более так, по мнению Италии, поскольку эти действия были совершены такими органами, как Суд первой инстанции и Международный Суд, которые являются независимыми от государств-членов. Италия сослалась на соображения, высказанные по этому поводу в письменных замечаниях Франции. В своем решении от 10 марта 2004 года Европейский суд объявил данное ходатайство неприемлемым[26].

[25] Протокол, касающийся создания и поддержания Многонациональных сил и наблюдателей (Вашингтон, округ Колумбия, 3 августа 1981 года), United Nations, *Treaty Series*, vol. 1335, No. 22403, p. 327. Договор о мире (на англ. языке) воспроизводится в ibid., vol. 1138, No. 17855, p. 59. См. также обмен письмами между Италией и представителями Многонациональных сил и наблюдателей по вопросу об участии Италии в Многонациональных силах (16 марта 1982 года), *Rivista di diritto internazionale*, vol. LXV, 1982, p. 983.

[26] См. письменные замечания Италии по делу *DSR Senator Lines GmbH* v. *Austria, Belgium, Denmark, Finland, France, Germany, Greece, Ireland, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Portugal, Spain, Sweden and the United Kingdom*; решение Большой палаты Европейского суда по правам человека относительно приемлемости требования.

ДОКУМЕНТ A/CN.4/556

Комментарии и замечания, полученные от правительств и международных организаций

[*Подлинный текст на английском/французском язык*ах]
[*12 мая 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Многосторонние документы, цитируемые в настоящем докладе		34
Работы, цитируемые в настоящем докладе		36
	Пункты	
ВВЕДЕНИЕ	1–3	37
КОММЕНТАРИИ И ЗАМЕЧАНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ		38
A. Общие замечания		38
1. Европейская комиссия		38
2. Международная организация уголовной полиции		39
3. Международный валютный фонд		40
4. Международный орган по морскому дну		40
5. Всемирная торговая организация		41
B. Проект статьи 1. Сфера охвата настоящих проектов статей		41
Международная организация уголовной полиции		41
C. Проект статьи 2. Употребление терминов		42
1. Международная организация уголовной полиции		42
2. Международный валютный фонд		42
D. Проект статьи 3. Общие принципы		43
1. Международная организация уголовной полиции		43
2. Международный валютный фонд		43
E. Проект статьи 4. – Общее правило о присвоении поведения международной организации		44
1. Международная организация уголовной полиции		44
2. Международный валютный фонд		49
3. Организация по запрещению химического оружия		49
4. Секретариат Организации Объединенных Наций		49
F. Проект статьи 5. – Поведение органов или агентов, предоставленных в распоряжение международной организации государством или другой международной организацией		50
1. Международная организация уголовной полиции		50
2. Международный валютный фонд		51

G. Проект статьи 6. – Превышение полномочий или нарушение указаний 51
1. Международная организация уголовной полиции 51
2. Международный валютный фонд 52
H. Проект статьи 7. – Поведение, которое признается и принимается международной организацией в качестве собственного 52
Международная организация уголовной полиции 52
I. Ссылка на "правила организации" 52
Демократическая Республика Конго 52
J. Определение "правил организации" 52
Демократическая Республика Конго 52
K. Присвоение поведения миротворческих сил Организации Объединенных Наций или государствам, предоставляющим силы 53
Демократическая Республика Конго 53
L. Нарушения обязательств международной организации перед ее государствами-членами или ее органами: – рамки исследования 53
1. Европейская комиссия 53
2. Международная организация уголовной полиции 54
3. Международный валютный фонд 58
4. Секретариат Организации Объединенных Наций 59
5. Всемирная организация интеллектуальной собственности 59
M. Необходимость в качестве обстоятельства, исключающего противоправность 60
1. Европейская комиссия 60
2. Международная организация уголовной полиции 60
3. Международный валютный фонд 61
4. Секретариат Организации Объединенных Наций 61
5. Всемирная организация интеллектуальной собственности 61
N. Поведение государства во исполнение просьбы или с санкции международной организации 62
1. Европейская комиссия 62
2. Международная организация уголовной полиции 62
3. Международный валютный фонд 63
4. Секретариат Организации Объединенных Наций 64
5. Всемирная организация интеллектуальной собственности 64
O. Практика, касающаяся ответственности международных организаций 64
Германия 64
Приложение Список приложений к комментариям и замечаниям, полученным от правительств и международных организаций 77

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Конвенция, касающаяся Банка международных расчетов (Гаага, 20 января 1930 года)	League of Nations, *Treaty Series*, vol. CIV, No. 2398, p. 441.
Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (Лондон, 16 ноября 1945 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 4, No. 52, p. 275.

	Источник
Статьи Соглашения о Международном валютном фонде и статьи Соглашения о Международном банке реконструкции и развития (Бреттон-Вудские соглашения) (Вашингтон, округ Колумбия, 27 декабря 1945 года)	Ibid., vol. 2, No. 20, p. 39.
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 года)	Ibid., vol. 78, No. 1021, p. 292.
Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по защите прав человека) (Рим, 4 ноября 1950 года)	Ibid., vol. 213, No. 2889, p. 221.
Соглашение между сторонами Североатлантического договора о статусе их сил (Лондон, 19 июня 1951 года)	Ibid., vol. 199, No. 2678, p. 67.
Протокол о статусе международного военного штаба, созданного во исполнение Североатлантического договора (Париж, 28 августа 1952 года)	AJIL, vol. 48, No. 4 (October 1954), p. 163.
Соглашение, дополняющее Соглашение между сторонами Североатлантического договора о статусе их сил в отношении иностранных войск, дислоцированных в Федеративной Республике Германии (Бонн, 3 августа 1959 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 481, No. 6986, p. 329.
Конвенция о создании Европейской организации по ядерным исследованиям (Париж, 1 июля 1953 года)	Ibid., vol. 200, No. 2701, p. 149.
Статьи Соглашения о Международной финансовой корпорации (Вашингтон, округ Колумбия, 25 мая 1955 года)	Ibid., vol. 264, No. 3791, p. 117.
Статьи Соглашения Ассоциации международного развития (МБРР, 26 января 1960 года)	Ibid., vol. 439, No. 6333, p. 249.
Конвенция об ответственности операторов ядерных судов (Брюссель, 25 мая 1962 года)	IAEA, *International Conventions on Civil Liability for Nuclear Damage*, Legal Series No. 4, rev. ed. (Vienna, 1976), p. 34. См. также AJIL, vol. 57, No. 1 (January 1963), p. 268.
Устав Всемирного почтового союза (Вена, 10 июля 1964 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 611, No. 8844, p. 63.
Соглашение о создании Африканского банка развития (Хартум, 10 сентября 1964 года)	Ibid., vol. 1276, No. 21052, p. 3.
Соглашение о создании Азиатского банка развития (Манила, 4 декабря 1965 года)	Ibid., vol. 571, No. 8303, p. 123.
Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Лондон, Москва и Вашингтон, округ Колумбия, 27 января 1967 года)	Ibid., vol. 610, No. 8843, p. 205.
Международное соглашение о пшенице, 1971 год (Вашингтон, округ Колумбия, 3 May 1971 года)	Ibid., vol. 800. No. 11400, p. 45.
Соглашение, касающееся Международной организации спутниковой связи "ИНТЕЛСАТ" (Вашингтон, округ Колумбия, 20 августа 1971 года)	Ibid., vol. 1220, No. 19677, p. 21.
Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (Лондон, Москва и Вашингтон, округ Колумбия, 29 марта 1972 года)	Ibid., vol. 961, No. 13810, p. 187.
Соглашение о создании Африканского фонда развития (Абиджан, 29 ноября 1972 года)	Ibid., vol. 1197, No. 19019, p. 13.
Конвенция о выдаче европейских патентов (Мюнхен, 5 октября 1973 года)	Ibid., vol. 1065, No. 16208, p. 199.
Конвенция о создании Европейского центра среднесрочных прогнозов погоды (Брюссель, 11 октября 1973 года)	Ibid., vol. 1000, No. 14669, p. 17.
Конвенция о создании Европейского космического агентства (Париж, 30 мая 1975 года)	Ibid., vol. 1297, No. 21524, p. 186.
Соглашение о создании Международного фонда сельскохозяйственного развития (Рим, 13 июня 1976 года)	Ibid., vol. 1059, No. 16041, p. 191. См. также ILM, vol. 15 (1976), p. 922.
Международное соглашение по оливковому маслу, 1979 год (Женева, 30 марта 1979 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1219. No. 19674, p. 135.
Международное соглашение по натуральному каучуку, 1979 год (Женева, 6 октября 1979 года)	Ibid., vol. 1201, No. 19184, p. 191.
Соглашение об учреждении Общего фонда для сырьевых товаров (Женева, 27 июня 1980 года)	Ibid., vol. 1538. No. 26691, p. 3.
Шестое Международное соглашение по олову (Женева, 26 июня 1981 года)	Ibid., vol. 1282, No. 21139, p. 239.

	Источник
Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года)	Ibid., vol. 1834, No. 31363, p. 179.
Конвенция о создании Европейской организации по эксплуатации метеорологических спутников ("ЕВМЕТСАТ") (Женева, 24 мая 1983 года)	Ibid., vol. 1434, No. 24265, p. 17.
Международное соглашение по сахару, 1984 год (Женева, 5 июля1984 года)	Ibid., vol. 1388. No. 23225, p. 44.
Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантированию инвестиций (Сеул, 11 октября 1985 года)	Ibid., vol. 1508, No. 26012, p. 99.
Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986 года)	A/CONF.129/15.
Международное соглашение по джуту и джутовым изделиям (Женева, 3 ноября 1989 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1605. No. 28026, p.211.
Соглашение об учреждении Европейского банка реконструкции и развития (Париж, 29 мая 1990 года)	EBRD, *Basic Documents of the European Bank for Reconstruction and Development*, p. 4.
Договор о Европейском союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1757, No. 30615, p. 3.
Международное соглашение по тропической древесине, 1994 год (Женева, 26 января 1994 года)	Ibid., vol. 1955. No. 33484, p. 81.
Международное соглашение по натуральному каучуку, 1994 год (Женева, 17 февраля 1995 года)	Ibid., vol. 1964, No. 33546, p. 3.
Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 года)	Ibid., vol. 2187, No. 38544, p. 3.
Международное соглашение по кофе, 2001 год (Лондон, 28 сентября 2000 года)	Ibid., vol. 2161. No. 37769, p. 312.
Договор об учреждении Европейского сообщества с поправками, внесенными в соответствии с Ниццким договором от 26 февраля 2001 года	Consolidated version of theTreaty on European Union, *Official Journal of the European Communities*, No. C 325 (24 December 2002), p. 33.
Соглашение о круге ведения Международной исследовательской группы по джуту, 2001 год (Женева, 13 марта 2001 года)	UNCTAD (TD/JUTE.4/6).
Международное соглашение по какао, 2001 год (Женева, 13 марта 2001 года)	UNCTAD (TD/COCOA.9/7 and Corr.1).
Договор, учреждающий Конституцию для Европы (Рим, 29 октября 2004 года)	*Official Journal of the European Union*, No. C 310, vol. 47 (16 December 2004).

Работы, цитируемые в настоящем докладе

AMERASINGHE, C. F.

Principles of the institutional law of international organizations. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.

BEDJAOUI, Mohammed

The new world order and the Security Council: testing the legality of its acts. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1994). Translated from the French by Bernard Noble. 531 p.

BERMEJO, Romualdo

"La banque des règlements internationaux: approche juridique", *Hague Yearbook of International Law*, 1989, pp. 94–130.

BROWNLIE, Ian

Principles of Public International Law. 6th ed. Oxford, Oxford University Press, 2003. 742 p.

CRAWFORD, James

The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

FAWCETT, J. E. S

"The place of law in an international organization", *British Year Book of International Law, 1960*, vol. 36, p. 321–342.

FOONER, Michael

Interpol: Issues in World Crime and International Criminal Justice, New York, Plenum Press, 1989.

IGARASHI, Masahiro

Associated Statehood in International Law. The Hague, Kluwer, 2002.

KLEIN, Pierre

La responsabilité des organisations internationales dans les ordres juridiques internes et en droit des gens. Brussels, Bruylant, 1998. 673 p. (Collection de droit international 37)

KOVAR, Robert

"La participation des territoires non autonomes aux organisations internationales", AFDI, vol. 15, 1969, pp. 522–549.

LAUTERPACHT, E.

"The development of the law of international organization by the decisions of international tribunals", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1976-IV*. Alphen aan den Rijn, Sijthoff & Noordhoff, 1980, pp. 379–478.

MARTHA, Rutsel Silvestre J.

"Inability to pay under international law and under the Fund Agreement", *Netherlands International Law Rev*iew, vol. XLI, issue 1, 1994, p. 85.

"The capacity to sue and be sued under WTO law", *World Trade Review*, vol. 3, No. 1, 2004, pp. 27–51.

REINISCH, August

International Organizations Before National Courts. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.

REUTER, Paul

"Consultation du professeur Reuter", *INTERPOL: Les textes fondamentaux de l'Organisation internationale de police criminelle*. Paris, Presses Universitaires de France, 2001, pp. 45–67.

RIPHAGEN, Willem

"The second round of treaty law", *in* F. Capotorti and others, eds., *Du droit international au droit de l'intégration:* Liber Amicorum *Pierre Pescatore*. Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, 1987, pp. 565–581.

SATO, Tetsuo

Evolving constitutions of international organizations: a critical analysis of the interpretative framework of the constituent instruments of international organizations. The Hague, Kluwer, 1996.

SCOTT, James Brown, ed.

The Hague Court Reports. New York, Oxford University Press, 1916.

SEIDL-HOHENVELDERN, Ignaz

"Failure of controls in the Sixth International Tin Agreement", in Niels Blokker & Sam Muller, eds., *Towards More Effective Supervision by International Organizations: Essays in Honour of Henry G. Schermers*, vol. I. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1994, pp. 255-274.

WALDOCK, Sir Humphrey

"General course on public international law", *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1962*–II. Vol. 106, pp. 192–211.

Введение

1. 9 декабря 2003 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 58/77, озаглавленную "Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят пятой сессии". В пункте 5 этой резолюции Ассамблея просила Генерального секретаря предложить "государствам и международным организациям представить информацию, касающуюся их практики, имеющей отношение к теме "Ответственность международных организаций", включая случаи, когда государства-члены международной организации могут рассматриваться в качестве ответственных за действия этой организации"[1]. Кроме того, Комиссия запросила комментарии по конкретным вопросам, представляющим для нее особый интерес; эти просьбы были высказаны в пункте 27 доклада Комиссии за 2003 год[2] и в пункте 25 ее доклада за 2004 год[3].

2. Кроме того, на своей пятьдесят пятой сессии в 2003 году Комиссия обратилась к Секретариату Организации Объединенных Наций с просьбой ежегодно направлять главу ее доклада по этой теме международным организациям в целях получения от них соответствующих комментариев. В ответ на эту просьбу от-

[1] Ответы, полученные до 1 мая 2004 года, включены в документ A/CN.4/547, воспроизведенный в настоящем томе.

[2] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), стр. 15. В 2003 году Комиссия предложила представить комментарии по следующим вопросам:

"*a*) следует ли в общую норму о присвоении поведения международным организациям включать упоминание о "правилах организации";

b) если на вопрос (a) дан положительный ответ, то является ли адекватным определение "правил организации", предусмотренное в статье 2, пункт 1 *j*, Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями;

c) в какой степени поведение сил по поддержанию мира может присваиваться участвующему государству, а в какой – Организации Объединенных Наций".

[3] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), стр. 16. В 2004 году Комиссия предложила представить комментарии по следующим вопросам:

"*a*) отношения между международной организацией и ее государствами-членами, а также между международной организацией и ее агентами в основном регламентируются правилами организации, под которыми, согласно определению, содержащемуся в пункте 4 проекта статьи 4, понимаются, " в частности: учредительные документы; решения, резолюции и другие акты, принятые организацией в соответствии с такими документами; и установившаяся практика организации". Юридическая природа правил организации по отношению к международному праву является спорной. В любом случае можно дискутировать по вопросу о том, в каких пределах Комиссии следует рассмотреть в своем исследовании об ответственности международных организаций в соответствии с международным правом возможные нарушения обязательств международной организации по отношению к ее государствам-членам или ее агентам. Какую сферу охвата следует определить Комиссии для своего исследования в этой связи?

b) среди обстоятельств, исключающих противоправность, в статье 25 об ответственности государств за международно-противоправные деяния упоминается "необходимость", на которую может ссылаться государство при определенных условиях, и прежде всего когда "деяние, не соответствующее международно-правовому обязательству этого государства, […] является единственным для государства путем защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности". Могла ли бы международная организация ссылаться на "необходимость" при аналогичном ряде обстоятельств?

c) в случае, когда определенное поведение, принятое государством-членом во исполнение просьбы со стороны международной организации, по−видимому, является нарушением международного обязательства как этого государства, так и этой ор-

(*продолжение сноски на следующей стр.*)

дельным международным организациям было предложено представить свои комментарии относительно соответствующих частей докладов Комиссии за 2003 и 2004 годы[4].

3. По состоянию на 9 мая 2005 года письменные комментарии были получены от следующих двух государств (в скобках указаны даты представления): Германия (4 апреля 2005 года) и Демократическая Республика Конго (17 мая 2004 года). Письменные комментарии были также получены от следующих восьми международных организаций (в скобках указаны даты представления): Европейская комиссия (18 марта 2005 года), Интерпол (9 февраля 2005 года), МВФ (1 апреля 2005 года), МОМД (7 февраля 2005 года), ОЗХО (1 февраля 2005 года), Секретариат Организации Объединенных Наций (9 марта 2005 года), ВОИС (19 января 2005 года) и ВТО (1 февраля 2005 года). Эти комментарии воспроизводятся ниже с разбивкой по темам.

(*продолжение сноски 3*)

ганизации, считалось ли бы, что организация также несет ответственность по международному праву? Был бы ответ на этот вопрос таким же в случае, если бы противоправное поведение государства имело место не по просьбе организации, а было лишь санкционировано ею?"

[4] Ответы, полученные до 20 апреля 2004 года, содержатся в *Ежегоднике.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/545.

Комментарии и замечания, полученные от правительств и международных организаций

A. Общие замечания

1. ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ

Общее мнение Европейской комиссии о работе Комиссии международного права в 2004 году было изложено в заявлении Европейского союза в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи 5 ноября 2004 года.

Европейская комиссия полагает, что Комиссия международного права должна в полной мере учитывать огромное разнообразие международных организаций, когда она будет адаптировать статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния к теме ответственности международных организаций. Европейский союз и Европейское сообщество сами являются воплощением этого разнообразия. В частности, Европейское сообщество – это международная организация с особыми чертами, как предусматривается в учредительных договорах. В соответствии с этими договорами государства-члены передали некоторые из своих прерогатив этой организации. Однако Европейское сообщество не может приравниваться к государству, даже с учетом того, что его институты могут обеспечивать соблюдение постановлений или других актов Европейского сообщества, которые имеют прямое применение в рамках правопорядка государств-членов. При применении этих актов Европейское сообщество полагается на свои государства-члены и их органы власти.

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 проектов статей международно-противоправное деяние международной организации имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии:

a) присваивается международной организации по международному праву; и

b) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этой международной организации[5].

Следовательно, обычная ситуация, описываемая в проекте статьи 3, пункт 2, заключается в том, что какое-либо поведение присваивается организации, которая является носителем обязательства. Вместе с тем могут иметь место случаи, в которых Европейское сообщество может считаться ответственным за нарушение международно-правовых обязательств по причине поведения органов его государств-членов.

Европейское сообщество является носителем многих международно-правовых обязательств (особенно потому, что оно заключило множество международных договоров). Однако иногда не только поведение его собственных органов, но и органов его государств-членов может быть сопряжено с нарушением таких обязательств. Следовательно, такое поведение будет prima facie присваиваться этим государствам-членам.

Примером является такая ситуация: Европейское сообщество договорилось с третьими государствами об определенном тарифном режиме посредством заключения соглашения или в рамках ВТО. Заинтересованные третьи государства устанавливают, что данное соглашение нарушается, но кем? Не органами Европейского сообщества, а таможенными органами государств-членов, на которые возложена обязанность осуществлять право сообщества. Следовательно, их естественная

[5] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), пункт 53, стр. 19.

реакция заключается в возложении вины на соответствующие государства-члены. Короче говоря, можно разделить ответственность за поведение и присвоение такого поведения: линия ответственности за поведение ведет к Европейскому сообществу, однако линия присвоения поведения ведет к одному или нескольким государствам-членам.

Этот пример показывает, почему Европейская комиссия считает, что необходимо учесть особое положение Сообщества в рамках данных проектов статей. Можно подумать о следующих способах учета особого положения Европейского сообщества и, возможно, других аналогичных организаций:

a) установление специальных правил о присвоении поведения с тем, чтобы действия органов государств-членов могли присваиваться организации;

b) установление специальных правил об ответственности с тем, чтобы ответственность можно было возлагать на организацию даже в том случае, если органы государств-членов являются главными авторами нарушения одного из обязательств, которые несет организация;

c) рассмотрение возможности того, что Европейское сообщество и подобные организации должны стать объектом специального исключения или определенного рода специальной защитительной оговорки в интересах такой организации.

Европейская комиссия предпочла бы не предусматривать последнюю возможность на данной ранней стадии. Мы выступаем за продолжение работы в отношении одного из двух других решений.

2. Международная организация уголовной полиции

Интерпол, созданная в 1923 году, является международной организацией полиции, в которой представлены 182 страны. Она содействует международному сотрудничеству между органами полиции и оказывает поддержку и помощь всем организациям, властям и службам, предназначением которых является предупреждение преступности и борьба с ней. Штаб-квартира организации находится в Лионе, Франция. Интерпол также имеет пять региональных бюро: в Абиджане, Буэнос-Айресе, Найроби, Сан-Сальвадоре и Хараре и бюро связи в Бангкоке и специального представителя, аккредитованного при Организации Объединенных Наций. Каждый член Интерпола создает национальное центральное бюро (НЦБ), укомплектованное сотрудниками национальных правоохранительных органов. Такое бюро является органом, назначенным для поддержания контактов с Генеральным секретариатом, региональными бюро и другими членами Интерпола, которые нуждаются в помощи в связи с трансграничными расследованиями, а также обнаружением и задержанием укрывающихся от правосудия лиц.

Цель заключается в содействии международному сотрудничеству между органами полиции даже в тех случаях, когда между конкретными странами нет дипломатических отношений.

Интерпол сосредоточивает свои усилия в трех областях, которые определены в качестве ее основных функций:

a) *обеспечение услуг по поддержанию связей между органами полиции в глобальных масштабах*. Основное условие международного сотрудничества между органами полиции заключается в том, чтобы полицейские силы были в состоянии пользоваться надежными каналами связи друг с другом во всем мире. В ответ на это Интерполом была создана глобальная система связей между органами полиции, известная как I-24/7 (Интерпол, 24 часа в день, 7 дней в неделю);

b) *оперативные информационные службы и базы данных для органов полиции*. Если органы полиции могут обмениваться сообщениями в международных масштабах, они нуждаются в доступе к информации, способствующей проведению ими расследований или позволяющей им предупреждать преступность. В связи с этим Интерпол создал и обеспечивает функционирование целого ряда глобальных баз данных, содержащих такие ключевые данные, как фамилии лиц, отпечатки пальцев, фотографии, ДНК, удостоверения личности и проездные документы, а также уведомления Интерпола;

c) *оперативные службы поддержки органов полиции*. Интерпол в настоящее время определяет приоритетность программ борьбы с преступностью, касающихся укрывающихся от правосудия лиц, терроризма, наркотиков и организованной преступности, торговли людьми, а также финансовых преступлений и преступлений в сфере высоких технологий. Другие проекты затрагивают проблему детской порнографии в сети Интернет, угнанных автомобилей, похищенных произведений искусства, биотерроризма, профессиональной подготовки кадров для органов полиции и сотрудничества с другими международными организациями. Еще одна функция заключается в том, чтобы оповещать органы полиции в членах Интерпола о находящихся в розыске лицах, пропавших без вести лицах, преступных modus operandi и т.д. через посредство уведомлений Интерпола. Наиболее широко известным из этих уведомлений является "срочное уведомление", которое представляет собой международную просьбу о временном аресте какого-либо лица до его выдачи. Оно основывается на действительном ордере на арест, выданном в запрашивающем члене. Оно не является международным ордером на арест. Интерпол также создал ряд рабочих групп, объединяющих экспертов со всего мира, которые являются специалистами в различных областях, в целях разработки и поощрения оптимальной практики и профессиональной подготовки по вопросам расследования преступлений и анализа преступности.

Интерпол в основном финансируется входящими в него странами, правительства которых уплачивают ежегодные взносы. Высшим руководящим органом Интерпола является Генеральная Ассамблея. Она проводит свои сессии один раз в год для принятия всех основных решений, затрагивающих общую политику. В ее состав входят делегаты, назначенные правительствами членов Интерпола. Каждая представленная страна имеет один голос, а все голоса имеют равный статус. Исполнительный комитет контролирует выполнение решений Генеральной Ассамблеи и деятельность Генерального секретаря. В состав Комитета входят 13 членов: Президент Организации (который председательствует в Комитете), три Вице-Президента и девять делегатов. Члены Комитета избираются Генеральной Ассамблеей, и они должны быть гражданами разных стран и представлять свои регионы. Президент и три Вице-Президента должны относиться к разным регионам. Президент избирается на четыре года, а Вице-Президенты – на три года. Генеральный секретарь является главным административным должностным лицом организации и старшим штатным должностным лицом. Исполнительный комитет выдвигает кандидатуру для занятия этой должности на пятилетний срок, которая подтверждается большинством в две трети голосов членов Генеральной Ассамблеи. Генеральный секретарь несет ответственность за контроль над повседневной работой по международному сотрудничеству между органами полиции, ведущейся в Генеральном секретариате, и за осуществление решений Генеральной Ассамблеи и Исполнительного комитета.

3. Международный валютный фонд

МВФ выражает признательность за возможность представить комментарии по данным проектам статей и заверения в неизменной заинтересованности в осуществлении этого важного проекта.

МВФ надеется, что его общие замечания, ответы на поставленные вопросы и комментарии по конкретным проектам статей будут способствовать Комиссии в ее весьма важных усилиях и что Комиссия серьезным образом учтет наши озабоченности в своей работе.

Кроме того, с учетом основополагающего характера вопросов, поставленных в наших общих комментариях, МВФ считает целесообразным, чтобы Комиссия разъяснила причины того, что она продолжает полагаться исключительно на проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принимая во внимание существенные различия между государствами и международными организациями и между международными организациями inter se. По мере продолжения Комиссией своей работы МВФ может счесть необходимым возвратиться к предыдущим проектам статей и надеется, что Комиссия благосклонно отнесется к получению дополнительных комментариев по этим положениям. МВФ рассчитывает на его дальнейшее участие в осуществлении этого проекта.

4. Международный орган по морскому дну

Ознакомившись с пунктом 25 и главой V доклада Комиссии[6], МОМД пришел к выводу, что вопрос об ответственности международных организаций, который в настоящее время рассматривается Комиссией, является не только важным, но и весьма сложным. Хотя МОМД готов вносить свой вклад в работу Комиссии, насколько, возможно, он в состоянии это сделать в будущем, МОМД хотел бы воспроизвести в порядке информирования Комиссии по вопросам, касающимся сферы ее исследования, следующие соответствующие положения Правил поиска и разведки полиметаллических конкреций в Районе, утвержденных Ассамблеей МОМД в 2000 году (ISBA/6/A/18, приложение):

Правило 35

Данные и информация, имеющие характер собственности, и конфиденциальность

1. Данные и информация, представленные или переданные Органу или любому лицу, участвующему в какой бы то ни было деятельности или программе Органа, во исполнение настоящих Правил или контракта, заключенного согласно настоящим Правилам, и обозначенные контрактором в консультации с Генеральным секретарем в качестве имеющих конфиденциальный характер, считаются конфиденциальными, если речь не идет о данных и информации, которые:

a) общеизвестны или доступны из других источников;

b) были ранее представлены их собственником другим лицам без обязательства соблюдать их конфиденциальность;

c) уже находятся во владении Органа без обязательства соблюдать их конфиденциальность.

2. Конфиденциальные данные и информация могут использоваться Генеральным секретарем и персоналом Секретариата, с санкции Генерального секретаря, и членами Юридической и технической комиссии только при необходимости и только для эффективного осуществления ими своих полномочий и функций. Генеральный секретарь санкционирует доступ к таким данным и информации только для ограниченного пользования в связи с осуществлением сотрудниками Секретариата своих функций и обязанностей и функций и обязанностей Юридической и технической комиссии.

3. Через 10 лет после даты представления конфиденциальных данных и информации Органу или после истечения контракта на разведку в зависимости от того, что наступает позднее, и через каждые пять лет после этого Генеральный секретарь и контрактор производят обзор таких данных и информации с целью определить, должны ли они оставаться конфиденциальными. Такие данные и информация остаются конфиденциальными, если контрактор определяет, что в случае опубликования таких данных и информации возникнет существенный риск серьезного и несправедливого экономического ущерба. Такие данные и информация не публикуются до тех пор, пока контрактору не будет предоставлена разумная возможность истощения средств судебной защиты, имеющихся в его распоряжении согласно разделу 5 части XI Конвенции [Организации Объединенных Наций по международному морскому праву].

4. Если в какой-либо момент времени после истечения контракта на разведку контрактор подписывает контракт на разработку в отношении любой части разведочного района, конфиденциальные

[6] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая).

данные и информация, касающиеся этой части района, сохраняют конфиденциальность в соответствии с контрактом на разработку.

5. Контрактор может в любое время отказаться от конфиденциальности данных и информации.

Правило 36

Процедуры обеспечения конфиденциальности

1. Генеральный секретарь отвечает за сохранение конфиденциальности всех таких конфиденциальных данных и информации и без предварительного письменного согласия контрактора не разглашает такие данные и информацию какому-либо лицу, постороннему для Органа. Для обеспечения конфиденциальности таких данных и информации Генеральный секретарь устанавливает в соответствии с положениями Конвенции процедуры обращения с конфиденциальной информацией для членов Секретариата, членов Юридической и технической комиссии и любых других лиц, участвующих в какой бы то ни было деятельности или программе Органа. Такие процедуры включают:

a) хранение конфиденциальных данных и информации в надежных местах и разработку процедур безопасности для предотвращения несанкционированного доступа к таким данным и информации или их изъятия;

b) составление и ведение классификации, перечня или описи всех полученных письменных данных и информации с указанием их типа, источника и схемы прохождения с момента получения до момента окончательного распоряжения ими.

2. Лицо, уполномоченное согласно настоящим Правилам иметь доступ к конфиденциальным данным и информации, не разглашает такие данные и информацию, за исключением тех случаев, когда это разрешается Конвенцией или настоящими Правилами. Генеральный секретарь предписывает любому лицу, уполномоченному иметь доступ к конфиденциальным данным и информации, делать письменное заявление в присутствии Генерального секретаря или назначенного им представителя о том, что имеющее такой допуск лицо:

a) признает свои юридические обязательства согласно Конвенции и настоящим Правилам относительно неразглашения конфиденциальных данных и информации;

b) соглашается соблюдать применимые правила и процедуры, установленные для обеспечения конфиденциальности таких данных и информации.

3. Юридическая и техническая комиссия ограждает конфиденциальность конфиденциальных данных и информации, представленных ей в соответствии с настоящими Правилами или контрактом, заключенным согласно настоящим Правилам. В соответствии с положениями пункта 8 статьи 163 Конвенции члены Комиссии не должны разглашать даже после прекращения осуществления своих функций никаких промышленных секретов, имеющих характер собственности данных, которые передаются Органу в соответствии со статьей 14 приложения III Конвенции, или любую другую конфиденциальную информацию, которая стала им известна в силу их обязанностей, выполняемых в Органе.

4. Генеральный секретарь и персонал Органа не должны разглашать даже после прекращения осуществления своих функций в Органе никаких промышленных секретов, имеющих характер собственности данных, которые передаются Органу в соответствии со статьей 14 приложения III Конвенции, или любую другую конфиденциальную информацию, которая стала им известна в силу их службы в Органе.

5. Принимая во внимание ответственность Органа согласно статье 22 приложения III Конвенции, Орган может принимать какие бы то ни было надлежащие меры в отношении любого лица, которое в силу своих обязанностей, выполняемых в Органе, имеет доступ к каким-либо конфиденциальным данным и информации и которое нарушает обязательства в отношении конфиденциальности, содержащиеся в Конвенции и настоящих Правилах.

В проекте правил поиска и разведки *полиметаллических сульфидов* и *кобальтоносных железномарганцевых корок* в Районе, который был представлен Юридической и технической комиссией Органа в 2004 году на рассмотрение Совета в 2005 году, также содержатся аналогичные положения, касающиеся конфиденциальных данных и обязательства Органа обеспечивать их конфиденциальность (ISBA/10/C/WP.1, правила 38–39).

5. Всемирная торговая организация

Насколько известно, Юридическая служба ВТО до настоящего времени не сталкивалась с каким-либо официальным утверждением о нарушении международного права ВТО. В результате этого ВТО не считает, что обладает опытом, необходимым для представления любых содержательных комментариев относительно работы Комиссии на данной стадии. Однако ВТО была бы признательна за возможность дальнейшего участия в процессе консультаций в будущем.

B. Проект статьи 1. Сфера охвата настоящих проектов статей

4. В проекте статьи 1, принятом в предварительном порядке Комиссией на ее пятьдесят пятой сессии в 2003 году, говорится следующее:

Статья 1. Сфера охвата настоящих проектов статей

1. Настоящие проекты статей применяются к международной ответственности международной организации за деяние, которое является противоправным по международному праву.

2. Настоящие проекты статей также применяются к международной ответственности государства за международно-противоправное деяние международной организации[7].

Международная организация уголовной полиции

Пункт 2

С учетом предлагаемого определения термина "международная организация" следует отметить, что его необходимо определить с точки зрения того, целесообразно ли в пункте 2 говорить только о международной ответственности государства за международно-противоправное деяние международной организации. Не должен ли пункт 2 проекта статьи 1 также охватывать ответственность государств, не являющихся членами международной организации, за международно-противоправное деяние этой организации?

Как разъясняется во втором предложении текста проекта статьи 2 (Употребление терминов), "международные организации могут включать в качестве членов,

[7] См. сноску 5, выше.

наряду с государствами, и другие образования. И действительно, международная практика подтверждает, что не только государства являются членами международной организации. Фактически, как отметил Броунли, хотя "в состав членов организаций, как правило, входят государства, ряд организаций в действительности придерживаются функциональной концепции членства, совместимой с их особыми целями"[8].

Это относится именно к Интерполу. В настоящее время в Интерпол через свои органы полиции представлены суверенные государства, а также страны, которые не являются независимыми, но которые являются самоуправляющимися с точки зрения вопросов охраны правопорядка. Положение в Интерполе подтверждает высказывавшееся в научных работах общее мнение о том, что не существует общей нормы международного права, которая запрещает членство самостоятельных национальных институтов, территорий, не являющихся независимыми[9], ассоциированных государств[10] или иных образований в международных организациях. Вопрос о том, допускается ли их членство, должен решаться главным образом на основании соответствующих правил организации. Существуют международные организации, которые прямо допускают участие несуверенных стран в качестве полноправных членов. Примером могут служить некоторые в равной мере функциональные организации, такие, как ВПС и ВМО. Некоторые международные организации, занимающиеся вопросами торговли, также допускают членство территорий, не являющихся независимыми. Это верно в отношении ВТО, Агентства по информации и сотрудничеству в области международной торговли, Консультативного центра по праву ВТО и Всемирной таможенной организации. Другие функциональные международные организации также допускают участие территорий, не являющихся независимыми. Кроме того, существует ряд региональных организаций, которые также допускают участие несуверенных стран в качестве их полноправных членов. Недавно в отношении постановления о выкупе частных акций Банком международных расчетов (БМР)[11] было подтверждено, что БМР является одним из примеров, когда страны объединяются и создают международную организацию, членами которой, однако, являются центральные банки договаривающихся государств, а не сами государства[12]. Аналогичным образом, статья IV Соглашения о создании Объединенного венского института также проводит различие между сторонами Соглашения и членами Института[13]. Межпарламентский союз является международной организацией парламентов суверенных государств. МПС был преобразован с ассоциации отдельных парламентариев в международную организацию парламентов суверенных государств. Его членами являются не государства, а парламенты государств.

C. Проект статьи 2. Употребление терминов

5. В проекте статьи 2, принятом в предварительном порядке Комиссией на ее пятьдесят пятой сессии в 2003 году, говорится следующее:

Статья 2. Употребление терминов

Для целей настоящих проектов статей термин "международная организация" означает организацию, учрежденную на основании международного договора или иного документа, регулируемого международным правом, и обладающую своей собственной международной правосубъектностью. Международные организации могут включать в качестве членов, наряду с государствами, и другие образования[14].

1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ

В соответствии с первым предложением текста проекта статьи 2 международные организации являются ничем иным, как юридическими лицами, автономная правоспособность которых вытекает не из какого-либо национального законодательства, а из публичного международного права. Как представляется, это полностью охватывает понятие международной организации. Можно задать вопрос о том, является ли второе предложение текста действительно необходимым. Теоретически международная организация, как она определена в первом предложении текста, может существовать, однако в ней может не быть членов вообще. Отвечает ли цели данного проекта статьи исключение организаций, в которых вообще нет членов, из сферы применения норм об ответственности?

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

Несмотря на ранее высказанные замечания по проекту статьи 2, ВМФ желает указать на фактическую ошибку, допущенную в ранее подготовленных комментариях к этому проекту статьи, и попросить о разъяснениях в отношении связанного с этим предположения.

В сноске 46, содержащейся в докладе 2003 года[15] и касающейся определения международных организаций, указывается, что только международные организации являются членами Объединенного венского инсти-

---

[8] Brownlie, *Principles of Public International Law*, p. 660. См. также Fawcett, "The place of law in an international organization", p. 341.

[9] См. Kovar, "La participation des territoires non autonomes aux organisations internationales".

[10] См. Igarashi, *Associated Statehood in International Law*, pp. 283–294.

[11] Permanent Court of Arbitration, partial award on the lawfulness of the recall of the privately held shares on 8 January 2001 and the applicable standards for valuation of those shares (22 November 2002) (www.pca-cpa.org).

[12] См. Bermejo, "La banque des règlements internationaux: approche juridique", pp. 100–101.

[13] Объединенный венский институт является совместным органом шести международных организаций – Банка международных расчетов, Европейского банка реконструкции и развития, Международного банка реконструкции и развития, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития и Всемирной торговой организации, – а также правительства Австрии. Он обеспечивает профессиональную подготовку должностных лиц стран Центральной и Восточной Европы, бывшего Советского Союза и стран Азии, экономика которых ранее была централизованно планируемой.

[14] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), пункт 53, стр. 19.

[15] Там же, стр. 23.

тута, тогда как фактически Австрия в настоящее время также является членом института.

В той же сноске указывается, что Объединенный венский институт не будет охватываться данными проектами статей, поскольку его членами являются только международные организации. Основание для такого утверждения является для МВФ неясным. Фонд был бы признателен, если бы Комиссия или Специальный докладчик смогли пояснить, почему членство только международных организаций в другой международной организации исключает эту другую организацию из сферы охвата нынешних проектов статей. Кроме того, что касается Объединенного венского института, то обусловливает ли членство в нем одного государства его охват этими проектами статей или же требуется членство более чем одного государства (поскольку в последнем предложении текста проекта статьи 2 слово "государство" используется во множественном числе)?

В связи с этим МВФ также был бы признателен за некоторые разъяснения, касающиеся смысла, придаваемого термину "государство" в этих проектах статей. В комментарии к проекту статьи 2 разъясняется, что термин "государство" может пониматься как включающий государственные органы или учреждения. Позволяет ли эта ссылка включать учреждения, которые являются самостоятельными юридическими лицами? Например, считается ли центральный банк, принадлежащий государству, государством для целей этих проектов статей? Будет ли действие этих проектов статей распространяться на организацию, в состав которой входят центральные банки?

D. Проект статьи 3. Общие принципы

6. В проекте статьи 3, принятом в предварительном порядке Комиссией на ее пятьдесят пятой сессии в 2003 году, говорится следующее:

Статья 3. Общие принципы

1. Каждое международно-противоправное деяние международной организации влечет за собой международную ответственность этой международной организации.

2. Международно-противоправное деяние международной организации имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии:

a) присваивается международной организации по международному праву; и

b) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этой международной организации[16].

1. Международная организация уголовной полиции

См. комментарии, изложенные в разделе L, ниже.

2. Международный валютный фонд

МВФ также хотел бы подчеркнуть, что некоторые заявления, изложенные в пункте 72 (2) данного проекта доклада 2004 года[17] и в пункте 1 комментария к проекту статьи 3[18], содержат необоснованную и непонятную характеристику основополагающих вопросов, когда высказывается предположение о том, что присвоение поведения не является важным требованием для возникновения международной ответственности международных организаций.

В пункте 5 комментария к проекту статьи 1 прямо указывается, что "международная ответственность увязана с нарушением обязательства по международному праву"[19]. В нем также признается, что международная ответственность может возникать при осуществлении деятельности, не запрещенной по международному праву, "только в том случае, если применительно к этой деятельности нарушено обязательство по международному праву"[20]. Если международная ответственность обязательно требует, чтобы наличествовало нарушение обязательства, то тогда международная ответственность за это нарушение не может возлагаться на субъект международного права, если только поведение, приведшее к такому нарушению, не присваивается данному субъекту международного права. МВФ не известно о поддержке предположения о том, что присвоения поведения не требуется для установления международной ответственности в таких случаях.

В проектах статей об ответственности государств международно-противоправные деяния термин "международная ответственность" используется для того, чтобы охватить "отношения, возникающие по международному праву в результате международно-противоправного деяния государства"[21]. Следует признать, что данное заявление можно толковать как означающее, что термин "международная ответственность" может также охватывать международно-правовые отношения, которые возникают также из других актов государства (т.е. актов, которые не являются противоправными). Однако в проектах статей об ответственности государств категорически указывается, что они не касаются таких первичных обязательств. Напротив, "для целей настоящих статей [т.е. статей об ответственности государств] международная ответственность является следствием исключительно противоправного деяния, совершенного в нарушение международного права"[22]. Кроме того, в проектах статей также прямо указывается, что для установления факта международно-противоправного деяния

[16] Там же, пункт 53, стр. 24.

[17] См. сноску 6, выше.

[18] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), стр. 24.

[19] Там же, стр. 20.

[20] Там же.

[21] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), пункт 5 комментария к проекту статьи 1, стр. 36.

[22] Там же, пункт 4 *c* общего комментария, стр. 33.

соответствующее поведение "должно присваиваться государству по международному праву"[23].

Следовательно, даже в соответствии с нынешними проектами статей поведение государства или другой организации может привести к возникновению ответственности международной организации только в том случае, если это поведение присваивается международной организации, на которую возлагается ответственность. Даже поведение, в иных отношениях не присваиваемое, но признанное и подтвержденное международной организацией как ее поведение, становится присваиваемым этой организации в силу такого признания и подтверждения[24].

В связи с этим удивительно, что в комментарии сейчас утверждается о том, что "ответственность международной организации может в некоторых случаях также возникать, если поведение и не присваивается этой международной организации"[25]. Мы не признаем обоснованности такого предположения и не усматриваем правовой основы, на которой можно было бы согласиться с этим заявлением как либо кодифицирующим общий принцип международного права, либо представляющим собой предложение в отношении его прогрессивного развития.

E. Проект статьи 4. Общее правило о присвоении поведения международной организации

7. В проекте статьи 4, принятом в предварительном порядке Комиссией на ее пятьдесят шестой сессии в 2004 году, говорится следующее:

Статья 4. Общее правило о присвоении поведения международной организации

1. Поведение органа или агента международной организации при выполнении функций такого органа или агента рассматривается в качестве деяния такой организации по международному праву, независимо от положения, которое занимает этот орган или агент в структуре организации.

2. Для целей пункта 1 термин "агент" включает должностные лица и другие лица или образования, через которые действует организация.

3. Функции органов и агентов организации определяются на основе правил организации.

4. Для цели настоящего проекта статьи "правила организации" означают, в частности: учредительные документы; решения, резолюции и другие акты, принятые организацией в соответствии с такими документами; и установившуюся практику организации"[26].

[23] Там же, пункт 1 комментария к проекту статьи 2, стр. 36.

[24] Генеральная Ассамблея отметил схожесть с проектом статьи 11 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, приложение).

[25] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 72 2, стр. 55).

[26] Там же, пункт 71, стр. 54–55.

1. Международная организация уголовной полиции

a) *Пункт 2*

Реальная деятельность Интерпола показывает, что какое−либо образование может быть органом или агентом и какой−либо страны, и какой−либо международной организации одновременно. В таком случае, даже если один из ее органов или агентов причастен к поведению, такое поведение не всегда, по определению, присваивается Интерполу. Этого, несомненно, не произойдет в случае, если соответствующее действие совершается в пределах компетенции местных правоохранительных органов. Следовательно, правило, предложенное Комиссией, должно быть обусловлено, с тем чтобы отразить этот нюанс.

В случае Интерпола при любом обсуждении вопроса о присвоении поведения организации следует принимать во внимание статью 5 его Устава[27]. В соответствии со статьей 5 Интерпол включает:

– Генеральную Ассамблею;

– Исполнительный комитет;

– Генеральный секретариат;

– национальные центральные бюро;

– советников.

Устав Интерпола далее предусматривает, что при выполнении своих функций все члены Исполнительного комитета действуют как представители Интерпола, а не как представители своих стран (статья 21). Аналогичным образом, Генеральный секретарь и сотрудники объявляются международными должностными лицами, которые не могут при исполнении своих обязанностей представлять свои страны или получать от них инструкции (статьи 29–30).

b) *Поведение национальных центральных бюро*

Мнения расходятся в связи с вопросом о том, являются ли национальные центральные бюро (НЦБ), упомянутые в статье 5, органами МОУП. В заключении, вынесенном в 1980 году по просьбе Генерального секретаря Интерпола, Рейтер занял нижеследующую позицию, в которой не проводится различие между присвоением поведения и ответственностью за него:

Национальные центральные бюро не являются органами организации; их функции не определяются положениями Устава; они не подчиняются Генеральному секретарю. В случае совершения противоправного деяния на национальном или международном уровнях каким-либо национальным бюро, ответственность за

[27] Это положение выполняет такую же функцию, что и аналогичные положения уставов других международных организаций, например, статья XII, раздел 1 Статей Соглашения МВФ, статья III Устава ЮНЕСКО, статья 13 Устава ВПС и т.д.

это несет не МОУП, а государство, под юрисдикцией которого это бюро подпадает[28].

Утверждение Рейтера, изложенное в первом предложении текста вышеприведенной цитаты, не является точным. Устав и практика организации содержат достаточно ориентиров, которые поддерживают точку зрения о том, что национальные центральные бюро являются либо органами, либо агентами Интерпола[29]. Из доклада № 5 Генерального секретаря Генеральной Ассамблее на ее тридцать четвертой сессии (Рио-де-Жанейро, Бразилия, 16–23 июня 1965 год) вытекает, что в период с 1925 по 1927 год включительно понятие национальных центральных бюро относилось к национальным органам, ответственным за централизованный сбор документации и переписку с иностранными органами по вопросам охраны правопорядка. Первые национальные центральные бюро были созданы в период с 1927 по 1938 год. С 1946 года по 1954 год национальные центральные бюро укрепили свою ведущую роль в системе международного сотрудничества между органами полиции, а в 1956 году понятие НЦБ считалось достаточно прочным и ясным для его включения в перечень, содержащийся в статье 5 Устава, в качестве части структуры организации. Генеральный секретарь охарактеризовал НЦБ следующим образом:

> Национальное центральное бюро Интерпола является на национальном уровне корреспондентом, представителем, компетентным ответственным органом Организации; следовательно оно является национальным центром, занимающимся вопросами сотрудничества между органами полиции[30].

В дополнение к перечню, содержащемуся в статье 5, статья 26 *e* Устава Интерпола предусматривает, что Генеральный секретариат должен заниматься исключительно национальными центральными бюро в том, что касается вопросов, относящихся к розыску преступников. Что еще более важно, статья 32 требует от каждой входящей в Интерпол страны указать орган, который будет действовать в качестве НЦБ. НЦБ обеспечивает связи с:

i) различными ведомствами в стране;

ii) теми органами в других странах, которые выступают в качестве национальных центральных бюро;

iii) Генеральным секретариатом организации.

Национальные центральные бюро играют ведущую роль в системе международного сотрудничества между органами полиции, созданной Интерполом. Этот аспект был разъяснен в ходе тридцать четвертой сессии Генеральной Ассамблеи[31], на которой доклад, озаглавленный "Национальное центральное бюро Интерпола: политика", был включен в качестве добавления к Общим правилам. В 1994 году на шестьдесят третьей сессии Ассамблеи, проходившей в Риме, 17 служебных стандартов для национальных центральных бюро были приняты в качестве добавления к Общим правилам[32]. Эти служебные стандарты установили оптимальную практику в отношении операций национальных центральных бюро и создали основу для оценки итогов деятельности национальных центральных бюро с учетом такой оптимальной практики. Осуществление этих стандартов призвано расширять предоставление взаимной помощи и услуг между национальными центральными бюро и поддержки национальных центральных бюро со стороны Генерального секретариата. Это обстоятельство подтверждает мнение о том, что национальные центральные бюро являются "органами" или "агентами" Интерпола.

Таким образом, Устав Интерпола идет дальше упоминания о национальных центральных бюро как о компонентах структуры организации. Кроме того, он определяет их функции по отношению к Генеральному секретариату (но не по отношению к организации), к другим ведомствам стран и к другим национальным центральным бюро. Соответственно, поскольку Генеральная Ассамблея обладает полномочиями по регулированию некоторых аспектов, касающихся других компонентов структуры организации, она также в законном порядке уполномочена статьей 44 Устава принимать правила в отношении национальных центральных бюро.

С учетом прецедентов, установленных МС и касающихся понятия "агента" организации, рассматривавшегося в комментарии к проекту статьи 4[33], необходимо признать, что национальные центральные бюро должны рассматриваться в качестве либо органов, либо агентов МОУП в том, что касается особой функции поддержания связей, возложенной на них Уставом организации. Вместе с тем, как упоминалось ранее, эта функция обусловливается необходимостью соблюдения пределов законодательства, действующего в различных странах (статья 2, пункт 1) и соответствием действий членов законодательству их стран (статья 31). В результате этого Интерпол никогда не осуществляет эффективный контроль над каким-либо НЦБ. Кроме того, фактическое задержание разыскиваемого лица или использование доказательств, полученных из источников Интерпола (включая уголовно-правовой анализ, проводимый Генеральным секретариатом) в ходе применения национальных уголовно-правовых процедур, являются действиями, которые могут предпринимать только национальные правоохранительные органы, причем нельзя сказать, что они основываются на правилах Интерпола. Таким образом, даже в том случае, если национальные центральные бюро должны рассматриваться как либо органы, либо агенты Интерпола с учетом положений статьи 32 Устава в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и статьей 31, поведение национальных цен-

---

[28] Consultation du professeur Reuter", pp. 60–61.

[29] Следует отметить, что в английском тексте Устава Интерпола используется не термин "organs", а термин "body" (например в статьях 6, 26 и 29). Во французском тексте используются слова "organes", "organismes" и "institutions". В испанском тексте используются слова "organos" и "organismos".

[30] AGN/34/RAP/5, p. 6.

[31] Ibid., p. 3.

[32] AGN/63/RES/14.

[33] См. сноску 6, выше.

тральных бюро, как правило, не будет присваиваться Интерполу. В решении по делу *Founding Church of Scientology* v. *Donald T. Regan Secretary of the Treasury* содержится следующее описание статуса национальных центральных бюро, которое отчасти отражает вышеизложенное:

> Интерпол создал всемирную коммуникационную сеть, однако все фактические функции по расследованию и охране правопорядка выполняются внутренними органами полиции участвующих правительств. Каждое государство-член назначает национальное правоохранительное учреждение – Соединенные Штаты Америки назначили свое национальное центральное бюро – в качестве своего "национального центрального бюро" для обеспечения обмена сообщениями и информацией между данной страной и Интерполом. Официальные запросы, направляемые правоохранительными органами какого-либо государства-члена, передаются через его национальное центральное бюро Интерполу, а ответы направляются в обратном порядке. Таким образом, национальные центральные бюро служат в качестве звена передачи сообщений и информации между внутренними правоохранительными органами и Интерполом, который в свою очередь является каналом связи между национальными центральными бюро различных стран[34].

Очевидно, что это описание не вполне корректно сравнивает Общий секретариат МОУП с организацией в целом. Тем не менее, в нем правильно разъясняется, что национальные правоохранительные органы остаются ответственными за действия по охране правопорядка на своей территории.

Решение по этому делу также проливает свет на вопрос о том, каким образом следует подходить к статусу национальных центральных бюро по отношению к организации для целей присвоения поведения. Это решение было вынесено по апелляции на предписания окружного суда Соединенных Штатов Америки округа Колумбия, которые требуют, чтобы национальное центральное бюро Соединенных Штатов Америки предало гласности документарные материалы, ранее полученные от зарубежных органов полиции через Генеральный секретариат Интерпола, касающиеся церкви сайентологии, в соответствии с Законом Соединенных Штатов Америки о свободе информации, а также получило и индексировало аналогичные документы из архивов Интерпола во Франции. Апелляционный суд Соединенных Штатов Америки установил, что Закон о свободе информации уполномочивает федеральные суды Соединенных Штатов Америки принуждать к преданию гласности архивов ведомств, которые ненадлежащим образом утаиваются, однако не предоставляет судам какого-либо полномочия предписывать ведомствам получать в свое распоряжение или осуществлять контроль над архивами, которыми они уже не располагают.

Следовательно, ключевой вопрос заключался в том, можно ли сравнивать национальное центральное бюро Соединенных Штатов Америки и Интерпол. Окружной суд занял позицию, согласно которой от национального центрального бюро Соединенных Штатов Америки требуется получение испрашиваемых документов от Интерпола на основании раздела Закона о свободе информации, предусматривающего поиск и сбор запрашиваемых архивов из отделений на местах и других учреждений, которые являются самостоятельными по сравнению с ведомством, выполняющим такую просьбу. Апелляционный суд Соединенных Штатов Америки пришел к иному заключению. Он не согласился с таким обоснованием своего решения окружным судом. Он счел, что, хотя национальное центральное бюро Соединенных Штатов Америки является филиалом Интерпола, оно служит только в качестве органа связи Соединенных Штатов Америки с организацией; оно не является ни отделением, ни агентом Интерпола. Суд основывал эту квалификацию на деле *Mohammad Sami* v. *United States of America*, по которому было установлено, что "национальное центральное бюро Соединенных Штатов Америки действовало исключительно в качестве агента национального правительства, которое создало, укомплектовало кадрами, финансировало и оборудовало это бюро"[35], и что по этой причине существования национального центрального бюро Соединенных Штатов Америки в округе Колумбия недостаточно для установления условия в отношении персональной юрисдикции окружного суда над Интерполом. По мнению Апелляционного суда, эта же аргументация в полной мере относится к данному случаю. Если национальное центральное бюро Соединенных Штатов Америки недостаточным образом связано с Интерполом для того, чтобы последняя стала объектом юрисдикции окружного суда, то, несомненно, Интерпол является третьей стороной, получение документов у которой нельзя предписать НЦБ. Следовательно, Апелляционный суд отменил предписание окружного суда, требующее, чтобы национальное центральное бюро Соединенных Штатов Америки получило и индексировало документы, которые уже были направлены Интерполу.

Вышеизложенное утверждение о том, что поведение НЦБ, как правило, не будет присваиваться Интерполу даже в том случае, если национальные центральные бюро считаются либо органами, либо агентами Интерпола, подтверждается тем, каким образом Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Комиссия по правам человека Организации Объединенных Наций, а также МС (в связи с делом *Yerodia*)[36] рассматривали жалобы на поведение национальных центральных бюро, которое, как утверждалось, представляло собой нарушение основных прав лиц, которые разыскивались или были задержаны через систему Интерпола. Во всех этих случаях действия национальных центральных бюро присваивались их странам.

Нужно признать, что когда национальные центральные бюро пополняют или используют любую базу данных Генерального секретариата Интерпола, то это представляет собой типичную функцию связи, предусмотренную статьей 32 *c* Устава Интерпола. Однако в дополнение к условиям обеспечения соблюдения пре-

---

[34] United States Court of Appeals, District of Columbia Circuit, 670 F.2d 1158 (31 December 1981).

[35] 617 F.2d 755, at p. 760 (1979).

[36] *Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo* v. *Belgium), Judgment, I.C.J. Reports 2002*, p. 3.

делов законодательства, действующего в различных странах (статья 2, пункт 1) и соответствия действий членов законодательству своих стран (статья 31) другие важные положения обеспечивают, чтобы такие действия не присваивались Интерполу. Статья 5 Правил обработки информации для целей международного сотрудничества между органами полиции, принятых Интерполом, прямо указывает, что:

a. НЦБ (и другие уполномоченные органы) остается ответственным за информацию, которую оно направляет через систему информации органов полиции и которая может быть занесена в архивы организации;

b. НЦБ должно предпринимать шаги по обеспечению того, чтобы такая информация отвечала условиям ее обработки организацией;

c. НЦБ должно предпринимать любые надлежащие шаги для обеспечения достоверности и значимости информации и уведомлять Генеральный секретариат о любом изменении или изъятии, которое необходимо произвести;

d. до использования любой информации, полученной через информационную систему Интерпола, национальные центральные бюро (и другие уполномоченные органы) должны снестись с Генеральным секретариатом и источником данной информации для обеспечения того, чтобы такая информация оставалась достоверной и значимой[37].

Необходимо сделать вывод о том, что, даже хотя национальные центральные бюро следует отнести к категории органов или, по меньшей мере, агентов Интерпола, когда они действуют в своем качестве местных правоохранительных органов, их поведение, как правило, не может быть присвоено Интерполу. Следовательно, правило, предложенное Комиссией, должно быть обусловлено, с тем чтобы отразить этот нюанс.

c) *Поведение Генерального секретариата: функции, возлагаемые на него правилами организации*

Упоминаемые в ежегодных докладах Комиссии рекомендации, касающиеся осуществления контроля над архивами Интерпола и вынесенные после расследований по индивидуальным жалобам, подтверждают, что действия Генерального секретариата в отношении обработки информации являются действиями организации, которые, как считается, влекут за собой ответственность организации.

Предоставление Генеральным секретариатом третьим сторонам доступа к архивам Интерпола также представляет собой поведение, присваиваемое Интерполу.

С учетом сопряженных с этим рисков статьи 2 и 3 Правил обработки информации для целей международного сотрудничества между органами полиции, принятых Интерполом, ограничивают цели, в которых информация может быть обработана Интерполом или через ее каналы, двумя целями:

i) обработка информации для международных целей органов полиции;

ii) обработка информации для целей, касающихся эффективного управления организацией.

В частности, обработка номинальных данных для любой другой цели была бы ultra vires. Для обеспечения того, чтобы архивы Интерпола оставались в пределах действия статей 2–3 ее Устава, статья 10 Правил обработки информации для целей международного сотрудничества между органами полиции, принятых Интерполом, устанавливает общие условия для обработки информации Генеральным секретариатом. Она отражает обязательства, возложенные на национальные центральные бюро в статье 5. Их положения возлагают на Генеральный секретариат обязательство проверять, является ли обрабатываемая информация intra vires и в иных отношениях соответствующей правилам Интерпола.

В связи с делом *Yerodia*[38] на первый план выдвинулось то обстоятельство, что, когда Генеральный секретариат обрабатывает информацию, касающуюся какого-либо лица, и направляет "срочное уведомление" для его ареста, Интерпол может быть вовлечен в ситуации, которые не соответствуют международному праву. Генеральный секретариат обрабатывает информацию и направляет уведомления главным образом по просьбе национальных центральных бюро. Соответственно, просьба Бельгии о розыске министра иностранных дел Демократической Республики Конго того времени г−на Ородиа была рассмотрена и было направлено "срочное уведомление". Выданный Бельгией ордер на арест был оспорен Демократической Республикой Конго в МС. После изучения условий ордера на арест Суд указал, что его выдача, как таковая, представляла собой акт бельгийских судебных органов, призванный обеспечить арест на территории Бельгии находящегося на своей должности министра иностранных дел по обвинению в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Суд отметил, что данный ордер, нужно признать, предусматривал исключение на случай официального визита г−на Ородиа в Бельгию и что г−н Ородиа никогда не подвергался аресту в Бельгии. Вместе с тем Суд счел себя обязанным установить, что с учетом характера и цели данного ордера его простая выдача представляет собой нарушение иммунитета erga omnes, которым г−н Ородиа пользуется в качестве действующего министра иностранных дел Демократиче-

[37] Статья 10 Правил устанавливает соответствующие обязательства Генерального секретариата.

[38] См. сноску 36, выше.

ской Республики Конго. Соответственно Суд пришел к выводу о том, что выдача этого ордера на арест является нарушением обязательства Бельгии по отношению к Демократической Республике Конго, поскольку она не смогла обеспечить уважение иммунитета этого министра и, говоря более конкретно, нарушила иммунитет от уголовного преследования и неприкосновенность, которыми тогда пользовался министр в соответствии с международным правом. Суд также установил, что, как и в случае выдачи этого ордера на арест, его международное распространение с июня 2000 года бельгийскими властями с учетом его характера и цели фактически нарушало иммунитет г‒на Еродиа в качестве действующего министра иностранных дел Демократической Республики Конго и, кроме того, неизбежно окажет воздействие на ведение Демократической Республикой Конго своих международных отношений. Суд заключил, что распространение ордера, независимо от того, воспрепятствовало ли это в значительной мере дипломатической деятельности г‒на Еродиа, представляло собой нарушение обязательства Бельгии по отношению к Демократической Республике Конго, поскольку его выдача была сопряжена с неуважением иммунитета действующего министра иностранных дел Демократической Республики Конго и, говоря более конкретно, нарушением иммунитета от уголовного преследования и неприкосновенности, которой тогда пользовался министр в соответствии с международным правом.

После вынесения МС решения по делу *Yerodia* принятые Интерполом Правила обработки информации для целей международного сотрудничества между органами полиции в настоящее время содержат конкретные положения, требующие, чтобы Генеральный секретариат производил проверку того, соответствует ли информация, обрабатываемая каким‒либо национальным центральным бюро или другим уполномоченным органом, законодательству, действующему в его стране, и соответствует ли она международным конвенциям, участником которых является страна-источник (статья 10, пункт *a*). Возникла необходимость разъяснить это правило, поскольку в связи с делом *Yerodia* Генеральный секретариат направил "срочные уведомления", помимо бельгийских ордеров на арест, которые, как было впоследствии установлено, не соответствовали обязательствам Бельгии по международному праву.

d) *Пункт 3*

В соответствии с комментарием к пункту 3 проекта статьи 4[39] формулировка указанного пункта, не предусматривающая применение правил организации как единственный критерий для установления того, какие функции возложены на каждый орган или агента, призвана оставить открытой возможность того, что при исключительных обстоятельствах такие функции могут рассматриваться как предоставленные органу или агенту даже в том случае, если нельзя сказать, что это основывалось на правилах организации.

Генеральный секретариат Интерпола предлагает Комиссии принять во внимание нижеследующее.

Как признала Комиссия, в отношении международных организаций действует "принцип специализации"[40]. Этот принцип ставит барьер тому, какие задачи организация может принять от третьих сторон. Как представляется, он соответствует консультативному заключению по *South West Africa—Voting Procedure* [41], согласно которому принцип expressio unius est exclusio alterius применяется тогда, когда предоставленное в неуставном порядке полномочие требует, чтобы какой-либо орган действовал таким образом, что это противоречит основной цели или основной структуре организации[42].

В случае Интерпола четвертый пункт статьи 41 ее Устава прямо предусматривает, что с согласия Генеральной Ассамблеи или Исполнительного комитета Генеральный секретарь может принимать на себя только обязанности, которые входят в сферу деятельности и полномочий организации, других международных учреждений или организаций или обязанности по исполнению международных соглашений. Это отражает несомненное желание не вовлекать организацию в деятельность, которая выходит за пределы ее целей, определенных в статье 2, или запрещена в соответствии со статьей 3 Устава.

Последствия этого положения проявляются не только в отношении сферы функций, которые могут быть приняты, но и в том, что никакие функции не могут быть приняты Генеральным секретарем без согласия Генеральной Ассамблеи или Исполнительного комитета. Условие получения согласия Генеральной Ассамблеи или Исполнительного комитета обеспечивает соблюдение внутреннего распределения полномочий. В этом отношении применяется "принцип специализации"[43]. Это означает, что, поскольку каждому органу предоставлены Уставом определенные полномочия или же на него возложен ряд особых задач с соответствующими прямо указанными средствами и полномочиями, такому разделению функций между органами не соответствовало бы такое положение, когда такие функции могли бы рассматриваться в качестве предоставленных какому-либо органу или агенту даже в том случае, если нельзя сказать, что это основывается на правилах организации.

Другое последствие четвертого пункта статьи 41 Устава заключается в том, что другие органы Интерпола не могут принимать на себя обязанности третьих

[39] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), стр. 58.

[40] Там же, сноска 299, стр. 61.

[41] *Voting Procedure on Questions relating to Reports and Petitions concerning the Territory of South West Africa, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1955*, p. 67.

[42] См. конкретно по вопросу о применении этого принципа в отношении неуставного предоставления полномочий в Lauterpacht, “The development of the law of international organization by the decisions of international tribunals”, pp. 436–437 and 406.

[43] Bedjaoui, *The new world order and the Security Council: testing the legality of its acts*, p. 12.

сторон. Кроме того, четвертый пункт статьи 41 Устава подразумевает, что Генеральный секретарь не может принимать на себя обязанности национальных правительств; он может принимать на себя обязанности только других международных учреждений или организаций или обязанности по исполнению международных соглашений. Это призвано сохранять международный характер организации в целом и Генерального секретаря в частности[44].

С учетом вышеизложенного Генеральный секретариат Интерпола призывает Комиссию глубже изучить возможность, которую она желает оставить открытой, с тем чтобы при исключительных обстоятельствах функции могли считаться предоставленными какому-либо органу или агенту, даже если нельзя сказать, что это основывается на правилах организации.

2. Международный валютный фонд

Первое замечание МВФ по проекту статьи 4 касается понятия "агент", попытка определить которое предпринимается в проектах статей и комментарии.

Как ранее отмечалось, МВФ считает, что только действия должностных лиц, совершаемые в их официальном качестве, будут присваиваться МВФ. Действия другого лица, не относящегося к МВФ, не будут присваиваться организации согласно общим принципам международного права даже в том случае, если такие действия способствуют выполнению функций МВФ, если только МВФ не осуществлял эффективный контроль над таким действием или же соответствующий орган МВФ не ратифицировал или прямо не взял на себя ответственность за такое действие.

Позиция МВФ соответствует трем консультативным заключениям МС, ссылка на которые содержится в комментарии к проекту статьи 4[45]. В этих заключениях дается толкование иного международного договора с иными формулировками, чем Статьи Соглашения МВФ. Кроме того, хотя МВФ полностью поддерживает результаты и обоснование этих консультативных заключений, он отмечает, что эти заключения касаются обязательств государств перед международной организацией. С учетом того, что эти дела не касаются ответственности международных организаций и что Суд давал в данном случае толкование лишь одного из множества международных договоров, имеющих отношение к ответственности международных организаций, МВФ ставит под сомнение безоглядную опору на эти три дела для выдвижения необусловленного предположения в пункте 4 комментария к содержащейся в проекте статьи 4 норме, согласно которому то, что "заявил МС применительно к Организации Объединенных Наций, в более общем плане применимо к международным организациям"[46].

Второе замечание относительно данного проекта статьи касается предположения, которое косвенно можно вывести из пункта 7 комментария к проекту статьи 4. В пункте 7 комментария высказывается предположение о том, что, поскольку обсуждение поведения ultra vires какого−либо органа отражено в проекте статьи 6, проект статьи 4 касается поведения органа, которое не является ultra vires, но все же носит противоправный характер.

Если поведение органа не является ultra vires, то в таком случае данное поведение должно было осуществляться в соответствии с полномочиями, которые были прямо предоставлены для этой цели или которые неизбежно вытекают из устава организации. Предположение о том, что действия, санкционированные уставом организации и соответствующие ему, носят противоправный характер, позволяет далее предположить, что сам устав организации противоречит неким более высоким международным обязательствам. МВФ может согласиться с этим только в случаях, сопряженных с нарушениями императивных норм международного права, однако он не усматривает поддержки такого предположения в том, что касается обычных норм международного права. Соответственно, МВФ рекомендует, чтобы Комиссия пересмотрела или указала на основания для такого ее предположения, согласно которому действия органов организаций, которые не являются ultra vires, тем не менее, могут рассматриваться как противоправные в соответствии с обычными нормами международного права.

3. Организация по запрещению химического оружия

Могут возникнуть вопросы о том, является ли предполагаемая практика "установившейся практикой"[47] конкретной организации. Таким образом, была бы полезной сноска, в которой уточнялись бы обстоятельства, при которых предполагаемая практика будет считаться "установившейся практикой" или какой−либо иной практикой. Например, такая практика должна соответствовать контексту формальных источников норм, перечисленных в этом положении.

4. Секретариат Организации Объединенных Наций

В комментарий, содержащийся в главе V доклада Комиссии[48], включены некоторые замечания, высказанные в письме Секретариата от 3 февраля 2004 года в

---

[44] См. также статьи 29-30 Устава Интерпола.

[45] *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1949,* p. 4, and *Applicability of Article VI, Section 22, of the Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations, Order of 14 June 1989, I.C.J. Reports 1989,* p. 9, mentioned in *Yearbook … 2004,* vol. II (Part Two), para. (2); and *Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Rapporteur of the Commission on Human Rights, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1999,* p. 62, in *ibid*., para. (3).

[46] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 4 комментария к статье 4, стр. 57.

[47] Там же, статья 4, пункт 4, стр. 56.

[48] Там же.

адрес Комиссии, и у Секретариата нет дополнительных замечаний с одним исключением. В сноске 264 было предложено добавить также ссылку на резолюцию 1272 (1999) Совета Безопасности, в которой Совет постановил:

создать, в соответствии с докладом Генерального секретаря, Временную администрацию Организации Объединенных Наций в Восточном Тиморе (ВАООНВТ), которая будет нести общую ответственность за административное управление в Восточном Тиморе и которая будет наделена всеми законодательными и исполнительными полномочиями, включая отправление правосудия.

F. Проект статьи 5. Поведение органов или агентов, предоставленных в распоряжение международной организации государством или другой международной организацией

8. Проект статьи 5, в предварительном порядке принятый Комиссией на ее пятьдесят шестой сессии в 2004 году, гласит:

Статья 5. Поведение органов или агентов, предоставленных в распоряжение международной организации государством или другой международной организацией

Поведение органа государства или органа или агента международной организации, предоставленного в распоряжение другой международной организации, рассматривается по международному праву как деяние последней организации, если эта организация осуществляет эффективный контроль над таким поведением[49].

1. Международная организация уголовной полиции

a) *Командированные сотрудники*

Интерпол использует значительное число сотрудников, командированных национальными ведомствами. Он также может использовать сотрудников, командированных международными организациями. Во время командировки командированные сотрудники являются международными сотрудниками, действующими исключительно в интересах Интерпола. Все командированные сотрудники подпадают под действие Положений и правил о персонале Интерпола и инструкций для персонала Генерального секретаря, которому они подчинены и подотчетны в период своего командирования. В связи с этим при вступлении в должность они дают письменную присягу Интерполу.

Поскольку в соответствии с правилами Интерпола командированные сотрудники де‒факто и де‒юре являются штатными сотрудниками, присвоение их поведения регулировалось бы проектом статьи 4, а не проектом статьи 5.

b) *Сотрудники по связям других международных организаций*

Представляется необходимым рассмотреть ситуацию, касающуюся сотрудников по связям из других международных организаций, размещенных в Генеральном секретариате. Не вполне ясно, предназначается ли проект статьи 5 для охвата таких ситуаций. Если это так, то Генеральный секретариат Интерпола просил бы Комиссию принять во внимание нижеследующее.

Обмен сотрудниками по связям производится в соответствии с соглашениями о сотрудничестве, заключаемыми с другими организациями. Так, в соглашении о сотрудничестве, заключенном между Европейским полицейским управлением (Европол) и Интерполом, стороны договорились о том, что сотрудничеству, предусмотренному в соглашении о сотрудничестве, может способствовать размещение одной стороной или обеими сторонами (одного или более) сотрудников по связям в другой договаривающейся организации. Функции, права и обязанности сотрудников по связям, а также подробные условия их размещения устанавливаются в меморандуме о понимании, который заключается между Директором Европола и Генеральным секретарем Интерпола. Стороны обеспечивают все необходимые условия для работы, такие, как служебную площадь и телекоммуникационное оборудование, которые предоставляются таким сотрудникам по связям в их помещениях. Телекоммуникационные расходы покрываются направляющей стороной. Архивы этих сотрудников по связям неприкосновенны и не могут быть объектом вмешательства со стороны должностных лиц другой организации. Эти архивы включают в себя все записи, переписку, документы, рукописи, компьютерные записи, фотографии, фильмы и звукозапись, принадлежащие сотруднику по связям или находящиеся в его распоряжении. Каждая сторона позволяет сотруднику по связям другой стороны в ее собственных помещениях свободно осуществлять связь в любых официальных целях и охраняет его право на это. Сотрудник по связям имеет право использовать шифровые коды и направлять и получать официальную корреспонденцию и другие официальные сообщения с использованием курьеров или опечатанных вализ с соблюдением соответствующих применимых привилегий и иммунитетов. Каждая сторона обеспечивает оперативный доступ своим сотрудникам по связям к своей собственной информации, необходимой для выполнения им его задач во время пребывания в другой организации.

Вышесказанное говорит в пользу того мнения, что сотрудники по связям других международных организаций не являются сотрудниками Интерпола и не предоставляются в распоряжение Интерпола. Из этого следует, что поведение этих сотрудников по связям должно присваиваться по проекту статьи 4 организации, которую они представляют.

c) *Национальные сотрудники, предоставляемые для работы в группах реагирования на инциденты*

В течение последних двух лет Интерпол направил 13 групп реагирования на инциденты в 12 стран. Предположим, что где‒то в мире произошел крупный инцидент уголовного характера или совершен террористиче-

[49] Там же, пункт 71, стр. 55.

ский акт. Интерпол предложит направить группу на место совершенного нападения, с тем чтобы оказать поддержку соответствующей входящей в Интерпол стране и обеспечить выпуск уведомления о разыскиваемых лицах; проводится проверка баз данных; рассылаются соответствующие предупреждения и подготавливаются, в необходимых случаях, аналитические доклады.

Представляется очевидным, что если подобные группы реагирования на инциденты состоят из сотрудников Генерального секретариата Интерпола, то никаких вопросов по проекту статьи 5 не возникает. Вместе с тем несколько групп реагирования на инциденты включали в себя национальных сотрудников, предоставленных Интерполу для конкретной миссии. В таких случаях встает вопрос о том, должны ли эти сотрудники рассматриваться как агенты Интерпола по смыслу проекта статьи 4 или они должны рассматриваться как агенты, предоставленные в распоряжение Интерпола по смыслу проекта статьи 5?

2 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

Как отмечалось выше, МВФ согласен с тем, что присвоение должно определяться так, как это делается в проекте статьи 5, на основе фактического вопроса об эффективном контроле над поведением, независимо от того, просило ли или санкционировало ли такое поведение другое лицо.

G. Проект статьи 6. Превышение полномочий или нарушение указаний

9. Проект статьи 6, в предварительном порядке принятый Комиссией на ее пятьдесят шестой сессии в 2004 году, гласит:

Статья 6. Превышение полномочий или нарушение указаний

Поведение органа или агента международной организации рассматривается как деяние такой организации по международному праву, если этот орган или агент действует в этом качестве, даже если данное поведение превышает полномочия этого органа или агента или нарушает указания[50].

1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ

Как поясняется в пункте 3 комментария к проекту статьи 6, формулировка проекта статьи 6 близко соответствует формулировке статьи 7 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. В пункте 1 комментария указывается, что проект статьи охватывает как ситуацию превышения полномочий или нарушения указаний органом или агентами, так и ситуацию превышения компетенции организаций. Генеральному секретариату Интерпола интересно было бы знать, является ли сформулированное там понятие подходящим для международной организации. Действительно, ни один из почерпнутых из практики международных организаций примеров, упомянутых Комиссией, не касается случая присвоения поведения при превышении сферы компетенции организации.

В той степени, в которой в проекте статьи 6 речь идет о ситуациях, когда органы или агенты действуют ultra vires, игнорируя внутреннее разделение функций между органами (узурпация полномочий), но не выходят за рамки сферы компетенции организации, предлагаемое правило понятно. Вместе с тем, когда акт ultra vires выходит за рамки компетенции организации, предлагаемое правило становится менее убедительным.

Статья 7 проекта статей об ответственности государств основывается на посылке о том, что государства обладают общей компетенцией. Поэтому в случае государств "принцип специализации"[51] не играет никакой роли в статье 7 статей об ответственности государств. Вместе с тем, как признает Комиссия, международные организации, в отличие от государств, не обладают общей компетенцией. Они регулируются "принципом специализации", что означает, что они наделяются своими основателями полномочиями, объем которых определяется кругом обязанностей, выполняемых в общих интересах, и содействие достижению этих целей государства возлагают на организации.

Из принципа специализации, как он применяется МС, ясно следует, что организация может заявлять о наличии у нее полномочий и осуществлять процедурные права в международных судах лишь в той степени, в которой организация не выходит за рамки статутной сферы компетенции. По логике оборотной стороной этого является невозможность безоговорочно вменять международным организациям в ответственность действия, выходящие за пределы их сферы компетенции.

В связи с этим Генеральный секретариат Интерпола предлагает Комиссии рассмотреть вопрос о том, чтобы добавить один пункт в проект статьи 5. Для выработки таких положений можно было бы в некоторой степени использовать статью 46 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (в дальнейшем Венская конвенция 1986 года). Согласно пункту 2 статьи 46 этой конвенции,

международная организация не вправе ссылаться на то обстоятельство, что ее согласие на обязательность для нее договора было выражено в нарушение правил этой организации, касающихся компетенции заключать договоры, как на основание недействительности ее согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось правила особо важного значения.

Нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства или любой международной организации, ведущего/ведущей себя в этом вопросе в соответствии с обычной практикой государств и, в надлежащих случаях, международных организаций и добросовестно (статья 46, пункт 3).

[50] Там же, стр. 55.

[51] *Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996*, p. 78, para. 25.

Нарушение мандата организации квалифицировалось бы как объективно очевидное для любой страны или любой международной организации, ведущей себя в этом вопросе в соответствии с обычной практикой стран и, в надлежащих случаях, международных организаций и добросовестно.

2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

Хотя МВФ согласен с тем принципом, что международная организация может быть связана обязательством перед добросовестными третьими сторонами в результате деяния ultra vires органа или должностного лица, он считает, что в статье 6 следует учесть одно ключевое исключение, взятое из муниципального права, которое освобождает от присвоения поведения ultra vires агента его организации в случаях, когда потерпевшая сторона *a*) фактически или действительно была уведомлена о поведении ultra vires и *b*) участвовала в таком поведении. МВФ считает, что этот принцип следует рассматривать как исключение из положений проекта статьи 6.

H. Проект статьи 7. Поведение, которое признается и принимается международной организацией в качестве собственного

10. Проект статьи 7, в предварительном порядке принятый Комиссией на ее пятьдесят шестой сессии в 2004 году, гласит:

Статья 7. Поведение, которое признается и принимается международной организацией в качестве собственного

Поведение, которое не может быть присвоено международной организации на основании предыдущих проектов статей, тем не менее рассматривается как деяние данной международной организации по международному праву, если и в той мере, в какой эта организация признает и принимает данное поведение в качестве собственного[52].

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ

Здесь также принцип специализации служил бы основанием для рассмотрения вопроса об оговорке. Не представляется очевидным, что дело *EC-Computer Equipment*[53] может быть должным образом приведено в качестве примера в поддержку принципа, который подразумевается сформулировать в проекте статьи 7. В этом деле Европейское сообщество заявляло, что деяние, о котором идет речь, было деянием Европейского сообщества, а поэтому Соединенные Штаты Америки обратились с иском к не той стороне, поскольку имевшее якобы место нарушение являлось обязательством Сообщества, а не его членов. В этом случае именно так и рассматривалось это дело[54]. Но даже если процитированное Комиссией заявление можно было бы рассматривать как пример признания, следует учитывать, что Сообщество основывало свое утверждение на том факте, что Сообщество обладает исключительной компетенцией в вопросах тарифных уступок и таможенной классификации. Не касаясь вопроса о том, какой орган был бы компетентен признавать и принимать, можно отметить, что вышесказанное поддерживало бы то мнение, что лишь признанное и принятое международной организацией поведение, носящее характер ultra vires, может быть присвоено организации по проекту статьи 7.

I. Ссылка на "правила организации"

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА КОНГО

По смыслу пункта 1 статьи 2 Венской конвенции 1986 года ("«правила организации»" означают учредительные акты организаций, принятые в соответствии с ними решения и резолюции, а также установившуюся практику организации") общая норма присвоения поведения международным организациям должна в принципе содержать ссылку на "правила организации".

Эта позиция основана на принципе специализации, регулирующем деятельность международных организаций, и на принципе невозможности утверждать международную правосубъектность организации применительно к третьим государствам. Учитывая, что международная организация основывается на договоре, который сам имеет относительное действие (res inter alios acta), ее существование в качестве автономного образования не может теоретически утверждаться применительно к третьим государствам по отношению к этому договору. Кроме того, организации могут осуществлять правовые полномочия, предоставленные им, лишь в пределах и в целях осуществления мандата, изложенного в их учредительном документе.

J. Определение "правил организации"

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА КОНГО

Демократическая Республика Конго считает, что это определение адекватно.

Вместе с тем, что касается поведения органов международной организации, то Демократическая Республика Конго хотела бы, чтобы Комиссия углубленно изучила вопрос о том, каким образом следует подойти к проектам статей об органах, учрежденных в рамках двусторонних соглашений, касающихся совместного управления трансграничными природными ресурсами, такими, как трансграничные водотоки, охраняемые территории и т.д.

---

[52] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 71, стр. 55.

[53] WTO, "European Communities—customs classification of certain computer equipment: report of the panel (WT/DS62/R, WT/DS67/R and WT/DS68/R of 5 February 1998).

[54] См. Martha, "Capacity to sue and be sued under WTO law", pp. 41–42.

K. Присвоение поведения миротворческих сил Организации Объединенных Наций или государствам, предоставляющим силы

Демократическая Республика Конго

Бесспорен тот факт, что любое действие или бездействие организации, которое несовместимо с нормами общего обычного права или положениями договора, стороной которого она является, представляет собой международно-противоправное деяние, которое может быть присвоено этой организации.

Действительно, в статье 24 Устава Организации Объединенных Наций на Совет Безопасности возлагается главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Выполняя эту важную функцию, Совет действует от имени государств – членов Организации, что является подлинным делегированием полномочий.

В отсутствие "международной армии", как предусматривается в статье 43 Устава Организации Объединенных Наций, Совет Безопасности сам не может проводить операции по военному принуждению по смыслу статьи 42. Вместе с тем, лишь он может и должен, в соответствии со статьей 39 или статьей 42 in fine, узаконивать меры, принятые государствами-членами во исполнение его решений. В конкретном плане статья 42 Устава может осуществляться двумя способами: либо через предоставление вооруженных сил, прямо или исключительно зависящих от Совета Безопасности, либо через создание армии, состоящей из национальных контингентов и поставленной под командование Организации Объединенных Наций.

В принципе поведение миротворческих сил может быть в обоих случаях присвоено Организации Объединенных Наций, поскольку Совет Безопасности обладает властью над национальным командованием, а сами военнослужащие получают приказы лишь от национального командования.

Важно также подчеркнуть, что в статье 47 Устава Организации Объединенных Наций

> учреждается Военно-штабной комитет для того, чтобы давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению.

Действительно, в статье 39 Общих принципов, определяющих организацию вооруженных сил, предоставляемых в распоряжение Совета Безопасности, предусматривается следующее:

> Командование национальными контингентами будет осуществляться командующими, назначенными соответственными Членами Объединенных Наций. Эти контингенты сохраняют свой национальный характер и постоянно подчиняются дисциплине и действующим уставам их национальных вооруженных сил[55].

Таким образом, если преступления, совершенные во время миротворческих операций, определяются как преступления по Римскому статуту Международного уголовного суда, то, хотя Организация Объединенных Наций может нести финансовую ответственность за ущерб, причиненный ответственными вооруженными силами, их уголовная ответственность регулировалась бы либо Римским статутом, либо национальными законами.

Вместе с тем, учитывая особый характер этих миссий, Демократическая Республика Конго считает, что Комиссии следует продолжить свою работу в целях внесения необходимых корректировок в режим, регулирующий ответственность миротворческих операций.

Тем не менее она предлагает, чтобы этот вид ответственности регулировался через практические механизмы, создаваемые Организацией Объединенных Наций и принимающими странами (такие, как соглашение между Миссией Организации Объединенных Наций в Демократической Республике Конго (МООНДРК) и правительством Демократической Республики Конго) в отношении возможного ущерба, причиненного деятельностью миротворческих сил на их соответствующих территориях.

L. Нарушения обязательств международной организации перед ее государствами-членами или ее органами: рамки исследования

1. Европейская комиссия

Что касается вопроса a)[56] о том, следует ли Комиссии международного права рассматривать в своем исследовании нарушения обязательств, которые международная организация может нести перед своими государствами-членами или своими агентами, то Европейская комиссия советовала бы проявлять осторожность, с тем чтобы не перегрузить весь проект. По мнению Европейской комиссии, отношения между организацией и ее государствами-членами или агентами прежде всего регулируются правилами организации. Эти правила не только определяют условия, в которых может возникнуть обязательство организации (первичные нормы). Зачастую эти внутренние правила создавали бы также особую систему ответственности (вторичные нормы). Даже если Комиссия международного права попытается заняться лишь соответствующими вторичными нормами, ей придется провести углубленное исследование этих норм для того, чтобы выяснить, полностью ли регулируют эти нормы данный вопрос в качестве leges speciales, или имеется возможность для полезных остаточных общих норм. В рамках Европейской комиссии следует учитывать, что масштаб обязательств Сообщества как в отношении своих государств-членов по статье 10 Договора об учреждении Европейского сообще-

[55] Report by the Military Staff Committee (S/336 of 30 April 1947).

[56] См. сноску 3, выше.

ства, так и в отношении своих агентов по положению о персонале, принятому в статье 282 этого договора, огромен и вызывает сложные правовые вопросы, не подпадающие под настоящий кодификационный проект.

2. Международная организация уголовной полиции

a) *Существенное отличие от права, касающегося ответственности государств*

Вопрос о том, следует ли Комиссии включить правила международных организаций в сферу ее работы, заслуживает некоторых замечаний в отношении важного различия между правом, касающимся ответственности государств, и правом, касающимся ответственности международных организаций.

Как подтверждено ППМП в деле *Certain German Interests in Polish Upper Silesia*, внутригосударственное законодательство, включая национальные конституции, является с точки зрения международного права и международных судов просто фактом изъявления воли и представляет собой деятельность государств[57]. Вместе с тем, как недавно было показано в постановлении о выкупе частных акций БМР[58], положение международных организаций совершенно иное. Вопросы, касающиеся органических принципов или внутреннего управления международных организаций, "регулируются международным правом"[59]. Обязательства, возложенные на международные организации их учредительными документами и вторичным правом международных организаций, являются международно-правовыми нормами точно так же, как и обязательства по договорам, стороной которых может быть та или иная организация, и другим применимым нормам международного обычного права[60]. Просто не может существовать внутренний правовой порядок международных организаций, отдельный от того права, которому она обязана своим существованием. В связи с этим трудно представить себе исследование ответственности международных организаций, в котором не рассматривалась бы ответственность в связи с нарушениями правил международных организаций. Это не означает, что исследование должно охватывать отношения между органами организации. Правила организаций имеют актуальное значение для права, касающегося международной ответственности, лишь в той мере, в какой они связаны с отношениями, регулируемыми международным правом, между международной организацией как международным правосубъектом и третьими сторонами, будь то государствами, другими международными организациями, другими образованиями или физическими лицами[61].

Учредительные документы международных организаций, которые воплощены в международных соглашениях, являются, по мнению МС, многосторонними договорами, хотя и особого вида[62]. Одна из таких особенностей состоит в том, что эти учредительные документы создают новые субъекты права, наделенные определенной самостоятельностью. На основе этой самостоятельности новые субъекты могут действовать или бездействовать в нарушение как своих учредительных документов, так и вторичного права по документу, из которого вытекает их правовое существование, или в нарушение международного общего права и конкретного международного права, применимого к международным организациям. Это утверждение основывается на следующем заявлении МС:

> Международные организации являются субъектами международного права и как таковые связаны любым обязательством, вытекающим для них по общим нормам международного права согласно их уставам или международным соглашениям, сторонами которых они являются[63].

Таким образом, в отличие от нарушения государствами своего собственного внутригосударственного права, любое нарушение своих собственных правил международной организацией по определению является нарушением международного обязательства организации по смыслу пункта 3 *b* проекта статьи 3. Наличие такого нарушения может порождать ответственность организаций перед третьими сторонами.

b) *Международный характер отношений с сотрудниками*

Что касается ответственности международных организаций применительно к их сотрудникам, то следует напомнить, что административные трибуналы постоянно подчеркивали независимость международных организаций, в результате которой международные организации не подпадают под действие правил другой международной организации или какого бы то ни было национального права. В конкретной ситуации Интерпол, по одному из дел, в котором заявитель ссылался как на правило другой организации, так и на законодательство одной из стран, Административный трибунал МОТ постановил, что: Интерпол является международной организацией и не подпадает под действие любого национального законодательства и что Интерпол является независимой международной организацией; стороны не ссылаются ни на какое соглашение и даже не

---

[57] *Certain German Interests in Polish Upper Silesia, Merits, Judgment No. 7, 1926, P.C.I.J., Series A, No. 7*, p. 19.

[58] Permanent Court of Arbitration (см. сноску 11, выше).

[59] Ibid., para. 123.

[60] См. Amerasinghe, *Principles of the institutional law of international organizations*, p. 326.

[61] См. Klein, *La responsabilité des organisations internationales dans les ordres juridiques internes et en droit des gens*, pp. 22–30.

[62] См., например, *I.C.J. Reports 1996* (сноска 51, выше), pp. 74–75; см. также всеобъемлющее исследование судебной практики МС до 1996 года, Sato, *Evolving constitutions of international organizations: a critical analysis of the interpretative framework of the consituent instruments of international organizations*.

[63] *Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1980*, pp. 89–90, para. 37.

упоминают о существовании какого бы то ни было координационного органа, которое послужило бы основанием для сравнения; и даже если бы обращение было успешным, это в любом случае не означало бы отмену оспариваемых решений[64].

Одним из следствий этой независимости является имманентно международный характер отношений между международными организациями и их сотрудниками. Соответственно, любой национальный суд не обладал бы юрисдикцией rationae personae и rationae materiae для урегулирования споров сотрудников с международными организациями[65]. Применительно к Интерполу об этом прямо указывается в статье 30 Устава Интерпола. Соответственно, при ссылке сотрудников на ответственность международной организации трибуналы обращаются также к учредительным документам и решениям и практике соответствующей организации, с тем чтобы установить наличие ответственности организации. Решение Административного трибунала Всемирного банка по делу *de Merode* представляет собой поучительный пример. В этом деле Трибунал в целях его разрешения рассмотрел учредительный документ Всемирного банка, действующие в нем положения и некоторые руководства, записки и заявления администрации, а также обратился к некоторым другим источникам, включая общие принципы[66].

c) *Действия, затрагивающие частные стороны*

Правила организации могут также играть решающую роль при определении ответственности международной организации применительно к частным сторонам. Этот вопрос очень ясно иллюстрируется в постановлении о выкупе частных акций БМР[67]. В этом деле арбитражный суд придерживался того мнения, что для установления факта совершения соответствующей международной организацией противоправного деяния в отношении частных акционеров необходимо изучить вопрос о соответствии этого деяния положениям учредительных документов, а также принципам международного права, которые могли бы применяться. Соответственно, суд сначала ответил на вопрос о том, соответствует ли поправка в учредительный документ, которой была ликвидирована возможность частных акций в организации, правилам организации. Лишь после положительного ответа на этот вопрос суд рассмотрел вопрос о соответствии повторного приобретения акций нормам международного права, касающимся экспроприации и компенсации, связанного с правами человека принципа использования своего имущества без ущерба для других лиц и принципа недискриминации.

В связи с этим было бы очень полезным, если бы определение международно-противоправного деяния охватывало бы нарушения международной организацией своих собственных правил. Это тем более необходимо, поскольку существуют международные организации, правила которых вводят стандарты обращения для организации как таковой (таким образом не обязательства для какого-то конкретного органа), целью которых является защита субъективных прав третьих сторон или операции которых негативно затрагивают третьи стороны.

Что касается Интерпола, то в пункте 1 статьи 2 Устава содержится требование о том, чтобы Организация следовала духу Всеобщей декларации прав человека во всех своих действиях. Это положение предусмотрено лишь в Уставе Интерпола[68], и благодаря ему правила Интерпола охватывают всю совокупность прав, перечисленных во Всеобщей декларации, и положения о них, выработанные в различных документах по правам человека. В связи с этим Организация предприняла ряд инициатив по содействию соблюдению прав человека в различных сферах своей деятельности[69].

Интерпол должен также соблюдать права человека в рамках своих собственных операций. Поскольку одним из главных видов деятельности Интерпола является обработка информации для целей международного сотрудничества органов полиции, работа Интерпола затрагивает аспекты личной жизни лиц, находящиеся под защитой основополагающего права, закрепленного в

[64] Seventieth Session, Judgment 1080, consideration 12 (29 January 1991).

[65] См. Seidl-Hohenveldern, *Avis concernant l'incompétence des tribunaux nationaux pour régler des litiges opposant l'Organisation internationale de police criminelle-Interpol à ses agents* (26 May 1986).

[66] World Bank Administrative Tribunal (5 June 1981), *De Merode and others* v. *The World Bank*, decision No. 1.

[67] См. сноску 11, выше.

[68] Однако, см. Waldock, "General course on public international law", pp. 198–199, on how the Universal Declaration became accepted as part of the "law of the United Nations".

[69] На своей восемнадцатой сессии в Берне в 1949 году Генеральная Ассамблея приняла резолюцию № 3, в которой заявила о том, что "обо всех актах насилия или бесчеловечного обращения, т.е. актах, оскорбляющих человеческое достоинство, совершенных полицией при выполнении своих судебных и уголовно-полицейских обязанностей, необходимо сообщать органам юстиции". В этой резолюции также рекомендовалось "во всех полицейских учебных заведениях придавать особое значение полному признанию права всех лиц, подозреваемых в нарушении уголовного закона, или любых других лиц на справедливое и гуманное обращение". После принятия этой резолюции на сорок пятой сессии Генеральной Ассамблеи (Аккра, 1976 год) был представлен доклад № 20 о работе Организации Объединенных Наций по подготовке кодекса поведения для сотрудников правоохранительных органов. В последнее время в принятой Генеральной Ассамблеей на ее сессии в Риме (1994 год) резолюции № AGN/63/RES/16 рекомендовалось членам Организации поощрять принятие мер по обеспечению в полицейских колледжах подготовки в области прав человека. Впоследствии было направлено циркулярное письмо с просьбой к странам, входящим в Интерпол, информировать Генеральный секретариат обо всех событиях, связанных с осуществлением этой резолюции. Следует также отметить, что Интерпол тесно сотрудничает с Комиссией Организации Объединенных Наций по правам человека; Комиссия консультируется с Интерполом относительно документов, которые она принимает. Кроме того, был принят целый ряд международно-правовых документов, с тем чтобы на практике воплотить положения Всеобщей декларации прав человека и сформировать свод международного уголовного права посредством определения преступлений, которые представляют собой нарушения прав человека. При осуществлении статьи 2 Устава Организация следует нормам, закрепленным в таких документах, и неизменно рекомендует своим государствам-членам ратифицировать эти международно-правовые документы.

статье 12 Всеобщей декларации прав человека. С этим вопросом тесно связано делом *Steinberg* v. *International Criminal Police Organization*[70]. Это дело касается гражданина Соединенных Штатов Америки, о котором было составлено уведомление Интерпола и в котором он описывался как разыскиваемый международный преступник под вымышленным именем "Марк Московиц". Узнав, что Генеральный секретариат Интерпола распространяет через сеть Интерпола это уведомление, он дважды обращался в Генеральный секретариат и предлагал доказательства ошибочности этого уведомления. Он утверждал, что, несмотря на предложенные доказательства, Генеральный секретариат Интерпола продолжал более года публиковать это уведомление и другие заявления, связывающие его с "Марком Московицем", пока, согласно истцу, Генеральный секретариат наконец-то не признал, что эта связь является ошибочной. Стейнберг требовал общего штрафного возмещения за значительный ущерб, который он, как он утверждает, понес в результате якобы порочащего его имя уведомления Интерпола.

Вопрос об ответственности перед третьими сторонами за нарушение положений статьи 2 Устава Интерпола является одной из причин создания Надзорного совета по контролю за архивами Интерпола (далее именуемого Комиссией), который был учрежден, когда Интерпол проводил новые переговоры с Францией относительно соглашения о штаб-квартире.

Франция утверждала, что закон от 6 января 1978 года, касающийся информационной технологии, досье и свобод, применим к номинальным данным, хранящимся в помещениях Интерпола. Вследствие этого Франция утверждала, что физические лица должны иметь доступ к касающимся их данным, что является правом, которое может осуществляться через Национальную комиссию по информатике и свободам, которая была учреждена в осуществление вышеупомянутого закона и наделена полномочиями по контролю за компьютерными досье во Франции.

Интерпол утверждал, что этот закон не должен быть применим к полицейской информации, обрабатываемой Генеральным секретариатом, по следующим двум причинам:

i) направляемая входящими в Интерпол странами информация не принадлежит Интерполу, который выступает просто в качестве хранилища; применение национального закона к такой информации наделило бы этот закон экстерриториальным статусом;

ii) применение закона от 1978 года к досье Интерпола во Франции могло бы помешать международному сотрудничеству полицейских органов, поскольку некоторые страны предпочли бы не сообщать полицейскую информацию, которая могла бы быть раскрыта французским органам.

Этот вопрос явно представлял большой интерес для обеих сторон. Франция не желала укреплять статус Интерпола на своей территории без какой-то гарантии, касающейся обработки личных данных, защищаемых законом от 1978 года, а Организация была заинтересована в том, чтобы обеспечить бесперебойное международное сотрудничество полицейских органов по ее каналам.

Противоречие между этими взглядами было устранено благодаря приверженности обеих сторон защите данных, как в целях защиты международного сотрудничества полицейских органов, так и в целях защиты прав индивидов (в статье 2 Устава Интерпола говорится, что его деятельность осуществляется в духе Всеобщей декларации прав человека).

Этот консенсус был официально оформлен 3 ноября 1982 года после подписания нового соглашения о штаб-квартире между Францией и Интерполом, которое вступило в силу 14 февраля 1984 года и в приложении к которому содержатся документы об обмене письмами. Эти тексты образуют основу системы контроля за досье Интерпола.

Подписав этот текст, Франция согласилась не применять закон от 1978 года к досье Интерпола. Соглашение о штаб-квартире гарантирует неприкосновенность архивов Интерпола и официальной переписки (статьи 7 и 9 Соглашения), а также предусматривает внутренний контроль за архивами Интерпола со стороны независимого органа, а не национального надзорного совета (статья 8).

В соответствии с документом об обмене письмами между Интерполом и властями Франции, в котором Интерполу предлагается создать надзорный совет и определить его функцию, Организация в 1982 году приняла Правила, касающиеся международного сотрудничества полицейских органов и международного контроля за архивами Интерпола. Цель этих Правил, как говорится в статье 1, пункт 2, состоит в "защите полицейской информации, обрабатываемой и сообщаемой в рамках системы международного сотрудничества полицейских органов Интерпола, от любого ненадлежащего использования, особенно в целях избежания любой угрозы индивидуальным правам"[71]. В этом документе был учрежден Совет, название которого на английском языке было в 2003 году изменено на "Commission for the Control of Interpol's Files" ("Комиссия по контролю за досье Интерпола").

Интерпол разработал детальный режим для обеспечения того, чтобы обработка им информации для целей международного сотрудничества полицейских органов не вела к противоправному вторжению в личную

[70] United States Court of Appeals, District of Columbia (23 October 1981), 672 F.2d 927; 217 U.S. App. D.C. Обсуждение этого дела см. в Reinisch, *International Organizations Before National Courts*, pp. 28, 50, 152 et seq. and 170.

[71] Fooner, *Interpol: Issues in World Crime and International Criminal Justice*, appendix E, p. 217.

жизнь лиц[72]. Если нарушения все-таки происходят, то вопрос состоит в том, подпадает ли такое нарушение под сферу действия пункта 1 проекта статьи 3.

Если ответ на этот вопрос, как и представляется, положителен, то это следует где-то ясно указать. Как говорилось ранее, правила организации по определению носят международный характер. В связи с этим, представляется, что право, касающееся обязательств, не может обоснованно провести различие между обязательствами, вытекающими из внешних соглашений, и обязательствами, вытекающими из внутренних правил организации. Вместо этого, как представлялось бы, ответственность будет определяться существом того обязательства, которое нарушено. Если цель обязательства состоит в защите субъективных прав третьих сторон, то последствия будут регулироваться ничем иным, как правом, касающимся ответственности за противоправные деяния по международному праву.

В том что касается положений статьи 3 его Устава, Интерпол действует исходя из того же предположения. Хотя это прямо не сформулировано в качестве стандарта обращения с частными сторонами, невыполнение положений статьи 3 может иметь крупные последствия для лица, на которое Интерпол хранит обработанные номинальные данные или в отношении которого распространяются данные через сеть Интерпола или уведомление о срочном розыске. Статья 3 запрещает Интерполу вести "деятельность политического, военного, религиозного или расового характера"[73].

Управление по правовым вопросам Интерпола ежедневно, тем или иным образом, занимается вопросами, которые поднимают либо правоохранительные органы, просящие Генеральный секретариат оказать содействие в розыске определенного лица, или стороны, которые выражают неудовольствие по поводу того факта, что Интерпол открыл на них досье, что во многих случаях также сопряжено с международными уведомлениями о розыске, хорошо известными срочными уведомлениями. Управление, а также Комиссия по контролю за досье Интерпола также часто занимаются жалобами отдельных лиц на услуги, оказанные Секретариатом странам-членам, когда это затрагивает таких лиц. Обычно индивиды утверждают, что их разыскивают в силу причин, упомянутых в статье 3 Устава Интерпола, а поэтому Интерполу не следует оказывать содействие стране, обращающейся с такой просьбой.

Эти жалобы приобретают еще более настоятельный характер, когда лицо, фигурирующее в полицейском досье или уведомлении о розыске Интерпола, встречается с трудностями при его или ее передвижении за границей, такими, как отказ в выдаче визы, отказ в посадке и высылка или депортация. Иногда утверждается, что эти препятствия причиняют ущерб ввиду упущенных деловых возможностей.

На практике индивиды часто утверждают, что исходя из положений статьи 3 Уставав Интерпола они имеют право на защиту от содействия Интерпола в преследовании "политических преступлений". Во всех случаях, когда Интерпол убеждается в том, что сотрудничество в задержании определенного лица не соответствует вышеупомянутым положениям, он должен пре-

---

[72] Правила, касающиеся обработки информации для целей международного сотрудничества полицейских органов, принятые Генеральной Ассамблеей Интерпола на ее семьдесят второй сессии (Бенидорм, Испания); нынешние правила заменяют правила, сформировавшиеся с 1982 года. В 1982 году на своей пятьдесят первой сессии (Торремолинос, Испания) Генеральная Ассамблея приняла "Правила, касающиеся международного сотрудничества полицейских органов и внутреннего контроля за архивами Интерпола" (резолюция AGN/51/RES/1), которые предусматривают, в частности, что информация обрабатывается "[…] в системе электронной обработки данных, состоящей из центра обработки, созданного в Генеральном секретариате […]". В 1987 году на своей восемьдесят четвертой сессии (Сан-Клод, Франция) Исполнительный комитет по указанию Генеральной Ассамблеи на ее пятьдесят пятой сессии в Белграде (резолюция AGN/55/RES/2) принял "Правила удаления информации, хранимой Генеральным секретариатом". В 1990 году на своей пятьдесят девятой сессии (Оттава) Генеральная Ассамблея приняла Правила, регулирующие базу данных отдельного вида информации в Генеральном секретариате Интерпола и прямой доступ НЦБ к этой базе данных" (резолюция AGN/59/RES/7). В 1996, 1998 и 2000 годах на своих шестьдесят пятой сессии (Анталия, Турция), шестьдесят седьмой сессии (Каир) и шестьдесят девятой сессии (Родос, Греция) Генеральная Ассамблея приняла три резолюции соответственно "ACIU и анализ преступности" (AGN/65/RES/16), "Стратегия и программа Интерпола в сфере подготовки по вопросам анализа преступности" (AGN/67/RES/9) и "Формирование стратегического потенциала для сбора криминальных данных в Генеральном секретариате Интерпола" (AGN/69/RES/4).

[73] Статья 3 Устава Интерпола имеет конкретную предысторию. Сразу же после войны предшественник Интерпола Международная комиссия уголовной полиции (МКУП) заняла позицию нейтралитета, отказавшись быть вовлеченной в дела политического, религиозного или расового характера. В своей речи на открытии Брюссельской конференции в июне 1946 года Президент Луваж заявил, что, скрупулезно придерживаясь этого принципа, Комиссии удалось завоевать уважение административных и судебных властей во всех странах-членах. Эта позиция также соответствовала развитию в XIX и начале XX веков как национального, так и международного права, касающегося экстрадиции, и, в частности, понятию "политического преступления". Несмотря на тот факт, что статуты МКУП, принятые в 1946 году, не содержали никаких положений, ограничивавших сферу деятельности Организации в делах политического, расового или религиозного характера, в практической работе Организация не отступала от своей позиции. В 1948 году фраза "за строгим исключением всех вопросов, имеющих политический, религиозный или расовый характер", была добавлена в конец статьи 1 (пункт 1) статутов. Тогдашний Генеральный секретарь МКУП охарактеризовал отсутствие какого бы то ни было формального положения, касающегося этого вопроса, как "серьезное упущение". В своем докладе Генеральной Ассамблее он заявил, что "строгое ограничение нашей деятельности сферой общего права позволило нам расширить без противодействия влияние МКУП, и мы считаем, что ее будущее в значительной мере зависит от строгого соблюдения такого нейтралитета". Впоследствии статья 1 гласила:

> "Цель Международной комиссии уголовной полиции состоит в том, чтобы обеспечивать и официально развивать широкое взаимное сотрудничество всех органов уголовной полиции в рамках существующего законодательства стран, создавать и развивать учреждения, которые могут способствовать эффективной борьбе с обычно-правовыми преступлениями и правонарушениями, за строгим исключением всех вопросов, имеющих политический, религиозный или расовый характер".

В 1956 году, когда составлялся проект Устава Интерпола, это положение было заимствовано и стало нынешней статьей 3: "Организации строго запрещается любое вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера".

кратить свое сотрудничество с обратившейся с просьбой страной по этому досье и отменить любую просьбу к своим членам о сотрудничестве в отношении получения информации о лице, о котором идет речь, или в поимке этого лица. Интерпол может также временно прекратить, т.е. приостановить, сотрудничество с обратившимся с просьбой членом в отношении досье, если он имеет основание полагать, что запрашиваемая помощь возможно не соответствует вышеупомянутым положениям Устава.

Как говорилось ранее, в связи с этим было бы очень полезно выработать определение международно-противоправного деяния, которое также охватывало бы нарушения международной организацией своих собственных правил.

d) *Действия, затрагивающие страны и другие международные организации*

Применительно к Интерполу возможна также такая ситуация, когда тот или иной орган действует в нарушение правила организации, которое предназначено для защиты интересов стран, входящих в Интерпол. В этой связи важно отметить, что правила Интерпола относительно обработки полицейской информации предусматривают сбалансированный подход к потребностям международного сотрудничества полицейских органов и потребности в защите данных и основных прав индивидов в соответствии со статьями 2 и 3 Устава. Поэтому при подготовке вышеупомянутых правил были приняты во внимание следующие два основополагающих принципа: уважение национального суверенитета и признание ключевой роли, которую играют национальные центральные бюро, о которых идет речь в статье 32 Устава Интерпола.

Так, соответствующее положение в правилах устанавливает обязательства для организаций входящих в Интерпол стран, которые сообщают информацию в Генеральный секретариат Интерпола в целях обработки этой информации в рамках системы сотрудничества, созданной Интерполом. Это служит в качестве напоминания об обязательстве уважать характер целей, в которых обрабатывается информация (эти цели основываются на положениях статьи 2 и 3 Устава Организации), и о главном обязательстве предоставлять точную информацию и обеспечивать ее обновление в случае необходимости.

Уважение национального суверенитета выражается в принадлежности информации, предоставленной Интерполу странами, входящими в Интерпол, через свои национальные центральные бюро и другие уполномоченные организации. Наконец, соответствующее положение в правилах предусматривает, что организации, сообщающие информацию, могут в любое время ограничить права на доступ к этой информации. В этой связи соответствующее положение в правилах устанавливает процедуры информирования организаций, сообщивших информацию, во всех случаях, когда получателем указанной информации может стать какая-то новая организация. Это дает возможность источнику информации принять решение о том, может ли эта новая организация иметь доступ к сообщенной этим источником информации.

Правила налагают на Генеральный секретариат Интерпола обязанность обеспечивать, чтобы обработка информации по каналам организации велась в соответствии с этим установленным условием и лишь в санкционированных целях. Несоблюдение Генеральным секретариатом Интерпола этих правил, которые были выработаны для защиты интересов входящих в Интерпол стран, может породить ответственность Интерпола, даже если это правило касается внутреннего порядка, установленного в организации. Соответственно, механизм урегулирования споров, предусмотренный в статье 23 Правил Интерпола, касающихся обработки информации в целях международного сотрудничества полицейских органов, отчасти основывается на предположении о том, что организации, через которые действуют входящие в Интерпол страны применительно к обработке информации в международных полицейских целях, должны обладать средством правовой защиты применительно к Интерполу.

3. Международный валютный фонд

В проекте статей следует ясно заявить, что отношения между международными организациями и их членами и агентами, подпадающими под действие устава этой организации, не входят в сферу рассмотрения этого проекта статей. Такие отношения регулируются правилами каждой организации[74]. Когда международная организация действует в соответствии со своим уставом, то она не несла бы ответственности за это согласно принципам международного общего права (которые имплицитно упомянуты, но не установлены по существу в проекте статей), однако ее ответственность должна определяться по ее собственному уставу.

Соображения, приведшие к этим выводам, связаны с характером правил международных организаций и с различиями между государствами и международными организациями и между международными организациями.

Правила международных организаций, таких, как МВФ, являются как внутренними по своему охвату, так и международными по своему характеру. Они являются внутренними по охвату, поскольку они регулируют отношения между организацией и ее членами, между членами (в их качестве членов) и между организацией и ее органами и агентами. Они являются международными по своему характеру, поскольку они согласованы на основе договора между государствами – членами организации[75] или были разработаны в соответствии с таким

[74] Кроме того, в некоторых международных организациях члены договорились об исключительном механизме определения сферы охвата обязательств по уставу этой организации. Применительно к МВФ такой исключительный механизм предусматривается в статье XXIX Статей соглашения.

[75] По вопросу об организациях, созданных другими международными организациями или членами которых являются между-

соглашением. По этой причине было бы неправильным считать правила международной организации равноценными внутригосударственному праву или подчиняющимися общим нормам международного права в том смысле, в котором эти термины используются со ссылкой на государства[76]. Ввиду этого, как правовой свод, правила международных организаций носят характер sui generis.

Следует также признать, что правила организации являются lex specialis как действующие в отношениях между организацией и ее членами и агентами и в отношениях между ее членами. Ввиду этого представляется невозможным предполагать, как это делается в комментарии к проекту статьи 3, что в некоторых случаях (отличных от тех, которые касаются обязательств императивного характера) международные обязательства могли бы иметь преимущественную силу по отношению к правилам организации[77]. Такая идея игнорирует международные соглашения между членами организации в отношении исключительного применения права, регулирующего их отношения, и предполагает, что lex generalis имеет преимущественную силу по отношению к lex specialis.

Кроме того, международное право признает, что международные организации "отличаются от государств" в том, что они "не обладают… общей компетенцией"[78].

В то время как "государство обладает всей совокупностью международных прав и обязанностей, признанных международным правом, права и обязанности структуры, такой, как Организация, *должны зависеть** от их целей и функций, как указывается или подразумевается в их учредительных документах и складывается на практике[79].

В связи с этим применительно к международным организациям международная ответственность должна зависеть от целей и функций организаций, как это указывается или подразумевается в их учредительных документах и складывается на практике.

Международные организации также отличаются друг от друга по цели и функции; учредительные документы и практика этих организаций также обязательно различны. Эти различия особенно рельефны, когда речь идет об отношениях между организациями и их членами и агентами, поскольку эти отношения зависят от целей и функций каждой организации.

Поскольку правила каждой организации отражают эти различия в цели и функциях, поскольку государства-члены дали согласие на эти правила как регулирующие отношения между организацией и ее членами и агентами и поскольку эти правила являются lex specialis применительно к правовым отношениям организации, лишь эти правила регулируют отношения между международной организацией и ее членами и агентами, в том числе в обстоятельствах, когда эти отношения могли бы касаться нарушения международного обязательства, которое может нести организация перед своими членами и агентами. Соответственно, МВФ считает, что такие отношения выходят за рамки сферы исследования Комиссии и должны оставаться за этими рамками.

4. Секретариат Организации Объединенных Наций

Что касается первого вопроса, то в отсутствие любого указания на характер обязательств, нарушенных международной организацией, за исключением ее договорных обязательств, Управление не может выразить мнения относительно того, следует ли Комиссии изучать этот вопрос или какое значение следует придавать ему в общих рамках его исследования, касающегося ответственности международных организаций.

5. Всемирная организация интеллектуальной собственности

Для целей рассмотрения этого вопроса Комиссия указывает, что формулировка "правила организаций" означает, "в частности: учредительные документы; решения, резолюции и другие акты, принятые организацией в соответствии с такими документами; и установившуюся практику организаций"[80]. Комиссии, возможно, следовало бы подумать о расширении этого определения, с тем чтобы оно включало более общее понятие, например "установившиеся или общепризнанные принципы международного права". ВОИС согласен с тем, что имеется противоречие между правовой природой правил организации и международным правом. ВОИС также признает, что определение "правила организаций" в значительной мере заимствовано из статьи 2, пункт 1 *j*, Венской конвенции 1986 года. Тем не менее ВОИС полагает, что отношения между международной организацией и ее государствами-членами и между международной организацией и ее агентами должны в более общем плане регулироваться международным правом, неотъемлемой частью которого являются правила организации. Это соответствовало бы проекту статьи 4, пункт 1, например (Общее правило о присвоении поведения международной организации"), где слова "международ-

народные организации, пожалуйста, см. наши комментарии к проекту статьи 2 ниже.

[76] Попытка такого толкования, с которым мы не согласны, делается в комментарии к проекту статьи 3 (*Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), стр. 24–25).

[77] Практика показывает, в частности, что одна международная организация не подпадает под действие норм международного права, которые могут быть промульгированы другими международными организациями, если она не соглашается с этими нормами. Например, в Соглашении между Организацией Объединенных Наций и Международным валютным фондом 1947 года признается, что МВФ не связан решениями Совета Безопасности по статьям 41 и 42 Устава Организации Объединенных Наций, хотя его государства-члены могут быть связаны решениями по статье 48 Устава. В Соглашении предусматривается, что МВФ обязан лишь "должным образом учитывать" такие решения Совета Безопасности (статья VI, пункт 1).

[78] *I.C.J. Reports 1996* (см. сноску 51, выше).

[79] *I.C.J. Reports 1949* (см. сноску 45, выше), p. 180.

[80] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 71.

ное право"[81] используются в качестве стандарта для определения общего правила присвоения поведения международной организации. В этой связи ВОИС хотел бы также рекомендовать Комиссии проработать вопрос о нарушении обязательств, которые международная организация может иметь по отношению к своим государствам-членам или своим агентам.

M. Необходимость в качестве обстоятельства, исключающего противоправность

1. Европейская комиссия

Европейской сообществу известно, что этот вопрос имеет основание в международном обычном праве[82] и что дополнительным ориентиром служит статья 25 об ответственности государств за международно-противоправное деяние. Государства могут в порядке исключения указывать на необходимость "защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности при условии, что это не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства или государств, в отношении которых существует данное обязательство, или международного сообщества в целом"[83]. Комиссия отмечает что теоретически этот сценарий может также применяться к международным организациям. Вместе с тем к такому применению следует подходить с самой большой осторожностью. К примеру, какая-то международная экологическая организация может сослаться на "экологическую необходимость" в сопоставимой ситуации, в которой государствам позволялось бы делать так[84], при условии, что:

a) ей необходимо защитить существенный интерес, закрепленный в ее уставе в качестве основной функции и основания для самого ее существования;

b) это не наносит серьезного ущерба существенному интересу других субъектов международного права, перед которыми существует обязательство, или международного сообщества в целом.

2. Международная организация уголовной полиции

Международное обычное право признает необходимость в качестве обстоятельства, исключающего противоправность. Однако, как указал МС по делу *Reparation for Injuries*, "субъекты права в любой правовой системе необязательно идентичны по своему характеру или объему своих прав"[85].

Понятие необходимости как исключающего обстоятельства сформировалось в основном в отношениях между государствами, и в своем опыте Интерпол не сталкивался с какой бы то ни было ситуацией, к которой применялось бы это понятие. В то же время надо признать, что необходимость не относится к тем сферам международного права, которые по своему характеру явно не применимы к международным организациям[86]. В связи с этим Генеральный секретариат Интерпола считает, что Комиссии не следует исключать это понятие из сферы своего исследования, а следует изучить вопрос о том, потребует ли применение необходимости к международным организациям рассмотрения отличительных особенностей международных организаций. Следует учитывать, что существует большое число различных международных организаций, что могло бы означать, что необходимость могла бы быть подходящим понятием для определенного типа организаций[87].

Следует напомнить, что, хотя по делу *Russian Indemnity* было установлено, что не существовало никакого обстоятельства, исключающего противоправность дефолта Турции, в принципе принято считать, что финансовые трудности могут составлять обстоятельство, исключающее противоправность[88]. В отличие от государств и других территориальных образований международные организации, как правило, не обладают полномочиями взимать налоги, а поэтому не могут получать свой собственный доход. Международные организации полагаются на финансовые взносы участвующих стран. Если случится так, что значительное число стран не уплатит свои взносы, то может возникнуть ситуация, в которой организация не была бы способна выполнить свои финансовые обязательства. Как доказывает прекращение деятельности Международного совета по олову[89], в отличие от государств, недостаточное финансирование может быть чревато ситуацией, опасной для существования международной организации. Этот вопрос требует особого внимания при кодификации и прогрессивном развитии права, касающегося ответственности международных организаций, либо в рубрике форс-мажорные обстоятельства или "необходимость"[90] или в рамках механизма для рассмотрения вопроса о неплатежеспособности международных организаций.

---

[81] Там же, стр. 54–55.

[82] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997*, p. 40, para. 51.

[83] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), статья 25, пункт 1 *a* и *b*, стр. 95.

[84] См., например, *I.C.J. Reports 1997* (сноска 82, выше), p. 41. Суд согласился с тем, что беспокойство Венгрии по поводу ее естественной окружающей среды в этом регионе представляло собой "существенный интерес" этого государства, однако он не был убежден в том, что отказ от проекта в нарушение договорных обязательств Венгрии перед Словакией соответствовал "большой и неминуемой опасности".

[85] *I.C.J. Reports 1949* (см. сноску 45, выше), p. 178.

[86] См. Klein, op. cit., pp. 416–419, относительно возможного применения понятия необходимости к международным организациям.

[87] См. Riphagen, "The second round of treaty law", pp. 571–572.

[88] UNRIAA, vol. XI (Sales No. 61.V.4), p. 421. См. также Scott, *The Hague Court Reports*, pp. 297–328.

[89] См., в частности, Seidl-Hohenveldern, "Failure of controls in the Sixth International Tin Agreement", и источники, упомянутые там.

[90] Обсуждение классификации дела *Russian Indemnity* (сноска 88, выше) как подпадающего под понятие "необходимости", см. Martha, "Inability to pay under international law and under the Fund Agreement", pp. 104–108, а также Crawford, *The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries*, p. 180.

3. Международный валютный фонд

Хотя вопрос Комиссии конкретно касался того, исключает ли необходимость противоправность деяния международной организации в более общем плане, сначала необходимо определить обстоятельства, в которых могла бы возникать противоправность деяния, прежде чем обращаться к обстоятельствам, которые исключают противоправность таких деяний.

Как указывалось выше, противоправность деяния международной организации по ее уставу должна определяться со ссылкой на правила организации. Отсюда вопрос о том, исключает ли необходимость противоправность того или иного деяния, должен также решаться со ссылкой на правила организации.

МВФ не известен какой бы то ни было предыдущий случай, касающийся Фонда или любой другой международной организации, когда рассматривался бы вопрос необходимости, исключающей противоправность деяния. Хотя это не означает, что необходимость не исключала бы противоправность деяния применительно ко всем международным организациям, применение необходимости к международной организации также нуждалось бы в установлении связи с целями и функциями организации. Кстати, МВФ оказалось трудно представить себе ситуации, в которых необходимость могла бы исключать противоправность деяний в случае международных организаций, занимающихся главным образом международными финансовыми обязательствами.

Мало чем может помочь и имеющее наиболее актуальное значение дело, касающееся этого вопроса в сфере ответственности государств. По делу *Gabčikovo-Nagymaros Project*[91] МС счел, что состояние необходимости является основанием для исключения противоправности деяния, не соответствующего международному обязательству. В отличие от других сделанных Судом по данной теме заявлений, приведенное выше замечание было сделано без ограничительной ссылки на государства как субъекты международного права. Исходя из этого можно было бы использовать приведенное выше замечание в обоснование предположения о том, что необходимость могла бы исключать противоправность деяний международных организаций. Следуя той же аргументации, можно было бы применить к международным организациям и еще одно предположение Суда по данному вопросу, т.е. предположение о том, что такое исключение может быть принято лишь на исключительной основе.

Вместе с тем при применении этого принципа к международным организациям начинают утрачивать свою актуальность принципы ответственности государств. Обращаясь к обстоятельствам, при которых можно было бы сослаться на необходимость, МС был более конкретен в своем рассмотрении, прямо сославшись на "существенный интерес" государства, которое является автором деяния, и на тот факт, что это государство не должно было бы способствовать состоянию необходимости[92]. Представляется не ясным, могли ли бы международные организации ссылаться на "существенные интересы", аналогичные интересам государств, с тем чтобы обратиться к защите на основании необходимости. В результате напрашивается вопрос о том, актуальны ли обстоятельства, в которых государство могло бы ссылаться не необходимость, для обстоятельств, в которых международная организация могла бы ссылаться на необходимость для исключения противоправности деяния, если предположить, что международная организация может ссылаться на необходимость для исключения противоправности деяния.

4. Секретариат Организации Объединенных Наций

Наиболее близкой аналогией понятию "необходимость"[93], на которую ссылаются государства в обстоятельствах статьи 25 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, является оперативная необходимость "в контексте миротворческих операций". Анализ понятия "оперативная необходимость" как исключения из ответственности Организации за имущественные убытки или ущерб, причиненный силами Организации Объединенных Наций в рамках обычной операции сил, и условия ссылки на нее изложены в докладе Генерального секретаря о финансировании операций по поддержанию мира (A/51/389, пункты 13–15).

5. Всемирная организация интеллектуальной собственности

Как было отмечено, в статье 25 проекта Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния говорится о "необходимости"[94], на которую при определенных условиях может ссылаться государство. В той мере, в какой международные организации представляют собой простой конгломерат государств (а иногда и других субъектов), ВОИС не видит причин для того, чтобы эти организации не могли также ссылаться на необходимость в отношении некоторых своих деяний. Такая ссылка в международной организации на необходимость в любом случае предположительно делалась бы от имени входящих в нее государств-членов. Встроенные механизмы ответственности международной организации перед ее государствами-членами также должны способствовать предотвращению и сдерживанию злоупотреблений со стороны международной организации, когда она пытается сослаться на необходимость.

---

[91] *I.C.J. Reports 1997* (см. сноску 82, выше).

[92] Ibid., p. 41.

[93] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), стр. 95.

[94] Там же.

N. Поведение государства во исполнение просьбы или с санкции международной организации

1. Европейская комиссия

В ответ на этот вопрос Европейская комиссия хотела бы сослаться на свое общее мнение, разъясненное выше и состоящее в том, что подобные ситуации заслуживают адекватного рассмотрения уже на уровне присвоения поведения (а не только на уровне присвоения ответственности).

2. Международная организация уголовной полиции

Представлялось бы, что ответственность организации за поведение одного из членов во исполнение просьбы организации или с ее санкции будет зависеть от характера отношений между этой организацией и ее членами. Действительно, сам факт членства в международной организации сопряжен с определенным взаимным сотрудничеством и добросовестностью со стороны как члена, так и организации[95]. Вместе с тем это не обязательно ведет к тому, что организация должна нести ответственность за действия членов, предпринимаемые во исполнение просьбы организации или с ее санкции. По Уставу Интерпола рамки взаимного сотрудничества и добросовестности ограничиваются рамками законов, существующих в разных странах (статья 2, пункт 1) и совместимостью действий членов с законодательствами этих стран (статья 31). Термины "законодательство стран" и "пределы законодательства своих стран" рассматриваются как охватывающие международные обязательства, лежащие на них.

Отсюда, с указанием или без такового в каждом случае все просьбы о сотрудничестве с Интерполом в поиске разыскиваемого лица, лица, пропавшего без вести, или о любом ином виде полицейского сотрудничества в рамках препровождения Интерполом просьб своих членов неизменно обусловливаются соблюдением вышеупомянутых положений Устава.

Примером действия содержащегося в Уставе Интерпола условия о том, что страны должны сотрудничать в пределах своих национальных законов, может служить решение Европейского суда по правам человека по делу *Öcalan* v. *Turkey*[96]. Оджалан, в отношении которого было разослано срочное уведомление Интерпола о розыске, предстал перед судом в Турции, после того, как он был задержан в Кении по этому срочному уведомлению и передан правоохранительным властям Турции в аэропорту Найроби. В своей жалобе в Европейский суд по правам человека заявитель утверждал, что его похитили турецкие органы, действующие за рубежом, вне своей юрисдикции, и что именно правительству надлежит доказать, что арест не был неправомерным. По его мнению, тот факт, что ордер на арест был выдан властями Турции, а Интерполом было распространено уведомление о срочном розыске, не является основанием для наличия у должностных лиц турецкого государства юрисдикции действовать за границей. Он заявил, что процедура ареста не соответствовала законам Кении или нормам, установленным международным правом, что его арест являлся похищением и что его содержание под стражей и суд над ним, которые основывались на неправомерном аресте, должны рассматриваться как ничтожные. Правительство Турции утверждало, что оно не несет ответственности в связи с арестом заявителя за рубежом и что арест г‒на Оджалана стал результатом сотрудничества между Турцией и Кенией. Поэтому, по мнению правительства, Оджалан был доставлен в распоряжение судебной власти Турции в итоге правомерной процедуры в соответствии с международным обычным правом и в рамках осуществления сотрудничества между суверенными государствами по предотвращению терроризма.

Европейский суд по правам человека согласился с тем, что арест, произведенный властями одной страны на территории другой страны без согласия последней, затрагивает индивидуальные права лица на неприкосновенность по Европейской конвенции. Что касается существующих между странами процедур выдачи, когда одна страна является участником этой Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а другая – нет, то Суд счел, что нормы, установленные договором о выдаче или, в отсутствие какого бы то ни было подобного договора, сотрудничество между заинтересованными странами также являются значимыми факторами, которые должны учитываться при определении правомерности ареста, который послужил основанием для последующей жалобы в Суд. Факт того, что скрывающееся от правосудия лицо было передано в результате сотрудничества между странами, сам по себе не говорит о неправомерности ареста и, следовательно, не порождает какой бы то ни было проблемы по Конвенции. Суд вновь заявил, что имманентным элементом всей Конвенции является поиск справедливой сбалансированности между потребностями общего интереса сообщества и потребностями защиты основополагающих прав индивидов. По мере того, как облегчается передвижение по странам мира и преступность приобретает все более международный характер, привлечение к ответственности подозреваемых правонарушителей, бегущих за границу, все больше соответствует интересам всех стран. И наоборот, создание убежищ для скрывающихся лиц не только порождало бы опасность для государства, обязанного предоставлять убежище лицу, находящемуся под защитой, но и вело бы к подрыву основ экстрадиции. Он счел, что при условии того, что происшедшее явилось результатом сотрудничества между соответствующими странами, и того, что правовой основой для приказа об аресте скрывавшегося лица является ордер на арест, выданный властями государства происхождения этого скрывавшегося лица, даже скрытая экстрадиция не может как таковая рассматриваться как противоречащая Конвенции.

Европейский суд по правам человека далее счел, что независимо от вопроса о том, является ли арест

---

[95] *I.C.J. Reports 1980* (footnote 63 above), p. 93, para. 43.

[96] *Öcalan* v. *Turkey*, application No. 46221/99, Judgment of 12 March 2003.

нарушением закона страны, в котором нашло убежище скрывавшееся лицо, что является вопросом, который подпадает под рассмотрение Суда лишь в том случае, если принимавшее государство является участником Конвенции о правах человека, Суду необходимо доказать вне всякого разумного сомнения, что власти страны, в которую был перемещен заявитель, действовали экстерриториально, несовместимым с суверенитетом принимавшего государства образом, а следовательно – в нарушение международного права. Что касается вопроса о том, произведен ли был арест в нарушение суверенитета Кении, то Суд отметил, что власти Кении не рассматривали арест заявителя должностными лицами Турции в самолете в аэропорту Найроби как какое бы то ни было нарушение суверенитета Кении. Этот арест не привел к какому бы то ни было международному спору между Кенией и Турцией или к какому бы то ни было ухудшению их дипломатических отношений. Власти Кении не приносили никакого протеста правительству Турции по данному вопросу и не требовали никакого возмещения от Турции, такого, как возвращение заявителя или компенсация.

Эти аспекты дела убедили Европейский суд по правам принять изложенную правительством Турции версию событий: он счел, что в период этих событий власти Кении решили либо передать заявителя властям Турции, либо содействовать такой передаче. В свете этих соображений и в отсутствие какого бы то ни было договора о выдаче между Кенией и Турцией, устанавливающегося официальную процедуру, Суд посчитал, что не было доказано вне любого разумного сомнения, что операция, осуществленная в данном случае отчасти должностными лицами Турции и отчасти должностными лицами Кении, являлась нарушением Турцией суверенитета Кении, а следовательно, международного права.

Из того, как Европейский суд по правам человека рассмотрел вышеуказанное дело, можно сделать вывод о том, что факт ареста и привлечения к суду того или иного лица на основе сотрудничества в рамках Интерпола не превращает действие соответствующих стран в действие, которое должно порождать ответственность организации.

3. Международный валютный фонд

Отвечая на этот свод вопросов, необходимо прежде всего подтвердить предположение, лежащее в основе заданных вопросов.

Во-первых, важно отметить, что, когда государство-член действует во исполнении просьбы международной организации и последующее поведение приводит к нарушению международного обязательства этого государства, международные организации, возможно, не просили государство-члена нарушать его международные обязательства, а просто осуществить определенного вида деятельность. После этого в отсутствие руководства или контроля со стороны организации лишь само государство несет ответственность за то, каким образом оно предпочитает выполнять или не выполнять просьбу организации.

К примеру, МВФ может в ответ на просьбу того или иного члена об использовании ресурсов МВФ, указать, в соответствии со Статьями соглашения, что для использования этим членом ресурсов МВФ этому члену надо сократить чистую величину своего суверенного долга. Этот член мог бы отказаться делать это или мог бы сделать это различными путями, например, путем рефинансирования задолженности новой концессионной задолженностью, путем проведения переговоров о списании задолженности или о сокращении долга со своими кредиторами и т.д. Вместе с тем этот член может также сократить величину своей задолженности односторонним невыполнением обязательств по своей задолженности, нарушая тем самым свои международные финансовые обязательства. В данном случае МВФ не просил члена нарушать его международные обязательства и не осуществлял руководство или контроль в отношении средств, используемых этим членом для осуществления того акта, который представляет собой международно-противоправное деяние. На деле, политика МВФ состоит в том, чтобы побуждать членов в возможной степени придерживаться своих контрактных обязательств. Он никогда не побуждает своих членов к объявлению дефолта. Вместо этого он побуждает членов обращаться к своим кредиторам в духе сотрудничества, с тем чтобы реструктурировать требования таким образом, который позволяет избежать дефолтов. В связи с этим указание той или иной международной организацией определенной цели, которую член решает достичь путем нарушения одного из своих международных обязательств, не может порождать международную ответственность организации.

Во−вторых, заданный вопрос предусматривает такую ситуацию, когда испрашиваемое поведение порождает нарушение международного обязательства как государства, о котором идет речь, так и международной организации, испрашивающей это поведение. Важно отметить, что государства и международная организация редко несут идентичные или даже аналогичные обязательства. Трудно представить себе такую ситуацию, когда поведение государства могло бы вести к нарушению международного обязательства международной организации. Конкретные примеры ситуации, предусматривавшейся Комиссией при подготовке данного вопроса, облегчили бы наш ответ на данную его часть.

В−третьих, когда поведение "санкционируется" международной организацией, тот факт, что организация может "санкционировать" поведение, обязательно подразумевает, что после санкции поведение не является нарушением устава организации. К примеру, в разделе 2 *a* статьи VIII Статей Соглашения МВФ разрешается, чтобы МВФ утверждал валютные ограничения, налагаемые членами на производство платежей и переводов по текущим международным операциям. Если бы МВФ санкционировал наложение членом валютного ограничения в соответствии с этим положением, МВФ действовал бы в соответствии со Статьями и наложение

указанного валютного ограничения не могло бы рассматриваться как нарушение обязательств этого члена по Статьям. В этой связи трудно представить себе ситуацию, когда предоставление разрешения могло бы рассматриваться как противоправное деяние в международном праве.

4. Секретариат Организации Объединенных Наций

Что касается третьего вопроса, поднятого Комиссией, то Секретариату не известно о какой бы то ни было ситуации, когда Организация считалась бы совместно или остаточно ответственной за противоправное деяние государства при осуществлении той или иной деятельности или операции по просьбе Организации или с ее санкции. Вместе с тем в практике Организации присутствует, тем не менее, определенная степень подотчетности в отношениях между Советом Безопасности и государствами-членами, осуществляющими операцию с санкции Совета, в форме периодических докладов Совету о проведении операций. Хотя представление этих докладов служит для Совета важным "надзорным инструментом", сам Совет или Организация Объединенных Наций в целом не могут считаться ответственными за противоправное деяние государства, осуществляющего эту операцию, поскольку главным критерием ответственности остается "эффективное командование и контроль".

5. Всемирная организация интеллектуальной собственности

ВОИС полагает, что, когда определенное поведение государства-члена, обусловленное выполнением просьбы международной организации, представляется нарушением международного обязательства как этого государства, так и организации, организация также должна рассматриваться как несущая ответственность по международному праву. Степень ответственности организации должна быть значительно меньше, если противоправное поведение государства было лишь санкционировано, но не испрошено организацией.

O. Практика, касающаяся ответственности международных организаций

Германия

Германия является членом многочисленных международных организаций. Вопрос "ответственности международных организаций" предполагает наличие международной правосубъектности, отдельной и отличной от правосубъектности государств, создающих ее. Существование, учреждение, статус, членство и представительство международной организации регулируется международным правом. В определенной степени она наделяется определенной независимостью, с тем чтобы выполнять свои задачи и избежать влияния извне. Она также обычно наделяется привилегиями и иммунитетами для обеспечения своей независимости. Если ответственность международной организации не регулируется ее статутом или договорным правом, то минимальный стандарт ответственности может определяться в соответствии с обычным международным правом и нормами в области прав человека, а также общепринятыми нормами, содержащимися в повсеместно ратифицированных договорах[97].

Германия имеет относительно небольшую государственную практику, касающуюся ответственности международных организаций. Комментарии Германии в отношении государственной практики в этой области, таким образом, основываются на соответствующих судебных решениях и заявлениях федерального правительства.

Разграничение ответственности между Германией как членом различных международных организаций и самими международными организациями в принципе регулируется соответствующими международными соглашениями, заключенными между Германией и каждой организацией. Однако лишь небольшое число таких соглашений содержит конкретные положения об ответственности. Однако они не предусматривают стандартизированного решения для вопроса об ответственности.

По мнению Германии, не существует обычного международного права, касающегося ответственности международных организаций.

Имевшаяся до настоящего времени практика свидетельствует о том, что в большинстве случаев Германия полагала, что ответственность государств-членов и ответственность международных организаций являются отдельными понятиями. Косвенная ответственность государств-членов рассматривалась лишь в исключительных случаях.

Нижеследующие комментарии подразделены на три части:

a) присвоение ответственности в международных договорах;

b) присвоение ответственности в юриспруденции национальных и международных судов;

c) заключительные замечания.

1. *Присвоение ответственности в международных договорах*

Германия является стороной ряда международных соглашений, предусматривающих распределение ответственности между международной организацией и ее государствами-членами. Такие соглашения включают, в

[97] См. также резолюцию № 1/2004 об ответственности международных организаций, International Law Association, *Report of the Seventy-first Conference held in Berlin, 16–21 August 2004* (London, 2004). См. также www.ila-hq.org.

частности, учредительные договоры, соглашения о штаб-квартирах и соглашения о статусе сил/миссий. В принципе эти договоры за незначительными исключениями предусматривают такое отличие.

a) *Учредительные договоры международных организаций*

Учредительные договоры некоторых международных организаций включают конкретные положения об ответственности государств-членов за обязательства организации. Это в основном такие организации, как международные банки развития и товарно-сырьевые организации, основная деятельность которых включает независимые экономические операции или взятие на себя обязательств, иначе говоря, деятельность, которая по своему роду предполагает их ответственность.

i) *Международные банки развития*

Уставы международных банков, членом которых является Германия, обычно ограничивают ответственность государств-членов и акционеров стоимостью их оплаченных и подлежащих оплате акций. Положения такого рода имеются, например, в Статьях Соглашения МБРР (статья II, раздел 6), Уставе БМР (статья 11), Европейского банка реконструкции и развития (статья 5, пункт 7), первое предложение, а также статья 17), Уставе Европейского инвестиционного банка (статья 4, пункт 1), Соглашении об учреждении Африканского банка развития (статья 6, пункт 5), Соглашении об учреждении Азиатского банка развития (статья 5, пункт 6) и Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям (статья 8, пункт *d*).

Некоторые учредительные договоры включают аналогичные положения, которые конкретно предусматривают, что государства-члены не несут ответственности в силу своего членства за обязательства организации. Такие положения встречаются, например, в уставе Международной ассоциации развития (статья II, раздел 3) и Международной финансовой корпорации (статья II, раздел 4), обе организации являются филиалами Всемирного банка, а также Африканского фонда развития (статья 10), Азиатского банка развития (статья 5, пункт 7), Международного фонда сельскохозяйственного развития (статья 3, пункт 3) и Европейского банка реконструкции и развития (статья 5, пункт 7), второе предложение).

Во всех этих соглашениях предусматривается, что если государство прекращает свое членство, то оно продолжает нести ответственность по своим прямым обязательствам перед банком; однако оно не будет нести ответственности в отношении обязательств, которые были взяты на себя банком после этого. Это же относится и к тому случаю, когда организация прекращает существовать.

В конечном итоге учредительные договоры международных банков развития следуют модели ограничения ответственности государств-членов по обязательствам их организаций. Никакой дополнительной солидарной ответственности или вторичной ответственности со стороны государств-членов не предусматривается.

ii) Международные товарно-сырьевые организации

Некоторые из товарно-сырьевых организаций[98], членом которых является Германия, также имеют конкретные положения, касающиеся ответственности. Такие положения имеют особое значение, когда товарно-сырьевая организация располагает буферными запасами для регулирования цен. Наиболее известным примером такого рода является Шестое Международное соглашение по олову[99], в котором, однако, не содержалось каких−либо положений об ответственности государств-членов по обязательствам, которые были заключены для финансирования буферных запасов. Конкретное обязательство о предоставлении дополнительных средств было включено лишь применительно к административным расходам Международного совета по олову. Когда Совет по олову приостановил свою деятельность в 1985 году по причине чрезмерной задолженности, то в этой связи ответственность государств-членов должны были определять суды.

С другой стороны, Международное соглашение по какао, 2001 года, конкретно исключает ответственность государств по обязательствам, связанным с финансированием буферных запасов[100]. Международное соглашение по натуральному каучуку 1994 года ограничивает ответственность государств-членов размером их обязательств, касающихся взносов в административный бюджет и на финансирование буферных запасов[101]. Эти взносы в свою очередь ограничиваются ab initio фиксированным максимальным размером буферных запасов; заимствование средств для финансирования буферных запасов не предусматривается в отличие от ситуации, предусмотренной прежним Международным соглашением по натуральному каучуку, 1979 года. Возникающее в этом случае ограничение ответственности также будет, вероятно, применяться в случае ликвидации буферных запасов[102], хотя это и не вытекает абсолютно четко из самих положений.

Учредительные договоры международных товарно-сырьевых организаций, которые не обладают буферными запасами, содержат всего лишь элементарные положения об ответственности. Такие положения содержатся в международных соглашениях по тропической древесине, оливковому маслу, кофе и джуту. Во всех этих соглашениях конкретно исключается ответствен-

---

[98] Ответственность не упоминается в Международном соглашении по пшенице 1971 года и в Международном соглашении по сахару 1984 года.

[99] Совет по олову был расформирован в 1990 году.

[100] Статья 24.

[101] Статья 48, пункт 4 Соглашения.

[102] Статья 40, пункт 2 *d* Соглашения.

ность по причине членства сверх и выше обычной ответственности по уплате взносов[103].

Иначе обстоит дело в случае с Соглашением об учреждении Общего фонда для сырьевых товаров, который имеет своей целью финансирование мер, осуществляемых отдельными товарно-сырьевыми организациями. В той мере, в какой они также являются членами Фонда, государства-члены соответствующих товарно-сырьевых организаций предоставляют Фонду определенный гарантированный капитал для покрытия своей ответственности по обязательствам их товарно-сырьевой организации[104]. Данная ответственность является ответственностью pro rata. Таким образом, государства-члены несут ответственность по долговым обязательствам их товарно-сырьевой организации перед Фондом, однако эти обязательства не являются неограниченными и имеют лишь вторичный характер. При определенных обстоятельствах гарантийный капитал также подлежит востребованию Фондом для покрытия его собственных обязательств. Ответственность государств-членов по причине их членства как такового конкретно исключается[105].

Таким образом, некоторые из товарно-сырьевых организаций предусматривают ответственность по определенным обязательствам со стороны государств-членов, однако лишь в ограниченных пределах, которые определяются заблаговременно. Помимо таких конкретных изъятий, в товарно-сырьевых соглашениях предусматривается, что существует распределение ответственности между государствами и организациями.

iii) *Договор об учреждении Европейского экономического сообщества*

Необходимо проводить грань различия между вышеупомянутыми соглашениями и присвоением ответственности в рамках Европейского союза. Договор об учреждении Европейского сообщества не содержит конкретных положений об ответственности государств-членов по обязательствам Сообщества, однако в статье 300, пункт 7[106], предусматривается, что соглашения, заключенные Европейским сообществом, будут иметь обязательный характер не только для учреждений Сообщества, но также и для государств-членов. Однако имеются споры в отношении смысла этого положения. Некоторые его толкуют как подразумевающее, что международные договоры имеют прямо обязательный характер в отношениях между государствами – членами Европейского сообщества и соответствующими договаривающимися сторонами.

Однако, по мнению федерального правительства Германии, пункт 7 статьи 300 является чисто внутренним положением. При таком толковании эта статья лишь образует основу для обязательств перед Европейским сообществом в соответствии с законами Сообщества и не позволяет третьим сторонам предъявлять прямые иски к государствам – членам Европейского сообщества. Соответственно, при таком толковании пункта 7 статьи 300 нельзя предполагать наличие ответственности за нарушение Договора об учреждении Европейского сообщества и можно предусмотреть ответственность только по внутренним обязательствам в рамках Европейского сообщества, заключающимся во внесении взноса для выполнения договоров и финансирования на основе бюджетных процедур любых обязательств по уплате ущерба.

iv) *Другие учредительные договоры*

Учредительные договоры некоторых других международных организаций также включают положения о присвоении ответственности организации и ее государствам-членам. Некоторые международные научно-исследовательские институты, которые частично финансируются Германией, предусматривают ответственность pro rata государств-членов по обязательствам организации в случае ее ликвидации. Именно так обстоит дело в случае с Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН)[107], Европейским центром среднесрочных прогнозов погоды[108], Европейской лабораторией молекулярной биологии и Конвенцией об учреждении Европейского космического агентства 1975 года[109].

В некоторых других случаях государства-члены несут ответственность по обязательствам организации, однако только лишь перед самой организацией, а не перед внешними кредиторами. Ответственность регулируется таким образом в Европейском патентном бюро[110] и Международной организации спутниковой связи (ИНТЕЛСАТ) и ограничивается на основе pro rata для этой упомянутой последней организации. Здесь также можно предположить, что в принципе существует распределение ответственности, от которой отступления могут иметь место лишь в конкретно указанных случаях.

Конвенция об учреждении Европейской организации по эксплуатации метеорологических спутников (ЕВМЕТСАТ), которая регулирует ответственность в статье 9, функционирует на основе аналогичных посы-

---

[103] Статья 20, пункт 8, Международного соглашения по тропической древесине, 1994 год; статья 50 Международного соглашения по оливковому маслу, 1979 год; статья 16, пункт 1, пятое предложение, Международного соглашения по кофе, 2001 год; пункт 15 Соглашения о полномочиях международной исследовательской группы по джуту, 2001 год, а также статья 22, пункт 7 (ныне не действует) Международного соглашения по джуту и джутовым изделиям, 1989 год.

[104] Статья 14, пункт 4, Соглашения.

[105] Статья 6 Соглашения.

[106] Первоначально статья 228, пункт 2; включено в Учредительный договор о создании Европейской организации ядерных исследований от июня 2004 года без поправок в качестве статьи III-323, пункт 2.

[107] Статья XIV Конвенции об учреждении Европейской организации ядерных исследований.

[108] Статья 21, пункт 3, Конвенции об учреждении Европейского центра среднесрочных прогнозов погоды.

[109] Статья XXV, пункт 3.

[110] Статья 40, пункт 2, Европейской патентной конвенции.

лок. В наших целях следует упомянуть статью 9, пункт 2, которая исключает ответственность государств – членов ЕВМЕТСАТ друг перед другом в отношении конкретных ошибок в связи с эксплуатацией спутниковой системы организации.

b) *Соглашения о штаб-квартирах с международными организациями*

В соответствии с принципом территориальности принимающее государство может потенциально быть привлечено к ответственности за действия принимаемых организаций, большинство из которых происходит или по крайней мере имели место на его территории. Однако в целом соглашения о штаб-квартирах делают упор на вопросах статуса и тем самым косвенно подразумевают, что международные организации сами могут нести ответственность за свои действия. Очень редко встречаются положения об ответственности принимающих государств. В тех случаях, когда они действительно существуют, они, как правило, конкретно исключают ответственность принимающего государства как такового – как, например, Соглашение между Международным агентством по атомной энергии и Австрийской Республикой[111], Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Австрией, касающееся Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (1967 год)[112] и Соглашение между Швейцарией и Международной организацией труда (1946 год)[113].

Соглашения о штаб-квартирах, которые Германия заключила с международными организациями, редко содержат положения, касающиеся рассматриваемой нами сейчас темы. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Федеративной Республикой Германия относительно штаб-квартиры Программы добровольцев Организации Объединенных Наций[114], например, которое служит в качестве типового соглашения для других соглашений о штаб-квартирах с Организацией Объединенных Наций и связанными с ней международными учреждениями, не регулирует вопрос об ответственности вообще, однако в нем в основном делается упор на привилегии и иммунитеты. Соглашение о штаб-квартире между федеральным правительством Германии и Европейской организации по эксплуатации метеорологических спутников (ЕВМЕТСАТ)[115] предусматривает, что организация несет ответственность за ущерб, причиненный ее деятельностью в Германии (см. статья 4). Однако оно касается только ответственности по германскому законодательству и не упоминает об ответственности Германии как принимающего государства; это положение в лучшем случае можно толковать как косвенно исключающее ответственность Германии. С другой стороны, некоторые соглашения о конференциях между германским федеральным правительством и Организацией Объединенных Наций содержат далеко идущие изъятия от ответственности для Организации Объединенных Наций за ущерб или по другим искам, возникшим в ходе конференций. Германия согласилась с основным направлением этой статьи в связи с состоявшимся в Бременском университете в сентябре 2003 года семинаром Организации Объединенных Наций по вопросу об использовании запасных технологий для борьбы со стихийными бедствиями[116] и еще одним семинаром в Мюнхене в 2004 году по чисто политическим причинам.

c) *Соглашения о статусе сил и статусе миссий*

Соглашения о статусе сил и статусе миссий содержат конкретные целевые положения об ответственности. Общие положения о распределении ответственности встречаются исключительно редко. По мнению Германии, соглашения о статусе сил, заключенные в рамках Организации Объединенных Наций, НАТО и Европейского сообщества, имеют особенно конкретное отношение к настоящей теме.

Одним из таких постоянных соглашений является Соглашение между сторонами Североатлантического договора о статусе их сил (Соглашение о статусе сил НАТО), которое применяется только в отношениях между государствами – членами НАТО[117]. Оно регулирует, в частности, ответственность за ущерб, причиненный силами, базирующимися за рубежом. В соответствии со статьей VIII, пункт 1, государства-члены отказываются от всех своих претензий против других членов в связи с ущербом, нанесенным собственности. В случае ущерба, нанесенного третьим сторонам, особенно частным лицам, статья VIII, пункт 5, Соглашения[118] предусматривает распределение расходов между принимающим государством и соответствующим направляющим государством. Со стороны НАТО не предусматривается никакой ответственности. Ответственность несут направляющие и принимающие государ-

---

[111] Подписано в Вене 11 декабря 1957 года. United Nations, *Treaty Series*, vol. 339, No. 4849, p. 169, art. XVIII, sect. 46.

[112] Подписано в Нью-Йорке 13 апреля 1967 года, ibid., vol. 600, No. 8679, p. 126, art. XV, sect. 36. Это Соглашение о штаб-квартире было заменено в 1995 году новым соглашением о штаб-квартире между Австрией и самой ЮНИДО. (Agreement between the United Nations Industrial Development Organization and the Republic of Austria regarding the headquarters of the United Nations Industrial Development Organization, *United Nations Juridical Yearbook, 1998* (United Nations publication, Sales No. E.03.V.5), p. 146).

[113] *Procès-verbal*, Agreement, Arrangement for the execution of the Agreement, and Declaration concerning the legal status of the League of Nations (Geneva, 11 March 1946), United Nations, *Treaty Series*, vol. 15, No. 103, p. 393, art. 24.

[114] Подписано в Нью-Йорке 10 ноября 1995 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 1895, No. 32310, p. 103.

[115] Подписано в Дармштадте 18 июня 2002 года, ibid., vol. 2290, No. 40813, p. 287.

[116] Workshop on “Education and Capacity-Building in Space Technology for the Benefit of Developing Countries with emphasis on remote sensing applications”.

[117] Применительно к Германии было сделано добавление в соответствии с Соглашением от 3 августа 1959 года с целью внесения дополнений в Соглашение о статусе сил НАТО.

[118] Дополнено применительно к Германии статьей 41 Соглашения о дополнении к Соглашению о статусе сил НАТО и национальному акту об осуществлении, *Federal Law Gazette* (1961), part II, pp. 1183 et seq.

ства. Сфера применения этой нормы была расширена, с тем чтобы охватить статус штаб-квартиры НАТО посредством заключения отдельного протокола[119]. Только в том случае, когда невозможно определить, чьи вооруженные силы причинили ущерб, все соответствующие государства-члены привлекаются к равной ответственности[120]. Следует отметить, что эти положения не основываются на посылке о том, что ответственность возникает по причине членства в НАТО. Скорее, направляющее государство несет ответственность за действия своих собственных вооруженных сил. Солидарная ответственность принимающего государства основывается на его вторичной ответственности, связанной с разрешением, данным союзническим войскам использовать его территорию, и тех выгод, которые оно получает в результате положений о безопасности благодаря их присутствию и деятельности. Солидарная ответственность всех соответствующих государств, когда невозможно определить сторону, виновную в причинении ущерба, должна рассматриваться как следствие их возможной, хотя и не доказанной ответственности за действия, которые могли быть полностью присвоены им. Презумпции ответственности международной организации, как таковой, не существует.

Это же относится и к Соглашению о статусе сил Европейского союза, которое было подписано в Брюсселе 17 ноября 2003 года и должно вступить в силу в начале 2005 года[121]. Статья 18 этого соглашения содержит отказ от всех исков со стороны государств-членов в отношении друг друга и предусматривает распределение понесенных расходов при удовлетворении исков третьих сторон между принимающими и направляющими государствами. Дополнительное соглашение имеет своей целью применение этого отказа ко всем видам ущерба, который происходит за пределами территории государств – членов Европейского союза[122]. В обоих случаях не существует положения об ответственности Европейского союза как такового.

Решение Совета Европейского союза о механизме финансирования "Атена" содержит дополнительные положения ответственности, которые касаются конкретно военных операций Европейского союза за рубежом[123]. Механизм "Атена" сам обладает правоспособностью, и поэтому статья 40, пункты 2–3, этого решения может непосредственно возлагать контрактную и неконтрактную ответственность на этот финансовый механизм. Выражение "будут покрываться через "Атена" вносящими взносы государствами" (статья 40, пункт 3) означает, что "Атена" несет ответственность перед третьими сторонами и что вносящие взносы государства могут быть привлечены к ответственности только в рамках механизма финансирования исходя из их взносов в него[124]. Таким образом можно говорить о солидарной ответственности. Однако такое распределение расходов в отношении неконтрактной ответственности ограничивается ущербом, причиненным общими командными структурами Европейского союза, т.е. объединенной штаб-квартирой и ее персоналом. Ответственность за ущерб, причиненный силами, предоставленными государствами-членами, не упоминается в этом решении, и таким образом за него ответственность несет каждое направляющее государство. Ответственность Европейского союза и его государств-членов перед другими, вносящими взносы государствами конкретно исключается.

Наряду с такими постоянными соглашениями о статусе сил необходимо также учитывать конкретные соглашения о статусе сил, заключенные с третьими государствами, на территории которых осуществляется операция. Соответствующее соглашение между Европейским союзом и бывшей югославской Республикой Македония о статусе руководимых Европейским союзом сил для осуществления операции Конкордиа, и в нем в статье 13[125] регулировалась ответственность за ущерб, связанный с проведением этой операции. Однако это положение конкретно не упоминало сторону, в отношении которой могут быть возбуждены иски, и таким образом не предоставляло никакой возможности судить о том, каким образом будет распределяться ответственность между государствами, предоставляющими войска, и механизмом финансирования Европейским союзом. Распределение ответственности регулировалось только лишь заключением соответствующих соглашений с направляющими государствами, в которых, в принципе, предусматривалась ответственность

---

[119] Протокол о статусе международного военного штаба, созданного во исполнение Североатлантического договора, в частности его статья 6. Соглашение между Федеративной Республикой Германией и штабом Верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе о специальных условиях, применимых к созданию и функционированию Международного военного штаба в Федеративной Республике Германии, статья 22, *Federal Law Gazette* (1969), part II, p. 2009.

[120] Статья VIII, пункт 5 *e* ii)–iii) Соглашения.

[121] Соглашение между государствами-членами Европейского союза о статусе военных и гражданских сотрудников, прикомандированных к институтам Европейского союза, о штаб-квартире и силах, которые могут быть предоставлены Европейским союзом в контексте подготовки и осуществления задач, сформулированных в статье 17 (2) Договора о Европейском союзе, в том числе относительно учений, а также военного и гражданского персонала государств-членов, выделенного в распоряжении Европейского Союза для осуществления соответствующих действий (EC SOFA), *Official Journal of the European Union*, No. C 321, C 321, vol. 46 (31 December 2003), p. 6.

[122] Соглашение между государствами-членами Европейского союза относительно претензий, предъявляемых каждым государством-членом к любому другому государству-члену в связи с порчей любого имущества, находящегося в его собственности, пользовании или распоряжении, а также травмы или смерти любого военного или гражданского лица в ходе выполнения им своих обязанностей, в контексте оперативного управления кризисом в ЕС (Брюссель, 28 апреля 2004 года), ibid., No. C 116, vol. 47 (30 April 2004), p. 1.

[123] Решение Совета 2004/197/CFSP от 23 февраля 2004 года (ibid., No. L 63, p. 68), учреждающее механизм для управления финансированием общих расходов операций Европейского союза, который имеет военные или оборонительные последствия. Этот отдельный механизм финансирования используется для финансирования военных операций ЕС, поскольку в бюджете ЕС не предусматриваются такие операции.

[124] "Вносящие взносы государства» означает все государства, вносящие взносы на финансирование любой конкретной операции.

[125] См. *Official Journal of the European Union*, No. L 82, vol. 46 (29 March 2003), p. 45.

направляющих государств[126]. Это положение не применялось только лишь в том случае, если механизм финансирования, учрежденный для этой операции, принимал решение о компенсации ущерба; это в свою очередь предусматривалось только в отношении случаев ущерба, причиненного совместными командными структурами Европейского союза[127], т.е. как это сейчас предусмотрено в рамках механизма "Атена"[128].

Типовое соглашение Организации Объединенных Наций о статусе сил для операций по поддержанию мира, которое лежит в основе соглашений о статусе сил, заключаемых между Организацией Объединенных Наций и различными принимающими странами для операций по поддержанию мира[129], не упоминает о распределении ответственности.

d) *Другие соглашения*

Несколько многосторонних соглашений затрагивают вопрос о присвоении ответственности в случае нарушения договора международной организацией. Так, еще в 1962 году этот вопрос был рассмотрен в Конвенции об ответственности операторов ядерных судов. Комитет, которому было поручено решить эту проблему, предложил разрешить международным организациям присоединяться к Конвенции при том условии, что их государства-члены заверят организацию, что они будут (частично) финансировать ее обязательства. Однако это предложение не было включено в Конвенцию.

Примером положения об ответственности по причине членства в организации является Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну, и другие небесные тела, который был ратифицирован Германией. Третье предложение статьи VI этого Договора предусматривает, что как международные организации, так и их государства-члены несут ответственность за обеспечение соблюдения Договора; статья 7 предусматривает, что каждое государство, с территории которого производится запуск объектов в космическое пространство, несет международную ответственность за ущерб, причиненный таким объектом. Таким образом, Договор о космическом пространстве является одним из очень небольшого числа документов, которые предусматривают ответственность по причине членства в организации. Аналогичным образом Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, предусматривает солидарную ответственность государств-членов в том случае, если международная организация несет ответственность за ущерб[130]. Тем не менее такой иск в первую очередь должен был быть предъявлен организации. И только в том случае, если организация не удовлетворит иск об ущербе, истец может возбудить судебное дело против государств-членов. Присоединяясь к Конвенции, государства – члены организации таким образом действуют в принципе в качестве ее гарантов.

Наконец, в статье 139, пункт 2, Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву предусматривается, что государства и международные организации в принципе несут отдельную ответственность за нарушение их договорных обязательств. Только в тех случаях, когда государства и международные организации действуют совместно, они несут солидарную ответственность.

Более того, существует возможность того, что государства-члены могут взять на себя ответственность путем заключения конкретного соглашения по этому вопросу между собой или с кредиторами. Именно так обстояло дело в связи с ликвидацией "Еврокемик", международной компании, основанной под эгидой ОЭСР. После ликвидации компании государства-члены согласились предоставить средства сверх оперативного капитала, с тем чтобы удовлетворить существующие обязательства, а в обмен на это Бельгия заявила, что она готова взять на себя ответственность за установление контроля и прекращение деятельности заводов и уничтожение радиоактивных отходов.

2. *Присвоение ответственности в юриспруденции национальных и международных судов*

Существует лишь немного известных случаев, когда суды были вынуждены занять позицию относительно возложения ответственности. Ниже приводится анализ германской и международной юриспруденции по этому вопросу. Этот перечень никоим образом не является исчерпывающим; выбор дел ограничивается делами, которые имеют непосредственное отношение к Германии.

a) *Международный совет по олову*

Классическим примером в связи с вопросом об ответственности государств-членов за действия международной организации является вопрос о неплатежеспособности Международного совета по олову в октябре 1985 года. Невыполненные по частному праву обязательства Международного совета по олову, возникшие в результате его заимствований и последующих форвардных сделок, привели к возбуждению ряда дел против Совета по олову, в первую очередь в английских судах. Однако одно из таких дел слушалось в Европей-

[126] Соглашение между Европейским союзом и Турецкой Республикой об участии Турции в руководимых Европейским союзом силах в бывшей югославской Республике Македония (4 апреля 2003 года), ibid., No. L 234, p. 22.

[127] Экземпляры решения Совета о создании оперативного механизма для обеспечения финансирования операции Европейского союза, имеющих военное или оборонное значение, документ Совета Европейского союза 5491/1/03 от 21 января 2003 года, статья 9, пункт 3.

[128] См. выше комментарии касательно "Атена".

[129] Доклад Генерального секретаря (A/45/594 от 9 декабря 1990 года).

[130] Статья XXII, пункт 3, Конвенции.

ском суде[131]. В своем заключительном слове главный адвокат Дармон высказал предположение о том, что разделение ответственности должно вытекать из международной правосубъектности Совета по олову[132]. Тот факт, что Европейское сообщество и его государства-члены совместно образовывали блокирующее меньшинство в Совете по олову, никоим образом не затрагивал этого мнения. Кроме того, он указал, что суд в полной мере обладал компетенцией по рассмотрению действий Международного совета по олову. Суду не потребовалось сделать заключение по этому делу, поскольку судебное разбирательство было прекращено 10 мая 1990 года, после того как стороны пришли к мировому соглашению.

b) *Ответственность государств – членов международной организации по документам в области прав человека*

Юриспруденция Европейского суда и Комиссии по правам человека, которые несут ответственность за обеспечение соблюдения Европейской конвенции о правах человека имеет огромное значение для нашей темы с точки зрения деятельности международных организаций. Международные организации, в частности Европейское сообщество, не являются сторонами этой Конвенции и тем самым не подпадают под юрисдикцию его судебных органов. Таким образом, возникает вопрос о том, несут ли государства – члены Европейской конвенции (по крайней мере) ответственность за любые нарушения норм, установленных Конвенцией и международными организациями, которые они учредили, и могут ли к ним предъявляться иски за такие нарушения перед европейскими органами.

Европейская комиссия по правам человека отвергла иск об ответственности принимающего государства, например, в деле *X.* v. *the Federal Republic of Germany*[133] и *X.* v. *Sweden, the Federal Republic of Germany and other States*[134]. Оба дела касались ответственности принимающего государства за решения международного суда. Европейская комиссия по правам человека первоначально также отвергла концепцию ответственности по причине членства. В своем решении[135] от 10 июля 1978 года Комиссия отклонила иски, выдвинутые против государств – членов Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) французским профсоюзом, не согласным с решением о том, что их представители не рассматривались на должности в Консультативном комитете ЕОУС на том основании, что участие государств в органах ЕОУС не означало осуществления суверенных полномочий по смыслу статьи 1 Европейской конвенции о правах человека.

Европейская комиссия по правам человека и впоследствии Европейский суд по правам человека, однако, отказались строго придерживаться этого первоначального решения. В решении Мелчерса[136] от 9 февраля 1990 года Комиссия рассмотрела дело, в котором Суд в целом поддержал штраф, наложенный Комиссией европейских сообществ в связи с нарушением правил о конкуренции, в связи с которым германские суды отдали приказ об исполнении согласно пункту 2 статьи 192 Договора об учреждении Европейского сообщества (сейчас статья 256, пункт 2 договора). Федеральное правительство сочло, что Германия не несет ответственности на том основании, что рассматриваемые действия являлись действиями ЕС:

> Правительство-ответчик считает, что Федеративная Республика Германия не несет ответственности по Конвенции за действия и решения Европейских сообществ. Федеральный министр юстиции, выдавая ордер об исполнении в отношении решения Европейского суда, не должен был рассматривать вопрос о том, было ли достигнуто соответствующее решение в ходе разбирательств, совместимых с основными правами, гарантируемыми Европейской конвенцией по правам человека или Основным законом Германии. Единственное, что он должен был рассмотреть, так это вопрос о том, было ли это решение аутентичным. Соответственно, он не должен был делать определение относительно гражданского права или уголовного наказания в рамках смысла статьи 6, более того, ответственность Федеративной Республики по Конвенции не могла проистекать из того факта, что она передала часть своих полномочий Европейским сообществам.
>
> В противном случае все действия Сообщества будут косвенно подпадать под контроль органов, созданных в соответствии с Конвенцией. Однако такой вывод не будет соответствовать общепринятому принципу, согласно которому Конвенция применяется к Европейским сообществам и будет для них обязательной только в том случае, если они официально присоединятся к ней. В этом контексте правительство-ответчик также указало, что в любом случае соблюдение основополагающего права обеспечивается Европейским судом. Даже если будет установлено, что национальные власти тем не менее также несут ответственность за обеспечение контроля за действиями Сообщества в случае явных и вопиющих нарушений основополагающих прав, такой контроль, как в настоящем случае, будет зависеть от решений германских гражданских судов, которые не установили наличия такого нарушения[137].

Европейская комиссия по правам человека отклонила этот иск как неприемлемый. Она постановила, что передача суверенных полномочий международной организации не запрещается Европейской конвенцией о правах человека. Однако она высказала мнение о том, что такая передача не освобождает государства-члены от их ответственности по обеспечению соблюдения Конвенции. Таким образом, основной вопрос состоит в том, обеспечивается ли надлежащая защита основополагающих прав в международной организации.

---

[131] *Maclaine Watson and Co. Ltd.* v. *Council and Commission of the European Communities*, case C–241/87, *Reports of cases before the Court of Justice and the Court of First Instance, 1990–5*, p. I–1797.

[132] Ibid., Final submissions, paras. 131 et seq.

[133] Application No. 235/56, decision of 10 June 1958, *Yearbook of the European Court of Human Rights 1958–1959*, p. 256.

[134] Application No. 2095/63, decision of 15 July 1965, *Yearbook of the European Court of Human Rights 1965*, p. 272.

[135] *Confédération francaise démocratique du travail* v. *the European Communities*, application No. 8030/77, *Decisions and Reports*, p. 231.

[136] *M. & Co.* v. *Germany*, application No. 13258/87, *ibid.*, vol. 64, p. 138.

[137] Ibid., p. 144.

Германия конкретно отвергла ответственность за действие ЕС в своих аргументах, представленных ею Комиссии[138].

Доктрина равной защиты была подтверждена Европейским судом по правам человека в его параллельных решениях по делам *Waite and Kennedy* v. *Germany* и *Beer and Regan v. Germany* от 18 февраля 1999 года[139]. В этих делах рабочие, трудившиеся по найму в Европейском космическом агентстве (ЕКА) в Дармштадте, Германия, подали иск против ЕКА, утверждая, что они приобрели статус трудящихся ЕКА. Трудовые суды Германии признали эти иски неприемлемыми в силу того, что ЕКА пользовалось иммунитетом от юрисдикции как международная организация. Истцы решили оспорить это решение в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. Однако в иске, поданном в Страсбурге, Франция, речь шла не о действиях ЕКА, а об отказе германских судов рассмотреть эти иски. Суд, таким образом, не должен был непосредственно рассматривать вопрос о том, может ли Германия нести ответственность за действия ЕКА. Федеральное правительство высказало следующие соображения:

> Правительство-ответчик отмечает, что германские суды предоставили Европейскому космическому агентству иммунитет от исков заявителя в соответствии с имеющими к этому отношение положениями Закона об организации германских судов. Касаясь прецедентного права органов Конвенции, они утверждают, что право на доступ в суд подпадает под ингерентные ограничения, которые включают традиционный и общепризнанный принцип парламентского и дипломатического иммунитета, а также иммунитета международной организации. В этой связи они объясняют, что иммунитет, предоставленный международной организации, соответствует так же, как и иммунитет государства, принципу суверенного равенства всех государств. Международная организация может надлежащим образом функционировать только в том случае, если обеспечена ее независимость. Деятельность международных организаций настолько тесно связана с их суверенными целями, что даже действия частных лиц не могут быть полностью исключены из сферы применения иммунитета.
>
> Более того, правительство считает, что истцам обеспечивается надлежащая правовая защита, поскольку они имели возможность предъявить иск ирландской компании "СДП", другой стороне их контрактов, требуя компенсацию по пункту 2 статьи S:10 Закона Германии о найме трудящихся. Вопрос о том, действовали ли они добросовестным образом, должен был быть уточнен в ходе указанного судебного разбирательства[140].

Хотя данное дело в принципе не касалось вопроса об ответственности, Европейской конвенции по правам человека подтвердил мнение о том, что учреждение международной организации не освобождает стороны Конвенции по правам человека от выполнения ими своих обязательств по ней. Таким образом, можно предположить, что Германия в принципе несет ответственность за обеспечение права на справедливое судебное разбирательство согласно пункту 1 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека даже в том случае, когда речь идет о действиях Европейского космического агентства. В конечном итоге суд, однако, не рассматривал признание иммунитета ЕКА как представляющее собой нарушение пункта 1 статьи 6 потому, что Конвенция об учреждении Европейского космического агентства от 1975 года сама предусматривала надлежащие альтернативные средства правовой защиты применительно к действиям ЕКА. В конечном итоге это соответствует контрольному тесту, сформулированному в деле *M. & Co.* v. *the Federal Republic of Germany*, согласно которому основополагающие права должны пользоваться равной защитой, когда суверенные полномочия передаются международной организации. Тем не менее сфера охвата и точное значение доктрины равной защиты *M. & Co*. еще не являются совершенно ясными.

Можно было надеяться, что решение по делу *Senator Lines GmbH* v. *Austria and others s* от 10 марта 2004 года прояснит этот вопрос[141]. В качестве государства – члена Европейского союза среди ответчиков также была и Германия. Обстоятельства дела заключались в следующем: компания-грузоперевозчик “Senator Lines” была оштрафована Европейской комиссией за нарушение правил Европейского сообщества о конкуренции. “Senator Lines” оспорила решение в суде и просила отменить требование о предоставлении банковской гарантии. Эта просьба была отклонена судом первой инстанции и впоследствии Европейским судом. После этого “Senator Lines” обратилась в Европейский суд по правам человека на том основании, что ее основополагающие права на справедливое судебное разбирательство согласно статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности презумпция невиновности, были нарушены. Заявление было подано против государств – членов ЕС. Как представляется, ответчики исходили из мнения о том, что существует разделение ответственности. В их совместном представлении государства – члены ЕС выдвинули следующие аргументы:

> Основной аргумент правительств заключается в том, что иски не имеют отношения к суверенным актам любых из отдельных государств-ответчиков, иначе говоря, акты, в отношении которых подается иск, не связаны с осуществлением индивидуальными государствами их юрисдикции в рамках смысла статьи 1 Конвенции. Они сослались на прецедентное право Европейской комиссии по правам человека в том смысле, что нельзя подавать иск против Европейского сообщества как такового или против государств-членов совместно или солидарно (*CFDT v. the European Communities and their Member States*, заявление № 8030/77, решение Комиссии от 10 июля 1978 года, Decisions and Reports (DR) 13, p. 231). Они не усматривали какого-либо противоречия между этой позицией и предыдущими решениями суда, согласно которым государства должны были нести ответственность за действия, совершенные ими при исполнении международных обязательств или в контексте международных обязательств (см. вышеупомянутое решение по делу *Matthews* v. *the United Kingdom*), и отметили, что Европейское сообщество обладает правосубъектно-

---

[138] Ibid.

[139] *Waite and Kennedy* v. *Germany*, application No. 26083/94, *Reports of Judgments and Decisions, 1999–I*, p. 393; *Beer and Regan* v *Germany*, application No. 28934/95, *ibid.*; см., в частности, paras. 57 et seq. Подобным образом, решение по делу *Prince Hans-Adam II of Liechtenstein* v. *Germany* of 12 July 2001, application No. 42527/98, ibid., *2001-VIII*, para. 48, которое касалось не международной организации, а, скорее, неприменения средств правовой защиты Германии в силу международного договора.

[140] *Waite and Kennedy* v. *Germany* (см. сноску 137, выше).

[141] Application No. 56672/00, *Reports and Judgments and Decisions, 2004–IV*.

стью и ни Сообщество, ни его органы никоим образом не представляют его государств-членов.

Кроме того, государства-ответчики утверждали, что правовые нормы Сообщества в любом случае гарантируют соблюдение прав человека. Соответственно в силу принципа субсидиарности необходимо исключить из рассмотрения судом оспариваемых деяний. Они сослались в этой связи на дело *M. & Co.* v. *Germany* (заявление № 13258/87, решение Комиссии от 9 февраля 1990 года, DR 64, p. 138), в котором Комиссия признала, что государства имеют право передавать полномочия международным организациям при том условии, что в рамках этой организации основные права пользуются равной защитой. Комиссия пришла к выводу о том, что Европейские сообщества, на основании заявлений и предыдущих судебных решений ЕС [Европейского суда], гарантируют основополагающие права и обеспечивают контроль за их соблюдением. Государства-ответчики указали, что после принятия этого решения гарантии прав человека в соответствии с правовыми нормами Сообщества были дополнительно укреплены в результате включения в Договор о Европейском союзе (Договор ЕС) статей 6 и 46, которые конкретно касаются основополагающих прав, включая Европейскую конвенцию по правам человека.

Государства-ответчики подчеркнули, что вопрос относительно требования о предоставлении банковских гарантий в настоящем деле был рассмотрен председателем СПИ [суда первой инстанции] и председателем Европейского суда и ни одна из этих инстанций не согласилась с аргументами компании истца и что обе эти инстанции предложили ряд гарантий в отношении проведения справедливого разбирательства[142].

Европейский суд по правам человека, однако, не стал рассматривать вопрос об ответственности государств за действия Европейского сообщества, однако признал это заявление неприемлемым по другим причинам[143]. Тем не менее этот вопрос был рассмотрен в аргументах, представленных в ходе судебного разбирательства[144]. Комиссия Европейского союза согласилась с аргументами государств – членов Европейского союза и отклонила предположение о том, что государства-члены несут ответственность за действия Европейского сообщества и его институтов, указав, что существует равная защита основных прав в соответствии с доктриной *M. & Co.*, которая была разработана Европейской комиссией по правам человека. Тем не менее Международная комиссия юристов, представляя свои аргументы по этому делу, утверждала, что следует отказаться от контрольного теста *M. & Co.*, потому что государства-члены, как правило, несут ответственность за нарушения основных прав органами международных организаций; в соответствии с общими нормами публичного международного права государства, как утверждал Комиссия, не могут избежать их ответственности путем учреждения международных организаций:

МКЮ [Международная комиссия юристов] придерживается мнения о том, что Суд должен допустить возможность ответственности государств-членов за поведение органов международных организаций, членами которых они являются. Суд считает, что нельзя допустить того, чтобы нарушения основных прав оставались безнаказанными только потому, что их совершил международный орган, созданный государством, а не само государство. Нельзя допустить того, чтобы государства избегали своих обязательств путем передачи полномочий международным организациям. МКЮ считает, что это мнение находится в соответствии с общими нормами публичного международного права и совместимо с существующим прецедентным правом по Конвенции. МКЮ не считает, что следует продолжить применение доктрины "равной защиты" в рамках Комиссии, поскольку не ясно, каким образом она действует в ряде обстоятельств[145].

c) *Другие случаи ответственности за суверенные действия третьей стороны на территории государств-членов*

Вопрос об ответственности за суверенные действия третьей стороны на территории государств-членов может также возникать в других контекстах. Особое значение имеют те категории, в рамках которых действия третьей стороны могут иметь отношение к международным организациям.

i) *Правовые документы Европейского сообщества*

Первая категория касается последствий правовых документов, принятых Европейским сообществом. Одним из вопросов, который возникает в этой связи, является вопрос об ответственности государства-члена за применение и осуществление законов Сообщества. В 1994 году, например, Федеральный суд Германии (ВФС) должен был вынести решение по делу, возбужденному одной компанией против Федеративной Республики Германия за ущерб, возникший в результате экономического эмбарго в отношении Ирака[146]. Это эмбарго было введено в соответствии с решением Совета Сообщества. ВФС – как и суд нижней инстанции – отклонил иски, возбужденные против Германии, поскольку эмбарго было незамедлительно введено в действие в соответствии с законодательством Европейского сообщества, по которому единственную ответственность несло Европейское сообщество. ВФС, таким образом, отказался допустить какую−либо ответственность со стороны Германии в силу ее членства или на основании ее голосования в Сообществе. Он также пришел к выводу, что закон, принятый в Германии для осуществления эмбарго и применения наказаний за нарушения этого эмбарго, имел чисто декларативный характер и не мог повлечь за собой присвоение ответственности Германии за любые нарушения основных прав, потенциально вытекающих из этого эмбарго. Таким образом, ВФС исходил из мнения о том, что существует строгое разделение ответственности между Сообществом и государствами-членами, по крайней мере в тех случаях, когда задействовано законодательство Сообщества, имеющее прямую силу. Также достаточно интересно отметить, что в аналогичном деле Европейский суд первой инстанции постановил, что Сообщество не несет ответственности за ущерб, возникающий в результате этого

---

[142] Ibid., The Law, sect. A.

[143] Поскольку штраф в то время был отменен судом первой инстанции, истец не мог больше настаивать на том, что является "жертвой нарушений", как предусмотрено статьей 34 Конвенции.

[144] См. The Law, sects. A and C of the decision (сноска 139, выше).

[145] Ibid., sect. C, para. 5.

[146] *Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Zivilsachen* (BGHZ), 1995, vol. 125, p. 27. См. также *Neue Juristische Wochenschrift* (NJW), 1994, No. 13, p. 858. Решение суда первой инстанции (Боннский региональный суд) воспроизведено в *Europäische Zeitschrift für Wirtschaftsrecht* (EuZW), 1992, No. 14, p. 455.

эмбарго, потому что оно было введено в соответствии с резолюцией Совета Безопасности и поэтому не может быть присвоено Сообществом[147].

Другая сторона медали – степень ответственности ЕС за осуществление его правовых документов национальными властями – была рассмотрена Европейским судом в деле *Krohn* в 1986 году. Германская компания предъявила Европейскому сообществу иск за ущерб, потому что Федеральный институт регулирования сельскохозяйственного рынка отказался предоставить импортные лицензии на основании инструкций Европейской комиссии. Суд признал, что этот иск должен быть принят к рассмотрению, поскольку оспариваемая мера могла быть отнесена к компетенции Комиссии, а не Федерального института. Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что национальные власти играют "второстепенную роль" по отношению к Сообществу для целей ответственности Сообщества по статье 288 (второй пункт) Договора об учреждении Европейского сообщества за ущерб, причиненный его учреждениями или агентами при исполнении их обязанностей, по крайней мере когда они действуют при исполнении официальных указаний[148]. Совсем недавние решения предусматривают большую степень охвата: согласно этим решениям в случае исков, предъявленных Европейскому сообществу за нарушение официальных обязанностей, обычно достаточно того, чтобы Европейское сообщество явилось (единственным или солидарным) источником неправомерного поведения со стороны национальных властей, как, например, в деле *New Europe Consulting and Michael P. Brown* v. *Commission of the European Communities* в 1999 году. В этом случае Европейская комиссия направила факсимильное сообщение национальным властям, что побудило эти власти исключить заявителя из участия в публичных торгах в рамках программы "Phare"[149].

ii) *Присутствие иностранных вооруженных сил*

Вторая категория касается последствий присутствия объединенных сил НАТО на немецкой территории. Вопрос об ответственности возникает, когда члены таких вооруженных сил причиняют вред или ущерб при исполнении своих обязанностей. Положения об ответственности включены в Соглашение о статусе сил НАТО; этот вопрос уже был рассмотрен выше[150]. Как отмечалось выше, никакой ответственности со стороны самой НАТО не предусматривается. Ущерб третьим сторонам (частным лицам) поэтому присваивается в равной степени соответствующему направляющему государству и принимающему государству на основании пункта 5 *e* статьи VIII Соглашения. Если нельзя определить, силы какой стороны причинили ущерб, то все соответствующие государства-члены несут равную ответственность (статья VIII, пункт 5 *e* iii)). Исходя из этого положения, ВФС пришел к выводу о том, что солидарная ответственность существует для таких случаев неприсваиваемого ущерба, и поэтому к Германии могут предъявлять иски в полном объеме частные лица, которые пострадали от такого ущерба[151]. Однако уже было указано, что эти правила в Соглашении о статусе сил НАТО не основываются на ответственности по причине членства НАТО, а, скорее, на ответственности за свои собственные действия. Процедурный вариант, касающийся предъявления иска против принимающего государства, также вытекает независимо от солидарной ответственности и статьи VIII, пункт 5 *b*, Соглашения, в соответствии с которой принимающее государство выплачивает компенсацию и впоследствии получает возмещение своих расходов от соответствующих государств-членов. Такое соглашение также не связано с концепцией об ответственности по причине членства. Это, скорее, прагматичный путь обеспечения средств правовой защиты для пострадавших сторон, при котором обеспечивается соблюдение иммунитета союзнических государств[152]. Таким образом, прецедентное право Германии, подтверждающее иски против Федеративной Республики на основании Соглашения в отношении ущерба, причиненного в ходе учений Объединенных вооруженных сил[153], не может рассматриваться как доказательство ответственности государства-члена за действия международной организации.

Юриспруденция ВФС об ответственности за ущерб, причиненный в ходе военных учений, также должна рассматриваться в этом свете. Вышеупомянутые положения пункта 5 статьи VIII Соглашения о статусе сил НАТО означают, что в первом случае Федеративная Республика Германия несет ответственность перед третьими сторонами за ущерб, возникший в результате учений или присутствия сил на территории, в такой же степени, как если бы ее собственные силы несли ответственность за этот ущерб. ВФС конкретно поддержал иск об ответственности против Германии за ущерб, причиненный бельгийскими войсками в ходе выполнения ими своих обязанностей, именно по этой причине[154].

---

[147] *European Court Reports, 1998–II*, case T–184/95 (*Dorsch Consult* v. *Council and Commission)*, in particular, p. 694, para. 74.

[148] *Krohn & Co.* v. *Commission of the European Communities*, case 175/84, *Reports of Cases before the Court of Justice and the Court of First Instance, 1986–2*, p. 753. Однако этот иск был отклонен потому, что действия Европейской комиссии не были неправомерными.

[149] Дело T–231/97, *European Court Reports, 1999–II*, в частности, paras. 29 et seq. Ср. ibid., *1994*, p. I–4199, дело C–146/91 (*Koinopraxia Enóséon Georgikon Synetairismon Diacheiríséos Enchorion Proïonton Syn. PE (KYDEP)* v. *Council of the European Union and Commission of the European Communities*), paras. 19 et seq. Что касается аналогичного решения и другого подхода, см., ibid., *1987*, p. 3005, дела 89 и 91/86 (*Étoile commerciale* v. *Commission*), paras. 18 et seq.

[150] См. раздел 1 *c*), выше.

[151] BGH NJW, 1976, vol. 23, p. 1030; *ibid*, 1982, vol. 19, p. 1046; BGHZ, 1994, vol. 122, p. 363.

[152] Германия может предъявлять иски и Германии могут предъявляться иски от имени направляющего государства (статья 12, пункт 2, Соглашения.

[153] См., например, решения Высшего регионального суда Олденбурга в NJW, 1990, vol. 50, p. 3215; Aachen Regional Court in NJW-RR, 1992, vol. 3, pp. 165 et seq., BGH in NJW-RR, 1989, vol. 11, p. 673, и в NJW, 1991, vol. 22, pp. 1421 et seq.

[154] BGHZ, 1968, vol. 49, p. 270.

Решение ВФС 1993 года (BGHZ vol. 122, p. 363) также следует рассматривать в контексте солидарной ответственности за неприсваиваемый ущерб, который, как указано выше, основывается на принципе ответственности за свои собственные действия, а не на членстве. В этом деле ВФС подтвердил, что иск может быть возбужден против Федеративной Республики Германии на основании ее ответственности за регулярное пренебрежение вооруженными силами партнеров по НАТО ограничениями временно́го характера, которые были введены для полетов на низкой высоте. Было указано, что нарушение обязанностей и вина не должны возлагаться на компетентные органы Германии, а скорее "на тех, кто несет ответственность в вооруженных силах НАТО". ВФС привел следующие аргументы:

Те, кто несет ответственность в вооруженных силах НАТО за проведение индивидуальных военных полетов на низкой высоте, тем самым несут ответственность перед жителями районов, где осуществляются полеты на низкой высоте, с тем чтобы гарантировать, чтобы время полетов планировалось таким образом, чтобы соблюдались требования, касающиеся их здоровья. Конечно, изолированные случаи несоблюдения абсолютно точно выделенных временных рамок для полетов на низкой высоте не причинят сами по себе вреда их здоровью. Однако, если авиация НАТО будет проявлять серьезное пренебрежение ограничениями, введенными на военные учебные полеты на низкой высоте, т.е. ограничениями, которые были введены в целях учета риска для здоровья жителей районов, где осуществляются полеты на низкой высоте, то ответчик – Федеративная Республика Германия – будет нести ответственность по германскому законодательству за нарушение своих официальных обязанностей. Поскольку при применении принципов германского законодательства они должны обладать или иметь административные и юридические знания, необходимые для выполнения своих обязанностей (приказ суда от 15 июня 1989 года – III ZR 96/88 – BGH-Rechtsprechung (BGHR) § 839), первое предложение гражданского кодекса (BGB), решение 13 (вина) с дальнейшими ссылками), члены вооруженных сил НАТО, ответственные за совершение военных полетов на низкой высоте, являются виновными, если при проведении учебных полетов на низкой высоте они не соблюдают временные сроки и ограничения, предусмотренные в специальном разрешении[155].

При решении вопроса о присвоении ответственности Федеративной Республики Германии ВФС косвенно исходило из вышеупомянутых положений Соглашения о статусе сил НАТО. В лучшем случае вспомогательную роль возможно также и сыграл тот факт, что Федеративная Республика не отказалась, как она сделала в отношении положений Европейского сообщества, от своей окончательной юридической ответственности за выдачу разрешений на полеты, осуществляемые подразделениями НАТО, базирующимися в Германии[156]. В этой связи логично не освобождать Германию от ответственности за нарушение официальных обязанностей.

В 1994 году Высший административный суд земли Райнланд-Пфальц принял следующее постановление:

Федеративная Республика Германия несет юридическую ответственность за последствия шумового загрязнения, вызываемого полетами на низкой высоте, по крайней мере в тех районах, которые существенно затрагиваются ими на протяжении продолжительного периода времени, при этом нет необходимости в каком−либо требовании о том, чтобы использование самолетов федеральных вооруженных сил отличалось от использования самолетов вооруженных сил НАТО для целей определения потенциальных нарушений[157].

Тот факт, что истец предъявил свои претензии обеим сторонам, никоим образом не сказывается на вопросе о приемлемости его дела, касающегося полетов истребителей Бундесвера и НАТО на низкий высоте, потому что:

простой факт, что ответчик в силу норм международного права не имеет прямых полномочий вмешиваться в дела своих партнеров по НАТО и должен полагаться на переговоры, с тем чтобы обеспечить соблюдение законодательства Германии, не вызывает необходимости определять отдельные причинно-следственные сопутствующие элементы для анализа нарушения обязательств. Заявления истца в своей совокупности являются допустимыми в той мере, в какой ответчик должен ввести прямой запрет на полеты Бундесвера, и в той степени, в какой ответчик также обязан вести переговоры, с тем чтобы другие нарушители прекратили или по крайней мере свели до минимума действия, в отношении которых предъявляется иск, с тем чтобы обеспечить защиту прав, на которых настаивают истцы[158].

В конечном итоге прецедентное право не предполагает, что Федеративная Республика Германия несет какую-либо общую ответственность за действия НАТО или других членов НАТО по причине своего членства сверх того, что предусмотрено в положениях о Статусе вооруженных сил НАТО.

Действительно совсем недавнее решение также предполагает, что существует ответственность в силу ответственности за свои собственные даже и по возможности не присваиваемые действия, а не по причине членства в организации. Поэтому нельзя утверждать, что государства-члены несут ответственность за действия международных организаций.

d) *Ответственность стран, предоставляющих войска для операций Организации Объединенных Наций*

Организация Объединенных Наций в некоторых случаях брала на себя ответственность, когда в результате операций Организации Объединенных Наций причинялся ущерб/вред. Любая выплаченная компенсация в конечном итоге выплачивается всеми государствами – членами Организации Объединенных Наций через посредство их финансовых взносов. Общий принцип состоит в том, что Организация Объединенных Наций несет ответственность за ущерб, причиненный ее должностными лицами в ходе выполнения ими своих обязанностей, был подтвержден МС в своем консультативном заключении относительно г−на Кумарасвами[159].

---

[155] Ibid., vol. 122, p. 363.

[156] Статья 45, пункт 1, и статья 46, пункт 1, дополнительного соглашения к Соглашению о статусе сил НАТО предоставляет союзникам право проводить необходимые учения, однако при условии их утверждения компетентными германскими властями.

[157] Высший административный суд земли Райнланд-Пфальц AS RP-SL 26, 112.

[158] Ibid.

[159] *I.C.J. Reports 1999* (см. сноску 45, выше), p. 88, para. 66. Это был, однако, всего лишь obiter dictum. Дело касалось не ответ-

Однако присвоение ответственности приобретает более сложный характер, когда речь идет о военных операциях под эгидой Организации Объединенных Наций, поскольку участвующие в них военнослужащие не являются непосредственно сотрудниками Организации Объединенных Наций, а принадлежат к национальным контингентам, которые предоставляются в распоряжение Организации Объединенных Наций ее государствами-членами. Условия, на которых предоставляются контингенты, являются исключительно разными; и такой же многообразной является практика, касающаяся возложения ответственности за причиненный ущерб/вред на Организацию Объединенных Наций. В целом, однако, в практике Организации Объединенных Наций прослеживается определенная тенденция: она берет на себя ответственность, когда командование и управление действительно находятся в руках Организации Объединенных Наций. Если оперативное командование оставалось под началом одного или более государств-членов, то Организация Объединенных Наций не признавала наличие ответственности. Организация Объединенных Наций брала на себя общую ответственность за несанкционированные официальные действия отдельных членов сил по поддержанию мира, а не за их частные действия.

Насколько можно утверждать, иски весьма редко предъявлялись непосредственно к странам, предоставляющим войска.

Хотя силы НАТО, Силы по выполнению Соглашения (СВС) и Силы по стабилизации (СПС) в бывшей Югославии и не действовали непосредственно под эгидой Организации Объединенных Наций, вопрос о них также имеет значение с точки зрения практики, касающейся ответственности стран, предоставляющих войска. Эти силы были учреждены как имеющие самостоятельную международную правосубъектность. Направляющие государства взяли на себя обязательство урегулировать любые претензии, касающиеся ущерба, при этом, однако, они отказывались принимать на себя какую-либо юридическую ответственность.

e) *Ответственность НАТО за бомбардировки Союзной Республики Югославия*

29 апреля 1999 года Союзная Республика Югославия подала в МС в Гааге на основании статьи 73 правил Суда заявление о возбуждении предварительных исков против 10 государств – членов НАТО, включая Германию (дело *Legality of Use of Force*)[160]. Эта просьба была отклонена Судом 2 июня 1999 года, поскольку Международный Суд не обладал юрисдикцией prima facie, в частности на основании Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Проблема присвоения ответственности НАТО или государством-членом не была затронута. МС отклонил заявку полностью, постановив 15 декабря 2004 года, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения исков[161].

В своих письменных и устных аргументах Германия сосредоточила внимание на вопросах допустимости и, в частности, на вопросе о юрисдикции. Проблема о том, можно ли и в какой-либо степени считать Германию виновной за воздушные налеты НАТО, не была непосредственно рассмотрена. В своих предварительных возражениях Германия отклонила мысль о том, что действия международной организации могут в целом быть отнесены к ее государствам-членам. В пункте 3.45 своих предварительных возражений, она заявила, что не может существовать солидарной ответственности со стороны всех членов НАТО в отношении предполагаемого геноцида, причиненного налетами авиации. Однако все элементы предполагаемого преступления – в частности субъективные элементы – должны быть доказаны в отношении каждого из государств-ответчиков: "Каждого из ответчиков необходимо рассматривать в зависимости от его собственных действий"[162].

В пункте 3.66 предварительных возражений было подчеркнуто, что сама Организация Объединенных Наций несет главную ответственность за все действия (и бездействия), совершенные после учреждения Сил для Косово (СДК) на основании резолюции 1244 Совета Безопасности, и что тем самым Германия была неверным адресатом для данного иска. Союзной Республике Югославия было, в частности, высказано порицание в пункте 3.68 за то, что она не предоставила каких-либо доказательств того, что германский личный состав участвовал в оспариваемых действиях СДК[163].

Европейский суд по правам человека также рассматривал дело, касающееся бомбардировок. В деле *Bankovic and others* v. *Belgium and others*[164] жертвы и родственники предъявили иск государствам – членам НАТО в связи с бомбардировкой радиовещательного объекта 23 апреля 1999 года. Германия и другие государства оспаривали юрисдикцию Суда, поскольку Югославия не подпадала под сферу применения Конвенции по правам человека (статья 1), потому что она не имела какой-либо юридической власти над этой территорией. Суд поддержал это мнение и отклонил иск как неприемлемый. Вопрос об ответственности государств-членов за действия международной организации не рассматривался[165].

В Боннский региональный суд также была подана просьба о рассмотрении аналогичного дела в связи с

ственности, а иммунитета персонала Организации Объединенных Наций.

[160] *Legality of Use of Force (Yugoslavia* v. *Germany), Provisional Measures, Order of 2 June 1999, I.C.J. Reports 1999,* p. 422.

[161] Ibid. *(Serbia and Montenegro* v. *Germany), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2004,* p. 720.

[162] *Case concerning legality of use of force (Yugoslavia* v. *Germany), Preliminary Objections of the Federal Republic of Germany,* vol. I (5 July 2000) (www.icj-cij.org).

[163] Ibid.

[164] European Court of Human Rights, *Reports of Judgments and Decisions, 2001–XII,* decision of 12 December 2001, application No. 52207/99.

[165] Четко выражено Судом в пункте 83 (ibid.).

ущербом[166]. 30 мая 1999 года силы НАТО подвергли бомбардировке мост в Сербии; в ходе этой бомбардировки несколько гражданских лиц получили ранения или потеряли жизнь. Некоторые из получивших ранения и родственники погибших предъявили иск Федеративной Республике Германия в связи с ущербом в суде в Бонне. Суд отклонил этот иск на том основании, что никаких подсудных индивидуальных исков такого рода нельзя образовать исходя из международного права, за исключением специальных договорных режимов, как, например, режим, существующий в ЕСПЧ, и в связи с тем, что закон Германии об ответственности государства не применяется к случаям вооруженного конфликта. Вопрос о том, несет ли Германия вообще ответственность за действия НАТО не рассматривался. Дело было бы связано с серьезными трудностями для истцов, поскольку подразделения Германии не участвовали непосредственно в данной бомбардировке.

3. *Заключительные замечания*

Вышеприведенный анализ конвенций и прецедентного права позволяет сделать вывод о том, что ответственность международных организаций отличается от ответственности их государств-членов.

Федеральное правительство до настоящего времени поддерживало принцип отдельной ответственности в Европейской комиссии по правам человека (*M & Co*), Европейском суде по правам человека (*Senator Lines*)[167] и МС (*Legality of Use of Force*) и отказывалось признавать ответственность по причине членства за действия, предпринятые ЕС, НАТО и Организацией Объединенных Наций.

Однако эти положения не касаются тех случаев, когда суверенные органы Германии, в частности вооруженные силы Германии, сами совершили, действуя под эгидой одной из этих международных организаций, деяния, повлекшие за собой ответственность. В таких случаях Германия в рамках миссий СПС и СВС урегулировала все иски за ущерб, не признавая однако при этом каких-либо юридических обязательств.

Федеральный суд Германии исходил из мнения о том, что существует строгое распределение ответственности между ЕС и его государствами-членами в делах, касающихся непосредственного применения права Сообщества. Его решения об ответственности Германии за ущерб, причиненный силами НАТО в ходе учений, с другой стороны, основывались на особом характере Соглашения о статусе сил НАТО и не позволяли каких-либо обобщений.

В государственной практике Германии сложилась общая тенденция не признавать ответственность государства за действия международных организаций.

---

[166] Постановление Первой гражданской палаты от 10 декабря 2003 года (Az.I O 361/02), опубликовано в NJW, 2004, vol. 8, pp. 525 et seq.

[167] Аргументы Германии не были напечатаны отдельно в этом решении. Скорее, аргументы всех государств-ответчиков были суммированы вместе. Эти аргументы очевидно сделали все государства-ответчики, включая Германию.

Приложение

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ К КОММЕНТАРИЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ, ПОЛУЧЕННЫМ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ[*]

Германия

- Перечень документов, соглашений и решений судов по теме ответственности международных организаций.

Международная организация уголовной полиции

- *Основные правовые документы Международной организации уголовной полиции* (Интерпол)
- Руководство для персонала Интерпола
- Ежегодные доклады Комиссии Интерпола по контролю дел (2002 и 2003 годы).

Всемирная организация интеллектуальной собственности

- Договаривающиеся стороны или стороны, подписавшие договоры, управляемые ВОИС, документ ВОИС 423 (15 января 2005 года).

[*] Приложения к комментариям и замечаниям, полученным от правительств и международных организаций хранятся в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам и доступны для консультаций.

ОБЩИЕ ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

[Пункт 4 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/551 и Add.1*

Третий доклад об общих природных ресурсах: трансграничные грунтовые воды, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Тусэем Ямадой

[*Подлинный текст на английском языке*]
[*11 февраля и 9 марта 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

			Стр.
Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе			80
Работы, цитируемые в настоящем докладе			81
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ			
		Пункты	
ВВЕДЕНИЕ		1–3	81
Глава			
I.	Преамбула	4	82
II.	Сфера применения	5–6	82
III.	Определения	7–10	83
IV.	Двусторонние и региональные договоренности	11–14	84
V.	Связь с другими конвенциями	15–17	85
VI.	Справедливое и разумное использование	18–24	86
VII.	Обязательство не наносить ущерб	25–26	88
VIII.	Обязательство сотрудничать	27–28	88
IX.	Мониторинг	29–30	89
X.	Взаимосвязь между различными видами использования	31	90
XI.	Защита, сохранение и управление	32–35	90
XII.	Деятельность, затрагивающая другие государства	36–37	91
XIII.	Прочие положения	38–42	92
XIV.	Заключительные положения	43	93
ЧАСТЬ ВТОРАЯ			
ВВЕДЕНИЕ			94
XV.	Статья 2. Употребление терминов		94
XVI.	Статья 3, пункт 1. Двусторонние и региональные договоренности		94

* Включает A/CN.4/551/Corr.1.

Стр.

XVII. Статья 3, пункт 2. Двусторонние и региональные договоренности (корректировка) 95

XVIII. Статья 3, пункт 3. Двусторонние и региональные договоренности (lex specialis) 95

XIX. Статья 4, пункт 1. Связь с Конвенцией о праве несудоходных видов использования между народных водотоков 1997 года 95

XX. Статья 4, пункт 2. Связь с другими конвенциями и международными соглашениями 95

XXI. Статья 5, пункт 1. Справедливое использование 95

XXII. Статья 5, пункт 2. Разумное использование 96

XXIII. Статья 6. Факторы, относящиеся к справедливому и разумному использованию 97

XXIV. Статья 7. Обязательство не наносить ущерб 98

XXV. Статья 8. Общее обязательство сотрудничать 99

XXVI. Статья 9. Регулярный обмен данными и информацией 99

XXVII. Статья 10. Мониторинг 100

XXVIII. Статья 11. Связь между различными видами использования 102

XXIX. Статья 14. Предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения 103

XXX. Статья 15. Управление 105

XXXI. Статья 17. Планируемая деятельность 107

XXXII. Статья 18. Научная и техническая помощь развивающимся государствам 107

XXXIII. Статья 19. Чрезвычайные ситуации 109

Приложение. Проект конвенции о праве трансграничных водоносных горизонтов 110

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Женевские конвенции по морскому праву	
Конвенция о континентальном шельфе (Женева, 29 апреля 1958 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 499, No. 7302, p. 325.
Конвенция об открытом море (Женева, 29 апреля 1958 года)	Ibid., vol. 450, No. 6465, p. 114.
Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне (Женева, 29 апреля 1958 года)	Ibid., vol. 516, No. 7477, p. 231.
Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 21 мая 1997 года)	Ibid., vol. 1833, No. 31363, p. 179.
Венская конвенция об охране озонового слоя (Вена, 22 марта 1985 года)	Ibid., vol. 1513, No. 26164, p. 355.
Соглашение АСЕАН об охране природы и природных ресурсов (Куала-Лумпур, 9 июля 1985 года)	UNEP, *Selected Multilateral Treaties in the Field of the Environment*, vol. 2 (Cambridge, Grotius, 1991)
Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспоо, 25 февраля 1991 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1989, No. 34028, p. 309.
Конвенция об охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 года)	Ibid., vol. 1936, No. 33207, p. 269. См. также ILM, vol. 31, No. 6 (November 1992), p. 1312.
Протокол по проблемам воды и здоровья к Конвенции об охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года (Лондон, 17 июня 1999 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 2331, No. A–33207, p. 265.
Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Нью-Йорк, 9 мая 1992 года)	Ibid., vol. 1771, No. 30822, p. 218.

	Источник
Конвенция по сотрудничеству в области охраны и устойчивого использования реки Дунай (София, 29 июня 1994 года)	*Official Journal of the European Union*, No. L 342 (12 December 1997), p. 19.
Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 года)	*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение №. 49*, том III, резолюция 51/229, приложение.
Пересмотренный протокол по разделяемым водотокам Сообщества развития Южной Африки (Виндхук, 7 августа 2000 года)	ILM, vol. 40, No. 2 (March 2001), p. 321.
Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях (Стокгольм, 22 мая 2001 года)	United Nations, Treaty Series, vol. 2256, No. 40214, p. 295.
Трехстороннее временное соглашение между Республикой Мозамбик, Южно-Африканской Республикой и Королевством Свазиленд о сотрудничестве в области защиты и устойчивого использования водных ресурсов водотоков Инкомати и Мапуту (Йоханнесбург, 29 августа 2002 года)	FAO legal database: faolex.fao.org.
Международное рамочное соглашение по бассейну реки Сава (Красная Гора, 3 декабря 2002 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 2366, No. 42662, p. 479.
Африканская конвенция об охране природы и природных ресурсов (Мапуто, 11 июля 2003 года)	W. E. Burhenne, ed., *International Environmental Law: Multilateral Treaties*, vol. IX (The Hague, Kluwer), p. 2003:52.
Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (Тегеран, 4 ноября 2003 года)	ILM, vol. 44 (January 2005), p. 1.
Протокол об устойчивом развитии бассейна озера Виктория (Аруша, 29 ноября 2003 года)	FAO legal database: faolex.fao.org.

Работы, цитируемые в настоящем докладе

BURCHI, Stefano and Kerstin MECHLEM

Groundwater in international law: compilation of treaties and other legal instruments. Rome, FAO/UNESCO, 2005. (FAO Legislative Study 86).

FUENTES, Ximena

"The utilization of international groundwater in general international law", *in* Guy S. Goodwin-Gill and Stefan Talmon, *The Reality of International Law: Essays in Honour of Ian Brownlie*. Oxford, Clarendon Press, 1999, pp. 177–198.

HAYTON, Robert D. and Albert E. UTTON

"Transboundary groundwaters: the Bellagio draft treaty", *Natural Resources Journal* (New Mexico), vol. 29, No. 3, summer 1989, pp. 663–722.

INTERNATIONAL LAW ASSOCIATION

Report of the Seventy-First Conference held in Berlin, 16–21 August 2004. London, International Law Association, 2004.

UNITED NATIONS ENVIRONMENT PROGRAMME

Environmental Law: Guidelines and Principles, No. 2, *Shared Natural Resources*. Nairobi, UNEP, 1978.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Введение

1. На пятьдесят шестой сессии Комиссии международного права в 2004 году Специальный докладчик представил свой второй доклад об общих природных ресурсах[1], в котором приводились общие рамки и шесть предварительных проектов статей о трансграничных водоносных горизонтах и системах таких горизонтов. Комиссия рассмотрела доклад на своих заседаниях, которые состоялись соответственно 12, 13 и 14 мая 2004 года[2]. На своем 2797−м заседании Комиссия учре-

[1] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/539 и Add.1, стр. 327.

[2] Там же, том I, 2797–2799-е заседания.

дила Рабочую группу открытого состава по трансграничным грунтовым водам, которая провела три заседания, посвященных рассмотрению проектов статей, предложенных в докладе. Кроме того, Рабочая группа заслушала два неофициальных брифинга экспертов по грунтовым водам, устроенных ЮНЕСКО[3], и имела неофициальную встречу с членами Комитета по водным ресурсам Ассоциации международного права. Те части доклада Комиссии[4], которые относятся к данной теме, были рассмотрены Шестым комитетом Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 5, 8 и 9 ноября 2004 года[5].

2. По мнению Специального докладчика, подход, которым он руководствовался при составлении своего второго доклада об общих природных ресурсах, получил в целом поддержку как в Комиссии, так и на Генеральной Ассамблее. Поэтому в настоящем докладе он предлагает полный свод проектов статей для конвенции о праве трансграничных водоносных горизонтов, в котором учтены замечания и предложения, высказанные ранее в Комиссии и Шестом комитете. Чтобы сократить объем доклада, разъяснения к проектам статей составлены сжато. Важные ссылки на примеры из практики государств и на международные нормативные акты будут приведены в настоящем докладе, а к моменту обсуждения доклада членам Комиссии будут предоставлены и дополнительные данные. Специальный докладчик хотел бы вновь заявить, что, хотя его предложения облечены в форму проектов статей конвенции, это не предопределяет их окончательной формы. По его мнению, обсуждение их окончательной формы предпочтительно провести после того, как будет более или менее согласовано их существо.

3. При подготовке настоящего доклада Специальный докладчик продолжал пользоваться ценной поддержкой со стороны группы экспертов, действующей под эгидой Международной гидрологической программы ЮНЕСКО в рамках ее проекта управления ресурсами международных трансграничных водоносных горизонтов, а также экспертов из состава Научно-исследовательской группы по общим природным ресурсам, учрежденной Министерством иностранных дел Японии. Сознавая проблему малочисленности примеров из практики государств и правовых актов по данной проблематике, Специальный докладчик прилагает усилия к сбору соответствующих материалов. Кроме того, подготовке исследования по данной теме способствовали бы ответы правительств и соответствующих международных организаций на подготовленный Комиссией вопросник[6].

---

[3] Брифинги проводились экспертами ЕЭК, ЮНЕСКО, ФАО и Международной ассоциации гидрогеологов (МАГ).

[4] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункты 26–28 и 73–142, стр. 16–17 и 65–72, соответственно.

[5] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет*, 21-23-е заседания и 25-е заседание.

[6] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункты 26–28 и 81.

ГЛАВА I

Преамбула

4. Те делегации, которые считают, что водные ресурсы принадлежат государствам, в которых они расположены, и находятся под исключительным суверенитетом этих государств, особенно настаивали на необходимости включить в преамбулу к проектам статей прямую ссылку на резолюцию 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1062 года о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами. Специальный докладчик признает остроту данного вопроса и готов включить такую ссылку в преамбулу. Однако, сообразуясь с общей практикой Комиссии, он предпочитает отложить выработку преамбулы, пока не будут согласованы основные проекты статей и пока не будут известны все факторы, подлежащие отражению в преамбуле.

ГЛАВА II

Сфера применения

5. Предлагаемый проект статьи о сфере применения проекта конвенции гласит:

"***Статья 1. Сфера применения настоящей Конвенции***

Настоящая Конвенция применяется к:

***a*) использованию трансграничных водоносных горизонтов и систем водоносных горизонтов;**

***b*) другим видам деятельности, которые воздействуют или могут оказать воздействие на эти водоносные горизонты и системы водоносных горизонтов;**

***c*) мерам защиты, сохранения этих водоносных горизонтов и систем водоносных горизонтов и мерам управления ими".**

6. Формулировка данного проекта статьи была изменена, чтобы учесть предложение о дальнейшем уточнении трех разных категорий деятельности, охватываемых проектом конвенции. Это не меняет сути проекта, предложенного во втором докладе об общих природных ресурсах. Так, конвенцией охватываются лишь трансграничные водоносные горизонты и системы таких горизонтов, тогда как внутренние водоносные горизонты и их системы из сферы его применения исключаются. Даже если внутренний водоносный горизонт или система такого горизонта связана с международным водотоком, протекающим по территории государства, в котором расположен такой водоносный горизонт или система такого горизонта, они будут оставаться за скобками конвенции Вместе с тем, они вполне могут подпасть под Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года (в дальнейшем Конвенция о водотоках 1997 года). Подпункт *a* данного проекта статьи касается использования трансграничных водоносных горизонтов и систем таких горизонтов государствами водоносного горизонта, в которых они расположены, при отсутствии соглашения, разрешающего их использовать и другим государствам. Виды деятельности и меры, о которых говорится в подпунктах *b* и *c*, могут в исключительных ситуациях осуществляться не государствами водоносного горизонта, а другими государствами и вне территории первых. Содержание таких исключительных ситуаций подлежит раскрытию в соответствующих статьях. Термин "воздействие", употребленный в подпункте *b*, следует толковать как более широкое понятие, чем "ущерб".

ГЛАВА III

Определения

7. Предлагаемый проект статьи об определениях гласит:

"Статья 2. Употребление терминов

Для целей настоящей Конвенции:

***a*) "водоносный горизонт" означает слой проницаемой [водонасыщенной] геологической породы, находящийся над менее проницаемым слоем, и воду, содержащуюся в насыщенной зоне породы;**

***b*) "система водоносного горизонта" означает серию из двух или более водоносных горизонтов [, каждый из которых приурочен к определенным геологическим породам], которые гидравлически связаны;**

***c*) "трансграничный водоносный горизонт" или "система трансграничного водоносного горизонта" означает соответственно водоносный горизонт или систему водоносного горизонта, части которых находятся в разных государствах;**

***d*) "государство водоносного горизонта" означает государство-участника настоящей Конвенции, на территории которого находится любая часть системы трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;**

***e*) "подпитываемый водоносный горизонт" означает водоносный горизонт, который в данный момент получает не ничтожно малый объем водной подпитки;**

***f*) "неподпитываемый водоносный горизонт" означает водоносный горизонт, который в данный момент получает ничтожно малый объем водной подпитки".**

8. Формулировка определения водоносного горизонта в подпункте *a* изменена, чтобы учесть высказанные замечания. Предлагается точное определение двух элементов, из которых состоит водоносный горизонт. Один из этих элементов – подземная формация, которая функционирует как резервуар для воды. Другой элемент – заключенная в ней вода, которая может быть извлечена. Термин "горная порода", употребленный во втором докладе, допускает такое толкование, что формация состоит из твердой, плотной породы. Для того чтобы уточнить, что эта формация может состоять не только из породы в общеупотребительном смысле этого слова, но и из других материалов, взамен выбран термин "геологическая порода". Геологическая порода состоит из встречающихся в природе материалов, как уплотненных, так и неуплотненных, например скальной породы, гравия и песка. Проницаемость подстилающего слоя меньше проницаемости геологической породы в водоносном горизонте. Проницаемая геологическая порода имеет поры, через которые могут проходить жидкости или газы. Поскольку сейчас мы ведем речь только о воде, а не нефти или газе, перед словосочетанием "геологическая порода" вставлена характеристика "водонасыщенная". Однако эту ограничивающую характеристику можно было бы опустить, поскольку из контекста очевидно, что мы ведем речь только о воде, а не о каких-либо других ресурсах. Кроме того, в определении речь идет только о той воде, которая содержится в насыщенной зоне водоносного горизонта, поскольку только эта вода может быть извлечена. Вода, находящаяся в водоносном горизонте выше насыщенной зоны, как и вода вне водоносного горизонта, имеет форму пара и извлечена быть не может. Эту ситуацию призвана была описать первоначальная формулировка, использованная во втором докладе: "способный давать эксплуатационные объемы

воды"[7]. Однако Специальный докладчик решил не употреблять термин "эксплуатационные", поскольку он чреват спорами по поводу того, идет ли речь о технической эксплуатационности или же об экономической и имеется ли в виду эксплуатационность в настоящее время или также и в будущем.

9. Подпункты *b–d* не изменились по сути. Раньше ради экономии была применена юридическая фикция, предполагавшая, что система водоносного горизонта включает и единичный водоносный горизонт. Это вызвало определенные недоразумения, в связи с чем система водоносного горизонта определяется теперь как серия из более чем двух водоносных горизонтов. Во все проекты статей внесены необходимые исправления, обусловленные этим изменением. В подпункт *b* вставлено выражение "каждый из которых приурочен к определенным геологическим породам", чтобы показать, что система водоносного горизонта может состоять из водоносных горизонтов не только одной и той же, но и разных геологических формаций. Однако с юридической точки зрения эта фраза ничего не добавляет и ничего не убавляет, и ее можно было бы опустить. Высказывалось мнение о том, что необходимо определить понятие "трансграничный". В настоящее время в предлагаемых проектах статей этот термин сопровождает только словосочетание "водоносный горизонт". Поэтому Специальный докладчик считает, что определения "трансграничного водоносного горизонта" и "системы трансграничного водоносного горизонта" в подпункте *c* будет достаточно. Однако же если мы будем употреблять термин "трансграничный" в других контекстах, например применительно к трансграничному ущербу, то его определение потребуется.

10. Определение подпитываемых и неподпитываемых водоносных горизонтов потребовалось в силу того, что согласно проекту статьи 5 к каждой из этих категорий водоносных горизонтов будут применяться разные правила. Вода в подпитываемом водоносном горизонте является возобновляемым ресурсом, а в неподпитываемом – нет. На самом деле практически все водоносные горизонты могут получать определенную водную подпитку, поскольку абсолютно непроницаемых подземных слоев, вероятно, не существует. Однако если объемом такой подпитки является, с точки зрения распоряжения водоносными горизонтами, ничтожно малым, то необходимо считать воду в этих водоносных горизонтах невозобновляемым ресурсом. Абсолютного критерия "ничтожной малости" не существует, поскольку она будет зависеть от размеров водоносного горизонта и объема заключенной в нем воды. Кроме того, разбивка водоносных горизонтов на подпитываемые и неподпитываемые не должна привести к возникновению пробелов или параллелизма. В связи с этим Специальный докладчик употребил в подпункте *e* термин "ничтожно малый объем". Эксперты по грунтовым водам исходят из того, что при определении двух категорий водоносных горизонтов подпитка должна быть ограничена естественной подпиткой. Однако Специальный докладчик считает, что, когда водоносный горизонт способен получать или фактически получает искусственную подпитку для целей осуществления положений проекта конвенции, его следует относить к подпитываемым.

[7] *Ежегодник.., 2004 год* (см. сноску 1, выше), пункт 16, стр. 331.

ГЛАВА IV

Двусторонние и региональные договоренности

11. Предлагаемый проект статьи о двусторонних и региональных договоренностях гласит:

"*Статья 3. Двусторонние и региональные договоренности*

1. Для цели управления тем или иным конкретным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта государствам водоносного горизонта, на территории которых такой водоносный горизонт или система водоносного горизонта находится, рекомендуется заключать друг с другом двусторонние или региональные договоренности. Такие договоренности могут заключаться в отношении всего водоносного горизонта или системы водоносного горизонта либо их частей или какого-либо конкретного проекта, программы или вида использования, за исключением случаев, когда эта договоренность неблагоприятно затрагивает в значительной степени использование вод этого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта одним или несколькими другими государствами водоносного горизонта без их прямого согласия. Любое государство, на территории которого находится такой водоносный горизонт или система водоносного горизонта, имеет право участвовать в переговорах и стать стороной договоренностей, если такие договоренности могут повлиять на их позицию в отношении этого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

2. Стороны договоренности, о которой идет речь в пункте 1, рассматривают возможность согласования такой договоренности с основными принципами настоящей Конвенции. Когда стороны считают необходимым скорректировать применение положений настоящей Конвенции вследствие характеристик и особых видов использования того или иного конкретного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, они организуют консультации, имея в виду проведение переговоров в

духе доброй воли с целью заключения договоренности, отвечающей интересам всех сторон.

3. В отсутствие иного соглашения настоящая Конвенция применяется к водоносному горизонту или системе водоносного горизонта, о которых идет речь в пункте 1, лишь в той степени, в какой ее положения согласуются с договоренностями, о которых идет речь в этом же пункте".

12. Важность двусторонних или региональных договоренностей, которые учитывают исторические, политические, социальные и экономические характеристики региона и особенности водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, подчеркивалась многими членами Комиссии, равно как и делегациями в Шестом комитете. Специальный докладчик признает эту важность и предлагает новый проект статьи. В пункте 1 государствам водоносного горизонта предлагается сотрудничать друг с другом, заключая двусторонние или региональные договоренности для цели управления тем или иным конкретным трансграничным водоносным горизонтом или системой такого горизонта. Концепция, в соответствии с которой вопрос должен решаться группой государств водоносного горизонта, затрагиваемых конкретным таким горизонтом, основывается на принципах, закрепленных в статьях 118 (Сотрудничество государств в сохранении живых ресурсов и управлении ими) и 197 (Сотрудничество на всемирной и региональной основе) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Эта концепция согласуется и с соглашениями о водотоке, предусмотренными в статье 3 Конвенции о водотоках 1997 года. Заключено много двусторонних и региональных соглашений по поверхностным водотокам. Однако в случае грунтовых вод такие международные коллективные меры находятся до сих пор в зачаточной стадии и еще только предстоит надлежащим образом проработать рамки для сотрудничества. В связи с этим Специальный докладчик выбрал вместо термина "соглашение" термин "договоренность". Данный пункт предусматривает также, что затрагиваемые государства должны иметь равную возможность для участия в таких договоренностях.

13. В пункте 2 делается попытка определить отношение таких двусторонних и региональных договоренностей к конвенции. Конвенция рассматривается в качестве рамочной конвенции, а от государств водоносного горизонта ожидается соблюдение предусмотренных в ней основных принципов при составлении таких договоренностей. Вместе с тем за ними признается право отходить от этих принципов, когда особенности конкретного водоносного горизонта требуют некоторой корректировки, но такой отход не должен неодинаково сказываться на затрагиваемых государствах. Этот пункт основывается на пунктах 2 и 5 статьи 3 Конвенции о водотоках 1997 года.

14. В пункте 3 оговаривается, что двусторонние и региональные договоренности как lex specialis имеют преимущественную силу по отношению к проекту конвенции.

ГЛАВА V

Связь с другими конвенциями

15. Предлагаемый проект статьи о связи с другими конвенциями и международными соглашениями гласит:

"*Статья 4. Связь с другими конвенциями и международными соглашениями*

1. Если государства-участники настоящей Конвенции являются также участниками Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков6, положения последней, относящиеся к трансграничному водоносному горизонту или системе водоносного горизонта, применяются лишь в той степени, в какой они согласуются с положениями настоящей Конвенции.

2. Настоящая Конвенция не меняет прав и обязательств государств-участников, которые вытекают из других соглашений, согласующихся с настоящей Конвенцией, и не затрагивает осуществление другими государствами-участниками их прав или обязательств по настоящей Конвенции".

16. Как указывалось во втором докладе об общих природных ресурсах, проект конвенции призван охватывать все трансграничные водоносные горизонты и системы таких горизонтов, независимо от того, связаны они с поверхностными водами или нет[8]. Это означает, что к таким водоносным горизонтам и системам таких горизонтов, которые в силу их физических отношений составляют единое целое с системами поверхностных вод, будут применимы как проект конвенции, так и Конвенция о водотоках 1997 года. Данной ситуации посвящен пункт 1. Постольку, поскольку положения этих двух конвенций совместимы, проблема двойственной применимости возникать не будет. Если же возникнет коллизия между двумя этими документами, положения настоящего проекта конвенции будут иметь преимущественную силу, поскольку Конвенция 1997 года предназначена регулировать сугубо поверхностные воды. Поэтому ее значимость для грунтовых вод является довольно второстепенной. В данном пункте Конвенция 1997 года особо упомянута потому, что она является своего рода предшественницей проекта конвенции и имеет для него большую актуальность.

17. Пункт 2 призван определить связь проекта конвенции с другими конвенциями и международными со-

[8] Там же, пункт 14, стр. 330.

глашениями, которые регулируют не грунтовые воды, а другие вопросы, но могут иметь в этой области какое−то ограниченное применение. Их примером является Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, которая была заключена под эгидой ЕЭК. Еще одним примером является статья 194 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву (Меры по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды), и в частности ее пункт 3 *a*, касающийся загрязнения из находящихся на суше источников. Актуальными могут оказаться и многие природоохранные соглашения. Если положения настоящего проекта конвенции и положения других конвенций и международных соглашений совместимы, проблемы возникать не будет. С другой стороны, на тот случай, если возникнет коллизия между проектом конвенции и другой конвенцией или международным соглашением, предусматривать общую норму о приоритете, подобную той, которая присутствует в пункте 1, было бы нецелесообразно. Принимать решение по поводу такого приоритета можно будет только тогда, когда будет полностью известно содержание соответствующих положений. Поэтому Специальный докладчик опирался при составлении данного пункта на пункт 2 статьи 311 (Отношение к другим конвенциям и международным соглашениям), пункт 2 Конвенции Организации Объединенных Наций.

ГЛАВА VI

Справедливое и разумное использование

18. Предлагаемый проект статьи о справедливом и разумном использовании гласит:

"Статья 5. Справедливое и разумное использование

1. Государства водоносного горизонта на своей соответствующей территории используют трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта таким образом, чтобы блага, извлекаемые из такого использования, накапливались справедливо по отношению к соответствующим государствам водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта на своей соответствующей территории используют трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта разумным образом и, в частности:

***a*) в случае подпитываемого трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта – учитывают жизнеспособность такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и не препятствуют использованию и функционированию такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;**

***b*) в случае неподпитываемого трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта – стремятся к максимизации долгосрочных благ, извлекаемых из использования содержащихся в них водах. Им рекомендуется разрабатывать план освоения такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта с учетом согласованного срока существования такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, а также будущих потребностей и альтернативных источников воды у государств водоносного горизонта.**

3. При применении пунктов 1 и 2 соответствующие государства водоносного горизонта, в случае необходимости, организуют консультации в духе сотрудничества".

19. Государства обладают суверенными правами на природные ресурсы, находящиеся под их юрисдикцией, а государства водоносного горизонта вправе использовать водоносные горизонты и системы таких горизонтов, расположенные на их территории. Нет нужды говорить, что такие права не должны быть абсолютными и неограниченными. Однако права государств водоносного горизонта сформулированы в данной статье в позитивной форме. Обязательства государств водоносного горизонта предусмотрены в проекте статьи 7 и далее. Права и обязательства государств водоносного горизонта не следует путать, и их надо разобрать отдельно, в разных статьях, хотя при этом нужно соблюсти надлежащую сбалансированность прав с обязательствами. В соответствующей статье Конвенции о водотоках 1997 года (в статье 5) подобные права государств водотока определяются, с одной стороны, как право "справедливого использования" по отношению к другим государствам водотока, а с другой – как право "разумного использования" по отношению к ресурсам водотока. Эти два принципа нередко озвучиваются в различных международных нормативных актах, касающихся общих и возобновляемых природных ресурсов. Как указывалось во втором докладе об общих природных ресурсах[9], на тот момент Специальный докладчик не был готов предложить проект статьи, поскольку не был уверен, сможет ли принцип "справедливого использования" быть приемлемым для тех многочисленных государств водоносного горизонта, которые выступают против распространения на грунтовые воды концепции общих природных ресурсов, и применим ли принцип "разумного использования" (который тождественен принципу "устойчивого использования") к невозобновляемым водным ресурсам, содержащимся во многих водоносных горизонтах.

20. В проект статьи 5 вошли оба принципа: и "справедливое использование", и "разумное использование". Специальный докладчик решил включить их, поскольку они не встретили возражений и получили определенную

[9] Там же, пункт 21, стр. 331.

поддержку в ходе обсуждений в Комиссии и Шестом комитете. Принцип "справедливого использования", предусмотренный в пункте 1, означает справедливое распределение благ, извлекаемых из водоносных горизонтов, между затрагиваемыми государствами водоносного горизонта. В каком−то смысле это абстрактный принцип. Осуществление этого принципа должно быть оставлено за затрагиваемыми государствами, а реализовываться он должен посредством добросовестных консультаций между этими государствами при учете соответствующих факторов, перечисленных в проекте статьи 6.

21. Принцип "разумного использования", предусмотренный в пункте 2, касается надлежащего распоряжения грунтовыми водами. Применительно к возобновляемым природным ресурсам этот принцип прочно закрепился и известен также под другими названиями, например "оптимальное использование" и "устойчивое использование". Он означает, что возобновляемый природный ресурс должен поддерживаться на уровне, при котором обеспечивалась бы максимальная устойчивая добыча. Что касается живых ресурсов моря, то принцип максимальной устойчивой добычи (вылова) закреплен в пункте 1 *a* статьи 119 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и практически во всех рыбохозяйственных соглашениях. Размер конкретного рыбного запаса поддерживается на таком уровне, при котором из года в год может обеспечиваться максимальный годовой улов. Такой уровень можно определить научно, изучив динамику популяции рыбного запаса. Что касается возобновляемого водного ресурса водотоков, то столь точного описания принципов его разумного, оптимального или устойчивого использования не существует. Однако можно исходить из того, что изъятие воды допустимо в том объеме, в каком водоток подпитывается водой, так чтобы общий объем воды в водотоке оставался стабильным.

22. Пункт 2 *a* касается подпитываемого водоносного горизонта. Вода, содержащаяся в подпитываемом водоносном горизонте, является возобновляемым ресурсом. Однако ее нельзя сравнивать с возобновляемым водным ресурсом поверхностных водотоков. В большинстве случаев объем водной подпитки водоносного горизонта на тот или иной момент представляет собой лишь какую−то долю основного объема воды в горизонте, поскольку вода накапливалась там сотнями и тысячами лет. Если мы введем строгое правило устойчивого использования и ограничим объем изымаемой воды объемом водной подпитки на данный момент, это на самом деле лишит государства водоносного горизонта права использовать ценный водный ресурс, накопившийся с годами в водоносном горизонте. Поэтому в его нынешней формулировке пункт предусматривает, что водоносный горизонт следует поддерживать в состоянии, обеспечивающем его функционирование, но не вводит строгого правила устойчивого использования. Пункт 2 *b* касается неподпитываемого водоносного горизонта. Содержащаяся в таком горизонте вода представляет собой невозобновляемый ресурс. В этом случае принцип устойчивого использования неприменим, поскольку любое изъятие воды из такого водоносного горизонта истощает ресурс и в конце концов разрушает этот горизонт. Однако концепция разумного использования должна быть все же применима. В конечном счете затрагиваемые государства водоносного горизонта должны сами решать, как использовать этот невозобновляемый ресурс. Государства водоносного горизонта должны разрабатывать надлежащий план освоения водоносного горизонта, учитывающий интересы как нынешнего, так и будущих поколений.

23. Предлагаемый проект статьи о факторах, относящихся к справедливому и разумному использованию, гласит:

"Статья 6. Факторы, относящиеся к справедливому и разумному использованию

1. Использование трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта справедливым и разумным образом по смыслу статьи 5 требует учета всех соответствующих факторов и обстоятельств, включая:

***a*) естественное состояние водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;**

***b*) социально-экономические потребности соответствующих государств водоносного горизонта;**

***c*) зависимость населения от водоносного горизонта или системы водоносного горизонта в каждом государстве водоносного горизонта;**

***d*) воздействие использования водоносного горизонта или системы водоносного горизонта в одном государстве водоносного горизонта на другие соответствующие государства водоносного горизонта;**

***e*) существующие и потенциальные виды использования водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;**

***f*) освоение, защиту и сохранение водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и затраты на принятие мер в этих целях;**

***g*) наличие альтернатив данному существующему и запланированному виду использования водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, имеющих сопоставимую ценность.**

2. Значение, которое должно быть придано каждому фактору, подлежит определению в зависимости от его важности по сравнению с другими соответствующими факторами. При определении того, что является разумным и справедливым использованием, все соответствующие факторы должны рассматриваться совместно и заключение должно выноситься на основе всех факторов".

24. Нормы справедливого и разумного использования в проекте статьи 5 носят общий и гибкий характер. Цель статьи 6 состоит в том, чтобы перечислить, не обяза-

тельно исчерпывающим образом, релевантные факторы и обстоятельства, которые следует учитывать при оценке того, что представляет собой в каждом конкретном случае справедливое и разумное использование. Эта статья почти дословно повторяет статью 6 Конвенции о водотоках 1997 года. Вместе с тем пункт 1 *a* отходит от положений этой статьи, поскольку в нем содержится ссылка на "естественное состояние" водоносного горизонта и не перечисляются природные факторы. Причина этого в том, что природные факторы следует учитывать не поодиночке, а как характеристики водоносного горизонта. Примерный перечень этих природных факторов содержится в пункте 1 статьи 9 (данные и информация, подлежащие обмену) в пункте 1 статьи 10 (параметры, подпадающие под мониторинг).

ГЛАВА VII

Обязательство не наносить ущерб

25. Предлагаемый проект статьи об обязательстве не наносить ущерб гласит:

"***Статья 7. Обязательство не наносить ущерб***

1. Государства водоносного горизонта при использовании трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта на своей территории принимают все надлежащие меры для предотвращения нанесения значительного ущерба другим государствам водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта, осуществляя иную деятельность на своей территории, которая воздействует или может оказать воздействие на трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта, принимают все надлежащие меры для предотвращения нанесения значительного ущерба через такой водоносный горизонт или систему водоносного горизонта другим государствам водоносного горизонта.

3. В том случае, если другому государству водоносного горизонта все же наносится значительный ущерб, государства водоносного горизонта, которые своей деятельностью наносят такой ущерб, в отсутствие соглашения о такой деятельности, принимают все надлежащие меры при должном учете положений статей 5 и 6 в консультации с потерпевшим государством для ликвидации или возмещения такого ущерба и, при необходимости, для обсуждения вопроса о компенсации".

26. За исключением некоторых изменений редакционного характера, проект статьи по существу не отличается от того, который был предложен во втором докладе об общих природных ресурсах. Продолжается дискуссия о том, является ли порог "значительного ущерба" подходящим применительно к такому уязвимому природному ресурсу, каковым являются грунтовые воды. Как в полной мере разъясняется в резюме Специального докладчика, посвященном прениям по его второму докладу в Комиссии[10], и ввиду устоявшейся позиции Комиссии по данному вопросу он продолжает придерживаться того мнения, что было бы лучше сохранить этот порог. Что касается пункта 3 проекта статьи, то делегация одного из государств водоносного горизонта сочла, что трактовка ответственности в этом пункте представляется неприемлемой. Другая делегация указала на то, что вопрос об ответственности применительно к вопросу о компенсации можно было бы рассмотреть в рамках темы "Международная ответственность". В пункте 2 статьи 7 Конвенции о водотоках 1997 года содержится точно такое же положение, предложенное Комиссией исходя из существующей практики государств[11]. Этот пункт не вызвал споров и был принят на основе консенсуса в Генеральной Ассамблее. Цель этого пункта состоит в решении вопроса о предотвращении ex post facto (предотвращении после наступления ущерба). О компенсации говорится лишь то, что этот вопрос может быть обсужден. Специальный докладчик согласен с мнением о том, что было бы предпочтительно рассмотреть вопрос ответственности на другом форуме.

---

[10] Там же, том II (часть вторая), пункт 153, стр. 73.

[11] *Ежегодник.., 1994 год*, том II (часть вторая), сноска 244, стр. 116).

ГЛАВА VIII

Обязательство сотрудничать

27. Предлагаемые проекты статей об общем обязательстве сотрудничать и об обмене данными и информацией гласят:

"***Статья 8. Общее обязательство сотрудничать***

1. Государства водоносного горизонта сотрудничают на основе суверенного равенства, территориальной целостности, взаимной выгоды и добросовестности в целях достижения разумного использования и надлежащей защиты трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

2. При определении способов такого сотрудничества государства водоносного горизонта поощряются к созданию – в зависимости от того, что они считают необходимым – совместных механизмов

или комиссии для облегчения сотрудничества в отношении соответствующих мер и процедур, принимая при этом во внимание опыт сотрудничества, накопленный в рамках имеющихся в различных регионах совместных механизмов и комиссий.

Статья 9. Регулярный обмен данными и информацией

1. В соответствии со статьей 8 государства водоносного горизонта на регулярной основе обмениваются легкодоступными данными и информацией о состоянии трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, в частности данными и информацией геологического, гидрогеологического, гидрологического, метеорологического и экологического характера и данными, касающимися гидрохимии водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, а также соответствующими прогнозами.

2. С учетом неопределенности относительно характера и масштабов некоторых трансграничных водоносных горизонтов или систем водоносных горизонтов государства водоносного горизонта прилагают все усилия для сбора и подготовки, согласно ныне существующей практике и стандартам, индивидуально или совместно, и, в случае необходимости, вместе с международными организациями или через них, новых данных и информации, с тем чтобы в более полной мере определить водоносные горизонты или системы водоносных горизонтов.

3. Если у государства водоносного горизонта другим государством водоносного горизонта запрашиваются данные и информация, которые не являются легкодоступными, то оно прилагает все усилия для выполнения такой просьбы, однако может обусловливать ее выполнение оплатой запрашивающим государством разумных издержек, связанных со сбором и, при необходимости, обработкой таких данных или информации.

4. Государства водоносного горизонта прилагают все усилия для сбора и, при необходимости, обработки данных и информации таким образом, чтобы это облегчало их использование другими государствами водоносного горизонта, которым они предоставляются".

28. За исключением замены слов "надлежащего использования" на "разумного использования" в проекте пункта 1 статьи 8, эти два проекта статей остаются в той же редакции, что и во втором докладе по общим природным ресурсам. Предполагается, что эти статьи были бы приемлемы, поскольку они не вызвали никаких замечаний. Что касается статьи 9, то данные и информация, которыми надо обмениваться, включают в себя не только простые статистические данные, но и результаты исследования и анализа.

ГЛАВА IX

Мониторинг

29. Предлагается новый проект статьи о мониторинге, который гласит:

"***Статья 10. Мониторинг***

С тем чтобы лучше понять состояние трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта:

1. Государства водоносного горизонта договариваются о согласованных стандартах и методологии мониторинга за трансграничным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта. Они определяют ключевые параметры, за которыми будет осуществляться мониторинг на основе согласованной концептуальной модели водоносного горизонта или системы водоносного горизонта. В число этих параметров будут входить протяженность, геометрия, направление потока, распределение гидростатического давления, объем потока и гидрохимия водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта обязуются осуществлять мониторинг за параметрами, о которых идет речь в пункте 1, и, по возможности, осуществлять связанную с мониторингом деятельность вместе друг с другом и в сотрудничестве с компетентными международными организациями. Вместе с тем, когда связанная с мониторингом деятельность не осуществляется на совместной основе, государства водоносного горизонта обмениваются данными мониторинга".

30. На практике все чаще предусматривается мониторинг управления грунтовыми водами. Механизмы были созданы применительно к таким водоносным горизонтам, как система водоносных горизонтов Нубийских песчаников, Карпаты в Восточной Европе, река Дунай, бассейн реки Савы на Балканах и бассейн озера Виктория. ЕЭК также включила положения о мониторинге в свою *Хартию рационального использования подземных вод*[12], а также в Руководящие принципы мониторинга и оценки трансграничных грунтовых вод[13]. Цель мониторинга состоит в том, чтобы получить базовое представ-

[12] Издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.89.II.E.21.

[13] MP.WAT/2000/9, приложение.

ление о конкретном водоносном горизонте, которое послужит необходимой основой для должного управления этим водоносным горизонтом. Для того чтобы подпадающие под мониторинг данные были совместимыми и другие соответствующие государства водоносного горизонта могли легко ими пользоваться, необходимо на основе концептуальной модели водоносного горизонта, согласованной соответствующими государствами, избрать ключевые параметры, которые будут объектом мониторинга. Концептуальная модель дает информацию о характеристиках водоносного горизонта и его функционировании. Она включает в себя тщательную гидрогеологическую оценку различных видов геологических материалов, присутствующих в водоносном горизонте. Она также включает в себя иллюстрацию водоносного горизонта и его регионального протекания, формулирование водного баланса, определение данных о подпитке и истоке и определение границ водоносного горизонта и его проницаемости и накопительной способности.

ГЛАВА X

Взаимосвязь между различными видами использования

31. Предлагаемый проект статьи о взаимосвязи между различными видами использования водоносных горизонтов не отличается от представленного во втором докладе об общих природных ресурсах, за исключением некоторых поправок редакционного характера, и гласит:

"***Статья 11. Взаимосвязь между различными видами использования***

1. В отсутствие иного соглашения или обычая никакой вид использования трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта не пользуется неотъемлемым приоритетом перед другим видом использования.

2. В случае коллизии между видами использования трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта она должна устраняться с уделением особого внимания требованиям удовлетворения насущных человеческих нужд".

ГЛАВА XI

Защита, сохранение и управление

32. Для части III, озаглавленной "Защита, сохранение и управление", предлагаются четыре проекта статей. Три проекта статей о защите и сохранении водоносных горизонтов предшествуют статье об управлении. Защита и сохранение водоносного горизонта являются необходимыми предварительными условиями справедливого и разумного использования такого водоносного горизонта. Эти три проекта статей гласят:

"***Статья 12. Защита и сохранение экосистемы***

Государства водоносного горизонта защищают и сохраняют экосистемы в трансграничных водоносных горизонтах или системе водоносного горизонта. Они также обеспечивают надлежащее качество и достаточное количество расходуемой воды для защиты и сохранения внешних экосистем, зависящих от водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

Статья 13. Защита зон подпитки и разгрузки

1. Государства водоносного горизонта определяют зоны подпитки трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и в пределах этих зон принимают специальные меры для сведения к минимуму негативного воздействия на процесс подпитки, а также принимают все меры для предотвращения попадания загрязнителей в водоносный горизонт или систему водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта определяют зоны разгрузки трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и в пределах этих зон принимают специальные меры для сведения к минимуму негативного воздействия на процесс разгрузки.

3. Если такие зоны подпитки и разгрузки находятся на территории государств иных, чем государства водоносного горизонта, государства водоносного горизонта стремятся к сотрудничеству с первыми государствами в целях защиты этих зон.

Статья 14. Предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения

Государства водоносного горизонта индивидуально и, при необходимости, совместно предотвращают, сокращают и сохраняют под контролем загрязнение трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, которое может нанести значительный ущерб другим государствам водоносного горизонта или их окружающей среде. С учетом неопределенности относительно характера

и масштабов некоторых трансграничных водоносных горизонтов или систем водоносных горизонтов государства водоносного горизонта поощряются к применению осторожного подхода".

33. Эти три проекта статей не должны рассматриваться как положения, касающиеся охраны окружающей среды. Цель этих статей состоит не в том, чтобы обеспечить защиту и сохранение водоносных горизонтов как таковых, а в том, чтобы обеспечить их защиту и сохранение, с тем чтобы человечество могло использовать ценные водные ресурсы, содержащиеся в них. Статья 12 обязывает государства водоносного горизонта защищать и сохранять экосистемы внутри водоносных горизонтов, а также зависимые от этих водоносных горизонтов экосистемы, находящиеся вне водоносных горизонтов. Термин "экосистема" более точен, чем понятие "окружающая водоносные горизонты среда". В статье 13 речь идет о защите и сохранении зон подпитки и истока водоносных горизонтов. Эти зоны находятся вне водоносных горизонтов по определению в статье 2 *a*. Вместе с тем превентивные меры по-прежнему требуются для того, чтобы не загрязнять водоносные горизонты или не наносить вреда их нормальной функции. При наличии искусственных объектов для питания или истока такие объекты также должны подпадать под сферу охвата настоящей статьи. Когда зона подпитки или истока расположена вне территории государств водоносного горизонта и находится в государствах, не являющихся государствами водоносного горизонта, представлялось бы затруднительным возлагать какое бы то ни было обязательство на такие государства, не являющиеся государствами водоносного горизонта, поскольку они не пользуются благами водоносных горизонтов. Таким образом, в пункте 3 статьи 13 испрашивается их добровольное сотрудничество. В статье 14 рассматривается проблема загрязнения водоносных горизонтов. Можно представить себе такую ситуацию, когда государство водоносного горизонта могло бы загрязнить водоносный горизонт, однако не причинить значительного ущерба другим государствам водоносного горизонта или их окружающей среде. Это могло бы случиться в том случае, когда загрязнение не выходит за пределы исходного государства в течение продолжительного периода времени или когда другие государства в данный момент не используют водоносный горизонт и когда их окружающая среда не зависит от него. Эта ситуация могла бы до некоторой степени охватываться фразой "загрязнение,.. которое может… причинить". Поскольку зачастую требуется пройти через длительный процесс для обнаружения загрязнения и определения его причины, а также его устранения, ученые, занимающиеся вопросами грунтовых вод, решительно выступают в пользу применения принципа осторожности. Хотя Специальный докладчик позитивно относится к этой позиции, он считает, что принцип осторожности еще не разработан как норма общего международного права. Соответственно, в настоящем проекте статьи он принимает термин "осторожный подход".

34. Предлагаемый проект статьи об управлении гласит:

"***Статья 15. Управление***

Государства водоносного горизонта обязуются разрабатывать и осуществлять планы надлежащего управления трансграничным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта в соответствии с положениями настоящей Конвенции. Они по просьбе любого из таких государств проводят консультации относительно управления трансграничным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта, которое может включать в себя создание совместного механизма управления".

35. В проекте статьи 15 признается важность сотрудничества государств водоносного горизонта в управлении трансграничными водоносными горизонтами с целью обеспечения их защиты и сохранения, как предусматривается в статьях 12–14, а также в целях обеспечения максимальных благ государствам водоносного горизонта в рамках справедливого и разумного использования водоносных горизонтов. В этой статье просто предлагаются формы и механизмы такого управления. Исход консультаций зависит от соответствующих государств водоносного горизонта.

ГЛАВА XII

Деятельность, затрагивающая другие государства

36. Для части IV предлагаются два проекта статей о деятельности, затрагивающей другие государства. Они гласят:

"***Статья 16. Оценка потенциальных последствий деятельности***

Когда государство водоносного горизонта имеет разумные основания полагать, что тот или иной конкретный вид планируемой деятельности на его территории может иметь неблагоприятные последствия для трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, оно в практически осуществимой степени проводит оценку потенциальных последствий такой деятельности.

Статья 17. Планируемая деятельность

1. Прежде чем осуществить или санкционировать осуществление планируемой деятельности, которая может иметь значительные неблагоприятные последствия для других государств водоносного

горизонта, государство водоносного горизонта своевременно направляет этим государствам уведомление об этом. Такое уведомление сопровождается имеющимися техническими данными и информацией, включая результаты любой оценки экологических последствий, с тем чтобы уведомляемые государства смогли оценить возможные последствия планируемых мер.

2. Если уведомляющее государство и уведомленные государства не достигают согласия относительно последствий планируемой деятельности, они проводят консультации и, в случае необходимости, переговоры в целях справедливого урегулирования ситуации. Они могут использовать независимый орган по установлению фактов, который сможет провести беспристрастную оценку последствий планируемых мер".

37. В Конвенции о водотоках 1997 года содержатся девять статей о запланированных мерах, которые могут иметь значительные негативные последствия для других государств водотока, с изложением обстоятельных процедур, которым должны следовать соответствующие государства. Государства осуществляют самые разнообразные виды деятельности, касающиеся поверхностных вод, что ведет к спорам между государствами, почему и нужны подобные развернутые процедуры. Хотя Комиссия еще не проводила предметного обсуждения по данному вопросу, Специальный докладчик счел, что в целом предпочтение отдается положению, содержащему гораздо более простой механизм в отношении грунтовых вод. Соответственно, он решил обойтись без большинства процедурных требований, содержащихся в Конвенции 1997 года. Статья 16 основывается на статье 11 этой Конвенции. Пункта 1 статьи 17 взят из статьи 12 указанной Конвенции, а пункта 2 статьи 17 включает в себя элементы из пункта 1 ее статьи 17 и пункта 3 статьи 33 (орган по установлению фактов). По существу, эти статьи предназначены для того, чтобы подчеркнуть важность сотрудничества между государствами во избежание споров, возникающих в связи с планируемыми видами деятельности. Если государство водотока выполняет свое обязательство по информированию и проведению консультаций с государствами, которые могли бы пострадать, ничто в настоящем проекте не препятствует государству водоносного горизонта приступать к осуществлению планируемых видов деятельности без согласия затрагиваемых государств. Оно может осуществлять свои планируемые виды деятельности на свой страх и риск, хотя может возникнуть вопрос ответственности.

ГЛАВА XIII

Прочие положения

38. Для части V, озаглавленной "Прочие положения", предлагаются четыре проекта статей. Первым следует проект статьи 18 о научной и технической помощи развивающимся государствам, который гласит:

"*Статья 18. Научная и техническая помощь развивающимся государствам*

Государства прямо или через компетентные международные организации оказывают научную, учебную, техническую и иную помощь развивающимся государствам для защиты трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и управления ими. Такая помощь включает в себя, в частности:

***a*) учебную подготовку научно-технических кадров;**

***b*) содействие их участию в соответствующих международных программах;**

***c*) предоставление им необходимого оборудования и средств обслуживания;**

***d*) расширение их возможностей для производства такого оборудования;**

***e*) консультативное обслуживание и создание заведений для осуществления научно-исследовательских, мониторинговых, учебных и других программ;**

***f*) сведение к минимуму последствий основных видов деятельности, затрагивающих трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта;**

***g*) подготовку оценок экологических последствий".**

39. Как разъясняется в первом докладе об общих природных ресурсах[14], наука, занимающаяся вопросами грунтовых вод, относительно молода. Хотя в Европе эта наука в определенной степени продвинулась вперед, в странах развивающегося мира мало что известно о водоносных горизонтах и хранящихся в них ценных водных ресурсах. Для должного управления этими ресурсами жизненно важно, чтобы развивающиеся государства водоносного горизонта получали научную и техническую помощь. Проект статьи 18 основывается на положениях статьи 202 (научная и техническая помощь развивающимся государствам) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

40. Предлагаемый проект статьи о чрезвычайных ситуациях гласит:

---

[14] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/533 и Add.1, пункт 22, стр. 146.

"***Статья 19. Чрезвычайные ситуации***

1. Государство водоносного горизонта безотлагательно и самыми оперативными из имеющихся средств уведомляет другие потенциально затрагиваемые государства и компетентные международные организации о любой возникшей на его территории чрезвычайной ситуации, которая наносит серьезный ущерб или создает непосредственную угрозу нанесения серьезного ущерба другим государствам и которая является неожиданным результатом действия сил природы или деятельности человека.

2. Государство водоносного горизонта, на территории которого возникла чрезвычайная ситуация, в сотрудничестве с потенциально затрагиваемыми государствами и, при необходимости, с компетентными международными организациями немедленно принимает все практически осуществимые меры, необходимость в которых диктуется обстоятельствами, в целях предотвращения, смягчения и ликвидации вредных последствий чрезвычайной ситуации.

3. Там, где вода играет чрезвычайно важную роль в смягчении последствий чрезвычайной ситуации, государства водоносного горизонта могут отходить от положений статей в частях II–IV настоящей Конвенции в той степени, в какой это необходимо для смягчения последствий чрезвычайной ситуации".

41. Статья 28 Конвенции 1997 года о водотоках содержит положения о чрезвычайных ситуациях. Многие аварии катастрофического масштаба, связанные с водотоками, происходят в результате действия сил природы, таких, как наводнения, оползни, вскрытие льда или землетрясения, либо деятельности человека, например промышленных аварий или прорыва плотин. Первоначально Специальный докладчик не считал, что статья о чрезвычайных ситуациях необходима, поскольку он не мог представить себе аналогичного рода катастрофы, затрагивающие грунтовые воды. Он изменил свое мнение после разрушительного цунами у побережья Индийского океана, ставшего результатом мощного землетрясения в районе Банда-Аче, Индонезия, в декабре 2004 года. Хотя пока не опубликованы окончательные результаты исследований, ясно, что пострадало большое число водоносных горизонтов. Из-за прерывания процессов разгрузки, видимо, произошло засоление водоносных горизонтов. Этот проект статьи был подготовлен в консультации с экспертами по вопросам грунтовых вод для учета таких ситуаций.

42. Предлагаются два дополнительных проекта статей. Один из них касается защиты водоносных горизонтов и сооружений на них в период вооруженных конфликтов, а другой – даты и информации, имеющей жизненно важное значение для национальной обороны или безопасности. Обе статьи в разъяснении не нуждаются и гласят следующее:

"***Статья 20. Защита в период вооруженного конфликта***

Трансграничные водоносные горизонты и системы водоносных горизонтов и относящиеся к ним сооружения, установки и другие объекты пользуются защитой, предоставляемой согласно принципам и нормам международного права, применимым в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, и не используются в нарушение этих принципов и норм.

Статья 21. Данные и информация, имеющие жизненно важное значение для национальной обороны или безопасности

Ничто в настоящей Конвенции не обязывает государство водоносного горизонта предоставлять данные или информацию, имеющие жизненно важное значение для его национальной обороны или безопасности. Тем не менее это государство добросовестно сотрудничает с другими государствами водоносного горизонта в целях предоставления им возможно более полной в данных обстоятельствах информации".

ГЛАВА XIV

Заключительные положения

43. Были подготовлены проекты заключительных положений. Статья 22 касается подписания, статья 23 – ратификации, статья 24 – вступления в силу, а статья 25 – аутентичных текстов. За ними следует заключительная формула документа. Необходимость в представлении здесь этих статей отсутствует. Однако для справки все эти статьи, включая заключительные положения, воспроизводятся в приложении к настоящему докладу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Введение

В части второй настоящего доклада излагаются положения правовых документов, имеющие отношение к некоторым проектам статей для конвенции о праве трансграничных водоносных горизонтов, которые были предложены Специальным докладчиком в части первой. Эти выдержки взяты не только из международных договоров, но и из таких, документов не имеющих обязательного характера, как декларации и резолюции межправительственных организаций, а также предложения неправительственных организаций, касающиеся кодификации. Соответствующие положения Конвенции о водотоках 1997 года здесь не приводятся, поскольку они являются легко доступными.

ГЛАВА XV

Статья 2. Употребление терминов

A. Пункт 11 статьи 2 директивы ЕС 2000/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23 октября 2000 года, устанавливающей рамки для действий Сообщества по управлению водным хозяйством:

"Водоносный горизонт" означает подповерхностный слой или слои породы или другой геологической формации достаточной пористости и проницаемости, позволяющих либо значительный самоток грунтовой воды, либо забор значительного объема грунтовой воды[15].

B. ККООН, доклад и рекомендации группы уполномоченных в отношении третьей партии претензий "F4" (S/AC.26/2003/31, глоссарий):

"водоносный горизонт": подповерхностная водоносная геологическая формация[16].

C. Пункт 1 статьи 1 проекта соглашения Белладжио относительно использования трансграничных подземных вод 1989 года:

"Водоносный горизонт" означает подповерхностную водонасыщенную геологическую формацию, из которой может быть произведен забор значительного объема воды[17].

D. Пункт 2 статьи 3 Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

"Водоносный горизонт" означает подповерхностный слой или слои геологической формации достаточной пористости и проницаемости, позволяющих либо самоток поддающегося использованию объема грунтовых вод, либо их забор[18].

E. Пункт 2 *a* статьи 1 директивы 80/68/ЕЕС Совета Европейских сообществ от 17 декабря 1979 года об охране грунтовых вод от загрязнения, причиняемого определенными опасными веществами[19]; пункт 3 статьи 2 Протокола по проблемам воды и здоровья 1999 года к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года; и пункт 2 статьи 2 Директивы 2000/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23 октября 2000 года, устанавливающей рамки для действий Сообщества по управлению водным хозяйством[20]:

"Подземные воды" означают любые воды, находящиеся ниже поверхности земли в зоне впитывания и в непосредственном контакте с почвой или подпочвой.

F. Пункт 11 статьи 3 Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

"Подземные воды" означают воды, находящиеся ниже поверхности земли в зоне впитывания и в непосредственном контакте с почвой или подпочвой[21].

---

[15] *Official Journal of the European Communities*, No. L 327 (22 December 2000), p. 9.

[16] S/AC.26/2003/31, glossary, p. 55.

[17] Hayton and Utton, "Transboundary groundwaters: the Bellagio draft treaty", p. 677.

[18] International Law Association, *Report of the Seventy-First Conference held in Berlin, 16–21 August 2004*, p. 344.

[19] *Official Journal of the European Communities*, No. L 20 (26 January 1980), p. 43.

[20] См. сноску 15, выше.

[21] International Law Association, op. cit., p. 345.

ГЛАВА XVI

Статья 3, пункт 1. Двусторонние и региональные договоренности

A. Статья 118 (Сотрудничество государств в сохранении живых ресурсов и управлении ими) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, Сотрудничество государств в сохранении живых ресурсов и управлении ими:

Государства сотрудничают друг с другом в сохранении живых ресурсов и управлении ими в районах открытого моря. Государства, граждане которых ведут промысел разных живых ресурсов в одном и том же районе или одних и тех же живых ресурсов, вступают в переговоры в целях принятия мер, необходимых для сохранения этих живых ресурсов. В соответствующих случаях

они сотрудничают в создании для этой цели субрегиональных или региональных организаций по рыболовству.

B. Статья 197 (Сотрудничество на всемирной и региональной основе) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву:

Государства сотрудничают на всемирной основе и, когда это уместно, на региональной основе непосредственно или через компетентные международные организации в формулировании и разработке международных норм, стандартов и рекомендуемых практики и процедур, соответствующих настоящей Конвенции, для защиты и сохранения морской среды с учетом характерных региональных особенностей.

ГЛАВА XVII

Статья 3, пункт 2. Двусторонние и региональные договоренности (корректировка)

Пункт 3 статьи 311 (Отношение к другим конвенциям и международным соглашениям) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву:

Два или более государств-участников могут заключать соглашения, изменяющие или приостанавливающие действие положений настоящей Конвенции и распространяющиеся только на отношения между ними, при условии, что такие соглашения не касаются тех положений, отступление от которых несовместимо с эффективным осуществлением объекта и цели настоящей Конвенции, и при условии также, что такие соглашения не затрагивают применения основных принципов, закрепленных в ней, и что положения таких соглашений не затрагивают осуществления другими государствами-участниками своих прав и выполнения ими своих обязательств по настоящей Конвенции.

ГЛАВА XVIII

Статья 3, пункт 3. Двусторонние и региональные договоренности (lex specialis)

Статья 55 (Lex specialis) проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятых Комиссией международного права на ее пятьдесят третьей сессии в 2001 году:

Настоящие статьи не применяются, если и в той мере, в какой условия наличия международно-противоправного деяния или содержание международной ответственности или ее имплементация определяются специальными нормами международного права[22].

[22] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), стр. 170.

ГЛАВА XIX

Статья 4, пункт 1. Связь с Конвенцией о водотоках 1997 года

Пункт 1 статьи 311 (Отношение к другим конвенциям и международным соглашениям) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву:

Настоящая Конвенция имеет преимущественную силу в отношениях между государствами-участниками перед Женевскими конвенциями по морскому праву от 29 апреля 1958 года.

ГЛАВА XX

Статья 4, пункт 2. Связь с другими конвенциями и международными соглашениями

Пункт 2 статьи 311 (Отношение к другим конвенциям и международным соглашениям) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву:

Настоящая Конвенция не изменяет прав и обязательств государств-участников, которые вытекают из других соглашений, совместимых с настоящей Конвенцией, и которые не затрагивают осуществления другими государствами-участниками своих прав и выполнения ими своих обязательств по настоящей Конвенции.

ГЛАВА XXI

Статья 5, пункт 1. Справедливое использование

A. Статья 2 Соглашения между Федеративной Республикой Нигерия и Республикой Нигер, касающегося справедливого совместного участия в освоении, сохранении и использовании их общих водных ресурсов (Майдугури, 18 июля 1990 года):

Каждая Договаривающаяся Сторона имеет право, в пределах своей территории, на справедливое участие в освоении, сохранении и использовании водных ресурсов их общих речных бассейнов[23].

B. Пункт 1 статьи 19 (Общие ресурсы) Соглашения АСЕАН об охране природы и природных ресурсов:

Договаривающиеся Стороны с общими природными ресурсами сотрудничают друг с другом в их сохранении и согласованном использовании с учетом суверенитета, прав и интересов соответствующих Договаривающихся Сторон согласно общепризнанным принципам международного права.

C. Пункт 2 статьи 2 (Общие положения) Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

Стороны принимают, в частности, все соответствующие меры:

…

c) для обеспечения использования трансграничных вод разумным и справедливым образом с особым учетом их трансграничного характера при осуществлении деятельности, которая оказывает или может оказывать трансграничное воздействие.

D. Пункт 1 статьи 4 Соглашения между правительством Китайской Народной Республики и правительством Монголии об охране и использовании трансграничных вод (Улан-Батор, 29 апреля 1994 года):

Две Договаривающиеся Стороны совместно обеспечивают охрану экологической системы трансграничных вод и осваивают и используют трансграничные воды таким образом, чтобы это не причиняло ущерба другой стороне. Любое освоение и использование трансграничных вод должно основываться на принципе справедливости и равного участия без создания препятствий любому разумному использованию трансграничных вод[24].

E. Статья 3 (Общие принципы) Пересмотренного протокола о водотоках, находящихся в совместном пользовании, подготовленного Сообществом по вопросам развития стран юга Африки:

Для целей настоящего Протокола применяются следующие общие принципы:

…

7. *a*) государства водотока используют в пределах своей соответствующей территории общий водоток справедливым и разумным образом. В частности, общий водоток используется и осваивается государствами водотока с целью достижения его оптимального и устойчивого использования и получения связанных с этим выгод с учетом интересов соответствующих государств водотока, совместимых с необходимостью обеспечения надлежащей защиты водотока на благо нынешнего и будущих поколений;

b) государства водотока участвуют в использовании, освоении и защите общего водотока справедливым и разумным образом. Такое участие включает как право использовать водоток, так и обязанность сотрудничать в его защите и освоении, как это предусмотрено настоящим Протоколом.

F. Принцип 1 Принципов поведения в области окружающей среды для руководства государств в вопросах сохранения и гармоничного использования природных ресурсов, разделяемых двумя и более государствами, подготовленных ЮНЕП:

Необходимо, чтобы государства сотрудничали в области охраны окружающей среды с точки зрения сохранения и согласованного использования природных ресурсов, разделяемых двумя или более государствами. Соответственно, необходимо, чтобы с учетом концепции справедливого использования общих природных ресурсов государства сотрудничали в целях контроля, предотвращения уменьшения или устранения неблагоприятных экологических последствий, которые могут возникнуть в результате использования таких ресурсов. Такого рода сотрудничество должно осуществляться на равной основе и с учетом суверенитета, прав и интересов соответствующих государств[25].

G. Статья II (Общие цели), пункт 1, проекта соглашения Белладжио относительно использования трансграничных подземных вод:

Стороны признают свои общие интересы и ответственность за обеспечение разумного и справедливого освоения и рационального использования подземных вод в пограничном районе на благо своих народов[26].

H. Пункт 4 статьи 42 (Трансграничные водоносные горизонты) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

Государства бассейна сотрудничают на основании процедур, предусмотренных главой XI, в установлении пониженных объемов с целью обеспечения справедливого использования водных ресурсов водоносного горизонта, указанного в пункте 1, с надлежащим учетом обязательства не причинять значительного ущерба другим государствам бассейна и обязательства обеспечивать охрану водоносного горизонта[27].

---

[23] Burchi and Mechlem, *Groundwater in international law: compilation of treaties and other legal instruments*, p. 263.

[24] Fuentes, “The utilization of international groundwater in general international law”, p. 193.

[25] UNEP, *Environmental Law: Guidelines and Principles*, No. 2, *Shared Natural Resources*, p. 2.

[26] Hayton and Utton, loc. cit., p. 682.

[27] International Law Association, op. cit., p. 389.

ГЛАВА XXII

Статья 5, пункт 2. Разумное использование

A. Статья 8 (Водные ресурсы) Соглашения АСЕАН об охране природы и природных ресурсов:

1. Договаривающиеся Стороны с учетом роли водных ресурсов в функционировании природных экосистем принимают все надлежащие меры для сохранения их подземных и поверхностных водных ресурсов.

2. С этой целью они, в частности, стремятся:

…

b) регулировать и контролировать процесс использования водных ресурсов с целью обеспечения достаточного и непрерывного водоснабжения для, среди прочего, сохранения систем поддержки природной жизни и водных фауны и флоры.

B. Пункт 1 статьи 2 (Цели и принципы сотрудничества) Конвенции по сотрудничеству в области охраны и устойчивого использования реки Дунай:

Договаривающиеся Стороны стремятся к достижению целей устойчивого и справедливого управления использованием водных ресурсов, включая сохранение, улучшение и рациональное использование поверхностных и грунтовых вод в районе водосбора, насколько это возможно. Кроме того, Договаривающиеся Стороны прилагают все усилия для отслеживания опасностей, возникающих в результате инцидентов, которые связаны с попаданием опасных веществ в водные ресурсы, паводками и ледяными заторами на реке Дунай. Кроме того, они стремятся содействовать уменьшению уровня загрязнения Черного моря из источников в районе водосбора.

C. Статья 15 (Виды использования водных ресурсов) Соглашения о сотрудничестве в целях охраны и устойчивого использования вод испано-португальских гидрографических бассейнов (Албуфейра, 30 ноября 1998 года):

1. Стороны признают право каждой из них на устойчивое использование водных ресурсов испано-португальских гидрографических бассейнов и свое обязательство обеспечивать их охрану и принимать на своей соответствующей территории меры по предотвращению, устранению и уменьшению трансграничного воздействия, а также контролю над ним.

2. Использование водных ресурсов испано-португальских гидрографических бассейнов, указанных в предыдущем пункте, осуществляется таким образом, какой был бы совместимым с их единым характером, с исключениями, установленными в настоящем Соглашении[28].

D. Статья 3 Соглашения между Польшей и Союзом Советских Социалистических Республик о водном хозяйстве на пограничных водах (Варшава, 17 июля 1964 года):

Настоящее Соглашение предусматривает сотрудничество Договаривающихся Сторон в хозяйственной и научно-технической деятельности в области водного хозяйства на пограничных водах, и в особенности:

…

7) Охрану поверхностных и подземных вод от истощения и загрязнения[29].

E. Статья 9 (Ограничения) Соглашения о защите, использовании и питании франко-швейцарского женевского водоносного горизонта:

1. С учетом размеров и мощности установки искусственного питания, которая будет сооружена, французские власти и общественные коллективы обеспечивают, чтобы совокупный объем забора воды пользователями, находящимися на их территории, не превышал 5 миллионов кубических метров ежегодно, включая свободную квоту в размере 2 млн. кубических метров. В случае необходимости отступление от этого ограничения 5 миллионами кубических метров может быть согласовано Комиссией после консультаций с оператором.

2. При исключительных обстоятельствах и для удовлетворения своих собственных нужд швейцарские пользователи могут просить французских пользователей через Комиссию отказаться частично или полностью от своей свободной квоты в их пользу. При согласии французских пользователей фактические квоты распределения воды оплачиваются швейцарскими пользователями по стоимости 1 кубического метра, полученного от аналогичных французских водных сооружений, причем условия платежа уточняются во время направления такой просьбы[30].

F. Принцип 3 (Восполнимые ресурсы) Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация):

Способность земли производить жизненно важные восполняемые ресурсы должна поддерживаться, а там, где это практически желательно и осуществимо, восстанавливаться или улучшаться[31].

G. Принцип 5 (Невосполняемые ресурсы) Стокгольмской декларации:

Невосполняемые ресурсы земли должны разрабатываться таким образом, чтобы обеспечивалась защита от истощения этих ресурсов в будущем и чтобы выгоды от их разработки получало все человечество[32].

H. Раздел IV (Распределение подземных вод) *Хартии рационального использования подземных вод*:

Нужна соответствующая политика преференциального распределения подземных вод с должным учетом разных целей их использования и согласования краткосрочных потребностей с долгосрочными задачами в интересах настоящего и будущих поколений. При распределении запасов подземных вод следует учитывать объем их запасов и темпы их пополнения. Следует поощрять предоставление высококачественных подземных вод только тем пользователям, которым нужна вода высокого качества, в частности для снабжения людей и животных питьевой водой. Больше внимания следует уделять значению ресурсов подземных вод для сохранения природных ценностей, в частности в тех природных зонах, которые чувствительно реагируют на изменения в состоянии подводных вод[33].

---

[28] United Nations, *Treaty Series*, vol. 2099, No. 36496, pp. 353–354.

[29] Ibid., vol. 552, No. 8054, p. 190.

[30] Неофициальный перевод на англ. язык (сентябрь 1977 года) по адресу www.internationalwaterlaw.org.

[31] *Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 5–16 июня 1972 года* (издание Организации Объединённых Наций, в продаже под № R.73.II.A.14 и исправление), часть первая, глава I, стр. 4.

[32] Там же

[33] Издание Организации Объединенных Наций (см. сноску 12, выше), стр. 2.

ГЛАВА XXIII

Статья 6. Факторы, относящиеся к справедливому и разумному использованию

A. Статья 5 Соглашения между Федеративной Республикой Нигерия и Республикой Нигер, касающегося справедливого совместного участия в освоении, сохранении и использовании их общих водных ресурсов:

1. При определении справедливой доли, право на которую имеет каждая Договаривающаяся Сторона согласно статье 2, принимаются во внимание следующие факторы:

a) климат региона и его влияние на режим распределения осадков;

b) режим распределения осадков и его влияние на поверхностную гидрологию и смежную гидрогеологию;

c) поверхностная гидрология и смежная гидрогеология;

d) существующие виды использования водных ресурсов;

e) разумные потребности, касающиеся планируемого освоения водных ресурсов;

f) нужды Договаривающихся Сторон в области социально-экономического развития;

g) зависимость местного населения от данных водных ресурсов для их существования и благосостояния;

h) наличие альтернативных источников воды для удовлетворения конкурирующего спроса на воду;

i) практическая возможность выплаты компенсаций либо в наличной форме, либо в натуре одной или другой Договаривающейся Стороне в качестве средства корректировки конкурирующего спроса на воду;

j) сохранение приемлемого экологического баланса в каком-либо конкретном водоеме и вокруг него;

k) избежание излишнего расходования воды при использовании водных ресурсов с надлежащим учетом технологических и финансовых возможностей каждой Договаривающейся Стороны;

l) доля, в которой каждая Договаривающаяся Сторона содействует сохранению водного баланса бассейна.

2. Каждый фактор должен приниматься во внимание таким образом, какой является обоснованным с учетом обстоятельств, сложившихся в каждом отдельном речном бассейне или группах бассейнов, и все факторы, учтенные таким образом, должны рассматриваться в совокупности, а решение должно приниматься на основе учета всей такой совокупности факторов[34].

B. Статья 13 (Определение справедливого и разумного использования) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

1. Справедливое и разумное использование по смыслу статьи 1 должно определяться посредством учета всех соответствующих факторов в каждом конкретном случае.

2. Соответствующие факторы, которые надлежит учитывать, включают, но не ограничиваются:

a) географические, гидрографические, гидрологические, гидрогеологические, климатические, экологические и другие природные особенности;

b) социально-экономические нужды соответствующих государств бассейна;

c) численность населения, которое зависит от водных ресурсов международного водосборного бассейна в каждом государстве бассейна;

d) последствия использования или видов использования водных ресурсов международного водосборного бассейна в одном государстве бассейна для других государств бассейна;

e) существующие и возможные виды использования водных ресурсов международного водосборного бассейна;

f) сохранение, защита, освоение и экономичное использование водных ресурсов международного водосборного бассейна и издержки, связанные с мерами, принимаемыми для достижения этих целей;

g) наличие альтернативных вариантов сопоставимой ценности конкретного планируемого или существующего вида пользования;

h) устойчивость предлагаемых или существующих видов использования; и

i) минимизация экологического ущерба.

3. Весомость каждого фактора должна определяться его значением по сравнению с другими соответствующими факторами. При определении того, что является разумным и справедливым использованием, все соответствующие факторы должны учитываться в совокупности, а вывод следует делать на основе учета всех таких факторов[35].

[34] Burchi and Mechlem, pp. 264–265.

[35] International Law Association, op. cit., pp. 362–363.

ГЛАВА XXIV

Статья 7. Обязательство не наносить ущерб

A. Статья 9 (Правило ненанесения ущерба) Международного рамочного соглашения по бассейну реки Сава:

При использовании водных ресурсов бассейна реки Сава на своей территории Стороны сотрудничают и принимают все надлежащие меры для предупреждения причинения значительного ущерба другой Стороне (другим Сторонам).

B. Статья 15 (Предупреждение причинения значительного ущерба соседям) Протокола об устойчивом развитии бассейна озера Виктория:

1. При использовании ресурсов бассейна в пределах своей юрисдикции государство-партнер принимает все надлежащие меры для предупреждения причинения значительного экологического ущерба другим государствам-партнерам.

2. При использовании природных ресурсов бассейна государство-партнер принимает во внимание жизненно важные экономические, социальные и культурные интересы других государств-партнеров.

C. Статья 7 (Ответственность) Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

Стороны оказывают поддержку соответствующим международным усилиям по выработке норм, критериев и процедур в области ответственности.

D. Статья 3 (Предотвращение) проектов статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности, 2001 год, принятых Комиссией на ее пятьдесят третьей сессии в 2001 году:

Государство происхождения принимает все надлежащие меры для предотвращения значительного трансграничного вреда или в любом случае минимизации его риска[36].

E. Статья 42 (Трансграничные водоносные горизонты) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

4. Государства бассейна сотрудничают в соответствии с процедурами, установленными в главе XI, в определении объемов использования водных ресурсов, с тем чтобы обеспечить справедливое использование водных ресурсов водоносного горизонта, указанного в пункте 1, с надлежащим учетом обязательства не причинять значительный ущерб другим государствам бассейна и обязательства обеспечивать охрану водоносного горизонта.

…

6. Государства бассейна, имеющие общий водоносный горизонт, указанный в пункте 1, воздерживаются от действия или бездействия в пределах своей территории и предупреждают такое действие или бездействие, какое причинило бы значительный ущерб другому государству бассейна, с надлежащим учетом права каждого государства бассейна справедливым и разумным образом использовать водные ресурсы[37].

[36] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), стр. 177.

[37] International Law Association, op. cit., p. 389.

ГЛАВА XXV

Статья 8. Общее обязательство сотрудничать

A. Пункт 5 статьи 3 (Общие принципы) Пересмотренного протокола о водотоках, находящихся в совместном пользовании, подготовленного Сообществом в целях развития стран южной части Африки:

Государства-участники обязуются налаживать и осуществлять тесное сотрудничество в отношении анализа и исполнения всех проектов, которые, по всей вероятности, окажут воздействие на режим общего водотока.

B. Статья 2 (Общие положения) Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

Прибрежные стороны осуществляют сотрудничество на основе равенства и взаимности, в частности, путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений с целью выработки согласованной политики, программ и стратегий, охватывающих соответствующие водосборы или их части, для обеспечения предотвращения, ограничения и сокращения трансграничного воздействия и с целью охраны окружающей среды трансграничных вод или окружающей среды, находящейся под воздействием таких вод, включая морскую среду.

C. Статья 6 (Защита качества воды) проекта соглашения Белладжио относительно использования трансграничных подземных вод:

Стороны обязуются совместно защищать и улучшать, насколько это является практически возможным, качество трансграничных водоносных горизонтов и их вод в соответствии с их программами осуществления контроля над качеством поверхностных вод и во избежание причинения ощутимого вреда на территории Сторон или их территории[38].

D. Статья 11 (Сотрудничество) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

Государства бассейна добросовестно сотрудничают в рациональном использовании водных ресурсов международного водосборного бассейна во взаимных интересах участвующих государств[39].

[38] Hayton and Utton, *loc. cit*., p. 691.

[39] International Law Association, op. cit., p. 360.

ГЛАВА XXVI

Статья 9. Регулярный обмен данными и информацией

A. Статья 18 (Деятельность по сотрудничеству) Соглашения АСЕАН об охране природы и природных ресурсов:

1. Договаривающиеся Стороны сотрудничают друг с другом и с компетентными международными организациями с целью координации своей деятельности в области сохранения природы и рационального использования природных ресурсов, а также оказания друг другу помощи в выполнении их обязательств по настоящему Соглашению.

2. Для этого они стремятся:

a) сотрудничать в деятельности по мониторингу;

b) в максимально возможной степени, координировать свою исследовательскую деятельность;

c) использовать сопоставимые или стандартизированные методы и процедуры исследований с целью получения сопоставимых данных;

d) осуществлять обмен соответствующими научно-техническими данными, информацией и опытом на регулярной основе;

e) когда это является надлежащим, проводить консультации друг с другом и оказывать друг другу помощь в связи с принятием мер по осуществлению настоящего Соглашения.

3. При применении вышеизложенных принципов сотрудничества и координации Договаривающиеся Стороны направляют Секретариату:

a) информацию о помощи, оказываемой при мониторинге биологического состояния природных живых ресурсов Региона;

b) информацию, включая доклады и публикации научного, административного или правового характера, и в частности информацию о:

– мерах, принятых Сторонами во исполнение положений настоящего Соглашения;

– состоянии видов, включенных в Дополнение 1;

– любом другом вопросе, которому Совещание Сторон может уделять особое внимание.

B. Статья 3 Соглашения между Федеративной Республикой Нигерия и Республикой Нигер, касающегося справедливо совместного участия в освоении, сохранении и использовании их общих водных ресурсов:

1. Договаривающиеся Стороны обязуются производить сбор, обрабатывать и предоставлять через регулярные промежутки времени Совместной комиссии по сотрудничеству Нигерии-Нигера все данные и информацию, которые, по мнению Комиссии, необходимы для принятия решений о справедливом использовании общих ресурсов, и осуществлять мониторинг их непрерывной действительности.

2. По просьбе Комиссии Договаривающиеся Стороны:

a) устанавливают на своей территории требуемое измерительное оборудование и обеспечивают охрану такого оборудования; и

b) разрешают осмотр Комиссией такого оборудования и содействуют такому осмотру[40].

C. Пункт 6 статьи 3 Пересмотренного протокола о водотоках, находящихся в совместном пользовании, подготовленного Сообществом по вопросам развития стран юга Африки, 2000 год, Общие принципы:

Государства-участники обмениваются имеющейся информацией и данными, касающимися гидрологического, гидрогеологического, метеорологического и экологического состояния водотоков, находящихся в совместном пользовании, а также качества воды.

D. Статья 6 (Обмен информацией) Конвенции об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер:

Стороны в максимально короткие сроки обеспечивают наиболее широкий обмен информацией по вопросам, охватываемым положениями настоящей Конвенции.

E. Статья 13 (Обмен информацией между прибрежными сторонами) Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

1. Прибрежные Стороны осуществляют в рамках соответствующих соглашений или других договоренностей в соответствии со статьей 9 настоящей Конвенции обмен реально доступными данными, в частности о:

a) экологическом состоянии трансграничных вод;

b) опыте, накопленном в области: применения и использования наилучшей имеющейся технологии и результатах исследований и разработок;

c) выбросах и результатах мониторинга;

d) предпринимаемых и планируемых мерах по предотвращению, ограничению и сокращению трансграничного воздействия;

e) разрешениях или правилах в отношении сброса сточных вод, выдаваемых или устанавливаемых компетентными властями или соответствующим органом.

2. С целью согласования предельных норм для сбросов прибрежные Стороны осуществляют обмен информацией о своих национальных правилах.

3. Если к какой-либо прибрежной Стороне обращается другая прибрежная Сторона с просьбой о предоставлении данных или информации, которые отсутствуют, то первая прибрежная сторона должна предпринять меры для удовлетворения этой просьбы, однако она может потребовать для ее выполнения от запрашивающей Стороны оплатить разумные издержки, связанные со сбором и, в случае необходимости, с обработкой таких данных или информации.

4. Для целей осуществления настоящей Конвенции прибрежные Стороны содействуют обмену наилучшей имеющейся технологией, в частности путем развития: коммерческого обмена имеющейся технологией; прямых контактов и сотрудничества в промышленности, включая совместные предприятия; обмена информацией и опытом; и предоставления технической помощи. Прибрежные Стороны осуществляют также совместные программы в области подготовки кадров и организуют соответствующие семинары и совещания.

F. Пункт 3 статьи 42 (Трансграничные водоносные горизонты) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

При управлении использованием вод водоносного горизонта, указанного в пункте 1, государства бассейна проводят консультации и осуществляют обмен информацией и данными, по просьбе любого из них, а также сотрудничают в сборе и анализе дополнительной необходимой информации, имеющей отношение к обязательствам по настоящим Правилам[41].

[40] Burchi and Mechlem, pp. 263–264.

[41] International Law Association, op. cit., p. 389.

ГЛАВА XXVII

Статья 10. Мониторинг

A. Статья 204 (Мониторинг риска и последствий загрязнения) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву:

1. Государства, действуя совместимым с правами других государств образом, стремятся, насколько это практически осуществимо, непосредственно или через компетентные международные организации осуществлять с помощью признанных научных методов наблюдение, измерение, оценку и анализ риска и последствий загрязнения морской среды.

2. В частности, государства постоянно следят за последствиями любой деятельности, которую они разрешают или которую они осуществляют, с целью определить, может ли такая деятельность привести к загрязнению морской среды.

B. Статья 4 (Мониторинг) Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

Стороны разрабатывают программы мониторинга состояния трансграничных вод.

C. Пункт 1 статьи 11 (Совместные мониторинг и оценка) Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

В рамках общего сотрудничества, упомянутого в статье 9 настоящей Конвенции, или конкретных договоренностей прибрежные Стороны разрабатывают и осуществляют совместные программы мониторинга состояния трансграничных вод, включая паводки и ледяные заторы, а также трансграничного воздействия.

D. Статья 9 (Программы мониторинга) Конвенции по сотрудничеству в области охраны и устойчивого использования реки Дунай:

На основе своей внутренней деятельности Договаривающиеся Стороны сотрудничают в области мониторинга и оценки.

1) С этой целью они:

- согласовывают или обеспечивают сопоставимость своих методов мониторинга и оценки, применяемых на их внутреннем уровне, в частности в области качества речных вод, контроля за выбросами, прогноза паводков и водного баланса, с целью достижения сопоставимых результатов, которые должны учитываться в совместной деятельности по мониторингу и оценке;
- разрабатывают согласованные или совместные системы мониторинга, применяющие стационарные или мобильные измерительные приборы, а также устройства связи и обработки данных;
- разрабатывают и осуществляют совместные программы мониторинга речных условий в районе водосбора Дуная, касающихся как количества, так и качества воды, донных отложений и речных экосистем, в качестве основы для оценки трансграничного воздействия, например трансграничного загрязнения и изменения речных режимов, а также водных балансов, паводков и ледяных заторов;
- разрабатывают совместные или согласованные методы мониторинга и оценки сбросов сточных вод, включая обработку, оценку и документирование данных с учетом поотраслевого подхода к ограничению выбросов (Приложение II, Часть 1);
- составляют перечни соответствующих местных источников, включая загрязнители, которые были сброшены (перечни выбросов) и оценивают уровень загрязнения вод из неместных источников с учетом Приложения II, Часть 2; проводят обзор этих документов с точки зрения фактического состояния.

2) В частности, они согласовывают пункты мониторинга, характеристики качества речных вод и параметры загрязнения на регулярной основе, которые должны оцениваться в отношении реки Дунай с достаточной частотой с учетом экологического и гидрологического характера соответствующего водотока, а также типичных выбросов загрязнителей в пределах соответствующего района водосбора.

3) Договаривающиеся Стороны устанавливают на основе согласованной методологии внутренние водные балансы, а также общий водный баланс бассейна реки Дунай. В качестве вклада с этой целью Договаривающиеся Стороны, в необходимой степени, предоставляют связанные с этим данные, которые являются в достаточной мере сопоставимыми, посредством применения согласованной методологии. С использованием этой же базы данных водные балансы могут также составляться в отношении основных притоков реки Дунай.

4) Они периодически оценивают состояние качества вод реки Дунай и прогресс, достигнутый благодаря их мерам, принятым в целях предотвращения, контроля и уменьшения трансграничного воздействия. Результаты будут представляться общественности в соответствующих публикациях.

E. Статья 11 (Научные исследования, разработки и мониторинг) Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях:

1. Стороны в рамках своих возможностей поощряют и/или осуществляют на национальном и международном уровнях соответствующие научные исследования, разработки, мониторинг и сотрудничество в отношении стойких органических загрязнителей и, когда это необходимо, их альтернатив и потенциальных стойких органических загрязнителей по таким, в частности, вопросам, как:

a) источники и выборы в окружающую среду;

b) присутствие, уровни в организмах людей и окружающей среде и соответствующие тенденции;

c) перенос в окружающей среде, "судьба" и преобразование;

d) воздействие на здоровье человека и окружающую среду;

e) социально-экономические и культурные последствия;

f) сокращение и/или ликвидация выбросов; и

g) унифицированные методологии учета источников происхождения и аналитические методы измерения выбросов.

2. Принимая меры во исполнение пункта 1, Стороны в рамках своих возможностей:

a) обеспечивают, в случае целесообразности, поддержку и дальнейшее развитие международных программ, сетей и организаций, задача которых заключается в определении, проведении, оценке и финансировании научных исследований, сбора данных и мониторинга, с учетом необходимости сведения к минимуму дублирования усилий;

b) поддерживают национальные и международные усилия, направленные на расширение национальных возможностей по проведению научно-технических исследований, особенно в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, а также на содействие доступу к данным и результатам анализов и обмену ими;

c) учитывают нужды и потребности развивающихся стран и стран с переходной экономикой, в частности в финансовых и технических средствах, и сотрудничают в деле расширения их возможностей для участия в реализации усилий, упомянутых в подпунктах (a) и (b) выше;

d) проводят научные исследования, направленные на смягчение последствий воздействия стойких органических загрязнителей на репродуктивную функцию;

e) регулярно и своевременно предоставляют широкой общественности доступ к результатам своих мероприятий в области исследований, разработок и мониторинга, упомянутых в настоящем пункте; и

f) поощряют и/или осуществляют сотрудничество в области хранения и поддержания информационных данных, полученных в результате научных исследований, разработок и мониторинга.

F. Статья 2 Соглашения между правительством Китайской Народной Республики и правительством Монголии об охране и использовании трансграничных вод:

Для целей охраны и справедливого и рационального использования трансграничных вод две Договаривающиеся Стороны могут осуществлять сотрудничество в следующих областях:

1. изучение и обследование динамических характеристик, ресурсов и качества пограничных вод;

2. изучение и измерение изменений в приграничных озерах и речных бассейнах;

3. изучение, охрана и освоение трансграничных вод и водных животных и растительных ресурсов;

4. мониторинг и уменьшение загрязнения трансграничных вод; и

5. осуществление и рациональное использование проектов по сохранению водных ресурсов и сооружений по предупреждению паводков, касающихся трансграничных вод[42].

G. Статья 3 Соглашения между правительством Китайской Народной Республики и правительством Монголии об охране и использовании трансграничных вод:

Для осуществления сотрудничества, предусмотренного в статье 2 настоящего Соглашения, две Стороны могут проводить следующие виды деятельности:

1. мониторинг качества, динамических характеристик и ресурсов трансграничных вод и изменений в пограничных реках и озерах и их бассейнах на станциях, постах или местах, определенных двумя Сторонами;

2. технологические обмены, включая обмены техническими материалами, информацией и картами в рамках такого сотрудничества;

3. совместные исследования и обследования делегациями и экспертами; и

4. создание совместных исследовательских и экспериментальных центров или групп[43].

H. Статья VIII (Всеобъемлющие планы управления) проекта соглашения Белладжио относительно использования трансграничных подземных вод:

1. Для каждого объявленного Района сохранения трансграничных подземных вод Комиссия подготавливает всеобъемлющий план управления в целях рационального освоения, использования, охраны и мониторинга вод в Районе сохранения трансграничных подземных вод.

2. Всеобъемлющий план управления может:

a) предписывать принятие мер по предотвращению, устранению или уменьшению снижения качества трансграничных подземных вод и с этой целью может:

…

4. предлагать программу мониторинга условий качества воды, включая оборудование и эксплуатацию пробных скважин, а также принятие мер по исправлению положения, если это требуется, включая предварительную обработку сточных вод и установление ограничений и взимание сборов за их сброс[44].

I. Статья 17 (Право на доступ к водным ресурсам), пункт 4, Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

Государства осуществляют мониторинг и периодически пересматривают в рамках предполагающего участие и открытого процесса вопросы, касающиеся реализации права на доступ к водным ресурсам[45].

[42] Сведения о трансграничных спорах по вопросу об использовании пресной воды можно получить в Интернете по адресу: faolex.fao.org или ocid.nacse.org.

[43] Там же.

[44] Hayton and Utton, loc. cit., pp. 695–696.

[45] International Law Association, op. cit., p. 365.

ГЛАВА XXVIII

Статья 11. Связь между различными видами использования

A. Статья 6 Соглашения между Федеративной Республикой Нигерия и Республикой Нигер относительно справедливого участия в разработке, сохранении и использовании их общих водных ресурсов:

Использование воды, зафиксированное на время определения справедливого участия, имеет преимущественную силу над будущим использованием, при условии что существующее использование приносит пользу обеим Договаривающимся Сторонам и является разумным в сложившихся обстоятельствах[46].

B. Статья 7 Соглашения между Федеративной Республикой Нигерия и Республикой Нигер относительно справедливого участия в разработке, сохранении и использовании их общих водных ресурсов:

Использование воды, зафиксированное на время определения справедливого участия, имеет преимущественную силу над альтернативным существующим использованием, которое началось позднее, при условии, что:

a) использование, зафиксированное ранее, приносит пользу обеим Договаривающимся Сторонам и является разумным в сложившихся обстоятельствах; и

b) учет факторов на основании статьи 5 не дает оснований для перехода на более позднее использование целиком или частично[47].

C. Статья 3 (Определения) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

Для целей настоящих статей указанные ниже термины означают:

…

20. Жизненно важные потребности человека" означает воды, используемые именно для выживания человека, в том числе для питья, приготовления пищи и санитарных нужд, а также вода, необходимая для повседневного ведения хозяйства[48].

D. Статья 14 (Очередность видов использования) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов 2004 года:

1. При определении справедливого и разумного использования государства прежде всего распределяют воду для целей удовлетворения жизненно важных потребностей человека.

2. Никакой другой вид использования или категория использования не имеет оправданной преимущественной силы над каким либо другим видом использования или категорий использования[49].

[46] Burchi and Mechlem, p. 265.

[47] Ibid.

[48] International Law Association, *op. cit.*, pp. 344–345.

[49] Ibid., p. 363.

ГЛАВА XXIX

Статья 14. Предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения

A. Пункт 1 статьи 8 (Водные ресурсы) Соглашения АСЕАН об охране природы и природных ресурсов:

Договаривающиеся Стороны, учитывая роль, которую играет вода в функционировании природных экосистем, принимают все надлежащие меры в целях сохранения их подземных и поверхностных водных ресурсов.

B. Статья 11 (Загрязнение) Соглашения АСЕАН об охране природы и природных ресурсов:

Договаривающиеся Стороны, осознавая пагубные последствия, которые загрязнители в виде сбросов или выбросов могут оказывать на естественные процессы и функционирование природных экосистем, а также на каждый отдельный компонент экосистемы, особенно на животный и растительный мир, предпринимают усилия по предотвращению и сокращению таких сбросов, выбросов или вносимых человеком соединений и контролю за ними, в частности путем:

a) установления контроля за деятельностью, которая может вызвать загрязнение воздуха, почвы, свежей воды или морской среды, который будет учитывать кумулятивный ущерб данных загрязнителей и самоочищающиеся свойства естественной окружающей среды;

b) увязки такого контроля, в частности, с соответствующей обработкой загрязняющих выбросов; и

c) разработки программ национального мониторинга за качеством окружающей среды, в частности путем уделения пристального внимания последствиям загрязнения для природных экосистем и сотрудничества в таких программах в рамках региона в целом.

C. Статья 20 (Трансграничные экологические последствия) Соглашения АСЕАН об охране природы и природных ресурсов:

1. Договаривающиеся Стороны в соответствии с общепринятыми принципами международного права несут ответственность за обеспечение положения, при котором деятельность, осуществляемая под их юрисдикцией или контролем, не наносила бы ущерб окружающей среде или природным ресурсам, находящимся под юрисдикцией других Договаривающихся Сторон или районов, расположенных за пределами национальной юрисдикции.

2. В целях осуществления этой ответственности Договаривающиеся Стороны избегают в максимально возможной степени и сводят, насколько возможно, к минимуму пагубные последствия для окружающей среды деятельности, осуществляемой под их юрисдикцией или контролем, в том числе последствия для природных ресурсов, находящихся за пределами их национальной юрисдикции.

D. Пункт 2 статьи 2 (Общие положения) Конвенции об охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

Стороны принимают, в частности, все надлежащие меры:

…

b) для обеспечения использования трансграничных вод в целях экологически обоснованного и рационального управления водными ресурсами, их сокращения и охраны окружающей среды;

…

d) для обеспечения сохранения и, когда это необходимо, восстановления экосистем.

E. Пункт 1 статьи 3 (Предотвращение, контроль и сокращение) Конвенции об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер:

Для предотвращения, ограничения и сокращения трансграничного воздействия стороны разрабатывают, утверждают, осуществляют соответствующие правовые, административные, экономические, финансовые и технические меры и по возможности добиваются их совместимости для обеспечения в частности:

…

k) осуществления дополнительных конкретных мер по предотвращению загрязнения подземных вод.

F. Статья 2 (Цели и принципы сотрудничества) Конвенции о сотрудничестве в области охраны и устойчивого использования реки Дунай:

3. С этой целью Договаривающиеся Стороны, учитывая неотложную необходимость принятия мер по борьбе с загрязнением вод и обеспечения рационального, устойчивого использования вод, устанавливают, по мере необходимости, приоритеты и укрепляют, согласовывают и координируют принимаемые и планируемые меры на национальном и международном уровнях по всему бассейну реки Дунай, преследуя обеспечение устойчивого развития и экологической защиты реки Дунай. Эта цель, в частности, направлена на обеспечение устойчивого использования водных ресурсов для городских, промышленных и сельскохозяйственных целей, а также для сохранения и восстановления экосистем, а также для удовлетворения других потребностей, относящихся к здравоохранению населения.

…

5. Сотрудничество в области управления водными ресурсами преследует цель обеспечения устойчивого использования водных ресурсов, что означает разработку критериев стабильного, экологически обоснованного развития, которое в то же самое время направлено на:

– обеспечение для всех качественной жизни;

– обеспечение постоянного доступа к природным ресурсам;

– недопущение значительного ущерба окружающей среде и защиту экосистем;

– использование превентивного подхода.

G. Статья 6 (Конкретные меры по защите водных ресурсов) Конвенции о сотрудничестве в области охраны и устойчивого использования реки Дунай:

Договаривающиеся Стороны принимают надлежащие меры в целях недопущения или сокращения трансграничных последствий и для устойчивого и справедливого использования водных ресур-

сов, а также сохранения экологических ресурсов, особенно меры по:

a) составлению кадастра ресурсов грунтовых вод, подлежащих долгосрочной защите, а также защитных зон, имеющих большое значение для существующих и будущих целей обеспечения населения питьевой водой;

b) предотвращению загрязнения ресурсов грунтовых вод, особенно тех, которые в долгосрочной перспективе рассматриваются в качестве резерва для обеспечения населения питьевой водой, в частности предотвращению загрязнения их нитратами, защищающими растения веществами и пестицидами, а также другими вредными веществами;

c) сведению к минимуму рисков случайного загрязнения путем превентивных мер и мер контроля;

d) учету возможных последствий для качества воды планируемых мероприятий и других мер, осуществляемых на основании пункта 2 статьи 3;

e) оценке важности различных биотопных элементов для речной экологии и разработке мер в целях улучшения водных и прибрежных экологических условий.

H. Статья 14 (Предотвращение загрязнения и контроль за ним) Соглашения о сотрудничестве в целях охраны и устойчивого использования вод испано-португальских гидрографических бассейнов:

1. Стороны координируют процедуры предотвращения и контроля за загрязнением, возникающим в результате ограниченных или обширных выбросов, и принимают на своей территории все меры, необходимые для защиты трансграничных вод в соответствии с внутренним правом, в частности путем установления верхних пределов выбросов и норм качества для окружающей среды.

2. В тех случаях, когда это уместно, стороны координируют меры, необходимые в целях предотвращения, ликвидации, сокращения и контроля за загрязнением из наземных источников устьев рек и прилежащих территориальных и морских вод в соответствии с юрисдикцией каждого государства[50].

I. Статья 4 (Конкретные положения) Пересмотренного протокола о водотоках, находящихся в совместном пользовании, подготовленного Сообществом по вопросам развития стран юга Африки:

2. Защита и сохранение окружающей среды

a) Защита и сохранение экосистем

Государства-участники индивидуально и, когда необходимо, совместно защищают и сохраняют экосистемы совместно используемого водотока.

b) Предотвращение и сокращение загрязнения и контроль за ним

i) государства-участники индивидуально и, когда необходимо, совместно принимают меры по предотвращению и сокращению загрязнения и контролю за ним и экологическим ухудшением совместно используемого водотока, который может причинить значительный ущерб другим государствам водотока или их окружающей среде, включая ущерб здоровью или безопасности человека, использованию вод для любых полезных целей или ущерб живым ресурсам водотока.

ii) Государство водотока принимает меры по согласованию своей политики и законодательства в этой области.

iii) государства-участники по просьбе одного или нескольких из них проводят консультации с целью выработки взаимно согласованных мер и методов по предотвращению, уменьшению и контролю за загрязнением совместно используемого водотока, таких, как:

aa) совместно установленных целей и критериев, относящихся к нормам качества воды;

bb) разработки методов и практики борьбы с загрязнением из точечных и неточечных источников;

cc) составление перечней веществ, привнесение которых в воды совместно используемого водотока должно быть запрещено, ограничено и подлежать расследованию или мониторингу.

c) Внесение чужеродных или новых видов

Государства-участники принимают все необходимые меры по предотвращению внесения видов, чуждых или новых, в совместно используемый водоток, которые могут оказаться пагубными для экосистем водотока, что может привести к значительному "ущербу другим государствам водотока.

J. Статья 6 (Защита окружающей среды) Трехстороннего временного соглашения между Республикой Мозамбик и Южно-Африканской Республикой и Королевством Свазиленд о сотрудничестве в области защиты и устойчивого использования водных ресурсов водотоков Инкомати и Мапуту:

1. Стороны индивидуально и, когда необходимо, совместно защищают и сохраняют водную среду водотоков Инкомати и Мапуту, принимая во внимание общепринятые международные нормы и стандарты.

2. Стороны индивидуально и, когда необходимо, совместно принимают все меры по защите и сохранению экосистем водотоков Инкомати и Мапуту.

3. Стороны принимают все необходимые меры по предотвращению внесения видов, чуждых или новых, в водотоки Инкомати и Мапуту, которые могут иметь пагубные последствия для экосистем этих водотоков, в результате чего может быть нанесен значительный ущерб другим сторонам.

K. Статья VI (Сохранение качества воды) Проекта соглашения Белладжио относительно использования трансграничных подземных вод:

1. Стороны принимают совместные меры по сохранению и улучшению, насколько это практически осуществимо, качества трансграничных водоносных горизонтов и их вод в связи с их программами по контролю за качеством поверхностных вод, а также с целью избежать существенного ущерба на территориях или территориям Договаривающихся Сторон.

2. Правительства незамедлительно информируют Комиссию о любом фактическом или планируемом значительном загрязняющем сбросе в трансграничные подземные воды или районы подпитывания грунтовых вод, и о любой другой деятельности, которая может привести к значительному выщелачиванию трансграничных подземных вод.

3. Комиссия незамедлительно рассматривает любую серьезную ситуацию, указывающую на значительное загрязнение под-

[50] United Nations, *Treaty Series* (см. сноску 28, выше), p. 353.

земных вод или угрозу такого загрязнения в любой части приграничного региона в соответствии с положениями статьи VII[51].

L. Раздел II (Стратегии использования подземных вод) *Хартии рационального использования подземных вод*:

1. Поскольку подземные воды должны рассматриваться как природные ресурсы, имеющие экономическую и экологическую ценность, стратегии использования подземных вод должны быть направлены на их длительное и устойчивое использование при сохранении их качества. Эти стратегии должны быть гибкими, чтобы соответствовать изменяющимся условиям и различным региональным и местным ситуациям.

2. Загрязнение подземных вод взаимосвязано с загрязнением других природных средств (поверхностных вод, почв, атмосферы). Планирование мер по охране подземных вод должно быть составной частью общего планирования природоохранных мероприятий.

3. В основе охраны подземных вод должны лежать водоохранные профилактические меры, целью которых является предупреждение загрязнения и истощения подземных вод. К таким водоохранным мерам относятся, в частности, мониторинг состояния подземных вод, составление карт защищенности водоносных слоев, регулирование размещения промышленных объектов и участков складирования отходов с учетом охраны подземных вод, геоэкологическая экспертиза влияния промышленной и сельскохозяйственной деятельности на подземные воды и выделение зон санитарной охраны водозаборов[52].

M. Статья 22 (Экологическая целостность) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

Государства принимают все надлежащие меры по защите экологической целостности, необходимой для поддержания экосистем, зависящих от конкретных вод[53].

N. Статья 41 (Защита водоносных горизонтов) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов 2004 года:

1. Государства принимают все надлежащие меры по предотвращению, насколько это возможно, любого загрязнения и ухудшения гидравлической целостности водоносных слоев.

2. Государства в ходе выполнения своей обязанности по предотвращению загрязнения водоносного горизонта уделяют особое внимание предотвращению, ликвидации, сокращению или контролю в отношении:

a) прямого или косвенного сброса загрязнителей, будь то из точечных или неточечных источников;

b) сброса воды, которая является загрязненной или же каким либо иным образом приводит к ухудшению водоносного горизонта;

c) попадания солоноватой воды; или

d) любого другого источника загрязнения.

3. Государства принимают все надлежащие меры в целях смягчения последствий загрязнения водоносных горизонтов.

4. Государства включают в свои программы общей защиты окружающей среды проблемы, касающиеся водоносных горизонтов, в том числе, но не ограничиваясь нижеследующим:

a) рациональное использование других вод;

b) планирование и рациональное использование земли; и

c) другие программы общей защиты окружающей среды.

5. Государства обеспечивают особую защиту мест, откуда производится забор подземных вод или осуществляется восстановление водоносного горизонта.

[51] Hayton and Utton, loc. cit., p. 691.

[52] Издание Организации Объединенных Наций (см. сноску 12, выше), p. 1.

[53] International Law Association, op. cit., p. 372.

ГЛАВА XXX

Статья 15. Управление

A. Статья 4 (Конкретные положения) Пересмотренного протокола о водотоках, находящихся в совместном пользовании, подготовленного Сообществом по вопросам развития стран юга Африки:

3. Управление совместно используемыми международными водотоками

a) Управление

Государства водотока по просьбе любого из них вступают в консультации относительно управления совместно используемым водотоком, которое может включать в себя учреждение совместного механизма управления.

B. Пункт 1 статьи 10 (Прогнозы − зарезервированные объемы воды) Соглашения защите, использовании и питании франко-швейцарского женевского водоносного горизонта:

В целях обеспечения рационального использования установки питания грунтовых вод в начале года каждый пользователь или группа пользователей сообщает Комиссии их расчетный объем забора воды из водоносного горизонта на следующие 12 месяцев. Такие прогнозы рассматриваются как "зарезервированный объем воды"[55].

C. Пункт 2 статьи 2 (Цели и принципы сотрудничества) Конвенции о сотрудничестве в области охраны и устойчивого использования реки Дунай:

Договаривающиеся Стороны в соответствии с положениями настоящей Конвенции сотрудничают по основным вопросам рационального использования воды и принимают все надлежащие правовые, административные и технические меры для того, чтобы, по меньшей мере, поддерживать и улучшать текущее состояние окружающей среды и качества воды в реке Дунай и ее районе водосбора, а также предотвращать и смягчать, насколько это возможно, пагубные последствия и изменения, которые происходят или могут происходить в них.

[55] См. сноску 30, выше.

D. Пункт 5 статьи 6 (Целевые показатели и сроки их достижения) Протокола по проблемам воды и здоровья 1999 года к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер:

В целях содействия достижению целевых показателей, указанных в пункте 2 настоящей статьи, каждая из сторон:

a) создает на национальном или местном уровне механизмы для координации работы своих компетентных органов;

b) разрабатывает на трансграничном, национальном и/или местном уровне, предпочтительно ориентируясь на водосборные площади и зоны подпитывания подземных вод, планы управления водохозяйственной деятельностью. При этом они предусматривают соответствующие практические и/или другие меры для участия общественности на транспарентной и справедливой основе и обеспечивают должный учет результатов участия общественности. Такие планы могут быть составной частью других соответствующих планов, программ или документов, которые разрабатываются в других целях, при условии, что они обеспечивают общественности полную осведомленность о предложениях по достижению целевых показателей, упомянутых в настоящей статье, и о соответствующих контрольных сроках;

c) создает и поддерживает правовую и организационную основу для контроля и обеспечения соблюдения стандартов качества питьевой воды;

d) создает и поддерживает механизмы, включая в соответствующих случаях правовые и институциональные механизмы в целях контроля, оказания содействия достижению и при необходимости обеспечения соблюдения других норм и уровней результативности, по которым установлены целевые показатели, упомянутые в пункте 2 настоящей статьи.

E. Пункт 3 статьи VII (Водные ресурсы) Пересмотренной Африканской конвенции об охране природы и природных ресурсов:

В том случае, когда поверхностные или подземные водные ресурсы и связанные с ними экосистемы, включая заболоченные земли, являются трансграничными для двух или более сторон, последние проводят консультации, и, в случае необходимости, учреждают межправительственные комиссии для их рационального управления и справедливого использования, а также разрешения споров, возникающих в связи с использованием этих ресурсов, и для их совместной разработки, управления и сохранения.

F. Раздел VI (Полномочия) *Хартии рационального использования подземных вод*:

1. Водохозяйственные учреждения или координирующие органы должны обладать соответствующими полномочиями, чтобы обеспечить интеграцию всех аспектов управления водным хозяйством, и должны быть наделены полномочиями по решению споров, обусловленных различными требованиями и несовпадающими интересами в отношении забора подземных вод, и их использования как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Такой руководящий орган или учреждение должны сотрудничать с другими органами, занимающимися вопросами здравоохранения, планирования, землепользования, рационального использования почв, удаления отходов и т.д. В законодательстве должны быть предусмотрены административные механизмы на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств и полномочия компетентных властей принимать безотлагательные меры по предотвращению и уменьшению ущерба.

2. Территориальные полномочия таких органов в отношении рационального использования подземных вод необязательно должны ограничиваться административными границами или границами водосборных бассейнов; они должны иметь возможность соответствующим образом контролировать управление водоносными слоями в целом. Следует поддерживать и облегчать работу этих органов, обеспечивая их необходимыми ресурсами для должного выполнения ими своих обязанностей.

3. В рамках законодательства, упомянутого выше, должны быть приняты положения, определяющие меры, которые необходимо принимать компетентным органам при случайном загрязнении или в других чрезвычайных обстоятельствах, оказывающих воздействие на подземные воды[56].

G. Принцип № 1 (Пресная вода является небезграничным и уязвимым ресурсом, чрезвычайно важным для поддержания жизни, развития и окружающей среды) Дублинского заявления о водных ресурсах и окружающей среде:

Поскольку вода поддерживает жизнь, эффективное управление водохозяйственной деятельностью требует целостного подхода, с которым увязаны интересы социально-экономического развития и защиты природных экосистем. Эффективное управление охватывает на взаимосвязанной основе различные виды землепользования и водопользования на всей водосборной площади или водоносном горизонте[57].

H. Статья 38 (Предупредительное управление водоносными горизонтами) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

Государства принимают в соответствии с предупредительным подходом упреждающие меры и разрабатывают долгосрочные планы по обеспечению устойчивого использования подземных вод и водоносных горизонтов, в которых содержится грунтовая вода[58].

I. Статья VII (Водные ресурсы) Африканской конвенции о сохранении природы и природных ресурсов:

1. Стороны управляют своими водными ресурсами таким образом, чтобы поддерживать их на самом, по возможности, высоком количественном и качественном уровнях. С этой целью они принимают меры, направленные на:

a) поддержание основных водных экологических процессов, а также на охрану здоровья человека от загрязнителей и болезней, возникающих посредством воды,

b) предотвращение ущерба, который может сказаться на здоровье человека и природных ресурсах в другом государстве посредством сброса загрязнителей, и

c) недопущение чрезвычайного забора воды, учитывая потребности населения и государств, находящихся в низовьях рек.

2. Стороны разрабатывают и осуществляют политику в области планирования, сохранения, управления, использования и разработки подземных и поверхностных вод, а также сбора и использования дождевой воды, и они стараются гарантировать своему населению достаточные и постоянные поставки качественной воды, принимая надлежащие меры с должным учетом:

---

[56] См. сноску 12, выше.

[57] *International Conference on Water and the Environment—Development issues for the 21st century: The Dublin Statement*, Dublin, 26–31 January 1992 (A/CONF.151/PC/112), annex I, p. 9.

[58] International Law Association, op. cit., p. 385.

a) изучения водных циклов и инспекций каждой водосборной площади,

b) интегрированного управления водными ресурсами,

c) сохранения лесистых и других водосборных площадей, а также координации и планирования проектов по развитию водных ресурсов,

d) ведения кадастра и управления всеми водными ресурсами, включая административное управление и контроль за использованием всех водных ресурсов, и

e) предупреждения и борьбы с загрязнением воды посредством, в частности, установления стандартов сточных вод и стандартов качества воды.

ГЛАВА XXXI

Статья 17. Планируемая деятельность

A. Пункт 2 статьи 2 (Общие положения) Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте:

Каждая сторона принимает необходимые законодательные, административные или другие меры для осуществления положений настоящей Конвенции, включая в отношении планируемых видов деятельности, перечисленных в Добавлении I, которые могут оказывать значительное вредное трансграничное воздействие, установление процедуры оценки воздействия на окружающую среду, создающей возможность для участия общественности, и подготовку документации об оценке воздействия на окружающую среду, описанной в Добавлении II.

B. Пункт 12 Добавления I к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте:

Деятельность по забору подземных вод в случае, если годовой объем забираемой воды достигает 10 миллионов кубических метров или более".

C. Приложение III (Трансграничные последствия) к Трехстороннему временному соглашению между Республикой Мозамбик и Южно-Африканской Республикой и Королевством Свазиленд о сотрудничестве в области защиты и устойчивого использования водных ресурсов водотоков Инкомати и Мапуту:

Проекты и деятельность, упомянутые в статье 13(1) Соглашения являются следующими:

…

g) устройства по забору подземной воды, независимо от использования или назначения этой воды объемом свыше 3,5 миллионов кубических метров в год.

D. Статья 31 (Процесс оценки влияния) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

1. Оценка влияния любой программы, проекта или деятельности будет включать, среди прочего:

…

i) Когда необходимо изложение программы мониторинга и управления и планов проведения постпроектного анализа[59].

E. Статья 39 (Обязанность получать информацию) Берлинских правил, касающихся водных ресурсов:

В целях соблюдения положений настоящей главы государства предпринимают все надлежащие шаги, чтобы получить информацию, необходимую для эффективного и действенного управления подземными водами и водоносными горизонтами, включая:

a) мониторинг уровней, давления и качества подземных вод;

b) составление карт уязвимости водоносных горизонтов;

c) оценку влияния на подземные воды и водоносные горизонты промышленной, сельскохозяйственной и иной деятельности; и

d) любые другие меры, являющиеся подходящими для конкретного водоносного горизонта[60].

[59] Ibid., p. 380.

[60] Ibid., p. 386.

ГЛАВА XXXII

Статья 18. Научная и техническая помощь развивающимся государствам

A. Статья 202 (Научная и техническая помощь развивающимся государствам) Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву:

Государства непосредственно или через компетентные международные организации:

a) оказывают содействие программам помощи развивающимся государствам в области науки, образования, техники, а также в других областях в целях защиты и сохранения морской среды и предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды. Такая помощь включает, в частности:

i) подготовку их научных и технических кадров;

ii) содействие их участию в соответствующих международных программах;

iii) предоставление им необходимого оборудования и средств обслуживания;

iv) расширение их способности производить такое оборудование;

v) предоставление консультативных услуг и разработку средств для осуществления программ научных исследований, мониторинга, учебных и других программ;

b) предоставляют соответствующую помощь, особенно развивающимся государствам, для сведения к минимуму последствий крупных инцидентов, которые могут вызвать серьезное загрязнение морской среды;

c) предоставляют соответствующую помощь, особенно развивающимся государствам, в отношении подготовки экологических оценок.

B. Статья 12 (Техническая помощь) Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях:

1. Стороны признают, что оказание своевременной и соответствующей технической помощи в ответ на просьбы Сторон, являющихся развивающимися странами, и Сторон, являющихся странами с переходной экономикой, является важнейшим условием успешного осуществления настоящей Конвенции.

2. Стороны сотрудничают в оказании своевременной и соответствующей помощи Сторонам, являющимся развивающимися странами, и Сторонам, являющимся странами с переходной экономикой, для оказания им содействия, принимая во внимание их особые потребности, в разработке и укреплении их потенциала в области выполнения своих обязательств в рамках настоящей Конвенции.

3. В этом отношении техническая помощь, оказываемая Сторонами, являющимися развитыми странами, и другими Сторонами с учетом их возможностей, включает, соответственно и на основе взаимной договоренности, техническую помощь для создания потенциала в связи с выполнением обязательств в рамках настоящей Конвенции. Дополнительные указания в этом отношении будут предоставлены Конференцией Сторон.

4. Стороны соответствующим образом создают механизмы в целях оказания технической помощи и расширения передачи технологии Сторонам, являющимся развивающимися странами, и Сторонам, являющимся странами с переходной экономикой, в связи с осуществлением настоящей Конвенции. Эти механизмы включают региональные и субрегиональные центры по укреплению потенциала и передаче технологии для содействия Сторонам, являющимся развивающимися странами, и Сторонам, являющимся странами с переходной экономикой, в выполнении ими своих обязательств в рамках настоящей Конвенции. Дополнительные указания в этом отношении будут предоставлены Конференцией Сторон.

5. В контексте настоящей статьи Стороны в полной мере принимают во внимание конкретные потребности и особое положение наименее развитых стран и малых островных развивающихся государств в своей деятельности, касающейся оказания технической помощи.

C. Статья 5 (Исследования и систематическое наблюдение) Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата:

При выполнении своих обязательств по статье 4, пункт 1(g), Стороны:

a) по мере необходимости поддерживают и укрепляют деятельность международных и межправительственных программ и сетей или организаций, которые имеют своей целью определение, проведение, оценку и финансирование исследований, сбор данных и систематическое наблюдение, принимая во внимание необходимость сведения к минимуму дублирования усилий;

b) поддерживают международные и межправительственные усилия по укреплению систематического наблюдения и национального потенциала и возможностей в области научных и технических исследований, особенно в развивающихся странах, и по содействию доступу к данным и результатам их анализа, полученным из районов, находящихся за пределами действия национальной юрисдикции, и обмена ими; и

c) учитывают особые интересы и потребности развивающихся стран и сотрудничают в укреплении их национального потенциала и возможностей участия в усилиях, упомянутых в подпунктах *a* и *b* выше.

D. Статья 6 (Просвещение, подготовка кадров и информирование общественности) Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата:

При выполнении своих обязательств по статье 4, пункт 1 *i*, Стороны:

a) на национальном и, при необходимости, субрегиональном и региональном уровнях и в соответствии с национальными законами и нормами и своими соответствующими возможностями поощряют и облегчают:

i) разработку и осуществление программ просвещения и информирования общественности по проблемам изменения климата и его последствий;

ii) доступ общественности к информации об изменении климата и его последствиях;

iii) участие общественности в рассмотрении вопросов изменения климата и его последствий и в разработке соответствующих мер реагирования; и

iv) подготовку научного, технического и управленческого персонала;

b) на международном уровне, используя, где это необходимо, существующие органы, сотрудничают и содействуют в:

i) разработке материалов для целей просвещения и информирования общественности по вопросам изменения климата и его последствий и обмене такими материалами; и

ii) разработке и осуществлении программ в области образования и подготовки кадров, включая укрепление национальных учреждений и обмен персоналом или его прикомандирование для подготовки экспертов в этой области, особенно в интересах развивающихся стран.

E. Статья 4 (Сотрудничество в правовой и научно-технической областях) Венской конвенции об охране озонового слоя:

1. Стороны содействуют и благоприятствуют обмену научно-технической, социально-экономической, коммерческой и правовой информацией, имеющей отношение к настоящей Конвенции, в соответствии с более подробными положениями, содержащимися в приложении II. Такая информация предоставляется органам, о которых договорятся Стороны. Любой такой орган, получающий информацию, которую поставляющая Сторона считает конфиденциальной, гарантирует неразглашение такой информации и обобщает ее таким образом, чтобы сохранить ее конфиденциальный характер до того, как она будет предоставлена в распоряжение всех Сторон.

2. Стороны сотрудничают в соответствии с их национальными законами, нормами и практикой и с учетом, в частности, потребностей развивающихся стран в содействии, непосредственно или через компетентные международные органы, развитию и передаче технологий и знаний. Такое сотрудничество осуществляется, в частности, путем:

a) облегчения приобретения альтернативных технологий другими Сторонами;

b) предоставления им информации об альтернативных технологиях и оборудовании и соответствующих инструкций или руководств;

c) поставки необходимого оборудования и аппаратуры для проведения исследований и систематических наблюдений;

d) подготовки необходимых научно-технических кадров.

F. Приложение II (Обмен информацией) к Венской конвенции об охране озонового слоя:

1. Стороны Конвенции признают, что сбор информации и обмен ею являются важными средствами осуществления целей настоящей Конвенции и залогом того, что любые меры, которые могут быть приняты, будут уместны и справедливы. Поэтому Стороны будут обмениваться научной, технической, социально-экономической, деловой, коммерческой и правовой информацией.

2. Стороны Конвенции при решении вопроса о том, какая информация подлежит сбору и обмену, должны принимать во внимание полезность информации и стоимость ее получения. Стороны признают далее, что сотрудничество, о котором говорится в настоящем приложении, должно быть совместимо с национальными законами, постановлениями и практикой в отношении патентов, торговых секретов и охраны конфиденциальной и запатентованной информации.

3. *Научная информация*

К ней относится информация:

a) о научных исследованиях, запланированных и проводимых на государственной или частной основе, с целью облегчения координации научно-исследовательских программ и таким образом наиболее эффективного использования имеющихся национальных и международных ресурсов;

b) данные о выбросах, необходимые для исследований;

c) о научных результатах, опубликованных в специальной научной литературе по вопросам физики и химии земной атмосферы и ее чувствительности к изменениям, и особенно по вопросам состояния озонового слоя и последствий для здоровья человека, окружающей среды и климата изменений общего содержания или вертикального профиля озона в любой шкале времени;

d) об оценке результатов научных исследований и рекомендациях для будущих исследований.

4. *Техническая информация*

К ней относится информация:

a) о наличии и стоимости химических заменителей и альтернативных технологий, которые позволят сократить выбросы веществ, изменяющих озоновый слой, а также о связанных с этим планируемых или проводимых исследованиях;

b) об ограничениях и возможном риске, связанных с использованием химических и других заменителей и альтернативных технологий.

5. *Социально-экономическая и коммерческая информация относительно веществ, упоминаемых в приложении I*

К ней относится информация:

a) о производстве и производственной мощности;

b) об использовании и тенденциях использования продукции;

c) об импорте/экспорте;

d) о расходах, риске и выгодах тех видов человеческой деятельности, которые могут косвенно вызвать изменения озонового слоя, и о влиянии принимаемых или планируемых мер регулирования этой деятельности.

6. *Правовая информация*

К ней относится информация:

a) о национальных законах, административных мерах и правовых исследованиях, касающихся охраны озонового слоя;

b) о международных соглашениях, включая двусторонние соглашения, касающиеся охраны озонового слоя;

c) о методах и условиях лицензирования и наличия патентов, связанных с охраной озонового слоя.

ГЛАВА XXXIII

Статья 19. Чрезвычайные ситуации

Статья 13 (Чрезвычайные экологические ситуации) Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря:

1. Договаривающиеся Стороны принимают все необходимые меры и сотрудничают в целях защиты людей и морской среды от последствий природных катастроф или аварий, возникающих в результате антропогенной деятельности. Для этого принимаются меры по предотвращению, обеспечению готовности и реагированию, включая меры по восстановлению.

2. В целях принятия превентивных мер и мер по обеспечению готовности Договаривающаяся Сторона, на территории которой может сложиться такая ситуация, выявляет в пределах своей юрисдикции опасные виды деятельности, которые могут вызвать чрезвычайные экологические ситуации, и обеспечивает уведомление других Договаривающихся Сторон о любой такой планируемой или осуществляемой деятельности. Договаривающиеся Стороны соглашаются проводить оценку воздействия на морскую среду опасных видов деятельности и реализовывать меры по снижению рисков.

3. Договаривающиеся Стороны сотрудничают в создании систем раннего оповещения о промышленных авариях и чрезвычайных экологических ситуациях. В случае чрезвычайной экологической ситуации или ее неминуемой угрозы Договаривающаяся Сторона, на территории которой сложилась такая ситуация, без задержки обеспечивает уведомление на соответствующем уровне тех Договаривающихся Сторон, которые могут быть подвергнуты такому воздействию.

4. Договаривающиеся Стороны принимают все необходимые меры по обеспечению и поддержанию адекватной готовности к чрезвычайным экологическим ситуациям, включая наличие надлежащего оборудования и квалифицированного персонала, используемых для принятия таких мер в случае чрезвычайных экологических ситуаций.

Приложение

ПРОЕКТ КОНВЕНЦИИ О ПРАВЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОДОНОСНЫХ ГОРИЗОНТОВ

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Статья 1. Сфера применения настоящей Конвенции

Настоящая Конвенция применяется к:

a) использованию трансграничных водоносных горизонтов и систем водоносных горизонтов;

b) другим видам деятельности, которые воздействуют или могут оказать воздействие на эти водоносные горизонты и системы водоносных горизонтов;

c) мерам защиты и сохранения этих водоносных горизонтов и систем водоносных горизонтов и мерам управления ими.

Статья 2. Употребление терминов

Для целей настоящей Конвенции:

a) "водоносный горизонт" означает слой проницаемой [водонасыщенной] геологической породы, находящийся над менее проницаемым слоем, и воду, содержащуюся в насыщенной зоне породы;

b) "система водоносного горизонта" означает серию из более чем двух водоносных горизонтов [каждый из которых приурочен к определенным геологическим породам], которые гидравлически связаны;

c) "трансграничный водоносный горизонт" или "система трансграничного водоносного горизонта" означает соответственно водоносный горизонт или систему водоносного горизонта, части которых находятся в разных государствах;

d) "государство водоносного горизонта" означает государство − участник настоящей Конвенции, на территории которого находится любая часть системы трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;

e) "подпитываемый водоносный горизонт" означает водоносный горизонт, который в данный момент получает не ничтожно малый объем водной подпитки;

f) "неподпитываемый водоносный горизонт" означает водоносный горизонт, который в данный момент получает ничтожно малый объем водной подпитки.

Статья 3. Двусторонние и региональные договоренности

1. Для цели управления тем или иным конкретным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта государствам водоносного горизонта, на территории которых такой водоносный горизонт или система водоносного горизонта находится, рекомендуется заключать друг с другом двусторонние или региональные договоренности. Такие договоренности могут заключаться в отношении всего водоносного горизонта или системы водоносного горизонта либо их частей или какого-либо конкретного проекта, программы или вида использования, за исключением случаев, когда эти договоренности неблагоприятно затрагивают в значительной степени использование вод этого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта одним или несколькими другими государствами водоносного горизонта без их прямого согласия. Любое государство, на территории которого находится такой водоносный горизонт или система водоносного горизонта, имеет право участвовать в переговорах и стать стороной договоренностей, если такие договоренности могут повлиять на их позицию в отношении этого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

2. Стороны договоренностей, о которых идет речь в пункте 1, рассматривают возможность согласования таких договоренностей с основными принципами настоящей Конвенции. Когда стороны считают необходимым скорректировать применение положений настоящей Конвенции вследствие характеристик и особых видов использования того или иного конкретного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, они организуют консультации, имея в виду проведение переговоров в духе доброй воли с целью заключения договоренностей, отвечающих интересам всех сторон.

3. В отсутствие иного соглашения настоящая Конвенция применяется к водоносному горизонту или системе водоносного горизонта, о которых идет речь в пункте 1, лишь в той степени, в какой ее положения согласуются с договоренностями, о которых идет речь в этом же пункте.

Статья 4. Связь с другими конвенциями и международными соглашениями

1. Если государства − участники настоящей Конвенции являются также участниками Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков, положения последней, относящиеся к трансграничному водоносному горизонту или системе водоносного горизонта, применяются лишь в той степе-

ни, в какой они согласуются с положениями настоящей Конвенции.

2. Настоящая Конвенция не меняет прав и обязательств государств-участников, которые вытекают из других соглашений, согласующихся с настоящей Конвенцией, и не затрагивает осуществление другими государствами-участниками их прав или обязательств по настоящей Конвенции.

ЧАСТЬ II

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Статья 5 [Статья 3][a]. Справедливое и разумное использование

1. Государства водоносного горизонта на своей соответствующей территории используют трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта таким образом, чтобы блага, извлекаемые из такого использования, накапливались справедливо по отношению к соответствующим государствам водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта на своей соответствующей территории используют трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта разумным образом и, в частности:

a) в случае подпитываемого трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта − учитывают жизнеспособность такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и не препятствуют использованию и функционированию такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;

b) в случае неподпитываемого трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта − стремятся к максимизации долгосрочных благ, извлекаемых из использования содержащихся в них водах. Им рекомендуется разрабатывать план освоения такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта с учетом согласованного срока существования такого водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, а также будущих потребностей и альтернативных источников воды у государств водоносного горизонта.

3. При применении пунктов 1 и 2 соответствующие государства водоносного горизонта, в случае необходимости, организуют консультации в духе сотрудничества.

Статья 6. Факторы, относящиеся к справедливому и разумному использованию

1. Использование трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта справедливым и разумным образом по смыслу статьи 5 требует учета всех соответствующих факторов и обстоятельств, включая:

a) естественное состояние водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;

b) социально-экономические потребности соответствующих государств водоносного горизонта;

c) зависимость населения от водоносного горизонта или системы водоносного горизонта в каждом государстве водоносного горизонта;

d) воздействие использования водоносного горизонта или системы водоносного горизонта в одном государстве водоносного горизонта на другие соответствующие государства водоносного горизонта;

e) существующие и потенциальные виды использования водоносного горизонта или системы водоносного горизонта;

f) освоение, защиту и сохранение водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и затраты на принятие мер в этих целях;

g) наличие альтернатив данному существующему и запланированному виду использования водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, имеющих сопоставимую ценность.

2. Значение, которое должно быть придано каждому фактору, подлежит определению в зависимости от его важности по сравнению с другими соответствующими факторами. При определении того, что является разумным и справедливым использованием, все соответствующие факторы должны рассматриваться совместно и заключение должно выноситься на основе всех факторов.

Статья 7 [Статья 4]. Обязательство не наносить ущерб

1. Государства водоносного горизонта при использовании трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта на своей территории принимают все надлежащие меры для предотвращения нанесения значительного ущерба другим государствам водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта, осуществляя иную деятельность на своей территории, которая воздействует или может оказать воздействие на трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта, принимают все надлежащие меры для предотвращения нанесения значительного ущерба

[a] Номера статей в квадратных скобках − это номера статей, содержащихся во втором докладе об общих природных ресурсах (*Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/539 и Add.1).

через такой водоносный горизонт или систему водоносного горизонта другим государствам водоносного горизонта.

3. В том случае, если другому государству водоносного горизонта все же наносится значительный ущерб, государства водоносного горизонта, которые своей деятельностью наносят такой ущерб, в отсутствие соглашения о такой деятельности, принимают все надлежащие меры при должном учете положений статей 5 и 6 в консультации с потерпевшим государством для ликвидации или возмещения такого ущерба и, при необходимости, для обсуждения вопроса о компенсации.

Статья 8 [Статья 5]. Общее обязательство сотрудничать

1. Государства водоносного горизонта сотрудничают на основе суверенного равенства, территориальной целостности, взаимной выгоды и добросовестности в целях достижения разумного использования и надлежащей защиты трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

2. При определении способов такого сотрудничества государства водоносного горизонта поощряются к созданию − в зависимости от того, что они считают необходимым, − совместных механизмов или комиссии для облегчения сотрудничества в отношении соответствующих мер и процедур, принимая при этом во внимание опыт сотрудничества, накопленный в рамках имеющихся в различных регионах совместных механизмов и комиссий.

Статья 9 [Статья 6]. Регулярный обмен данными и информацией

1. В соответствии со статьей 8 государства водоносного горизонта на регулярной основе обмениваются легкодоступными данными и информацией о состоянии трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, в частности данными и информацией геологического, гидрогеологического, гидрологического, метеорологического и экологического характера, и данными, касающимися гидрохимии водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, а также соответствующими прогнозами.

2. С учетом неопределенности относительно характера и масштабов некоторых трансграничных водоносных горизонтов или систем водоносных горизонтов государства водоносного горизонта прилагают все усилия для сбора и подготовки, согласно ныне существующей практике и стандартам, индивидуально или совместно, и, в случае необходимости, вместе с международными организациями или через них, новых данных и информации, с тем чтобы в более полной мере определить водоносные горизонты или системы водоносных горизонтов.

3. Если у государства водоносного горизонта другим государством водоносного горизонта запрашиваются данные и информация, которые не являются легкодоступными, то оно прилагает все усилия для выполнения такой просьбы, однако может обусловливать ее выполнение оплатой запрашивающим государством разумных издержек, связанных со сбором и, при необходимости, обработкой таких данных или информации.

4. Государства водоносного горизонта прилагают все усилия для сбора и, при необходимости, обработки данных и информации таким образом, чтобы это облегчало их использование другими государствами водоносного горизонта, которым они предоставляются.

Статья 10. Мониторинг

С тем чтобы лучше понять состояние трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта:

1. Государства водоносного горизонта договариваются о согласованных стандартах и методологии мониторинга за трансграничным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта. Они определяют ключевые параметры, за которыми будет осуществляться мониторинг на основе согласованной концептуальной модели водоносного горизонта или системы водоносного горизонта. В число этих параметров будут входить протяженность, геометрия, направление потока, распределение гидростатического давления, объем потока и гидрохимия водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта обязуются осуществлять мониторинг за параметрами, о которых идет речь в пункте 1, и, по возможности, осуществлять связанную с мониторингом деятельность вместе друг с другом и в сотрудничестве с компетентными международными организациями. Вместе с тем, когда связанная с мониторингом деятельность не осуществляется на совместной основе, государства водоносного горизонта обмениваются данными мониторинга.

Статья 11 [Статья 7]. Взаимосвязь между различными видами использования

1. В отсутствие иного соглашения или обычая никакой вид использования трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта не пользуется неотъемлемым приоритетом перед другим видом использования.

2. В случае коллизии между видами использования трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта она должна устраняться с уделением особого внимания требованиям удовлетворения насущных человеческих нужд.

ЧАСТЬ III

ЗАЩИТА, СОХРАНЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ

Статья 12. Защита и сохранение экосистемы

Государства водоносного горизонта защищают и сохраняют экосистемы в трансграничных водоносных горизонтах или системе водоносного горизонта. Они также обеспечивают надлежащее качество и достаточное количество расходуемой воды для защиты и сохранения внешних экосистем, зависящих от водоносного горизонта или системы водоносного горизонта.

Статья 13. Защита зон подпитки и разгрузки

1. Государства водоносного горизонта определяют зоны подпитки трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и в пределах этих зон принимают специальные меры для сведения к минимуму негативного воздействия на процесс подпитки, а также принимают все меры для предотвращения попадания загрязнителей в водоносный горизонт или систему водоносного горизонта.

2. Государства водоносного горизонта определяют зоны разгрузки трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и в пределах этих зон принимают специальные меры для сведения к минимуму негативного воздействия на процесс разгрузки.

3. Если такие зоны подпитки и разгрузки находятся на территории государств иных, чем государства водоносного горизонта, государства водоносного горизонта стремятся к сотрудничеству с первыми государствами в целях защиты этих зон.

Статья 14. Предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения

Государства водоносного горизонта индивидуально и, при необходимости, совместно предотвращают, сокращают и сохраняют под контролем загрязнение трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, которое может нанести значительный ущерб другим государствам водоносного горизонта или их окружающей среде. С учетом неопределенности относительно характера и масштабов некоторых трансграничных водоносных горизонтов или систем водоносных горизонтов государства водоносного горизонта поощряются к применению осторожного подхода.

Статья 15. Управление

Государства водоносного горизонта обязуются разрабатывать и осуществлять планы надлежащего управления трансграничным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта в соответствии с положениями настоящей Конвенции. Они по просьбе любого из таких государств проводят консультации относительно управления трансграничным водоносным горизонтом или системой водоносного горизонта, которое может включать в себя создание совместного механизма управления.

ЧАСТЬ IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАТРАГИВАЮЩАЯ ДРУГИЕ ГОСУДАРСТВА

Статья 16. Оценка потенциальных последствий деятельности

Когда государство водоносного горизонта имеет разумные основания полагать, что тот или иной конкретный вид планируемой деятельности на его территории может иметь неблагоприятные последствия для трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта, оно в практически осуществимой степени проводит оценку потенциальных последствий такой деятельности.

Статья 17. Планируемая деятельность

1. Прежде чем осуществить или санкционировать осуществление планируемой деятельности, которая может иметь значительные неблагоприятные последствия для других государств водоносного горизонта, государство водоносного горизонта своевременно направляет этим государствам уведомление об этом. Такое уведомление сопровождается имеющимися техническими данными и информацией, включая результаты любой оценки экологических последствий, с тем чтобы уведомляемые государства смогли оценить возможные последствия планируемых мер.

2. Если уведомляющее государство и уведомленные государства не достигают согласия относительно последствий планируемой деятельности, они проводят консультации и, в случае необходимости, переговоры в целях справедливого урегулирования ситуации. Они могут использовать независимый орган по установлению фактов, который сможет провести беспристрастную оценку последствий планируемых мер.

ЧАСТЬ V

РАЗНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 18. Научная и техническая помощь развивающимся государствам

Государства прямо или через компетентные международные организации оказывают научную, учебную, техническую и иную помощь развивающимся государствам для защиты трансграничного водоносного горизонта или системы водоносного горизонта и управления ими. Такая помощь включает в себя, в частности:

a) учебную подготовку научно-технических кадров;

b) содействие их участию в соответствующих международных программах;

c) предоставление им необходимого оборудования и средств обслуживания;

d) расширение их возможностей для производства такого оборудования;

e) консультативное обслуживание и создание заведений для осуществления научно-исследовательских, мониторинговых, учебных и других программ;

f) сведение к минимуму последствий основных видов деятельности, затрагивающих трансграничный водоносный горизонт или систему водоносного горизонта; и

g) подготовку оценок экологических последствий.

Статья 19. Чрезвычайные ситуации

1. Государство водоносного горизонта безотлагательно и самыми оперативными из имеющихся средств уведомляет другие потенциально затрагиваемые государства и компетентные международные организации о любой возникшей на его территории чрезвычайной ситуации, которая наносит серьезный ущерб или создает непосредственную угрозу нанесения серьезного ущерба другим государствам и которая является неожиданным результатом действия сил природы или деятельности человека.

2. Государство водоносного горизонта, на территории которого возникла чрезвычайная ситуация, в сотрудничестве с потенциально затрагиваемыми государствами и, при необходимости, с компетентными международными организациями немедленно принимает все практически осуществимые меры, необходимость которых диктуется обстоятельствами, в целях предотвращения, смягчения и ликвидации вредных последствий чрезвычайной ситуации.

3. Там, где вода играет чрезвычайно важную роль в смягчении последствий чрезвычайной ситуации, государства водоносного горизонта могут отходить от положений статей в частях II–IV настоящей Конвенции в той степени, в какой это необходимо для смягчения последствий чрезвычайной ситуации.

Статья 20. Защита в период вооруженного конфликта

Трансграничный водоносный горизонт или системы водоносного горизонта и относящиеся к ним сооружения, установки и другие объекты пользуются защитой, предоставляемой согласно принципам и нормам международного права, применимым в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, и не используются в нарушение этих принципов и норм.

Статья 21. Данные и информация, имеющие жизненно важное значение для национальной обороны или безопасности

Ничто в настоящей Конвенции не обязывает государство водоносного горизонта предоставлять данные или информацию, имеющие жизненно важное значение для его национальной обороны или безопасности. Тем не менее это государство добросовестно сотрудничает с другими государствами водоносного горизонта в целях предоставления им возможно более полной в данных обстоятельствах информации.

ЧАСТЬ VI

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 22. Подписание

Настоящая Конвенция открыта для подписания всеми государствами с … по … в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью‑Йорке.

Статья 23. Ратификация, принятие, утверждение или присоединение

Настоящая Конвенция подлежит ратификации, принятию, утверждению или присоединению государствами. Ратификационные грамоты и документы о принятии, утверждении или присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 24. Вступление в силу

1. Настоящая Конвенция вступает в силу на … день после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций … ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждения или присоединения.

2. Для каждого государства, которое ратифицирует, принимает или утверждает конвенцию или присоединяется к ней после сдачи на хранение … ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении, Конвенция вступает в силу на … день после сдачи этим государством своей ратификационной грамоты, документа о принятии, утверждении или присоединении.

Статья 25. Аутентичные тексты

Подлинник настоящей Конвенции, тексты которой на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО нижеподписавшиеся полномочные представители, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящую Конвенцию.

СОВЕРШЕНО в Нью-Йорке, _____ две тысячи _____ года.

ДОКУМЕНТ A/CN.4/555 и Add.1

Комментарии и замечания, полученные от правительств и от соответствующих межправительственных организаций

[*Подлинный текст на английском языке*]
[*29 апреля и 15 июля 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе		117
	Пункты	
ВВЕДЕНИЕ	1–2	117
КОММЕНТАРИИ И ЗАМЕЧАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОПРОСНИКА ПО ОБЩИМ РЕСУРСАМ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	3–244	117
A. Ответы на вопросы раздела A	3–31	117
1. Ответы правительств	3–28	117
2. Ответы межправительственных организаций	29–31	120
B. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 1	32–86	120
1. Ответы правительств	32–78	120
2. Ответы межправительственных организаций	79–86	125
C. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 2	87–103	125
1. Ответы правительств	87–100	125
2. Ответы межправительственных организаций	101–103	127
D. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 3	104–123	127
1. Ответы правительств	104–120	127
2. Ответы межправительственных организаций	121–123	129
E. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 4	124–140	129
1. Ответы правительств	124–137	129
2. Ответы межправительственных организаций	138–140	130
F. Ответы на вопросы раздела B	141–148	131
1. Ответы правительств	141–147	131
2. Ответы межправительственных организаций	148	132
G. Ответы на вопросы раздела B, вопрос 1	149–158	132

		Пункты	*Стр.*
	1. Ответы правительств	149–156	132
	2. Ответы межправительственных организаций	157–158	133
H.	Ответы на вопросы раздела B, вопрос 2	159–164	133
	1. Ответы правительств	159–162	133
	2. Ответы межправительственных организаций	163–164	133
I.	Ответы на вопросы раздела C	165-168	133
	Ответы правительств	165–168	133
J.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 1	169–189	134
	1. Ответы правительств	169–186	134
	2. Ответы межправительственных организаций	187–189	135
K.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 2	190–197	136
	1. Ответы правительств	190–195	136
	2. Ответы межправительственных организаций	196–197	136
L.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 3	198–203	137
	1. Ответы правительств	198–202	137
	2. Ответы межправительственных организаций	203	137
M.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 4	204–207	137
	1. Ответы правительств	204–206	137
	2. Ответы межправительственных организаций	207	138
N.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 5	208–216	138
	1. Ответы правительств	208–215	138
	2. Ответы межправительственных организаций	216	139
O.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 6	217–220	139
	Ответы правительств	217–220	139
P.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 7	221–227	141
	Ответы правительств	221–227	141
Q.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 8	228–229	142
	Ответы правительств	228–229	142
R.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 9	230–235	142
	1. Ответы правительств	230–233	142
	2. Ответы межправительственных организаций	234–235	143
S.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 10	236–240	143
	Ответы правительств	236–240	143
T.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 11	241–242	143
	Ответы правительств	241–242	143
U.	Ответы на вопросы раздела C, вопрос 12	243–244	144
	Ответы правительств	243–244	144

Приложение. Вопросник по общим природным ресурсам для направления правительствам и соответствующим межправительственным организациям 145

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Договор о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (Бразилия, 3 июля 1978 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1202, No. 19194, p. 51.
Европейская типовая конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями (Мадрид, 21 мая 1980 года)	Ibid., vol. 1272, No. 20967, p. 61.
Конвенция о создании Администрации бассейна реки Нигер (Фарана, Гвинея, 21 ноября 1980 года)	Ibid., vol. 1346, No. 22675, p. 207.
Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспоо, 25 февраля 1991 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1989, No. 34028, p. 309.
Конвенция об охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 года)	Ibid., vol. 1936, No. 33207, p. 269. См. также ILM, vol. 31, No. 6 (November 1992), p. 1312.
Протокол о создании единых систем водотоков (Йоханнесбург, 28 августа 1995 года)	www.sadc.int.
Пересмотренный протокол по разделяемым водотокам Сообщества развития Южной Африки (Виндхук, 7 августа 2000 года)	ILM, vol. 40, No. 2 (March 2001), p. 321.
Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 года)	*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение №. 49*, том III, резолюция 51/229, приложение.

Введение

1. В своем докладе за 2004 год Комиссия международного права, по просьбе Специального докладчика, решила распространить среди правительств и соответствующих межправительственных организаций подготовленный Специальным докладчиком вопросник, в котором запрашиваются их мнения относительно грунтовых вод[1]. В циркулярной ноте от 23 сентября 2004 года и в письме от 20 сентября 2004 года Секретариат препроводил данный вопросник правительствам и соответствующим межправительственным организациям (см. приложение к настоящему докладу).

2. По состоянию на 15 июля 2005 года ответы на вопросник были получены от следующих 23 государств: Беларусь, Ботсвана, Бруней-Даруссалам, Буркина-Фасо, Гондурас, Дания, Катар, Кения, Колумбия, Кыргызстан, Латвия, Мексика, Монако, Намибия, Нидерланды, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Польша, Российская Федерация, Сальвадор, Соединенные Штаты Америки и Финляндия. Ответы были также получены от трех соответствующих межправительственных организаций: Центра по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы (СЕДАРЕ), Международной пограничной и водной комиссии и Управления бассейна реки Нигер. Эти ответы воспроизводятся в настоящем докладе и расположены, насколько это возможно, с учетом вопросов, поставленных Специальным докладчиком.

[1] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 81, стр. 65.

Комментарии и замечания в отношении вопросника по общим ресурсам, полученные от правительств и соответствующих межправительственных организаций

A. Ответы на вопросы раздела A

Имеются ли в вашем государстве водоносные горизонты, которые простираются за пределы государственных границ?

1. Ответы правительств

Беларусь, Ботсвана, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Польша

3. В своих ответах на вопрос A Беларусь, Ботсвана (она разделяет водоносные горизонты Калахари и Кару с Намибией, Южной Африкой и Зимбабве), Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Польша ответили "да".

Бруней-Даруссалам

4. В Бруней-Даруссаламе не имеется каких-либо водоносных горизонтов, простирающихся за пределы его государственных границ, равно как им и не заключено с другими странами какое-либо соглашение о совместном использовании водоносного горизонта.

Буркина-Фасо

5. Буркина-Фасо сообщила, что значительный объем общих грунтовых вод находится в зонах осадочных пластов, на которые приходится приблизительно 18 процентов поверхности страны. Эти грунтовые воды являются общими с Мали (полоса, простирающаяся с юго-запада на север) и Бенином (на юго-востоке)[2].

Колумбия

6. С Колумбией граничат пять стран, а именно Боливарианская Республика Венесуэла, Бразилия, Панама, Перу и Эквадор[3]. Водоносные горизонты страны простираются в четыре из этих государств: Боливарианскую Республику Венесуэла, Бразилию, Перу и Эквадор. В последнее время был достигнут значительный прогресс в исследовании, рациональном использовании и освоении трансграничных водоносных горизонтов совместно с Боливарианской Республикой Венесуэла и Эквадором.

7. Колумбия делит непосредственно со своими соседними государствами следующие водоносные горизонты:

a) с Боливарианской Республикой Венесуэла, бассейн реки Карраипия-Парагуачон, бассейн реки Кататумбо, бассейн реки Араука и бассейн реки Ориноко;

b) с Эквадором, бассейн реки Карчи-Гуайтара и бассейн реки Мира-Матахе;

c) с Перу, бассейн реки Путумайо и бассейн реки Амазонки; и

d) с Бразилией, бассейн реки Амазонки.

Дания

8. Данией и Германией была подписана декларация, касающаяся рационального использования водосборных бассейнов трансграничных водотоков Видо, Крусо, Меден А и Ярделунд Грёфт. Декларация была подписана Министерством охраны окружающей среды Дании и Министерством по делам окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности Германии. Никаких конкретных положений согласовано не было в том, что касается соответственно грунтовых вод или водоносных горизонтов.

Сальвадор

9. Сальвадор сообщил, что он делит с другими странами три международных водосборных бассейна: бассейн реки Рио-Пас (Сальвадор/Гватемала), бассейн реки Лемпа (Сальвадор/Гватемала/Гондурас) и бассейн реки Гоаскоран (Сальвадор/Гондурас).

10. На тихоокеанском побережье площадь водного района Сальвадора увеличилась на 58 процентов (свыше 35 000 кв. км) благодаря поверхностным и грунтовым водам, которые он получает из Гватемалы и Гондураса.

Финляндия

11. Финляндия сообщила, что есть только несколько районов трансграничных грунтовых вод (около 15) вдоль финско-русской границы. Эти районы являются довольно нетронутыми и нет какой либо насущной потребности в их использовании для хозяйственно-питьевого водоснабжения. Имеются также несколько районов грунтовых вод (около 20), расположенных в непосредственной близости от границы, разделяющей Финляндию и Норвегию. Этот район является столь малонаселенным, что нет необходимости в общественном водоснабжении. Отсутствуют какие-либо районы грунтовых вод вдоль границы, разделяющей Финляндию и Швецию.

Гондурас

12. Гондурас сообщил, что в стране имеются водоносные горизонты в районах, граничащих с Гватемалой, Никарагуа и Сальвадором.

Кения

13. Кения сообщила, что в стране имеются водоносные горизонты, простирающиеся за пределы ее государственных границ.

Кыргызстан

14. Поскольку в некоторых отношениях ответы на вопросы, содержащиеся в разделах A и C, совпадают, информация, полученная от Кыргызстана, излагается ниже совокупным и последовательным образом без учета порядка постановки вопросов.

15. В Кыргызстане имеются международные водотоки, сотрудничество между государствами в отношении которых осуществляется главным образом в рамках следующих международных соглашений:

a) Соглашение от 30 апреля 1994 года между Казахстаном и Кыргызстаном и об использовании межго-

[2] В ответе Буркина-Фасо содержится карта, которая была опущена и с которой можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

[3] В ответе Колумбии содержится карта, которая была опущена и с которой можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

сударственных водохозяйственных объектов на реках Чу и Талас;

b) Соглашение от 17 марта 1998 года между Кыргызстаном и Узбекистаном об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья.

Латвия

16. Латвия определила трансграничные водоемы грунтовых вод, перечень которых, включая конфигурацию, будет обновлен в ближайшем будущем одновременно с разработкой планов по рациональному использованию речного бассейна. Требования в отношении мониторинга и рационального использования этих объектов были определены национальным законом об управлении водным хозяйством, Постановлением Кабинета министров № 857, принятым 19 октября 2004 года, о процедурах обследования ресурсов грунтовых вод и обзора критериев качества, Постановлением № 92 от 17 февраля 2004 года о требованиях в отношении мониторинга поверхностных вод, грунтовых вод и охраняемых районов, а также разработки программ мониторинга и другими соответствующими постановлениями Кабинета министров.

Мексика

17. Мексика сообщила, что она делит водоносные горизонты, простирающиеся за пределы ее государственных границ, с другими странами. Мексика имеет протяженную границу на севере с Соединенными Штатами и на юге с Белизом и Гватемалой; протяженность ее границ составляет 4 301 км.

Монако

18. Водоносные горизонты Монако простираются за пределы его государственных границ.

Намибия

19. Есть основания предполагать, что трансграничные водоносные горизонты могут простираться через границу между Анголой и Намибией в бассейне реки Кувелаи в южной части Анголы и северной части Намибии, а также между Ботсваной и Намибией вдоль границы между этими двумя странами через пустыню Калахари. Кроме того, вполне могут существовать трансграничные водоносные горизонты между Анголой, Ботсваной, Замбией, Зимбабве и районом Каприви Намибии. Протяженность и запасы этих водоносных горизонтов пока не были исследованы.

20. С учетом вышеизложенного в действующих соглашениях о рациональном использовании общих водных ресурсов в качестве отправной точки упоминаются "водные ресурсы, представляющие взаимный интерес", включая поверхностные и грунтовые воды.

Нидерланды

21. Водоносные горизонты, как они определены во втором докладе Специального докладчика об общих природных ресурсах[4], простираются вдоль всей сухопутной границы Нидерландов, и примерно все из них могут быть квалифицированы как незамкнутые или полузамкнутые водоносные горизонты.

22. В настоящее время осуществляется забор воды из трансграничных водоносных горизонтов, расположенных возле Берген-оп-Зом (провинция Северный Брабант) и возле Денекампа (провинция Оверэйссел).

23. Кроме того, ряд водоносных горизонтов находятся на больших глубинах (500–600 метров от поверхности земли), а также вдоль всей сухопутной границы Нидерландов. Примерами являются водоносный горизонт "Сентрале сленк", который пересекает Германию, Бельгию, Нидерланды, и водоносные горизонты под долиной реки Рейн.

24. Последние гидрогеологические исследования показали, что крупные водоносные горизонты, возможно, проходят вдоль морской границы Нидерландов, простираясь через весь континентальный шельф Северного моря.

Норвегия

25. Норвегия сообщила, что в стране имеются водоносные горизонты, простирающиеся в Российскую Федерацию, Финляндию и Швецию. Однако они являются лишь небольшими аллювиальными водоносными горизонтами и грунтовыми водами в кристаллических породах, представляющими ограниченный коммерческий или экологический интерес, и не являются достаточно важными для того, чтобы быть объектом двустороннего или международного внимания.

Пакистан

26. Пакистан сообщил, что пределы его грунтовых вод выходят за государственную границу между Пакистаном и Индией.

Российская Федерация

27. Российская Федерация имеет общие трансграничные водоемы с большинством соседних государств.

Соединенные Штаты Америки

28. Соединенные Штаты сообщили, что существуют водоносные горизонты, которые простираются через границу с их соседними государствами: Канадой и Мексикой.

---

[4] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/539 и Add.1, стр. 327.

2. Ответы межправительственных организаций

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

29. Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы, который является региональной организацией, функционирует в качестве исполнительного агентства для Программы разработки региональной стратегии использования системы водоносного горизонта Нубийских песчаников в течение периода с 1998 по 2002 год. Водоносный горизонт Нубийских песчаников является общим водоносным горизонтом Египта, Ливийской Арабской Джамахирии, Судана и Чада.

Международная пограничная и водная комиссия

30. Международная пограничная и водная комиссия ответила утвердительно.

Управление бассейна реки Нигер

31. Бассейн реки Нигер с его трансграничным водоносным горизонтом охватывает девять стран, а именно: Бенин, Буркина-Фасо, Гвинею, Камерун, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Нигерию и Чад. Управление бассейна реки Нигер в настоящее время осуществляет процесс "Общее видение" для государств-членов, в ходе которого будут всесторонне решаться вопросы, касающиеся комплексного использования и освоения водных ресурсов.

B. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 1

Если да, то существуют ли какие-либо договоренности или соглашения с вашими соседними государствами относительно освоения или рационального использования этих водоносных горизонтов или же любого иного сотрудничества в отношении них?

1. Ответы правительств

Беларусь

32. Беларусь ответила "да".

Ботсвана

33. Ботсвана сообщила, что она и соседствующие с нею страны являются сигнатариями Протокола по разделяемым водотокам Сообщества развития Юга Африки, который был подписан в августе 1995 года, пересмотрен в августе 2000 года и вступил в силу 22 сентября 2003 года. Этот протокол заложил основы для сотрудничества и управления трансграничными водоносными горизонтами.

Буркина-Фасо

34. Буркина-Фасо сообщила, что между нею и Бенином или Мали не были заключены какие-либо конкретные соглашения, прямо касающиеся грунтовых вод.

Колумбия

35. В качестве одного из управляющих проекта, озаглавленного "Грунтовые воды в пограничном районе Кукута и Вилья-дель-Росарио (Колумбия) и Сан−Антонио-Уренья (Боливарианская Республика Венесуэла)", Колумбия участвует, в координации с Институтом гидрологии, метеорологии и экологических исследований и при поддержке со стороны Министерства охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития и Колумбийского института геологии и горного дела, в осуществлении программы по управлению ресурсами международных общих водоносных горизонтов (ИСАРМ) под эгидой Организации американских государств (ОАГ) и ЮНЕСКО.

36. Колумбия активно участвует в программе ИСАРМ ЮНЕСКО/ОАГ для американского континента, трансграничные водоносные горизонты американского континента. Эта программа осуществляется совместно с Международной гидрологической программой ЮНЕСКО и Управлением по устойчивому развитию и окружающей среде ОАГ с целью разработки программы ИСАРМ для американского континента. Общая цель программы ИСАРМ заключается в укреплении исследовательских основ научной, социально-экономической, правовой, институциональной и экологической информации, необходимой для управления использованием трансграничных водоносных горизонтов во всем мире. Программа осуществляется Координационным комитетом, в состав которого входят представители ЮНЕСКО, Международной ассоциации гидрогеологов, ФАО и ЕЭК ООН, причем все из них осуществляют деятельность в рамках Международной гидрологической программы (ЮНЕСКО).

37. Программа ИСАРМ для американского континента представляет собой региональную инициативу, выдвинутую в 2002 году на Конгрессе Международной ассоциации гидрогеологов и Латиноамериканской ассоциации по использованию грунтовых вод в целях развития, проходившем в Мар-дель-Плата, Аргентина.

38. Управление по устойчивому развитию и окружающей среде ОАГ, как координирующая организация программы ИСАРМ для американского континента, сосредоточило свои усилия на том, чтобы заручиться сотрудничеством 24 стран американского континента, которые имеют общие трансграничные водоносные горизонты, с этой программой с точки зрения предоставления базовой информации.

39. Осуществление совместного проекта Колумбии и Боливарианской Республики Венесуэла отстает от графика, несмотря на расширение использования грунтовых вод в регионе, вследствие ограниченной инфраструктуры, которой располагают региональные авто-

номные корпорации северо-восточной границы для того, чтобы они могли руководить этим проектом, а также отсутствия интереса со стороны Венесуэлы.

40. В пограничном районе Кататумбо вопрос о грунтовых водах впервые обсуждался на совещании, проходившем под эгидой ОАГ и ЮНЕСКО в Кукута, Колумбия, 2–4 октября 2004 года.

41. Что касается пограничного района Гуахира, то вопрос о грунтовых водах обсуждался межнациональными комиссиями по пограничным вопросам этих двух государств, особенно в отношении района Парагуачон (Колумбия) и Каррайпия (Боливарианская Республика Венесуэла). Были проведены обследования этого водоносного горизонта, а также при содействии со стороны МАГАТЭ были проведены различные исследования для углубления познаний об этом водоносном горизонте в рамках Программы комплексной охраны грунтовых вод.

42. Существуют соглашения различных видов между странами региона, предусматривающие меры по содействию техническим исследованиям, сотрудничеству и обмену информацией; некоторые соглашения явились более эффективными, чем другие. В их число входит соглашение об учреждении межнациональной технической комиссии по всеобъемлющему обследованию гидрографических бассейнов, находящихся в совместном пользовании Колумбии и Боливарианской Республики Венесуэла, а также соглашения о двустороннем сотрудничестве в рамках Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки между Боливарианской Республикой Венесуэла, Боливией, Бразилией, Гайаной, Колумбией, Перу, Суринамом и Эквадором.

43. Колумбия также участвует совместно с Боливарианской Республикой Венесуэла в работе межнациональной технической комиссии по всеобъемлющему обследованию гидрографических бассейнов, находящихся в совместном пользовании, в которой имеются два технических комитета. Один занимается вопросами речного бассейна Каррайпия-Парагуачон в колумбийско-венесуэльском районе Гуахира, а другой – вопросами бассейна реки Кататумбо.

44. Учреждения, политика и программы, которые оказывают воздействие на вопросы, затрагивающие пограничный район, включают: Межсекторальную комиссию по интеграции и развитию пограничной зоны; Национальный совет по экономической и социальной политике, документ № 3155/02 (основы политики в пограничной зоне); комиссии соседей; Программу обеспечения безопасности и развития в пограничной зоне (Министерство иностранных дел-Министерство обороны); Андский комитет органов по охране окружающей среды Комиссии Андского сообщества; Региональную стратегию в отношении биологического разнообразия; решение № 501 Андского сообщества (пограничные зоны интеграции); и Организацию Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки.

45. Что касается Межсекторальной комиссии по интеграции и развитию пограничной зоны, то она была учреждена декретом № 569 от 2001 года. Эта комиссия является политическим органом для координации и общего руководства, действующим на центральном и местном уровнях. Она занимается вопросами разработки, управления и проведения политики в пограничной зоне во всех ее аспектах, касающихся поощрения развития пограничных районов и их интеграции с соседними странами с точки зрения экономических, социальных, регулятивных, культурных, экологических, научных и инфраструктурных вопросов с учетом особенностей этих зон.

46. В состав комиссии входят: Министр иностранных дел (который председательствует в Комиссии и выступает в качестве Исполнительного секретаря), министры внутренних дел, обороны, финансов и государственного кредита, внешней торговли, охраны окружающей среды, транспорта, просвещения, здравоохранения, а также горнорудной промышленности и энергетики и директор Национального департамента планирования. Другими участниками являются директора Национальной таможенной и акцизной службы и Сети социальной солидарности. Министр сельского хозяйства и развития сельских районов также активно участвует в работе Комиссии с момента ее учреждения.

47. Комиссия недавно возложила на Национальный департамент планирования и Министерство иностранных дел ответственность за координацию мер по разработке национальной политики в отношении интеграции и развития пограничной зоны.

48. При установлении основ политики в пограничной зоне Национальный совет по экономической и социальной политике имеет своей целью установление рамок и механизма для политики в отношении развития и интеграции в пограничной зоне, которые позволили бы осуществлять координацию деятельности различных национальных, региональных и местных органов для достижения установленных целей. Документ, касающийся этой политики, устанавливает следующие обязательства в экологическом секторе:

a) Министерство охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития будет содействовать устойчивому использованию, сохранению и поощрению биологического разнообразия в пограничных районах;

b) взаимодействуя с региональными автономными корпорациями, правительство будет расширять выдачу сертификатов, стимулирующих разработку лесных ресурсов, с целью ускорения восстановления лесопосадок;

c) взаимодействуя с региональными автономными корпорациями, функционирующими в пограничных районах, правительство разработает учебные программы по вопросам охраны окружающей среды и подготовки записок о состоянии окружающей среды и описи природных ресурсов в целях разработки устойчивых

технологий и расширения познаний, а также надлежащего использования этих ресурсов;

d) Географический институт имени Аугустино Кодацци в сотрудничестве с Министерством охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития разработает геосправочные системы, основывающиеся на региональной экологической информации, с тем чтобы идентифицировать почвы, степень эрозии, степень загрязнения и уровень землепользования, а также водные и лесные ресурсы;

e) Институт будет также оказывать поддержку разработке методологий землепользования в пограничных районах и специальным группам по развитию пограничных районов, с тем чтобы содействовать их сбалансированному и устойчивому развитию с использованием перспективных сценариев;

f) Институт гидрологии, метеорологии и экологических исследований будет выявлять и распределять ресурсы для финансирования научных исследований по вопросу о наличии и качестве водных ресурсов и восстановления речного дна;

g) министерствам сельского хозяйства и развития сельских районов и охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития будет предложено разработать политику в отношении устойчивого фермерского земледелия, приспособленную к условиям пограничных районов, а также создать специальные группы по развитию пограничных районов;

h) Министерству охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития будет предложено содействовать устойчивому использованию, сохранению и поощрению биологического разнообразия в пограничных районах, а также создать специальные группы по развитию пограничных районов;

i) Министерству и региональным автономным корпорациям будет предложено расширить выдачу сертификатов, стимулирующих разработку лесных ресурсов в пограничных районах, а также создать специальные группы по развитию пограничных районов.

49. Одна из целей интеграции андских стран заключается в содействии развитию государств-членов Комиссии Андского сообщества и улучшении условий жизни населения региона посредством, среди прочего, использования и сохранения природных ресурсов и охраны окружающей среды.

50. В своем решении № 435 от 11 июня 1998 года Комиссия Андского сообщества учредила Андский комитет органов по охране окружающей среды, основная цель которого заключается в предоставлении консультаций и поддержки секретариату Андского сообщества в разработке его политики в отношении окружающей среды, а также в обеспечении мониторинга, осуществления и полного выполнения решений и вспомогательных постановлений в области охраны окружающей среды.

51. Учреждение Андского комитета органов по охране окружающей среды также связано с проектом региональной стратегии в отношении биологического разнообразия для стран андского тропического региона, которая была согласована в марте 1998 года секретариатом Андского сообщества и Межамериканским банком развития и которая требует создать комитет органов по охране окружающей среды, который руководил бы разработкой данной стратегии.

52. Согласно решению № 501 Комиссии Андского сообщества (относительно зон интеграции в пограничных районах) под этими зонами понимаются прилежащие пограничные регионы государств – членов Андского сообщества, в отношении которых должна быть принята политика, а также должны осуществляться планы, программы и проекты в целях содействия устойчивому развитию и интеграции в пограничных районах совместным, общим и скоординированным образом, с тем чтобы получить взаимные выгоды, с учетом особенностей каждого региона.

53. Зоны интеграции в пограничных районах создаются для того, чтобы обеспечить оптимальные условия для устойчивого развития пограничных районов, а также их интеграции между государствами – членами Андского сообщества в соответствии с конкретно указанными критериями.

54. Что касается Организации Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки, то на уровне международного права бассейн реки Амазонки является предметом Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки, который был подписан в 1978 году и в число участников которого входят Боливия, Боливарианская Республика Венесуэла, Бразилия, Гайана, Колумбия, Перу, Суринам и Эквадор.

55. Цель Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки заключается в содействии совместным мерам, направленным на поощрение сбалансированного развития территорий бассейна реки Амазонки в каждом государстве-члене и ведущим к получению таких результатов, какие являются справедливыми и взаимовыгодными, а также к сохранению окружающей среды и сохранению и рациональному использованию природных ресурсов этих территорий.

56. Договор о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки предусматривает создание шести специальных комиссий для изучения конкретных вопросов, а именно комиссии по науке и технике, комиссии по здравоохранению, комиссии по охране окружающей среды, комиссии по делам коренных народов, комиссии по туризму и комиссии по транспорту, коммуникациям и инфраструктуре.

57. Договор действует в течение 20 лет при финансовой поддержке со стороны Европейского союза и ФАО; однако с учетом незначительного числа достижений и

практических результатов в течение длительного периода времени эти доноры прекратили свою поддержку до тех пор, пока структура Договора не будет изменена, с тем чтобы привести его в соответствие с международными стандартами, касающимися разработки и представления инвестиционных и неинвестиционных проектов, а также с критериями устойчивого развития и экономичности с точки зрения затрат.

58. Функции Комиссии по водосборному бассейну, созданной совместно с Боливарианской Республикой Венесуэла, являются следующими:

a) определение руководящих принципов в отношении технической деятельности, которая должна развиваться в общих бассейнах, и регулирование политической и финансовой поддержки проектов, которые были определены;

b) внесение на рассмотрение высших органов соответствующих правительств предложений в отношении направления действий, которые должны быть предприняты в области всестороннего регулирования использования общих гидрографических бассейнов.

59. Комиссии соседей, созданные с Бразилией, Перу и Эквадором, учредили подкомиссии или тематические круглые столы, например по проблематике окружающей среды или природных ресурсов, для принятия решений в отношении технической деятельности и управления использованием природных ресурсов или же просто для определения параметров и возможных действий в отношении общих водоносных горизонтов.

Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Сальвадор

60. В своих ответах на вопрос A.1 Сальвадор указал "да" в отношении общих природных ресурсов и "нет" в отношении водоносных горизонтов, тогда как Катар и Объединенные Арабские Эмираты ответили "нет".

Финляндия

61. Финляндия сообщила, что нет каких-либо конкретных двусторонних соглашений по управлению и использованию трансграничных водоносных горизонтов, поскольку водоносные горизонты, выходящие за национальные границы не используются для водоснабжения. Финляндия имеет двусторонние соглашения о трансграничных водотоках со всеми соседними странами, но соглашения охватывают только вопросы использования поверхностных вод. Имеются также соглашения с соседними странами о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. Кроме того, применяются некоторые многосторонние соглашения, например, Конвенция об оценке экологического воздействия в трансграничном контексте, Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер и Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей.

Гондурас

62. Между Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа, Сальвадором, Европейским союзом и Центральноамериканским банком экономической интеграции заключено соглашение, вторая часть которого касается региональной программы рационального использования многонациональных водосборных бассейнов.

Кения

63. Нет, не существует договоренностей или соглашений с соседними с Кенией государствами относительно освоения или рационального использования этих водоносных горизонтов.

Латвия

64. На настоящий момент Латвия не заключила какие-либо соглашения (конвенции) или любые другие официальные документы с другими государствами, за исключением ранее заключенного между Латвией и Литвой неофициального (устного) соглашения о координации программы мониторинга грунтовых вод.

Мексика

65. Протокол № 242 (северная граница) Международной пограничной и водной комиссии (МПВК), созданной согласно Договору 1944 года о водных ресурсах между Соединенными Штатами Америки и Мексикой[5], касается в некоторой степени грунтовых вод, хотя и нет общего соглашения по этому вопросу в отношении всей границы.

66. Протокол № 289 МПВК о контроле качества воды на территории между Соединенными Штатами Америки и Мексикой содержит соглашение о мониторинге качества поверхностных и грунтовых вод вдоль границы между двумя странами. В рамках этого протокола под эгидой МПВК было разработано техническое соглашение об обмене информацией, издании совместных публикаций и разработке моделей для водоносного горизонта Больсон-дель-Уэко в районе Сьюдад-Хуарес, Чиуауа-Эль-Пасо, Техас. Было также заключено техническое соглашение об исследовании качества водных ресурсов в трансграничном водоносном горизонте Амбос-Ногалес.

67. В духе сотрудничества в рамках МПВК осуществлялся обмен информацией относительно различных водоносных горизонтов, простирающихся вдоль границы между двумя странами.

---

[5] Договор между Соединенными Штатами Америки и Мексикой в отношении использования вод рек Колорадо и Тихуана, и Рио-Гранде (Рио-Браво) между Форт Квитман, штат Техас, и Мексиканским заливом (Вашингтон, округ Колумбия, 3 февраля 1944 года), United Nations, *Treaty Series*, vol. 3, No. 25, p. 313. Мандат и функции МПВК подробно изложены на веб-сайте http://www.ibwc.state.gov.

68. В отношении южной границы действуют два основных документа: Договор о делимитации границы между Мексикой и Гватемалой от 27 сентября 1882 года[6] и Договор, заключенный между Великобританией и Мексикой о делимитации границы между Мексикой и Британским Гондурасом, и подписанный в Мехико 8 июля 1893 года[7].

Монако

69. Монако не связано со своими соседними государствами договоренностями или соглашениями об освоении и рациональном использовании тех водоносных горизонтов, которые простираются за пределы его государственных границ, или же сотрудничеством в любой другой форме в этой области.

Нидерланды

70. В настоящее время не существует каких-либо документов, касающихся освоения или рационального использования водоносных горизонтов, помимо документов общего характера о водохозяйственной политике, которые были или будут одобрены в контексте Европейского союза (ЕС). Этими документами являются:

a) директива 2000/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23 октября 2000 года, устанавливающая основы для действий Сообщества в области водохозяйственной политики (Европейская директива об основах водохозяйственной политики)[8];

b) предложение о принятии директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза, касающейся защиты грунтовых вод от загрязнения, которое в настоящее время рассматривается и Советом и Парламентом[9].

Норвегия

71. Норвегия ответила отрицательно. Если возникнут вопросы в отношении грунтовых вод, то будут задействованы следующие учреждения: для Финляндии и Российской Федерации: финско-российско-норвежская пограничная комиссия; для Швеции: предлагается использовать подход, учитывающий каждый отдельный случай, если это необходимо.

Пакистан

72. Не существует какого-либо отрицательного соглашения относительно использования или забора грунтовых вод водоносных горизонтов.

Польша

73. Польско-германское Соглашение о сотрудничестве в рациональном использовании трансграничных водных ресурсов, которое вступило в силу в 1996 году; польско-чешское Соглашение о сотрудничестве в области рационального использования трансграничных водных ресурсов с Чехословацкой Республикой (1956 год) сохраняет свою силу в результате правопреемства, а в настоящее время ведутся переговоры по определению условий для заключения нового соглашения с Чешской Республикой; польско-украинское Соглашение о сотрудничестве в рациональном использовании трансграничных водных ресурсов, которое вступило в силу в 1999 году; и соглашения с Беларусью и Литвой, в отношении которых в настоящее время ведутся переговоры.

Российская Федерация

74. Поскольку порядок использования и сохранения трансграничных водных ресурсов должен регулироваться, Российская Федерация заключила соглашения о сотрудничестве в охране и рациональном использовании трансграничных водных ресурсов с Беларусью, Казахстаном, Монголией, Украиной, Финляндией и Эстонией. Соглашения с Беларусью, Казахстаном, Монголией и Украиной относятся также к трансграничным грунтовым водам. Кроме того, с Беларусью, Казахстаном и Таджикистаном было заключено четырехстороннее соглашение, касающееся основополагающих принципов сотрудничества в рациональном использовании и охране трансграничных водных ресурсов.

75. Не были заключены какие-либо специальные многосторонние или двусторонние соглашения относительно трансграничных водоносных горизонтов.

Соединенные Штаты Америки

76. В 1973 году под эгидой МПВК Соединенных Штатов Америки и Мексики Соединенные Штаты Америки и Мексика заключили протокол № 242, который устанавливает для каждой страны конкретное обязательство соблюдать определенные ежегодные ограничения объема откачиваемой воды в пограничном районе Аризона-Сонора; он также устанавливает обязательство проводить взаимные консультации до любой разработки какого-либо нового проекта освоения грунтовых или поверхностных водных ресурсов, который может неблагоприятно воздействовать на другую страну.

77. Протокол № 242 был согласован при том понимании, что впоследствии Соединенными Штатами Америки и Мексикой будет заключено "всеобъемлющее соглашение о грунтовых водах"[10]. До настоящего момента такое соглашение не было заключено.

78. В приложении 16 к Соглашению между Соединенными Штатами Америки и Канадой 1978 года[11] от-

---

[6] United Nations, *Treaty Series*, vol. 1404, No. 933, p. 323.

[7] *British and Foreign State Papers, 1892–1893*, vol. LXXXV (London, HM Stationery Office, 1899), p. 58.

[8] *Official Journal of the European Communities*, No. L 327 (22 December 2000), p.1.

[9] Commission of the European Communities (COM(2003) 550 final).

[10] Minute No. 242, resolution, para. 5.

[11] United Nations, *Treaty Series*, vol. 1153, No. 18177, p. 187.

носительно качества водных ресурсов Великих озер затрагивается проблема загрязнения грунтовых вод, воздействующего на трансграничные водные ресурсы системы Великих озер. Это соглашение представляет собой договоренность об ограниченном сотрудничестве, а не всеобъемлющее соглашение о рациональном использовании или освоении водных ресурсов.

2. Ответы межправительственных организаций

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

79. Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы сообщил, что заключено соглашение о создании "Совместного органа по исследованию и освоению водоносного горизонта Нубийских песчанников"; и что заключены два соглашения о непрерывном сборе данных и об обмене такими данными. В контексте соглашения о сборе данных четыре страны согласились обмениваться данными, собранными в течение периода осуществления программы и включенными в региональную информационную систему. Было также решено обмениваться информацией, которая будет собрана в соответствии с положениями соглашения об обмене данными посредством обновления региональной информационной системы; такой обмен будет осуществляться в среде Интернета, позволяющей онлайновый доступ к обновленным данным. Вместе с тем такая среда Интернета для обмена данными пока не была создана из-за отсутствия средств.

80. В контексте соглашения об обмене данными было решено обновлять информацию посредством непрерывного мониторинга объемов забора воды в некоторых пунктах забора, показателей качества и показателей объема водных ресурсов в конкретно указанных местах. Будет осуществляться обмен этой информацией с другими заинтересованными странами.

Международная пограничная и водная комиссия

81. Протокол № 242 МПВК до некоторой степени касается грунтовых вод, хотя не было заключено общее соглашение по этому вопросу в отношении всего пограничного района.

82. Кроме того, Протокол № 289 МПВК фиксирует соглашение о наблюдении за качеством поверхностных и грунтовых вод вдоль границы между двумя странами.

83. В контексте вышеупомянутых протоколов в МПВК было разработано техническое соглашение об обмене информацией, издании совместных публикаций и разработке моделей для водоносного горизонта Больсон-дель-Уэко в районе Сьюдад-Хуарес, Чиуауа, Мексика, и Эль-Пасо, Техас, Соединенные Штаты Америки.

84. Было также разработано техническое соглашение об исследовании качества водных ресурсов в трансграничном водоносном горизонте Амбос-Ногалес.

85. Кроме того, в духе сотрудничества между членами МПВК осуществлялся обмен информацией относительно различных водоносных горизонтов, простирающихся вдоль границы между двумя странами.

Управление бассейна реки Нигер

86. Управление бассейна реки Нигер сообщило, что договоренности будут достигаться в ходе процесса "Общее видение", который осуществляется в настоящее время в бассейне реки Нигер.

C. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 2

Если да, то просьба представить копию таких соглашений или договоренностей.

1. Ответы правительств

Беларусь

87. Беларусь представила следующие документы, которые доступны для ознакомления в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам:

a) Протокол совместного совещания представителей геологических служб Беларуси и Литвы и программа мониторинга подземных вод в приграничных районах Беларуси и Литвы (Минск, 19-21 декабря 2000 года);

b) Соглашение о сотрудничестве между Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и Министерством природных ресурсов России (Минск, 14 марта 2000 года);

c) Соглашение о сотрудничестве в области изучения, разведки и использования минерально-сырьевых ресурсов (Москва, 27 марта 1997 года);

d) Соглашение о приграничном сотрудничестве в области изучения, развития и охраны недр (Минск, 31 мая 2001 года).

Ботсвана

88. Ботсвана представила Пересмотренный протокол по разделяемым водотокам Сообщества развития Юга Африки, с которым можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Колумбия

89. Копии решения № 435 Андского комитета органов по охране окружающей среды, решения № 501 о зонах интеграции в пограничном районе Андского сообщества и документа Национального совета по экономиче-

ской и социальной политике № 3155 от 2002 года были представлены на испанском языке, и с ними можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Дания

90. Была представлена копия декларации Дании и Германии, касающейся рационального использования водосбора трансграничных водотоков Видо, Крусо, Меден-А и Ярделунд Грёфт.

91. С этим текстом на датском и немецком языках можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Сальвадор

92. Сальвадор ответил, что существует тесная взаимосвязь между природными ресурсами и водоносными горизонтами: инфильтрация и просачивание дождевой воды на подземные уровни (водоносные горизонты) в значительной степени зависят от того, каким образом используются такие природные ресурсы, как леса, почвы для сельскохозяйственного возделывания, почвы для выпаса скота, методы сохранения почв и методы защиты земель.

93. Копия Договора между Гватемалой, Гондурасом и Сальвадором об осуществлении плана Трифинио была представлена на испанском языке, и с нею можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Катар, Кения, Намибия, Норвегия и Пакистан

94. В своих ответах на вопрос A.2 Катар, Кения, Норвегия и Пакистан указали, что этот вопрос к ним "не относится", тогда как Намибия указала "нет ответа".

Кыргызстан

95. Копии Соглашения от 30 апреля 1994 года между Кыргызстаном и Казахстаном относительно использования межгосударственных водохозяйственных объектов на реках Чу и Талас и Соглашения от 17 марта 1998 года между правительствами Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья были представлены на русском языке, и с ними можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Мексика

96. Копии следующих соглашений и тексты законодательных актов были представлены на испанском языке, и с ними можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам:

a) Договор о делимитации границы между Мексикой и Гватемалой, подписанный в Мехико 27 сентября 1882 года[12];

b) Договор, заключенный между Великобританией и Мексикой о делимитации границы между Мексикой и Британским Гондурасом, подписанный в Мехико 8 июля 1893 года[13];

c) Конвенция об учреждении Международной пограничной комиссии для решения вопросов, возникающих в отношении реки Рио-Гранде и реки Колорадо, подписанная в Вашингтоне, округ Колумбия, 1 марта 1889 года[14], и Конвенция, устанавливающая неопределенный срок действия положений Конвенции от 22 декабря 1899 года, подписанная в Вашингтоне, округ Колумбия, 21 ноября 1900 года[15];

d) Мексиканский договор о водных ресурсах, заключенный между Мексикой и Соединенными Штатами Америки 3 февраля 1944 года[16];

e) обмен нотами между Мексикой и Гватемалой, образующими Соглашение об учреждении Международной пограничной и водной комиссии (МПВК-Юг), подписанными в Гватемале 9 ноября и 21 декабря 1961 года;

f) Договор об укреплении Международной пограничной и водной комиссии (МПВК-Юг), подписанный в Мехико 17 июля 1990 года;

g) Протокол № 242 МПВК, озаглавленный "Постоянное и окончательное решение международной проблемы солености вод реки Колорадо", подписанный в Мехико 30 августа 1973 года;

h) Протокол № 289 МПВК, озаглавленный "Наблюдение за качеством водных ресурсов вдоль границы между Соединенными Штатами и Мексикой", подписанный в Эль-Пасо, Техас, Соединенные Штаты, 13 ноября 1992 года;

i) совместный доклад главных инженеров, касающийся обмена информацией и математического моделирования водоносного горизонта в районе Сьюдад-Хуарес, Чиуауа, и Эль-Пасо, Техас (МПВК-Север), подписанный в Эль-Пасо, Техас, 2 декабря 1997 года;

j) совместный доклад главных инженеров МПВК, касающийся совместного мониторинга качества грунтовых вод для определения наличия антропогенных загрязнителей в трансграничном водоносном горизонте в районе Ногалеса, Аризона/Ногалеса, Сонора (МПВК-

---

[12] См. сноску 6, выше.

[13] См. сноску 7, выше.

[14] William M. Malloy, ed., *Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and Other Powers, 1776–1909* (Washington, D.C., Government Printing Office, 1910), vol. I, p. 1167.

[15] Ibid., p. 1192.

[16] См. сноску 5, выше.

Север), подписанный в Эль-Пасо, Техас, 25 января 1996 года;

k) Декрет о внесении поправок и дополнений и отмене различных положений Закона о национальных водных ресурсах;

l) Закон о национальных водных ресурсах.

Нидерланды

97. Нидерланды сообщили, что в отношении информации о соответствующих документах Европейского союза следует снестись с Европейской комиссией.

Польша

98. Тексты соглашений не имеются на английском языке. Польша отметила, что их копии на национальных языках могут быть представлены по соответствующей просьбе.

Российская Федерация

99. Российская Федерация отметила, что копии соответствующих соглашений были направлены непосредственно Специальному докладчику в марте 2004 года.

Соединенные Штаты Америки

100. Соединенные Штаты обратили внимание Специального докладчика на следующие веб-сайты: www.ibwc.gov в отношении протокола № 242 от 1973 года и www.epa.gov в отношении приложения 16 к Соглашению 1978 года между Соединенными Штатами Америки и Канадой относительно качества водных ресурсов Великих озер[17].

2. Ответы межправительственных организаций

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

101. Тексты соглашения об учреждении Совместного органа по исследованию и освоению водоносного горизонта Нубийских песчанников (подлинный текст на арабском языке), соглашения о непрерывном сборе данных и соглашения об обмене данными были представлены, и с ними можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Международная пограничная и водная комиссия

102. Копии протоколов №№ 242 и 289 МПВК, а также технических соглашений в отношении Сьюдад-Хуарес, Эль-Пасо и Амбос-Ногалес, были представлены на испанском языке, и с ними можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Управление бассейна реки Нигер

103. Управление бассейна реки Нигер сообщило, что копий соответствующих соглашений/договоренностей пока не имеется.

D. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 3

Имеются ли совместные органы/механизмы заинтересованных государств для рационального использования этих водоносных горизонтов или иного сотрудничества в отношении них?

1. Ответы правительств

Беларусь

104. Беларусь ответила "да" – Межправительственный совета стран Содружества Независимых Государств по разведке, использованию и охране недр. С Уставом Межправительственного совета можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам. Это приложение к Соглашению о сотрудничестве в области изучения, разведки и использования минерально-сырьевых ресурсов от 27 марта 1997 года.

Ботсвана

105. Ботсвана ответила "да" и "нет". Помимо Пересмотренного протокола по разделяемым водотокам Сообщества развития Южной Африки, отсутствуют какие-либо совместные органы/механизмы с соседними государствами, но с технической точки зрения, существующие хорошие рабочие отношения позволяют Ботсване обмениваться требуемой информацией.

Буркина-Фасо

106. Бенин, Буркина-Фасо и Мали являются членами Управления бассейна реки Нигер – межправительственной организации, созданной в 1980 году, в состав которой входят девять государств. Одна из целей организации заключается в осуществлении упорядоченной и рациональной региональной политики в отношении использования поверхностных и грунтовых вод данного бассейна и мониторинга такой политики.

Колумбия

107. Колумбия и Боливарианская Республика Венесуэла учредили межнациональные комиссии по пограничным вопросам, которые представляют доклады непосредственно канцелярии Президента Республики и в состав которых входят гражданские служащие из различных департаментов, занимающихся каждым из соответствующих вопросов. Например, Комиссия по грунтовым водам состоит из представителей Министерства

[17] См. сноску 11, выше.

охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития, Колумбийского института геологии и горного дела, Института гидрологии, метеорологии и экологических исследований и региональных вспомогательных органов (региональные автономные корпорации), а также соответствующих представителей с венесуэльской стороны.

Дания

108. Не существует соглашений или совместных органов по рациональному использованию этих водоносных горизонтов, которые регулируются соответствующим внутригосударственным законодательством.

Катар, Латвия, Намибия, Норвегия, Пакистан, Сальвадор и Финляндия

109. В своих ответах на вопрос A.3 Намибия ответила "да"; Катар, Латвия и Норвегия ответили "нет", а Сальвадор ответил "нет" в отношении водоносных горизонтов и "да" в отношении общих природных ресурсов; Пакистан ответил "не относится".

Гондурас

110. Между Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа, Сальвадором, Европейским союзом и Центральноамериканским банком экономической интеграции заключено соглашение, вторая часть которого касается региональной программы рационального использования многонациональных водосборных бассейнов.

111. Вышеупомянутое соглашение содержится в добавлении 3 к пересмотренному Соглашению 8912 АЛА от 30 июня 2002 года. В этом соглашении содержатся следующие соответствующие пункты:

Кроме того, с учетом истощения грунтовых вод, которые становятся важным источником водоснабжения, необходимо начать осуществление информационно-пропагандистских программ и учебных программ с целью предупреждения загрязнения сточными водами, остаточными токсинами в результате сельскохозяйственной деятельности и от свалок твердых отходов.

Содействовать повышению качества жизни населения муниципалитетов в пограничных районах стран Центральной Америки путем принятия мер, направленных на уменьшение масштабов нищеты и уязвимости этих групп населения и укрепления потенциала для управления и социального участия.

Содействовать повышению качества и увеличению количества водных ресурсов в общих водосборных районах и тем самым предупреждению потенциальных международных конфликтов по поводу их использования и охраны.

Основные мероприятия, которые должны быть проведены для достижения результата 3: организации, институты и местные органы управления координируют и определяют меры в области развития с учетом интересов местных общин в выбранных микрорегионах.

Цель заключается в содействии развитию трансграничных районов и общих водосборных бассейнов….

Поощрение создания основ общей политики для проведения работы в общих водосборных бассейнах и пограничных районах.

В общих водосборных бассейнах программа деятельности будет осуществляться в четырех многонациональных водосборных бассейнах в пяти из семи стран, находящихся на Центральноамериканском перешейке.

Поддержка будет также оказываться созданию и функционированию органов по общим водосборным бассейнам.

Кения

112. Кения ответила, что не имеется совместных органов/механизмов заинтересованных государств по рациональному использованию этих водоносных горизонтов или иному сотрудничеству в отношении них.

Мексика

113. Что касается северной границы страны, то МПВК несет ответственность за мониторинг и осуществление международных договоров о границе и водных ресурсах, регулирование и реализацию прав и обязательств, вытекающих из этих договоров, и урегулирование любых разногласий, которые могут возникать в результате их применения. МПВК является международных органом, состоящим из Секции Соединенных Штатов Америки и Секции Мексики, каждую из которых возглавляет инженер-комиссар, назначенный президентом своей соответствующей страны.

114. Что касается южной границы, то существуют две международных комиссии, действующих самостоятельно по отношению друг к другу: МПВК Мексики и Гватемалы, состоящая из Секции Мексики и Секции Гватемалы, и МПВК Мексики и Белиза, состоящая из Секции Мексики и Секции Белиза. Каждая из комиссий является международным органом, разрабатывающим рекомендации и представляющим их правительствам Мексики и Гватемалы или, в последнем случае, правительствам Мексики и Белиза в целях решения двусторонних вопросов, касающихся границы и водных ресурсов.

Нидерланды

115. Нидерланды сообщили, что в настоящее время такого органа нет.

Польша

116. Польша сообщила о существовании следующих органов/механизмов: Международная комиссия по защите реки Одры от загрязнения; Польско-германская комиссия по трансграничным водным ресурсам; Польско-чешская комиссия по трансграничным водным ресурсам; Польско-словацкая комиссия по трансграничным водным ресурсам; Польско-украинская комиссия по трансграничным водным ресурсам и Польско-белорусская комиссия по трансграничным водным ресурсам.

Российская Федерация

117. В качестве части соглашений о сотрудничестве в отношении охраны и рационального использования водоемов созданы совместные комиссии по охране и ра-

циональному использованию трансграничных водоемов или назначены полномочные представители сторон. Сами соглашения определяют компетенцию совместных комиссий или полномочных представителей.

118. В рамках Содружества Независимых Государств вопросы состояния и использования водных ресурсов трансграничных водоемов, включая трансграничные водоносные горизонты, решаются Межправительственным советом по разведке, разработке и охране минеральных природных ресурсов государств-членов в контексте разработки соответствующих методов. Совет подготовил проект временных методологических рекомендаций в отношении мониторинга геологической среды приграничных территорий, включая грунтовые воды, в котором устанавливаются принципы и методы мониторинга состояния и использования грунтовых вод трансграничных водоносных горизонтов.

Соединенные Штаты Америки

119. Как указано в пункте 65 выше, работа МПВК, созданной согласно Договору о водных ресурсах 1944 года между Соединенными Штатами Америки и Мексикой[18], и работа ее предшественника, Международной пограничной комиссии, созданной в 1889 году, были почти полностью посвящены вопросам, касающимся поверхностных вод.

120. Международная совместная комиссия[19] была создана согласно Договору года между Соединенными Штатами Америки и Канадой о приграничных водных ресурсах, подписанному в Вашингтоне, округ Колумбия, 11 января 1909 года[20]. Как и работа МПВК, работа Комиссии была почти исключительно посвящена вопросам, касающимся поверхностных вод.

2. Ответы межправительственных организаций

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

121. Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы сообщил о существовании совместного органа по исследованию и освоению водоносного горизонта Нубийских песчаников.

Международная пограничная и водная комиссия

122. МПВК обладает юрисдикцией в отношении вопросов, касающихся границы между Мексикой и Соединенными Штатами и водных ресурсов этого района, и в этом контексте она координирует обмен информацией и проведение совместных исследований.

Управление бассейна реки Нигер

123. Управление бассейна реки Нигер сообщило, что министерства водных ресурсов пяти государств-членов занимаются главным образом вопросами рационального использования трансграничных водных ресурсов. Имеются также такие проекты в отношении трансграничных водоносных горизонтов, как проект по освоению водоносного горизонта Луллемеден, который осуществляется в настоящее время и охватывает Мали, Нигер и Нигерию.

E. Ответы на вопросы раздела A, вопрос 4

Если да, то просьба предоставить информацию относительно правовых основ, роли и функций совместных органов/механизмов.

1. Ответы правительств

Ботсвана

124. Ботсвана сообщила, что Сообщество развития Юга Африки утвердило региональный стратегический план действий по комплексному освоению водных ресурсов и управления ими. Для того, чтобы осуществить этот план, САДК учредило комитеты, такие как Технический комитет по водным ресурсам и Объединенный комитет министров, который собирается один раз в год, или по просьбе, для мониторинга прогресса или руководства программой.

Буркина-Фасо

125. В настоящий момент соответствующим действующим соглашением является Конвенция о создании Управления бассейна реки Нигер, основная цель которой заключается в содействии сотрудничеству между государствами-членами в области энергетики, водных ресурсов, сельского хозяйства, животноводства, рыболовства и рыбоводства, лесного хозяйства и освоения лесных ресурсов, транспорта и коммуникаций, а также промышленности.

Колумбия

126. В число правовых документов, определяющих роли и функции ведомств, органов и механизмов, входят следующие документы: Закон № 1911 от 1995 года, Декрет № 569 от 2001 года и Декрет № 523 (Региональная стратегия в отношении биологического разнообразия).

Сальвадор

127. Использованием трансграничных природных ресурсов (трансграничных водных бассейнов) руководит

---

[18] См. сноску 5, выше.

[19] Международная совместная комиссия является совместным механизмом, учрежденным по соглашению (см. в Интернете http://www.ijc.org).

[20] Charles I. Bevans, ed., *Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776–1949*, vol. 12 (Department of State publication 8761. Released 1974), p. 319.

канцелярия Вице-президента Республики посредством осуществления:

a) плана Трифинио, проекта, финансируемого МАГАТЭ;

b) трехсторонней программы по устойчивому развитию бассейна реки Верхняя Лемпа, в которой участвуют Гватемала, Гондурас и Сальвадор. Эта программа связана с планом Трифинио; и

c) двустороннего Генерального плана освоения бассейна реки Пас с участием Гватемалы и Сальвадора. Было предложено заключить соответствующее соглашение между этими двумя странами.

128. Все вышеизложенное имеет прямое отношение к природным ресурсам и водоносным горизонтам.

Катар, Кения, Нидерланды, Норвегия и Пакистан

129. В своих ответах на вопрос A.4 Катар, Кения, Нидерланды, Норвегия и Пакистан ответили "не относится".

Мексика

130. МПВК-Север: Конвенция об учреждении Международной пограничной комиссии для решения вопросов, возникающих в отношении русла реки РиоГранде и реки Колорадо, от 1 марта 1889 года[21] и Конвенция, устанавливающая неопределенный срок действия положений Конвенции от 22 декабря 1899 года, для обзора и вынесения решений по делам, представленным Международной пограничной комиссии[22], являются конвенциями, согласно которым на временной и окончательной основе, соответственно, была учреждена МПВК. Функция Комиссии заключается в наблюдении за выполнением положений международных договоров о границах и водных ресурсах, оказании правительству Мексики помощи в проведении дипломатических переговоров по соответствующим международным соглашениям и в эксплуатации и поддержании инфраструктуры, созданной согласно этим соглашениям, обеспечении территориальной целостности и содействии сохранению водных ресурсов с участием граждан на основе транспарентности и совместной работы.

131. МПВК-Юг: правовые основы МПВК-Юг установлены в результате обмена нотами между Мексикой и Гватемалой, образующими Соглашение об учреждении Международной пограничной и водной комиссии от 9 ноября и 21 декабря 1961 года, подписанными в Гватемале, а также Договор об укреплении Международной пограничной и водной комиссии, подписанный в Мехико 17 июля 1990 года.

132. Основная функция Комиссии заключается в представлении правительствам двух стран рекомендаций по вопросам, касающимся границ и водных ресурсов международных рек. Она также обладает полномочиями на проведение исследований и изучений и осуществление строительных проектов. Вопросы, решаемые Комиссией, которые должны быть представлены на рассмотрение правительств, входят в юрисдикцию министерств иностранных дел Мексики и Гватемалы.

133. МПВК-Юг Мексики и Белиза: правовые основы МПВК-Юг Мексики и Белиза установлены в результате обмена нотами об учреждении МПВК Мексики и Белиза от 6 июля и 6 ноября 1993 года.

134. Комиссия несет ответственность за проведение исследований и изучений в целях консультирования и представления рекомендаций правительствам обеих стран по вопросам, входящим в ее юрисдикцию.

Намибия

135. Намибия сообщила, что совместные органы/механизмы регулируются соглашениями на основе норм обычного международного права, касающихся водных ресурсов, и оптимальных видов практики.

Польша

136. Все комиссии были созданы на основании межправительственных соглашений.

Соединенные Штаты Америки

137. Как указано выше, с полной информацией, касающейся деятельности МПВК, можно ознакомиться на вебсайте http://www.ibwc.state.gov. С информацией о деятельности Международной совместной комиссии можно ознакомиться на вебсайте http://www.ijc.org. С основополагающими соглашениями можно также ознакомиться на этих вебсайтах.

2. Ответы межправительственных организаций

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

138. Совместный орган по исследованию и освоению водоносного горизонта Нубийских песчаников был создан в 1992 году со штаб-квартирой в Триполи, Ливийская Арабская Джамахирия, с отделениями в государствах-членах. Задачами Совместного органа являются следующие:

a) сбор всей информации, данных и результатов исследований, осуществляемый соответствующими странами. Классификация, анализ и согласование такой информации, данных и результатов исследований;

b) подготовка и проведение всех дополнительных исследований, требующихся для определения всех особенностей этого водоносного горизонта с точки зрения количества и качества водных ресурсов;

---

[21] См. сноску 14, выше.

[22] См. сноску 15, выше.

c) разработка программ и планов использования водных ресурсов, внесение предложений в отношении общей политики, касающейся освоения и использования водных ресурсов на национальном и региональном уровнях, осуществление общей политики в отношении водных ресурсов, а также разработка планов, программ и необходимых рамок для их осуществления;

d) установление научных основ рационального использования водных ресурсов этого водоносного горизонта;

e) налаживание сотрудничества в области подготовки кадров и деятельности, касающейся водных ресурсов;

f) рационализация использования водных ресурсов водоносного горизонта Нубийских песчаников в государствах-членах;

g) исследование экологических аспектов освоения грунтовых вод данного водоносного горизонта, борьба с опустыниванием и использование возобновляемых источников энергии;

h) организация симпозиумов и распространение информации о водоносном горизонте Нубийских песчаников и укрепление взаимоотношений с соответствующими региональными и международными организациями и институтами.

139. Совет директоров Совместного органа состоит из трех членов от каждого государства-члена, которые назначаются соответствующими министрами их стран. Председатель Совета избирается сроком на один год на основе ротации.

Международная пограничная и водная комиссия

140. С копиями Договора о водных ресурсах 1944 года[23], согласно которому была создана Комиссия и подписан протокол № 242, можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

F. Ответы на вопросы раздела B

Для федеративных государств: имеются ли в вашем государстве внутренние водоносные горизонты, которые простираются за границы политических субъектов?

1. Ответы правительств

Ботсвана, Буркина-Фасо, Катар, Кения, Кыргызстан, Латвия, Мексика, Монако, Нидерланды, Норвегия, Польша, Объединенные Арабские Эмираты и Соединенные Штаты Америки

141. В своих ответах на раздел B Мексика, Объединенные Арабские Эмираты и Соединенные Штаты ответили "да"; Буркина-Фасо и Польша ответили, что они не являются федеративными государствами, тогда как Ботсвана, Катар, Кения, Латвия, Монако, Нидерланды и Норвегия ответили "не относится". Кыргызстан ответил, что вопросы, поставленные в разделе B, не имеют к нему отношения.

Колумбия

142. Колумбия не имеет федеральной системы. Однако она разделена на 32 департамента, в каждом из которых имеется свой губернатор. Министерство охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития разрабатывает экологическую политику на национальном уровне. На региональном уровне существует геополитическое разделение на региональные автономные корпорации, являющиеся высшими органами по экологическим вопросам для какого-либо отдельного департамента, а иногда для двух или более департаментов. Существуют городские экологические группы в столицах департаментов, население которых насчитывает свыше одного миллиона человек. В целом в стране имеется 40 органов по охране окружающей среды.

143. С учетом вышеизложенного легко понять, что водоносные горизонты могут простираться за пределы территориальной юрисдикции различных политических и экологических административных органов.

Сальвадор

144. С учетом того, что Сальвадор не является федеративным государством, а его политико-административными единицами являются департаменты и муниципалитеты, что вся территория страны находится на тихоокеанской водосборной площади и что все поверхностные и грунтовые воды стекают в Тихий океан, водоносные горизонты и районы их подпитки простираются через муниципалитеты и департаменты под землей по подпочвенному слою во всей стране.

Намибия

145. Намибия подразделяется на 13 районов, причем в некоторых районах имеются водоносные горизонты, простирающиеся через их границы, однако порядок использования этих ресурсов контролируется централизованно департаментом водных ресурсов Министерства сельского хозяйства, водных ресурсов и развития сельских районов.

Пакистан

146. Пакистан сообщил, что в нем имеются водоносные горизонты грунтовых вод, простирающиеся за пределы границ провинций.

[23] См. сноску 5, выше.

Российская Федерация

147. Сотрудничество между субъектами Российской Федерации в отношении забора и использования грунтовых вод регулируется действующим законодательством Российской Федерации, касающимся минеральных и водных ресурсов, и не требует, чтобы эти субъекты Федерации заключали отдельные соглашения друг с другом.

2. Ответы межправительственных организаций

Международная пограничная и водная комиссия

148. МПВК ответила утвердительно.

G. Ответы на вопросы раздела B, вопрос 1

Если да, то существуют ли какие-либо договоренности или соглашения между ними относительно использования и освоения таких водоносных горизонтов или какого-либо иного сотрудничества в отношении них?

1. Ответы правительств

Колумбия

149. Научно-техническое сотрудничество может осуществляться на основе соглашения; если существует достаточный объем информации о водоносном горизонте, то создаются межведомственные научно-технические комитеты с участием государственных органов, которые занимаются вопросами исследований, управления и рационального использования ресурсов. Примеры таких договоренностей включают Институт гидрологии, метеорологии и экологических исследований, Колумбийский институт геологии и горного дела и компаний коммунального обслуживания (в случае городов Тунья, Санта-Марта, Синселехо, Богота, Сан−Андрес и других городов). Органы, ответственные за разведку и рациональное использование углеводородных ресурсов, такие, как Колумбийское нефтехимическое предприятие (ЭКОПЕТРОЛ) и Национальное углеводородное агентство (в случае водоносного горизонта Морроа), также могут принимать участие в этом.

150. После получения информации относительно водоносного горизонта разрабатываются планы его рационального использования с тем, чтобы гарантировать его устойчивое освоение и водоснабжение с точки зрения его качества и количества.

151. При поддержке со стороны Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и МАГАТЭ Программа комплексной охраны грунтовых вод в Колумбии была успешно разработана и осуществляется в отношении долины Каука и острова Сан−Андрес. В настоящее время такие ресурсы разрабатываются в муниципалитете Перейра и в департаментах Гуахира и Сукре.

Сальвадор

152. Сальвадор сообщил, что таких договоренностей или соглашений нет.

Катар, Кения, Намибия, Норвегия и Объединенные Арабские Эмираты

153. В своих ответах на вопрос B.1 Объединенные Арабские Эмираты указали "нет"; Намибия указала "нет ответа", тогда как Катар, Кения и Норвегия ответили "не относится".

Мексика

154. Водохозяйственные вопросы в Мексике регулируются Законом о национальных водных ресурсах под управлением Национальной комиссии по водным ресурсам. Штаты принимают в этом участие в качестве членов советов по речным бассейнам, которые представляют собой инструменты обеспечения координации, достижения консенсуса, оказания поддержки, проведения консультаций и вынесения рекомендаций. И штаты, и частные лица могут получать водные концессии от Национальной комиссии по водным ресурсам.

Пакистан

155. Пакистан сообщил, что таких договоренностей или соглашений нет.

Соединенные Штаты Америки

156. В Соединенных Штатах Америки действуют и законодательство штатов, и федеральное законодательство, относящиеся к рациональному использованию водных ресурсов. Существует множество договоренностей и соглашений между штатами относительно рационального использования поверхностных вод; существует меньшее число таких договоренностей, которые также затрагивают вопросы рационального использования грунтовых вод. Примерами последних договоренностей являются Соглашение о реке Репабликан-ривер и Соглашение о реке Арканзас.

2. Ответы межправительственных организаций

Международная пограничная и водная комиссия

157. Вопросы рационального использования водных ресурсов в Мексике регулируются Законом о национальных водных ресурсах, который осуществляется под

руководством Национальной комиссии по водным ресурсам. Штаты принимают в этом участие в качестве членов советов по речным бассейнам, которые обеспечивают координацию, достижение консенсуса, оказание поддержки, проведение консультаций и вынесение рекомендаций. Национальная комиссия по водным ресурсам вправе предоставлять концессии штатам и частным лицам.

Управление бассейна реки Нигер

158. Договоренности будут достигнуты в рамках процесса "Общее видение", который в настоящее время осуществляется в отношении бассейна реки Нигер.

H. Ответы на вопросы раздела B, вопрос 2

Если да, то просьба предоставить аналогичную информацию, как указано в вопросах A.2–A.4.

1. Ответы правительств

Колумбия

159. Копии руководства для представления проектов в отношении грунтовых вод, исполнительное резюме Программы комплексной охраны грунтовых вод в Колумбии и документ, определяющий водоносные горизонты в Морроа, Сукре и других районах, были представлены на испанском языке, и с ними можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Катар, Кения, Намибия, Норвегия и Пакистан

160. В своих ответах на вопрос B.2 Намибия указала "нет ответа", тогда как Катар, Кения, Норвегия и Пакистан указали "не относится".

Мексика

161. Копия Закона о национальных водных ресурсах (*Официальный журнал Федерации*, 29 апреля 2004 года) была представлена на испанском языке, и с нею можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Соединенные Штаты Америки

162. С информацией о вышеупомянутых показательных соглашениях, т.е. о Соглашении о реке Репабликан и Соглашении о реке Арканзас, можно ознакомиться на вебсайтах: http://water.state.co.us и http://cwcb.state.co.us.

2. Ответы межправительственных организаций

Международная пограничная и водная комиссия

163. Копия Закона о национальных водных ресурсах была представлена на испанском языке, и с нею можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Управление бассейна реки Нигер

164. Управление бассейна реки Нигер ответило "пока не располагаем".

I. Ответы на вопросы раздела C

Если ответы на вопросы A.1 и B.1 являются утвердительными, то просьба ответить на следующие вопросы относительно содержания соглашений и договоренностей.

Ответы правительств

Дания

165. Между Данией и Германией нет договоренностей относительно распределения водных ресурсов. Кроме того, нет и положений, касающихся освоения или совместного рационального использования водных ресурсов или контроля над ними.

166. Несколько лет тому назад область Южная Ютландия участвовала в проекте, касающемся грунтовых вод в этом регионе. С докладом об этом проекте можно ознакомиться на веб-сайте области в Интернете.

Катар, Кения, Латвия, Монако, Норвегия и Пакистан

167. В своих ответах на вопрос C Латвия указала, что ответом на вопросы A.1 и B.1 является "нет", тогда как Катар, Кения, Монако, Норвегия и Пакистан ответили "не относится".

Соединенные Штаты Америки

168. Соединенные Штаты Америки не ознакомлены в достаточной степени с деталями соглашений между штатами относительно водных ресурсов для того, чтобы ответить на вопросы, содержащиеся в разделе C и касающиеся соглашений, охватываемых вопросом B.1.

J. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 1

Существуют ли какие-либо положения, касающиеся *распределения* водных ресурсов?

1. Ответы правительств

Беларусь, Катар, Кения, Польша и Сальвадор

169. В своих ответах на вопрос C.1 Беларусь, Польша и Сальвадор ответили "нет", тогда как Катар и Кения указали "не относится".

Ботсвана

170. Ботсвана ответила "да", но это относится только к Пересмотренному протоколу по разделяемым водотокам Сообщества развития Юга Африки: статьи об общих принципах и общих соглашениях о водотоках.

Буркина-Фасо

171. Конвенция о создании Управления бассейна реки Нигер не содержит каких-либо положений о распределении и использовании водных ресурсов или о совместном управлении этими ресурсами или контроле над ними.

Колумбия

172. Колумбия сообщила, что положений о распределении водных ресурсов нет. Соглашения о межведомственном сотрудничестве направлены на проведение исследований в отношении водных ресурсов и управление их освоением. До настоящего момента не было проведено каких-либо мероприятий по распределению ресурсов грунтовых вод.

Кыргызстан

173. Кыргызстан ответил, что, поскольку в некоторых отношениях ответы на вопросы, содержащиеся в разделах A и C, до некоторой степени совпадают, информация излагается ниже совокупным и последовательным образом без учета порядка постановки вопросов.

174. Позиция Кыргызстана по вопросам регулирования гидроэнергетических отношений с государствами Центральной Азии изложена в Законе Кыргызстана о межгосударственном использовании водных структур, водных ресурсов и водохозяйственных объектов от 29 июня 2001 года. Она также основывается на принципах и нормах общего международного права, в частности на Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков, принятой Генеральной Ассамблеей в 1997 году.

175. В соответствии со статьей 2 Соглашения между Кыргызстаном и Казахстаном об использовании межгосударственных водохозяйственных объектов стороны включают в число межгосударственных водохозяйственных объектов следующие водохозяйственные объекты, принадлежащие Кыргызстану:

a) Орто-Токойское водохранилище;

b) Чуйский железобетонный водный канал вдоль реки Чу из Быстровской гидроэлектростанции в город Токмак;

c) западные и восточные каналы и объекты Большого Чуйского канала;

d) Чумышский гидроинженерный комплекс на реке Чу;

e) Кировское водохранилище на реке Талас.

176. Для обеспечения функционирования согласованной системы использования водноэнергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья в целях удовлетворения ирригационных и энергетических потребностей в соответствии с Соглашением между правительствами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана об использовании водноэнергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья от 17 марта 1998 года каждый год подписываются двусторонние межправительственные соглашения об использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ.

177. Несмотря на требования вышеупомянутого Соглашения от 17 марта 1998 года, Узбекистан не подписывал ежегодные двусторонние межправительственные соглашения с 2003 года.

178. Из-за его отказа подписать протокол об использовании водноэнергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ в 2003 году и в первом квартале 2004 года в соответствии с заключенным между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном Протоколом об использовании водноэнергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ Узбекистан нарушил следующие международно-правовые обязательства:

a) пункт 1 статьи 8 Соглашения между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном об использовании водноэнергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья предусматривает: "Режим работы водохранилищ, объемы перетоков электроэнергии, поставки энергоносителей утверждаются ежегодными межправительственными соглашениями…";

b) статья 3 Соглашения предусматривает: "Стороны обязуются не предпринимать действий, нарушающих согласованный режим водопользования и поставок энергоресурсов, а также ущемляющих права других

сторон на получение взаимосогласованных объемов воды, поставок энергоресурсов и их транзита по своей территории";

c) пункт 2 статьи 4 заключенного между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном Протокола об использовании водноэнергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ в 2003 году и в первом квартале 2004 года, который вступил в силу в день его подписания, предусматривает: "Конкретные виды и объемы сделок и цены на единицу поставленной продукции и услуг регулируются двусторонними протоколами, заключаемыми между Кыргызстаном и Казахстаном и между правительством Кыргызстана и правительством Узбекистана".

179. В настоящее время в качестве последующей меры в связи с предложением Казахстана разрабатывается новый проект рамочного соглашения между правительствами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья. Этот проект рассматривался на совещании экспертов на уровне министров, отвечающих за гидроэнергетические установки государств – членов Организации "Центральноазиатское сотрудничество", проходившем 14 и 15 марта 2005 года в Бишкеке.

180. Однако Узбекистан не принимал участия в этом совещании, и в целом занимает неконструктивную позицию по вопросам водно-энергетического сотрудничества, не выполняя ранее заключенные международные соглашения и не участвуя в разработке новых соглашений.

181. Кыргызстан выступает за развитие взаимовыгодного сотрудничества по всем региональным вопросам, включая вопросы гидроэнергетической сферы, в соответствии с международным правом и придает большое значение рациональному и эффективному использованию водно-энергетических ресурсов Центральной Азии.

Мексика

182. Мексика ответила утвердительно, указав, однако, на то, что существует договоренность в отношении только одного трансграничного водоносного горизонта.

Намибия

183. Намибия сообщила, что не существует международных соглашений, предусматривающих порядок распределения ресурсов грунтовых вод. Что касается распределения ресурсов поверхностных вод, то между Анголой и Намибией заключено соглашение, предусматривающее, что каждое государство вправе использовать половину водных ресурсов реки Кунене. Нынешний сток водосбора реки Оранжевой регулируется плотинами водохранилища в Южной Африке. Между Южной Африкой и Намибией достигнута договоренность, согласно которой Намибия вправе осуществлять забор 110 млн. куб. метров воды ежегодно из этих водохранилищ до тех пор, пока не будет создана новая инфраструктура, регулирующая водосток реки Оранжевой также для целей Намибии.

Нидерланды

184. Нидерланды ответили, что в настоящее время такой договоренности нет. Что касается вопросов, относящихся к содержанию и толкованию Европейской рамочной директивы в отношении водных ресурсов[24] и предлагаемой директивы в отношении грунтовых вод[25], то по этому поводу следует снестись с Европейской комиссией.

Российская Федерация

185. Вопросы распределения водных ресурсов не затрагиваются в соглашениях, которые указывают, что такие вопросы должны решаться по соглашению между сторонами. Например, они "определяют межправительственное распределение водных ресурсов для конкретных водоемов с учетом экологического объема стока воды" или "одобряют программы для всеобъемлющего использования и охраны водных ресурсов или водохозяйственных балансов трансграничных водоемов".

Соединенные Штаты Америки

186. Что касается Соединенных Штатов Америки и Мексики, то Протокол № 242 МПВК, заключенный между двумя странами, содержит определенные ограничения в отношении объема откачки воды для каждой стороны.

2. Ответы межправительственных организаций

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

187. Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы ответил, что не существует положений, касающихся распределения водных ресурсов и содержащихся в соглашениях, которые упоминаются в ответе на вопрос A.1. Однако в период осуществления "Программы по разработке региональной стратегии использования водоносного горизонта Нубийских песчаников" использовалась математическая модель для имитации сценариев водозабора на основе планов будущего развития стран региона. Такое моделирование осуществлялось вплоть до 2060 года, и была рекомендована стратегия использования, в том числе объемы водозабора на каждый район развития в пределах данного водоносного горизонта. Эти рекомендации были представлены и одобрены официальными представителями данных четырех затрагиваемых стран.

---

[24] См. сноску 8, выше.

[25] См. сноску 9, выше.

Международная пограничная и водная комиссия

188. МПВК ответила утвердительно; эти положения сосредоточиваются только на одном водоносном горизонте, простирающемся вдоль границы.

Управление бассейна реки Нигер

189. Управление бассейна реки Нигер осуществляет процесс "Общее видение", который будет предусматривать распределение общих водных ресурсов между государствами-членами.

K. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 2

Если да, то просьба охарактеризовать договоренность, каким образом она действует и существуют ли какие−либо области, в которых, возможно, необходимы улучшения.

1. Ответы правительств

Ботсвана

190. Ботсвана заявила, что не так много можно сказать об улучшениях, которые могут потребоваться, в дополнение к тому, чтобы подчеркнуть важность гармонизации законов, правил и политики для государств-членов в целях эффективного управления трансграничными природными ресурсами, выраженное в Протоколе по разделяемым водотокам Сообщества развития Юга Африки.

Колумбия

191. Хотя таких договоренностей достигнуто не было, некоторые аспекты следует улучшить. Рассматривается предложение о принятии закона о водных ресурсах, внесенного при поддержке со стороны Министерства охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития и Конгресса Республики. Этот закон охватывает, в частности, разведку, разработку, охрану зон водной подпитки, объемы водопользования, процедуры и юрисдикцию.

Катар, Кения, Намибия, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

192. В своих ответах на вопрос C.2 Сальвадор ответил отрицательно, тогда как Намибия указала "нет ответа", а Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

Мексика

193. Пункт 5 Протокола № 242 МПВК предусматривает, что до заключения всеобъемлющего соглашения каждая страна ограничивает объем откачки грунтовых вод на своей территории 197 358 000 куб. метров ежегодно в пределах полосы вдоль границы шириной 8 км. Однако пункт 6 устанавливает обязательство проводить взаимные консультации до начала разработки любого нового проекта в отношении ресурсов либо поверхностных, либо грунтовых вод или внесения существенных изменений в текущие проекты, которые могут оказать неблагоприятное воздействие на другую страну.

Соединенные Штаты Америки

194. Что касается Соединенных Штатов Америки и Мексики, то Протокол № 242 МПВК, заключенный между двумя странами, конкретно предусматривает, что каждая сторона ограничивает откачку грунтовых вод на своей территории в пределах пяти миль от границы между Аризоной и Сонорой возле Сан−Луиса 160 000 акро-футами ежегодно (197 358 000 куб. метров). Он также предусматривает, что две стороны консультируются друг с другом до осуществления любого нового проекта освоения ресурсов либо поверхностных, либо грунтовых вод или внесения существенных изменений в текущие проекты на своей территории, которые могут оказать неблагоприятное воздействие на другую страну. Не существует положений, касающихся использования ресурсов грунтовых вод, помимо тех, которые указаны выше.

195. Что касается Соединенных Штатов Америки и Канады, то в приложении 16 к Соглашению о качестве водных ресурсов Великих озер[26] затрагивается проблема загрязнения грунтовых вод, воздействующего на приграничные водные ресурсы системы Великих озер. Оно не содержит каких-либо положений о распределении водных ресурсов. Оно не содержит и каких-либо положений о видах их использования. Оно предусматривает, что две стороны, в частности, сотрудничают в выявлении существующих и потенциальных источников грунтовых вод и "в осуществлении контроля над источниками загрязнения грунтовых вод и над самой загрязненной грунтовой водой после выявления данной проблемы".

2. Ответы межправительственных организаций

Международная пограничная и водная комиссия

196. Пункт 5 Протокола № 242 МПВК, заключенного между Мексикой и Соединенными Штатами, предусматривает, что до заключения всеобъемлющего соглашения о грунтовых водах в приграничных районах каждая страна ограничивает объем откачки грунтовых вод на своей территории в пределах полосы шириной восемь километров от границы между Аризоной и Сонорой возле Сан−Луиса 197 358 000 куб. метров ежегодно. Не установлено каких-либо конкретных положений о распределении водных ресурсов в остальной части по-

[26] См. сноску 11, выше.

граничного района, однако пункт 6 устанавливает, что две страны проводят консультации друг с другом до осуществления любого нового проекта по освоению ресурсов либо поверхностных, либо грунтовых вод или внесения существенных изменений в нынешние проекты, которые могут оказать неблагоприятное воздействие на другую страну. МПВК не представила каких−либо ответов на вопросы С.6–8 и 10–12.

Управление бассейна реки Нигер и Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

197. В своих ответах на вопросы С.2–8 и 10–12 Управление бассейна реки Нигер ответило "не относится". Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы и МПВК не представили каких-либо ответов на вопросы С.6–8 и 10–12.

L. Ответы на вопросы раздела С, вопрос 3

Если ответ на вопрос С.1 является утвердительным, то существуют ли какие-либо планы пересмотра договоренностей/соглашений?

1. Ответы правительств

Ботсвана

198. Ботсвана ответила "нет". Необходимость пересмотра будет возникать в процессе реализации программ и государства-члены понимают, что есть недостатки и узкие места, которые должны быть устранены или урегулированы.

Колумбия

199. Не существует планов пересмотра договоренностей или соглашений, поскольку их нет. Однако в законопроекте о водных ресурсах учитываются аспекты, затронутые в ответе на вопрос С.2 в пункте 181 выше.

Катар, Кения, Намибия, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

200. В своих ответах на вопрос С.3 Сальвадор ответил отрицательно, тогда как Намибия указала "нет ответа", а Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

Мексика

201. Проводилась работа в отношении обмена информацией и развития общих исследований для определения технических компонентов в качестве основы для возможного заключения последующих соглашений, а также возможных компонентов потенциального соглашения о географическом распределении водоносных горизонтов, объеме накопленных познаний и разнообразия органов, обладающих юрисдикцией в отношении данного ресурса.

Соединенные Штаты Америки

202. Что касается Протокола № 242 МПВК, заключенного между Соединенными Штатами и Мексикой, то в настоящее время нет планов пересмотра этого соглашения. Что касается Соединенных Штатов и Канады, то Соединенным Штатам Америки не известно о каких-либо планах пересмотра приложения 16.

2. Ответы межправительственных организаций

Международная пограничная и водная комиссия

203. Осуществляется обмен информацией, и проводятся совместные исследования с целью разработки технических основ возможных будущих соглашений. Кроме того, предпринимаются усилия по определению вопросов, которые должны охватываться возможным соглашением, с учетом географического распределения водоносных горизонтов, накопленных познаний и разнообразия юрисдикции в отношении ресурсов.

M. Ответы на вопросы раздела С, вопрос 4

Если да, то просьба указать основные аспекты, которые подлежат пересмотру (в том числе порядок предусматриваемого пересмотра).

1. Ответы правительств

Ботсвана, Катар, Кения, Намибия, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

204. В своих ответах на вопрос С.4 Сальвадор ответил отрицательно, тогда как Намибия указала "нет ответа", а Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

Колумбия

205. Даже хотя таких планов не существует, подлежащие пересмотру аспекты относятся к вопросам, которые обсуждались в ответе на вопрос С.2 выше.

Мексика

206. В общих выражениях было признано важное значение исследования, сохранения и охраны грунтовых вод. В связи с этими возможными компонентами, рассматривающимися с точки зрения включения в соглашение, являются инвентарный перечень и совместное обследование водоносных горизонтов, создание и поддержание базы данных, определение районов сохранения и охраны, проведение систематических консульта-

ций под эгидой Комиссии, направление уведомлений в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и принятие ответных мер в таких случаях, а также проведение публичных слушаний.

2. Ответы межправительственных организаций

Международная пограничная и водная комиссия

207. В общих выражениях было признано важное значение исследования, сохранения и охраны грунтовых вод. Соответственно рассматривается возможность включения в соглашение таких вопросов, как составление инвентарного перечня и совместное обследование водоносных горизонтов, создание и поддержание базы данных, определение районов сохранения и охраны, проведение систематических консультаций между членами МПВК, направление уведомлений в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и принятие соответствующих мер в таких случаях, а также проведение консультаций с общественностью.

N. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 5

Существуют ли какие-либо положения, касающиеся использования водных ресурсов?

1. Ответы правительств

Ботсвана, Катар, Кения, Колумбия, Пакистан, Польша и Сальвадор

208. В своих ответах на вопрос C.5 Ботсвана, Колумбия и Польша указали "да", Сальвадор ответил отрицательно, тогда как Катар, Кения и Пакистан ответили "не относится".

Гондурас

209. Гондурас сообщил, что существуют положения, касающиеся использования водных ресурсов, в том числе следующие положения:

a) статья 614 Гражданского кодекса предусматривает, что право собственности на почву включает право собственности на нижние слои и на поверхность в рамках вертикальных планов обследованного на границах имущества, как это требуется с учетом интересов собственника в отношении использования им этого имущества. Статья 616 Кодекса предусматривает, что те предметы, характер которых является общим для всего человечества, не являются объектом права собственности. Пользование и владение ими определяются в отношениях между частными лицами страны в соответствии с ее законодательством, а в отношениях между странами – в соответствии с международным правом;

b) в статье 92 *b* Общего закона об охране окружающей среды предусматривается, что грунтовые воды не должны загрязняться в результате проникновения (загрязнителей) в почву или подпочву;

c) статья 107 этого же Закона предусматривает, что государство и население в целом прилагают все усилия для обеспечения того, чтобы на национальной территории не имело места какое−либо негативное воздействие на окружающую среду в результате промышленной, сельскохозяйственной, лесной или животноводческой деятельности, осуществляемой в других странах, и с этой целью подписываются договоры и соглашения или достигаются международные договоренности для охраны окружающей среды или гарантирования качества жизни населения;

d) статья 28 *i* Закона устанавливает, что за рациональное использование водосборных бассейнов ответственность несет исполнительная власть;

e) в последнем пункте статьи 34 Закона устанавливается обязательство разрабатывать план рационального использования водных ресурсов и проводить исследование по вопросу о воздействии на окружающую среду до осуществления любого гидроэнергетического, ирригационного или иного проекта, предусматривающего широкомасштабное использование поверхностных или грунтовых вод в пределах национальной территории;

f) статья 13 *m* Общих постановлений Закона об охране окружающей среды предусматривает, что налаживаются и поддерживаются отношения сотрудничества с ведомствами, которые обладают компетенцией по экологическим вопросам, будь то государственными или частными, национальными или зарубежными;

g) статья 4 Рамочного закона о питьевой воде и секторе санитарии касается грунтовых вод, в отношении которых муниципалитеты имеют преимущественное право. Этот аспект также упоминается в статье 24.

210. Как можно видеть из вышеупомянутых положений, законодательство Гондураса позволяет вести переговоры и регулировать использование трансграничных грунтовых вод после того, как их местонахождение и необходимость в их использовании были определены.

211. Соответствующие положения Гражданского кодекса, Общего закона об охране окружающей среды, Общих постановлений Закона об охране окружающей среды и Рамочного закона о питьевой воде и секторе санитарии были представлены на испанском языке, и с ними можно ознакомиться в Отделе кодификации Управления по правовым вопросам.

Мексика

212. Мексика ответила, что положений об использовании общих ресурсов нет.

Намибия

213. Намибия ответила, что соглашения о создании указанных комиссий по водным ресурсам не содержат положений относительно того, каким образом каждое государство должно использовать водные ресурсы, за исключением таких обычных слов, как "справедливое и разумное" или "не причиняющее существенного вреда" или "взаимовыгодное" и т.п.

Нидерланды

214. Нидерланды ответили, что в настоящее время положений об этом нет. Что касается вопросов, относящихся к содержанию и толкованию Рамочной директивы Европейского сообщества в отношении водных ресурсов и предлагаемой директивы в отношении грунтовых вод[27], то по этому поводу следует снестись с Европейской комиссией.

Российская Федерация

215. Российская Федерация ответила, что вопросы, касающиеся использования трансграничных водоемов, регулируются каждой из сторон, разрабатывающей "единые планы в отношении бассейна в целях охраны и использования трансграничных водных ресурсов" или "проекты мер по рациональному использованию и охране водных ресурсов в отношении трансграничных водоемов, находящихся на их территории, которые согласованы между сторонами"; каждая сторона "обязана воздерживаться от принятия на своей территории мер, которые, по всей вероятности, могут привести к нарушению согласованных договоренностей в отношении использования трансграничных водоемов".

2. Ответы межправительственных организаций

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы, Международная пограничная и водная комиссия и Управление бассейна реки Нигер

216. В своих ответах на вопрос C.5 Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы и Международная пограничная и водная комиссия ответили "нет", тогда как Управление бассейна реки Нигер указало "не относится".

O. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 6

Если да, то просьба охарактеризовать договоренность, каким образом она действует и существуют ли какие-либо области, в которых, возможно, необходимы улучшения.

Ответы правительств

Ботсвана

217. Ботсвана сообщила, что это связано с заключением общих соглашений о водотоках и, как только они вступят в силу, с ведением переговоров по вопросу об использовании. Большинство соглашений все еще являются новыми, и было бы трудно определить области, которые нуждаются в улучшении.

Колумбия

218. Применимыми нормами и их целями являются следующие:

a) статьи 78, 79 и 80 Конституции Колумбии предусматривают, что в обязанности государства входят охрана разнообразия и целостности окружающей среды; содействие просветительной работе в области охраны окружающей среды; предупреждение и контролирование факторов, сопряженных с ухудшением состояния окружающей среды; а также установление правовых мер наказания и требования компенсации за ущерб, причиненный окружающей среде.

b) Декрет № 2811 от 1974 года (о национальном кодексе природных ресурсов) является первым законом, принятым в Колумбии в отношении окружающей среды и природных ресурсов. В Декрете содержатся следующие конкретные статьи, касающиеся грунтовых вод: статья 11 указывает, что грунтовые воды, которые служат в качестве границ или простираются за пределы границ Колумбии, являются природными ресурсами; статья 18 предусматривает выплату компенсационных сборов и налогов на загрязнение; статья 32 касается вопросов предупреждения в отношении ухудшения состояния окружающей среды и причинения вреда здоровью человека и других живых организмов; статья 39 затрагивает вопросы предупреждения и контроля последствий, вредных для окружающей среды, возникающих в результате использования или разработки невозобновляемых природных ресурсов, и упоминает об условиях и требованиях в отношении грунтовых вод; статья 43 касается объемов водопользования; статья 77 включает положения, регулирующие порядок освоения неморских водных ресурсов в любом их состоянии и формах, включая грунтовые воды; статья 78 предусматривает исключение атмосферных и грунтовых вод, в то время как другие источники водных ресурсов рассматриваются как поверхностные воды; статья 83 *f* устанавливает, что, за исключением прав, приобретенных частными лицами, пласты или запасы грунтовых вод являются неотъемлемой собственностью государства; и статья 138 указывает, что будут выделены районы, в которых запрещено загрязнение в результате удаления отходов, сброса необработанных или остаточных вод в количестве и концентрации, превышающих разрешенные уровни.

c) Раздел VII Декрета посвящен исключительно грунтовым водам. Статьи 149–154 этого раздела охва-

[27] См. сноски 8–9, выше.

тывают вопросы, касающиеся преимущественного права на использование грунтовых вод, их охраны и освоения, средств предупреждения загрязнения и истощения, изменений в порядке выдачи разрешений на водопользование с учетом состояния водоносного горизонта и необходимости рационального освоения этого ресурса. Статья 312 разъясняет, что означает выражение "район или бассейн водосбора"; статья 313 предусматривает, что, когда границы грунтовых вод бассейна не совпадают с границами водосборной площади, они будут расширены под землей за пределы разделяющей поверхностной линии для включения границ водоносных горизонтов, воды которых протекают в направлении бассейна, демаркированного поверхностными водами. Статья 314 предусматривает, что государственные органы несут ответственность за организацию совмещенного использования поверхностных, грунтовых и атмосферных вод.

d) Закон № 373 от 1997 года касается программы эффективного использования и сохранения водных ресурсов. Статья 2 Закона предусматривает, что программа эффективного использования и сохранения водных ресурсов охватывает пятилетний период и должна основываться на анализе предложения воды из источников распределения и спроса на воду. Она также должна содержать годовые целевые показатели в отношении уменьшения сброса отходов, проведения пропагандистско-информационных кампаний в общинах, использования поверхностных, дождевых и грунтовых вод, установления стимулов и решения других вопросов, определяемых региональными автономными корпорациями и другими органами по охране окружающей среды, определения источников водоснабжения и монтажа установок для удаления сточных вод, интересов в области ирригации и дренажа, гидроэлектростанций и других пользователей водных ресурсов, если это требуется для осуществления данной программы.

e) Декрет № 1541 от 1978 года: в главе II конкретно указываются виды использования в силу закона, определяются порядок использования, освоения, формы и виды концессий для различных категорий водных ресурсов, характерные особенности и виды концессий, виды работ и меры по совершенствованию водопользования, а также порядок использования вод для сплава и транспортировки леса.

f) Закон № 9 от 1979 года (Национальный кодекс здравоохранения): этот документ устанавливает процедуры и средства регулирования и контролирования сброса отходов.

g) Декрет № 1594 от 1984 года включает постановления, касающиеся положений Национального кодекса природных ресурсов и Закона № 9 от 1979 года в связи с вопросами, затрагивающими использование водных ресурсов и остаточных жидкостей. В отношении остаточных вод в нем определяются пределы сброса веществ, которые могут оказывать вредное воздействие на здоровье или окружающую среду, и в нем устанавливаются процедуры получения разрешения на сброс отходов, предлагаются компенсационные сборы, методы лабораторного анализа и исследования по вопросам воздействия на окружающую среду.

h) Закон № 99 от 1993 года предусматривает учреждение Министерства охраны окружающей среды, в настоящее время Министерство охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития, создание национальной системы охраны окружающей среды и предусматривает реорганизацию национального и регионального экологического сектора, несущего ответственность за регулирование и сохранение окружающей среды и использование возобновляемых природных ресурсов. В нем конкретно указывается, что региональные автономные корпорации являются высшими региональными органами по охране окружающей среды в своих сферах юрисдикции, обладающими полномочиями на выдачу разрешений на использование и освоение природных ресурсов а также на выполнение функций, касающихся оценки, контроля и экологического мониторинга использования вод, почвы, воздуха и других возобновляемых природных ресурсов. Закон также включает полномочия на принятие мер по предупреждению загрязнения природных ресурсов в результате удаления отходов, эмиссии или привнесения жидких, твердых и газообразных веществ или остаточных материалов в любой форме в водные ресурсы любого вида, в воздух или почву, а также удаления отходов, которые могут причинить ущерб или поставить под угрозу нормальное устойчивое освоение возобновляемых природных ресурсов или воспрепятствовать или создавать помехи их использованию в иных целях, а также устанавливает санкции за нарушение экологических норм.

i) Кроме того, данный Закон предоставляет экологическим органам муниципалитетов, имеющим свыше 1 млн. жителей, и таким же органам округов те же полномочия, что и региональным автономным корпорациям, и возлагает на них конкретную задачу осуществления работ и проектов по очистке водных потоков или водоемов, затрагиваемых муниципальным сбросом отходов.

j) Закон № 142 от 1994 года касается системы коммунального обслуживания домашних хозяйств. Закон определяет компетенцию муниципалитетов по обеспечению эффективного предоставления домашним хозяйствам канализационных услуг, которые включают обработку и окончательное удаление остаточных вод. Кроме того, в нем конкретно указывается, что те субъекты, которые предоставляют домашним хозяйствам коммунальные услуги, должны обеспечивать охрану окружающей среды тогда, когда их деятельность может на нее воздействовать.

k) Закон № 388 от 1997 года устанавливает принципы территориального управления и определяет критерии землепользования. В нем также указывается на необходимость обеспечивать охрану источников воды и районов подпитки водоносных горизонтов.

l) Закон № 715 от 2001 года предусматривает создание общей системы участия в освоении ресурсов,

которые государство передает территориальным органам. Категория участия в общих целях включает источники питьевой воды и базовую санитарию. Муниципалитеты несут ответственность за содействие, финансирование или совместное финансирование проектов по очистке водотоков, затрагиваемых сбросом отходов, а также за осуществление программ в отношении удаления отходов, ликвидации и переработки жидких и твердых остаточных веществ в числе других программ.

m) Закон № 812 от 2003 года касается национального плана развития на 2003–2006 годы: на пути к сбору статистики в отношении общин. С целью содействия устойчивому экономическому росту Закон определяет устойчивую стратегию охраны окружающей среды и, в качестве приоритетной деятельности по программе "комплексного регулирования водопользования", предусматривает меры по предупреждению и контролю над загрязнением посредством разработки и осуществления плана регулирования удаления остаточных вод в соответствии с руководящими принципами, установленными Национальным советом по экономической и социальной политике в документе 3177.

n) документ Национального совета по экономической и социальной политике 3177 от 2002 года касается приоритетных мер и принципов разработки национального плана регулирования сброса остаточных вод. В этом документе определяются неотложные задачи и принципы разработки плана с целью содействия улучшению качества водных ресурсов страны. В нем также предусматривается пять приоритетных видов деятельности, отражающихся в необходимости определения приоритетов в управлении, разработки региональных стратегий управления, пересмотра и обновления секторальной совокупности норм, координации источников финансирования и укрепления институциональной стратегии для осуществления плана.

o) Декрет № 3100 от 2003 года определяет порядок осуществления статей 42–43 Закона № 99 от 1993 года в отношении взимания компенсационных сборов за сброс конкретных жидких отходов в водоемы. Компенсационный сбор представляет собой плату за прямое или косвенное использование водных ресурсов для конкретного сброса отходов и за вредные последствия этого для окружающей среды. Декрет предусматривает принятие плана по очистке отходов и управлению их удалением.

p) Резолюция № 372 (1998 год) устанавливает сумму минимальных сборов за удовлетворение биохимической потребности в кислороде и общее содержание твердых взвешенных веществ.

q) Декрет № 155 от января 2004 года предусматривает порядок осуществления статьи 43 Закона № 99 от 1993 года, которая предусматривает установление минимального сбора за использование водных ресурсов, включая грунтовые воды, и резолюция № 240 от марта 2004 года о применении методологии, предусмотренной Декретом № 155/04.

Катар, Кения, Намибия, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

219. В своих ответах на вопрос C.6 Сальвадор ответил отрицательно, тогда как Намибия указала "нет ответа", а Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

Польша

220. Польша сообщила, что ее национальные договоренности действуют надлежащим образом. Необходимости в улучшениях нет. Проблемы решаются соответствующими комиссиями.

P. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 7

Если ответ на вопрос C.5 является утвердительным, то существуют ли какие-либо планы пересмотра договоренностей/соглашений?

ОТВЕТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

221. В своих ответах на вопрос C.7 Ботсвана и Сальвадор ответили отрицательно, тогда как Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

Колумбия

222. Декрет № 1729 от 6 августа 2002 года предусматривает порядок осуществления раздела 2 части XIII главы III Декрета-закона № 2811 от 1974 года, касающегося водосборных бассейнов, и, в частности, пункта 12 статьи 5 Закона № 99 от 1993 года, цель которого заключается в регулировании использования водосборных бассейнов. В нем указывается, что основная цель регулирования использования водосборных бассейнов заключается в планировании использования и устойчивого освоения его возобновляемых природных ресурсов, с тем чтобы можно было поддерживать или восстанавливать надлежащий баланс между экономическим освоением таких ресурсов и сохранением физической и биологической структуры бассейна, особенно его водных ресурсов.

223. Регулирование использования водосборного бассейна, предусмотренное в таком порядке, устанавливает рамки, в которых осуществляется планирование устойчивого использование бассейна и реализуются конкретные программы и проекты, направленные на сохранение и охрану бассейна, предупреждение ухудшения его состояния и/или его восстановление.

224. Регулирование использования водосборного бассейна осуществляется, среди прочего, с учетом следующих принципов и руководящих положений:

a) особая охрана требуется для плато и высоких плато, водных ресурсов и зон подпитки водоносных горизонтов, которые считаются имеющими особое экологическое значение для охраны, сохранения и восстановления возобновляемых природных ресурсов;

b) районы, указанные выше, предназначаются для общественного использования и представляют социальный интерес и, следовательно, они должны стать предметом осуществления программ и проектов по охране, сохранению и/или восстановлению;

c) при использовании водных ресурсов потреблению воды людьми будет уделяться первостепенное внимание по сравнению со всеми другими видами пользования, и необходимость этого должна учитываться при регулировании использования водосборного бассейна;

d) предупреждение ухудшения состояния бассейна и контроль над этим, когда существуют физические или химические и экологические дисбалансы в естественной среде, которые могут подвергнуть угрозе целостность бассейна или любого из его ресурсов, особенно его водных ресурсов;

e) составление прогнозов в отношении нынешнего и будущего спроса и предложения возобновляемых природных ресурсов водосборного бассейна, включая усилия по сохранению и восстановлению природной среды для обеспечения его устойчивого освоения;

f) содействие мерам по охране и эффективному использованию водных ресурсов;

g) рассмотрение угроз водосборному бассейну, его уязвимости и экологических рисков, которые могут воздействовать на его рациональное использование;

h) водные и погодные системы бассейна.

225. Декрет № 1604 от 31 июля 2002 года устанавливает порядок осуществления пункта 3 статьи 33 Закона № 99 от 1993 года, а также определяет процедуру избрания совместных комиссий. Работа комиссий, как это предусмотрено в пункте 3 статьи 33 Закона № 99 от 1993 года, направлена на согласование, унификацию и определение политики в отношении организации и рационального использования общих водосборных бассейнов с учетом конституционных принципов.

Намибия

226. Намибия ответила, что в отношении реки Кунене, по мнению ангольской стороны, соглашение, которое первоначально было заключено между колониальными державами (Португалия и Южная Африка) и впоследствии подтверждено данными странами в качестве независимых государств, является несправедливым. Вопрос о ситуации на реке Оранжевой решается посредством проведения исследования, которое приведет к созданию новой инфраструктуры (плотины) для улучшения регулирования использования водных ресурсов нижней части реки Оранжевой (вдоль общей границы) и таким образом приведет к заключению новых соглашений.

Российская Федерация

227. Существуют планы пересмотра и внесения поправок в действующие соглашения, с тем чтобы привести их в соответствие с Конвенцией по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года.

Q. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 8

Если да, то просьба указать основные аспекты, которые подлежат пересмотру (в том числе порядок предусматриваемого пересмотра).

ОТВЕТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

228. В своих ответах на вопрос C.8 Сальвадор ответил отрицательно, тогда как Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

Намибия

229. Намибия ответила, что пока ей нечего сообщить. Однако в отношении реки Кунене был создан комитет для изучения двусторонних соглашений, а в отношении реки Оранжевой комиссия будет консультировать соответствующие правительства относительно новых договоренностей и соглашений, которые потребуются после завершения текущих исследований.

R. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 9

Существуют ли какие-либо положения, касающиеся совместного освоения водных ресурсов и контроля над ними?

1. ОТВЕТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Ботсвана

230. Ботсвана ответила "нет". Пока нет совместных сетей мониторинга или планов управления для трансграничных водоносных горизонтов.

Катар, Кения, Колумбия, Мексика, Пакистан, Польша и Сальвадор

231. В своих ответах на вопрос C.9 Колумбия и Польша ответили "да", Мексика и Сальвадор ответили отрицательно, тогда как Катар, Кения и Пакистан ответили "не относится".

Намибия

232. Все соглашения о создании комиссий по водным ресурсам, заключенные между Намибией и ее соседями, содержат положения о совместном изучении, планировании и регулировании вопросов, касающихся водных ресурсов и представляющих взаимный интерес.

Нидерланды

233. Нидерланды ответили, что в настоящее время таких положений нет. Что касается вопросов, относящихся к содержанию и толкованию Рамочной директивы Европейского сообщества в отношении водных ресурсов и предлагаемой директивы в отношении грунтовых вод[28], то по этому поводу следует снестись с Европейской комиссией.

2. Ответы межправительственных организаций

Международная пограничная и водная комиссия и Управление бассейна реки Нигер

234. В ответах на вопрос C.9 МПВК указала "нет", тогда как Управление бассейна реки Нигер отметило, что решение этих вопросов, возможно, будет найдено в ходе процесса "Общее видение".

Центр по окружающей среде и развитию региона арабских стран и Европы

235. СЕДАРЕ ответил, что существуют положения, касающиеся совместного управления, как указано в задачах, которые изложены в его ответе на вопрос A.4.

S. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 10

Если да, то просьба охарактеризовать договоренность, каким образом она действует и существуют ли какие-либо области, в которых, возможно, необходимы улучшения.

Ответы правительств

Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

236. В своих ответах на вопрос C.10 Сальвадор ответил отрицательно, тогда как Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан ответили "не относится".

Колумбия

237. Колумбия сообщила, что действующими положениями являются Декрет № 1729 от 2002 года, который устанавливает руководящие принципы в отношении организации и регулирования использования водосборных бассейнов; резолюция 1604 от 2002 года, которая регулирует создание совместных комиссий по вопросам организации и рационального использования общих (поверхностных) водосборных бассейнов; и Декрет № 1541 от 1978 года, в главе II которого конкретно указываются виды использования в силу закона, определяются порядок использования, освоения, форма и вид концессий в отношении различных категорий водных ресурсов, особенности и виды концессий, порядок проведения работ и внесения улучшений для использования водных ресурсов, а также порядок использования водных ресурсов для сплава и транспортировки леса.

238. Что касается областей, в которых необходимы улучшения, то они относятся к юрисдикции, процедурам, разведке, разработке, охране зон подпитки и сборам за пользование.

Намибия

239. Намибия ответила, что обычно это производится путем проведения совместных расследований и исследований, ведущих к выработке рекомендаций, которые одобряются совместно комитетом. Каждая делегация затем сообщает своему правительству о совместном решении, основывающемся на самых современных технических данных, которыми располагают все стороны, представленные в комитете. Затем правительства могут вступить в переговоры относительно заключения дополнительных соглашений для реализации вышеупомянутых рекомендаций.

Польша

240. Польша сообщила, что ее нынешние договоренности действуют надлежащим образом. Необходимости в улучшениях нет. Проблемы решаются соответствующими комиссиями.

T. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 11

Если ответ на вопрос C.9 является утвердительным, то существуют ли какие−либо планы пересмотра договоренностей/соглашений?

Ответы правительств

Ботсвана, Катар, Кения, Намибия, Нидерланды, Пакистан, Польша и Сальвадор

241. В своих ответах на вопрос C.11 Намибия, Польша и Сальвадор ответили отрицательно, тогда как Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

[28] См. сноски 8–9, выше.

Колумбия

242. Колумбия ответила, что Министерство охраны окружающей среды, жилищного строительства и территориального развития предпринимает значительные усилия по пересмотру существующей совокупности норм, касающихся водных ресурсов, и в результате этих совместных, межведомственных усилий с участием профсоюзов, ученых кругов, регулируемого сектора и других органов представилось возможным согласовать законопроект о водных ресурсах, который имеет своей целью обновление, согласование и координацию с учетом нужд и условий каждой страны имеющего обязательную силу документа, который является применимым и действующим.

U. Ответы на вопросы раздела C, вопрос 12

Если да, то просьба указать основные аспекты, которые подлежат пересмотру (в том числе порядок предусматриваемого пересмотра).

ОТВЕТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Ботсвана, Катар, Кения, Намибия, Нидерланды, Пакистан и Сальвадор

243. В своих ответах на вопрос C.12 Сальвадор ответил отрицательно, Намибия отметила "нет ответа", тогда как Ботсвана, Катар, Кения, Нидерланды и Пакистан указали "не относится".

Колумбия

244. Колумбия ответила, что темы для пересмотра предусматриваются в законопроекте о водных ресурсах, обзор действия которого должен осуществляться конкретными межведомственными комиссиями в отношении каждой из тем, касающихся грунтовых вод, в уже упомянутых областях, а именно исследование, охрана, разведка, разработка, использование и освоение. Эти комиссии оценивают предложения с точки зрения их текста, формы и содержания и готовят окончательные формулировки согласованного проекта.

Приложение

ВОПРОСНИК ПО ОБЩИМ ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ И СООТВЕТСТВУЮЩИМ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

В настоящее время Комиссия международного права сосредоточивает свои усилия на кодификации норм права, касающихся грунтовых вод. Крайне необходимо представить Комиссии информацию о как можно большем числе видов соответствующей практики государств. В связи с этим Комиссия приветствует ответы правительств на следующие вопросы:

Вопросник

A. Имеются ли в вашем государстве водоносные горизонты, которые простираются за пределы государственных границ?

1. Если да, то существуют ли какие-либо договоренности или соглашения с вашими соседними государствами относительно освоения или рационального использования этих водоносных горизонтов или же любого иного сотрудничества в отношении них?

2. Если да, то просьба представить копии таких соглашений или договоренностей.

3. Имеются ли совместные органы/механизмы заинтересованных государств для рационального использования этих водоносных горизонтов или иного сотрудничества в отношении них.

4. Если да, то просьба предоставить информацию относительно правовых основ, роли и функций совместных органов/механизмов.

B. Для федеративных государств: имеются ли в вашем государстве внутренние водоносные горизонты, которые простираются за границы политических субъектов?

1. Если да, то существуют ли какие-либо договоренности или соглашения между ними относительно использования и освоения таких водоносных горизонтов или какого-либо иного сотрудничества в отношении них?

2. Если да, то просьба предоставить аналогичную информацию, как указано в вопросах A.2−A.4.

C. Если ответы на вопросы A.1 и B.1 являются утвердительными, то просьба ответить на следующие вопросы относительно содержания соглашений или договоренностей:

1. Существуют ли какие-либо положения, касающиеся распределения водных ресурсов?

2. Если да, то просьба охарактеризовать договоренность, каким образом она действует и существуют ли какие-либо области, в которых, возможно, необходимы улучшения.

3. Если ответ на вопрос C.1 является утвердительным, то существуют ли какие-либо планы пересмотра договоренностей/соглашений?

4. Если да, то просьба указать основные аспекты, которые подлежат пересмотру (предусматриваемый порядок их пересмотра).

5. Существуют ли какие-либо положения, касающиеся использования водных ресурсов?

6. Если да, то просьба охарактеризовать договоренность, каким образом она действует и существуют ли какие-либо области, в которых, возможно, необходимы улучшения.

7. Если ответ на вопрос C.5 является утвердительным, то существуют ли какие-либо планы пересмотра договоренностей/соглашений?

8. Если да, то просьба указать основные аспекты, которые подлежат пересмотру (предусматриваемый порядок их пересмотра).

9. Существуют ли какие-либо положения, касающиеся совместного освоения водных ресурсов и контроля над ними?

10. Если да, то просьба охарактеризовать договоренность, каким образом она действует и существуют ли какие-либо области, в которых, возможно, необходимы улучшения.

11. Если ответ на вопрос C.9 является утвердительным, то существуют ли какие-либо планы пересмотра договоренностей/соглашений?

12. Если да, то просьба указать основные аспекты, которые подлежат пересмотру (в том числе предусматриваемый порядок их пересмотра).

ОДНОСТОРОННИЕ АКТЫ ГОСУДАРСТВ

[Пункт 5 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/557

Восьмой доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г−ном Виктором Родригесом Седеньо

[*Подлинный текст на испанском языке*]
[*26 мая 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

			Стр.
Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе			148
Работы, цитируемые в настоящем докладе			148
		Пункты	
ВВЕДЕНИЕ		1–12	150
Главы			
I.	РАССМОТРЕНИЕ НЕКОТОРЫХ АКТОВ	13–167	152
A.	Нота министра иностранных дел Колумбии от 22 ноября 1952 года	13–35	152
B.	Заявление министра иностранных дел Кубы, связанное с поставкой вакцины в Восточную Республику Уругвай	36–43	155
C.	Отказ Иордании от претензий на территорию Западного берега	44–54	155
D.	Декларация Египта от 24 апреля 1957 года	55–69	156
E.	Заявления правительства Франции о приостановлении ядерных испытаний в южной части Тихого океана	70–83	158
F.	Протесты Российской Федерации, направленные Туркменистану и Азербайджану	84–105	159
G.	Заявления, сделанные государствами, обладающими ядерным оружием	106–115	161
H.	Заявление Ихлена от 22 июля 1919 года	116–126	162
I.	Прокламация Трумэна от 28 сентября 1945 года	127–137	163
J.	Заявления, касающиеся Организации Объединенных Наций и ее персонала (освобождение от налогов и привилегии)	138–156	164
K.	Поведение Таиланда и Камбоджи при рассмотрении дела *Temple of Preah Vihear*	157–167	167
II.	ВЫВОДЫ, КОТОРЫЕ МОЖНО СДЕЛАТЬ НА ОСНОВАНИИ ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ	168–208	169

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Конвенция относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу (Константинополь, 29 октября 1888 года)	*British and Foreign State Papers, 1887–1888*, vol. LXXIX, p. 4.
Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций (Нью-Йорк, 13 февраля 1946 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1, No. 4, p. 15.
Конвенция о континентальном шельфе (Женева, 29 апреля 1958 года)	Ibid., vol. 499, No. 7302, p. 325.
Договор о нераспространении ядерного оружия (Вашингтон, округ Колумбия, Лондон и Москва, 1 июля 1968 года)	Ibid., vol. 729, No. 10485, p. 18.
Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 года)	Ibid., vol. 1155, No. 18232, p. 417.
Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года)	Ibid., vol. 1833, No. 31363, p. 179.
Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986 года)	A/CONF.129/15.

Работы, цитируемые в настоящем докладе

BOLLECKER-STERN, Brigitte

"L'affaire des essais nucléaires français devant la Cour Internationale de Justice", AFDI, vol. XX, 1974, pp. 299–333.

BOURGNON, Étienne

La Convention de Vienne sur les relations diplomatiques: pratique suisse. 1993. 147 p. (Mimeographed)

BROWNLIE, Ian

Principles of Public International Law. 6th ed., Oxford, Oxford University Press, 2003. 742 p.

CAFLISCH, Lucius

"La pratique suisse en matière de droit international public 1982", *Annuaire suisse de droit international*, vol. XXXIX, 1983, pp. 177–268.

CAHIER, Philippe

"Le comportement des États comme source de droits et d'obligations", *Recueil d'études de droit international en hommage à Paul Guggenheim*. Geneva, Law Faculty of the University of Geneva and Graduate Institute of International Studies, 1968, pp. 237–265.

CHRONIQUE DES FAITS INTERNATIONAUX

"Cour International de Justice", RGDIP, vol. IC, 1995, pp. 976–978.

COT, Jean-Pierre

"L'arrêt de la Cour internationale de Justice dans l'affaire du temple de Préah Vihéar (Cambodge c. Thaïlande: Fond)", AFDI, vol. VIII, 1962, pp. 217–247.

"Affaires des essais nucléaires (Australie c. France et Nouvelle Zélande c. France)—demandes en indication des mesures conservatoires: ordonnances du 22 juin 1973", AFDI, vol. XIX, 1973, pp. 252–271.

COUSSIRAT-COUSTERE, Vincent

"La reprise des essais nucléaires français devant la Cour internationale de Justice: observations sur l'ordonnance du 22 septembre 1995", AFDI, vol. XLI, 1995, pp. 354–364.

DANIELE, Luigi

"L'ordonnance sur la demande d'examen de la situation dans l'affaire des essais nucléaires et le pouvoir de la Cour internationale de justice de régler sa propre procédure", RGDIP, vol. C, 1996, pp. 653–671.

DEGAN, V. D.

Sources of International Law. The Hague, Martinus Nijhoff, 1997. (Developments in International Law, vol. 27)

DEHAUSSY, J.

"La déclaration égyptienne de 1957 sur le canal de Suez", AFDI, vol. VI, 1960, pp. 169–184.

DUPUY, Pierre Marie

"L'affaire des essais nucléaires français et le contentieux de la responsabilité internationale publique", *German Yearbook of International Law*, vol. 20, 1977, pp. 375–405.

FLORY, Maurice

"Naissance d'un État palestinien", RGDIP, vol. XCIII, 1989, pp. 385–415.

FRANCK, Thomas M.

"World made law: the decision of the International Court of Justice in the Nuclear Test cases", AJIL, vol. 69, 1975, pp. 612–620.

GARCÍA RICO, Elena del Mar

El uso de las armas nucleares y el derecho internacional: análisis sobre la legalidad de su empleo. Madrid, Tecnos, 1999.

GARNER, James W.

"The international binding force of unilateral oral declarations", AJIL, vol. 27, 1933, pp. 493–497.

GAVIRIA LIÉVANO, Enrique

Política exterior colombiana: Los Monjes en el diferendo con Venezuela. Vol. II. Bogotá, Universidad Externado de Colombia, 2001. 180 p.

HUGHES, Christopher

The Federal Constitution of Switzerland: Translation and Commentary. Oxford, Clarendon Press, 1954.

HUANG, Thomas T. F.

"Some international and legal aspects of the Suez Canal question", AJIL, vol. 51, 1957, pp. 277–307.

JENNINGS, R. Y.

The Acquisition of Territory in International Law. Manchester, Manchester University Press, 1963.

JENNINGS, Sir Robert and Sir Arthur WATTS, eds.

Oppenheims's International Law. 9th ed. Vol. I, *Peace*, parts 2–4. Harlow, Longman, 1992.

JUSTE RUIZ, José

"Tribunal Internacional de Justicia—asuntos de las pruebas nucleares (Australia c. Francia; Nueva Zelanda c. Francia): sentencias de 20 de diciembre de 1974", REDI, vol. XXIX, Nos. 2–3, 1976), pp. 447–461.

"Mootness in international adjudication: the Nuclear Tests cases", *German Yearbook of International Law*, vol. 20, 1977, pp. 358–374.

KISS, Alexandre-Charles

Répertoire de la pratique française en matière de droit international public. Vol. I. Paris, CNRS, 1962.

LACHARRIERE, Guy de

"Cour internationale de justice: commentaires sur la position juridique de la France à l'égard de la licéité de ses expériences nucléaires", AFDI, vol. XIX, 1973, pp. 235–251.

LAUTERPACHT, E., ed.

The Suez Canal Settlement. London, Stevens, 1960. 82 p.

MACDONALD, R. St. J. and Barbara HOUGH

"The Nuclear Tests case revisited", *German Yearbook of International Law*, vol. 20, 1977, pp. 337–357.

MCNAIR, Lord

The Law of Treaties. Oxford, Clarendon Press, 1961.

NASH LEICH, Marian

"Contemporary practice of the United States relating to international Law", AJIL, vol. 83, 1989, pp. 348–349.

O'CONNELL, D. P.

International Law. 2nd ed. Vol. 1. London, Stevens, 1970.

PECOURT GARCÍA, Enrique

"El principio del 'estoppel' y la sentencia del Tribunal Internacional de Justicia en el caso del Templo de Preah Vihear", REDI, vol. XVI, Nos. 1–3, 1963, pp. 153–166.

PÉREZ, Amadeo

The system of privileges and immunities applicable to the international organisations in Switzerland and to the permanent foreign delegations in Geneva. Geneva, 1997.

PERRENOUD, Georges

Régime des privilèges et immunités des missions diplomatiques étrangères et des organisations internationales en Suisse. Lausanne, F. Rouge, 1949. (Thesis, University of Geneva).

ROUSSEAU, Charles

Droit International Public. Vol. I, *Introduction et Sources*. Paris, Sirey, 1970.

"Chronique des faits internationaux", RGDIP, vol. XCIII, 1989.

RUBIN, Alfred P.

"The international legal effects of unilateral declarations", AJIL, vol. 71, 1977, pp. 1–30.

SAGARRA TRÍAS, Eduard

"Los actos unilaterales internacionales", *in* Victoria Abellán Honrubia, ed., *Prácticas de derecho internacional público*. Barcelona, Bosch, 2001. 269 p.

SHAW, Malcolm N.

International Law. 5th ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 1288 p.

SINCLAIR, Sir Ian

"Estoppel and acquiescence", *in* Vaughan Lowe and Malgosia Fitzmaurice, eds., *Fifty years of the International Court of Justice: Essays in honour of Sir Robert Jennings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, pp. 104–120.

SUR, Serge

"Les affaires des essais nucléaires (Australie c. France, Nouvelle-Zélande c. France—C.I.J.: arrêts du 20 décembre 1974)", RGDIP, vol. LXXIX, 1975, pp. 972–1027.

SUY, Éric

Les actes juridiques unilatéraux en droit international public. Paris, LGDJ, 1962. (Thesis, University of Geneva)

THIERRY, Hubert

"Les arrêts du 20 décembre 1974 et les relations de la France avec la Cour internationale de justice", AFDI, vol. XX, 1974, pp. 286–298.

THIRLWAY, Hugh

"The law and procedure of the International Court of Justice 1960–1989", part I, *British Year Book of International Law, 1989.* Vol. 60, pp. 1–157.

VÁZQUEZ CARRIZOSA, Alfredo

Las relaciones de Colombia y Venezuela: la historia atormentada de dos naciones. Bogotá, Ediciones Tercer Mundo, 1983.

VISSCHER, Paul de

"Les aspects juridiques fondamentaux de la question de Suez", RGDIP, vol. LXII, 1958, pp. 400–445.

WHITEMAN, Marjorie M.

Digest of International Law. Vol. 3. Washington, D. C., Department of State, 1964.

Введение

1. В своем седьмом докладе об односторонних актах государств[1], Специальный докладчик представил ряд примеров, посредством которых он попытался продемонстрировать практику государств в сфере односторонних актов. Как указывалось впоследствии, не все они являются односторонними актами в строгом смысле этого термина; однако это не лишает актуальности обращения к ним и их рассмотрения. Комиссия международного права рассмотрела доклад и положительно оценила достигнутый в рассмотрении этой темы прогресс и создала для дальнейшей работы над нею Рабочую группу открытого состава по односторонним актам государств во главе с г–ном Аленом Пелле, которая рассмотрела предложения Специального докладчика[2]. На своих четырех заседаниях Рабочая группа рассмотрела некоторые из приведенных Специальным докладчиком случаев односторонних актов и договорилась, что некоторые из них будут проанализированы в соответствии с конкретной схемой, которая должна быть принята в этой связи и о которой упоминается ниже.

2. Некоторые члены Рабочей группы по односторонним актам государств предложили свои услуги Специальному докладчику, снабдив его информацией об определенных актах. Специальный докладчик выражает глубокую благодарность господам г-ну Браунли, г-ну Дауди, г-ну Колодкину, г-ну Матесону, г-ну Опертти Бадану, г-ну Пелле и г-ну Чи за внесенный ими представляющий большой интерес и полезный вклад, который лег в основу проведенного в 2005 году исследования.

3. Шестой комитет Генеральной Ассамблеи рассмотрел вопрос об односторонних актах на пятьдесят девятой сессии. В ходе прений различные делегации подтвердили, что они рассматривают односторонние акты как источник международных обязательств[3]. Было отмечено, что на последующем этапе следует выработать определение односторонних актов исходя из текста, принятого Рабочей группой по односторонним актам государств в 2003 году, сделав, кроме того, попытку сформулировать определенное число общих норм, применимых ко всей совокупности односторонних актов и заявлений, рассмотренных Специальным докладчиком, в свете практики государств с целью содействия стабильности и предсказуемости их взаимных отношений[4]. Комиссии следует предложить ясное определение односторонних актов государств, способных порождать правовые последствия, проявляя достаточную гибкость для того, чтобы оставить государствам достаточные возможности осуществлять свои акты политического характера[5]. Делегации указали, что было бы полезным продолжить изучение эволюции различных актов и заявлений[6], особенно с точки зрения их авторов, и формы, свойственных им субъективных элементов, их отзывности и действительности, а также реакции третьих государств[7]. Придаваемое практике государств важное значение является той новой ступенькой, которая позволит продвинуться вперед в работе над этой темой[8].

4. Некоторые делегации в ходе обсуждений отметили, что для классификации односторонних актов и их правовых последствий необходимо провести исследование и дополнительный анализ практики государств в этой сфере, чтобы провести ясное различие между разными категориями этих актов[9].

5. Многие делегации поддержали решение Комиссии создать рабочую группу открытого состава с поручением изучить определенное число случаев односторонних актов. Что касается вопроса о необходимости включения так называемых актов политического характера или нецелесообразности такого включения, то было указано на отсутствие четкого разграничения между правовыми актами и актами политическими. Некоторые политические акты могут фактически порождать правовые последствия. К примеру, в качестве одной из форм классификации предлагается проводить различие между актами, которые способствовали бы выработке обычных норм международного права, актами, которые создавали бы иные конкретные правовые обязательства, и актами, которые порождали бы другие международно-правовые последствия. Было сочтено, что подобная классификация могла бы помочь Специальному докладчику отделить те односторонние акты, которые соответствуют цели исследования Комиссией, и таким образом охватить для рассмотрения важнейшие вопросы. В то же время было отмечено, что одна из главных трудностей при попытке разработать классификацию состоит в том, что один и тот же акт может относиться к раз-

---

[1] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/542, стр. 263.

[2] Там же, том II (часть вторая), пункты 189–190, стр. 111.

[3] См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет,* 22–25-е заседания (A/C.6/59/SR.22– A/C.6/59/SR.25).

[4] См., в частности, мнение Чили (там же, 22-е заседание, пункт 84), Гватемалы (там же, 24-е заседание, пункт 9), Австралии (там же, 25-е заседание, пункт 42) и Румынии (там же, пункт 18).

[5] См. в этой связи мнение Германии (там же, 23-е заседание, пункты 66–67), Китая (там же, пункт 72), Канады (там же, пункт 77), Малайзии (там же, 25-е заседание, пункт 42), Австралии (там же, пункт 42) и Сьерра-Леоне (там же, пункт 53).

[6] "Срока жизни", как назвал это, к примеру, г-н Момтас в ходе прений на последней сессии самой Комиссии международного права, состоявшейся в июле 2004 года (*Ежегодник.., 2004 год*, том I, 2815-е заседание, пункт 44, стр. 195).

[7] См., в частности, мнение Китая (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Шестой комитет,* 23-е заседание (A/C.6/59/SR.23), пункт 72, Канады (там же, пункт 77), Португалии (там же, пункт 24), Италии (там же, пункт 33), Японии (там же, 25-е заседание, пункт 3) и Малайзии (там же, пункты 37–38).

[8] См., в частности, мнение Португалии (там же, 24-е заседание, пункт 1), Испании (там же, пункт 22), Италии (там же, пункт 33) и Австралии (там же, 25-е заседание, пункт 42).

[9] См., в частности, мнение Германии (там же, 23-е заседание, пункт 67), Канады (там же, пункт 76), Гватемалы (там же, 24-е заседание, пункт 29) и Малайзии (там же, 25-е заседание, пункт 35).

ным категориям, указанным в седьмом докладе по односторонним актам государств, а поэтому подобная классификация не является идеальной[10].

6. Другой поднятый в ходе прений вопрос связан с компетенцией лиц, уполномоченных формулировать односторонние акты от имени государства, а также с сомнениями, которые возникают в отношении характера и формы, в которую должны облекаться эти акты: к примеру, отсутствует ясность в вопросе о том, являются ли заявления государства, его поведение или даже национальное законодательство односторонними актами в том смысле, который представляет интерес для Комиссии. Чтобы ясно определить правовой характер этих актов, Комиссии следует учитывать не только объективные элементы указанных односторонних актов, но и их субъективные элементы, такие, как намерение государств, о которых идет речь, понять которое представляется затруднительным[11]. Одновременно упоминались критерии действительности односторонних актов в качестве вопроса, который следует учитывать при анализе этих актов[12].

7. Другие делегации сочли, что на нынешнем этапе работы редактирование проектов статей по данной теме было бы преждевременным. Требуется провести глубокое и самое обстоятельное исследование. В итоге самым сложным аспектом данной темы является, несомненно, необходимая дифференциация односторонних правовых актов и односторонних актов, которые не порождают правовых последствий.

8. Представляется интересным тот факт, что позиции, заявленные в Шестом комитете, некоторым образом отражают позиции, уже обозначенные в самой Комиссии. Особо необходимо отметить один вывод: независимо от высказанных сомнений или скептического отношения к возможности конечной кодификации данной темы в ходе прений на последней сессии выражалось общее мнение о том, что необходимо провести самое глубокое и развернутое исследование, прежде всего в части практики государств. Такая позиция может служить ориентиром для будущей работы, центральным элементом которой, согласно направлению, указанному в седьмом докладе по односторонним актам государств, будет являться изучение государственной практики.

9. В настоящем докладе в осуществление предложений Комиссии и государств в Шестом комитете рассматриваются некоторые акты, считающиеся имеющими актуальное значение для более обстоятельного изучения практики, связанной с этими актами (глава II), а также выводы, которые, по мнению Специального докладчика, можно сделать из этой практики и которые могут облегчить установление общих элементов, позволяя, исходя из этого, попытаться в будущем определить ряд принципов или норм, связанных с механизмом этих правовых актов (глава III).

10. Следует также уточнить, что в докладе рассматриваются исключительно односторонние правовые акты в строгом понимании этого термина в соответствии с ходом обсуждения в Комиссии, а также некоторые виды поведения, которые, не являясь актами подобного характера, могут порождать аналогичные последствия. В связи с последними необходимо отметить просто в качестве ссылки, что МС в различных случаях рассматривал некоторые виды одностороннего поведения государства, которые порождают или могут порождать правовые последствия[13].

11. В ходе состоявшихся в 2004 году обсуждений в Комиссии и созданной впоследствии Рабочей группе по односторонним актам государств была достигнута договоренность обстоятельно изучить следующие акты: ноту министра иностранных дел Колумбии от 22 ноября 1952 года; заявление министра иностранных дел Кубы о поставке вакцины в Восточную Республику Уругвай; отказ Иордании от территорий Западного берега; заявление Египта от 24 апреля 1957 года; заявления правительства Франции о приостановке ядерных испытаний в южной части Тихого океана; протесты Российской Федерации, принесенные Азербайджану и Туркменистану; заявления государств, обладающих ядерным оружием; заявление Ихлена от 22 июля 1919 года; заявление Трумэна от 28 сентября 1945 года. Одновременно рассматриваются заявления или акты властей правительства Швейцарии, обращенные к международной организации: заявления, касающиеся Организации Объединенных Наций и ее персонала (налогообложение и привилегии). И наконец, рассматриваются различные виды поведения государств в контексте рассматриваемого МС дела: позиции Камбоджи и Таиланда по делу *Temple of Preah Vihear*.

12. Эти заявления рассматриваются, как отмечалось ранее, исходя из общих установок, согласованных в 2004 году в Рабочей группе по односторонним актам государств, которая, как известно, предложила, чтобы при рассмотрении подобных актов и деклараций учитывались: дата; полномочия автора/органа; форма; содержание; контекст и обстоятельства; цель; адресаты; реакция адресатов; реакция третьих сторон; основания; осуществление; изменение; прекращение/отзыв; юридическая сфера охвата; решение судьи или арбитра; замечания и библиография[14].

---

[10] См., в частности, мнение Германии (там же, 23-е заседание, пункт 66), Канады (там же, пункт 77), Гватемалы (там же, 24-е заседание, пункт 29) и Малайзии (там же, 25-е заседание, пункт 36).

[11] См., в частности, мнение Австралии (там же, пункт 42), Японии (там же, пункт 3) и Малайзии (там же, пункт 37).

[12] См., к примеру, мнение Малайзии (там же, пункт 34).

[13] См. *Fisheries, Judgment, I.C.J. Reports 1951*, pp. 138 et seq.; *Arbitral Award Made by the King of Spain on 23 December 1906, Judgment, I.C.J. Reports 1960*, pp. 192, 209 and 213; *Right of Passage over Indian Territory, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1960*, p. 39; *Temple of Preah Vihear, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1962*, p. 21; *Continental Shelf (Tunisia/ Libyan Arab Jamahiriya), Judgment, I.C.J. Reports 1982*, pp. 65–67; *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area, Judgment, I.C.J. Reports 1984*, pp. 303 et seq.; *Frontier Dispute, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, pp. 554 et seq.; и *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening), Judgment, I.C.J. Reports 1992*, pp. 408, 422 et seq. and 559 et seq.

[14] См. *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 247 и сноска 516, стр. 116, где речь идет о заключительных замечаниях Рабочей группы.

ГЛАВА I

Рассмотрение некоторых актов

A. Нота министра иностранных дел Колумбии от 22 ноября 1952 года

13. Специальный докладчик в первую очередь рассматривает ноту GM–542 министра иностранных дел Колумбии от 22 ноября 1952 года, касающаяся суверенитета Венесуэлы над архипелагом Монхес, направленная тогдашним министром иностранных дел Колумбии г-ном Хуаном Урибе Ольгином и полученная г-ном Луисом Херонимо Пиетри, являвшимся в то время послом Венесуэлы в Колумбии.

14. Автором этого акта является министр иностранных дел, должностное лицо, которое согласно международному праву, закрепленному главным образом в Венской конвенции о праве международных договоров, может без необходимости предъявления полномочий действовать и брать обязательства от имени государства, которое оно представляет в его международно-правовых отношениях[15]. Вместе с тем, возникает ситуация, о которой будет идти речь ниже и связанная с действительностью акта применительно к Конституции Колумбии, а именно ситуация, при которой полномочия на формулирование акта, связанного с таким вопросом, который, согласно Конституции этой страны, входит в исключительную компетенцию Президента Республики и подлежит утверждению Конгрессом.

15. Рассматриваемый односторонний акт формулируется посредством официальной ноты правительства Колумбии, подписанной, как говорилось, министром иностранных дел и адресованной правительству Венесуэлы через посла этой страны в Боготе.

16. В ноте правительства Колумбии говорилось:

Господин Посол:

В последние месяцы правительство Соединенных Штатов Венесуэлы и Колумбии в дружественном духе через посредство своих соответствующих послов в Боготе и Каракасе обменялись точками зрения в отношении правового статуса группы островов, именуемой Монхес.

Мое правительство придерживается мнения о том, что наступило время положить конец таким обсуждениям, в ходе которых было установлено следующее:

1. В 1856 году правительство Соединенных Штатов Венесуэлы обратилось по дипломатическим каналам с претензией к правительству Новой Гренады, касавшейся упомянутого архипелага. Указанная претензия возникла в связи с договором, заключенным между Правительством Новой Гренады и г–ном Джоном Э. Гоуэном 20 февраля 1856 года, "об исследовании, заселении и использовании некоторых островов, которыми владеет Республика Новая Гренада", в статье 6 которого в число островов, упоминаемых в этом документе, были включены группы островов Сан-Андрес, Провиденсия и Монхес.

2. Упомянутый мною договор, заключенный 20 февраля 1856 года, был внесен исполнительной властью Новой Гренады на утверждение в парламент, и сенат Республики распорядился опубликовать его в "Официальной газете", что и было сделано в номере 1917 этой газеты от 28 февраля 1856 года. На следующий день после публикации договора дипломатические агенты Венесуэлы в Боготе обратились с письменной просьбой к министру иностранных дел Новой Гренады об исключении группы островов Монхес по той причине, что они принадлежат Венесуэле, а не моей стране. Министр иностранных дел Новой Гренады в ответе от 3 марта 19856 года сообщил указанным полномочным лицам о том, что в выпущенной четырьмя днями ранее публикации были допущены опечатки, в результате одной из которых в статье 6 вместо Манглес было упомянуто название "Монхес". В номере 1920 "Официальной газеты" за 3 марта было сообщено об этих опечатках. Хотя министр иностранных дел Новой Гренады Дон Лино де Помбо указал в своем ответе, что он не касается "вопроса о принадлежности и юрисдикции применительно к группе островов, именуемой Монхес, которая по своему расположению представляется естественным приложением к полуострову Гуахира", он воздержался от заявлений о недействительности актов, касавшихся принадлежности и юрисдикции, на которые ссылалась Венесуэла. В итоге сенат Новой Гренады распорядился о сдаче в архив договора, заключенного с г–ном Гоуэном, как это следует из записей в архиве Конгресса Колумбии.

3. 22 августа 1871 года временный президент Соединенных Штатов Венесуэлы выпустил указ, в котором определил юрисдикцию территории, именовавшейся Колон и подпадавшей под особый и зависимый режим исполнительной федеральной власти, территории, которая в числе различных островов включала в себя архипелаг Монхес. Этот указ также не вызвал никакой претензии со стороны Колумбии, как и многочисленные юрисдикционные акты, совершенные неоднократно до настоящего времени правительством Соединенных Штатов Венесуэлы применительно к упомянутому архипелагу, о которых сообщалось в официальных публикациях Венесуэлы.

4. Как недавно было подтверждено представителями обоих министерств иностранных дел, ни в одном из договоров, соглашений или заявлений, подписанных Колумбией и Соединенными Штатами Венесуэлы, не упоминается об указанном архипелаге, поскольку в течение всего удачно завершенного широкого процесса улаживания территориальных разногласий между обоими правительствами Колумбия, несмотря на упомянутые предыдущие события, воздерживалась от представления претензии или каких бы то ни было аргументов в целях опровержения довода Соединенных Штатов Венесуэлы относительно своей юрисдикции над архипелагом Монхес и владения им.

Исходя из упомянутых ранее имевших место событий правительство Колумбии заявляет, что не возражает против суверенитета Соединенных Штатов Венесуэлы в отношении архипелага Монхес и что в связи с этим не выступает против и не имеет никаких претензий в отношении осуществления этого суверенитета или в отношении любого акта этой страны, касающегося принадлежности ей упомянутого архипелага.

Колумбия неизменно следует норме признания международного права в его полном объеме и в своей деятельности постоянно придерживается положений, закрепленных в публичных договорах, а поэтому, делая настоящее торжественное заявление, мое

[15] В пункте 2 статьи 7 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (в дальнейшем Венская конвенция 1986 года) говорится, что:

"Следующие лица в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими свое государство:

a) главы государств, главы правительств и министры иностранных дел – в целях совершения всех актов, относящихся к заключению договора".

правительство продолжает придерживаться той линии поведения, которая является предметом законной гордости Республики.

Пользуюсь настоящей возможностью, чтобы вновь заверить Ваше Превосходительство в моем высоком и неизменном уважении[16].

17. В тот же день через своего посла в Боготе правительство Венесуэлы дало ответ на эту ноту. В ответной ноте говорится:

Г−н министр:

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство о получении Вашего любезного сообщения за № GM-542 от сегодняшнего числа, в котором излагаются выводы, сделанные правительством Колумбии в отношении архипелага Монхес по итогам проходивших в радушной обстановке переговоров по этим вопросам, проводившихся в последние месяцы правительствами наших двух стран с участием их соответствующих дипломатических представительств в Боготе и Каракасе.

Мое правительство выражает свое полное согласие с положениями ноты Вашего Превосходительства и высоко оценивает принятое правительством Колумбии решение заявить в той форме, в которой это делается, что оно не возражает против нашего суверенитета над указанным архипелагом, с очень давнего времени подпадающим под юрисдикцию моей страны, обладающей различного рода и хорошо обоснованными правами на этот архипелаг, который определяется как неотъемлемая часть венесуэльской территории. В то же время не менее высоко оценивается тот дух братской дружбы, который неизменно царил на проводившихся по этому вопросу переговорах.

Правительству Колумбии делает честь та позиция, которую оно заняло по данному вопросу и которая является подтверждением его приверженности самым высоким принципам американского права и наилучшим свидетельством того, что в своем поведении Колумбия как выдающийся член сообщества наших Республик следует самым высоким традициям континента, на котором право и справедливость установлены в качестве незаменимых основ международной жизни.

Я уверен в том, что шаги, подобные шагам, предпринятым правительством Вашего Превосходительства, будут обязательно содействовать самым эффективным образом укреплению дружбы наших двух стран и будут исключительно полезны для сотрудничества и взаимного понимания[17].

18. Эта нота составлена в рамках двусторонних переговоров по вопросу о суверенитете над архипелагом Монхес, как это явствует из самого текста, в котором указывается, что эта нота является результатом "проходивших в последние месяцы переговоров правительств наших стран по данному вопросу с участием их соответствующих дипломатических представительств в Боготе и Каракасе"[18].

19. Цель ноты состоит в признании суверенитета Венесуэлы над архипелагом Монхес.

20. Совершение этого акта в данном случае заслуживает дополнительных комментариев, учитывая ту ситуацию, которая обусловила обращение в Государственный совет Колумбии с требованием аннулировать данную ноту.

21. Правительство Колумбии совершило этот акт, уведомило о нем Венесуэлу, которая сообщила о получении этой ноты, иными словами, о своей уведомленности. Колумбия никак не ставила под вопрос действительность этой ноты. Вместе с тем на национальном уровне в рамках Государственного совета был поставлен вопрос о признании ее недействительной в ходе процесса, который кратко описывается ниже для того, чтобы показать официальную и неофициальную реакцию внутри страны в отношении действительности этой ноты. Обсуждение этой темы позволяет понять мнение правительства и специалистов в отношении действительности акта, его характера и его правовых последствий, что, безусловно, было бы полезным для рассмотрения данной темы.

22. Реакцией Венесуэлы могут служить принятие ноты от 22 ноября 1952 года и ответ правительству Колумбии. Реакция какого бы то ни было другого государства в отношении указанной ноты не установлена.

23. Правительство Колумбии не делало никакого последующего заявления, ставящего под сомнение этот акт. Тем не менее в 1971 и 1992 годах в Государственный совет вносились два требования о признании ноты недействительной, которые привели к разным результатам.

24. В 1971 году Государственному совету было предложено признать эту ноту недействительной, считая ее не соответствующей Конституции. Один из доводов того, кто обратился с этим требованием, состоял в том, что пограничный вопрос должен регулироваться в международном договоре, утвержденном Конгрессом Республики. В связи с этим обращением Государственный совет 30 марта 1971 года объявил, что он не будет заниматься этим делом, поскольку не компетентен решать вопрос о недействительности ноты 1952 года, Затем он заявил следующее:

В связи с этим было указано, что "состязательная административная процедура неприемлема применительно к актам, касающимся отношений правительства, административный суд не компетентен рассматривать международные отношения, которые являются отношениями, подпадающими под сферу международного права. Предел административной компетенции точно совпадает с пределом внутригосударственного права Колумбии; международно-правовые споры могут урегулироваться лишь в международных юрисдикциях[19].

25. Обратившийся с требованием обжаловал решение Государственного совета от 2 апреля 1971 года, которым была отвергнута приемлемость требования о том, что настоящая нота "не соответствовала положениям, предусмотренным Конституцией Колумбии в отношении международных актов"[20]. Кроме того, тот, кто об-

[16] Данный текст приводится в Vázquez Carrizosa, *Las relaciones de Colombia y Venezuela: la historia atormentada de dos naciones,* pp. 337–339.

[17] Ibid., pp. 340–341.

[18] Ibid., p. 340.

[19] Цитируется обоснование, приводимое одним из членов Государственного совета (Gaviria Liévano, *Los Monjes en el diferendo con Venezuela*), p. 165.

[20] Ibid., p. 167.

ратился с этим требованием, указывал, что в данном случае отсутствует воля государств, необходимая для создания международного акта. Эти два утверждения требователя отражают два важных вопроса. Во−первых, вопрос о том, что Конституция Колумбии, как и преобладающее большинство конституций, не предусматривает прямо односторонних актов, таких, как международные акты, ограничивая их ссылкой на договор как акт, которым государство принимает международное обязательство, в частности, в данном в случае в вопросе границ. И, во-вторых, односторонние акты не порождают правовых последствий, если они не отражают воли двух сторон, иными словами, для того, кто обращается с требованием, существовала бы лишь договорная форма принятия международных обязательств.

26. Государственный совет отметил решение о неприемлемости и позднее принял к рассмотрению требование, поданное 30 марта 1971 года. Совет принял решение воздержаться от "решения по существу представленной претензии"[21]. В связи с этим Совет заявил, что этот вопрос мог бы быть рассмотрен лишь международным судом, что указывает на то, что Совет считает, что речь идет о международном акте государства, а не просто об административном акте. Совет не предрешает его характер, иными словами, вопрос о том, идет ли речь о договорном или одностороннем акте. Текстуально в этом отношении Совет отмечает, что это был вопрос, который должен был бы решать Международный Суд в случае спора, который не мог бы быть разрешен путем прямого урегулирования. В то же время именно Международный Суд правомочен объявлять о действительности или недействительности акта, будь то одностороннего акта или двустороннего, в случае ссылки на порок, который мог бы сказываться на согласии или изъявленной воли[22].

27. Решению Государственного совета сопутствовало представляющее большой интерес отдельное мнение одного из его членов, в котором высказывалась мысль о том, что Совет должен был объявить акт недействительным по четырем причинам: *a*) несоответствия в решении; *b*) односторонний характер сообщения от 22 ноября 1952 года; *c*) сообщение от 27 ноября 1957 года и политические акты; и *d*) проблема существа.

28. Надо отметить, что аргументация того, кто обратился с требованием, главным образом основывалась на том, что нота, о которой идет речь, нарушала положения статей 3, 4, 76 (пункт 18) и 120 (пункты 9–20) Конституции Колумбии, в которых предусматриваются необходимые условия для реализации акта подобного характера. Для заключения договоров о границах, согласно конституционным нормам Колумбии, требуется утверждение законодательным органом.

29. Конституционный совет постановил, что он не будет заниматься этим вопросом, в решении от 25 января 1975 года, которое было вновь обжаловано 4 и 20 февраля 1978 года. Совет отклонил обращение от 4 апреля 1979 года. В этом решении Совет вновь признает, что речь идет о международном, а не просто административном акте.

30. Таким образом, положение окончательно не урегулировано. В 1985 году делается новая попытка потребовать признания акта недействительным ввиду его неконституционности. Те, кто обращается с этим требованием, указывают, что

> границы Республики Колумбии могут изменяться лишь посредством договоров или соглашений, и эти международные документы, кроме того, должны быть утверждены Национальным конгрессом, в то время как нота от 22 ноября 1952 года не является ни договором, ни международным соглашением и никогда не была утверждена Национальным конгрессом[23].

31. На этом этапе, и это очень важно подчеркнуть, к процессу подключилось министерство иностранных дел, которое выступило с различными возражениями, в том числе с возражением, касающимся отсутствия компетенции. Министерство основывается в этом возражении на том факте, что "тот акт, который требуют признать недействительным, является международно-правовым актом, имеющим преимущественную силу по отношению к внутригосударственному праву и регулирующимся нормами международного договорного или обычного права"[24].

32. Со своей стороны юридический представитель Совета признает в представленном в ходе процесса документе, что

> с точки зрения содержания и характера и существа административного акта нет никаких сомнений в том, что речь идет об одностороннем акте правительства Колумбии, в котором делается попытка положить конец переговорам, которые вели Венесуэла и Колумбия относительно архипелага Монхес[25].

33. 22 октября 1992 года Государственный совет "объявляет дипломатическую ноту GM−542 от 22 ноября 1952 года недействительной[26].

34. Самым важным вопросом является вопрос о правовых последствиях на международной арене решения Государственного совета в отношении международно-правового акта государства, каковым является нота министерства иностранных дел Колумбии 1952 года. Противоречие между позицией правительства Колумбии и Государственного совета наводит на размышление относительно характера этих актов, их обязательного соответствия конституционным нормам, особенно, в данном случае, когда речь идет о вопросах, связанных с границами государства.

35. Правительство Колумбии придерживается такой позиции, из которой, как представляется, явствует, что оно согласно с этой нотой при всей осторожности формулировок в официальных заявлениях властей обеих стран и их представителей на переговорах. Кроме того,

---

[21] Ibid., p. 168.

[22] Ibid.

[23] Ibid., p. 173.

[24] Ibid., p. 175.

[25] Ibid.

[26] Ibid., p. 180.

необходимо подчеркнуть, что переговоры, проводившиеся сторонами по вопросу о разграничении морских и подводных районов Венесуэльского залива, который охватывает, безусловно, в качестве одного из очень актуальных аспектов суверенитет над архипелагом Монхес, носят конфиденциальный характер, как об этом договорились сами стороны. Тем не менее позиция правительства в этом процессе может отражать принятие им этой ноты в качестве действительной на международной арене, что является односторонним поведением, имеющим важное значение, рассмотрение которого не предусматривается в настоящем докладе.

B. Заявление министра иностранных дел Кубы, связанное с поставкой вакцины в Восточную Республику Уругвай[27]

36. Во-вторых, Специальный докладчик рассмотрит заявление министра иностранных дел Кубы от 4 апреля 2002 года, связанное с поставкой вакцины в Восточную Республику Уругвай.

37. Прежде всего, в качестве контекста следует подчеркнуть, что политические отношения между этими двумя странами в то время характеризовались откровенным упадком[28]. В декабре 2001 года правительство Уругвая выразило желание закупить партию противоменингитной вакцины; в ответ на эту просьбу правительство Кубы, со своей стороны, приняло решение поставить указанную вакцину.

38. Речь идет о заявлении, которым Куба заявляет о своей готовности предоставить и немедленно отгрузить испрошенную вакцину. Кроме того, Куба заявляет, что она не воспринимает эту отгрузку как предмет коммерческой сделки и что она отказывается от экономической выгоды, которую могла бы получить в результате сокращения своей задолженности перед Уругваем на сумму, соответствующую стоимости пожертвования.

39. В данном случае реакцией со стороны правительства Уругвая был отказ от пожертвования, в результате чего Центральный банк этой страны вычитает стоимость вакцины из суммы задолженности Кубы перед Уругваем.

40. В понимании Кубы речь идет о пожертвовании[29], в то время как в понимании Уругвая это коммерческая сделка, в связи с чем он отказывается от акта Кубы в том смысле, в котором трактует его эта страна, против чего выступает Куба. Центральный банк Уругвая вычитает сумму "продажи" из задолженности Кубы перед этой страной, в то время как Центральный банк Кубы не признает эту операцию, считая, что речь идет о пожертвовании, в результате чего, по его мнению и согласно его счетам, задолженность перед Уругваем остается без изменений.

41. Изменений или отзыва этого акта не производилось.

42. В понимании Кубы речь идет об одностороннем правовом акте, порождающем правовые последствия с момента его совершения, независимо от реакции Уругвая. Иными словами, речь идет об одностороннем акте, касающемся пожертвования. Напротив, в понимании Уругвая, акт пожертвования не порождает последствий, касаясь скорее коммерческой сделки, учитывая его характер, его контекст и связанные с ним намерения[30].

43. Вопрос не урегулирован. Несмотря на цель, важно определить, представляет ли собой акт пожертвования вакцины Кубой односторонний акт, содержащий обещание, в данном случае обещание не требовать какой-либо оплаты от правительства Уругвая. Ситуация, разумеется, представляется неясной, учитывая реакцию Уругвая, состоящую в том, чтобы не принимать это пожертвование, считая, что речь идет о коммерческой сделке. Этот случай представляет интерес ввиду негативной реакции адресата, которая может сказываться на осуществлении заявления Кубы и даже изменить его правовые последствия, несмотря на то, что этот акт не утрачивает своего одностороннего характера.

C. Отказ Иордании от претензий на территорию Западного берега[31]

44. В настоящем разделе Специальный докладчик рассмотреть заявление Короля Иордании от 31 июля 1988 года, посредством которого он отказывается от территории Западного берега[32]. Король в речи перед гражданами своей страны объявляет о прекращении "правовых и административных"[33] связей с Западным берегом, территорией, которая составляла часть Палестины, подпадавшую под мандат Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и оккупированную Иорданией в 1950 году после первой войны между арабскими странами и Израилем.

45. Речь идет о выступлении Короля Иордании, адресованном своим согражданам, но и косвенно международному сообществу. Главными адресатами этого заявления являются Израиль и ООП.

---

[27] Этот раздел подготовлен на основе материала, полученного от г-на Опертти Бадана.

[28] В качестве справочного материала представляется полезным документ от 2 мая 2002 года, воспроизводимый на веб-сайте министерства иностранных дел Кубы, в котором формулируется позиция Кубы в отношении решения правительства Уругвая (http://www.cubaminrex.cu/Declaraciones/Articulos/Informaciones/2002/2002-05-02.htm).

[29] В упомянутом заявлении указывается, что "Правительство Кубы сдержит свое слово и в начале июня отгрузит в Уругвай остальные 800 000 доз противоменингитной вакцины из уже обещанных 1 200 000 доз вакцины" (ibid.).

[30] Мнение г-на Опертти Бадана, выраженное в его письменном материале по данному вопросу, направленном Специальному докладчику.

[31] Информация представлена г-ном Дауди.

[32] Воспроизводится в ILM, vol. XXVII, No. 6 (November 1988), p. 1637.

[33] Ibid., p. 1641.

46. Заявление Короля Иордании означает отказ от территории Западного берега с разрывом правовых и административных связей с ней.

47. Этот акт или одностороннее заявление совершается в рамках процесса, который начался с появлением ООП и ее признанием на Седьмом саммите Лиги арабских государств в Рабате в 1974 году в качестве единственного законного представителя палестинского народа. В речи Короля Иордании упоминается позитивная позиция его страны в отношении как желаний палестинского народа, выражавшихся во время союза Западного берега с Иорданией в 1950 году, так и в отношении желания ООП как единственного представителя палестинского народа создать палестинское государство. Национальный совет Палестины принял 15 ноября 1988 года после своего Алжирского совещания заявление, в котором провозгласил создание палестинского государства[34].

48. ООП с удивлением отреагировала на решение Иордании, хотя она перестала соглашаться с той частью ответственности, которую взяла на себя Иордания, в отношении управления Западным берегом. В Декларации независимости Палестины от 15 ноября 1988 года ООП никак не упомянула речь Короля Иордании, касавшуюся Западного берега, отметив лишь прекращение оккупации палестинских территорий. Со своей стороны, Израиль приходит к признанию того, что решение должно приниматься с участием ООП, о чем свидетельствует ряд соглашений, заключенных после 1991 года.

49. Следовало бы также отметить, что Иордания никогда после этого не ссылалась ни на какое право, по которому она была бы уполномочена говорить от имени населения уступленной территории.

50. Представляется не менее интересной реакция других государств. Соединенные Штаты через государственного секретаря Джорджа П. Шульца объявляют 14 декабря 1988 года о том, что статус Западного берега и полосы Газа может быть урегулирован или установлен лишь путем переговоров, а не посредством односторонних актов. Соединенные Штаты не признают декларацию о независимости Палестины[35].

51. Представляются важными реакции других сторон. Франция не признает государство Палестина, поскольку, по мнению министерства иностранных дел, оно не имеет определенной территории. С другой стороны, 95 государств, которые признали Палестину в 1988 году, признавали, что Западный берег подпадает под ответственность ООП. Стоит напомнить, что в 1988 году Генеральная Ассамблея (104 голосами против 2 при 36 воздержавшихся) приняла к сведению провозглашение палестинского государства[36].

52. Важно отметить, что это заявление содержится в речи Короля Иордании, что означает односторонний отказ от части своей территории[37].

53. Встает вопрос об определении того, обладал ли Король Иордании полномочиями для того, чтобы действовать на международной арене и формулировать акт отказа от имени Иордании. Важно уточнить, что Конституция Иордании запрещает любой акт, связанный с уступкой территории, ввиду чего представляется, что Король действовал, выходя за рамки своих полномочий. Тем не менее это никак не сказывается на том факте, что отказ породил правовые последствия и в действительности имела место уступка территории Западного берега государству Палестина.

54. Здесь мы имеем дело, о чем пойдет речь позднее, с последующим подтверждением акта, совершенного лицом, не уполномоченным на это в соответствии с установленными внутренними нормами государства, о котором идет речь. Односторонний акт будет подтверждаться последующими внутренними актами.

D. Декларация Египта от 24 апреля 1957 года[38]

55. В настоящем разделе Специальный докладчик рассмотрит Декларацию Египта от 24 апреля 1957 года, которая весьма часто цитируется в работах, касающихся международного права[39]. Речь идет о заявлении правительства Египта, сделанном "в соответствии с Конвенцией 1888 года относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу "[40].

56. Правительство Египта обязалось уважать положения и дух Конвенции относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу, а также вытекающие из нее права и обязательства. Правительство Египта обязалось обеспечивать судоходство для всех стран и не чинить ему препятствий в рамках и в соответствии с положениями Константинопольской конвенции.

---

[34] A/43/827–S/20278 и Corr.1, приложение III. См. также Flory, “Naissance d’un État palestinien”.

[35] Nash Leich, “Contemporary practice of the United States relating to international law”, p. 348.

[36] Резолюция 43/177 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1988 года.

[37] См. в этой связи Rousseau, “Chronique des faits internationaux”, p. 142.

[38] Информация, предоставленная г-ном Чи.

[39] См., например, Dehaussy, “La declaration égyptienne de 1957 sur le canal de Suez”; Degan, *Sources of International Law*, pp. 300–301; Brownlie, *Principles of Public International Law*, p. 265; Huang, “Some international and legal aspects of the Suez Canal question”; Jennings and Watts, *Oppenheim’s International Law*, pp. 592–595 and 1190; Lauterpacht, *The Suez Canal Settlement*; McNair, *The Law of Treaties*, p. 11; O’Connell, *International Law*, p. 201; Rousseau, *Droit International Public*, p. 426; Rubin, “The international legal effects of unilateral declarations”; Shaw, *International Law*, p. 461; Suy, *Les actes juridiques unilatéraux en droit international public*, pp. 140–141; Visscher, “Les aspects juridiques fondamentaux de la question de Suez”, Whiteman, *Digest of International Law*, pp. 1076–1130.

[40] Заявление, сделанное правительством Египта по Суэцкому каналу и механизмам его функционирования (Каир, 24 апреля 1957 года), United Nations, *Treaty Series*, vol. 265, No. 3821, p. 300.

57. В Декларации от 24 апреля 1957 года указывается на ряд действий, которые правительство Египта обязалось предпринять и которые касались операций и дирекции Управления Суэцкого канала, созданного правительством Египта 26 июля 1956 года, и, в частности, некоторых вопросов финансирования.

58. Как разъясняется в декларации:

> Правительство Египта сформулировало ее подтверждая Константинопольскую конвенцию 1888 года – в качестве выражения своего желания и решимости обеспечить, чтобы Суэцкий канал был эффективным и адекватным водным путем, связывающим страны мира и служащим делу мира и процветания.
>
> Данная декларация, наряду с установленными в ней обязательствами, представляет собой международный документ и будет сдана на хранение и зарегистрирована в Секретариате Организации Объединенных Наций[41].

59. Декларация была провозглашена после национализации Всеобщей компании Морского Суэцкого канала, проведенной президентом Насером 26 июля 1956 года. Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Франции выразили протест против данной национализации, считая, что она противоречит международному праву.

60. В августе 1956 года в Лондоне состоялась конференция, в которой приняли участие представители 22 государств. Получившее поддержку 18 государств предложение о создании международного совета по Суэцкому каналу было отклонено президентом Насером в сентябре. В этом же месяце состоялась вторая конференция, на которой была принята декларация, предусматривавшая создание ассоциации пользователей Суэцким каналом, которая была официально учреждена 1 октября. 13 октября 1956 года Совет Безопасности принял резолюцию 118 (1956), в которой был подтвержден принцип свободного и открытого судоходства по Суэцкому каналу. В конце октября и начале ноября обстановка обострилась, и вооруженные силы Великобритании, Франции и Израиля вторглись в зону канала. Военные действия продолжались до принятия Генеральной Ассамблеей 2 ноября резолюции, в которой содержался призыв к прекращению огня и подтверждалось важное значение принципа свободного судоходства по каналу (резолюция 997 (ES-1)).

61. В Декларации Египта подтверждалось признание им положений и духа Конвенции относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу. Исходя из этого, правительство Египта гарантировало свободу прохода через канал, хотя и указало, что суверенный контроль над каналом должен осуществляться правительством Египта.

62. Декларация была адресована не только государствам – членам Ассоциации пользователей Суэцким каналом, но и всему международному сообществу. Речь идет о декларации erga omnes.

63. Государства − члены Ассоциации пользователей Суэцким каналом продолжали пользоваться каналом в соответствии с положениями Конвенции относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу, оставив в стороне вопрос о действительности декларации Египта. Эта позиция была изложена представителем Франции в Совете Безопасности, который подчеркнул следующее:

> одностороннее заявление, пусть даже зарегистрированное, не может, по всей видимости, иметь иные последствия, чем последствия одностороннего акта, и мы должны из этого сделать вывод о том, что провозглашенное в одностороннем порядке заявление может быть модифицировано или аннулировано аналогичным образом[42].

64. Реакция третьих сторон, возможно, отражена в резолюции 118 (1956) Совета Безопасности и в резолюции 997 (ES–I) Генеральной Ассамблеи.

65. Декларация Египта могла рассматриваться в качестве одностороннего акта, по меньшей мере формально, или заявления, сделанного в порядке применения Конвенции 1888 года относительно обеспечения свободного плавания по Суэцкому каналу.

66. Декларация была опубликована в *Сборнике международных договоров* Организации Объединенных Наций[43] и претворена в жизнь. В этом отношении можно отметить, что израильским судам не разрешалось пользоваться каналом до 1979 года, когда было подписано мирное соглашение между Египтом и Израилем[44].

67. В декларацию не были внесены какие−либо изменения.

68. В работах по международному праву, как указывалось ранее, Декларация Египта рассматривалась весьма подробно. Деган считает:

> Эта ситуация показывает, каким образом какое−либо государство может счесть вполне отвечающим своим интересам принятие на себя иногда далеко идущих обязательств в одностороннем порядке вместо того, чтобы проводить переговоры по этому вопросу с другими заинтересованными государствами. Следовательно, этот случай доказывает, что в качестве принципиального вопроса не должно быть никаких сомнений относительно правовых последствий односторонних обязательств просто потому, что они не установлены в каком−либо формальном международном договоре[45].

69. По мнению Рубина,

> Поскольку эту декларацию можно было толковать как предложение заключить международный договор, она была прямо отвергнута Ассоциацией пользователей Суэцким каналом, т.е. органом, который, как представляется, скорее всего являлся получате-

---

[41] United Nations, *Treaty Series* (см. сноску 40, выше), p. 306.

[42] *Official Records of the Security Council, Twelfth Year*, 776th meeting, para. 59. См. также Kiss, *Répertoire de la pratique française en matière de droit international public*, p. 618.

[43] См. сноску 38, выше.

[44] Мирный договор между Арабской Республикой Египет и Государством Израиль (Вашингтон, округ Колумбия, 26 марта 1979 года), United Nations, *Treaty Series*, vol. 1136, No. 17813, p. 100, and vol. 1138, No. 17855, p. 59.

[45] Op. cit., p. 301.

лем предложения в традиционном договорном смысле. Вполне возможно толковать декларацию Египта как подлинную одностороннюю декларацию… обусловливающую необходимость определения международным сообществом ее юридической действительности на практике[46].

В той же статье автор в заключение утверждает, что декларация 1957 года

не указывает на существование консенсуса в поддержку нормы, закрепляющей международное обязательство, установленное в силу какого-либо одностороннего заявления, сделанного публично и с намерением считать его обязательным, в отсутствие таких дополнительных факторов как переговорный контекст, позитивная реакция других государств, получение каким-либо судом этого заявления официально или существование ранее вспомогательного обязательства[47].

E. Заявления правительства Франции о приостановлении ядерных испытаний в южной части Тихого океана[48]

70. В настоящем разделе Специальный докладчик рассмотрит заявления, сделанные различными представителями французского государства в связи с рассмотрением МС[49] дел *Nuclear Tests*, ссылки на которые содержатся в предыдущих докладах[50].

71. Речь идет о заявлениях президента Франции от 8 июня 1974 года и от 25 июля 1974 года; ноте посольства Франции в Веллингтоне, направленной министерству иностранных дел Новой Зеландии 10 июня 1974 года; письме президента Франции от 1 июля 1974 года на имя премьер-министра Новой Зеландии; двух заявлениях министра обороны Франции от 16 августа 1974 года и от 11 октября 1974 года и о заявлении министра иностранных дел этой страны в Генеральной Ассамблее 25 сентября 1974 года.

72. Формы, в которых были сделаны вышеупомянутые заявления, являются разными: сообщение президента Республики, дипломатическая нота, письмо президента Республики, заявление на пресс-конференции, заявления представителям французской печати и выступление в таком международном органе, как Генеральная Ассамблея.

73. Что касается содержания этих выраженных в различной форме актов, которые преобразованы в единый акт, то можно отметить, что речь идет о приостановлении Францией ядерных испытаний в южной части Тихого океана. В заявлении президента Республики излагается позиция правительства в отношении возникшего спора. В своем заявлении от 25 июля 1974 года президент Франции подчеркнул, что

по этому вопросу о ядерных испытаниях, как вам известно, премьер-министр публично высказался в Национальном собрании в своей речи, в которой он представлял программу правительства. Он указал, что Франция будет продолжать ядерные испытания. Я лично четко указал, что этот раунд испытаний в атмосфере будет последним, и таким образом члены правительства были в полной мере информированы о наших намерениях в этом отношении[51].

74. Выступление министра иностранных дел Франции в Генеральной Ассамблее в равной мере является важным в этом контексте. Тогда министр подчеркнул, что "в настоящее время мы достигли этапа в развитии нашей ядерной технологии, который позволяет нам продолжать нашу программу посредством проведения подземных испытаний, и мы предприняли шаги для их проведения уже в начале следующего года"[52].

75. По мнению МС, "Франция публично заявила о своем намерении прекратить проведение ядерных испытаний в атмосфере после завершения серии испытаний, намеченных на 1974 год"[53]. Кроме того, правительство Франции "не может не предположить, что другие государства могут принять к сведению эти заявления и рассчи тыать на их претворение в жизнь"[54].

76. Эти заявления Франции были адресованы правительствам Австралии и Новой Зеландии. Тем не менее МС подчеркнул, что эти заявления "были сделаны вне Суда и erga omnes, несмотря на то, что первое из них [заявление президента Республики от 8 июня 1974 года] было доведено до сведения правительства Австралии"[55].

77. Реакция на эти заявления была вполне предсказуемой. Правительство Австралии, как непосредственный адресат, подчеркнуло:

Правительство Австралии приняло к сведению заявления правительства Франции, в которых выражается намерение прекратить испытания в атмосфере после завершения нынешней серии испытаний. Как подчеркнул сенатор Виллеси, эти заявления

---

[46] Loc. cit., p. 6.

[47] Ibid., p. 7.

[48] Информация, предоставленная г-ном Пелле. Специальный докладчик выражает ему за это признательность, равно как и за его неустанную работу в качестве Председателя Рабочей группы по односторонним актам на предыдущих сессиях.

[49] *Nuclear Tests (Australia* v. *France), Judgment, I.C.J. Reports 1974*, p. 253; and *ibid. (New Zealand* v. *France), Judgment, I.C.J. Reports 1974*, p. 457.

[50] Библиография, касающаяся вопроса о ядерных испытаниях, является весьма обширной. В качестве примеров такой библиографии неисчерпывающим образом можно привести следующие: Bollecker-Stern, “L’affaire des essais nucléaires français devant la Cour internationale de justice”; Cot, “Affaires des essais nucléaires (Australie c. France et Nouvelle Zélande c. France)—demandes en indication des mesures conservatoires: ordonnances du 22 juin 1973”; Dupuy, “L’affaire des essais nucléaires français et le contentieux de la responsabilité internationale publique”; Franck, “World made law: the decision of the ICJ in the Nuclear Test cases”; Juste Ruiz, “Tribunal Internacional de Justicia—asuntos de las pruebas nucleares (Australia c. Francia; Nueva Zelanda c. Francia): sentencias de 20 de diciembre de 1974”; and “Mootness in international adjudication: the Nuclear Tests cases”; Lacharrière, “Cour internationale de justice: commentaires sur la position juridique de la France à l’égard de la licéité de ses expériences nucléaires”; Macdonald and Hough, “The Nuclear Tests case revisited”; Sur, “Les affaires des essais nucléaires (Australie c. France, Nouvelle-Zélande c. France—C.I.J.: arrêts du 20 décembre 1974”; Thierry, “Les arrêts du 20 décembre 1974 et les relations de la France avec la Cour internationale de justice”.

[51] *I.C.J. Reports 1974* (см. сноску 48, выше), p. 266, para. 37; and p. 471, para. 40.

[52] Ibid., paras. 39 and 42.

[53] Ibid., p. 267, para. 41; p. 269, para. 51; and p. 474, para. 53.

[54] Ibid., p. 269, para. 51; and p. 474, para. 53.

[55] Ibid., paras. 50 and 52.

представляют собой шаг в правильном направлении, однако правительство Франции не дало правительству Австралии какого-либо удовлетворительного заверения в том, что в последующем испытания в атмосфере не будут проводиться[56].

78. В ходе выступлений в МС юридические представители Австралии заявили следующее:

Заявление президента Франции требует тщательного изучения. Я должен подчеркнуть основное различие между утверждением о том, что испытания будут проводиться под землей, и заверением в том, что новые испытания в атмосфере не будут проводиться. Даже хотя Франция заявила, что она "будет в состоянии перейти к стадии подземных испытаний", это никоим образом не препятствует ей продолжить или возобновить испытания в атмосфере, возможно, даже в сочетании с испытаниями под землей... Кроме того, в ходе обсуждения этого вопроса правительством Австралии и правительством Франции правительству Австралии не было заявлено ничего, что позволяло бы предположить, что правительство Франции отходит от такого понимания данной позиции. Правительство Франции никогда не давало заверений, которые правительство Австралии запрашивало в связи с испытаниями в атмосфере.

…

Правительство Австралии заинтересовано в полном исключении испытаний в атмосфере. Оно неоднократно просило дать гарантии прекращения испытаний в атмосфере. Оно не получило таких гарантий. Последнее заявление президента Франции нельзя толковать как твердое, прямое и имеющее юридическую силу обязательство воздерживаться от проведения дальнейших испытаний в атмосфере.

Из этого следует, что правительство Франции по-прежнему оставляет за собой право проводить ядерные испытания в атмосфере. Опасность того, что эта политика приведет к проведению новых испытаний в атмосфере в 1975 году и в последующие годы, остается весьма реальной. В правовом смысле Австралия не получила от правительства Франции ничего, что защищало бы ее от любых новых испытаний в атмосфере, если правительство Франции решит их проводить. Данное судебное разбирательство является столь же значимым и важным, как и во время подачи Австралией своего ходатайства[57].

79. Третьи стороны не отреагировали на данные заявления Франции.

80. Что касается соблюдения, то можно отметить просьбы Новой Зеландии[58] после новых подземных ядерных испытаний, проведенных Францией в 1995 году, а также аналогичные просьбы Австралии, Маршалловых Островов, Микронезии (Федеративных Штатов), Самоа и Соломоновых Островов.

81. В связи с этим в 1995 году МС констатировал следующее:

Учитывая, что основой решения, вынесенного Судом в деле *Nuclear Tests (New Zealand* v. *France)*, было последующее обязательство Франции не проводить каких-либо новых ядерных испытаний в атмосфере; учитывая, что лишь, следовательно, в случае возобновления ядерных испытаний в атмосфере эта основа решения была бы затронута; и учитывая, что это предположение не материализовалось[59].

82. В данный в односторонний акт Франции не были внесены никакие изменения. В отношении возможности пересмотра этого акта МС подчеркнул, что "одностороннее обязательство, возникающее в результате этих заявлений, не может толковаться иначе, как взятое на себя при полной уверенности в сохранении свободы пересмотреть свою позицию"[60]. Что касается прекращения его действия, то можно отметить, что, как подчеркнула Новая Зеландия в ее просьбе, направленной в 1995 году: "Между прочим, уместно заметить, что с обязательствами Франции [1974 года] не связаны какие-либо сроки"[61].

83. Правовые последствия этих заявлений были прямо определены МС в его решениях 1974 года:

Его заявления и заявления членов правительства Франции, действующих под его контролем, вплоть до последнего заявления министра обороны следует рассматривать как являющиеся обязательством государства с учетом их намерения и обстоятельств, в которых они были сделаны[62].

В связи с этим Суд добавил, что

он констатирует, что Франция взяла на себя обязательство более не производить ядерные испытания в атмосфере в южной части Тихого океана[63].

F. Протесты Российской Федерации, направленные Туркменистану и Азербайджану[64]

84. В настоящем разделе Специальный докладчик рассмотрит различные акты Российской Федерации, представляющие собой ноты протеста, направленные Азербайджану и Туркменистану по отдельности в связи со статусом водных ресурсов Каспийского моря.

---

[56] *I.C.J. Pleadings, Nuclear Tests*, Vol. I (Australia *v.* France), p. 551.

[57] Ibid., sixth public hearing (4 July 1974), argument of Senator Murphy, pp. 389–390.

[58] В этой связи см. Daniele, "L'ordonnance sur la demande d'examen de la situation dans l'affaire des essais nucléaires et le pouvoir de la Cour internationale de justice de régler sa propre procédure"; and Coussirat-Coustère, "La reprise des essais nucléaires français devant la Cour internationale de justice: observations sur l'ordonnance du 22 septembre 1995". Смю также ссылку на этот вопрос в "Chronique des faits internationaux", p. 978.

[59] *Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's Judgment of 20 December 1974 in the* Nuclear Tests (New Zealand *v.* France) *Case, Order of 22 September 1995, I.C.J. Reports 1995*, pp. 305–306, para. 62.

[60] *I.C.J. Reports 1974* (см. сноску 48, выше), p. 270, para. 51; и p. 475, para. 53.

[61] *I.C.J. Pleadings, Request for an Examination of the Situation in Accordance with Paragraph 63 of the Court's Judgment of 20 December 1974 in the* Nuclear Tests (New Zealand *v.* France) *Case* (еще не опубликовано), application instituting proceedings of 21 August 1995, p. 32, para. 63.

[62] *I.C.J. Reports 1974* (см. сноску 48, выше), p. 269, para. 49; и p. 474, para. 51.

[63] Ibid., p. 270, para. 52; and p. 475, para. 55; см. также стр. 271, пункт 56, и стр. 476, пункт 59. См. далее *I.C.J. Reports 1995* (сноска 58, выше), p. 305, para. 61. Можно добавить, что в своей просьбе Новая Зеландия ссылалась не на претворение в жизнь этих заявлений, а на решение 1974 года.

[64] Документ, предоставленный г-ном Колодкиным (апрель 2005 года).

85. В первом случае речь идет о протесте, выраженном в дипломатической ноте от 6 января 1994 года, которая была направлена правительству Туркменистана. Эта нота протеста была направлена в связи с принятием закона о государственной границе, который устанавливает границы внутренних и территориальных вод этого государства в Каспийском море.

86. Следует напомнить о том, что до распада Союза Советских Социалистических Республик правовой статус Каспийского моря регулировался Договором о дружбе, заключенным между Персией и Российской Социалистической Федеративной Республикой[65], и Договором о торговле и мореплавании, заключенным между Ираном и Советским Союзом[66]. Эти договоры устанавливали свободу судоходства и рыболовства за исключением прибрежной зоны шириной десять миль, в пределах которой вылов рыбы резервировался для судов прибрежного государства.

87. В 1993 году Туркменистан принял закон о государственных границах, в котором устанавливаются границы внутренних и территориальных вод этого государства в Каспийском море.

88. Российская Федерация придерживается мнения о том, что правовой режим Каспийского моря все еще определяется вышеупомянутыми международными договорами до тех пор, пока новый правовой режим не будет установлен прибрежными государствами. В связи с этим Каспийское море, будучи водоемом, который не имеет естественной связи с мировым океаном, т.е. является озером, не может быть объектом действия положений международного морского права, в том числе положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, если только на это не будет получено согласие mutatis mutandis всех прибрежных государств. Переговоры между прибрежными государствами с целью разработки нового международного договора о правовом статусе Каспийского моря начались в 1994 году и все еще продолжаются. Российская Федерация не признает какую-либо одностороннюю территориальную или юрисдикционную претензию других прибрежных государств в отношении части Каспийского моря до тех пор, пока данные переговоры не будут завершены и новый правовой статус Каспийского моря не будет согласован[67].

89. Цель этой ноты заключается, во-первых, в том, чтобы информировать Туркменистан о том, что Российская Федерация не считает претензию Туркменистана и его действия, основывающиеся на этой претензии, соответствующими международному праву и действующему правовому режиму Каспийского моря, который был определен в международных договорах 1921 и 1940 годов, заключенных между Ираном и Советским Союзом.

90. Во-вторых, Российская Федерация данной нотой протеста подтверждает, что она не принимает, не признает и не соглашается с территориальными или юрисдикционными претензиями Туркменистана.

91. В-третьих, направившее ноту протеста государство подтверждает свою позицию, согласно которой такая претензия не имеет оснований в международном праве.

92. В-четвертых, оно подтверждает, что Россия не принимает и не признает действия Туркменистана на основании юридически необоснованных территориальных или юрисдикционных претензий.

93. В-пятых, Российская Федерация подтверждает свои права и, в частности, свое право свободно осуществлять судоходство и рыболовство (освоение живых ресурсов) в районах, которые, как претендует Туркменистан, подпадают под его суверенитет и юрисдикцию.

94. В-шестых, речь идет о предотвращении ситуации, когда молчание со стороны Российской Федерации в будущем будет расцениваться как молчаливое одобрение или согласие с претензиями Туркменистана.

95. И наконец, речь идет о намерении подготовить основу для возможного будущего дипломатического или правового взаимодействия.

96. Направленный протест, несомненно, имеет ясные правовые последствия, которые обосновываются содержанием, целью и формой этого акта. Речь идет о правовом акте, совершенном в связи с предыдущим внутренним правовым актом (действием Туркменистана во внутренней сфере, которое имеет неизбежные последствия в международной сфере).

97. Данная нота протеста включена в процесс переговоров между этими двумя странами, которые еще ведутся. Реакция адресата ноты пока не известна Специальному докладчику.

98. Можно предположить, что данная нота не была ни изменена, ни отозвана, и поэтому правовая претензия Российской Федерации сохраняет свою силу.

99. Вторая дипломатическая нота Российской Федерации от 21 ноября 1995 года была направлена правительству Азербайджана. Как и в предыдущем случае, речь идет о ноте протеста по случаю опубликования официального проекта конституции, в соответствующей части которого Каспийское море объявляется национальной территорией[68].

100. Контекст этой ноты является аналогичным контексту ранее рассматривавшейся ноты, направленной правительству Туркменистана.

---

[65] Договор о дружбе между Персией и Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Москва, 26 февраля 1921 года), League of Nations, *Treaty Series*, vol. IX, No. 268, p. 383.

[66] Договор о торговле и мореплавании между Ираном и Советским Союзом (Тегеран, 25 марта 1940 года), *British and Foreign State Papers 1940–1942*, vol. 144, p. 419.

[67] См. сноску 64, выше.

[68] Там же.

101. Цель этой ноты также является аналогичной цели ноты, упоминавшейся выше.

102. Данная нота была направлена правительству Азербайджана через посредство министерства иностранных дел этой страны.

103. Направленный протест, несомненно, имеет ясные правовые последствия, которые обусловливаются содержанием, целью и формой этого акта. Речь идет о правовом акте, совершенном в связи с внутренним правовым актом, который может означать действия Азербайджана в международной сфере.

104. Данная нота протеста включена в процесс переговоров между этими двумя странами, которые еще ведутся. Реакция адресата ноты пока не известна Специальному докладчику.

105. Можно предположить, что данная нота не была ни изменена, ни отозвана, и поэтому правовая претензия Российской Федерации сохраняет свою силу.

G. Заявления, сделанные государствами, обладающими ядерным оружием[69]

106. В настоящем разделе Специальный докладчик рассмотрит заявления, сделанные государствами, обладающими ядерным оружием, которые гарантируют неприменение ядерного оружия в отношении стран, не обладающих им[70], т.е. предоставляют негативные гарантии безопасности, которые рассматривались Комиссией ранее. Речь идет о заявлениях, сделанных от имени Российской Федерации в Совете Безопасности 5 апреля 1995 года министерством иностранных дел[71]; от имени Соединенного Королевства 6 апреля 1995 года Постоянным представителем Соединенного Королевства на Конференции по разоружению[72]; от имени Соединенных Штатов Америки, посредством заявления от 5 апреля 1995 года, государственным секретарем[73]; от имени Франции, посредством заявления от 6 апреля 1995 года, а также посредством заявления Постоянного представителя на Конференции[74]; и от имени Китая, посредством заявления от 5 апреля 1995 года[75].

107. Формой всех этих актов, как можно видеть, является заявление, сделанное в международных органах и изложенное в официальных документах Совета Безопасности.

108. Цель всех этих заявлений является аналогичной: неприменение ядерного оружия против государств, которые не обладают таким оружием; эти заявления в некоторых случаях обусловливались следующей оговоркой: кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на данное государство, его территорию, его вооруженные силы или другие войска, его союзников или на государство, с которым оно имеет обязательство в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или в союзе с государством, обладающим ядерным оружием.

109. Во всех случаях цель такого заявления заключается в предоставлении государствам − участникам Договора о нераспространении ядерного оружия гарантии того, что против не будет применено ядерное оружие, в формулировке, указанной в предыдущем пункте.

110. Адресатами этого акта являются государства, не обладающие ядерным оружием и участвующие в Договоре о нераспространении ядерного оружия. Заявление Китая сформулировано erga omnes.

111. Правовая цель, как указывалось выше, заключается в предоставлении этим государствам гарантий неприменения ядерного оружия против них. Однако,

это не распространяется (за исключением Китайской Народной Республики) на случай вторжения или какого-либо иного нападения на ядерные державы, их территорию, их вооруженные силы или их союзников или на какое-либо государство, с которым заключено соглашение о безопасности, со стороны любого государства, не обладающего ядерным оружием, совместно или в союзе с государством, обладающим ядерным оружием". Аналогичным образом, как указывается в резолюции 984 Совета Безопасности, в случае применения такого оружия против государства, не обладающего ядерным оружием, необходимо лишь согласие ядерных держав довести этот вопрос до сведения Совета Безопасности, с тем чтобы он мог предложить необходимую помощь данному государству[76].

112. Эти заявления не претерпели никаких изменений; они не были ни отозваны, ни прекращены и поэтому сохраняют свою силу. И все же в связи с консультативным заключением от 8 июля 1996 года по делу *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*[77] государства, обладающие ядерным оружием, полагали, что, по их мнению, "существуют обстоятельства, при которых применение ядерного оружия будет правомерным"[78]. Из мнений, высказанных ядерными державами, как представляется, вытекает, что речь идет скорее о политических заявлениях, которые не имеют правовой связи с их авторами.

113. Среди ответных заявлений адресатов имеется точка зрения Украины, которая подчеркнула, что "было бы

---

[69] Раздел был подготовлен на основе документов, предоставленных г-ном Пелле.

[70] *Official Records of the Security Council, Fiftieth Year, Supplement for April, May and June 1995*, documents S/1995/261–265. В связи с этим см. García Rico, *El uso de las armas nucleares y el derecho internacional*, pp. 127–128.

[71] S/1995/261, annex II.

[72] S/1995/262. annex.

[73] S/1995/262. annex.

[74] S/1995/262. annex.

[75] S/1995/262. annex.

[76] García Rico, *op. cit.*, p. 127.

[77] *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996*, p. 226.

[78] См. заявление Соединенного Королевства *I.C.J. Pleadings, Written Statements* (еще не опубликовано), para. 3.22., и заявления, сделанные Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки и Францией в García Rico, op. cit., p. 127.

предпочтительным совместное заявление… что могло бы укрепить психологический и политический авторитет, а также эффективность такого заявления"[79].

114. Например, по мнению Ирана, такие заявления должны иметь форму установленного в договорном порядке с протоколом, прилагаемым к Договору о нераспространении ядерного оружия. Для Румынии эти заявления представляют собой важный шаг, который нельзя переоценить. Со своей стороны, Пакистан заявил, что только безусловные гарантии, которые являются юридически обязательными, могут быть эффективным ответом на озабоченность государств, не обладающих ядерным оружием, в области безопасности. По мнению Малайзии, форма и содержание этих заявлений указывают на безотлагательную необходимость наличия документа, заключенного в международном плане и юридически обязательного[80].

115. Как представляется, позиция авторов заявлений и общая позиция государств отражают политический характер этих заявлений, которые рассматривались в предыдущие годы Комиссией, пришедшей в связи с этим к такому же выводу.

H. Заявление Ихлена от 22 июля 1919 года[81]

116. В настоящем разделе Специальный докладчик рассмотрит устное заявление министра иностранных дел Норвегии г-на Ихлена, касающееся суверенитета Дании в отношении Гренландии, которое было рассмотрено ППМП[82]. Это заявление также стало предметом важных исследований в доктрине права.

117. Данный акт был совершен посредством устного заявления, сделанного министром иностранных дел Норвегии министру иностранных дел Дании в ходе их встречи[83]. Запись беседы велась министром иностранных дел Норвегии для своего ведомства и была направлена министру иностранных дел Дании.

118. В ходе этой беседы министр иностранных дел Дании прежде всего указал, что его страна не имеет интересов на Шпицбергене и не возражает, чтобы Норвегия осуществляла свой суверенитет в отношении данной территории. Затем министр указал, что он хотел бы распространить экономические и политические интересы своей страны на всю территорию Гренландии, что Соединенные Штаты Америки не возражают против такого желания и что, как ожидает Дания, Норвегия также не будет возражать против этого.

119. В ответ министр иностранных дел Норвегии г-н Ихлен подтвердил, что "правительство Норвегии не будет создавать каких-либо затруднений при урегулировании этого вопроса"[84].

120. Эта встреча проходила в контексте общего обсуждения, в котором принимали участие государства, обладающие суверенитетом в отношении Шпицбергена и Гренландии. Дания считала, что, поскольку она не препятствует желанию Норвегии получить суверенитет над Шпицбергеном, Норвегия не должна препятствовать Дании в ее желании осуществлять суверенитет в отношении Гренландии. Дания направила соответствующую просьбу Норвегии и Соединенных Штатов Америки. Хотя в этой просьбе Дания прямо не указала на свое желание распространить свой суверенитет на Гренландию, Соединенные Штаты Америки именно так истолковали эту просьбу. В любом случае правительство Норвегии имело интересы, в частности, на побережье Восточной Гренландии, в данном случае интересы в области рыболовства и звероловства, возможность вести которые имеются в этом регионе.

121. Возникает вопрос, заключающийся главным образом в том, является ли заявление Ихлена односторонним актом, в том числе окончательным и безусловным, как считала Дания в ходе этого процесса, или же напротив оно является актом, который включается в договорные взаимоотношения.

122. Существуют разные мнения в отношении того, каким образом квалифицировать это устное заявление. Например, лорд Макнэйр не считает, что это заявление может быть оспорено в силу эстоппеля. Напротив, данный автор полагает, что речь идет о контексте переговоров, приводящих к заключению международного соглашения[85]. В этом смысле различные ученые, включая Макнэйра, рассматривают заявление Ихлена в качестве неофициального соглашения. Тем не менее, по мнению ППМП, это заявление является односторонним актом.

123. Хотя правительство Норвегии полагало, что заявление Ихлена было обусловлено контекстом соглашения, ППМП в конечном счете установила, что умышленный характер данного заявления не вызывает сомнений. Его цель заключалась в обеспечении того, чтобы ни Дания, ни Норвегия не оспаривали "суверенитет Дании в отношении всей Гренландии" и не оккупировали "часть Гренландии"[86].

124. ППМП фактически сочла это заявление односторонним актом, который устанавливал бы для Норвегии обязательства в случае признания Гренландии частью территории Дании, указав на следующее:

---

[79] *Official Records of the Security Council, Fiftieth Year*, 3514th meeting.

[80] Ibid. Можно также отметить тщательно продуманную аргументацию Малайзии, высказанную в МС в связи с рассмотрением дела *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapon*, в которой указывается на противоречия, возникшие между ядерными державами в отношении сферы действия ДНЯО и касающиеся законности обладания ядерным оружием и его применения (*I.C.J. Pleadings, Written Statements*). См. далее García Rico, op. cit., p. 127.

[81] Подготовлено на основании информации, предоставленной г-ном Броунли.

[82] *Legal Status of Eastern Greenland, Judgment, 1933, P.C.I.J. Series A/B, No. 53*, pp. 69–70.

[83] Garner, "The international binding force of unilateral oral declarations" (особенно в том, что касается анализа решения ППМП по делу *Legal Status of Eastern Greenland*).

[84] *Legal Status of Eastern Greenland* (см. сноску 81, выше), p. 70.

[85] McNair, op. cit., p. 10.

[86] *Legal Status of Eastern Greenland* (см. сноску 81, выше), p. 73.

Палата считает не вызывающим сомнений то обстоятельство, что ответ такого рода, данный министром иностранных дел от имени его правительства по просьбе дипломатического представительства иностранной державы, на какой-либо вопрос, входящий в пределы его компетенции, является обязательным для страны, к которой относится данный министр[87].

125. Мнение ППМП о том, что это заявление является действием, имеющим обязательную силу, вызывает определенный интерес в том смысле, что речь идет об одном из первых случаев, когда какой-либо орган международной юрисдикции высказывается по поводу действий министра иностранных дел, которые могут создать в международной сфере обязательства для государства, которое он представляет. Этим обусловливается то важное значение, которое может иметь анализ этого заявления Палатой.

126. Это же относится к вопросу о форме, которую приобрело данное заявление. В этом смысле особое мнение судьи ППМП г-на Анцилотти, касающееся конкретно этого вопроса, позволяет учитывать этот элемент; судья подчеркнул, что "не существует нормы международного права, которая требовала бы, чтобы соглашения подобного рода, для того чтобы быть юридически действительными, оформлялись в письменном виде"[88].

I. Прокламация Трумэна от 28 сентября 1945 года[89]

127. В настоящем разделе Специальный докладчик рассматривает заявление от 28 сентября 1945 года президента Соединенных Штатов Америки Гарри С. Трумэна, обнародованное в форме президентской прокламации, и адресованное международному сообществу.

128. В прокламации дословно говорится следующее:

по мнению правительства Соединенных Штатов Америки, осуществление юрисдикции в отношении природных ресурсов, находящихся в недрах и на морском дне континентального шельфа, прилежащей страной имеет разумный и справедливый характер, поскольку эффективность мер по использованию или сохранению таких ресурсов будет обусловливаться сотрудничеством и их охраной с берега, поскольку континентальный шельф может рассматриваться как продолжение сухопутной территории прибрежной страны и таким образом, естественно, принадлежит этой стране, ибо эти ресурсы часто образуют простирающиеся в море залежи или месторождения, находящиеся в пределах территории этой страны, и поскольку интересы самообороны вынуждают прибрежную страну пристально следить за деятельностью у ее берегов, которая носит такой характер, какой необходим для использования этих ресурсов[90].

Далее в прокламации говорится:

Будучи озабоченным в связи с безотлагательной необходимостью сохранения и благоразумного использования своих природных ресурсов, правительство Соединенных Штатов Америки рассматривает природные ресурсы, находящиеся в недрах и на морском дне континентального шельфа под поверхностью открытого моря, но в зоне, прилежащей к побережью Соединенных Штатов Америки, как принадлежащие Соединенным Штатам Америки и входящие в сферу их юрисдикции и контроля. В случаях, когда континентальный шельф простирается к берегам другого государства или делится с соседним государством, линия границы определяется Соединенными Штатами Америки и заинтересованным государством в соответствии со справедливыми принципами. Статус открытого моря вод, находящихся над континентальным шельфом, и право на свободное и беспрепятственное судоходство в них никоим образом этим не затрагиваются[91].

129. Прокламация предусматривает использование и освоение ресурсов, находящихся на морском дне под территориальным морем, и устанавливает право прибрежного государства, признанное с учетом принципов XX века. К 1945 году стало ясно, что освоение минеральных ресурсов континентального шельфа, находящегося под открытым морем, особенно запасов нефти, не является практически возможным в сколь-нибудь крупных масштабах, а, в частности, Соединенные Штаты Америки проявляли серьезную заинтересованность в добыче нефти в прибрежных районах в Мексиканском заливе и в других районах.

130. Цель Соединенных Штатов Америки при обнародовании прокламации Трумэна заключалась в установлении своей юрисдикции и контроля в отношении прилежащего морского дна континентального шельфа и закреплении того, что линия раздела морского дна с соседними государствами будет определяться по взаимному соглашению в соответствии со "справедливыми принципами". Прокламация прямо не предназначалось для воздействия на правовой статус открытого моря над шельфом и на право "свободного и беспрепятственного судоходства" в этих водах.

131. На эту прокламацию отреагировали несколько государств; вместе с тем она рассматривалась Комиссией в период разработки проектов конвенций по морскому праву и МС, сделавшим на нее ссылку в своем решении 1969 года относительно континентального шельфа Северного моря[92], которое упоминается выше.

132. В число отреагировавших государств входит Мексика, которая, являясь сопредельной страной для Соединенных Штатов Америки, опубликовала спустя месяц президентскую декларацию[93], в котором ее континентальный шельф объявлялся национальной территорией.

133. Через непродолжительное время принцип, изложенный в прокламации Трумэна, стал общепризнанным. В 1951 году Комиссия включила в свои проекты статей по континентальному шельфу и смежным вопросам положение, в котором подчеркивается, что "континентальный шельф является объектом осуществления прибрежным государством контроля и юрисдикции в целях разведки и разработки его природных ресур-

[87] Ibid., p. 71.

[88] Ibid., p. 91.

[89] На основании документов, предоставленных г-ном Матесоном.

[90] *United States Statutes at Large, 1945*, vol. 59, part 2 (Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1946), p. 884.

[91] Ibid., pp. 884–885.

[92] *North Sea Continental Shelf, Judgment, I.C.J. Reports 1969*, p. 3.

[93] *Laws and Regulations on the Regime of the High Seas*, vol. I (United Nations publication, Sales No. 1951.V.2), p. 13.

сов"[94]. В пункте 1 статьи 2 Женевской конвенции о континентальном шельфе предусматривается, что "прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом суверенные права в целях разведки и разработки его естественных богатств".

134. В своем решении по делам *North Sea Continental Shelf* МС также ссылался на Прокламацию Трумэна:

> Анализ истории возникновения метода равного отстояния, используемого при делимитации границ, только подтверждает вышеуказанный вывод. Такой анализ, видимо, было бы целесообразно начать с документа в общем известного под названием "Прокламация Трумэна", принятого правительством Соединенных Штатов 28 сентября 1945 года. Хотя этот документ не был первым или единственным, по мнению Суда, он имеет особый статус. Ранее юристы, ученые и специалисты выдвигали различные теории относительно характера и объема прав, касающихся континентального шельфа или осуществляемых в его отношении. Однако прокламация Трумэна вскоре стала рассматриваться как отправная точка в позитивном праве по этому вопросу, и главная доктрина, которая в ней провозглашалась, а именно, что прибрежное государство имеет первичное, естественное и исключительное право на континентальный шельф у своих берегов, приобрела приоритетное положение относительно всех других доктрин и получила отражение в статье 2 Женевской конвенции 1958 года о континентальном шельфе. Что касается делимитации границ между континентальными шельфами смежных государств, вопрос, который получил определенное рассмотрение со стороны специалистов и очень незначительное рассмотрение со стороны юристов, то в прокламации Трумэна говорилось, что такие границы "будут устанавливаться Соединенными Штатами и заинтересованным государством в соответствии с принципами справедливости". Эти две концепции − делимитация на основе взаимного соглашения и делимитация на основе принципа справедливости − заложили основу всего последующего развития в данной области права. Они получили отражение в различных заявлениях других государств в тот и последующий период и в более поздней работе над этой темой[95].

Ранее Суд указал, что

> Режим континентального шельфа является примером правовой теории, вытекающей из особого решения, получившего всеобщее признание. Как Суд напомнил в первой части своего решения, именно прокламация Трумэна от 28 сентября 1945 года легла в основу теории, особые черты которой отражают эту основу[96].

135. Прокламация Трумэна не имеет прямых оснований, за исключением политических соображений, на которые указывалось выше.

136. Прокламация Трумэна получила развитие в президентском распоряжении, вынесенном в тот же день, когда было объявлено о том, что природные ресурсы прилежащего континентального шельфа находятся под юрисдикцией и контролем Соединенных Штатов Америки[97]. Впоследствии прокламация была подтверждена и дополнена принятием Конгрессом Соединенных Штатов Америки Закона о землях внешнего континентального шельфа[98].

137. Данная прокламация не была ни изменена, ни отменена, ни прекращена.

J. Заявления, касающиеся Организации Объединенных Наций и ее персонала (освобождение от налогов и привилегии)

138. В отличие от большей части вопросов, рассмотренных в настоящем докладе, пример, рассматриваемый в настоящем разделе, имеет в качестве своего объекта Организацию Объединенных Наций (или другие связанные с ней международные организации, как, например, специализированные учреждения и их сотрудники). Именно в этом очевидно заключается основная особенность, которая отличает такой односторонний акт (образуемый различными и последовательно сделанными заявлениями) от других рассмотренных актов[99].

139. В качестве исходного пункта следует отметить, что, поскольку речь идет о различных заявлениях, которые были сделаны в течение определенного времени и которые имеют достаточно аналогичное содержание, то соответственно необходимо учитывать различные даты, с тем чтобы определить содержание обязательств, которые намеревается взять на себя Швейцария.

140. Первой из этих дат является апрель 1946 года, когда государственный советник Женевского кантона сделал заявление в качестве члена швейцарской делегации в контексте переговоров, которые увенчались принятием Соглашения о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций.

141. Во−вторых, 5 августа 1946 года – дата, когда начальник Департамента федеральной политики опубликовал официальное коммюнике для прессы.

142. Наконец, 28 июля 1955 года, девять лет спустя, Федеральный совет подтвердил это последнее заявление в своем послании Федеральному собранию. Поэтому именно эти три даты позволяют нам констатировать наличие и содержание обязательства, взятого на себя Швейцарией.

143. Было бы интересно уточнить, кто является авторами или органами, которые публикуют такие заявления, а также их правомочность устанавливать обязательства для государства. Три комментируемых акта будут проанализированы с учетом двух аспектов: международного, исходя из наличия правомочий для обсуждения международных договоров так, как это предусматривается Венской конвенцией 1986 года, и

---

[94] *Ежегодник.., 1951 год*, том II, документ A/1858, приложение, стр. 141 англ. текста.

[95] *I.C.J. Reports 1969* (см. сноску 92, выше), pp. 32–33, para. 47.

[96] Ibid., p. 53, para. 100.

[97] Executive Order No. 9633, reserving and placing certain resources of the continental shelf under the control of the Secretary of the Interior, *Laws and Regulations on the Regime of the High Seas* (см. сноску 93, выше), p. 41.

[98] *United States at Large, 1953*, vol. 67 (Washington, D.C., United States Government Printing Office, 1953), p. 462.

[99] Анализ этого дела был осуществлен г-жой Торрес Касарлой, профессором международного права в Университете Малаги, Испания.

внутреннего, на основе толкования в этих целях текста конституции Швейцарии, которая действовала в момент, когда имели место рассматриваемые события.

144. В хронологическом порядке первым из таких заявлений является заявление, сделанное г−ном Перреаром, государственным советником Женевского кантона, который также являлся членом делегации Швейцарии, которой было поручено вести переговоры, касавшиеся соглашения о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций. На международном уровне очевидно важное значение имеет вторая из выполнявшихся им функций, т.е. в условиях нашего контекста функция члена делегации Швейцарии, которая в данном случае приобретает соответствующее значение.

145. В этой связи уместно напомнить о пункте 2 статьи 7 Венской конвенции 1986 года, который гласит:

> Следующие лица в силу их функций и без необходимости предъявления полномочий считаются представляющими свое государство:
>
> …
>
> *c*) представители, аккредитованные государствами при международной организации или одном из ее органов, – в целях принятия текста договора в этой организации или органе.

146. На внутригосударственном уровне г−н Перреар занимал должность государственного советника одного из кантонов (конкретно говоря, Женевского кантона, где Организация Объединенных Наций имела и имеет свое отделение). В соответствии со статьей 9 Конституции Швейцарии, действовавшей в момент, когда было сделано это заявление (Конституция 1874 года), предусматривается следующее:

> В особых случаях кантоны обладают правом заключать с иностранными государствами договоры по вопросам, касающимся государственной экономики, добрососедских отношений и полиции; тем не менее такие договоры не должны никоим образом содержать положения, противоречащие интересам Конфедерации или правам других кантонов[100].

147. Можно ли в этом случае полагать, что заявление, сделанное г−ном Перреаром, подпадает под сферу компетенции, которую возлагает на него текст Конституции Швейцарии или законодательство этой страны? Если мы обратимся к тексту упомянутого заявления, то, очевидно, это позволит нам более четко понять данный вопрос. В ходе переговоров данный представитель заявил, что "женевские власти готовы предоставить Организации Объединенных Наций те же льготы и привилегии, которые ранее были предоставлены другим международным учреждениям"[101].

148. Г−н Перреар говорит о том, что "женевские власти", иначе говоря, власти кантона[102], который он представляет, могут предоставить Организации Объединенных Наций льготы и привилегии, которыми в прошлом пользовались другие международные учреждения (это представляет собой четкую ссылку на modus vivendi 1921–1926 годов с учетом поправок, внесенных в 1928 году Лигой Наций и Швейцарией[103], о чем мы будем говорить ниже).

149. Если мы обратимся ко второму заявлению, то можно отметить, что это заявление было сделано на уровне Швейцарской Конфедерации начальником Департамента федеральной политики г−ном Петипьером после беседы, которую он провел 5 августа 1946 года с тогдашним Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций (Трюгве Ли). Содержание этого заявления (опубликованное в рамках более официального текста через посредство официального коммюнике для печати) имеет более широкий характер, чем предыдущее заявление, ибо в нем не содержится ссылки только лишь на кантон Женевы, а содержится ссылка на швейцарские власти в целом[104].

150. Девять лет спустя Федеральный совет Швейцарии в своем послании Федеральному собранию 28 июля 1955 года вновь упомянул о правовом статусе Организации Объединенных Наций, ее специализированных учреждений и других международных организаций в Швейцарии[105]. В соответствии с действовавшей в то время Конституцией согласно положениям ее статьи 95 "Высшую и исполнительную власть в Конфедерации осуществляет Федеральный совет в составе семи членов"[106]. Одной из функций, которые выполняет Феде-

---

[100] Данную статью следует также непосредственно сопоставлять со статьей 10 упомянутого текста Конституции, которая гласит также:

> "Официальные отношения между кантонами и иностранными правительствами или их представителями осуществляются через посредство Федерального совета.
>
> Тем не менее кантоны могут осуществлять прямые отношения с властями низшего уровня или должностными лицами иностранного государства в тех случаях, когда речь идет о вопросах, упомянутых в предыдущей статье".

(Hughes, *The Federal Constitution of Switzerland: Translation and Commentary*, p. 12)

[101] Цитируется в Caflisch, “La pratique suisse en matière de droit international public 1982”, p. 182.

[102] Как отмечает Перес в *The System of Privileges and Immunities applicable to the International Organisations in Switzerland and to the Permanent Foreign Delegations in Geneva*, p. 38: в федеративном государстве, каковым является Швейцария, не существует единого налогового режима на всей территории. Определение понятий налогов, тарифов, вознаграждений и прав является параллельной компетенцией конфедерации, кантонов и коммун. В этом смысле налоговые привилегии могут иметь различное содержание для соответствующего лица в зависимости от места его проживания. Таким образом, очевидно, что налоговые изъятия, предусмотренные в соглашениях, заключенных в одном из этих мест, применяются без какого-либо сомнения ко всем трем упомянутым уровням.

Информация, приведенная упомянутым автором, взята из Bourgnon, *La Convention de Vienne sur les relations diplomatiques: Pratique Suisse*”, p. 93.

[103] League of Nations, *Official Journal*, 7th Year, No. 10 (October 1926), pp. 1407 and 1422; и ibid., 9th Year, No. 6 (June 1928), p. 839.

[104] В указанном коммюнике было сказано, что швейцарские власти намерены предоставить Организации Объединенных Наций и ее сотрудникам не менее благоприятный режим, чем тот, который предоставляется любой другой международной организации на территории Швейцарии" (Caflisch, loc. cit., p. 183).

[105] *Feuille fédérale*, No. 35, 107th year, vol. II (Bern, 2 September 1955), p. 393.

[106] Hughes, op. cit., p. 106.

ральный совет, является, в частности, функция, касающаяся внешней политики и международных договоров в соответствии со статьей 102 Конституции 1874 года[107]. В этом смысле данный орган обладал всеми необходимыми полномочиями, чтобы заявить следующее:

мы предоставили Организации Объединенных Наций заверения в том, что во всех отношениях она будет пользоваться не менее благоприятным режимом, чем режим, предоставленный всем другим международным организациям на швейцарской территории. Иначе говоря, Организация Объединенных Наций может требовать применения к ней всех преимуществ, которые не были предусмотрены во временном соглашении и которые мы предоставляем любой другой международной организации[108].

151. Что касается формы, в которой были сделаны три упомянутых заявления, необходимо подчеркнуть, что как устные заявления, так и сообщения для печати и аналогичным образом послания Федерального совета Федеральному собранию имеют различную форму. Иначе говоря, послание Федерального совета, в частности, является легкодоступным, поскольку оно было опубликовано в ранее упомянутом федеральном бюллетене Швейцарии (*Feuille fédérale*) (см. сноску 104). В данном случае так же, как и в случае с заявлениями Франции по делам *Nuclear Tests*, мы имеем различные акты или заявления, которые образуют единый односторонний акт, хотя, как будет показано, они не являются идентичными.

152. Можно будет отметить, как со временем и в пространстве с точки зрения формы происходила эволюция этих актов, которые предоставляли все более благоприятные режимы для Организации Объединенных Наций и ее сотрудников. Так, в 1949 году в рамках этой доктрины ставился вопрос относительно такой эволюции и даже утверждалось, что "режим, предоставленный Федеральным советом Швейцарии, не претерпел никаких ограничений и, более того, наоборот, был расширен в различных областях"[109]. Рассматриваемые заявления отражают упомянутую эволюцию.

153. Контекст и обстоятельства, в которых были сделаны упомянутые заявления, хорошо известны. Хотя в настоящее время можно утверждать, что правовой режим, применяемый к международным организациям, которые имеют свои штаб-квартиры в Швейцарии, является аналогичным[110] в силу применения принципа равного обращения со стороны Швейцарии, используемая система не является идентичной с точки зрения ее основных положений. Например, некоторые организации в качестве отправной точки такого режима рассматривают режим, уходящий корнями в 1921 год, который применялся к Лиге Наций и МОТ (вышеупомянутый modus vivendi 1921–1926 годов, с поправками, внесенными в 1928 году). Первым соглашением о штаб-квартире после второй мировой войны, в котором регулируется этот вопрос, является соглашение, заключенное с Федеральным советом Швейцарии, имевшее своей целью регулирование статуса МОТ в Швейцарии, которое датируется 11 марта 1946 года (за один месяц до распространения первого из комментируемых заявлений). В статье 16 этого соглашения говорится следующее:

Директор Международного бюро труда и определенные им категории сотрудников, согласованные с Федеральным советом Швейцарии, пользуются привилегиями, иммунитетами, изъятиями и полномочиями, признанными для дипломатических агентов в соответствии с правом народов и международными обычаями[111].

Статья 17, озаглавленная "Иммунитеты и полномочия, предоставляемые всем сотрудникам", гласит:

Все сотрудники Международного бюро труда независимо от их национальности пользуются следующими иммунитетами и полномочиями:

a) освобождение от любой юрисдикции за действия, совершенные при исполнении своих функций,

b) освобождение от всех федеральных, кантональных или общинных налогов в отношении режима, вознаграждений и компенсации, которые они получают от Международной организации труда[112].

154. Для анализа правовых последствий вышеупомянутых заявлений необходимо учитывать различные документы, в которых содержатся положения относительно порядка действий Швейцарии в этом вопросе. Во−первых, необходимо упомянуть положения ноты от 2 апреля 1979 года Управления международного права Департамента федеральной полиции, в которой он подтвердил:

обязательный характер заявления г−на Петипьера, сделанного 5 августа 1946 года г−ну Трюгвели. В соответствии с этим заявлением, сделанным начальником Политического департамента, Организация Объединенных Наций подпадает под сферу применения "клаузулы об организации наибольшего благоприятствования" и тем самым имеет право требовать наиболее выгодного режима, который предоставляется любой другой организации[113].

155. В докладе Объединенной инспекционной группы, озаглавленном "Рассмотрение соглашений, касающихся штаб-квартир, заключенных организациями системы Организации Объединенных Наций: вопросы людских ресурсов, затрагивающие персонал" (JIU/REP/2004/2)[114], особо отмечается практика, которой в этом вопросе придерживается Швейцария. В этом документе содержится ссылка на "принцип наибольшего благоприятствования" и отмечается следующее:

---

[107] Ibid., p. 111. В пункте 7 отмечается, что "Совет рассматривает договоры кантонов между собой и с иностранными государствами и он их утверждает, если это является целесообразным (статья 85, раздел 5).

[108] См. сноску 104, выше.

[109] Как отмечал Перрено в своих выводах *Régime des Privilèges et Immunités des Missions diplomatiques étrangères et des Organisations internationales en Suisse*, p. 242, цитируется в Pérez, op. cit., p. 62, где дается полный анализ этой темы.

[110] См. Pérez, op. cit., p. 19.

[111] United Nations, *Treaty Series*, vol. 15, No. 103, pp. 389 and 391.

[112] Ibid., p. 391.

[113] Caflisch, loc. cit., p. 186.

[114] Подготовлено Йоном Горитой и Вольфгангом Мюнхом, Объединенная инспекционная группа (Женева, 2004 год).

Принятие принципа наиболее благоприятного режима международных организаций означало бы, что любые соответствующие договорённости и возможности, предоставляемые принимающей страной данной организации, которыми, однако, не пользуются другие организации системы Организации Объединенных Наций, автоматически применялись бы и в отношении всех организаций на территории данной принимающей страны. Это обеспечило бы постоянное обновление и модернизацию соглашений о штаб-квартире в соответствии, *например, с нынешней практикой федерального правительства Швейцарии**[115].

156. В этом же докладе, кроме того, содержится хронологическая справка о существующих соглашениях и, в частности, содержится следующее упоминание о практике Швейцарии в этом вопросе с применением ссылок на практику, имевшую место до 40−х годов и после этого:

Всемирный почтовый союз (ВПС) отметил, что он не заключал со Швейцарией отдельного соглашения о штаб-квартире. Ввиду статуса ВПС как специализированного учреждения Организации Объединенных Наций правительство Швейцарии решило, что с января 1948 года в отношении ВПС, его органов, представителей государств-членов, экспертов и сотрудников организации будет применяться по аналогии Конвенция о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций, заключенная в 1946 году между Швейцарским федеральным советом… и Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. В 1955 году это решение было утверждено парламентом. В силу применения швейцарскими властями принципа равенства режима международных организаций статус ВПС в настоящее время считается идентичным статусу других организаций, расположенных в Швейцарии[116].

Эта практика применялась и к другим международным организациям и их сотрудникам, как упоминается в этом же докладе, в том числе даже сверх норм, установленных в соответствующих соглашениях о штаб-квартире[117].

К. Поведение Таиланда и Камбоджи при рассмотрении дела *Temple of Preah Vihear*[118]

157. После рассмотрения конкретных актов или заявлений, близких по своему содержанию к односторонним актам, что будет показано ниже, в этом последнем пункте второго раздела будет рассмотрено поведение Камбоджи и Таиланда в период 1908 и 1909 годов и 1908 и 1958 годов, которое было объектом рассмотрения МС в рамках дела *Temple of Preah Vihear*[119].

158. Иначе говоря, речь не идет об одностороннем акте в строгом смысле этого термина, а о поведении государств, которое имело, по мнению МС, определенные правовые последствия.

159. Рассмотрению этого поведения было уделено много времени в рамках международной доктрины. Фактически речь идет о поведении, которое по своему характеру тесно связано с молчанием, признанием, согласием, эстоппелем, все из которых являются видами одностороннего поведениям государств и, вне всякого сомнения, имеют правовые последствия, которые, несомненно, ведут к возникновению правовых последствий, аналогичных последствиям акта, рассматриваемого в качестве выражения свободной воли, сформулированного с целью создать правовые последствия.

160. МС рассмотрел концепцию эстоппеля, как видно из приведенного ниже текста его решения, хотя, очевидно, что он ни разу конкретно не упоминал об этом понятии[120]:

Сейчас Суд изложит выводы, которые он сделал на основании указанных выше фактов.

Даже если имеются какие-либо сомнения в отношении согласия Сиама в 1908 году с этой картой и, следовательно, с указанной на ней границей, Суд, с учетом последующего развития событий, считает, что Таиланд в силу своего собственного поведения не может сейчас утверждать, что он согласился с этой картой. На протяжении 50 лет он пользовался всеми теми выгодами, которые давал ему Договор 1904 года, хотя бы такой выгодой, как стабильная граница. Франция и через ее посредство Камбоджа исходили из согласия Таиланда с этой картой. Поскольку ни одна из сторон не может говорить об ошибке, то не имеет значения, была или нет эта позиция основана на уверенности в том, что карта является правильной. Поэтому сейчас Таиланд, который продолжает претендовать на выгоды, полученные от этого урегулирования, и пользоваться ими, не может отрицать, что он никогда не был стороной, согласившейся на это[121].

161. Интересно отметить, что в заключении МС смешиваются элементы эстоппеля и согласия, как в своем отдельном мнении отмечает сэр Джеральд Фитцморис:

Принцип преюдиции является самым близким эквивалентом в области международного права норме эстоппеля общего права, хотя, однако, он не применяется при таких строгих ограничительных условиях (и он, несомненно, применяется в качестве субстантивной нормы, а не просто в качестве доказательной или процедурной нормы). В теоретическом плане он совершенно отличен от понятия согласия. Однако согласие в определенных случаях может действовать в качестве преюдиции или эстоппеля, например, когда молчание, в том случае когда существовала обязанность или необходимость высказать мнение или осуществить действие, подразумевает согласие или отказ от прав и может рассматриваться[122].

162. Аналогично следует рассматривать в качестве второго основания для решения МС последующее поведение Таиланда, которое совместно с поведением Камбоджи "фактически"[123] представляет собой согласие в отношении границы. В этой связи Суд решил,

---

[115] A/59/526, стр. vii.

[116] A/59/526, пункт 9; см. также пункт 10, стр. 2, упомянутого документа, касающегося ВОЗ, с аналогичными формулировками.

[117] Этому вопросу посвящены различные пункты настоящего доклада, в том числе пункты 15, 19, 86, 88–92, 99–100 и 116–117.

[118] На основе текста, представленного г-ном Браунли.

[119] *I.C.J. Reports 1962* (см. сноску 13, выше).

[120] См., в частности Jennings, *The Acquisition of Territory in International Law*, pp. 47–49; Cot, “L’arrêt de la Cour internationale de Justice dans l’affaire du temple de Préah Vihéar (Cambodge c. Thaïlande: Fond)”, p. 244; и Pecourt García, “El principio del ‘estoppel’ y la sentencia del Tribunal Internacional de Justicia en el caso del Templo de Preah Vihear”.

[121] *I.C.J. Reports 1962* (см. сноску 13, выше), p. 32; см. также Thirlway, “The law and procedure of the International Court of Justice 1960–1989”, p. 33.

[122] *I.C.J. Reports 1962* (см. сноску 13, выше), p. 62.

[123] Ibid., p. 33.

что Таиланд в 1908–1909 годах действительно принял приложение I карты, как означающее итоги работы по делимитации. и соответственно признал линию на этой карте в качестве пограничной линии, в результате чего храм Преа Вихеар находится на камбоджийской территории. Суд далее считает, что последующее поведение Таиланда, если рассматривать его в целом, подтверждает и подкрепляет ее первоначальное принятие и что реальные действия Таиланда не являются достаточными, чтобы отрицать это. Обе стороны своим поведением признали эту линию и тем самым фактически согласились рассматривать ее как пограничную линию[124].

163. Из чтения предыдущего пункта можно сделать вывод о том, что основополагающим элементом этого решения является рассмотрение вопроса о молчании, которое приобретает характер согласия[125].

164. МС также ссылается на позитивные акты принятия карты в 1908 году со стороны Таиланда. Суд отмечает:

От имени Таиланда утверждалось, что информация о картах была передана французскими властями, если можно так сказать, ex parte и что Таиланд никогда не просил ее и не давал никакого формального согласия на нее. Фактически, как можно будет сейчас отметить, подтверждение поведения было, вне сомнения, сделано весьма определенным образом; но даже если бы дело обстояло иначе, очевидно, что условия были таковыми, что требовали определенной реакции в течение разумного периода времени со стороны сиамских властей, если они хотели выразить свое несогласие с этой картой или имели серьезные вопросы, касавшиеся ее. Они не сделали этого, ни тогда, ни много лет спустя, и поэтому следует считать, что они согласились. Qui tacet consentire videtur si loqui debuisset ac potuisset[126].

165. С другой стороны, решение МС подкрепляется одним из элементов соглашения (на основе поведения), которое внесло изменения в Договор о границах 1904 года. По мнению Суда:

И наконец, есть еще один аспект дела, с которым, по мнению Суда, ему необходимо разобраться. Суд считает, что согласие сторон с приложением I карты явилось причиной включения карты в предусмотренное Договором урегулирование и она стала его неотъемлемой частью. Нельзя утверждать, что этот процесс был связан с отходом от положений Договора 1904 года или даже нарушением его положений в тех случаях, когда линия карты отклонялась от линии водораздела, поскольку, по мнению Суда, в этом вопросе карта (независимо, была ли она во всех отношениях точной по отношению к подлинной линии водораздела или нет) была принята сторонами в 1908 году и впоследствии как представляющая собой результат толкования, осуществленного обеими сторонами применительно к делимитации, что требовалось в соответствии с самим Договором. Иначе говоря, стороны в то время приняли толкование урегулирования в соответствии с Договором, в соответствии с которым линия на карте, в том числе в той мере, в какой она могла отклоняться от линии водораздела, была определена как имеющая преимущественную силу в отношении соответствующего пункта Договора. Однако даже если бы Суду потребовалось заняться рассмотрением этого вопроса сейчас в качестве лишь вопроса об обычном толковании Договора, то, по его мнению, толкование, которое было бы дано, было бы аналогичным по следующим причинам[127].

166. Интересно подчеркнуть еще один аспект, упомянутый МС: в этом контексте концепция эстоппеля или согласия пересекается с общим правилом ссылки на последующую практику сторон в качестве одного из средств толкования Договора[128].

167. В этой связи МС отметил, что:

Таиланд утверждает, что с 1908 года и в любом случае согласно его собственному обследованию 1934–1935 годов он считал, что линия карты и линия водораздела совпадали, и поэтому даже если он согласился с линией карты, то сделал это только исходя из этого мнения. Очевидно, что такое утверждение будет явно идти вразрез с не менее решительно выдвигавшимся Таиландом утверждением о том, что эти деяния в процессе конкретного проявления суверенитета свидетельствуют о его убеждении, что он обладает суверенитетом над районом храма: поскольку, если Таиланд действительно неправильно воспринимал линию в приложении I, если он действительно полагал, что она отражает правильную линию водораздела, то он должен был считать на основании этого и своего согласия с ней, что район храма фактически находился в Камбодже. Если Таиланд придерживался такого мнения и именно такое мнение имплицитно подразумевается в любом заявлении о том, что он согласился с картой приложения I только потому, что он считал, что она является правильной, тогда его реальные действия должны рассматриваться как преднамеренное нарушение суверенитета, которым (на основании вышеприведенных положений), он, как следует предполагать, считал, обладает Камбоджа. Из этого следует вывод о том, что Таиланд не может утверждать, что он каким−либо образом исходил из неправильной точки зрения, соглашаясь на линию в приложении I, ибо это полностью не соответствует причинам, которыми он объясняет свои действия на практике, а именно то, что он считает, что обладает суверенитетом над этим районом[129].

---

[124] Ibid., pp. 32–33.

[125] См. Cahier, “Le comportement des États comme source de droits et d’obligations”, pp. 248–249; and Sinclair, “Estoppel and acquiescence”, p. 110.

[126] *I.C.J. Reports 1962* (см. сноску 13, выше), p. 23.

[127] Ibid., pp. 33–34.

[128] См. в этой связи Cot, “L’arrêt de la Cour …”, pp. 235–240, и Thirlway, loc. cit., pp. 47–49.

[129] *I.C.J. Reports 1962* (см. сноску 13, выше), p. 33.

ГЛАВА II

Выводы, которые можно сделать на основании проанализированных заявлений

168. На основании вышерассмотренных заявлений, актов и поведения, которые, как очевидно, являются лишь минимальным доказательством практики государств и были подробно проанализированы в соответствии с критерием, установленным самой Комиссией в ходе ее пятьдесят шестой сессии в 2004 году, можно сделать определенные выводы, которые, возможно, позволят сформулировать ряд основополагающих принципов, вытекающих из этой практики. Как видно, некоторые из них основываются на проектах статей, представленных Специальным докладчиком в предыдущих докладах, и в частности на некоторых из руководящих принципов, которые были определены Рабочей группой по односторонним актам государств в ходе ее многочисленных заседаний. Некоторые из соображений, вытекающих из этого анализа, касаются формулирования акта, и в частности определения правомочности государства и правомочности органа, который делает заявления.

169. Во−первых, следует отметить, что приведенные примеры представляют собой односторонние акты, выраженные самым различным образом: официальные ноты, публичные заявления, заявления президента, политические речи и даже важные элементы поведения в виде принятия или согласия, которых автор коснется отдельно в заключительной части этой главы.

170. Первый вывод, который можно сделать, заключается в том, что форма не имеет определяющего значения для определения того, имеем ли мы дело с односторонним правовым актом в том смысле, как это представляет интерес для Комиссии, иначе говоря актом, который может иметь правовые последствия как таковой, не требуя при этом его принятия или какой−либо другой реакции со стороны адресата, как это определил МС в делах *Nuclear Tests*, причем это решение уже было объектом комментариев в предыдущих докладах. Тем не менее это не исключает возможности того, что можно рассмотреть вопрос о том, что форма акта имеет определенное влияние на процесс определения намерений автора акта. Устные заявления, сделанные в неофициальном контексте, могут в этом смысле иметь менее ясный характер, чем устные заявления в международной организации или чем дипломатическая нота, подготовка которой, очевидно, имеет более официальный и поэтому четкий характер, ибо их адресат может непосредственно ознакомиться с их содержанием. Форма может иметь определенное воздействие в той степени, в какой любое заявление может рассматриваться как имеющее определенные правовые последствия.

171. Во−вторых, можно отметить, что мы имеем дело с актами, сформулированными государствами: Египет, Иордания, Колумбия, Куба, Норвегия, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Франция и Швейцария. Что касается субъекта, которому адресованы такие акты, то следует отметить также их большое разнообразие: они могут быть адресованы другим государствам, международному сообществу, образованию, которое еще не стало государством (государства в стадии зарождения), и международной организации.

172. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что таким же образом, как и в рамках права договоров государство обладает международной правоспособностью, которая является его неотъемлемым элементом, для того чтобы иметь возможность брать на себя правовые обязательства или осуществлять действия на международной арене с помощью односторонних актов. Норма, касающаяся "правоспособности государств" заключать договоры, содержащиеся в статье 6 Венской конвенции о праве международных договоров (в дальнейшем Венская конвенция 1969) года, следовательно, может полностью применяться к правовому режиму, который можно установить в отношении односторонних актов.

173. Рассматриваемые акты были адресованы другим государствам, однако в делах *Nuclear Tests*, отрицательной гарантии безопасности, заявления Трумэна, отказа от территорий Западного берега, такие акты были адресованы международному сообществу. Также можно сказать, что заявления, касающиеся негативных гарантий безопасности, были сформулированы erga omnes, однако в то же время они были сделаны в рамках международных организаций и соответственно в контексте Договора о нераспространении ядерного оружия.

174. Аналогично можно сделать вывод о том, что акт государства может касаться не только другого государства, но также и отличных от него правосубъектов, как, например, было дело в случае с актом Иордании и также в случае с заявлениями Швейцарии, которые в любом случае подпадали под действие норм международного права.

175. В большинстве случаев такие акты имеют единственный источник, в то время как в других случаях речь идет о сложных и не имеющих единого источника актах. Иначе говоря, в некоторых случаях акт образуется в результате заявления лица, обладающего в принципе компетенцией сделать это, в то время как в других случаях акт является следствием различных заявлений, которые в своем сочетании образуют его общее содержание. Это обычно является весьма актуальным, в частности для целей толкования одностороннего акта, его содержания и его субъективных элементов, связанных с желанием взять на себя обязательство со стороны государства, которое его формулирует.

176. Фактически в некоторых случаях заявление является лишь единственным актом, как, например, это имело место в случае с заявлением Ихлена, нотой Колумбии, заявлением Египта, заявлениям Трумэна или

нотами протеста Российской Федерации. В других случаях акт образуется на основе различных заявлений, как, например, в случае с заявлениями французских властей в связи с делами *Nuclear Tests*. Тем не менее в определенной степени, как уже отмечалось, хотя они и не были идентичными по содержанию, заявления различных официальных представителей Швейцарии представляли собой односторонний акт.

177. В некоторых случаях речь идет о дипломатических нотах, как, например, в случае с Колумбией или нотами протеста Российской Федерации; о заявлении, например, французских властей и ядерных держав; о заявлении президента; о публичном выступлении, например речь короля Иордании, и даже о заявлениях на совещаниях международных организаций и об официальном коммюнике, как имело место в случае с коммюнике федерального департамента Швейцарии.

178. Рассматриваемые акты и заявления были сформулированы от имени государства различными властями или лицами. Что касается ноты Колумбии и заявления Норвегии от 22 июля 1919 года, они были сделаны министрами иностранных дел; прокламация Трумэна была сделана главой государства; что касается заявления Иордании, то оно было сделано монархом (главой государства); что касается заявления Египта, то оно было сделано президентом, а в случае с протестами Российской Федерации – с ними выступило министерство иностранных дел.

179. Что касается клаузулы об организации, пользующейся режимом наибольшего благоприятствования, то этот акт был сформулирован местными властями Женевского кантона и впоследствии подтвержден федеральным правительством. Это позволяет нам, как было сделано уже в предыдущих докладах рассмотреть возможность того, что другие лица могут быть наделены полномочиями сформулировать акт и возложить обязательства на государство, от имени которого они выступают, если такая правоспособность лица основывается на практике. Что касается заявлений Швейцарии, то ее представитель в ходе переговоров первоначально сформулировал именно такой акт, который впоследствии, однако, был подтвержден федеральным департаментом, что не позволяет с абсолютной уверенностью говорить о такой правоспособности, однако это ее подтверждает и подкрепляет.

180. В связи с вопросом об имеющих полномочия лицах следует отметить важное сходство с режимом Венской конвенции о договорах, и, следовательно, вышеприведенные соображения относительно правоспособности главы государства, главы правительства и министра иностранных дел фактически могут использоваться для определения лиц, обладающих полномочиями в первую очередь действовать на международном уровне и возлагать на государство обязательства путем формулирования одностороннего акта.

181. Однако такое подтверждение не должно обязательно вести к применению mutatis mutandis Венской конвенции 1969 года. Односторонние акты формулируются соответствующим образом, и поэтому, как представляется, нормы, касающиеся их формулирования, должны быть более гибкими, хотя нормы, касающиеся толкования, следует рассматривать более жестким образом. Наряду с лицами, уполномоченными в соответствии с международным правом действовать и принимать обязательства от имени государства, которое они представляют на международной арене, в соответствии с этой конвенцией, могут иметься и другие отличные от них лица, обладающие правом действовать аналогичным образом, если соответствующий субъект считает, что это лицо фактически обладало полномочиями на это. Это соответствует исходной позиции, которая лежит в основе рассмотрения этой темы: правовая безопасность и взаимное доверие в международных отношениях.

182. В любом случае речь идет о заявлениях, которые в определенной степени связаны с конкретным обсуждением данной темы, за исключением прокламации Трумэна, которая не подпадает под сферу конкретных переговоров, таких, например, как заявления Франции, заявления ядерных держав, заявление короля Иордании, нота Колумбии 1952 года, ноты протеста Российской Федерации и акты должностных лиц Швейцарии в связи с рассмотрением положения о государстве наибольшего благоприятствования.

183. Некоторые из этих актов, вне сомнения, имеют односторонний характер, как, например, протесты Российской Федерации или заявления Франции о ядерных испытаниях, в то время как другие акты можно рассматривать с иной точки зрения, например нота правительства Колумбии от 22 ноября 1952 года и устное заявление министра иностранных дел Норвегии от 22 июля 1919 года, которые могут обладать характеристиками, в большей степени связанными с договорно-правовой сферой.

184. Акт Колумбии можно рассматривать по−разному. Во−первых, его можно рассматривать с точки зрения двусторонних отношений, и поэтому он будет являться результатом переговоров, которые проходили между этими двумя странами. В этой связи следует отметить формулировку ответа Венесуэлы: "Правительство моей страны выражает свое полное согласие с положениями ноты Вашего Превосходительства"[130].

185. С другой точки зрения данная нота может представлять собой подлинный односторонний акт, который имеет последствия с момента его публикации, что, конечно, известно Венесуэле. Иначе говоря, как и в случае с заключением МС по делам *Nuclear Tests*, этот акт влечет за собой последствия и при этом нет необходимости в ответе Венесуэлы. Возникновение акта и его правовых последствий берет свое начало с момента уведомления Венесуэлы, независимо от ее реакции. Кроме того, как отмечалось, в ходе его рассмотрения в Государственном совете были высказаны различные мнения, в том числе мнение правительства Колумбии.

---

[130] Vázquez Carrizosa, *op. cit.*, p. 340.

186. Что касается заявления Ихлена, то этот же ППМП его рассматривает в качестве одностороннего, однако в одной из частей заключения это заявление рассматривается иным образом, т.е. в качестве элемента соглашения между двумя странами.

187. Прокламация Трумэна и заявления властей Франции относительно моратория на ядерные испытания можно было бы рассматривать в качестве односторонних актов в строгом смысле при том условии, что было сочтено, что они будут иметь правовые последствия, даже если не возникает необходимость реакции со стороны его адресата или адресатов.

188. С другой стороны, можно считать, что некоторые односторонние заявления не являются чисто в общем плане правовыми. Так обстоит дело, например, с заявлениями, касающимися негативных гарантий безопасности, которые были предложены ядерными державами. В этом случае с формальной точки зрения речь идет об односторонних заявлениях, которые согласно общепринятому мнению вполне могут относиться к политической сфере. Эта оценка основывается на том факте, что сами авторы и субъекты, которым были адресованы их заявления, не считали единодушно, что речь идет о заявлениях, имеющих юридически обязательный характер. В этой связи следует отметить, что в ходе Конференции по разоружению уже давно ставится вопрос о разработке соответствующего соглашения по этому вопросу, что может означать, что односторонние заявления не рассматриваются с правовой точки зрения и, как уже отмечалось, представляют собой, скорее, заявления о намерениях политического характера.

189. Весьма важный вопрос возникает в связи с действительностью или недействительностью акта в том случае, когда он идет вразрез с внутренними конституционными нормами и возможностью его подтверждения последующими актами. Правоспособность и правомочность органа, представляющие собой два тесно взаимосвязанных, однако отличающихся друг от друга вопроса, являются еще одним из наиболее сложных аспектов в связи с рассматриваемой темой.

190. Что касается ноты Колумбии от 22 ноября 1952 года, то, например, можно было бы задать вопрос, касающийся действительности этого акта, тем более что вопрос, касающийся ограничений, был передан на утверждение парламента. Несмотря на несомненную правоспособность должностного лица, этот конкретный вопрос, касающийся границ и, соответственно, территориальной целостности государства, может потребовать такого утверждения, что имеет отношение к компетенции соответствующего органа формулировать односторонний правовой акт.

191. Что касается публичного заявления короля Иордании, то речь идет об актах, не предусмотренных внутренними юридическими положениями. В этом конкретном случае можно было бы сделать вывод о том, что этот акт был впоследствии подтвержден актами Иордании, и поэтому отпадает вопрос о его возможной недействительности.

192. В обоих случаях, как представляется, мы имеем дело с имплицитным подтверждением акта либо действиями правительства в первом случае, либо посредством принятия других законов, во втором.

193. Осуществляемый анализ актов касается исключительно актов, сформулированных государствами, при этом, соответственно, исключаются акты международных организаций и акты, которые могут быть сформулированы другими субъектами международного права. Тем не менее в сферу рассмотрения включаются акты, сформулированные государством по отношению к международной организации, иначе говоря, возможно, что государство по односторонним каналам может иметь правовые отношения с другими субъектами, отличными от государства.

194. Другим связанным с этой темой вопросом, который возникает при рассмотрении этих актов, является вопрос об определении момента возникновения их правовых последствий. Автор исходит из посылки о том, что такие последствия могут возникать в момент их формулирования, при этом не требуется, как уже отмечалось ранее, их принятие или какая−либо реакция, выражающая такое принятие. Как представляется, в рассматриваемых случаях нелегко определить аспекты, касающиеся момента, начиная с которого акт начинает иметь правовые последствия.

195. Например, в случае с нотой Колумбии от 22 ноября 1952 года эта нота, как представляется, начинает иметь последствия с момента ее формулирования, хотя можно также и считать де-факто, что она не будет иметь последствий до тех пор, пока ее не получит адрес – в этом случае посол Венесуэлы, – или же начиная с момента, когда будет отправлено уведомление о получении или принятии указанной ноты. В значительной степени это будет означать рассмотрение такой ноты в качестве одностороннего акта в строгом смысле или акта, вписывающегося в рамки договорно-правовых отношений.

196. В случае с протестами Российской Федерации, если их рассматривать в качестве таких актов, они будут иметь незамедлительные последствия, соответствующие самому акту протеста, иначе говоря, с момента, когда они формулируются и когда доводятся до сведения адресата. Российская Федерация была обязана заявить протест и не хранить молчание перед лицом действий Азербайджана и Туркменистана. Хранение молчания в этом случае могло бы служить основой для установления факта согласия перед лицом претензий этих двух государств.

197. Важно подчеркнуть, что в некоторых случаях, несмотря на явное намерение не создавать правовых последствий, тем не менее последствия акта возникают, если обстоятельства, связанные с заявлением, позволяют адресату, исходя из принципа добросовестности, сделать вывод, что делающее его государство берет на себя обязательство в силу своего заявления, как имело место в делах *Nuclear Tests*.

198. Что касается вопроса о том, были ли изменены или отмечены рассматриваемые акты, следует отметить, что, как правило, такие акты сохраняются с точки зрения их содержания, за исключением заявлений, сделанных различными швейцарскими властями, которые могли отражать определенные изменения, что, однако, не затрагивало их характера как единого одностороннего акта.

199. Что касается обещания, содержащегося в сделанных Францией заявлениях, следует отметить, что сам МС определил, что Франция на основании этих заявлений должна была осуществлять поведение согласно их содержанию. Таким образом, эти заявления должны были повлечь четкие обязательства для Франции.

200. Акты Иордании и Колумбии также имеют важные и однозначные правовые последствия, вытекающие из актов отказа и признания, которые представляют собой хорошо известные и подробно рассмотренные в международной доктрине концепции.

201. Что касается заявлений, сделанных державами, обладающими ядерным оружием, то речь идет о гарантиях, которые также могут иметь правовые последствия, если сделать вывод о том, что такие заявления имеют правовой характер и поэтому возлагают на соответствующие страны обязательства именно в свете этой точки зрения. Этой позиции в МС придерживаются различные государства, хотя сама позиция сформулировавших их государств, а также их условный характер не позволяют говорить об абсолютно обязательном характере этих заявлений.

202. Только в делах, касающихся поведения Камбоджи и Таиланда, дела *Temple of Preah Vihear*, заявления Ихлена и заявлений Франции в делах *Nuclear Tests*, рассматриваемые акты были предметом анализа Международного Суда. Прокламация Трумэна была упомянута косвенно в одном из дел, рассматривавшихся в МС, а именно в деле *North Sea Continental Shelf*[131].

203. Наконец, несколько комментариев относительно поведения Камбоджи и Таиланда в свете его рассмотрения в МС в рамках дела *Temple of Preah Vihear*. В этой связи следует уточнить, что поведение государства, которое не является односторонним актом в строгом смысле этого термина, что интересует Комиссию, может иметь соответствующие правовые последствия, которые были рассмотрены Судом в этом деле.

204. Рассмотрение дела *Temple of Preah Vihear* свидетельствует о наличии тесной взаимосвязи между различными видами поведения государства: эсстоппель, молчание и согласие и соответственно взаимосвязи, которая может возникнуть под влиянием поведения сторон договора. Молчание и согласие образуют основу взаимоотношений между сторонами в этом деле.

205. Конкретно говоря, в таком деле как это важное значение имеет не формулирование одностороннего акта, а скорее молчание и промежуток времени, которые могут побудить считать, что государство соглашается с положением дел как таковым. Отсутствие протеста перед лицом такой ситуации и последовательное поведение, соответствующее такому положению дел, представляет собой факторы, которые могут вызвать правовые последствия или привести к их возникновению.

206. Озабоченность членов Рабочей группы по односторонним актам государств, созванной в 2003 году, когда она в своих выводах отметила, что в будущем в рамках своего анализа[132] Специальный докладчик должен учитывать различные виды поведения, основывается на необходимости ясно довести до сведения государств, что даже их бездействие (особенно когда они должны были заявить о своем несогласии) может привести к правовым последствиям. Речь не идет о том, чтобы отождествлять такое поведение – будь то активное или пассивное – с односторонними актами в строгом смысле, однако скорее это подчеркивает важное значение их последствий.

207. Представляемый доклад может послужить основой для ускорения работы по данной теме, несмотря на ее сложный характер. Возможно, Комиссия может рассмотреть, как указал Шестой комитет[133], вопрос о принятии определения одностороннего акта, которое можно было бы сопроводить оговоркой "без ущерба", связанной с односторонним поведением государств, которое, хотя и имеют важное значение и может вызвать правовые последствия, аналогичные последствиям односторонних актов, тем не менее имеет совершенно иной характер.

208. После завершения обсуждения в этом году Комиссия исходя из анализа практики могла бы рассмотреть некоторые из уже представленных редакционному комитету проектов статей, в частности статей, связанных с упомянутыми в предыдущих пунктах вопросами.

---

[131] См. сноску 92, выше.

[132] *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), пункт 306, рекомендация 2, стр. 68.

[133] См. сноску 5, выше.

ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ

[Пункт 6 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/558 и Add.1–2*

Десятый доклад об оговорках к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Аленом Пелле

[*Подлинный текст на французском языке*]
[*1, 14 и 30 июня 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Многосторонние документы, цитируемые в настоящем докладе		174
Работы, цитируемые в настоящем докладе		175
	Пункты	
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ОГОВОРОК	1–208	179
Введение	1–9	179
A. Презумпция действительности оговорок	10–21	181
B. Оговорки, запрещенные договором	22–53	184
1. Сфера действия положений, запрещающих оговорки	23–49	184
a) Прямое запрещение оговорок	25–33	185
b) Косвенное запрещение оговорок	34–49	187
2. Последствия формулирования оговорки, запрещенной договором (отклонение)	50–53	191
C. Оговорки, не совместимые с объектом и целью договора	54–146	193
1. Применимость критерия совместимости оговорки с объектом и целью договора	57–71	193
2. Понятие объекта и цели договора	72–146	195
a) Значение выражения "объект и цель договора"	75–92	196
b) Применение критерия	93–146	200
i) Оговорки к положениям, касающимся урегулирования споров и наблюдения за осуществлением договора	96–99	201
ii) Оговорки к общим договорам по вопросам прав человека	100–102	203
iii) Оговорки, касающиеся применения внутреннего права	103–106	204
iv) Неясные и общие оговорки	107–115	205
v) Оговорки к положениям, содержащим обычные нормы	116–130	207
vi) Оговорки к положениям, содержащим нормы общего международного права или нормы, не допускающие отступлений	131–146	211
D. Определение действительности оговорок и их последствий	147–208	215
1. Компетенция определять действительность оговорок	151–180	215
2. Последствия недействительности оговорок	181–208	223
Приложение Текст проектов руководящих положений в отношении оговорок к договорам, предложенных в настоящем докладе		231

* Включает A/CN.4/558/Corr.1 и A/CN.4/558/Add.1/Corr.1.

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Устав Лиги Наций (Версаль, 28 апреля 1919 года)	League of Nations, *Official Journal*, No. 1 (February 1920), p. 3.
Общий акт (мирное разрешение международных споров) (Женева, 26 сентября 1928 года)	Ibid., *Treaty Series*, vol. XCIII, No. 2123, p. 343.
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 78, No. 1021, p. 292.
Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) (Рим, 4 ноября 1950 года)	Ibid., vol. 213, No. 2889, p. 221.
Протокол № 6 к Конвенции от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28 апреля 1983 года)	Ibid., vol. 1496, No. 2889, p. 281.
Протокол № 7 к вышеупомянутой Конвенции (Страсбург, 22 ноября 1984 года)	Ibid., vol. 1525, No. 2889, p. 195.
Протокол № 11 к Конвенции от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных свобод, реорганизация контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией (Страсбург, 11 мая 1994 года)	Ibid., vol. 2061, No. 2889, p. 7.
Протокол № 13 к Конвенции года о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни при всех обстоятельствах (Вильнюс, 3 мая 2002 года)	Ibid., vol. 2246, No. 2889, p. 110.
Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 года)	Ibid., vol. 189, No. 2545, p. 137.
Конвенция о политических правах женщин (Нью Йорк, 31 марта 1953 года)	Ibid., vol. 193, No. 2613, p. 135.
Конвенции о таможенных льготах для туристов (Нью-Йорк, 4 июня 1954 года)	Ibid., vol. 276, No. 3992, p. 230.
Дополнительный протокол к Конвенции о таможенных льготах для туристов, касающийся ввоза относящихся к туризму осведомительных документов и материалов (Нью-Йорк, 4 июня 1954 года)	Ibid., p. 266.
Таможенная конвенция о временном ввозе частных дорожных перевозочных средств (Нью-Йорк, 4 июня 1954 года)	Ibid., vol. 282, No. 4101, p. 249.
Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Женева, 7 сентября 1956 года)	Ibid., vol. 266, No. 3822, p. 59.
Европейская конвенция об экстрадиции (Париж, 13 декабря 1957 года)	Ibid., vol. 359, No. 5146, p. 273.
Конвенция о континентальном шельфе (Женева, 29 апреля 1958 года)	Ibid., vol. 499, No. 7302, p. 325.
Конвенция об открытом море (Женева, 29 апреля 1958 года)	Ibid., vol. 450, No. 6465, p. 114.
Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (Париж, 14 декабря 1960 года)	Ibid., vol. 429, No. 6193, p. 109.
Единая конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 30 марта 1961 года)	Ibid., vol. 520, No. 7515, p. 288.
Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года)	Ibid., vol. 500, No. 7310, p. 146.
Заключительный акт Специального совещания представителей, уполномоченных разработать и подписать Европейскую конвенцию о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21 апреля 1961 года)	Ibid., vol. 484, No. 7041, p. 356.
Конвенция о сокращении безгражданства (Нью-Йорк, 30 августа 1961 года)	Ibid., vol. 989, No. 14458, p. 213.
Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков (Нью-Йорк, 10 декабря 1962 года)	Ibid. , vol. 521, No. 7525, p. 244.
Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 21 декабря 1965 года)	Ibid., vol. 660, No. 9464, p. 240.
Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	Ibid., vol. 999, No. 14668, p. 225.
Факультативный протокол к вышеупомянутой Конвенции (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	Ibid., p. 315.
Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	Ibid., vol. 993, No. 14531, p. 35.

	Источник
Европейская конвенция об усыновлении детей (Страсбург, 24 апреля 1967 года)	Ibid., vol. 634, No. 9067, p. 255.
Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 года)	Ibid., vol. 1155, No. 18232, p. 417.
Американская конвенция о правах человека: "Пакт Сан-Хосе, Коста-Рика" (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 года)	Ibid., vol. 1144, No. 17955, pp. 123.
Европейское соглашение, касающееся работы экипажей транспортных средств, осуществляющих международные автомобильные перевозки (Женева, 1 июля 1970 года)	Ibid., vol. 993, No. 14533, p. 143.
Конвенция о психотропных веществах (Вена, 21 февраля 1971 года)	Ibid., vol. 1019, No. 14956, p. 273.
Международная конвенция по безопасным контейнерам (КБК) (Женева, 2 декабря 1972 года)	Ibid., vol. 1064, No. 16198, p. 57.
Международное соглашение по сахару, 1977 года (Женева, 7 октября 1977 года)	Ibid., vol. 1064, No. 16200, p. 376.
Европейская Конвенция о вручении за рубежом документов по административным вопросам (Страсбург, 24 ноября 1977 года)	Ibid., vol. 1299, No. 21537, p. 3.
Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 года)	Ibid., vol. 1316, No. 21193, p. 232.
Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 года)	Ibid., vol. 1249, No. 20378, p. 59.
Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 27 июня 1981 года)	Ibid., vol. 1520, No. 26363, p. 217.
Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года)	Ibid., vol. 1833, No. 31363, p. 179.
Европейская конвенция о компенсации жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 года)	Ibid., vol. 1525, No. 26456, p. 37.
Международная конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 года)	Ibid., vol. 1465, No. 24841, p. 133.
Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вена, 21 марта 1986 года)	A/CONF.129/15.
Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (Страсбург, 26 ноября 1987 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 1561, No. 27161, p. 363.
Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20 декабря 1988 года)	Ibid., vol. 1582, No. 27627, p. 257.
Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 года)	Ibid., vol. 1673, No. 28911, p. 199.
Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 года)	Ibid., vol. 1577, No. 27531, p. 81.
Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Эспо, 25 февраля 1991 года)	Ibid., vol. 1989, No. 34028, p. 352.
Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 года)	Ibid., vol. 2149, No. 37517, p. 304.
Римский статут международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 года)	Ibid., vol. 2187, No. 38544, p. 230.
Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 года)	Ibid., vol. 2178, No. 38349, p. 256.

Работы, цитируемые в настоящем докладе

ANAND, R. P.

"Reservations to multilateral treaties", *Indian Journal of International Law* (New Delhi), vol. I, 1960–1961, pp. 84–91.

AUST, Anthony

Modern Treaty Law and Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 443 p.

BASTID, Suzanne

Les traités dans la vie internationale: conclusion et effets. Paris, Economica, 1985. 303 p.

BAXTER, R. R.

"Treaties and custom", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1970–I*. Leiden, Sijthoff, 1971. Vol. 129, pp. 25–105.

BAYLIS, Elena A.

"General comment 24: confronting the problem of reservations to human rights treaties", *Berkeley Journal of International Law*, vol. 17, No. 2, 1999, pp. 277–329.

BISHOP JR., William W.

"Reservations to treaties", *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1961–II*. Leiden, Sijthoff, 1962. Vol. 103, pp. 245–341.

BONIFAZI, Angela

"La disciplina delle riserve alla Convenzione europea dei diritti dell'uomo", *Les clauses facultatives de la Convention européenne des droits de l'homme*. Bari, Levante, 1974, pp. 301–319.

BOURGUIGNON, Henry J.

"The Belilos case: new light on reservations to multilateral treaties", *Virginia Journal of International Law* (Charlottesville), vol. 29, No. 2, winter 1989, pp. 347–386.

BOWETT, Derek William

"Reservations to non-restricted multilateral treaties", *British Year Book of International Law, 1976–1977* (Oxford), vol. 48, pp. 67–92.

"Treaties and State responsibility", *Le droit international au service de la paix, de la justice et du développement: mélanges Michel Virally*. Paris, Pedone, 1991, pp. 137–145.

BUFFARD, Isabelle and Karl ZEMANEK

"The 'object and purpose' of a treaty: an enigma?", *Austrian Review of International and European Law*, vol. 3, 1998, pp. 311–343.

CAHIER, Philippe

"L'obligation de ne pas priver un traité de son objet et de son but avant son entrée en vigueur", *Mélanges Fernand Dehousse*, vol. 1, *Les progrès du droit des gens*. Paris, Fernand Nathan, 1979, pp. 31–37.

CAMERON, Iain and Frank HORN

"Reservations to the European Convention on Human Rights: the Belilos case", *German Yearbook of International Law* (Kiel), vol. 33, 1990, pp. 69–129.

CARREAU, Dominique

Droit international. 8th ed. Paris, Pedone, 2004. 688 p.

CASSESE, Antonio

"A new reservations clause (article 20 of the United Nations Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination)", *Recueil d'études de droit international en hommage à Paul Guggenheim*. Geneva, University of Geneva Law Faculty and Graduate Institute of International and Development Studies, 1968, pp. 266–304.

CLARK, Belinda

"The Vienna Convention reservations regime and the convention on discrimination against women", AJIL, vol. 85, 1991, pp. 281–321.

COCCIA, Massimo

"Reservations to multilateral treaties on human rights", *California Western International Law Journal* (San Diego), vol. 15, No. 1, winter 1985, pp. 1–51.

COHEN-JONATHAN, Gérard

La Convention européenne des droits de l'homme. Paris, Economica, 1989. 616 p.

"Les réserves dans les traités institutionnels relatifs aux droits de l'homme: nouveaux aspects européens et internationaux", RGDIP, vol. C, 1996, pp. 915–949.

COMBACAU, Jean

Le droit des traités. Paris, Presses Universitaires de France, 1991. 125 p. (Que sais-je?; 2613)

"Logique de la validité contre logique de l'opposabilité dans la convention de Vienne sur le droit des traités", *Le droit international au service de la paix, de la justice et du développement: mélanges Michel Virally*. Paris, Pedone, 1991, pp. 195–203.

CONNORS, Jane

"The women's convention in the Muslim world", *in* J. P. Gardner, ed., *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions*. By Chinkin and others. London, B.I.I.C.L., 1997, pp. 85–103.

COOK, Rebecca J.

"Reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women", *Virginia Journal of International Law* (Charlottesville), vol. 30, No. 3, spring 1990, pp. 643–716.

COUNCIL OF EUROPE

Proceedings of the Fourth International Colloquy about the European Convention on Human Rights, Rome, 5–8 November 1975. Strasbourg, Council of Europe, 1976.

COUSSIRAT-COUSTERE, Vincent

"La réserve française à l'article 15 de la Convention européenne des droits de l'homme", *Journal du droit international* (Paris), vol. 102, No. 2, 1975, pp. 269–293.

DAILLIER, Patrick and Alain PELLET

Droit international public. 7th ed. Paris, LGDJ, 2002. 1510 p.

DUPUY, Pierre-Marie

"Droit des traités, codification et responsabilité internationale", AFDI, vol. XLIII, 1997, pp. 7–30.

Droit international public. 7th ed. Paris, Dalloz, 2004. 811 p.

EDWARDS JR., Richard W.

"Reservations to treaties", *Michigan Journal of International Law* (Ann Arbor), vol. 10, No. 2, spring 1989, pp. 362–405.

FITZMAURICE, Sir Gerald

"Reservations to multilateral conventions", *International and Comparative Law Quarterly* (London), vol. 2, part 1, 1953, pp. 1–26.

"The law and procedure of the International Court of Justice 1951–4: treaty interpretation and other treaty points", *British Year Book of International Law, 1957*, vol. 33, pp. 203–293.

FLAUSS, Jean-François

"Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH devant le Tribunal fédéral suisse: requiem pour la déclaration interprétative relative à l'article 6 § 1", *Revue universelle des droits de l'homme*, vol. 5, Nos. 9–10, 20 December 1993, pp. 297–303.

FODELLA, Alessandro

"The declarations of States Parties to the Basel Convention", *Communicazioni e Studi* (Milan), vol. 22, 2002, pp. 111–148.

FROWEIN, Jochen Abr.

"Reservations to the European Convention on Human Rights", *in* Franz Matscher and Herbert Petzold, eds., *Protecting Human Rights—the European Dimension: Studies in honour of Gérard J. Wiarda*. Cologne, Carl Heymanns, 1988, pp. 193–200.

GAJA, Giorgio

"Unruly treaty reservations", *International Law at the Time of its Codification: Essays in honour of Roberto Ago*. Milan, Giuffrè, 1987. Vol. I, pp. 307–330.

"Le riserve al Patto sui diritti civili e politici e il diritto consuetudinario", *Rivista di Diritto Internazionale* (Milan), vol. LXXIX, No. 2, 1996, pp. 450–452.

GAMBLE JR., John King

"Reservations to multilateral treaties: a macroscopic view of State practice", AJIL, vol. 74, No. 2, April 1980, pp. 383–394.

GIEGERICH, Thomas

"Reservations to human rights agreements—admissibility, validity and review powers of treaty bodies: a constitutional approach", *Heidelberg Journal of International Law*, vol. 55, 1995, pp. 713–778. In German; summary in English, pp. 778–782.

GOLSONG, H.

"Les réserves aux instruments internationaux pour la protection des droits de l'homme", *Les clauses échappatoires en matière d'instruments internationaux relatifs aux droits de l'homme*, Brussels, Bruylant, 1982, pp. 23–42. (Université Catholique de Louvain, Quatrième Colloque du Département des droits de l'homme, 7 December 1978)

GREIG, D. W.

"Reservations: equity as a balancing factor?", *Australian Year Book of International Law, 1995* (Canberra), vol. 16, pp. 21–172.

HIGGINS, Rosalyn

"Human rights: some questions of integrity", *Modern Law Review* (London), vol. 52, No. 1, January 1989, pp. 1–21.

"Introduction", *in* J. P. Gardner, ed., *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions*. By Chinkin and others. London, B.I.I.C.L., 1997, pp. xv–xxix.

HORN, Frank

Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties. The Hague, T. M. C. Asser Instituut, 1988. 416 p. (Thesis, University of Uppsala, Sweden)

IMBERT, Pierre-Henri

"La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977 relative à la délimitation du plateau continental entre la République française et le Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande du Nord", AFDI, vol. XXIV, 1978, pp. 29–58.

Les réserves aux traités multilatéraux: évolution du droit et de la pratique depuis l'avis consultatif donné par la Cour internationale de Justice le 28 mai 1951. París, Pedone, 1978. 487 p.

"Reservations and human rights conventions", *Human Rights Review* (London), vol. VI, No. 1, spring 1981, pp. 28–60.

"Reservations to the European Convention on Human Rights before the Strasbourg Commission: the *Temeltasch* case", *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 33, part 3, July 1984, pp. 558–595.

JACQUÉ, Jean-Paul

Éléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public, París, LGDJ, 1972.

JENEFSKY, Anna

"Permissibility of Egypt's reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women", *Maryland Journal of International Law and Trade* (Baltimore), vol. 15, No. 2, fall 1991, pp. 199–233.

JENNINGS, Sir Robert and Sir Arthur WATTS, eds.

Oppenheim's International Law, vol. I, *Peace*, parts 2–4. 9th ed., Harlow, Longman, 1992.

KISS, Alexandre-Charles

Répertoire de la pratique française en matière de droit international public. Vol. I. Paris, CNRS, 1962.

KOH, Jean Kyongun

"Reservations to multilateral treaties: how international legal doctrine reflects world vision", *Harvard International Law Journal* (Cambridge, Mass.), vol. 23, No. 1, spring 1982, pp. 71–116.

KORKELIA, Konstantin

"New challenges to the regime of reservations under the International Covenant on Civil and Political Rights", *European Journal of International Law* (Florence), vol. 13, No. 2, April 2002, pp. 437–477.

KÜHNER, Rolf

"Reservations and interpretative declarations to the European Convention on Human Rights (ECHR): article 64 ECHR and the Swiss 'interpretative declaration' to article 6 (3) (*e*) ECHR", *Heidelberg Journal of International Law*, vol. 42, 1982, pp. 58–90. In German; summary in English, pp. 90–92.

LIJNZAAD, Liesbeth

Reservations to UN-Human Rights Treaties: Ratify and Ruin? Dordrecht, Nijhoff, 1995. (International Studies in Human Rights, vol. 38)

MACDONALD, R. St. J.

"Reservations under the European Convention on Human Rights", *Belgian Review of International Law* (Brussels), vol. XXI, 1988–2, pp. 429–450.

MARCUS-HELMONS, S.

"L'article 64 de la Convention de Rome ou les réserves à la Convention européenne des droits de l'homme", *Revue de droit international et de droit comparé* (Brussels), vol. 45, No. 1, 1968, pp. 7–26.

MCBRIDE, Jeremy

"Reservations and the capacity of States to implement human right treaties", *in* J. P. Gardner, ed., *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions.* By Chinkin and others. London, B.I.I.C.L., 1997, pp. 120–184.

MCNAIR, Lord

The Law of Treaties. Oxford, Clarendon Press, 1961.

MENDELSON, M. H.

"Reservations to the constitutions of international organizations", *British Year Book of International Law, 1971*, vol. 45, pp. 137–171.

MERON, Theodor

"The Geneva Conventions as customary norms", AJIL, vol. 81, 1987, pp. 348–370.

Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law. Oxford, Clarendon Press, 1989. 263 p.

OUGUERGOUZ, Fatsah

"L'absence de clause de dérogation dans certains traités relatifs aux droits de l'homme: les réponses du droit international général", RGDIP, vol. XCVIII, 1994, pp. 289–336.

PASCAL, Blaise

Pensées. Oeuvres complètes. Paris, Gallimard, 1954. (Bibliothèque de la Pléiade)

PELLET, Alain

"La ratification par la France de la Convention européenne des droits de l'homme", *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger* (París), vol. 90, No. 5, September-October 1974, pp. 1319–1379.

"Entry into force and amendment of the statute", *in* Antonio Cassese, Paola Gaeta and John R. W. D. Jones, eds., *The Rome Statute of the International Criminal Court: a Commentary*. Oxford, Oxford University Press, 2002. Vol. I, pp. 145–184.

"La CIJ et les réserves aux traités: remarques cursives sur une révolution jurisprudentielle", *in* Nisuke Ando and others, eds., *Liber Amicorum: Judge Shigeru Oda.* The Hague, Kluwer, 2002, Vol. 1, pp. 481–514.

"Les réserves aux conventions sur le droit de la mer", *La mer et son droit: mélanges offerts à Laurent Lucchini et Jean-Pierre Quéneudec*. París, Pedone, 2003, pp. 501–520.

PIRES, Maria José Morais

As reservas à Convenção europeia dos direitos do homem. Coimbra, Almedina, 1997. 493 p.

POLAKIEWICZ, Jörg

Treaty-Making in the Council of Europe. Strasbourg, Council of Europe, August 1999. 219 p.

QUESTIAUX, Nicole

"La Convention européenne des droits de l'homme et l'article 16 de la Constitution du 4 octobre 1958 (article 15 de la Convention)", *Human Rights Journal* (París), vol. III–4, 1970, pp. 651–663.

RAMA-MONTALDO, Manuel

"Human rights conventions and reservation to treaties", *Héctor Gros Espiell—Amicorum Liber: Human Person and International Law*, Brussels, Bruylant, 1997. Vol. II, pp. 1261–1277.

REDGWELL, Catherine

"Universality or integrity? Some reflections on reservations to general multilateral treaties", *British Year Book of International Law, 1993*, vol. 64, pp. 245–282.

"Reservations to treaties and Human Rights Committee General Comment No. 24(52)", *International and Comparative Law Quarterly* (London), vol. 46, 1997, pp. 390–412.

"The law of reservations in respect of multilateral conventions", *in* J. P. Gardner, ed., *Human Rights as General Norms and a State's Right to Opt Out: Reservations and Objections to Human Rights Conventions.* By Chinkin and others. London, B.I.I.C.L., 1997, pp. 3–19.

REUTER, Paul

Introduction to the Law of Treaties. 2nd rev. ed. London, Kegan Paul, 1995. 296 p. Translated by José Mico and Peter Haggenmacher. (Publication of the Graduate Institute of International Studies, Geneva)

Le développement de l'ordre juridique international: écrits de droit international. Paris, Economica, 1995.

"Solidarité et divisibilité des engagements conventionnnels". *International Law at a Time of Perplexity: Essays in honour of Shabtai Rosenne*. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1995, pp. 623–634.

RIQUELME CORTADO, Rosa

Las reservas a los tratados: lagunas y ambigüedades del régimen de Viena. Murcia, University of Murcia, Spain, 2004. 433 p.

ROUSSEAU, Charles

Droit international public, vol. I, *Introduction et sources*. Paris, Sirey, 1970.

RUDA, J. M.

"Reservations to treaties", *Collected Courses of The Hague Academy of International Law, 1975–III*. Leiden, Sijthoff, 1977. Vol. 146, pp. 95–218.

SAPIENZA, Rosario

"Sull'ammissibilità di riserve all'accettazione della competenza della Commissione europea dei diritti dell'uomo", *Rivista di Diritto Internazionale* (Milan), vol. LXX, Nos. 3–4, 1987, pp. 641–654.

SASSI, Andrea

"General reservations to multilateral treaties", *Communicazioni e Studi* (Milan), vol. 22, 2002, pp. 91–110.

SCHABAS, William A.

"Reservations to human rights treaties: time for innovation and reform", *Canadian Yearbook of International Law* (Vancouver), vol. XXXII, 1994, pp. 39–81.

"Article 64", *in* Louis-Edmond Pettiti, Emmanuel Decaux and Pierre-Henri Imbert, eds., *La Convention européenne des droits de l'homme: Commentaire article par article.* Paris, Economica, 1995, pp. 923–942.

"Invalid reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights: is the United States still a party?", *Brooklyn Journal of International Law*, vol. XXI, No. 2, 1995, pp. 277–325.

"Reservations to the Convention on the Rights of the Child", *Human Rights Quarterly* (Baltimore), vol. 18, No. 2, 1996, pp. 472–491.

SHELTON, Dinah

"State practice on reservations to human rights treaties", *Canadian Human Rights Yearbook, 1983* (University of Ottawa), pp. 205–234.

SICAULT, Jean-Didier

"Du caractère obligatoire des engagements unilatéraux en droit international public", RGDIP, vol. 83/1979/3, pp. 633–688.

SIMMA, Bruno

"Self-contained regimes", *Netherlands Yearbook of International Law*, vol. XVI, 1985, pp. 111–136.

SINCLAIR, Sir Ian

The Vienna Convention on the Law of Treaties. 2nd ed. Manchester, Manchester University Press, 1984. 270 p.

SPILIOPOULOU ÅKERMARK, Sia

"Reservation clauses in treaties concluded within the Council of Europe", *International and Comparative Law Quarterly* (London), vol. 48, part 3, July 1999, pp. 479–514.

SUCHARIPA-BEHRMANN, Lilly

"The legal effects of reservations to multilateral treaties", *Austrian Review of International and European Law* (Vienna), vol. 1, 1996, pp. 67–88.

SUR, Serge

L'interprétation en droit international public. Paris, LGDJ, 1974. 449 p.

SZAFARZ, Renata

"Reservations to multilateral treaties", *Polish Yearbook of International Law* (Wroclaw), vol. III, 1970, pp. 293–316.

TEBOUL, Gérard

"Remarques sur les réserves aux conventions de codification", RGDIP, vol. LXXXVI, 1982, pp. 679–717.

TERAYA, Koji

"Emerging hierarchy in international human rights and beyond: from the perspective of non-derogable rights", *European Journal of International Law* (Florence), vol. 12, No. 5, November 2001, pp. 917–941.

TOMUSCHAT, Christian

"Admissibility and legal effects of reservations to multilateral treaties: comments on arts. 16 and 17 of the ILC's 1966 draft articles on the law of treaties", *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, vol. 27, 1967, pp. 463–482.

TYAGI, Yogesh

"The conflict of law and policy on reservations to human rights treaties", *British Year Book of International Law, 2000* (Oxford), vol. 71, pp. 181–258.

WECKEL, Philippe

"Convergence du droit des traités et du droit de la responsabilité internationale à la lumière de l'arrêt du 25 septembre 1997", RGDIP, vol. CII, 1998, pp. 647–684.

WEIL, Prosper

"Vers une normativité relative en droit international?", RGDIP, vol. LXXXVI, 1982, pp. 5–47.

"Droit des traités et droit de la responsabilité", *International Law in an Evolving World:* Liber Amicorum *in tribute to Professor Eduardo Jiménez de Aréchaga*. Montevideo, Fundación de Cultura Universitaria, 1994, pp. 523–543.

WHITEMAN, Marjorie M.

Digest of International Law. Vol. 14. Washington, D.C., Department of State, September 1970.

YAHI, Abdelkader

"La violation d'un traité: l'articulation du droit des traités et du droit de la responsabilité internationale", *Belgian Review of International Law* (Brussels), vol. XXVI, 1993–2, pp. 437–469.

ZEMANEK, Karl

"Some unresolved questions concerning reservations in the Vienna Convention on the Law of Treaties", *in* Jerzy Makarczyk, ed., *Essays in International Law in honour of Judge Manfred Lachs*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1984, pp. 323–336.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ОГОВОРОК

Введение

1. Целью настоящего доклада является рассмотрение условий действительности оговорок к международным договорам и предложение ряда руководящих положений, которые составят третью часть Руководства по практике, после первой части, посвященной определениям, и второй части, касающейся процедуры формулирования оговорок и заявлений о толковании. В 2006 году часть будет в следующем году дополнена несколькими проектами руководящих положений о действительности заявлений о толковании, которые, впрочем, не создают в этом смысле особых проблем.

2. Первая проблема возникает с самой формулировкой предмета этой части доклада: после долгих колебаний Специальный докладчик решил вернуться к выражению "действительность оговорок" для обозначения интеллектуального усилия, состоящего в определении того, может ли одностороннее заявление[1], сделанное каким-либо государством или международной организацией с целью исключить или изменить юридическое действие отдельных положений договора[2] в их применении к этому государству или к этой организации, порождать последствия, которые в принципе связаны с формулированием оговорки.

3. Сохраняя верность определению, закрепленному в пункте 1 *d* статьи 2 Венской конвенции о праве международных договоров (в дальнейшем Конвенция 1969 года) и Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями (в дальнейшем Венская конвенция 1986 года), воспроизведённому в проекте руководящего положения 1.1 Руководства по практике, Комиссия признала, что все односторонние заявления, соответствующие этому определению, представ-

[1] С учетом того, что простое формулирование оговорки не позволяет ей порождать последствия, предусмотренные ее автором, слово "сформулирована" было более уместным (см. пункты 13-14, ниже); однако в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов употреблено слово "made", и Комиссия в принципе решила не пересматривать венский текст.

[2] Или договора в целом в отношении определенных конкретных аспектов (см. *Ежегодник.., 1999 год*, том II (часть вторая) и проект руководящего положения 1.1.1 [1.1.4]), стр. 108.

ляют собой оговорки. Однако, как более четко указала Комиссия в своем комментарии к проекту руководящего положения 1.6, "[о]пределять – не значит регламентировать… Оговорка может быть правомерной или неправомерной – она, тем не менее, остается оговоркой, если отвечает принятому определению"[3].

Более того, точное определение природы какого- либо заявления является необходимым предварительным условием дня применения конкретного правового режима, и в первую очередь – оценки его заявления. Только после того, как какой-либо конкретный правовой акт определяется как оговорка (или как заявление о толковании – простое или условное), можно решать вопрос о том, является ни она правомочной, оценивать ее юридическое значение и определять ее последствия[4].

4. Употребление этой терминологии создает проблему. Сначала Специальный докладчик действительно употреблял слова "действительность" и "недействительность" или "отсутствие действительности", предпочитая их словам "правомерность" и "неправомерность"[5]. Против такой терминологии возражал г-н Боуэт, который считал, что это понятие "вносит путаницу в два самостоятельных вопроса, а именно *правомерность* оговорки и *противопоставимость* оговорки (т.е. вопрос о том, может ли она быть противопоставлена в доводах против другой стороны)[6]. Поскольку Комиссия стала употреблять это выражение в докладе о работе своей сорок пятой сессии[7], в 1993 году представитель Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Шестом комитете заявил следующее:

Делегация Соединенного Королевства несколько удивлена тем, что в пункте 428 своего доклада Комиссия международного права ведет речь о "действительности оговорок". Если этот контекст действительно отражает мнение Комиссии, то используемые термины могли бы быть истолкованы как допускающие возможность того, что заявление, которым обуславливается согласие государства, присоединяющегося к договору, может быть тем или иным образом расценено как недействительное. Действительно, подпункт *d* статьи 2 Венской конвенции, в котором оговорка определяется не только как "одностороннее" заявление, посредством которого государство "желает" исключить или изменить юридическое действие определенных положений международного договора, и a fortiori статья 19 и последующие статьи, а также те осторожные ссылки на "формулирование" оговорок, которые в них фигурируют, показывают со всей очевидностью, что такое заявление ipso facto является "оговоркой", но его юридические последствия подлежат определению путем применения правил, излагаемых далее. Это однозначно следует из комментария Комиссии к статьям 17–19 проекта 1962 года и объясняет, почему в Венской конвенции даже прямо запрещенные случаи или случаи, которые несовместимы с объектом и целью договора, называются в статье 19 "оговорками", а также почему в статье 21 говорится об оговорке, "действующей" в отношении другой стороны[8].

5. Как Специальный докладчик указал в своем первом докладе о праве и практике, касающейся оговорок к международным договорам, по его понятию,

слово "действительность" является достаточно нейтральным и по сути включает вопрос противопоставимости оговорки, который, как он считает, тесно связан с вопросом правового режима возражений, хотя и не обязательно только с ним. В то же время допускается, что "если слово "правомерность" представляется более уместным, то вполне можно использовать и это слово. Кстати сказать, оно является и более точным[9].

Вместе с тем он отметил[10], что возражения, выдвигаемые как г-ном Боуэтом, так и британским правительством, предполагают решение доктринального спора, который занимает центральное место в теме оговорок и в котором сторонники "противопоставимости" противостоят сторонникам "допустимости"[11], причем спор этот решается в пользу второго тезиса, и Боуэт является одним из наиболее видных представителей этой группы[12]. Вследствие этих замечаний Комиссия (и ее Специальный докладчик) употребляли слова "правомерная" (английское слово "permissible") для описания оговорок, которые могут порождать последствия, предусмотренные Венскими конвенциями 1969 и 1986 годов, и "неправомерная" (impermissible) для обозначения оговорки, которая таких последствий порождать не может.

6. Однако новая проблема возникла, когда:

некоторые члены Комиссии заявили, что это слово ["неправомерная"] представляется неудачным в данном случае: в международном праве международно-противоправное деяние влечет за собой ответственность совершившего его субъекта, что явно не имеет места в случае формулирования оговорок, противоречащих положениям договора, к которому они относятся, или несовместимых с его объектом или целью[13].

Вследствие этого в 2002 году Комиссия решила зарезервировать свою позицию по этому вопросу, пока не будут рассмотрены последствия таких оговорок[14].

7. Поразмыслив, однако, можно заметить, что Комиссии не следует ждать завершения изучения последствий оговорок, для того чтобы высказать свое мнение по этому терминологическому вопросу:

---

[3] Там же, пункт 2 комментария.

[4] Там же, пункт 3 комментария, стр. 148. См. также комментарий к проекту руководящего положения 1.1.1 в *Ежегоднике.., 1998 год*, том II (часть вторая), пункт 3 комментария, стр. 119, и в *Ежегоднике.., 1998 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/491 и Add.1–6, пункты 154 и 175, стр. 289 и 292, соответственно).

[5] В предварительном плане, который он подготовил для этой темы в 1993 году, будущий Специальный докладчик по этому вопросу употреблял выражение "действительность оговорок" (см. *Ежегодник.., 1993 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/454, пункты 21 и далее, стр. 237).

[6] *Ежегодник.., 1995 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/470, пункт 97, стр. 166.

[7] *Ежегодник.., 1993 год*, том II (часть вторая), пункт 428, стр. 107: Комиссия уточнила, что вопрос о "действительности оговорок" охватывает вопрос об условиях правомерности оговорок и вопрос об их применимости к другому государству".

[8] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок восьмая сессия, Шестой комитет*, 24-е заседание, пункт 42.

[9] *Ежегодник.., 1995 год* (см. сноску 6, выше), пункт 99, стр. 166.

[10] Там же, пункт 100, стр. 166.

[11] Там же, пункты 101–104, стр. 166–167.

[12] См. Bowett, “Reservations to non-restricted multilateral treaties”.

[13] Комментарии к проекту руководящего положения 2.1.8 (Процедура в случае явно [недопустимых] оговорок), *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), пункт 7, стр. 53–54.

[14] Там же.

a) во-первых, термин "permissible", употребляемый в тексте принятых до настоящего времени проектов руководящих положений и комментариев к ним, предполагает, что этот вопрос возникает исключительно в ракурсе допустимости, а не противопоставимости;

b) во-вторых, слово "правомерная", в свою очередь, предполагает, что формулирование оговорок вопреки положениям статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов влечет за собой ответственность заявляющего оговорку государства или международной организации, что, безусловно, не так[15].

8. В любом случае на данном этапе важно лишь то, что слово "действительность" обладает тем достоинством, что оно является нейтральным и не предрешает ни ответа в споре, который Комиссии предстоит разрешить, в отношении противопоставимости и допустимости, ни вопроса о последствиях формулирования оговорки, противоречащей положениям статьи 19. Следовательно, с одной стороны, нет никаких препятствий, чтобы заняться анализом вопроса о действительности оговорок, а с другой стороны, Комиссия вследствие этого должна заменить слова "правомерная" (permissible) и "неправомерная" (impermissible) словами "действительная" и "недействительная" в проектах руководящих положений 1.6 ("Сфера применения определений") и 2.1.8 (Процедура в случае явно [неправомерных] оговорок)[16].

9. С учетом этого предварительного замечания в настоящем докладе сначала будет представлено подробное (насколько это возможно) исследование понятия действительности оговорок в свете статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, которое, бесспорно, занимает центральное место в венском режиме[17], по следующей общей схеме:

a) с учетом принципа, согласно которому существует презумпция действительности оговорок (раздел A),

b) в этом положении излагаются случаи, в которых оговорка прямо или косвенно запрещена (раздел B), прежде чем устанавливать

c) общее требование совместимости оговорок с объектом и целью договора (раздел C);

d) и наконец, необходимо в общем виде рассмотреть порядок осуществления этих принципов (раздел D).

[15] На эту тему см. пункты 190–191, ниже.

[16] Тогда проект руководящего положения 1.6 должен будет гласить: "Определения односторонних заявлений, включенные в настоящую главу Руководства по практике, не предрешают вопроса о *действительности* [а не *правомерности*] и последствиях таких заявлений, согласно применимым к ним нормам"; а руководящее положение 2.1.8 должно называться: "Процедура в случае явно *недействительных* (а не *"неправомерных"*) оговорок". При окончательной доработке Руководства по практике необходимо будет также соответствующим образом изменить комментарии.

[17] См. Ruda, “Reservations to treaties”, p. 180.

A. Презумпция действительности оговорок

10. Предусматривая, что при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему "государство или международная организация… может формулировать оговорку", пусть даже на определенных условиях, статья 19 Венской конвенции 1986 года, как и до нее аналогичное положение Венской конвенции 1969 года, устанавливает "общий принцип, согласно которому формулирование оговорок разрешается"[18]. Здесь речь идет о принципиально важном элементе "гибкой системы", возникшей в результате заключения МС 1951 года[19], и не будет преувеличением сказать, что в этом смысле он переворачивает традиционную презумпцию, сложившуюся в рамках системы единогласия[20], с явной целью содействовать максимально широкому присоединению и, как следствие, универсальности договоров.

11. В этом отношении текст статьи 19, являющейся непосредственным результатом предложений сэра Хэмфри Уолдока, закрепляет противоположный подход по сравнению с проектами, подготовленными предшествовавшими специальными докладчиками по праву международных договоров, и которые (причем все они) исходили из обратной презумпции и отрицательно или сдержанно отзывались о принципе, согласно которому оговорка не может быть сформулирована (или "сдела-

[18] Комментарий к проекту статьи 18, принятой в первом чтении в 1962 году, *Ежегодник.., 1962 год*, том II, документ A/5209, пункт 15, стр. 180 англ. текста); см. также комментарий к проекту статьи 16, принятой во втором чтении, *Ежегодник..,* 1966 год, том II, документ A/6309/Rev.1, пункт 17, стр. 207 англ. текста). В отношении Конвенции 1986 года см. комментарий к проекту статьи 19 (Формулирование оговорок в случае договоров между несколькими международными организациями), принятой в 1977 году, *Ежегодник.., 1977 год*, том II (часть вторая), пункты 1, стр. 123–124, и проекту статьи 19 бис (Формулирование оговорок государствами и международными организациями в случае договоров между государствами или одной или несколькими международными организациями или между международными организациями или одним или несколькими государствами), там же, пункт 3, стр. 126–127).

[19] *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1951*, p. 15. См. предварительный доклад об оговорках (A/CN.4/470), пункты 36–46.

[20] Эта концепция, которая в период между двумя войнами, бесспорно, стала обычной нормой (см. совместное особое мнение судей Гереро, сэра Арнольда Макнера, Рида и Хсу Мо, приложенное к вышеуказанному консультативному заключению (см. сноску 19, выше), *I.C.J. Reports 1951*, pp. 34–35), значительно ограничивала возможность делать оговорки: оговорка была возможна лишь в том случае, если все другие участники договора ее принимали, в отсутствие чего автор оговорки оказывался вне круга договаривающихся сторон. В своих замечаниях по проекту статьи 18, принятому Комиссией в 1962 году, Япония предложила вернуться к обратной презумпции (см. четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока по праву международных договоров, *Ежегодник.., 1965 год*, том II, документ A/CN.4/177 и Add.1 and 2, стр. 46 англ. текста).

на"[21]), *иначе как* при соблюдении определенных условий[22].

В свою очередь сэр Хэмфри[23] предлагает этот принцип как "способность формулировать, т.е. *предлагать* оговорку", способность, принадлежащую государству "в силу его суверенитета"[24].

12. Однако эта способность не безгранична:

a) во-первых, она ограничена во времени, поскольку формулирование оговорок может происходить только "при подписании, ратификации, официальном утверждении, принятии, одобрении договора или присоединении к нему"[25];

b) во-вторых, формулирование оговорок может быть несовместимо с объектом некоторых договоров, либо в силу того, что они ограничены небольшой группой государств (ситуация, которая отражена в пункте 2 статьи 20 Венской конвенции 1969 года и восходит к системе единогласия в том, что касается этих документов[26]), либо в рамках договоров универсального применения, поскольку стороны договариваются о том, что неделимость Конвенции имеет приоритетное значение по отношению к ее универсальности или, в любом случае, об ограничении способности государств формулировать оговорки; в этом вопросе, равно как и во всех других, Венская конвенция играет лишь вспомогательную роль по отношению к воле и ничто не препятствует участникам переговоров включить в договор "положения об оговорках", которые ограничивают или изменяют принципиальную способность, закрепленную в статье 19[27].

Таким образом, вести речь о "праве на оговорки", бесспорно, означало бы преувеличивать даже при том, что в основу Конвенции, безусловно, положен принцип, в соответствии с которым существует презумпция на этот счет.

13. Таково значение самого названия статьи 19 (*Формулирование* оговорок), подтвержденное общей частью этого положения: "Государство может… *формулировать** оговорку, *за исключением тех случаев**…". Разумеется, употребление глагола "может" свидетельствует о том, что "вводная часть статьи 19 признает за государствами право; однако речь идет лишь о праве "формулировать" оговорки[28].

14. Слова "формулировать" и "формулировка" выбирались с особым тщанием. Это означает, что, если само государство, которое намеревается снабдить выражение своего согласия на обязательность для себя договора оговоркой, должно указывать, каким образом оно намерено изменить свое участие в договоре[29], этой формулировки самой по себе недостаточно: оговорка не является "сделанной", не порождает последствий лишь в силу этого заявления. Именно по этой причине поправка Китая о замене слов "формулировать оговорку" словами "делать оговорку"[30] была отклонена Редакционным ко-

---

[21] По этому вопросу см. пункты 13–14, ниже.

[22] См., например, статью 10, пункт 1, проекта г-на Дж. Л. Браерли 1950 года (*Ежегодник.., 1950 год*, документ A/CN.4/23, стр. 238 англ. текст), статью 9 проектов статей Г-на Х. Лаутерпахта (первый доклад, *Ежегодник.., 1953 год*, документ A/CN.4/63, стр. 91 англ. текста); второй доклад, *Ежегодник.., 1954 год*, том II, документ A/CN.4/87, стр. 131 англ. текста) и пункт 1 статьи 39 проекта г-на Дж. Фицмориса (*Ежегодник.., 1956 год*, том II, документ A/CN.4/101, стр. 118 англ. текста). См. также комментарии в Imbert, *Les réserves aux traités multilatéraux: évolution du droit et de la pratique depuis l'avis consultatif donné par la Cour internationale de Justice le 28 mai 1951*, p. 88–89.

[23] "Каждое государство имеет право при подписании, ратификации или принятии договора или присоединении к нему формулировать оговорку при условии…" (*Ежегодник.., 1962 год*, том II, документ A/CN.4/144 и Add.1, статья 17, пункт 1 *a*, стр. 60 англ. текста).

[24] Там же, комментарий к статье 17, пункт 9, стр. 65 англ. текста.

[25] Венская конвенция 1986 года, статья 19. См. также пункт 19, ниже.

[26] "Если из ограниченного числа участвующих в переговорах государств и из объекта и целей договора явствует, что применение договора в целом между всеми его участниками является существенным условием для согласия каждого участника на обязательность для него договора, то оговорка требует принятия ее всеми участниками".

[27] Относительно вспомогательного характера венского режима см. первый доклад по праву и практике, касающихся оговорок к международным договорам (*Ежегодник.., 1995 год* (сноска 6, выше), пункт 123, стр. 170); второй доклад об оговорках к международным договорам (*Ежегодник.., 1996 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/477 и Add.1, пункты 26, 123, 133 и 163, стр. 52, 70, 71 и 76, соответственно, соответственно); третий доклад (*Ежегодник.., 1998 год*, (сноска 4, выше), пункт 136, стр. 231); и пятый доклад, *Ежегодник.., 2000 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/508 и Add.1–4, пункт 290, стр. ++); см. также Aust, *Modern Treaty Law and Practice*, pp. 124–126; Gamble Jr., "Reservations to multilateral treaties: a macroscopic view of State practice", pp. 383–391; Imbert, op. cit., pp. 162–230; McNair, *The Law of Treaties*, pp. 169–173; Polakiewicz, *Treaty-making in the Council of Europe*, pp. 85–90 and 101–104; и Riquelme Cortado, *Las reservas a los tratados: lagunas y ambigüedades del Régimen de Viena*, pp. 89–136.

[28] Imbert, op. cit., p. 83; см. также Reuter, *Introduction to the Law of Treaties*, p. 82; или Riquelme Cortado, op. cit., p. 84. Можно также напомнить о том, что предложение г-на Бригза заменить слово "способность", фигурирующее в проекте сэра Хэмфри Уолдока (см. сноску 23, выше), словом "право" (*Ежегодник.., 1962 год*, том I, 651-е заседание, пункт 22, стр. 140 англ. текста,) не было принято, равно как и поправка Союза Советских Социалистических Республик на ту же тему на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First and Second Sessions, Vienna, 26 March–24 May 1968 and 9 April–22 May 1969, Documents of the Conference* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.5), доклад Комитета полного состава о его работе в ходе первой сессии Конференции, документ A/CONF.39/14, пункт 175 *a*, стр. 133 англ. текста). Нынешняя формулировка ("Государство может формулировать оговорку, за исключением тех случаев…") была принято Редакционным комитетом Комиссии (*Ежегодник.., 1962 год*, том I, 663-е заседание, пункт 3, стр. 221 англ. текста), а затем Комиссией на пленарном заседании (там же, том II (см. сноску 18, выше), статья 18, пункт 1, стр. 175–176 англ. текста) в 1962 году. В 1966 году она изменений не претерпела, если не считать то, что слова "Tout État" были заменены словами "Un État" [в тексте на французском языке] (см. *Ежегодник.., 1965 год* (см. сноску 18, выше), 813-е заседание, пункт 1, стр. 263–264 англ. текста (текст, принятый Редакционным комитетом) и *Ежегодник…, 1966 год*, (см. сноску 18, выше), стр. 202 англ. текста (статья 16, принятая во втором чтении).

[29] См. Greig, "Reservations: equity as a balancing factor?", p. 22.

[30] A/CONF.39/C.1/L.161 (см. A/CONF.39/14 (сноска 28, выше), p. 134, para. 177 ii)).

митетом Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров[31]. Как отмечал сэр Хэмфри Уолдок, "говорить о том.., что государство может "делать" оговорку, было бы двусмысленно, поскольку речь идет о том, может ли оговорка, *сформулированная* государством, считаться фактически "сделанной", когда другие заинтересованные государства не дали на нее своего согласия"[32]. Однако оговорка является "действующей"[33] не только в случае соблюдения определенных процессуальных условий (кстати сказать не очень обременительных[34]); при этом необходимо еще соблюдать существенные условия, изложенные в трех подпунктах самой статьи 19, о чем четко свидетельствуют слова "за исключением"[35].

15. По мнению ряда авторов, используемая в этом положении терминология все же является в этом отношении непоследовательной, поскольку когда договор разрешает делать определенные оговорки (пункт *b* статьи 19), нет нужды в том, чтобы они были приняты другими государствами… Таким образом, они "сделаны" с момента их формулирования заявляющим их государством[36]. Следовательно, если в подпункте *b* справедливо указывается, что такие оговорки "можно *делать**", то можно сказать, что вводная часть статьи 19 вносит путаницу, поскольку предполагает, что они могут лишь "сформулированы" их автором[37]. Здесь речь идет о явном несоответствии[38]: подпункт *b* касается не тех оговорок, которые действуют (или сделаны) в силу лишь факта их формулирования, а, наоборот, тех оговорок, которые не разрешены договором. Как в случае подпункта *a*, эти последние не могут быть сформулированы: в одном случае (подпункт *a*) запрет выражен прямо; во втором (подпункт *b*) – он подразумевается.

16. Принцип наличия способности формулировать оговорки, без всяких сомнений, представляет собой ключевой элемент Венского режима, и возникает вопрос о том, нужно ли его отражать в отдельном руководящем положении, например, такого содержания:

"3.1 [*Способность формулировать оговорки*] [*Презумпция действительности оговорок*]

Государство или международная организация может при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему формулировать оговорку".

17. Не без некоторых колебаний Специальный докладчик не предлагает, однако, Комиссии идти этим путем. Безусловно, подобное руководящее положение обладало бы тем достоинством, что оно позволяло бы выделить ключевой принцип Венского режима, не отступая при этом от формулировки Венских конвенций 1969 и 1986 годов, поскольку приведенная выше формулировка представляет собой не что иное, как "вводную часть" статьи 19. Между тем, по общему правилу, Комиссия старалась не разбивать на части положения какой-либо уникальной статьи конвенций, с тем чтобы использовать эти части в самостоятельных проектах руководящих положений[39]. В более глубоком смысле принцип наличия способности формулировать оговорку (и вследствие этого презумпции ее действительности) не отделим от тех исключений, которыми он снабжен.

18. В соответствии с обычаем, которому Комиссия следовала до настоящего времени в отсутствие убедительных оснований для того, чтобы действовать иначе, представляется предпочтительным включить в начало третьей части Руководства по практике, посвященной действительности оговорок, полный текст статьи 19, а в комментарии и дополнительных проектах руководящих положений дать уточнения и пояснения, которые в ко-

---

[31] *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties, First Session, Vienna, 26 March–24 May 1968, Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.68.V.7), Committee of the Whole, 23-е заседание, пункт 2, стр. 121 англ. текста, (разъяснения Китая) и 24-е заседание, пункт 13 (выступление эксперта-консультанта сэра Хэмфри Уолдока), стр. 126 англ. текста.

[32] *Ежегодник.., 1962 год* (см. сноску 23, выше), пункт 1 комментария к проектам статей 17–19, стр. 62 англ. текста.

[33] Вводная часть статьи 21 Венской конвенции 1969 года: "Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23".

[34] См. статью 20, пункты 3–5, статью 21, пункт 1, и статью 23 Венской конвенции 1969 года, а также проекты руководящих положений 2.1–2.2.3 (*Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая). См. также Coccia, "Reservations to multilateral treaties on human rights", p. 28.

[35] "В этой статье закреплен общий принцип, согласно которому оговорки разрешается делать, за исключением трех случаев" (*Ежегодник.., 1966 год* (см. сноску 18, выше); употребление слова "делать" в тексте комментария на французском языке вызывает критику, однако это скорее обусловлено оплошностью перевода, чем умыслом – противоположное мнение: Imbert, op. cit., p. 90. Впрочем, текст комментария на английском языке составлен правильно.

[36] Imbert, op. cit., pp. 83–84.

[37] См. также Ruda, loc. cit., pp. 179–180, и намного более умеренную критику со стороны Хорна в Horn, *Reservations and Interpretative Declarations to Multilateral Treaties*, pp. 111–112.

[38] Вместе с тем можно оспаривать употребление глаголов "формулировать" и "делать" в пункте 2 статьи 23; нелогично уточнять в конце этого положения, что в случае официального подтверждения в момент выражения согласия на обязательность оговорки, сформулированной при подписании, "оговорка считается *сделанной* в день ее подтверждения". При разработке Руководства по практике в области оговорок Комиссия стремилась использовать в этом отношении последовательную терминологию (критика в ее адрес со стороны Рикельме Кортадо в Riquelme Cortado, op. cit., p. 85, по всей видимости, вызвана неправильным переводом на испанский язык).

[39] См. проекты руководящих положений 1.1 (Определение оговорок), 2.2.1 (Официальное подтверждение оговорок, сформулированных при подписании договора) или 2.5.1 (Снятие оговорок), в которых воспроизводится соответственно текст статей 2, пункт 1 *d*, 23, пункт 2, и 22, пункт 1 Венской конвенции 1986 года. В то же время Комиссия не следовала этому общему правилу, когда осуществление плана Руководства по практике требовало распределить различные элементы какого-либо уникального положения Конвенции между несколькими руководящими положениями (так, нормы, закрепленные в статье 23 относительно процедуры, касающейся оговорок, принятия и возражений, распределены между различными проектами руководящих положений); однако в данном случае никаких оснований для этого нет. Напомним: Комиссия по возможности опирается на текст 1986 года, который является более полным по сравнению с текстом 1969 года.

нечном счете позволят сориентировать государства в их практике.

19. Единственный вопрос, который возникает в этой связи, касается повторения в начале статьи 19 обеих Венских конвенций 1969 и 1986 годов различных моментов (или "случаев", если использовать терминологию проекта руководящего положения 1.1.2[40]), [в] которых оговорка может быть сформулирована". В самом деле, как уже подчеркивалось выше[41], в статье 19 закрепляются временные ограничения, которые фигурируют в самом определении оговорок в пункте 1 *d* статьи 2 Венских конвенций 1969 и 1986 годов[42]. Такое повторение, несомненно, излишне, как это подчеркнула Дания при рассмотрении проекта статей по праву договоров, принятому в 1962 году[43]. Однако Комиссия не сочла целесообразным устранить эту аномалию при принятии окончательного проекта в 1966 году и такое повторение не создает достаточно неприятных неудобств, чтобы переписывать Венскую конвенцию 1969 года, которая также существует невзирая на это неудобство.

20. В этих условиях представляется разумным воспроизвести в проекте руководящего положения 3.1, который мог бы называться "Способность формулировать оговорку", текст статьи 19 Венской конвенции 1986 года.

"3.1 *Способность формулировать оговорку*

Государство или международная организация может при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии или утверждении договора или присоединении к нему формулировать оговорку, за исключением тех случаев, когда:

a) данная оговорка запрещается договором;

b) договор предусматривает, что можно делать только определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит;

c) в случаях, не подпадающих под действие подпунктов *a* и *b*, оговорка не совместима с объектом и целью договора".

21. Не все три условия действительности оговорок, предусмотренные в статье 19, как это вытекает из формулировки подпункта *c* данного положения, расположены в одной и той же плоскости. Подпункты *a*–*b* предусматривают те[44] случаи, в которых оговорка запрещена договором, прямо или косвенно, а подпункт c) касается случаев, в которых оговорка исключена, несмотря на молчание договора. Эти две ситуации лучше бы было изложить раздельно.

B. Оговорки, запрещенные договором

22. По мнению Ройтера, ситуации, предусмотренные подпунктами *a*–*b* статьи 19, представляют собой "очень простые случаи"[45]. Весьма сомнительно. Разумеется, эти положения отсылают к случаям, в которых договор, к которому государство или международная организация хотели бы сделать оговорку, содержит специальное положение, запрещающее или разрешающее формулировать оговорки. Однако, помимо того, что охвачены явно не все ситуации, могут возникнуть деликатные проблемы в отношении точной сферы действия положения, запрещающего оговорки (раздел 1) и последствий оговорки, сформулированной вопреки этому запрету (раздел 2).

1. Сфера действия положений, запрещающих оговорки

23. В пункте 1 *a* проекта статьи 17, который сэр Хэмфри Уолдок представил Комиссии в 1962 году, он предлагает три разные ситуации:

a) оговорки, "прямо запрещенные договором или несовместимые с характером договора или обычаем, установленным международной организацией";

b) оговорки, не охватываемые сферой действия положения, ограничивающего способность делать оговорки; или

c) разрешающие определенные оговорки[46].

Общий момент этих трех случаев заключался в том, что в отличие от оговорок, несовместимых с объектом и целью договора[47], "когда формулируется оговорка, не запрещенная договором, другие государства должны сообщить о том, принимают или отклоняют они эту оговорку, тогда как в случае оговорки, запрещенной договором, им нет нужды это делать, поскольку они уже высказались против этой оговорки в самом договоре"[48].

---

[40] *Ежегодник.., 1998 год*, том II (часть вторая), стр. 121.

[41] Пункт 12.

[42] См. проекты руководящих положений 1.1 (Определение оговорок) и 1.1.2 (Случаи, в которых могут формулироваться оговорки) и комментарии к ним *Ежегодник.., 1998 год* (сноска 40, выше), стр. 117 и 121, соответственно.

[43] См. четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник.., 1965 год* (сноска 20, выше).

[44] Или же, что, безусловно, точнее, просто "некоторые случаи", поскольку это положение охватывает не вообще все случаи (см. пункты 31–32, ниже).

[45] Reuter, “Solidarité et divisibilité des engagements conventionnels”, p. 625 (воспроизводится также в Reuter, *Le développement de l’ordre juridique international: écrits de droit international*, p. 363).

[46] Первый доклад, *Ежегодник.., 1962 год* (см. сноску 23, выше).

[47] Ситуация, предусмотренная пунктом 2 проекта статьи 17, однако в весьма отличной от нынешнего текста форме (см. раздел C, ниже).

[48] *Ежегодник.., 1962 год* (см. сноску 23, выше), пункт 9 комментария к статье 17, стр. 65 англ. текста.

24. Хотя Комиссия восприняла эту классификацию в несколько иной форме[49], она была неоправданно усложнена, и на уровне весьма общих понятий, на котором авторы Венской конвенции 1969 года намеревались находиться, было нецелесообразно проводить разграничение между первыми двумя ситуациями, выделенными Специальным докладчиком[50]. В пункте 2 проекта статьи 18, которую он предложил в 1965 году с учетом замечаний правительств, он ограничился проведением разграничения между оговорками, прямо запрещенными договором (или "действующими в международной организации правилами")[51], и оговорками, которые запрещены косвенно как следствие допущения договором[52] определенных оговорок. Именно такое двоякое разграничение можно увидеть в более совершенной форме[53] в подпунктах *a*–*b* статьи 19 Конвенции, причем не делается никакого различия в зависимости от того, запрещает или разрешает полностью или частично договор оговорки[54].

a) *Прямое запрещение оговорок*

25. По мнению Томушата, содержащееся в подпункте *a* запрещение в его нынешней формулировке должно пониматься как охватывающее как прямые, так и косвенные запреты в отношении оговорок[55]. Обоснование такого толкования можно найти в документах, связанных с разработкой данного положения:

a) в первоначальной формулировке, предложенной в 1962 году сэром Хэмфри Уолдоком[56], уточнялось, что она касается "прямо запрещенных оговорок", а в 1965 году это уточнение было опущено, причем Специальный докладчик никаких пояснений не дал и из обсуждений в Комиссии также невозможно сделать однозначный вывод на этот счет[57];

b) в комментарии к проекту статьи 16, принятому во втором чтении в 1966 году, Комиссия, по всей видимости, ставит на один уровень "[о]говорки, прямо или косвенно запрещенные условиями договора"[58].

---

[49] Там же (см. сноску 18, выше), проект статьи 18, пункты 1 *b-d*, стр. 176 англ. текста (см. комментарий к этому пункту, пункт 15, стр. 180 англ. текста).

[50] И наоборот, при обсуждении этого проекта г-на Бригз выразил мнение о том, что "если какое-либо различие и существует, то между случаем, предусмотренным подпунктом *a*, когда запрещены все оговорки, и случаем, предусмотренным подпунктами *b* и *c*, когда лишь определенные оговорки либо прямо запрещены, либо косвенно исключены" (там же, том I, 663-е заседание, пункт 12, стр. 222 англ. текста; противоположное мнение: сэр Хамфри Уолдок, там же, пункт 32, стр. 223 англ. текста,); как показывает пример статьи 12 Конвенции о континентальном шельфе (пункты 39–40, ниже), это замечание весьма уместно.

[51] Там же, пункт 3, стр. 221 англ. текста, проект статьи 17, пункт 1 *a*. Хотя при обсуждении на пленарном заседании в 1965 году этот принцип не оспаривался (однако г-н Ляхс оспаривал его в 1962 году (там же, 651-е заседание, пункт 53, стр. 142 англ. текста) и был сохранен в тексте, принятом в ходе первой части семнадцатой сессии (см. *Ежегодник.., 1965 год*, том II, документ A/6009, стр. 161 англ. текста), это уточнение без объяснений исчезло из проекта статьи 16, окончательно принятого Комиссией в 1966 году после "окончательной доработки" Редакционным комитетом (см. *Ежегодник.., 1966 год*, том I (часть II), 887-е заседание, пункт 91, стр. 295 англ. текста). Цель изъятия этого положения заключается в том, чтобы приблизиться к общему защитительному положению в отношении "конститутивных договоров международных организаций и договоров, принятых в рамках какой-либо международной организации", фигурирующему в статье 5 Венской конвенции 1969 года и принятому в тот же день в его окончательном виде Комиссией (там же, пункт 79, стр. 294 англ. текста). На практике лишь в исключительных случаях оговорки могут быть сформулированы в отношении конститутивного акта международной организации (см. Maurice H. Mendelson, "Reservations to the Constitutions of International Organizations". Что касается договоров, заключенных в рамках международных организаций, то лучшим примером (предполагаемого) исключения оговорок является пример МОТ, неизменная практика которой заключается в том, чтобы не принимать на хранение ратификационные грамоты в отношении международных конвенций в области труда, когда эти документы содержат оговорки (см. меморандум директора Международного бюро труда в адрес Совета Лиги Наций относительно допустимости оговорок к общим конвенциям, League of Nations, *Official Journal*, 8th Year, No. 7 (July 1927), p. 882; или меморандум, представленный МС в 1951 году со стороны МОТ по делу *I.C.J. Pleadings, Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, pp. 217 and 227–228; и заявление Уилфреда Джункса, Юрисконсульта МОТ, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (сноска 31, выше), 7th meeting, p. 37, para. 11); изложение и критику в отношении этой позиции см. в комментарии к проекту руководящего положения 1.1.8 (Оговорки, сделанные в соответствии с клаузулами об изъятии) Руководства по практике, *Ежегодник.., 2000 год*, том II (часть вторая), пункты 3-5, стр. 130–132.

[52] См. *Ежегодник.., 1965 год* (сноска 20, выше).

[53] В отношении редакционных изменений, внесенных Комиссией, см. обсуждение проекта статьи 18 (*Ежегодник.., 1965 год*, том I, в частности 797-е и 798-е заседания, стр. 148–157 англ. текста) и текст, принятый Редакционным комитетом (там же, 813-е заседание, пункт 1, стр. 264 англ. текста), а также ее обсуждение (там же, стр. 264–265 англ. текста). Окончательный текст статьи 16 *a*–*b*, принятый во втором чтении Комиссией, гласил: "Государство может формулировать оговорку, за исключением случаев, когда: *a*) оговорка не запрещена договором; *b*) договор разрешает только определенные оговорки, к числу которых указанная оговорка не относится" (*Ежегодник.., 1966 год*, том II, стр. 202 англ. текста). См. также сноску 83, ниже.

[54] В "альтернативных проектах", представленных в качестве de lege ferenda в 1953 году в первом докладе, подготовленном г-ном Х. Лаутерпахтом, речь шла о всех договорах, которые "не запрещают и не ограничивают способность делать оговорки" (*Ежегодник.., 1953 год* (см. сноску 22, выше), стр. 91–92 англ. текста).

[55] Tomuschat, "Admissibility and legal effects of reservations to multilateral treaties: comments on arts. 16 and 17 of the ILC's 1966 draft articles on the law of treaties", p. 469.

[56] См. пункт 23, выше.

[57] См., тем не менее, выступление г-на Яссина, *Ежегодник..*, 1965 год, том I, 797-е заседание, стр. 149 англ. текста, пункт 19: "Можно опустить слово "прямо" и просто сказать: если только оговорки не запрещены…". По сути, указания в договоре вполне достаточно, будь то прямого или косвенного", однако речь шла о тексте 1962 года.

[58] *Ежегодник.., 1966 год* (см. сноску 18, выше), пункт 10, стр. 205 англ. текста. Как, впрочем, и "оговорки, которые прямо или косвенно разрешены", там же; см. также пункт 17, стр. 207 англ. текста,. В том же духе в пункте 1 *a* статьи 19 проекта статей о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, принятом Комиссией в 1981 году, на один уровень ставился случай, когда оговорки запрещены договором, и случаи, когда "иным образом установлено, что участвующие в переговорах государства и организации условились, что данная оговорка запрещена" (*Ежегодник.., 1981 год*, том II (часть вторая), стр. 166).

26. Такое толкование, однако, неоднозначно. Мысль о том, что некоторые договоры могли "в силу своего характера" исключать оговорки, была исключена в 1962 году Комиссией, которая отклонила предложение в этом отношении, внесенное сэром Хэмфри Уолдоком[59]. Тогда непонятно, какие запрещения могли бы "косвенно" вытекать из договора, если не считать случаев, охватываемых подпунктами *b*–*c*[60] статьи 19[61], и здесь мы вынуждены признать, что подпункт a) касается только оговорок, прямо запрещенных договором. К тому же только такое толкование и совместимо с весьма высокой степенью либерализма, которым пронизаны все положения Венской конвенции 1969 года, касающиеся оговорок.

27. Никаких проблем (кроме как выяснение того, представляет ли соответствующее заявление оговорку[62]) не возникает, если запрещение выражено четко и ясно, в частности когда оно является общим, при том, однако, что примеров на этот счет имеется относительно немного[63], хотя некоторые из них весьма известны, как, например, статья I Статута Лиги Наций:

> Первоначальными Членами Лиги Наций являются те из подписавшихся Государств, которые приступят к настоящему Статуту без всяких оговорок[64].

Кроме того, статья 120 Римского статута Международного уголовного суда гласит:

> Никакие оговорки к настоящему Статуту не могут делаться[65].

К тому же, в силу пункта 1 статьи 26 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением:

> Никакие оговорки к настоящей Конвенции не допускаются[66].

28. Между тем, может получиться так, что запрещение окажется более расплывчатым. Так, по смыслу пункта 14 Заключительного акта Специального совещания представителей, уполномоченных разработать и подписать Европейскую конвенцию о внешнеторговом арбитраже, которым принималась Европейская женевская конвенция о внешнеторговом арбитраже, "делегации, принявшие участие в выработке Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже, заявляют, что их страны не намереваются вносить оговорки к Конвен-

---

[59] См. пункт 24, выше. Специальный докладчик указал, что при разработке этого положения "он имел в виду… Устав Организации Объединенных Наций, который, по своему характеру, не может быть объектом оговорок" (*Ежегодник.., 1962 год*, том I, 651-е заседание, пункт 60, стр. 143 англ. текста,). Это исключение охватывается защитительным положением статьи 5 Венской конвенции 1969 года (см. сноску 60, ниже). Выражению "характер договора" не было уделено особого внимания в ходе обсуждения (г-н Кастрен, однако, счел его неточным – там же, 652-е заседание, пункт 28, стр. 148 англ. текста,; см. также г-н Вердросс, там же, пункт 35, стр. 149 англ. текста); оно было исключено Редакционным комитетом (там же, 663-е заседание, пункт 3, стр. 221 англ. текста).

[60] Поправки Испании (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (см. сноску 28, выше) (A/CONF.39/C.1/L.147), Колумбии и Соединенных Штатов Америки, там же, (A/CONF.39/C.1/L.126 и Add.1) в отношении восстановления понятия "характера" договора в подпункте *c* были отозваны их авторами или отклонены Редакционным комитетом (см. реакция Соединенных Штатов, там же *Second Session, Vienna, 9 April–22 May 1969, Summary records of the plenary meetings and of the meetings of the Committee of the Whole* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № E.70.V.6), eleventh plenary meeting, p. 35, paras. 2–3).

[61] Таково, впрочем, окончательное заключение, к которому приходит Томушат (loc. cit., p. 471).

[62] Проект руководящего положения 1.3.1 (Установление различия между оговорками и заявлениями о толковании) и комментарий к нему, *Ежегодник..,* 1999 год, том II (часть вторая), стр. 126.

[63] Даже в области прав человека (см. Imbert, “Reservations and human rights conventions”, p. 28, и Schabas, “Reservations to human rights treaties: time for innovation and reform”, p. 46; см. в то же время, например, Дополнительную конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (статья 9), Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования (статья 9), Протокол № 6 относительно отмены смертной казни к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (статья 4) или Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (статья 21), все из которых запрещают какие бы то ни было оговорки к своим положениям. Получается, что положения об оговорках договоров по правам человека отсылают к положениям Венской конвенции об оговорках (см. статью 75 Межамериканской конвенции о правах человека: "Пакт Сан-Хосе"), что косвенно делают конвенции, которые вообще не содержат положений об оговорках или же воспроизводят соответствующие формулировки (см. статью 28, пункт 2, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин или статью 51, пункт 2, Конвенции о правах ребенка).

[64] Можно утверждать, что эта норма не была учтена, когда Совет Лиги Наций признал нейтралитет Швейцарии (в отношении см. Mendelson, loc. cit., pp. 140–141).

[65] Сколь бы однозначным это запрещение ни казалось, оно, впрочем, не полностью лишено двусмысленности: вызывающая глубокое сожаление статья 124 Римского статута, которая разрешает "государству, которое становится участником настоящего Статута заявить, что в течение семи лет после вступления настоящего Статута в силу для соответствующего государства оно не признает юрисдикцию Суда" в отношении военных преступлений, представляет собой исключение из правила, установленного статьей 120, поскольку эти заявления по сути являются настоящими оговорками (см. Pellet, “Entry into force and amendment of the statute”, p. 157; см. также Европейскую конвенцию о вручении за рубежом документов по административным вопросам, статья 21 которой запрещает оговорки, тогда как многие другие положения разрешают некоторые из них. В качестве других примеров см. Spiliopoulou Åkermark, “Reservation clauses in treaties concluded within the Council of Europe”, pp. 493–494; Daillier and Pellet, *Droit international public*, p. 181; Imbert, op. cit., pp. 165–166; Horn, op. cit., p. 113; Riquelme Cortado, op. cit., pp. 105–108; и Schabas, “Reservations to human rights treaties …”, p. 46.

[66] Более подробный комментарий см. Fodella, “The declarations of States parties to the Basel Convention”; пункт 2 статьи 26 разрешает государствам-участникам "выступить с декларациями или заявлениями в любой формулировке и под любым наименованием с целью inter alia приведения своих законов и правил в соответствие с положениями настоящей Конвенции, при условии, что такие декларации или заявления не предполагают исключения или изменения юридического действия положений настоящей Конвенции в их применении" к этим государствам; различие между оговорками согласно пункту 1 и заявлениями согласно пункту 2 может показаться весьма тонким, однако речь идет о проблеме определения, которая никоим образом не ограничивает запрещения, установленного в пункте 1: если заявление, сделанное в силу пункта 2, оказывается оговоркой, оно запрещено. Сочетание статей 309 и 310 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву создает аналогичные проблемы и требует таких же ответов (см., в частности, Pellet, “Les réserves aux conventions sur le droit de la mer”, pp. 505–517; см. также сноску 87, ниже).

ции"[67]: здесь речь не только не идет о категорическом запрете, но и само это заявление о намерении сделано в документе, отличном от договора. В случаях такого рода можно считать, что оговорки, собственно говоря, не запрещены, но если государство их формулирует, то другие участники по логике вещей должны против этого возражать.

29. Чаще запрещение носит частичный характер и касается одной или нескольких определенных оговорок или одной или нескольких категорий оговорок. Более простой (но достаточно редкой) является ситуация, когда имеются нормы, перечисляющие положения конвенций, к которым оговорки запрещены[68]. Это имеет место в статье 42 Конвенции о статусе беженцев[69] или в статье 26 Международной конвенции по безопасным контейнерам.

30. Более сложной является ситуация, в которой договор не запрещает оговорки к определенным положениям, а исключает некоторые категории оговорок. Примером такого вида норм является пункт 3 статьи 78 Международного соглашения по сахару, 1977 года:

> Любое правительство, которое правомочно стать стороной настоящего Соглашения, может при подписании, ратификации, принятии или одобрении настоящего Соглашения или присоединения к нему сделать оговорки, которые не затрагивают экономических аспектов настоящего Соглашения.

31. Разграничение между положениями об оговорках такого вида и положениями, исключающими "определенные оговорки", было проведено в проекте сэра Хэмфри Уолдока в 1962 году[70]. В свою очередь в Венских конвенциях 1969 и 1986 годов не проводится такого разграничения, и, несмотря на расплывчатость в этом смысле материалов подготовительных работ, можно, безусловно, считать, что подпункт *a* статьи 19 охватывает все три ситуации, которые с помощью более подробного анализа можно определить следующим образом:

a) ситуация положений об оговорках, запрещающих любые оговорки;

b) ситуация положений об оговорках, запрещающих оговорки к конкретным положениям;

c) и, наконец, ситуация положений об оговорках, запрещающих определенные категории оговорок.

32. Хотя это может показаться само собой разумеющимся, было бы, бесспорно, целесообразно прямо это указать в проекте руководящего положения 3.1.1, который мог бы гласить следующее:

"3.1.1 *Оговорки, прямо запрещенные договором*

Оговорка запрещена договором, если он содержит конкретное положение:

a) запрещающее любые оговорки;

b) запрещающее оговорки к указанным положениям;

c) запрещающее определенные категории оговорок".

33. Это уточнение представляется тем более целесообразным, что в этих ситуациях *c*) возникают проблемы (толкования)[71] того же свойства, что и проблемы, обусловленные критерием совместимости с объектом и целью договора[72], который, впрочем, в некоторых положениях прямо предусмотрен[73]. Указывая, что эти оговорки, запрещенные без ссылки на какое-либо конкретное положение договора, все же относятся к подпункту *a* статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, Комиссия сразу же делала бы неоправданный акцент на единстве правового режима, применимого к оговоркам, о которых говорится в трех подпунктах статьи 19.

b) *Косвенное запрещение оговорок*

34. Бегло ознакомившись с подпунктом *b* статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, можно бы было подумать, что он отражает одну из сторон медали, а подпункт *b* – другую. Между тем симметрия в данном случае далеко не полная. Для ее существования нужно бы было указать, что оговорка, помимо тех, которые прямо предусмотрены договором, запрещена. Однако в данном случае этого нет: подпункт *b* содержит два дополнительных уточнения, которые запрещают чрезмерное упрощение; вытекающее из этого положения косвенное запрещение определенных оговорок, намного более сложное, чем может показаться, предполагает выполнение трех условий:

a) положение об оговорках в договоре должно разрешать формулирование оговорок;

b) разрешенные оговорки должны быть "определенными";

---

[67] Этот пример приводится в Imbert, op. cit., pp. 166–167.

[68] Эта ситуация крайне близка к ситуации, в которой в договоре указываются положения, к которым оговорки разрешены, см. пункт 39, ниже, и комментарии г-на Бригза (сноска 50, выше).

[69] По поводу этого положения Эмбер отметил, что влияние консультативного заключения МС по поводу оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятого двумя месяцами ранее, прослеживается весьма четко, поскольку такое положение сводится к сохранению положений, к которым не могут делаться оговорки (op. cit. p. 167); см. другие приведенные примеры (ibid.) и пункты 39–41, ниже.

[70] *Ежегодник.., 1962 год* (см. сноску 23, выше).

[71] "Допустима ли оговорка в соответствии с исключениями *a*) или *b*), будет зависеть от толкования договора" (Aust, op. cit. p. 110).

[72] См. пункт 91, ниже.

[73] См. приведенные примеры в сноске 63, выше. Здесь речь идет о конкретном примере "категорий запрещенных оговорок", причем сформулированном, увы, крайне неопределенным образом.

c) должно быть указано, что "только" они "могут быть сделаны"[74].

35. Происхождение подпункта *b* статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов восходит к пункту 3 проекта статьи 37, представленного Комиссии в 1956 году г-ном Фицморисом:

> Когда сам договор допускает некоторые определенные оговорки или некоторые категории оговорок, действует презумпция, согласно которой все другие оговорки исключены и не могут быть приняты[75].

Именно эту идею сэр Хэмфри Уолдок реализовал в пункте 1 *a* проекта статьи 17, которую он предложил в 1962 году, а Комиссия закрепила ее в пункте 1 *c* проекта статьи 18, который она приняла в том же году[76] и который после незначительных редакционных изменений стал подпунктом *b* статьи 16 проекта 1966 года[77], а потом статьей 19 Конвенции.

36. Впрочем, не без возражений, поскольку на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров многие поправки были направлены на изъятие этого положения[78] на том основании, что оно было "неоправданно жестким"[79] или ненужным, поскольку повторяло подпункт *a*[80] или не соответствовало практике[81], все они, однако, были отозваны или отклонены[82].

37. Единственное изменение, внесенное в подпункт *b*, было предложено в поправке Польши, заключавшейся в добавлении слова "только" после слова "разрешает", и оно было принято Редакционным комитетом Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров "[д]ля обеспечения четкости"[83]. Незначительность этого предложения не должна скрывать весьма большого практического значения данного уточнения, которое изменяет принятую Комиссией презумпцию на диаметрально противоположную и все в том же проекте, который упорно отстаивали страны Восточной Европы, с тем чтобы максимально облегчить формулирование оговорок, создает для нее возможность, даже при том, что участники переговоров особо постарались прямо указать положения, к которым оговорка допустима[84]. Однако подобная поправка не освобождает оговорку, которая не является не прямо разрешенной, не косвенно запрещенной, от необходимости соответствовать критерию совместимости с объектом и целью договора[85].

38. На практике классификация разрешительных положений об оговорках сравнима с запретительными положениями, и в связи с ними возникают те же проблемы в плане определения от противного оговорок, которые не могут быть сформулированы[86]:

a) одни разрешают оговорки к конкретным положениям, прямо и исчерпывающе перечисленным в позитивной или негативной форме;

b) другие разрешают определенные категории оговорок;

c) и, наконец, третьи (что встречается редко) разрешают оговорки вообще.

---

[74] См. пункт 15, выше.

[75] *Ежегодник.., 1956 год* (см. сноску 22, выше), стр. 115 англ. текста; см. также пункт 95, стр. 127 англ. текста.

[76] См. пункты 23 и 24, выше.

[77] См. сноску 53, выше.

[78] Поправки Колумбии и Соединенных Штатов и (A/CONF.39/C.1/L.126 и Add.1) и Федеративной Республики Германия (A/CONF.39/C.1/L.128), которые прямо предполагали отказ от подпункта (b), и Союза Советских Социалистических Республик (см. сноску 28, выше), Франции (A/CONF.39/C.1/ L.169 и Corr.1), Цейлона (A/CONF.39/C.1/L.139), Испании (A/CONF.39/ C.1/L.147), которые предлагали изменить обширную сферу применения статьи 16 (или статей 16 и 17), которые также могли бы повлечь исчезновение этого положения (тексты этих поправок, см. *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties,* (сноска 28, выше), paras. 174–177, pp. 133–134,). При обсуждении проекта Комиссией некоторые члены также выразили мнение, что это положение избыточно (*Ежегодник.., 1965 год,* том I, 797-е заседание, г-н Яссин, пункт 18, стр. 149 англ. текста; г-н Тункин, там же, пункт 29, стр. 150 англ. текста, а более сложную позицию, пункт 33, стр. 151 англ. текста; или г-н Руда, там же, пункт 70, стр. 154 англ. текста).

[79] Так выразились Соединенные Штаты и Польша на 21-м и 22-м заседании Комитета полного состава (*Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties,* (сноска 28, выше), (сноска 31, выше), пункт 8, стр. 108 англ. текста, и пункт 42, стр. 118 англ. текста); см. также заявление Федеративной Республики Германия (там же, пункт 23, стр. 109 англ. текста).

[80] Колумбия, там же, пункт 68, стр. 113 англ. текста.

[81] Швеция, там же, пункт 29, стр. 117 англ. текста.

[82] *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (сноска 28, выше), пункты 181–188, стр. 136–138. См. пояснения эксперта-консультанта сэра Хэмфри Уолдока, там же (см. сноску 31, выше), 24-е заседание, пункт 6, стр. 126 англ. текста, и результаты голосования по поправкам, там же, 25-е заседание, пункты 23–25, стр. 135 англ. текста.

[83] Там же (см. сноску 28, выше), пункт iv) c) (A/CONF.39/ C.1/L.136); и (A/CONF.39/11), там же (сноска 31, выше), 70-е заседание, пункт 16, стр. 415 англ. текста,. Уже в 1965 году в ходе обсуждения в Комиссии проекта статьи 18 *b*, рассмотренного Редакционным комитетом, г-н Катрен предложил добавить в подпункт *b* после слова "разрешает" слово "только" (*Ежегодник.., 1965 год*, том I, 797-е заседание, пункт 14, стр. 149 англ. текста, и 813-е заседание, пункт 13, стр. 264; см. также аналогичное предложение г-на Яссина, там же, пункт 11), которое в конечном итоге не было принято после того, как его еще раз отправили в Редакционный комитет (там же, 816-е заседание, пункт 41, стр. 283 англ. текста).

[84] В этом отношении см. Horn, op. cit., p. 114, Lijnzaad, *Reservations to UN-Human Rights Treaties: Ratify and Ruin?*, p. 39; Ruda, loc. cit., p. 181; и Szafarz, "Reservations to multilateral treaties", pp. 299–300. Впрочем, такие ограничительные формулы встречаются нередко, см., например, статью 17 Конвенции о сокращении безгражданства:

> "1. При подписании, ратификации или присоединении любое государство может сделать оговорку к статьям 11, 14 и 15;
>
> 2. Никакие другие оговорки к настоящей Конвенции не допускаются"

и другие примеры, приведенные Рикельме Кортадо, op. cit. pp. 128–129. О важности изменения презумпции на противоположную см. также мнение г-на Робинсона, *Ежегодник.., 1995 год*, том I, 2402-е заседание, пункт 17, стр. 158 англ. текста.

[85] См. пункты 59–70, выше.

[86] См. пункты 25–33, выше.

39. Иллюстрацией первой из этих категорий, видимо, может служить пункт 1 статьи 12 Конвенции о континентальном шельфе:

> При подписании, ратификации или присоединении любое государство может сделать оговорки в отношении статей Конвенции, кроме статей с 1 по 3 включительно[87].

Как отметил Синклер, "статья 12 Конвенции 1958 года не предусматривала возможности делать определенные оговорки, хотя в ней могли указываться конкретные статьи, к которым оговорки могут делаться"[88], и ни сфера действия, ни последствия этого разрешения не являются, следовательно, само собой разумеющимися, как показывает постановление МС по делам *North Sea Continental Shel* [89] и, в частности, арбитражное решение, вынесенное в 1977 году по делу *English Channel*[90].

40. В этом деле арбитраж подчеркнул следующее:

> Четкая формулировка статьи 12 [Конвенции о континентальном шельфе] разрешает любому договаривающемуся государству, в том числе Французской Республике, подчинять свое согласие на обязательность для себя Конвенции оговоркам к статьям, кроме статей с 1 по 3 включительно[91].

Тем не менее

> статья 12 не может пониматься как обязывающая государство заранее принимать оговорки любого рода к статьям, кроме статей с 1 по 3. Такое толкование статьи 12 означало бы практически предоставление договаривающимся государствам разрешения на составление своего собственного договора, что явно выходит за рамки цели этой статьи. Это имело бы место в том случае, если бы указанная статья разрешала формулировать конкретные оговорки, что можно было бы принять за случай, когда стороны Конвенции заранее приняли определенную оговорку. Однако здесь этого случая нет, поскольку статья 12 разрешает формулировать оговорки к статьям, кроме статей с 1 по 3, в весьма общих выражениях[92].

41. Иначе дело обстоит в том случае, когда в содержащем положении об оговорках определены категории разрешенных оговорок. Примером является статья 39 Общего акта (мирное разрешение международных споров):

> 1. Независимо от способности, о которой говорится в предшествующей статье[93], сторона может при присоединении к настоящему Общему акту подчинить свое принятие оговоркам, которые исчерпывающе перечислены в следующем пункте. Эти оговорки должны быть указаны при присоединении.
>
> 2. Эти оговорки могут быть сформулированы таким образом, чтобы исключить процедуры, изложенные в настоящем Акте:
>
> *a*) споры, возникшие на основе фактов, имевших место ранее, либо до присоединения стороны, которая формулирует оговорку, либо до присоединения другой стороны, с которой у первой стороны возник спор;
>
> *b*) споры, касающиеся вопросов, которые международное право относит к исключительной компетенции государств;
>
> *c*) споры, касающиеся определенных дел или специальных четко определенных областей, таких, как территориальный статус, или относящиеся к четко определенным категориям.

Как отметил МС в своем постановлении 1978 года по делу *Aegean Sea Continental Shelf*:

> Когда многосторонний договор предусматривает, что допускаются только определенные специально обозначенные категории оговорок, то, безусловно, налицо весьма высокая вероятность (если не сказать уверенность) того, что оговорки, выраженные в формулировках, взятых из договора, будут предназначены для применения к соответствующим категориям, которые в нем предусмотрены,

хотя государства не следуют "неукоснительно схеме", предусмотренной в положении об оговорках[94].

42. Еще одним особо знаменитым примером с комментариями[95] положения, разрешающего оговорки (и относящегося в свою очередь ко второй из выше указанных категорий[96]), содержится в статье 57 (бывшая 64) Европейской конвенции о правах человека:

---

[87] Статья 309 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву гласит следующее: "Никакие оговорки к настоящей Конвенции или исключения из нее не могут делаться, кроме случаев, когда они явно допустимы в соответствии с другими статьями настоящей Конвенции" (по поводу этого положений см. Pellet, “Les réserves …”, pp. 505–511). Бывают случаи, когда договор устанавливает максимальное число оговорок или положений, к которым оговорки могут делаться (см., например, статью 25 Европейской конвенции об усыновлении). Эти положения должны быть приближены к тем, которые разрешают сторонам принимать определенные обязательства или делать выбор между положениями договора, которые не являются положениями об оговорках в строгом смысле слова (см. проекты руководящих положений 1.4.6–1.4.7 Комиссии и комментарии к ним в *Ежегоднике.., 2000 год*, том II (часть вторая), стр. 135–139).

[88] Sinclair, The Vienna Convention on the Law of Treaties, p. 73. По поводу разграничения между определенными оговорками и неопределенными см. также пункт 47, выше.

[89] См. North Sea Continental Shelf, Judgment, I.C.J. Reports 1969, pp. 38–41.

[90] Case concerning the delimitation of the continental shelf between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the French Republic, decision of 30 June 1977, UNRIAA, vol. XVIII (Sales No. E/F.80.V.7), pp. 32–35, paras. 39–44.

[91] Ibid., p. 32, para. 39.

[92] Ibid., pp. 32–33, para. 39.

[93] Статья 38 предусматривает, что стороны могут присоединяться и к отдельным частям Общего акта.

[94] Aegean Sea Continental Shelf, Judgment, I.C.J. Reports 1978, p. 23, para. 55.

[95] См. Bonifazi, “La disciplina delle riserve alla Convenzione europea dei diritti dell’uomo”; Cohen-Jonathan, La Convention européenne des droits de l’homme, pp. 85–93; Frowein, “Reservations to the European Convention on Human Rights”; Imbert, “Reservations to the European Convention on Human Rights before the Strasbourg Commission: the Temeltasch case”; Kühner, “Reservations and interpretative declarations to the European Convention on Human Rights (ECHR): article 64 ECHR and the Swiss ‘interpretative declaration’ to article 6 (3) (e) ECHR”; Marcus-Helmons, “L’article 64 de la Convention de Rome ou les réserves à la Convention européenne des droits de l’homme”; Pires, As reservas a Convenção europeia dos direitos do homen; Sapienza, “Sull’ammissibilità di riserve all’accettazione della competenza della Commissione europea dei diritti dell’uomo”; and Schabas, “Article 64”.

[96] Пункт 38. Другие примеры см. в Aust, op. cit., pp. 109–110; Spiliopoulou Åkermark, loc. cit., pp. 495–496; Bishop Jr., “Reservations to treaties”, pp. 323–324; и Daillier and Pellet, op. cit.,

(*продолжение сноски на следующей стр.*)

1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению. Настоящая статья не допускает оговорок общего характера.

2. Любая оговорка, сделанная в соответствии с положениями настоящей статьи, должна содержать краткое изложение соответствующего закона.

В этом случае способность формулировать оговорки ограничивается как условиями формы, так и условиями существа; помимо обычных ограничений ratione temporis[97] оговорка к Римской конвенции должна:

a) относиться к конкретному положению Конвенции;

b) иметь основания в законодательстве своего автора в момент формулирования оговорки;

c) не должна быть "составлена в слишком нечетких или пространных выражениях, с тем чтобы можно было установить ее смысл и точную сферу применения"[98]; и

d) сопровождаться кратким изложением, позволяющим уяснить "содержание положения Конвенции, от которого государство намеревается отказаться путем применения оговорки"[99].

В связи с оценкой выполнения каждого из этих условий возникают проблемы. Тем не менее можно считать, что разрешенные Римской конвенцией оговорки являются "определенными" по смыслу статьи 19 *b* Венских конвенций 1969 и 1986 годов и что только такие оговорки и являются действительными.

43. Можно отметить, что эта формулировка по сути не отличается[100] от формулировки, закрепленной в пункте 1 статьи 26 Конвенции Совета Европы о выдаче:

Любая договаривающаяся сторона может при подписании настоящей Конвенции или при передаче своей ратификационной грамоты или документа о присоединении сделать оговорку в отношении любого положения или положений Конвенции,

хотя в ней и можно разглядеть разрешение общего характера. Между тем, если вид оговорок, которые могут формулироваться к Европейской конвенции о правах человека, "определен", то здесь разрешение ограничивается лишь исключением сквозных оговорок[101].

44. Впрочем, разрешение общего характера в отношении оговорок[102] само по себе вовсе не обязательно решает все проблемы. В частности, оно полностью оставляет в стороне вопросы о том, могут ли всё же другие участники заявлять к ним возражения[103] и распространяется ли на эти прямо разрешенные оговорки[104] критерий совместимости с объектом и целью договора[105]. Этот последний вопрос будет рассмотрен ниже в разделе C, ниже.

45. На данном этапе возникает единственный вопрос: нужно ли уточнять в конкретном руководящем положении Руководства по практике, какова сфера применения подпункта *b* статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. Здесь можно идти по двум направлениям. Во−первых, можно подумать о разработке проекта руководящего положения, который применительно к разрешенным оговоркам был бы эквивалентом проекта руководящего положения 3.1.1, текст которого предложен выше[106]. В то же время в подпункте *b* прямо указывается, что разрешение делать только "оговорки, определенные" договором (исключая все другие возможности) означает запрещение формулировать другие оговорки. Следовательно, единственное, что здесь можно сделать, это заявить, напротив, что, если договор разрешает формулирование оговорок в общем виде или не "определяет" исчерпывающим образом оговорки, которые могут быть сформулированы, формулирование оговорок является возможным. Такой проект мог бы гласить иным образом, "негативно", то же самое, что уже

(*продолжение сноски 96*)

p. 181. См. также таблицу с указанием конвенций Совета Европы и оговорок, относящихся к каждой из двух первых категорий допускающих оговорки положений, о которых говорится в пункте 38, выше, в Riquelme Cortado, op. cit., p. 125, and the other examples of partial authorizations given by this author, pp. 126–129.

[97] См. пункт 19, выше.

[98] Дело *Belilos*, European Court of Human Rights, *Series A: Judgments and Decisions*, judgment of 29 April 1988, *Series A*, vol. 132, p. 26, para. 55.

[99] European Commission of Human Rights, *Decisions and Reports*, application No. 9116/80, *Temeltasch* v. *Switzerland*, vol. 31, p. 150, para. 90.

[100] Imbert, op. cit., p. 186; см. также Riquelme Cortado, op. cit., p. 122.

[101] По поводу этого понятия см. проект руководящего положения 1.1.1 Руководства по практике Комиссии и комментарий к нему в *Ежегодник.., 1999 год*, том II (вторая часть), стр. 108).

[102] Другой, еще более точный, пример см. в статье 18.1 Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений: "Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты, акта о принятии, одобрении или присоединении заявить о применении одной или нескольких оговорок".

[103] Что иногда они прямо и предусматривают (см., например, статью VII Конвенции о политических правах женщин 1952 года и замечания по этому поводу Рикельме Кортадо, op. cit., p. 121). Пункт 1 статьи 20 Венской конвенции 1969 года не решает этой проблемы: он позволяет оговорке быть "действующей" (или "сделанной"), причем ее принятие не является обязательным, однако в нем ничего не говорится по поводу возражений. Можно, впрочем, утверждать, что пункт 4 этой же статьи, судя по всему, исключает возможность заявлять возражения к "оговорке, определенно допускаемой договором", в силу того, что он, видимо, исключает применение пункта 4 к случаям, помимо тех, которые указаны в пункте 1.

[104] Невозможно разумно утверждать, что подпункт *b* мог бы включать "косвенно допускаемые" оговорки, хотя бы потому, что все те из них, которые не являются запрещенными, *a contrario*, разрешены при условии соблюдения положений подпункта *c*. Следовательно, выражение "определенные оговорки" в подпункте *b* статьи 19 имеет определенную аналогию с выражением "оговорка, которая определенно допускается договором" из пункта 1 статьи 20.

[105] См. вопросы, заданные в Spiliopoulou Åkermark, loc. cit., pp. 496–497, и Riquelme Cortado, op. cit., p. 124.

[106] Пункт 32.

предусматривает текст этого подпункта[107] и не имел бы никакой пользы.

46. Вместе с тем было бы, видимо, не лишне включить в Руководство по практике проект руководящего положения, определяющий, что нужно понимать под "определенными оговорками": эта квалификация по сути имеет важные последствия для применимого правового режима, поскольку можно законно утверждать, что оговорки, которые не являются "определенными", подчинены обязательству соблюдать критерий объекта и цели договора.

47. Это определение не является само собой разумеющимся. В частности, оно вызвало споры после рассмотрения в арбитраже по делу *English Channel*[108]. По мнению некоторых авторов, оговорка является "определенной", если в договоре прямо указываются пределы, в которых она может быть сформулирована, причем эти критерии заменяют собой в этом случае (и только в этом случае) критерий объекта и цели[109]. Такая позиция может опираться на арбитражное решение 1977 года, однако в нем больше говорится то, чем определенная оговорка не является, чем то, чем она является[110]. Отсюда по сути вытекает, что простого факта того, что содержащее оговорку положение разрешает оговорки к некоторым конкретным положениям договора, недостаточно для "определения" этих оговорок по смыслу подпункта *b* статьи 19[111], однако арбитраж ограничивается требованием о том, что оговорки должны быть "конкретными"[112], не указывая при этом критерия этой конкретности.

48. Не без оснований было в то же время отмечено[113], что нереалистично требовать, чтобы содержание разрешенных оговорок в точности устанавливалось договором и что это имеет место в исключительных (если не сказать резких) случаях "согласованных оговорок"[114]. К тому же, на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров председатель Редакционного комитета г-н Яссин отождествил определенные оговорки и "оговорки, которые определенно допускаются договором"[115], не сделав более никаких уточнений. И наоборот, Комиссия не приняла предложение М. Розана заменить выражение "определенные оговорки", которое он считал "через ограничительным", выражением "оговорки к определенным положениям"[116].

49. Ни одно из этих соображений не носит решающего характера. Между тем необходимо каким-то образом примирить этот тезис, безусловно чрезмерный (поскольку он в значительной мере лишает подпункт *b* статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов всякого реального содержания), который требует, чтобы содержание разрешенных оговорок в точности устанавливалось в положении об оговорках, и тезис, согласно которому определенная оговорка тождественна оговорке, определенно допускаемой договором[117], хотя в статьях 19 *b* и 20, пункт 1, употребляются иные выражения. С этой целью необходимо, безусловно, допустить, что определенные оговорки по смыслу руководящего положения 3.1 *b* должны, с одной стороны, относится к конкретным положениям, а, с другой стороны, отвечать определенным условиям, установленным в договоре, но при этом нельзя требовать, чтобы их содержание было определено заранее. Такое определение можно было бы сформулировать следующим образом:

"3.1.2 *Определение определенных оговорок*

Для целей руководящего положения 3.1 выражение "определенные оговорки" означает оговорки, которые определенно допускаются договором к конкретным положениям и которые должны соответствовать условиям, указанным в договоре".

2. Последствия формулирования оговорки, запрещенной договором (отклонение)

50. Всегда считалось, что оговорка не может быть сформулирована (и более обоснованно сказать "сделана"), когда положение договора ее запрещает прямо или косвенно. Это очевидная истина была изложена еще в 1950 году г-н Брайерли в его первом докладе по праву международных договоров; положения 1, 2 и 4 проекта статьи 10 об оговорках, которые он предложил, начинались следующей фразой: "Если в договоре не указано иное"[118]. Как он пояснил в комментарии к этому положению:

---

[107] Руководящее положение такого рода, по всей вероятности, можно бы было сформулировать следующим образом: "Руководящее положение 3.1 *b* не исключает формулирования оговорок, прямо не разрешенных договором, если договор разрешает оговорки в общем виде или предусматривает возможность формулировать оговорки без исчерпывающего указания на то, какие оговорки могут быть сформулированы".

[108] См. сноску 90, выше.

[109] Bowett, “Reservations …”, pp. 71–72.

[110] См. пункт 40, выше.

[111] См. пункты 39–40, выше.

[112] На самом деле именно в разрешении должно говориться о конкретных или определенных оговорках (слова, которые арбитраж считает синонимами) (см. сноску 90, выше).

[113] См., в частности, Imbert, “La question des réserves dans la décision arbitrale du 30 juin 1977 relative à la délimitation du plateau continental entre la République française et le Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d’Irlande du Nord”, pp. 50– 53.

[114] По поводу этого понятия см. пятый доклад Специального докладчика об оговорках к международным договорам, *Ежегодник.., 2000 год* (сноска 27, выше), пункты 174–175, стр. 210. Главный пример, приведенный Боуэтом для иллюстрации своего тезиса, касается именно "согласованной оговорки" (“Reservations …”, p. 71).

[115] *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (см. сноску 31, выше), 70th meeting, p. 416, para. 23.

[116] *Ежегодник.., 1965 год*, том I, 813-е заседание, пункт 7, стр. 264 англ. текста. Хотя в Imbert, “La question des réserves …”, p. 52) не без основания отмечается, что, хотя за г-ном Розеном не последовали, сам сэр Хэмфри Уолдок также отметил это тождество (*Ежегодник.., 1965 год*, там же, пункт 27, стр. 265 англ. текста).

[117] В этой связи см. Imbert, “La question des réserves …”, p. 53.

[118] *Ежегодник.., 1950 год* (см. сноску 22, выше), статья 10 2), стр. 238 и 241 англ. текста. Во французском переводе имеются ва-

(*продолжение сноски на следующей стр.*)

в отношении некоторых договоров можно бы было заранее уточнить, что будущие участники не допускают никаких оговорок в какой бы то ни было форме. Положения на этот счет в текстах договоров встречается нередко[119].

51. Последующие события никогда не ставили под сомнение этот логический постулат[120]. Он лишь напоминает о том, что положения Венской конвенции 1969 года носят дополнительный характер[121]: "когда сам договор содержит положения, касающиеся оговорок, вопрос регулируется положениями договора"[122]; и когда такое положение запрещает предполагаемую оговорку, эта оговорка не может быть сформулирована, а если оно ее разрешает, то вопрос о ее действительности не возникает[123]. Кажущаяся простота этих правил, подсказанных здравым смыслом[124], не может скрыть, однако, деликатных проблем. После решения проблемы сферы применения конвенционного запрета формулировать оговорки возникает вопрос о том, каковы потенциальные последствия оговорки, сформулированной несмотря на положение, определенно (подпункт *a* статьи 19) или косвенно (подпункт *b*) ее запрещающее.

52. Никакое положение Венской конвенции 1969 года не дает прямого ответа на этот вопрос, конкретная важность которого весьма велика, и подготовительные работы по статье 19[125] света в этом смысле не проливают[126]. Этот ответ, возможно, представлялся очевидным применительно к подпунктам *a*–*b*[127]. Однако, если он очевиден, то нет никаких причин для того, чтобы не распространять его на случай, в целом считающийся намного более туманным, подпункта *c*: ни текст Конвенции, ни простая логика не дают оснований для разных ответов[128]. И все же вопрос о последствиях оговорки, несовместимой с объектом и целью договора (ситуация подпункта *c*) стал предметом длительных обсуждений в ходе работ по подготовке Конвенции, которые мало к чему привели. В этой связи представляется целесообразным не разъединять изучение последствий оговорки, сформулированной несмотря на прямое или косвенное запрещение по смыслу подпункта *c* статьи 19, и изучение последствий оговорки, противоречащей объекту и цели договора.

53. На данном этапе достаточно указать, что, по мнению ряда авторов, оговорка, сформулированная вопреки конвенционному запрету, является юридически ничтожной[129], и они признают, что ее формулирование влечет за собой недействительность выражения согласия на обязательность договора[130]. Если дело обстоит так, то эти выводы должны повлиять на ответ на вопрос о том, каковы последствия оговорки, сформулированной несмотря на положения подпункта *c* статьи 19.

(*продолжение сноски 118*)

рианты: "A moins que le contraire n'y soit stipulé ..." ["Unless the contrary is therein indicated"] (p. 49), "A moins que le contraire ne soit stipulé dans le traité .." ["Unless the contrary is indicated in a treaty"] (p. 51), "A moins que le contraire ne soit stipulé dans le texte d'un traité" ["Unless the contrary is indicated in the text of a treaty"] (p. 54).

[119] Там же, пункт 88, стр. 239. См. также пункт 90, стр. 239–240.

[120] См. первый и второй доклады г-на Лаутерпахта (сноска 22, выше), *Ежегодник.., 1953 год*, пункт 4, стр. 136 англ. текста, и *Ежегодник.., 1954 год*, пункт 1, стр. 131 англ. текста; первый доклад сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник.., 1962 год* (сноска 23, выше), статья 17, пункт 1 *a* i), стр. 60 англ. текста, и пункт 9, стр. 65, пояснения, которые он давал при обсуждении в Комиссии (там же, том I, 653-е заседание, пункт 57, стр. 159 англ. текста) и текст, принятый Комиссией в первом чтении (там же, том II (сноска 18, выше), статья 18, пункт 1 *a*, стр. 176 англ. текста) и комментарий к нему (пункт 10 и 15, стр. 178 и 180; четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока (*Ежегодник.., 1965 год* (сноска 20, выше), статья 18, пункт 2 *a*, стр. 50 англ. текста) и текст, принятый Комиссией в 1965 году (там же, статья 18 *a*, стр. 162) и комментарий к нему (*Ежегодник.., 1966 год* (сноска 18, выше). Подпункт *a* проекта статьи 16 не вызвал никаких проблем на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров; и лишь поправки Испании (A/CONF.39/14) (см. сноску 28, выше), пункт 177 i) *c*) и iii), стр. 134 англ. текста), впоследствии отозванные (A/CONF.39/11) (сноска 31, выше), 25-е заседание, пункт 29, стр. 135 англ. текста, и Союза Советских Социалистических Республик, предполагающие полную переработку проектов статьей 16–17, повлекли их исключение (A/CONF.39/14) (см. выше), пункт 177 iii), стр. 134 англ. текста); по мнению Советского Союза, этот подпункт, так же, как и подпункт *b* "представляется избыточным, поскольку случаи, когда оговорки запрещены договором, крайне редки. К тому же, сохраняя этот пункт, мы создаем норму из того, что по сути представляет собой исключение, и ограничиваем полномочие государств формулировать оговорки" (A/CONF.39/11) (см. выше), 21-е заседание, пункт 5, стр. 107 англ. текста). Эта поправка была отклонена Комитетом полного состава 70 голосами против 10 при 3 воздержавшихся (там же, 25-е заседание, пункт 23, стр. 135 англ. текста).

[121] См. пункт 12 и сноску 27, выше.

[122] *Ежегодник.., 1962 год* (см. сноску 18, выше), пункт 10 комментария к проектам статей 18–20. Подпункты *a*–*b* статьи 19 "представляют собой не более чем признание того, что стороны могут по своему усмотрению предусматривать в своем договоре, допускать ли и в каких пределах оговорки к его положениям" (Greig, loc. cit., p. 51).

[123] См. арбитражное решение от 30 июня 1977 года по делу *English Channel* (сноска 90, выше), пункт 39, стр. 132 англ. текста: "Статьей 12 [Конвенции о континентальном шельфе] Соединенное Королевство обязалось не оспаривать право Французской Республики быть участником Конвенции с оговорками, допускаемыми этой статьей". Однако это не дает ответа на вопрос, который должен быть решен сначала, являются ли оговорки, сформулированные Францией, действительными (см. пункт 39, выше).

[124] До такой степени, что это позволило заявить, что "явно нет более необходимости в дополнительных правилах в Венской конвенции" (Lijnzaad, op. cit. p. 39), см. также сноску 45, выше.

[125] См. сноску 53, выше.

[126] См. Greig, loc. cit., pp. 52–53, и Fodella, loc. cit., p. 140. См. также работу Томушата, который, однако, полагает, что подготовительные работы свидетельствуют о том, что Комиссия считала, что невозможно принять оговорку, исключенную подпунктами *a*–*b* (loc. cit. p. 477).

[127] Критический анализ этой псевдоочевидности см. в Greig, loc. cit., pp. 52–53 and 154.

[128] В этом связи см. Aust, op. cit., p. 118, или Bowett, где говорится, что такой вывод неизбежен в случае, предусмотренном подпунктом *c*, "Reservations …", note 109, p. 83.

[129] См., например, Bowett, "Reservations …", p. 84. Более подробный анализ см. в Greig, loc. cit., pp. 56–57.

[130] Bowett, "Reservations …", p. 84, и Gaja, "Unruly treaty reservations", p. 314. См. также Tomuschat, loc. cit., p. 467; см. далее ссылки на обсуждение в Комиссии, ibid., footnote 12; данное обсуждение в этом смысле является менее убедительным, чем автору того бы хотелось.

C. Оговорки, не совместимые с объектом и целью договора

54. "[В] случаях, не подпадающих под действие подпунктов *a* и *b*, статья 19 *c* Венских конвенций 1969 и 1986 годов запрещает формулирование оговорок, не совместимых с "объектом и целью договора". Этот принцип является одним из основополагающих элементов гибкой системы, установленной венским режимом, смягчающим "радикальный релятивизм"[131], сопряженный с панамериканской системой, которая сводит многосторонние договоры к системе двусторонних отношений[132], что позволяет избегать жесткости, вытекающей из системы единогласия.

55. Эта концепция, которая впервые появилась в области оговорок в консультационном заключении МС 1951 года[133], стала пользоваться большим признанием и теперь устанавливает баланс между необходимостью сохранять суть договора и желанием способствовать присоединению к многосторонним договорам как можно большего числа государств. Однако существует важное различие между ролью критерия совместимости с объектом и целью договора в соответствии с принятым консультативным заключением, с одной стороны, и статьей 19 *c* Венской конвенции 1969 года − с другой[134]. В консультативном заключении оно применяется как к формулированию оговорок, так и возражений:

> Таким образом, объект и цель Конвенции ограничивает как свободу формулирования оговорок, так и возражений против них[135].

В Конвенции это ограничивается только оговорками: статья 20 не ограничивает возможности других договаривающихся государств формулировать возражения.

56. В этих пределах отсутствуют сомнения относительно того, что критерий действительности сформулированных оговорок в настоящее время отражает норму обычного права, которая не оспаривается[136]. Однако ее содержание по-прежнему является неопределенным (раздел 2) и по-прежнему существует неопределенность относительно последствий несовместимости оговорки с объектом и целью договора (раздел 3). Тем не менее прежде чем рассматривать вопрос о возможных решениях Комиссии по этим двум центральным вопросам, следует начать с определения видов оговорок, к которым применяется критерий совместимости с объектом и целью договора (раздел 1).

1. Применимость критерия совместимости оговорки с объектом и целью договора

57. Принцип, изложенный в статье 19 *c* Венских конвенций 1969 и 1986 годов, согласно которому оговорка, не совместимая с объектом и целью договора, не может формулироваться, является субсидиарным по своему характеру, поскольку он применяется лишь в случаях, не охватываемых пунктами 2–3 статьи 20 Конвенции[137], и когда в самом договоре не регулируется вопрос об оговорках.

58. Если в договоре этот вопрос регулируется, то необходимо проводить различие между несколькими случаями. Они дают различные ответы на вопрос о том, распространяется ли на соответствующие оговорки действие критерия совместимости с объектом и целью договора. В следующих двух из этих случаев ответ определенно отрицательный:

a) нет сомнений в том, что оговорка, прямо запрещенная договором, не может считаться действительной на том основании, что она совместима с объектом и целью договора[138];

b) это же применимо к определенным оговоркам. В явно выраженной форме допускаемые договором с учетом конкретных условий, они автоматически действительны и не нуждаются в согласии договариваю-

---

[131] Reuter, op. cit., p. 79, para. 130. Этот видный ученый применяет это выражение к системе, употребленное МС в *I.C.J. Reports 1951* (см. сноску 19, выше); эта критика, без сомнения, является чрезмерной (см. пункты 88–90, ниже; см. также пункт 93 и далее); однако она очень справедлива по отношению к панамериканской системе.

[132] Что касается панамериканской системы, то см. библиографию в Imbert, op. cit., pp. 485–486. Кроме того, помимо описания у самого Имберта (ibid., p. 33–38), см. Whiteman, *Digest of International Law*, pp. 141–144 and Ruda, loc. cit., pp. 115–133.

[133] *I.C.J. Reports 1951* (см. сноску 19, выше), pp. 24–26.

[134] Coccia, loc. cit., pp. 8–9; Lijnzaad, op. cit., p. 40; Rama-Montaldo, “Human rights conventions and reservations to treaties”, pp. 1265–1266; and Sinclair, op. cit., p. 61.

[135] *I.C.J. Reports 1951* (см. сноску 19, выше), p. 24.

[136] См. многочисленные аргументы в этой связи, приведенные в Riquelme Cortado, op. cit., pp. 138–143. См. также предварительные выводы Комиссии по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека, в которых она вновь подтвердила "свое мнение о том, что статьи 19–23 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями 1986 года определяют режим оговорок к международным договорам и что, в частности, объект и цель договора являются наиболее важным критерием для определения допустимости оговорок" *(Ежегодник., 1997 год,* том II (часть вторая), пункт 1, стр. 64).

[137] В случае договоров с ограниченным кругом участников и учредительных документов международных организаций. Эти случаи не являются теми случаями, когда речь идет о косвенных запрещениях на формулирование оговорок; они усиливают систему единогласия в отношении особых видов договоров.

[138] В своих комментариях к проекту, принятому Комиссией в первом чтении, Канада высказала предложение о том, что "следует рассмотреть вопрос о распространении действия критерия совместимости с объектом и целью договора также на оговорки, сделанные в соответствии с явно выраженными договорными положениями, с тем чтобы не создавать различных критериев для случаев, когда договор обходит молчанием вопрос о формулировании оговорок, и случаев, когда он допускает их". (Четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хэмфри Уолдока, *Ежегодник.., 1965 год* (см. сноску 20, выше), стр. 46 англ. текста). Это предложение, которое не было очень четким, не было принято Комиссией; см. более четкие предложения подобного рода, внесенные г-ном Бриггсом в *Ежегоднике.., 1962 год*, том I, 663-заседание, пункты 13–14, стр. 222 англ. текста, и в *Ежегоднике.., 1965 год,* vol. I, 813-заседание, пункт 10, стр. 264 англ. текста; против*:* г-н Ago, там же, par. 16.

щихся государств[139], и на них не распространяется действие критерия совместимости с объектом и целью договора[140]. Эти очевидные факты, по всей видимости, не нуждаются в упоминании в отдельных положениях Руководства по практике; они прямо и неизбежно вытекают из статьи 19 *c* Венских конвенций 1969 и 1986 годов, и предлагается, чтобы последняя была воспроизведена в проекте руководящего положения 3.1[141].

59. Это же неприменимо к двум другим случаям, которые a contrario вытекают из положений подпунктов *a*–*b* статьи 19:

a) случаи, когда оговорка косвенно допускается, поскольку она не подпадает под категорию запрещенных оговорок (подпункт *a*);

b) случаи, когда оговорка прямо допустима и при этом не является "определенной".

60. В обоих этих случаях нельзя презюмировать, что основанная на договоре возможность формулировать оговорки эквивалентна неограниченной свободе, предоставляемой государствам или международным организациям с точки зрения формулирования любой оговорки, которую они пожелают, даже если это приведет к тому, что содержание договора будет выхолощено.

61. Что касается косвенно допустимых оговорок, то сэр Хэмфри Уолдок признал в своем четвертом докладе о праве международных договоров, что "[п]онятное изъятие [из принципа автоматической действительности оговорки, допускаемой договором] может сосуществовать, когда договор в явно выраженной форме запрещает некоторые конкретные оговорки и тем самым косвенно допускает другие; поэтому, видимо, не было бы нелогичным считать совместимость с объектом и целью в качестве по-прежнему существуемым подразумеваемым ограничением на формулирование иных оговорок". Однако он исключил эту возможность не из-за того, что это не так, а из-за того, что "это, видимо, могло зайти слишком далеко с точки зрения доработки норм, касающихся намерения сторон, и что необходимо сохранить нормы в статье 18 [которая стала статьей 19 Венской конвенции 1969 года] как можно более простыми"[142]. Эти соображения неприменимы по отношению к Руководству по практике, цель которого состоит исключительно в том, чтобы дать государствам последовательные ответы на все вопросы, которые могут у них возникнуть в области оговорок.

62. Поэтому разумеется, что в Руководстве по практике следует конкретно указать, что оговорки, которые "косвенно допускаются", поскольку они формально не исключаются договором, должны быть совместимыми с объектом и целью договора. Было бы наверняка парадоксальным, если бы оговорки к договорам, содержащим положения об оговорках, допускались на более либеральной основе, чем в случае договоров, в которых такие положения отсутствуют[143].

63. Проект руководящего положения 3.1.3, предусматривающий такой случай, мог бы гласить следующее:

"3.1.3. *Оговорки, косвенно допускаемые договором*

Когда договор запрещает формулирование некоторых оговорок, оговорка, которая не запрещена договором, может формулироваться государством или международной организацией только в том случае, если она совместима с объектом и целью договора".

64. Таким же образом возникает проблема, если запрет оговорок является косвенным (случай в подпункте *b*).

65. Как указывалось выше[144], польская поправка к подпункту *b*, принятому на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, ограничивала возможность косвенного запрещения оговорок договорам и, которые предусматривают, что "что могут формулироваться *только определенные** оговорки, которые не включают в себя рассматриваемую оговорку"[145]. Из этого следует, что, если допустимые оговорки не являются определенными, они должны подпадать под действие одних и тех же общих положений, что и оговорки к договорам, которые не содержат положений об определенных оговорках.

66. Действительно, изменение, внесенное в сам подпункт *c* по предложению Польши, следует в этом направлении. В тексте Комиссии подпункт *c* был сформулирован следующим образом:

В *случаях, когда договор не содержит положений относительно оговорок**, оговорка не совместима с объектом и целью договора[146].

Это согласуется с подпунктом *b*, который запрещает формулирование оговорок, иных, чем оговорки, допускаемые положениями об оговорках. Когда разрешение уже не истолковывается a contrario как автоматически исключающее другие оговорки, эту формулу невозможно сохранить[147]; поэтому его формулировка была заме-

---

[139] См. статью 20, пункт 1.

[140] См. пункт 39, выше.

[141] См. пункт 20, выше.

[142] *Ежегодник.., 1965 год* (см. сноску 20, выше), пункт 4, стр. 50 англ. текста.

[143] В этом ключе см. выступление г-на Розенна в *Ежегоднике.., 1965 год*, vol. I, 797-е заседание, пункт 10, стр. 148–149 англ. текста.

[144] Пункт 37.

[145] Статья 19 *b* Венской конвенции 1969 года.

[146] *Ежегодник.., 1966 год* (см. сноску 18, выше), стр. 202 англ. текста.

[147] Однако Польша не выдвинула никаких поправок к подпункту *c* с учетом поправки, которую она успешно выдвинула в отношении подпункта *b*. Вместе с тем поправка Вьетнама, предусматривающая исключение выражения "когда договор не содержит положений относительно оговорок" (A/CONF.39/14), (см. сноску 28, выше), пункт 177 v) *a*), стр. 134 англ. текста), был отклонен Комиссией на пленарном заседании (там же, пункт 182 *d*), стр. 136 англ. текста).

нена на нынешнюю формулировку Редакционным комитетом Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров[148]. Результат заключается a contrario в том, что если оговорка не подпадает под сферу действия подпункта *b* (поскольку не является она определенной), то на нее распространяется действие критерия совместимости с объектом и целью договора.

67. В этом действительно заключался аргумент, выдвинутый арбитражным трибуналом, который занимался урегулированием спора в деле *English Channel*, когда он решил, что лишь тот факт, что статья 12 Конвенции о континентальном шельфе позволяет формулировать некоторые оговорки, не определяя их[149], необязательно означает, что такие оговорки автоматически становятся действительными[150].

68. В таких случаях действительность оговорки "не может презюмироваться только на том основании, что она является или должна являться оговоркой к статье, к которой допускаются оговорки"[151]. Ее действительность должна оцениваться в свете ее совместимости с объектом и целью договора[152].

69. Это соображение можно было бы сформулировать в проекте руководящего положения 3.1.4 следующим образом:

"3.1.4 *Неопределенные оговорки, допускаемые договором*

Когда договор допускает некоторые оговорки, не определяя их, оговорка может формулироваться государством или международной организацией только в том случае, если она совместима с объектом и целью договора".

70. Другая возможность может заключаться в указании в едином проекте руководящего положения, сочетающего вышеупомянутые формулировки руководящих положений 3.1.3 и 3.1.4, случаев, когда формулирование оговорки зависит от соблюдения условия совместимости с объектом и целью договора, несмотря на наличие в тексте договора положения об оговорках:

"3.1.3/3.1.4 *Совместимость оговорок, допускаемых договором, с его объектом и целью*

Когда договор прямо или косвенно допускает некоторые оговорки, не определяя их, оговорка может формулироваться государством или международной организацией только в том случае, если она совместима с объектом и целью договора".

71. Без сомнения, эта компактная формулировка имеет недостаток, заключающийся в объединении двух различных случаев: одного случая, связанного со статьей 19 *a* Венских конвенций 1969 и 1986 годов, и другого случая, связанного со статьей 19 *b*, что делает ее несколько сложной для непосвященного читателя, который не имеет доступа к комментариям. Однако Специальный докладчик полагается на мудрость Комиссии в выборе единого проекта руководящего положения или двух отдельных руководящих положений.

2. Понятие объекта и цели договора

72. Двое ученых завершают тщательно детализированное исследование, посвященное понятию "объект и цель договора", прискорбной констатацией того, "что объект и цель договора действительно являются чем-то непостижимым"[153]. Разумеется, попытка, предпринятая в статье 19 *c*, привнести элемент объективности в значительно субъективную систему, не является полностью убедительной:[154] "Утверждение о том, что та или иная конкретная оговорка противоречит объекту и цели легче выдвинуть, чем обосновать"[155]. В своем совместном особом мнении судьи в 1951 году подвергли критике решение, оставленное в силе большинством по делу *Reservations to the Convention on Genocide*, подчеркнув, что оно не может "дать окончательные и последова-

---

[148] Интересно отметить, что причина, приведенная Председателем Редакционного комитета, не увязывает изменение, внесенное в подпункт *c*, с изменением в подпункте *b*. Г-н Яссин просто заявил, что "[н]екоторые члены Комитета пришли к мнению, что договор, по всей видимости, может содержать положения об оговорках, которые не подпадают ни под одну из категорий, предусмотренных в подпунктах *a* и *b*" (A/CONF.39/11) (см. сноску 31, выше), 70-е заседание, пункт 17, стр. 415 англ. текста). См. также замечание г-на Бриггса в этой же связи во время обсуждений в Комиссии в 1965 году (*Ежегодник.., 1965 год*, том I, 796-е заседание, пункт 37, стр. 146 англ. текста).

[149] См. пункт 39, выше.

[150] UNRIAA (см. сноску 90, выше), p. 32, para. 39. См. также пункт 40, выше.

[151] Bowett, “Reservations …”, p. 72. В том же духе, см. Ruda, loc. cit., p. 182, и Teboul, “Remarques sur les réserves aux conventions de codification”, pp. 691–692. Иная точка зрения выражена в Imbert, “La question des réserves …”, pp. 50–53; это мнение, которое является хорошо аргументированным, в недостаточной степени учитывает последствия поправки, внесенной в подпункт *c* на Конференции Организации Объединенныых Наций по праву договоров (см. пункт 66, выше).

[152] Томушат приводит уместный пример: "Если, например, конвенция о защите прав человека запрещает в "колониальной клаузуле" изъятие независимых территорий из территориальной сферы действия договора, было бы абсурдным полагать, что, следовательно, оговорки любого рода, включая те оговорки, которые касаются наиболее элементарных гарантий свободы индивида, допускаются, даже если в силу этих ограничений договор будет лишен самой своей сути" (loc. cit., p. 474).

[153] Buffard and Zemanek, “The ‘object and purpose’ of a treaty: an enigma?”, p. 342. Неопределенность, присущая этому критерию отмечалась (и критиковалась с различной степенью жесткости) во всех научных трудах: см., например, Aust, op. cit., p. 111; Dupuy, *Droit international public*, p. 273; Fitzmaurice, “Reservations to multilateral conventions”, p. 12; Rama-Montaldo, loc. cit., p. 1265; Rousseau, *Droit international public*, p. 126; Teboul, loc. cit., pp. 695–696; и первый доклад Специального докладчика, *Ежегодник.., 1995 год* (сноска 6, выше), пункт 109, стр.168.

[154] Согласно Коху "[т]ем самым Международный Суд включил намеренные слова в вокабуляр в сфере оговорок, в котором ранее доминировал термин “согласие”" (“Reservations to multilateral treaties: how international legal doctrine reflects world vision”, p. 85).

[155] Lijnzaad, op. cit., pp. 82–83.

тельные результаты"[156], и это стало одной из главных причин сопротивления Комиссии против гибкой системы, установленной МС в 1951 году:

Даже если считать возможным в принципе проведение различия между положениями, которые затрагивают объект и цель Конвенции и положениями, которые имеют менее прямое отношение к ним, Комиссия не понимает, как это различие может быть несубъективным[157].

73. У самого сэра Хэмфри Уолдока имелись сомнения, нашедшие отражение в его самом важном первом докладе о праве международных договоров в 1962 году[158]:

…принцип, примененный Судом, по существу является субъективным и не подходит для использования в качестве общего критерия для определения того, имеет ли государство право на то, чтобы рассматриваться в качестве стороны многостороннего договора. Этот критерий может быть сохранен, если вопрос о "совместимости с целью и объектом договора" может быть предметом объективного суждения; однако дело обстоит иным образом.

Тем не менее установленный Судом критерий "совместимости с объектом и целью Конвенции" отражает важную концепцию, которую должны учитывать государства, формулируя оговорки, и государства, которые решают вопрос о том, согласиться ли с оговоркой, которая была сформулирована другим государством. Считая также, что установленный Судом принцип является важным в качестве общей концепции, мы полагаем, что существуют определенные трудности с использованием его в качестве критерия статуса сформулировавшего оговорку государства в качестве стороны того или иного договора в сочетании с объективным критерием согласия с оговоркой других государств или ее отклонения[159].

Без сомнения, это была тактическая предосторожность, поскольку "переход" этого же Специального докладчика к совместимости с объектом и целью договора не только в качестве критерия для определения действительности оговорок, но и в качестве ключевого элемента, который надлежит учитывать при толковании[160], был быстрым[161].

74. В действительности, этот критерий имеет значительные достоинства. Несмотря на неизбежную "степень субъективности" – которая, однако, ограничивается общим принципом добросовестности, – статья 19 *c*, без всякого сомнения, является полезным ориентиром, позволяющим логичным образом урегулировать большинство возникающих проблем.

a) *Значение выражения "объект и цель договора"*

75. Подготовительные материалы, касающиеся этого положения, мало помогают при определении смысла этого выражения[162]. Как отмечалось[163], комментарий к проекту статьи 16, принятому обычно более многословной Комиссии в 1966 году, ограничивается единственным пунктом и не содержит даже намека на трудности, связанные с определением объекта и цели договора, кроме как очень косвенно посредством осторожной (или неосторожной?)[164] ссылки на проект статьи 17[165]: "Приемлемость или неприемлемость оговорки согласно подпункту *c* в каждом отдельном случае в значительной степени зависит от понимания приемлемости оговорки другими договаривающимися государствами"[166].

76. Обсуждение подпункта *c* в Комиссии[167] и впоследствии на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров[168] не проливают больше све-

---

[156] *I.C.J. Reports 1951* (см. сноску 19, выше), p. 44.

[157] *Ежегодник.., 1951 год,* том II, документ A/1858, пункт 24, стр. 128 англ. текста.

[158] Именно в этом докладе он представил Комиссии "гибкую систему" и решительно отстаивал ее (*Ежегодник.., 1962 год* (сноска 23, выше), стр. 63–65 англ. текста).

[159] Там же, пункт 10, стр. 65–66 англ. текста; в том же духе см. устное заявление сэра Хэмфри Уолдока, ibid., vol. I, 651-е заседание, пункты 4–6, стр. 139 англ. текста; однако во время обсуждения Специальный докладчик охарактеризовал принцип совместимости в качестве "критерия" (там же, пункт 85, стр. 145 англ. текста – из этого пункта также следует, что с самого начала по замыслу Уолдока этот критерий был решающим в том, что касается формулирования оговорок в отличие от возражений, в отношении которых только принцип согласия представлялся для него практически возможным). Формулировка, использованная в пункте 2 *a* проекта статьи 17, которую предложил Специальный докладчик, отражает эту неопределенность: "При формулировании оговорки согласно положениям пункта 1 *a* настоящей статьи [что касается этого положения, см. пункт 23, выше] государство учитывает совместимость оговорки с объектом и целью договора". Этот принцип получил общее одобрение во время обсуждений в Комиссии в 1962 году (см., в частности, выступления г-на Бриггса (там же, том I, 651-е заседание, пункт 23, стр. 156 англ. текста); г-н Лаха (пункт 54, стр. 142 англ. текста); г-на Розенна (пункт 79, стр. 144–145 англ. текста), который с уверенностью говорит говорит о "критерии" (там же, пункт 82, стр. 163 англ. текста, и 653-е заседание, пункт 27, стр. 156 англ. текста); г-на Кастрена (там же, 652-е заседание, пункт 25, стр. 148 англ. текста) и в 1965 году (г-на Яссена (*Ежегодник.., 1965 год,* том I, 797-е заседание, пункт 20, стр. 149–150 англ. текста); г-на Тункина (там же, пункт 25, стр. 150 англ. текста); см. в этой связи возражения г-на Де Луны (*Ежегодник.., 1962 год*, том I, 652-е заседание, пункт 18, стр. 148 англ. текста, и 653-е заседание, пункт 67, стр. 160 англ. текста); г-на Гроса (там же, 652-е заседание, пункты 47–51, стр. 150 англ. текста) или г-на Аго (там же, 653-е заседание, пункт 34, стр. 157 англ. текста) и в ходе дебатов в 1965 году, выступления г-на Руды (*Ежегодник.., 1965 год*, том I, 796-е заседание, пункт 55, стр. 147 англ. текста, и 797-е заседание, пункт 69, стр. 154 англ. текста, г-на Аго (там же, 798-е заседание, пункт 71, стр. 161 англ. текста). С этой целью г-н Цурука, член Комиссии из Японии, выступил против подпункта *c* и по этой причине воздержался при голосовании по проекту статьи 18 в целом (который был принят 2 июля 1965 года 16 голосами при одном воздержавшемся, причем никто не голосовал против – там же, 816-е заседание, пункт 42, стр. 283 англ. текста).

[160] См. статью 31, пункт 1, Венской конвенции 1969 года.

[161] См. Buffard and Zemanek, loc. cit., pp. 320–321.

[162] Ibid., pp. 319–321.

[163] Redgwell, “The law of reservations in respect of multilateral conventions”, p. 7.

[164] Статья 20 никоим образом не решает этот вопрос, который остается открытым.

[165] Будущая статья 20 Венской конвенции 1969 года.

[166] *Ежегодник.., 1966 год* (см. сноску 18, выше). Комментарий к соответствующему положению, принятому в 1962 году (статья 18, пункт 1 *d*), не дает ничего нового (см. *Ежегодник.., 1966 год* (сноска 18, выше).

[167] См. сноску 158, выше.

[168] Важно, что ни одна из поправок, предложенных к проекту статьи 16 Комиссии, включая самые радикальные, не ставит под сомнение этот принцип. Максимум поправки Испании, Колумбии и Соединенных Штатов Америки содержат предложение добавить концепцию "характера" договора или замены ею объекта (см. сноску 60, выше).

та на смысл выражения "объект и цель договора" как для целей этого положения, так и других положений Венской конвенции 1969 года, в которых оно используется.

77. Существуют семь таких положений[169], включая пункт 2 статьи 20, которые касаются оговорок. Однако ни в одном из них не определяется понятие объекта и цели договора и не содержатся какие-либо конкретные "ключи к разгадке" для этой цели[170]. Максимум можно сделать вывод о том, что необходим довольно общий подход: это не вопрос "рассечения" договора на мельчайшие части или постатейного анализа, а вопрос выявления "сути", общей "задачи" договора:

a) единодушно признано, что статья 18, подпункт *a*, Венской конвенции 1969 года не обязывает подписавшее ее государство *соблюдать* договор, а просто предусматривает недопустимость того, чтобы договор становился нефункциональным до того, как оно выразит свое согласие на то, чтобы быть связанным его положениями[171];

b) статья 58, пункт 1 *b* ii), составлена в том же духе: можно и резюмировать, что речь идет не о стимулировании к соблюдению договора, поскольку сама цель этого положения заключается в определении условий, при которых действие договора может быть приостановлено, а о сохранении того, что является существенно важным по мнению договаривающихся сторон;

c) статья 41, пункт 1 *b* ii), также направлена на гарантирование "эффективного осуществления договора *в целом**"[172] в случае, если он изменяется только в отношениях между некоторыми договаривающимися сторонами;

d) подобным образом, статья 60, пункт 3 *b*, определяет "существенное нарушение" договора в отличие от других нарушений как "нарушение положения, имеющего *существенное** значение"; и

e) согласно статьям 31, пункт 1, и 33, пункт 4, предполагается, что объект и цель договора "разъясняют" его общее значение, способствуя тем самым его толкованию[173].

78. Мало сомнений вызывает то, что выражение "объект и цель договора" имеет одно и то же значение во всех этих положениях: одним из доказательств этого является то, что сэр Хэмфри Уолдок, которого без преувеличения можно считать его "изобретателем" или который в любом случае "присутствовал на родах" правовых норм об оговорках к международным договорам в Венской конвенции 1969 года, прямо ссылался на них[174], с тем чтобы обосновать включение этого критерия в подпункт *c* посредством своего рода a fortiori аргументации: поскольку "[о]бъект и цель договора являются критериями основополагающей важности для толкования договора" и поскольку "Комиссия предложила, чтобы государство, которое подписало, ратифицировало, приняло, одобрило договор или присоединилось к нему, должно даже еще до вступления его в силу воздерживаться от действий, рассчитанных на подрыв его целей", представляется "несколько странным, если бы была признана свобода формулировать оговорки, несовместимые с объектом и целями договора"[175]. Однако это не решает проблему: речь идет о критерии, причем уникальном и разностороннем критерии, но не об определении этого критерия.

79. Международная судебная практика также не дает нам возможности определить его, несмотря на то, что он является общеприменимым[176]; однако имеются некоторые полезные намеки, особенно в вынесенном в 1951 году МС консультативном заключении по делу *Reservations to the Convention on Genocide*[177].

80. Как представляется, это выражение впервые было использовано в его нынешнем виде[178] в консультативном заключении ППМП по делу *Greco-Bulgarian "Communities"*[179]. Однако только в 1986 году в деле *Military and Paramilitary Activities in and against*

---

[169] См. статьи 18, 20, пункт 2, 31, пункт 1, 33, пункт 4, 41, пункт 1 *b* ii), 58, пункт 1 *b* ii) и 60, пункт 3 *b*. Можно установить связь с положениями, касающимися "существенно важных оснований" или "условий в отношении согласия быть связанным положениями договора" (Reuter, "Solidarité …", p. 627 (and "Le développement …", p. 366)).

[170] Как отмечали Буффард и Земанек (op. cit. p. 322), в комментариях Комиссии к проекту статьи в 1966 году этот вопрос практически обойден молчанием.

[171] См., например, Reuter, op. cit., p. 67. Рейтер определяет обязательство, вытекающее из статьи 18, как обязательство поведения, и Cahier, "L'obligation de ne pas priver un traité de son objet et de son but avant son entrée en vigueur", p. 31.

[172] В этой статье выражение "объект и цель", которое фигурирует в круглых скобках в вышеупомянутой цитате, скорее затушевывает, чем разъясняет значение.

[173] См. *Pajzs, Csáky, Esterházy, Judgment, 1936, P.C.I.J., Series A/B, No. 68*, p. 60; см. также Bastid, *Les traités dans la vie internationale: conclusion et effets*, p. 131, и Sur, *L'interprétation en droit international public*, pp. 227–230.

[174] Если говорить более точно, то (нынешние) статьи 18 и 31.

[175] Четвертый доклад, *Ежегодник.., 1965 год* (см. сноску 20, выше), пункт 6, стр. 51 англ. текста.

[176] См. также Buffard and Zemanek, loc. cit., pp. 312–319, и сноску 181, ниже.

[177] См. сноску 19, выше.

[178] Буффард и Земанек отмечают (loc. cit., p. 315), что выражение "цель и предмет регулирования договора" уже было использовано в *Competence of the ILO to Regulate Incidentally the Personal Work of the Employer, Advisory Opinion, 1926, P.C.I.J., Series B, No. 13* (p. 18), в применении к части XIII Версальского договора. Те же авторы, ссылаясь исключительно на соответствующие решения Суда, описывают трудности установления окончательной терминологией (особенно на английском языке) в прецедентном праве Суда (ibid., pp. 315–316).

[179] *Greco-Bulgarian "Communities", Advisory Opinion, 1930, P.C.I.J., Series B, No. 17*, p. 21. Однако термины были переставлены: Суд основывался на выражении "цель и объект" из Греко-болгарской конвенции от 27 ноября 1919 года.

Nicaragua [180] МС положил конец тому, что характеризовалось в качестве "терминологического хаоса"[181], без сомнения, под воздействием Венской конвенции[182].

81. Однако сложно вынести что-нибудь весомое из этого относительно обширного свода прецедентного права в отношении метода, которого следует придерживаться при определении объекта и цели того или иного конкретного договора: МС часто использует простые констатации[183], и, когда он пытается обосновать свою позицию, он делает это на имперической основе. Самое большое, что можно отметить, что Суд определял объект и цель договора с помощью:

a) его названия[184];

b) его преамбулы[185];

c) статьи в начале договора, которая "должна рассматриваться как устанавливающая цель, в свете которой должны толковаться и применяться другие договорные положения"[186];

d) статьи договора, которые демонстрируют "основные интересы каждой договаривающейся стороны" при заключении договора[187];

e) подготовительных материалов договора[188]; или

f) его общих рамок[189].

Однако это сложно считать, собственно говоря, "методом": эти разрозненные элементы принимаются во внимание иногда раздельно, иногда вместе, и Суд создает "общее впечатление", причем интуиция и субъективность неизбежно играют большую роль[190].

82. Задавался вопрос о том, не следует ли во избежание трудностей, связанных с такой неопределенностью, разъединить концепцию "объекты и цели договора", с тем чтобы сначала анализировался объект, а затем цель. Например, при обсуждении проекта статьи 55 о норме pacta sunt sevanda, г-н Рейтер подчеркнул, что "объект обязательства − это одно, а его цель − другое"[191]. Как отмечалось, это различие присуще доктрине во Франции (или франкоязычных странах)[192], в то время как оно вызывает скептицизм среди ученых, получивших образование в англоязычных или германоязычных странах[193].

83. Однако один (французский) ученый убедительно доказал, что "вопрос не может быть урегулирован" посредством ссылки на международную судебную практику"[194], особенно поскольку ни объект − определенный как содержание самого договора[195] − и еще в

---

[180] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua* v. *United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, pp. 136–137, paras. 271–273, p. 138, para. 275, and p. 140, para. 280.

[181] Buffard and Zemanek, loc. cit., p. 316.

[182] С того времени терминология, употреблявшаяся Судом, как представляется, прочно установилась, см. *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua* v. *Honduras), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1988*, p. 89, para. 46; *Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen, Judgment, I.C.J. Reports 1993*, pp. 49–50, paras. 25 and 27; *Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad), Judgment, I.C.J. Reports 1994*, p. 25, para. 52; *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran* v. *United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 1996*, p. 813–814, paras. 27–28; *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997*, p. 64, para. 104, and p. 67, para. 110; *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon* v. *Nigeria), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998*, p. 318, para. 98; *Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Judgment, I.C.J. Reports 1999*, pp. 1072–1073, para. 43; *LaGrand (Germany* v. *United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001*, pp. 502–503, para. 102; *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia), Judgment, I.C.J. Reports 2002*, p. 652, para. 51; *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico* v. *United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2004*, p. 48, para. 85; *Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro* v. *Belgium), Preliminary Objections, ibid*., p. 319, para. 102; and *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, ibid*., p. 179, para. 109.

[183] См., например, *Jurisdiction of the European Commission of the Danube, Advisory Opinion, 1927, P.C.I.J., Series B, No. 14*, p. 64: "очевидно, что объект Парижского договора [1856 года]… заключался в обеспечении свободы навигации"; *International Status of South West Africa, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1950*, pp. 136–137, и принятые в 1993, 1997, 1998, 2001 and 2004 годах решения, которые цитируются выше (сноска 182).

[184] См. *Certain Norwegian Loans, Judgment, I.C.J. Reports 1957*, p. 24; но также принятое в 1986 году решение, которое цитируется в сноске 180, выше, и решение, принятое в 1986 году, цитируемое в сноске 181, выше..

[185] См. *Greco-Bulgarian "Communities"* (сноска 179, выше), p. 19; *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco, Judgment, I.C.J. Reports 1952*, p. 196; *I.C.J. Reports 1986* (сноска 180, выше), p. 138, para. 275; *I.C.J. Reports 1994* and; *I.C.J. Reports 2002* (сноска 182, выше); см. также особое мнение судьи Анцилотти в дополнении к *Interpretation of the Convention of 1919 concerning Employment of Women during the Night, Advisory Opinion, 1932, P.C.I.J., Series A/B, No. 50*, p. 385.

[186] *I.C.J. Reports 1996* (см. сноску 182, выше), p. 814, para. 28.

[187] *I.C.J. Reports 1999* (см. сноску 182, выше), p. 1073, para. 43.

[188] Зачастую как способ подтверждения толкования, основанного на самом тексте; см. *I.C.J. Reports 1994*, pp. 27–28, paras. 55–56, *I.C.J. Reports 1999*, p. 1074, para. 46, и *I.C.J. Reports 2004*, p. 179, para. 109 (сноска 182, выше); см. также особое мнение судьи Анцилотти, цитируемое в сноске 185, pp. 388–389. В своем консультативном заключении от 28 мая 1951 года по вопросу об оговорках к Конвенции о геноциде МС придает определенное значение "истокам" Конвенции (*I.C.J. Reports 1951* (сноска 19, выше), p. 23).

[189] См. *Competence of the ILO to Regulate Incidentally the Personal Work of the Employer* (сноска 178, выше), *Greco-Bulgarian "Communities* (сноска 179, выше), p. 20; *I.C.J. Reports 1996*, p. 813, para. 27, and *I.C.J. Reports 2002*, p. 652, para. 51 (сноска 182, выше).

[190] "Можно считать, что это делалось интуитивно" (Buffard and Zemanek, loc. cit., p. 319).

[191] *Ежегодник.., 1964 год*, том I, 726-е заседание, пункт 77, стр. 26 англ. текста. Однако в других случаях этот же автор проявлял определенный скептицизм относительно полезности этого различия (см. "Solidarité …", p. 628, and *Le développement* …, pp. 366–367).

[192] См. Buffard and Zemanek, loc. cit., pp. 325–327.

[193] Ibid., pp. 322–325 и 327–328.

[194] Teboul, loc. cit., p. 696.

[195] См., например, Jacqué, *Éléments pour une théorie de l'acte juridique en droit international public*, p. 142: "Объект того или иного документа представляет собой правовые обязательства, которые он порождает".

меньшей степени цель − искомый результат[196] − не остаются неизменными с течением времени, о чем свидетельствует теория эволюционирующей цели, выдвинутая Фицморисом: "[п]онятие объекта или [и?] цели само по себе не является фиксированным и статичным, и оно подвержено изменениям или скорее развивается по мере накопления опыта, связанного с действием и функционированием конвенции"[197].

84. Таким образом, не вызывает удивления то, что попытки, предпринятые в трудах ученых в целях определения общего метода выявления объекта и цели договора вызывают разочарование. Самый убедительный метод, разработанный Буффард и Земаником, сопряжен с двухэтапным процессом: на первом этапе мы имеем "доступ к названию, преамбуле и, в случае наличия, программным статьям договора"[198]; на втором этапе достигнутый таким образом prima facie вывод подвергается апробации в свете текста договора[199]. Однако применение этого явно логического метода[200] к конкретным ситуациям не дает весьма убедительных результатов: ученые признают, что они не могут объективно и просто определить объект и цель четырех из пяти договоров или групп договоров для иллюстрации своего метода[201], и делают вывод о том, что действительно концепция по-прежнему остается "чем-то непостижимым"[202].

85. Попытки других ученых вряд ли являются более убедительными, несмотря на тот факт, что их авторы менее скромны и часто категоричны в определении объекта и цели анализируемого договора. Следует признать, что они часто рассматривают конвенции по правам человека, которые легко поддаются толкованию, диктуемому идеологически ориентированными позициями, и одним из признаков этого является настояние на том, что все материально-правовые положения таких договоров отражают их объект и цель (что со строго логической точки зрения равнозначно исключению возможности того, что какая-либо оговорка является действительной)[203].

86. С учетом большого разнообразия ситуаций и их подверженности изменениям с течением времени[204] представляется невозможным разработать единый комплекс методов для определения объекта и цели договора и следует признать, что определенная степень субъективности неизбежна, − однако это не является чем-то необычным в праве в общем и в международном праве в частности. Основополагающая проблема заключается в толковании: mutatis mutandis "[о]бщая норма толкования", изложенная в статье 31 Венской конвенции 1969 года, и "дополнительные средства толкования", о которых идет речь в статье 32, применяются при определении объекта и цели того или иного договора[205].

87. Разумеется, что этот вывод в некоторой степени тавтологичен[206], поскольку пункт 1 статьи 3 Венской конвенции 1969 года1 гласит следующее:

> Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также *в свете объекта и целей договора**.

Однако вышеупомянутое положение в действительности касается толкования конкретной клаузулы договора[207] и поскольку "объект и цели договора являются критериями основополагающей важности для толкования… того или иного договора[208], когда идет речь об определении объекта и целей договора в целом, договор должен толковаться добросовестно, полностью, в соот-

---

[196] Ibid.

[197] "The law and procedure of the International Court of Justice 1951–4: treaty interpretation and other treaty points", p. 208. См. также Teboul, loc. cit., p. 697, и Schabas, "Reservations to the Convention on the Rights of the Child".

[198] Loc. cit., p. 333.

[199] Ibid.

[200] Хотя он меняет порядок, предусмотренный в статье 31 Венской конвенции, согласно которому "положения договора" являются отправной точкой для любого толкования. См. также Inter-American Court of Human Rights, *Restrictions to the death penalty (arts. 4 (2) and 4 (4), American Convention on Human Rights)*, Advisory Opinion OC–3/83 of 8 September 1983, Series A, No. 3, p. 77, para. 50.

[201] Рассматриваемыми пятью договорами являются Устав Организации Объединенных Наций, Венская конвенция о дипломатических сношениях, Венская конвенция 1969 года, общие конвенции по правам человека и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также другие конвенции по правам человека, касающиеся прав конкретных групп; предлагаемый метод является убедительным только в последнем случае (Buffard and Zemanek, loc. cit., pp. 334–342).

[202] См. пункт 72, выше.

[203] Критические замечания в адрес этой экстремальной точки зрения см. Schabas, "Reservations to the Convention …", pp. 476-477, and "Invalid reservations to the International Covenant on Civil and Political Rights: is the United States still a party?", pp. 291–293. Что касается позиции Комитета по правам человека, то см. пункт 100, ниже.

[204] См. пункт 83, выше. Может быть также поднят вопрос о том, может ли кумулятивный эффект отдельных оговорок, каждая из которых взятая в отдельности, является приемлемой в конечном счете привести к их несовместимости с объектом и целью договора (см. Clark, "The Vienna Convention reservations regime and the Convention on Discrimination against Women", p. 314; and Cook, "Reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women", pp. 706–707).

[205] См. консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека об ограничениях в отношении применения смертной казни (сноска 200, выше), pp. 84–85, para. 63; см. также Sucharipa-Behrmann, "The legal effects of reservations to multilateral treaties", p. 76. Констатируя, что нормы толкования договоров не могут быть прямо перенесены на односторонние заявления, сформулированные сторонами и касающиеся того или иного договора (оговорки и заявления о толковании), Комиссия признала, что эти нормы являются полезными ориентирами в этой связи (см. проект руководящего положения 1.3.1 (Метод проведения различия между оговорками и заявлениями о толковании), а также комментарии к нему, *Ежегодник.., 1999 год*, том II (часть вторая), стр. 107−109 англ. текста). Это a fortiori справедливо, когда задача заключается в оценке совместимости той или иной оговорки с объектом и целью самого *договора*.

[206] См. Schabas, "Reservations to human rights treaties …", p. 48.

[207] Что четко указывается в пункте 2 статьи, где контекст определяется как текст "включая его преамбулу и приложения".

[208] Четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока (*Ежегодник.., 1965 год* (см. сноску 20, выше), пункт 6, стр. 51 англ. текста; см. также пункт 78, выше.

ветствии с обычным значением, придаваемым терминам договора в их контексте, включая преамбулу, с учетом практики[209] и, в случае необходимости, подготовительных материалов, связанных с договором, и "обстоятельств его заключения"[210].

88. Как отмечал г-н Аго во время обсуждения в Комиссии проекта статьи 17 (статья 19 Венской конвенции 1969 года):

> Вопрос о допустимости оговорок может решаться только посредством отсылки к условиям договора в целом. Как правило, возможно провести различие между существенно важными положениями договора, которые, как правило, не допускают оговорок, и менее важными положениями, в отношении которых можно формулировать оговорки[211].

Существуют два основополагающих элемента: объект и цель могут определяться только с помощью анализа договора в целом[212]; и на этой основе оговорки к "существенно важным" положениям[213] и только к таким положениям отклоняются.

89. Иными словами, необходимо сохранить "эффективность"[214], "смысл существования"[215] договора, его "основную суть"[216]. "Это подразумевает наличие различия между всеми обязательствами, предусмотренными в договоре, и основополагающими обязательствами, в которых заключается смысл существования договора"[217]. Это следует отразить в проекте руководящего положения 3.1.5 следующим образом:

"3.1.5 *Дефиниция объекта и цели договора*

Для целей оценки действительности оговорок объект и цель договора означают существенно важные положения договора, в которых заключается смысл его существования".

90. Что касается метода, которому надлежит следовать в каждом конкретном случае при определении объекта и цели договора, то совсем не легко разработать идеальную формулу со всеми элементами, которые следует принимать во внимание. Такой процесс, без всякого сомнения, требует больше "тонкости" (esprit de finesse), чем "гибкости" (esprit de géométrie)[218], как и любое толкование в данном случае применительно к той категории, под которую подпадает этот процесс[219].

91. Однако, хотя очень общие руководящие положения, указанные выше, вне всякого сомнения не решат все проблемы, они, разумеется, могут способствовать их решению, если они будут применяться добросовестно и с небольшой долей здравого смысла, и представляется правомерным перенести принципы из статей 31–32 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, применимые к толкованию договоров, и адаптировать их к определению объекта и цели договора. С этой целью можно было бы сформулировать следующий проект руководящего положения 3.1.6:

"3.1.6 *Определение объекта и цели договора*

1. В целях определения объекта и цели договора договор в целом должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте.

2. Для этой цели контекст охватывает преамбулу и приложения. Возможно также обращение, в частности, к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, а также к названию договора и, в случае необходимости, статьям, которые определяют его базовую структуру [и последующую практику сторон]".

92. Выражение в квадратных скобках является отголоском обсуждения в пункте 83 выше, касающегося возможности того, что объекты и цель договора будут претерпевать изменения с течением времени. Однако по-прежнему необходимо решить вопрос о целесообразности включения этого выражения в формулировку самого проекта руководящего положения или отражения этого момента в комментарии.

b) *Применение критерия*

93. В некоторых случаях применение этих методологических руководящих положений не сопряжено с какими-либо проблемами. Очевидно, что оговорка к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, с помощью которой государство стремится сохранить за собой право совершать определенные запрещенные деяния на территории или на некоторых частях территории, будет несовместима с объектом и целью Конвенции[220]. В этом контексте, напри-

---

[209] См. пункт 3 статьи 31.

[210] Статья 33.

[211] *Ежегодник.., 1962 год*, том I, 651-е заседание, пункт 35, стр. 141 англ. текста.

[212] Речь идет об анализе оговорки на предмет ее совместимости "с общим духом" договора (Mr. Bartoš, ibid., p. 142, para. 40).

[213] А не те, которые связаны "только с деталями" (Mr. Paredes, *ibid*., p. 146, para. 90).

[214] См. European Court of Human Rights, *Series A: Judgments and Decisions*, vol. 310, case of *Loizidou* v. *Turkey* (Preliminary Objections), judgment of 23 March 1995, p. 27, para. 75: признание отдельных режимов обеспечения соблюдения Европейской конвенции о правах человека "снизило бы эффективность конвенции в качестве конституционного инструмента европейского публичного порядка (ordre public)".

[215] *I.C.J. Reports 1951* (см. сноску 19, выше), p. 21: "ни одна из договаривающихся сторон не имеет права подрывать или подменять… цель и объект конвенции".

[216] Заявление Франции, *Official Records of the General Assembly, Eleventh Session, Third Committee*, 703rd meeting, цитируется в Kiss, *Répertoire de la pratique française en matière de droit international public*, p. 277, No. 552.

[217] Lijnzaad, op. cit., p. 83; см. также page 59, и Sucharipa-Behrmann, loc. cit., p. 76.

[218] Pascal, *Pensées*, p. 1091.

[219] См. пункты 89–90, выше.

[220] Этот вопрос особо актуален в отношении сферы охвата печально известной "колониальной оговорки" в статье XII Конвенции, оговорки, которая небезосновательно оспаривалась странами Советского блока, которые сделали оговорки к ней (United Nations, *Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General: Sta-*

мер, Германия и несколько других европейских стран выдвинули следующие аргументы в поддержку своих возражений против оговорки, сформулированной Вьетнамом к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ:

Оговорка, сделанная в отношении статьи 6, противоречит принципу "aut dedere aut judicare", который предусматривает, что преступники должны предстать перед судом или выдаваться государству, которое обращается с просьбой об их выдаче.

В этой связи правительство Федеративной Республики Германии выражает мнение о том, что эта оговорка ставит под угрозу цель Конвенции, которая согласно пункту 1 статьи 2 заключается в содействии сотрудничеству между сторонами, с тем чтобы они могли более эффективно решать различные аспекты незаконного оборота наркотических средств, имеющего международный характер.

В связи с этой оговоркой также могут возникать сомнения относительно приверженности правительства Социалистической Республики Вьетнам делу соблюдения основополагающих положений Конвенции[221].

94. Может также иметь место случай, когда запрещенная оговорка связана с менее важными положениями, но противоречит объекту и цели договора, поскольку она делает его осуществление невозможным; этим, в частности, объясняется осторожность, демонстрируемая Венской конвенцией 1969 года в плане оговорок к учредительным документам международных организаций[222]. Например, Германская Демократическая Республика при ратификации Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания заявила, что она будет нести свою часть расходов на финансирование Комитета против пыток в отношении деятельности, которую она признает в качестве деятельности, которой Комитет имеет право заниматься[223]; Люксембург выдвинул возражение против этого "заявления" (которое в действительности представляло собой оговорку), справедливо заявив о том, что оно будет "подрывать деятельность Комитета таким образом, который не согласуется с объектом и целью Конвенции"[224].

95. Совершенно ясно, что не представляется возможным составить исчерпывающий перечень потенциальных проблем, которые могут возникать в связи с совместимостью оговорки с объектом и целью договора. Однако также ясно, что оговорки к определенным категориям договоров или договорным положениям или оговорки, имеющие некоторые конкретные характеристики, вызывают особые проблемы и нуждаются в изучении в каждом отдельном случае для того, чтобы разработать руководящие принципы, которые будут полезны государствам, формулирующим оговорки такого рода или предметно реагирующим на них. В этой связи было бы полезным изучить следующие вопросы:

- оговорки к положениям, касающимся урегулирования споров и наблюдения за осуществлением договора;
- оговорки к общим договорам по вопросам прав человека;
- оговорки, касающиеся применения внутригосударственного законодательства;
- оговорки, которые являются расплывчатыми и общими;
- оговорки к положениям, которые отражают обычные нормы;
- оговорки к положениям, в которых закреплены нормы jus cogens или права, отступление от которых не является допустимым.

i) *Оговорки к положениям, касающимся урегулирования споров и наблюдения за осуществлением договора*

96. В своем первом докладе о праве международных договоров Фитцморис категорически заявил следую-

tus as at 31 December 2004 (United Nations publication, Sales No. E.05.V.3), vol. I, pp. 126–134); хотя акцент в данном случае сделан на действительности этого квази-положения об оговорке, но при этом возникает вопрос о действительности возражений против таких оговорок.

[221] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (см. сноску 220, выше), p. 448; в этом же ключе см. возражения Бельгии, Дании, Греции, Ирландии, Италии, Нидерландов, Португалии, Испании, Швеции, Соединенного Королевства и менее явно обоснованные возражения Австрии и Франции, ibid., pp. 448–450. См. также возражение Норвегии и менее явно выраженные возражения Германии и Швеции к заявлению Туниса относительно применения Конвенции о сокращении безгражданства, ibid., pp. 382–383. Другим значимым примером является заявление Пакистана относительно Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, которое исключало применение Конвенции "к борьбе, включая вооруженную борьбу, за осуществление права на самоопределение против любой вражеской или иностранной оккупации или господства", ibid., vol. II, p. 132. Несколько государств выразили мнение о том, что "заявление" противоречит объекту и цели Конвенции, которое "заключается в борьбе с бомбовым терроризмом независимо от того, где и кем он осуществляется" (ibid., p. 134); см. возражения Австралии, Австрии, Германии, Дании, Индии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Финляндии, Франции, Швеции и Японии (с особо четким изложением причин), ibid., pp. 134–139. Аналогичным образом, Финляндия обосновывала свое возражение против оговорки, выдвинутой Йеменом к статье 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, аргументом о том, что "положения, запрещающие расовую дискриминацию при предоставлении таких основополагающих политических прав и гражданских свобод, как право на участие в общественной жизни, на вступление в брак и выбор супруга, на наследование, пользование свободой мысли, выражение мнений и религии, имеют центральное значение в Конвенции о борьбе с расовой дискриминацией" (ibid., vol. I, p. 145).

[222] См. пункт 3 статьи 20: "В том случае, когда договор является учредительным актом международной организации и если в нем не предусматривается иное, то оговорка требует принятия ее компетентным органом этой организации".

[223] См. также United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 22, выше), p. 297, сноска 7; см. также Edwards Jr., "Reservations to treaties", pp. 391–393 and 400–401.

[224] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), p. 297. Другие 15 государств также выдвинули возражения на этих же основаниях.

щее: "Считается недопустимым положение о наличии сторон договора, которые не связаны обязательством относительно урегулирования споров, которое предусмотрено в договоре, является обязательным для других сторон"[225]. Эта позиция, которая явно продиктована проводившимися в период "холодной войны" дебатами по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, является чересчур радикальной; кроме того, она была отвергнута МС, который в своих постановлениях от 2 июня 1999 года в ответ на ходатайство Югославии об указании временных мер в отношении Испании и Соединенных Штатов в делах *Legality of Use of Force*, четко признал действительность оговорок, выдвинутых этими государствами и касавшихся статьи IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, которая дает Суду право рассматривать все споры, касающиеся Конвенции[226], даже если некоторые стороны считают, что такие оговорки не являются совместимыми с объектом и целью Конвенции[227]. В своем постановлении относительно ходатайства об указании временных мер в деле *Armed Activities on the Territory of the Congo*, Суд пришел к тому же выводу в отношении оговорки Руанды к этому же положению, заявив, что "эта оговорка не имеет материально-правового значения и относится только к юрисдикции Суда" и что "поэтому, как представляется, она не противоречит объекту и цели Конвенции"[228]. Этот вывод подкрепляется очень общим характером таких оговорок и непоследовательной практикой применительно к возражениям к ним[229].

Вместе с тем очевидно, что если в обязательстве передавать споры на обязательное урегулирование и заключается цель договора, то оговорка, исключающая такое урегулирование, разумеется, будет противоречить объекту и цели договора.

97. Согласно Комитету по правам человека, это же справедливо в отношении оговорок к Международному пакту о гражданских и политических правах, которые касаются гарантий его осуществления:

> Пакт состоит не только из конкретных прав, но и из важных подкрепляющих гарантий. Эти гарантии образуют необходимые рамки обеспечения прав, закрепленных в Пакте, и они, таким образом, являются весьма важными для его объекта и цели… Для более эффективного достижения его объявленных целей Пакт предусматривает также наблюдательную роль Комитета. Оговорки, предназначенные для того чтобы обойти этот важный элемент в механизме Пакта, который… направлен на обеспечение осуществления прав, являются… не совместимыми с его объектом и целью. Государство не может зарезервировать за собой право не представлять доклад для рассмотрения его Комитетом. Роль Комитета по Пакту, будь то на основании статьи 40 или же на основании положений факультативных протоколов, неизменно включает в себя толкование положений Пакта и развитие юриспруденции. Соответственно, любая оговорка, которая не признает компетенцию Комитета толковать требования любых положений Пакта, также будет противоречить объекту и цели этого договора[230].

Что касается Факультативного протокола к вышеупомянутому Пакту, то Комитет добавил следующее:

> Оговорка к Пакту не может быть сделана через посредство Факультативного протокола, однако такая оговорка будет действенной в том плане, что она не будет позволять проверять в Комитете выполнение государством этого обязательства в соответствии с первым Факультативным протоколом. Поскольку объект и цель первого Факультативного протокола заключаются в том, чтобы дать возможность проверять в Комитете осуществление прав, которые государство обязано обеспечивать в соответствии с Пактом, то оговорка, направленная на то, чтобы не допустить этого, будет противоречить объекту и цели первого Факультативного протокола, хотя и не Пакта. Оговорка к основному обязательству, сделанная впервые на основании первого Факультативного протокола, будет, по-видимому, отражать намерение соответствующего государства не дать Комитету возможности выразить свое мнение относительно той или иной статьи Пакта в каждом отдельном случае[231].

На основе этих аргументов Комитет в деле *Rawle Kennedy* признал, что оговорка, выдвинутая Тринидадом и Тобаго и предусматривающая отсутствие у Комитета компетенции рассматривать сообщения, связанные

---

[225] *Ежегодник.., 1956 год* (см. сноске 22, выше), пункт 96, стр. 130 англ. текста; в этом заключалась цель проекта статьи 37, пункт 4, который предлагал Специальный докладчик (там же, стр. 115 англ. текста).

[226] *Legality of Use of Force (Yugoslavia* v. *Spain) and (Yugoslavia* v. *United States of America), Provisional Measures, Orders of 2 June 1999, I.C.J. Reports 1999*, p. 772, paras. 29–33, and pp. 923–924, paras. 21–25, соответственно.

[227] См. United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), pp. 129–130 (см., в частности, четкие возражения в этой связи Бразилии, Китая, Мексики и Нидерландов).

[228] *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo* v. *Rwanda), Provisional Measures, Order of 10 July 2002, I.C.J. Reports 2002*, p. 246, para. 72.

[229] В этой связи см. Riquelme Cortado, op. cit., pp. 192–202. Как правило, возражения к оговоркам относительно положений об урегулировании споров редки. Помимо возражений, выдвинутых против оговорок к статье IX Конвенции о геноциде, см., однако, возражения, сформулированные некоторыми государствами против оговорок к статье 66 Венской конвенции 1969 года, в частности, возражения Германии, Египта, Канады, Нидерландов ("положения, касающиеся урегулирования споров, как они изложены в статье 66 Конвенции, являются важной частью Конвенции и… не могут быть отделены от материально-правовых норм, с которыми они связаны" (United Nations, *Multilateral Treaties* …(сноска 220, выше), vol. II, стр. 358 англ. текста)), Новой Зеландии, Соединенного Королевства ("Эти положения неразрывно связаны с положениями Части V. Их включение стало основой, на которой эти элементы Части V, которые отражают прогрессивное развитие международного права, более признаны на Венской конференции" (там же, стр. 347 англ. текста)), Швеции (которая по существу поддержала позицию Соединенного Королевства (там же, стр. 359 англ. текста)), Соединенных Штатов (которые утверждали, что оговорка Сирии "не является совместимой с объектом и целью Конвенции и подрывает принцип беспристрастного разрешения споров, касающихся недействительности, прекращения и приостановления действия договоров, т.е. вопросы, которые обстоятельно обсуждались в ходе переговоров на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров" (стр. 361 англ. текста)) и Японии; см. также пункт 126, ниже.

[230] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40 (*A/50/40), том I, приложение V, замечание общего порядка № 24, пункт 11, стр. 123; см. также Reservations to human rights treaties: final working paper submitted by Françoise Hampson (E/CN.4/Sub.2/2004/42), para. 55.

[231] A/50/40 (см. сноску 230, выше), para. 13. В следующем пункте Комитет "выразил мнение о том, что оговорки, касающиеся требуемых процедур по первому Факультативному протоколу, не будут совместимы с его объектом и целью".

с заключенным, которому вынесен смертный приговор, не является действительной[232].

98. Европейский суд по правам человека занял столь же радикальную позицию. В деле *Loizidou* Суд, проанализировав объект и цель Римской конвенции, пришел к выводу о том, что "государства не могут обусловливать их принятие факультативных клаузул посредством исключения областей в своем праве и практике под их "юрисдикцией" из−под контроля конвенционных институтов"[233] и что ограничение его компетенции ratione loci или ratione materiae не согласуется с характером Конвенции[234].

99. Некоторые общие уроки можно извлечь из вышеследующего анализа и отразить их в проекте руководящего положения 3.1.13:

"3.1.13 *Оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или наблюдения за соблюдением договора*

Оговорка к тому или иному договорному положению, касающемуся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора, сама по себе не является не совместимой с объектом и целью договора, если только:

a) в положении, с которым связана оговорка, не заключается смысл существования договора; или

b) оговорка не имеет своим следствием исключение ее автора из−под действия механизма урегулирования споров или осуществления договора в связи с договорным положением, которое ранее принял автор, если сама задача договора состоит в обеспечении функционирования такого механизма.

c) Оговорки к общим договорам по вопросам прав человека".

ii) *Оговорки к общим договорам по вопросам прав человека*

100. Кроме того, область прав человека является той областью, в которой ведутся самые оживленные дискуссии, особенно в отношении оговорок к общим договорам, таким, как Европейская конвенция по правам человека, Американская Американская конвенция о правах человека: "Пакт Сан-Хосе, Коста-Рика"и Африканская хартия по правам человека и народов или Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах. В последнем случае Комитет по правам человека в своем известном (и спорном) общем замечании № 24 заявил следующее:

> В договоре, который охватывает очень многие гражданские и политические права, каждая из многочисленных статей, а по существу и их взаимосвязь, обеспечивает цели Пакта. Объект и цель Пакта состоят в установлении имеющих обязательную силу стандартов по правам человека путем определения ряда гражданских и политических прав и придания им формы обязательств, которые имеют обязательную силу для государств, ратифицировавших Пакт, а также в установлении эффективного механизма по наблюдению за выполнением принятых обязательств[235].

Буквально говоря, эта позиция влечет за собой недействительность любой общей оговорки, касающейся любого из прав, защищаемых Пактом[236]. Однако это не позиция, занимаемая государствами-участниками, которые не формулируют на систематической основе возражения к оговоркам подобного рода[237], и сам Комитет не заходит настолько далеко, поскольку в пунктах, после изложения его позиции в принципе[238], он очень подробно излагает критерии, которые он использует при оценке того, являются ли оговорки совместимыми с объектом и целью Пакта: из этого не следует, что в силу своего характера любая общая оговорка, касающаяся одного из защищаемых прав, будет недействительна как таковая[239].

101. Подобным образом, в случае Конвенции о правах ребенка было выдвинуто очень много оговорок к положениям, касающимся усыновления[240]. Как отметил

---

[232] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40 (*A/55/40), том II, приложение XI A, сообщение № 845/1999, *Роле Kennedy* против *Тринидада и Тобаго*, пункт 6.7, стр. 353. Для обоснования оговорки Тринидад и Тобаго выдвинул аргумент о том, что он признает "принцип, что государства не могут использовать Факультативный протокол в качестве средства для формулирования оговорок к самому Международному пакту о гражданских и политических правах, [однако он] подчеркивает, что его оговорка к Факультативному протоколу никоим образом не освобождает его от его обязательств согласно Пакту" (United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), p. 227). Семь государств выдвинули возражения против этой оговорки, после чего в конечном счете Тринидад и Тобаго денонсировал Протокол в целом.

[233] European Court of Human Rights (см. сноску 214, выше), p. 28, para. 77.

[234] Ibid., pp. 26–30, paras. 70–89; см., в частности, paragraph 79. См. также ходатайство № 48787/99, *Ilie Ilaşcu and Others* v. *Moldova and the Russian Federation*, Европейский суд по правам человека, решение Большой палаты от 4 июля 2001 года (не включенное в сборник судебных решений).

[235] Замечание общего порядка № 24 (см. сноску 230, выше), пункт 7. См. также E/CN.4/Sub.2/2004/42, para. 50.

[236] Некоторые авторы утверждают, что режим оговорок абсолютно не совместим с правами человека. См. Imbert, “Reservations and human rights …”, p. 28, который не разделяет это радикальное мнение; Coccia, loc. cit., p. 16; Anand, “Reservations to multilateral conventions”, p. 88; Imbert, op. cit., p. 249; and Schabas, “Reservations to human rights treaties …”, p. 41. См. также комментарии по общему замечанию № 24 Комитета по правам человека, в Baylis, “General comment 24: confronting the problem of reservations to human rights treaties”; Redgwell, “Reservations to treaties and Human Rights Committee general comment No. 24 (52)”; Higgins, “Introduction”, pp. xvii–xxix; и Korkelia, “New challenges to the regime of reservations under the International Covenant on Civil and Political Rights”.

[237] См. например, оговорку Мальты к статье 13 (об условиях высылки иностранцев), в отношении которой не было высказано никаких возражений (United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), p. 180).

[238] См. Замечание общего порядка № 24 (сноска 230, выше), пункты 8–10: эти критерии, помимо совместимости оговорки с объектом и целью Пакта, не имеют обычно правового, императивного или не допускающего отступления характера рассматриваемой нормы; см. также пункты 116–144, ниже.

[239] См., однако, сноску 242, ниже.

[240] Статьи 20–21. См. United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), pp. 308–309 и 312–317.

один из ученых, которого вряд ли можно заподозрить в "антиправозащитном уклоне": "Было бы сложным сделать вывод о том, что этот вопрос является столь основополагающим для Конвенции, что может привести к тому, что такие оговорки будут противоречить ее объекту и цели"[241].

102. С учетом широко разнящейся практики в этом вопросе Специальный докладчик считает, что проект руководящего положения 3.1.12 по этому деликатному вопросу должен быть сформулирован гибким образом, с тем чтобы обеспечивать достаточную свободу при толковании. Он мог бы гласить следующее:

"3.1.12 *Оговорки к общим договорам по правам человека*

Для оценки совместимости той или иной оговорки с объектом и целью общего договора по вопросам защиты прав человека необходимо учитывать неделимость изложенных в нем прав, значение права, которое является предметом оговорки, в общей структуре договора и серьезность воздействия на него оговорки".

iii) *Оговорки, касающиеся применения внутреннего права*

103. Нередко возникает другой вопрос, и не только применительно к правам человека: может ли государство сформулировать оговорку в целях защиты своего внутреннего права?[242] В данном случае также необходимо дать взвешенный ответ, который не может быть, безусловно, полностью отрицательным, как это могло бы показаться из некоторых возражений на оговорки такого типа. Так, несколько государств возразили против сформулированной Канадой оговорки к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте на том основании, что эта оговорка "ставит выполнение Конвенции в зависимость от определенных положений внутреннего права Канады"[243]. Аналогичным образом, Финляндия выступила против оговорок, сформулированных рядом государств в отношении Конвенции о правах ребенка, на основании того "общего принципа толкования договоров, согласно которому участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора"[244].

104. Это неубедительное основание для возражения. Нет никаких сомнений в том, что согласно статье 27 Венской конвенции 1969 года[245], участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора[246]. Казалось бы, данный вопрос решен в том смысле, что указанные положения применяются к государству, сформулировавшему оговорку; однако именно в этом и заключается проблема. Как было правильно отмечено, государство нередко формулирует оговорку именно потому, что договор налагает на него обязательства, не совместимые с его внутренним правом, которое он не в состоянии изменить[247], по крайней мере на начальном этапе[248]. Кроме того, статья 57 Европейской конвенции о правах человека не только разрешает государству-

---

[241] Schabas, “Reservations to the Convention …”, p. 480.

[242] В 1995 году в своих заключительных замечаниях в отношении первоначального доклада Соединенных Штатов Комитет выразил сожаление "в связи со сферой действия оговорок и заявлений, и в частности заявлений о толковании, этого государства-участника в отношении Пакта. Из всех этих оговорок и заявлений государства-участника следует, по-видимому, что оно признает лишь те нормы, которые уже закреплены в его внутреннем праве. Комитет особенно отмечает оговорки к пункту 5 статьи 6 и к статье 7 Пакта, которые, по его мнению, не совместимы с целями этого документа" (A/50/40 (см. сноску 230, выше), глава VI, раздел J, пункт 279). См. анализ в Schabas, “Invalid reservations …”, и McBride, “Reservations and the capacity to implement human rights treaties”, p. 172.

[243] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (см. сноску 220, выше), vol. II, p. 467, возражение Испании. См. также возражения Ирландии, Люксембурга, Норвегии, Франции и Швеции, ibid., pp. 468–469.

[244] Ibid., vol. I, p. 318. См. также возражения против оговорок со стороны Индонезии, Малайзии, Катара, Сингапура и Омана; ibid., pp. 318–319. См. также, например, возражения Греции, Дании, Ирландии, Мексики, Норвегии, Финляндии и Швеции против второй оговорки Соединенных Штатов к Конвенции о геноциде, ibid., pp. 129–131; текст самой оговорки см. в пункте 112, ниже. См. также пункт 110, ниже.

[245] Конкретно процитирована, например, Нидерландами и Эстонией в поддержку их возражений против той же оговорки Соединенных Штатов, ibid., p. 130.

[246] Статья 27 гласит: "Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для статьи 46" (которая касается неполных ратификаций). Правило, изложенное в статье 26, касается действующих договоров; однако цель любой оговорки, по определению, заключается в исключении или изменении юридического действия данного положения в его применении к автору оговорки.

[247] См. Schabas, “Reservations to the Convention …”, pp. 479-480, and “Reservations to human rights treaties”, p. 59.

[248] Иногда государство, формулирующее оговорку, указывает период времени, который ему необходим для приведения своего внутреннего права в соответствие с договором (см. оговорку Эстонии в отношении применения статьи 6 (United Nations, *Treaty Series*, vol. 1967, No. A–2889, p. 280), или оговорку Литвы к пункту 3 статьи 5 Европейской конвенции о правах человека, (ibid., p. 275), которые были ограничены одногодичным сроком, или сообщает о своем намерении сделать это (см. оговорки Кипра и Малави, сделанные при присоединении к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин – эти страны действительно выполнили свои обещания – см. "Многосторонние договоры, в отношении которых Генеральный секретарь выполняет функции депозитария" – см. United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), p. 270, note 25 and p. 272, note 40; см. также заявление Индонезии при присоединении к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалении, ibid., vol. II, p. 457). Довольно часто также государства снимают оговорки, сформулированные без указания каких-либо сроков, после того, как они изменили положения своего внутреннего права, которые побудили их сделать оговорки (см. снятие Францией, Ирландией и Соединенным Королевством нескольких оговорок к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (ibid., vol. I, pp. 270–271, note 28, p. 271, note 32 and pp. 277–278, note 56); см. далее по частям снимавшуюся Финляндией (в 1996, 1998, 1999 и 2001 годах) ее оговорку к пункту 1 статьи 6 Европейской конвенции о правах человека (http://conventions.coe.int/). Такую практику следует поощрять и, безусловно, приветствовать (см. руководящее положение 2.5. Руководства по практике и комментарий к нему, *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), стр. 82; однако из этого не следует делать вывод о несостоятельности принципа формулирования оговорок на основании внутреннего права.

участнику формулировать оговорку в тех случаях, когда его внутреннее право не состыкуется с каким-либо положением Конвенции, – она также ограничивает это полномочие только теми случаями, когда "закон… действующий на его территории, не соответствует этому положению"[249]. С другой стороны, в этой же статье четко запрещается формулирование "[о]говорок общего характера".

105. Самое главное при этом, чтобы государства и международные организации, формулирующие оговорки, не использовали свое внутреннее право[250] в качестве предлога для непризнания какого-либо нового международного обязательства в тех случаях, когда договор направлен на изменение их практики. Хотя нельзя с полным основанием утверждать, что к таким случаям применяется статья 27 Венской конвенции1969 года[251], следует, тем не менее, учитывать, что с точки зрения международного права национальные законы являются "простыми фактами"[252] и что сама цель договора может заключаться в том, чтобы побудить государства изменить эти законы.

106. Хотя это может показаться очевидным, в проекте руководящего положения 3.1.11 следует, безусловно, твердо установить следующее:

"3.1.11 *Оговорки, касающиеся применения внутреннего права*

Оговорка, посредством которой государство или международная организация желает исключить или изменить применение определенного положения договора в целях обеспечения целостности своего внутреннего права, может формулироваться лишь в том случае, если она совместима с объектом и целями договора".

iv) *Неясные и общие оговорки*

107. В статье 19 *c* Венской конвенции 1969 года такие оговорки конкретно не упоминаются. Тем не менее общая оговорка должна считаться несовместимой с объектом и целями Конвенции. Цель оговорок, в силу самого их определения, заключается в том, чтобы исключить или изменить "юридическое действие *определенных положений** договора применительно" (статья 2, пункт 1 *d*, Конвенции) к их авторам[253].

108. Таким образом, нельзя утверждать, что цель оговорок может заключаться в предотвращении действия всего договора. Кроме того, хотя "всеохватывающие оговорки" формулируются постоянно, они, как указывается в проекте руководящего положения 1.1.1 Руководства по практике, являются действительными лишь в том случае, если они призваны "исключить или изменить юридическое действие договора в целом *в отношении определенных аспектов**"[254]. Более того, из сугубо консенсусного характера права договоров в целом[255] и права оговорок в частности[256] следует, что, хотя государства могут *формулировать* (не *делать*)[257] оговорки, другие стороны должны иметь право отреагировать на такие оговорки путем их признания или возражения против них. Это невозможно сделать, если текст оговорки не позволяет определить сферу ее действия.

109. Поэтому ссылка на внутреннее право государства, формулирующего оговорку, сама по себе проблемы не представляет – действительно, существуют оговорки такого рода, которые не вызывают и никогда не вызывали никаких возражений[258]; проблема заключается в

---

[249] См. пункт 42, выше.

[250] Специальный докладчик считает само собой разумеющимся, что существует "надлежащее право" международных организаций, которое, по меньшей мере в данном случае, должно с учетом соответствующих различий рассматриваться в том же свете, что и внутреннее право государств.

[251] См. пункт 104, выше.

[252] *Certain German Interests in Polish Upper Silesia, Merits, Judgment No. 7, 1926, P.C.I.J., Series A, No. 7*, p. 19; см. также Conference on Yugoslavia: Arbitration Committee, opinion No. 1 of 29 November 1991, ILM, vol. XXXI, No. 6 (November 1992), p. 1494. Этот принцип подтверждается в статье 4 проекта статей Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния (*Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), стр. 43.

[253] См. замечания Израиля в отношении первого проекта Комиссии по праву международных договоров, которые побудили привести английский текст определения оговорок в соответствие с французским текстом путем замены слова "some" на "certain" (четвертый доклад сэра Хэмфри Уолдока, *Yearbook.., 1965 год* (сноска 20, выше), стр. 15 англ. текста). См. также заявление Чили на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (см. сноску 31, выше), 4th meeting, p. 21, para. 5: "слова "изменить юридическое действие определенных положений договора" (подпункт *d*) означает, что в оговорке должны четко указываться положения, к которым она относится. Необходимо избегать формулирования нечетких оговорок".

[254] *Ежегодник.., 1999 год*, том II (часть вторая), стр. 108. См. также комментарии Рикельме Кортадо, op. cit., p. 172.

[255] См. Reuter, *Introduction to the Law of Treaties*, pp. 23–24; и Tomuschat, loc. cit., p. 466. См. также, например, *S.S. "Wimbledon", Judgments, 1923, P.C.I.J., Series A, No. 1*, p. 25, и *I.C.J. Reports 1950* (сноска 183, выше), p. 139.

[256] МС уточнил в этой связи в своем консультативном заключении 1951 года по делу *Reservations to the Convention on Genocide*, что "четко установлено, что в своих договорных отношениях государство не может быть связано обязательством без его согласия и поэтому никакая оговорка не может эффективно применяться против какого-либо государства без его согласия на нее" (*I.C.J. Reports 1951* (см. сноску 19, выше), p. 21). Авторы общего особого мнения, приложенного к этому консультативному заключению, высказались еще решительнее: "Согласие участников лежит в основе договорных обязательств. Закон, регулирующий оговорки, представляет собой лишь конкретное применение этого основополагающего принципа, независимо от того, выражают ли участники согласие на оговорку до, во время или после ее формулирования" (там же, pp. 31–32). См. также решение от 30 июня 1977 года по делу *English Channel* (сноска 90, выше), pp. 41–42, paras. 60–61; и Bishop Jr., loc. cit., p. 255.

[257] См. пункт 14, выше.

[258] См., например: оговорку Мозамбика к Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), vol. II, p. 112 (эта оговорка касается экстрадиции мозамбикских граждан в связи с применением

(*продолжение сноски на следующей стр.*)

том, что оговорки со ссылкой на внутреннее право имеют зачастую расплывчатый и общий характер, который не позволяет другим государствам-участникам занять конкретную позицию в отношении этих оговорок. Именно поэтому на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров Перу представила поправку с целью добавить следующий подпункт *d* к будущей статье 19 Венской конвенции 1969 года:

> Оговорка делает договор недействительным, если она в общем и неопределенном виде ставит его применение в зависимость от национального законодательства[259].

110. Возражения Финляндии против оговорок нескольких государств-участников к Конвенции о правах ребенка более прочно, безусловно, обоснованы, поскольку она ссылается на вышеупомянутые доводы, а не просто на статью 27 Венской конвенции 1969 года[260]; например, в ответ на оговорку Малайзии, которая согласилась с рядом положений Нью-Йоркской конвенции только при том условии, "если они согласуются с Конституцией, национальным законодательством и национальной политикой правительства Малайзии"[261], Финляндия заявила, что "широкий характер" этой оговорки оставил открытым вопрос о том, "в какой степени Малайзия обязуется соблюдать Конвенцию и выполнять вытекающие из нее обязательства"[262]. Заявление Таиланда о том, что он "не будет ни толковать, ни применять те положения Конвенции [о ликвидации всех форм расовой дискриминации], которые налагают на него обязательства, выходящие за рамки [его] Конституции и [его] законодательства"[263], также вызвало у Швеции возражение на тот счет, что тем самым "применение Конвенции поставлено в зависимость от общей оговорки, которая содержит ссылку на неуточненные рамки национального законодательства"[264].

111. Такие же возражения вызывает так называемая "шариатская оговорка"[265], наглядным примером которой является оговорка, в соответствии с которой Мавритания одобрила Нью-Йоркскую конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин "применительно только к тем ее положениям, которые не противоречат исламскому шариату"[266]. В данном случае проблема опять−таки заключается не в самом факте, что Мавритания ссылается на действующие в ней нормы религиозного происхождения[267], а в том, как отметила Дания, что "эти общие оговорки, содержащие ссылку на положения исламского закона и Конституции, имеют неограниченную сферу действия и неопре-

(*продолжение сноски 258*)

других договоров, например Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, ibid., p. 163); оговорки Гватемалы и Филиппин к Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков, *ibid*., p. 93; или оговорки Колумбии (сделанные при подписании), Исламской Республики Иран и Нидерландов (имеющие, однако, весьма расплывчатый характер) к Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, ibid., vol. I, pp. 444–446. Оговорка Франции к пункту 1 статьи 15 Европейской конвенции о правах человека вызвала более горячую дискуссию: см. Questiaux, “La Convention européenne des droits de l’homme et l’article 16 de la Constitution du 4 october 1958”; Pellet, “La ratification par la France de la Convention européenne des droits de l’homme”, pp. 1358–1365; и Coussirat-Coustère, “La réserve française à l’article 15 de la Convention européenne des droits de l’homme”.

[259] A/CONF.39/14 (см. сноску 28, выше), *Documents de la Conférence* (A/CONF.39/11/Add.2), (см. сноску 28, выше), p. 134, para. 177 (vi); см. разъяснения представителя Перу, *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties*, 21st meeting (сноска 31, выше), p. 109, para. 25. Эта поправка была отклонена 44 голосами против 16 при 26 воздержавшихся (*ibid*., 25th meeting, p. 135, para. 26); из отчета об обсуждении этого вопроса непонятно, почему поправка была отклонена: нет никаких сомнений в том, что ряд делегаций, например делегация Италии, "сочли ненужным четко оговаривать такие случаи, поскольку они касаются оговорок, не совместимых с объектом договора" (ibid., 22nd meeting, p. 120, para. 75); в этой связи см. Szafarz, loc. cit., p. 302.

[260] См. пункт 103, выше. Кроме того, основания, приведенные Нидерландами и Соединенным Королевством в поддержку их возражений против второй оговорки Соединенных Штатов к Конвенции о геноциде, а именно тот довод, что "эта оговорка сделала неясной сферу тех обязательств правительства Соединенных Штатов Америки, которое оно готово принять в отношении Конвенции" (United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), pp. 130–131) являются более убедительными, чем просто ссылка на внутреннее право (см. сноски 245-246, выше).

[261] Ibid., p. 313.

[262] Ibid., p. 318. См. также возражения Финляндии и ряда других государств против аналогичных оговорок нескольких других государств, ibid., pp. 318–322.

[263] Ibid., p. 142.

[264] Ibid., p. 148. См. также возражения Норвегии и Швеции от 15 марта и 14 декабря 1999 года против оговорки Бангладеш к Конвенции о политических правах женщин, ibid., vol. II, pp. 85-86, или возражения Финляндии против оговорки Гватемалы к Венской конвенции 1969 года (ibid., p. 357) и возражения Австрии, Нидерландов и Швеции и против аналогичной оговорки Перу к той же Конвенции, ibid., pp. 356, 358 and 360.

[265] Обсуждение различных доктрин см., в частности, в Sassi, “General reservations to multilateral treaties”, pp. 96–99. Что касается их применения, в частности, к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, см. в Clark, loc. cit., pp. 299–302 and 310–311; Connors, “The women’s convention in the Muslim world”; Cook, loc. cit., pp. 690–692; McBride, loc. cit., pp. 149–156 (с большим количеством примеров) и Tyagi, “The conflict of law and policy on reservations to human rights treaties”, pp. 198–201, и, в частности, Jenefsky, “Permissibility of Egypt’s reservations to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women”.

[266] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (см. сноску 220, выше), p. 244. См. также оговорку Саудовской Аравии (в которой упоминаются нормы мусульманского права, ibid., p. 246, и оговорку Малайзии, (ibid., p. 243), или первоначальную оговорку Мальдивских островов: "Правительство Мальдивской Республики будет выполнять положения Конвенции, за исключением тех положений, которые, по его мнению, могут противоречить принципам исламского шариата, лежащим в основе всех законов и традиций Мальдивских островов" (ibid., p. 273, note 43); поскольку эта оговорка вызвала ряд возражений, мальдивское правительство придало ей более ограниченный характер, хотя Германия вновь выступила с возражением и Финляндия также подвергла критике эту новую оговорку (там же). Аналогичным образом, несколько государств сформулировали возражения (ibid., pp. 144–148) против оговорки Саудовской Аравии к Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которая предусматривает применение только тех положений этой конвенции, "которые не противоречат предписаниям исламского шариата" (ibid., p. 141).

[267] Святейший Престол ратифицировал Конвенцию о правах ребенка с тем условием, что "применение Конвенции должно быть совместимо с особым характером Государства-города Ватикан и источников его объективного права…" (ibid., p. 311 Как было отмечено (Schabas, “Reservations to the Convention …”, pp. 478–479), эта формулировка создает, с некоторыми вариациями, те же проблемы, что и "шариатская оговорка".

деленный характер"[268]; таким образом, как отметило Соединенное Королевство, такая оговорка, "которая состоит из общей ссылки на внутреннее право без уточнения его конкретных положений, не позволяет другим государствам – участникам Конвенции четко определить, в какой степени государство, формулирующее оговорку, согласилось с обязательствами, предусмотренными Конвенцией"[269].

112. То же самое касается тех случаев, когда государство сохраняет за собой общее право ставить свою конституцию выше какого−либо договора[270]; в качестве примера можно привести оговорку Соединенных Штатов к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него:

никакое положение Конвенции не требует и не оправдывает принятия Соединенными Штатами законодательных или других мер, запрещенных Конституцией Соединенных Штатов, согласно ее толкованию Соединенными Штатами[271].

113. Таким образом, эти оговорки подпадают под действие статьи 19 *c* Венской конвенции 1969 года не из−за уверенности в том, что они с ней не совместимы, а, скорее, ввиду невозможности определить степень совместимости таких оговорок с объектом и целями договора. Как отметил Комитет по правам человека:

Оговорки должны быть конкретными и транспарентными, с тем чтобы для Комитета, для тех, кто проживает на территории государства, сделавшего оговорку, и других государств-участников, было ясно, какие обязательства по соблюдению прав человека были приняты, а какие нет. Таким образом, оговорки не могут носить общего характера, а должны относиться к конкретному положению Пакта и точно указывать сферу своего действия по отношению к этому положению[272].

114. Со своей стороны при рассмотрении дела *Belilos* Европейский суд по правам человека объявил недействительным заявление (равнозначное оговорке) Швейцарии о толковании пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о правах человека, поскольку оно "было составлено настолько в расплывчатых или широких выражениях, что было невозможно определить его точное значение и сферу действия"[273]. Однако нет никаких сомнений в том, что именно Европейская комиссия по правам человека наиболее четко изложила применяющийся в данном случае принцип, когда она заявила, что "[о]говорка имеет общий характер… если она сформулирована в таком виде, который не позволяет определить сферу ее действия"[274].

115. Проект руководящего положения 3.1.7 может гласить следующее:

"3.1.7 *Неясные и общие оговорки*

Оговорка, составленная в неясных и общих выражениях, не позволяющих определить сферу ее действия, несовместима с объектом и целями договора".

v) *Оговорки к положениям, содержащим обычные нормы*

116. Иногда государства – участники договора возражают против оговорок и оспаривают их совместимость с объектом и целями договора на том основании, что они противоречат общепризнанным обычным нормам. Так, Австрия заявила, что, по ее мнению,

оговорки Гватемалы [к Венской конвенции 1969 года] почти полностью относятся к общим нормам [данной конвенции], которые прочно закреплены в обычном международном праве. Эти оговорки ставят, по всей видимости, под сомнение устоявшиеся и общепризнанные нормы. Австрия сомневается, что эти оговорки совместимы с объектом и целями Конвенции[275].

Аналогичным образом, Нидерланды возразили против оговорок, сформулированных рядом государств в отношении различных положений Венской конвенции о дипломатических сношениях, выразив мнение, "что соответствующие положения сохраняют силу в отноше-

[268] Ibid., p. 251.

[269] Ibid., pp. 266–267. См. также возражения Австрии, Германии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Финляндии и Швеции (ibid., pp. 250, 254–255, 257, 260, 262–263 and 265–266). Оговорки многих исламских государств в отношении конкретных положений Конвенции на том основании, что они не совместимы с шариатом, подвергаются в этой связи, безусловно, меньшей критике, хотя ряд таких оговорок и вызвали возражения со стороны некоторых участников (см., например, Clark, loc. cit., p. 300, который отмечает, что обусловленная шариатом оговорка Ирака к статье 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года имеет конкретный характер и обеспечивает более благоприятный режим, чем соответствующая статья Конвенции; тем не менее эта оговорка вызвала возражения Мексики, Нидерландов и Швеции, "Многосторонние договоры, в отношении которых Генеральный секретарь выполняет функции депозитария" (ibid., pp. 259 and 265).

[270] См. заявление Пакистана к той же Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ibid., p. 246, и возражения Австрии, Германии, Нидерландов, Норвегии и Финляндии, ibid., pp. 249, 254, 256, 260 and 262, и Португалии, ibid., p. 275, note 51.

[271] Ibid., p. 128.

[272] Замечание общего порядка № 24, (см. сноску 230, выше), пункт 19, см. также пункт 12, в котором вопрос о ссылке на внутреннее право увязывается с вопросом о сформулированных в общих чертах оговорках.

[273] Решение по делу *Belilos* (см. сноску 98, выше). См. также пункт 42, выше. Углубленный анализ условий общего характера, ставящихся в отношении статьи 57 Конвенции, см., в особенности, в Cameron and Horn, “Reservations to the European Convention on Human Rights: the Belilos case”, pp. 97–109, и MacDonald, “Reservations under the European Convention on Human Rights”, pp. 433–438 and 443–448.

[274] Европейская комиссия по правам человека (см. сноску99, выше), p. 149, para. 84. См. также Imbert, “Reservations to the European Convention …”, pp. 574–581.

[275] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (см. сноску 220, выше), vol. II, p. 356; см. также возражения, сформулированные в аналогичных выражениях Бельгией, Германией, Данией, Соединенным Королевством, Финляндией и Швецией (ibid., pp. 356–357, 359 and 363). По делу *English Channel*, Соединенное Королевство утверждало, что оговорка Франции к статье 6 Конвенции о континентальном шельфе касается "норм международного обычного права" и "не совместима в качестве оговорки к статье 6" (UNRIAA) (см. сноску 90, выше), p. 38, para. 50).

ниях между Нидерландами и данными государствами в соответствии с обычным международным правом"[276].

117. Нередко считалось, что такая неспособность формулировать оговорки к тем положениям договоров, в которых кодифицируются обычные нормы, проистекает из решения МС по делам *North Sea Continental Shelf*[277]:

> говоря в целом, характерной чертой чисто договорных норм и обязательств является то, что в их отношении допускается некоторая возможность формулирования односторонних оговорок; однако это недопустимо в отношении норм и обязательств общего или обычного права, которые в силу своего характера должны иметь одинаковую силу для всех членов международного сообщества и поэтому не дают ни одному из членов никакого права исключить себя из сферы их действия в одностороннем порядке и по своему усмотрению в своих собственных интересах[278].

Хотя принятая Судом формулировка является, безусловно, не самой удачной, вывод, который, по-видимому, из нее был сделан, представляется неправильным, если на этот текст вновь взглянуть с точки зрения того контекста, в котором он составлялся.

118. Действительно, МС далее осторожно рассматривает те выводы, которые напрашиваются в результате исключения определенных оговорок. Отметив, что право формулировать оговорки к статье 6 Конвенции о континентальном шельфе (о делимитации границ континентального шельфа) не исключается статьей 12 об оговорках[279], как это имеет место в случае статей 1–3, Суд заявил, что он считает естественным и

> оправданным вытекающий из этого вывод о том, что этой статье придается иное и менее фундаментальное значение и что, в отличие от других статей, она не отражает уже существующие или формирующиеся нормы обычного права[280].

Поэтому неверно то, что Суд подтверждает недопустимость оговорок в отношении норм обычного права[281]; он просто констатирует, что в рассматриваемом случае различное отношение авторов Конвенции к статьям 1–3, с одной стороны, и к статье 6, с другой стороны, подразумевает, что, по мнению авторов, в последней статье не кодифицируется обычная норма, что, кстати, подтверждает и собственное заключение Суда.

119. Кроме того, в одной из, как правило, игнорируемых частей самого решения говорится, что "государство, формулирующее оговорку, не освобождается от выполнения обязательств, налагаемых общим морским правом за рамками и независимо от Конвенции [о континентальном шельфе]"[282]. Выступивший с особым мнением судья Морелли не противоречит этому в своем следующем высказывании: "Естественно, что право делать оговорки касается лишь договорного обязательства, вытекающего из Конвенции... Оговорка не имеет, разумеется, никакого отношения к обычной норме как таковой. Если такая норма существует, она существует и для государства, которое сформулировало оговорку, так же как и для тех государств, которые не ратифицировали договор"[283]. Это четко свидетельствует о том, что обычный характер нормы, отраженной в том или ином положении договора, в отношении которого формулируется оговорка, сам по себе не дает никаких оснований для признания оговорки недействительной, поскольку "право делать оговорки к положению договора не зависит от того, считается ли данное положение частью общепризнанной нормы права"[284].

120. Кроме того, хотя этот принцип иногда ставится под сомнение[285], он признается – и по справедливости – в качестве преобладающей доктрины[286]:

a) хотя обычные нормы являются обязательными для государств независимо от того, выразили ли они согласие с какой-либо договорной нормой[287], в отличие от императивных норм государства могут уклониться от их выполнения на основе договоренности между собой; непонятно, почему они не могут этого сделать с помощью оговорки[288] – если она действительна, но именно в этом и заключается поставленный вопрос;

---

[276] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (см. сноску 220, выше), p. 96; на самом деле не эти положения сохраняют силу, а нормы обычного права, которые в них содержатся (см. пункт 120 ниже). См. также возражения Польши против оговорок Бахрейна и Ливийской Арабской Джамахирии (ibid.) и Greig, loc. cit., p. 88.

[277] Особое мнение судьи Морелли, приложенное к решению 1969 года (*I.C.J. Reports 1969* (сноска 89, выше), pp. 198–199) и многочисленные комментарии, процитированные в Imbert, op cit., p. 244, footnote (20); см. также Teboul, loc. cit., p. 685.

[278] *I.C.J. Reports 1969* (см. сноску 89, выше), pp. 38–39, para. 63.

[279] См. пункт 39, выше.

[280] *I.C.J. Reports 1969* (см. сноску 89, выше), p. 40, para. 66. См. также page 39, paragraph 63. См. в этой связи особое мнение судьи Падильи Нерво в поддержку этой позиции, ibid., p. 89, и особое мнение судьи Корецкого против этой позиции, p. 163.

[281] Imbert, op. cit., p. 244; см. также Pellet, "La CIJ et les réserves aux traités: remarques cursives sur une révolution jurisprudentielle", pp. 507–508. В своем особом мнении судья Танака занимает противоположную позицию в том, что касается "обязательства находить решения на основе консенсуса, поскольку это обязательство вытекает из общего международного права и продолжает действовать, даже если в статье 12 Конвенции пункты 1 и 2 статьи 6 четко не исключаются из числа положений, которые могут быть объектом оговорок" (*I.C.J. Reports 1969* (см. сноску 89, выше), стр. 182); тем самым вопрос о праве делать оговорки смешивается с вопросом о действии оговорок, когда положение, к которому формулируется оговорка, имеет обычный и даже императивный характер (судья Танака, как ни странно, считает, что принцип равноудаленности "должен быть признан в качестве нормы общего международного права" – ibid).

[282] Ibid., p. 40, para. 65.

[283] Ibid., p. 198.

[284] Особое мнение судьи ad hoc Сёренсена, ibid., p. 248.

[285] См. позицию г-на Бриггса в заявлении, которое он приложил к арбитражному решению от 30 июня 1977 года по делу *English Channel* (сноска 90, выше), pp. 123–124.

[286] См. loc. cit., pp. 31–32; Gaja, "Le riserve al Patto sui diritti civili e politici e il diritto consuetudinario", pp. 451–452; Imbert, "La question des réserves …", p. 48; Riquelme Cortado, op. cit., pp. 159–171; и Sucharipa-Behrmann, loc. cit., pp. 76–77.

[287] См. возражение Финляндии против оговорок Йемена к статье 5 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: "Формулирование оговорки не освобождает государства от выполнения общепризнанных обязательных норм в области прав человека". [Как правило, это имеет место] (возражение упоминается в сноске 221, выше, p. 147).

[288] См. в этой связи особое мнение судьи Сёренсена по делам *North Sea Continental Shelf* (сноска 284, выше) и Coccia, loc. cit., p. 32; см. вместе с тем пункт 132, ниже.

b) оговорка касается лишь применения данной нормы в контексте договора, а не самого ее существования в качестве нормы общего права, даже если в некоторых случаях оговорка может ставить под сомнение ее общепризнанность "в качестве правовой нормы"[289]; как отметило Соединенное Королевство в своих комментариях к замечанию общего порядка № 24 Комитета по правам человека: "существует четкая разница между решением не принимать на себя договорных обязательств и попыткой поставить себя вне обычного международного права"[290];

c) в таких очевидных случаях государства обязаны продолжать соблюдать обычную норму, независимо от договора[291]; и

d) несмотря на заявления об обратном, государства могут быть заинтересованы (что не совсем похвально) в том, чтобы отступить, например, от применения соответствующих обязательств, налагаемых механизмами контроля или урегулирования споров, которые предусмотрены в договоре, или ограничить роль своих судей, которые могут обладать различными компетенциями в отношении договорных норм, с одной стороны, и обычных норм, с другой стороны[292];

e) кроме того, как Франция отметила в своем комментарии к замечанию общего характера № 24: "нельзя смешивать обязанность государства соблюдать тот или иной общий принцип обычного права и согласие быть связанным договором, закрепляющим такие принципы, в особенности с учетом изменений и уточнений, сопряженных с их официальным закреплением в договоре"[293];

f) наконец, оговорка может быть тем средством, с помощью которого "последовательно возражающая сторона" настаивает на своем возражении: возражающая сторона может, безусловно, отказаться применять в рамках договора такую норму, которая не налагает на нее обязательств в соответствии с общим международным правом[294].

121. Однако в данном случае вновь возникает вопрос о том, может ли это решение применяться к сфере прав человека[295]. Комитет по правам человека выступил против этого, отметив особый характер договоров по правам человека:

> Хотя договоры, которые представляют собой обычный обмен обязательствами между государствами, позволяют государствам резервировать в отношениях между собой применение норм общего международного права, дело обстоит иным образом в договорах о правах человека, которые служат на благо людей, находящихся под юрисдикцией этих государств[296].

122. Следует отметить, прежде всего, что, как подтвердил Комитет по правам человека, оговорки к обычным нормам не исключены априори. Выступая против них в конкретном случае договоров по правам человека, он просто отмечает, что эти документы призваны обеспечивать защиту прав человека. Однако этот постулат не имеет тех последствий, которые Комитет ему приписывает[297], поскольку, с одной стороны, оговорка к положению договора о правах человека, которое отражает обычную норму, никоим образом не снимает с государства, формулирующего оговорку, его обязательства соблюдать эту норму в данном качестве[298], и, с другой стороны, на практике оговорка к такой норме (к тому же если норма имеет императивный характер) будет

---

[289] См. статью 38, пункт 1 *b*, Статута МС. См. в этой связи: Baxter, "Treaties and custom", p. 50; Coccia, loc. cit., p. 31; Gaja, loc. cit., p. 451; и Teboul, loc. cit., pp. 711–714. В определенных (но не в любых) обстоятельствах то же самое может касаться клаузулы, предусматривающей оговорку (см. Imbert, op cit., p. 246, и Reuter, "Solidarité et divisibilité…", p. 631 (или *Le développement de l'ordre juridique* …, pp. 370–371), footnote 16).

[290] A/50/40 (см. сноску 230, выше), vol. I, annex VI, sect. B, p. 132, para. 7.

[291] См. пункты 126–127 ниже.

[292] Так обстоят дела во Франции, где над законами преобладают договоры (в силу статьи 55 Конституции), а не обычные нормы см. решение от 20 октября Ассамблеи Государственного совета Франции по делу *Nicolo*, *Recueil des décisions du Conseil d'État, 1989* (Paris, Sirey, 1989), и решение от 6 июня 1997 года по делу *Aquarone*, ibid., *1997*, Bachelier's conclusions, p. 206.

[293] *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 40 (*A/51/40), том I, приложение VI, пункт 5, стр. 114; см. в поддержку этой позиции комментарий Соединенных Штатов, (A/50/40) (сноска 230, выше), приложение VI, раздел A, стр. 128). См. также Cohen-Jonathan, "Les réserves dans les traités institutionnels relatifs aux droits de l'homme: nouveaux aspects européens et internationaux", pp. 932–933.

[294] E/CN.4/Sub.2/2002/42 (см. сноску 230, выше), p. 23, note 45.

[295] Второй доклад Специального докладчика об оговорках к международным договорам, *Ежегодник.., 1996 год* (см. сноску 27, выше), пункты 143–147, стр. 73–74.

[296] Замечание общего порядка № 24 (см. сноску 230, выше), пункт 8, стр. 122.

[297] Противоположное мнение см. в Giegerich, "Vorbehalte zu Menschenrechtsabkommen—Zulässigkeit, Gültikeit und Prüfungskompetenzen von Vertragsgremien: ein konstitutioneller Ansatz", p. 744.

[298] См. пункт 120, выше. Как отметил Комитет:

> "Государство не может резервировать за собой право заниматься рабством, совершать пытки, подвергать людей жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, произвольно лишать людей жизни, арестовывать и задерживать людей в произвольном порядке, отрицать свободу мысли, совести и религии, считать человека виновным до тех пор, пока он не докажет свою невиновность, казнить беременных женщин и детей, позволять пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, отрицать за людьми брачного возраста право на вступление в брак или отрицать за меньшинствами право пользоваться своей собственной культурой, исповедывать свою религию или использовать свой язык".

(Замечание общего порядка № 24 (см. сноску 230, выше), пункт 8, стр. 122).

Это действительно так; однако из этого автоматически не вытекает, что оговорки к соответствующим положениям Международного пакта о гражданских и политических правах запрещены: эти права должны соблюдаться не в силу их включения в Пакт, а ввиду их обычного и – в определенных случаях – императивного характера. См. также в этой связи Gaja, "Le riserve al Patto …", p. 452. Кроме того, Комитет просто констатирует свое мнение, не обосновывая квалификацию в качестве обычных тех норм, которые отражены в этих положениях; как было сказано в другой связи, [*t*]he 'ought' merges with the 'is', the *lex ferenda* with the *lex lata*" (Meron, "The Geneva Conventions as customary law", p. 361; см. также весьма обоснованную критические замечания Шабаса по поводу статей 6 и 7 Пакта, "Reservations to the Convention …", pp. 296–310).

скорее всего несовместимой с объектом и целями договора в силу применяющихся при этом общих норм[299] – но это уже другая проблема.

123. Что касается более общего вопроса о кодификационных конвенциях, то не исключено, что оговорки к ним не являются несовместимыми с их объектом и целями. Нет никаких сомнений в том, что "стремление к кодификации сопровождается обычно желанием сохранить подтверждаемую норму"[300]: "Если можно было бы формулировать оговорки к положениям, содержащим обычные нормы, то кодификационный договор не достиг бы своих целей"[301], поскольку оговорки, и в любом случае оговорки в их совокупности, могут рассматриваться в качестве "отрицания самой работы по кодификации"[302].

124. Из этого не следует, что любая оговорка к кодификационному договору не совместима по своему существу с его объектом и целями:

a) очевидно, что, хотя оговорки не совместимы с преследуемой целью стандартизации и уточнения обычного права, если над этим глубоко подумать, оговорка угрожает общему балансу не объекта и целей самого договора, а объекта и целей переговоров, в результате которых был заключен договор[303];

b) само понятие "кодификационной конвенции" является неопределенным. Как уже нередко подчеркивала КМП, невозможно провести различие между строго кодификацией международного права и его прогрессивным развитием[304]. "Сколько норм обычного права должен содержать договор, чтобы его можно было считать "кодификационным договором"?[305];

c) статус норм, включенных в договор, со временем изменяется: норма, относящаяся к прогрессивно развивающемуся праву, может стать чисто кодификационной нормой, а "кодификационная конвенция" нередко превращает в норму общего международного права такую норму, которая не имела подобного характера во время ее принятия[306].

125. Таким образом, характер кодификационной конвенции сам по себе не исключает возможности формулирования оговорок к некоторым из ее положений на тех же основаниях (и с теми же ограничениями), что и к любому другому договору, и к этим конвенциям также полностью относятся те доводы, которые могут, как правило, приводиться в поддержку права формулировать оговорки к положению договора, в котором содержится обычная норма[307]. Кроме того, в этой области уже накоплен богатый практический опыт: к договорам по правам человека (которые к тому же в значительной степени способствуют кодификации существующего права) и к кодификационным конвенциям делается больше оговорок, чем ко всем другим договорам вместе взятым[308]. И хотя можно сделать вывод о том, что основанием для некоторых возражений послужил обычный характер соответствующих норм[309], характер самих этих конвенций никогда, по−видимому, не приводился в обоснование заявления о несовместимости с их объектом и целями.

126. Тем не менее обычный характер положения, к которому делается оговорка, имеет важные последствия в плане действия, производимого оговоркой: как только оговорка сформулирована, она останавливает применение *договорной* нормы, которая является объектом оговорки, в отношениях между государством, сформулировавшим оговорку, и другими участниками договора, но

---

[299] См. в этой связи рабочий документ по оговоркам к международным договорам о правах человека, представленный г-жой Хэмпсон (E/CN.4/Sub.2/1999/28 и Corr.1), пункт 17, и заключительный рабочий документ E/CN.4/SUB.2/2004/42 (сноска 230, выше), пункт 51: "Теоретически государство может сформулировать оговорку к какому-либо положению договора, не ставя при этом обязательно под сомнение обычный статус нормы или свою готовность считаться связанным нормой обычного права. Тем не менее на практике к оговоркам к положениям, отражающим нормы обычного международного права, следует, по-видимому, относиться с изрядной долей подозрения".

[300] Imbert, op. cit.; см. также Teboul, loc. cit., p. 680, где отмечается, что хотя обе концепции – концепция оговорки и концепция кодификационной конвенции – сами по себе полезны, они плохо совместимы друг с другом"; в этом исследовании обстоятельно рассматривается весь вопрос об оговорках к кодификационным конвенциям (pp. 679–717, passim).

[301] Reuter, "Solidarité et divisibilité …", p. 632 (или *Le développement de l'ordre juridique* …", p. 371). Автор добавляет, что по этой причине договор привел бы также к созданию "такой ситуации, которая еще больше отдалила бы осуществление его объекта и целей, как если бы такого договора не было вообще, поскольку в этом случае была бы ограничена сфера применения общей нормы" (там же); это второе утверждение является более спорным: оно, по-видимому, подразумевает, что государство, формулирующее оговорку, освобождает себя этой оговоркой от применения данной нормы; однако это не так (см. сноску 310, ниже).

[302] Г-н Аго, *Ежегодник.., 1965 год*, том I, 797-е заседание, пункт 58, стр. 153 англ. текста.

[303] Teboul, loc. cit., p. 700.

[304] См., например, доклады Комиссии о работе ее восьмой (1956 год) и сорок седьмой (1995 год) сессий, *Ежегодник.., 1956 год*, том II, документ A/3159, пункт 26, стр. 255–256 англ. текста, и *Ежегодник.., 1996 год*, том II (часть вторая) пункты 156–157, стр. 110.

[305] Reuter, "Solidarité et divisibilité …",, p. 632 (или *Le développement de l'ordre juridique* …", p. 371).

[306] См. пункт 83, выше, а по вопросу о смертной казни в контексте статей 6–7 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года (речь идет в данном случае о негативной позиции) см. Schabas, "Invalid reservations …", pp. 308–310.

[307] См. пункт 116, выше.

[308] Например, по состоянию на 31 декабря 2004 года в связи с Венской конвенцией о дипломатических сношениях было сделано 57 оговорок или заявлений (50 из которых до сих пор находятся в силе) 34 государствами-участниками (в настоящее время оговорки 31 государства до сих пор находятся в силе) (United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), pp. 90–92 and 98–100; в связи с Венской конвенцией 1969 года 1969 года была сделана 71 оговорка или заявление (61 из которых до сих пор находятся в силе) 35 государствами (из них осталось в настоящее время 33) (ibid., vol. II, pp. 352–356). С другой стороны, Международный пакт о гражданских и политических правах, который, по крайней мере в настоящее время, широко используется, по-видимому, для кодификации действующего общего международного права, стал объектом 219 оговорок или заявлений (196 из которых до сих пор находятся в силе), сделанных 58 государствами (ibid., pp. 174–185 and 219–223).

[309] См. пункты 116 и 122, выше.

она не освобождает это государство от его обязательства соблюдать обычную норму (которая может иметь такое же содержание)[310]. Причина этого проста и весьма четко изложена в известном заключении МС по делу *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*:

Тот факт, что принципы [общего и обычного международного права], признанные в качестве таковых, были кодифицированы или инкорпорированы в многосторонних конвенциях, не означает, что они прекращают существовать и применяться в качестве принципов обычного права, даже в отношении стран, которые являются участниками этих конвенций[311].

127. Поэтому в своем возражении против оговорки Сирии к Венской конвенции 1969 года Соединенные Штаты справедливо отметили, что

отсутствие договорных отношений между [Соединенными Штатами] и Сирийской Арабской Республикой в связи с определенными положениями части V никоим образом не изменяет обязанность последней выполнять все вытекающие из этих положений обязательства, которые на нее налагаются международным правом, независимо от Венской конвенции о праве международных договоров[312].

128. В своем особом мнении, приложенном к решению МС 1969 года по делам *North Sea Continental Shelf* судья Серенсен так охарактеризовал нормы, применяющиеся в случае формулирования оговорок к декларативному положению обычного права:

право делать оговорки к договорному положению не зависит от того, рассматривается ли данное положение в качестве общепризнанной нормы права. В обоснование этого мнения мне достаточно отметить, что был сделан ряд оговорок к определенным положениям Конвенции об открытом море, хотя положения этой конвенции, согласно ее преамбуле, носят "общий характер декларации установленных принципов международного права". Хотя против некоторых из этих оговорок выступили другие договаривающиеся государства, другие же оговорки были молчаливо признаны. Такое молчаливое или четко выраженное согласие на оговорку со стороны договаривающейся стороны не лишает Конвенцию в целом или соответствующие статьи в частности ее декларативного характера. Оно только устанавливает особые договорные отношения между заинтересованными сторонами в общих рамках обычного права, закрепленного в Конвенции. Если эта обычная норма не относится к категории общего международного права, такие особые договорные отношения сами по себе не являются недействительными. Поэтому нет никакого несоответствия между правом делать оговорки к определенным статьям Конвенции о континентальном шельфе и признанием этой конвенции или конкретных статей в качестве общепризнанных норм международного права[313].

129. Из этого следует, что обычный характер нормы, содержащейся в положении договора, сам по себе не исключает возможности формулировать оговорку, а лишь означает, что такая оговорка не может никоим образом ставить под сомнение обязательный характер этой конкретной нормы в отношениях между государством или международной организацией, формулирующими оговорку, и другими государствами или международными организациями, независимо от того, являются ли они участниками договора. Эти два основополагающих принципа должны быть изложены в проекте руководящего положения 3.1.8:

"3.1.8 *Оговорки к положению, содержащему обычную норму*

1. Обычный характер нормы, содержащейся в положении договора, сам по себе не исключает возможности формулирования оговорки к этому положению.

2. Оговорка к положению договора, содержащему обычную норму, не изменяет обязательного характера этой обычной нормы в отношениях между государством или международной организацией, формулирующими оговорку, и другими государствами или международными организациями, которые связаны этой нормой".

130. Несколько усложненный характер формулировки последней части пункта 2 проекта руководящего положения 3.1.8 объясняется разнообразием ratione loci обычных норм: хотя некоторые из них могут иметь всеобщее применение, другие действуют лишь на региональном уровне[314] и даже только на двустороннем уровне[315].

vi) *Оговорки к положениям, содержащим нормы общего международного права или нормы, не допускающие отступлений*

131. По мнению Рейтера, поскольку оговорка, в силу ее признания другими участниками, устанавливает "договорные отношения" между участниками, оговорка к положению договора, содержащему императивную норму общего международного права, недопустима: такое со-

---

[310] В поддержку этой позиции см. Jennings and Watts, *Oppenheim's International Law*, p. 1244; Teboul, loc. cit., p. 711; and Weil, "Vers une normativité relative en droit international?", pp. 43–44. См. также авторов, цитируемых выше в сноске 286, и Schabas, "Reservations to human rights treaties …", p. 56. Рейтер занимает противоположную позицию: "… обычная норма перестает применяться в отношениях между государством, формулирующим оговорку, и участниками, которые воздерживаются от представления возражений против нее, поскольку в соответствии с договорным режимом, возникшим после установления обычной нормы, ее применение было приостановлено" ("Solidarité et divisibilité …"), p. 631 (или *Le développement de l'ordre juridique* …", p. 370); аналогичный довод см. в Teboul, *loc. cit.*, pp. 690 and 708. Против этих доводов существуют серьезные возражения: см. пункт 132, ниже.

[311] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984*, p. 424, para. 73; см. также особое мнение судьи Морелли (сноска 277, выше), p. 198.

[312] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), vol. II, p. 361; см. также сноски 226–228, выше, и возражения Нидерландов и Польши (пункт 116, выше).

[313] *I.C.J. Reports 1969* (см. сноску 89, выше), p. 248.

[314] См., в частности, решения МС по делу *Asylum,Judgment, I.C.J. Reports 1950*, pp. 276–277; решение Суда от 27 августа 1952 года по делу *Fisheries, Judgment, I.C.J. Reports 1951*, pp. 136–139; и решение Суда по делу *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco, Judgment, I.C.J. Reports 1952*, p. 200.

[315] См. решение МС от 12 апреля 1960 года по делу , *Right of Passage over Indian Territory, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1960*, p. 39.

глашение станет автоматически недействительным в силу принципа, закрепленного в статье 53 Венской конвенции 1969 года[316].

132. Против этого довода имеются серьезные возражения: в его основе лежит один из постулатов школы "противопоставления", в соответствии с которым вопрос о действительности оговорок оставляется исключительно на субъективное усмотрение договаривающихся сторон и разъясняется лишь в положениях статьи 20 Венских конвенций 1969 года и 1986 года[317]. Однако это отнюдь не очевидно[318]; в этом доводе механизм формулирования оговорок относится к чисто договорному процессу, тогда как оговорка представляет собой *односторонний* акт, который связан, безусловно, с договором, но не имеет внешних последствий: по определению, оговорка имеет целью "исключить или изменить юридическое действие *определенных положений договора** в их применении" к государству, формулирующему оговорку[319], и, если оговорка признается, она имеет именно такие последствия[320]; однако, независимо от того, признается ли оговорка, она не затрагивает "окружающее" международное право; она затрагивает юридическое положение заинтересованных государств только в их *договорных отношениях*[321].

133. Другие авторы – а их больше – настаивают на несовместимости любой оговорки к положению, отражающему императивную норму общего международного права, либо не приводя никаких разъяснений[322], либо утверждая, что такая оговорка автоматически противоречит объекту и целям Договора[323].

134. Такую же позицию занял также Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 24:

> Оговорки, нарушающие императивные нормы, не совместимы с объектом и целями Пакта[324].

Эта формулировка является спорной[325] и в любом случае не может быть обобщена: вполне вероятно то, что договор может содержать лишь косвенную ссылку на норму общего международного права, которая, однако, не является объектом и целью договора.

135. Тем не менее отмечалось, что "положение, запрещающее отступления от нормы общего международного права, применяется не только к договорным отношениям, но и ко всем юридическим актам, включая односторонние акты"[326]. Это, безусловно, именно так и представляет собой, по правде говоря, единственный интеллектуально убедительный аргумент в поддержку того, чтобы в обоснование оговорок к императивным положениям не приводился довод, который в принципе не исключает возможности формулирования оговорок к положениям договоров, содержащим обычные нормы[327].

136. Формулируя оговорку, государство может действительно попытаться освободить себя от действия той нормы, к которой относится оговорка, а в случае императивной нормы общего международного права об этом не может быть и речи[328] – тем более что нельзя допустить, чтобы последовательно возражающая сторона нарушила такую норму. Однако цели государства, формулирующего оговорку, могут быть иными: признав содержание нормы, оно может пожелать избежать вытекающих из нее последствий, особенно тех из них, ко-

---

[316] "Solidarité et divisibilité …", pp. 630–631 (или *Le développement de l'ordre juridique* …", p. 370). См. также Teboul, loc. cit., pp. 690 and 707.

[317] "В соответствии с режимом Конвенции действительность оговорки зависит от того, признается ли она другим государством, а не от того, отвечает ли она требованию совместимости с объектом и целями Договора" (Ruda, loc. cit., p. 190).

[318] Обоснованность оговорки будет более подробно обсуждаться в разделе, посвященном последствиям оговорок, – скорее всего в одиннадцатом докладе Специального докладчика. В любом случае Комиссии, несомненно, следует всячески избегать поспешного составления своего ответа по этому весьма важному и сложному вопросу.

[319] Статья 2, пункт 1 *d* Венской конвенции 1969 года.

[320] См. статью 21 Конвенции 1969 года.

[321] См. пункт 126, выше.

[322] См., например: Riquelme Cortado, op. cit., p. 147. См. также второй доклад об оговорках к международным договорам, представленный Специальным докладчиком, *Ежегодник.., 1996 год* (сноска 27, выше), пункты 141–142, стр. 72–73.

[323] См. также особое мнение судьи Танаки по делам *North Sea Continental Shelf, I.C.J. Reports 1969* (сноска 89, выше), p. 182.

[324] Замечание общего порядка № 24 (см. сноску 227, выше), пункт 8. В своих комментариях Франция (A/51/40 (см. сноску 290, выше, пункт 3, стр. 114) не без оснований заявляет, что "[п]ункт 8… составлен таким образом, что, как представляется, в этом документе практически отождествляются два различных юридических понятия – понятие "императивных норм" и понятие "норм обычного международного права".

[325] См. сомнения на этот счет, выраженные Соединенными Штатами, которые в своем комментарии к замечанию общего порядка № 24 транспонируют на положения, содержащие императивные нормы, решение, применяющееся к тем положениям, в которых сформулированы обычные нормы:

> "Ясно, что государство не может освободить себя от обязательства соблюдения императивной нормы международного права, сделав оговорку к Пакту. И совсем не ясно, что государство не может предпочесть исключить какие-либо средства обеспечения соблюдения конкретных норм, сделав оговорку против включения этих норм в свои обязательства по Пакту".

(A/50/40 (см. сноску 230, выше), стр. 129).

[326] Teboul, loc. cit., p. 707, сноска 52, отсылающая к Sicault, "Du caractère obligatoire des engagements unilatéraux en droit international public", p. 663, и к вышеупомянутой доктрине.

[327] Это заведомо справедливо, если "пару" оговорка/согласие рассматривать в качестве соглашения об изменении договора в отношениях между двумя соответствующими государствами. См. Coccia, *loc. cit.*, pp. 30–31; однако этот анализ малоубедителен.

[328] Существует, конечно, немного примеров оговорок, явно нарушающих нормы общего международного права. См., однако, оговорку, сформулированную Мьянмой при присоединении в 1991 году к Конвенции о правах ребенка, в соответствии с которой эта страна сохранила за собой возможность не применять статью 37 Конвенции и осуществлять "полномочия по аресту, изоляции, допросу, дознанию и расследованию" в отношении детей в целях "защиты высших национальных интересов" ("Многосторонние договоры, в отношении которых Генеральный секретарь выполняет функции депозитария" (United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), p. 326, note 29). Эта оговорка, против которой возразило четыре государства (которые возразили против ссылки на внутреннее законодательство, а не против несовместимости этой оговорки с императивной нормой), была снята в 1993 году (ibid.).

торые касаются контроля[329], и в этой связи нет причин, которые не позволяли бы приводить в отношении императивных норм тот же довод, который используется только в отношении обязательных обычных норм. Однако, как это ни печально, оговорки не всегда – и на самом деле редко – обосновываются; поэтому в отсутствие четких обоснований другим договаривающимся сторонам или органам контроля невозможно убедиться в действительности оговорки и в таких случаях целесообразно применять тот принцип, что любая оговорка к положению, содержащему норму общего международного права, является недействительной в силу самого этого права.

137. Однако этот вывод должен сопровождаться двумя важными предостережениями. Во−первых, этот запрет проистекает не из подпункта *c* статьи 19 Венской конвенции, а, с учетом соответствующих различий, из принципа, изложенного в статье 53. Во−вторых, существуют другие пути, с помощью которых государства могут избежать последствий включения в договор императивной нормы общего международного права: они могут сформулировать оговорку не к соответствующему основному положению, а к "вторичным" статьям, регулирующим договорные отношения (контроль, урегулирование споров, толкование), даже если тем самым ограничивается сфера действия конкретного основного положения[330].

138. Весьма похожей, на первый взгляд, является проблема оговорок к тем положениям договоров о правах человека, которые не допускают отступлений[331]. И государства нередко приводят в обоснование своих возражений против таких положений тот довод, что в договоре запрещается любое отступление от их применения[332].

139. Очевидно, что, поскольку положения, не допускающие отступлений, касаются норм общего международного права, доводы, приводимые в отношении этих норм, относятся также и к вышеупомянутым положениям[333]. Однако такие положения и нормы не всегда бывают абсолютно идентичными[334]. Как отметил Комитет по правам человека:

> Хотя не существует автоматической связи между оговорками к положениям, не допускающим отклонений, и оговорками, которые умаляют объект и цель Пакта, на государстве лежит тяжелое бремя доказать необходимость такой оговорки[335].

Последняя фраза представляет собой просто петицию в поддержку принципа, который, безусловно, мотивируется похвальными причинами, но не основан ни на каком правовом принципе. Хотя Комиссия могла бы одобрить эту позицию, она должна иметь в виду, что в этом случае она будет заниматься прогрессивным развитием международного права, а не его кодификацией в строгом смысле этого слова.

140. Кроме того, из обратного следует, что, по мнению Комитета, если норма, не допускающая отступлений, не относится к общему международному праву, она в принципе может быть объектом оговорки. С другой стороны, в своем консультативном заключении от 8 сентября 1983 года по вопросу *Restrictions to the Death Penalty* Межамериканский суд по правам человека заявил следующее:

> Статья 27 Конвенции позволяет государствам-участникам приостанавливать, в случае войны, общественной опасности или любой другой чрезвычайной ситуации, которая угрожает их независимости или безопасности, выполнение своих обязательств по Конвенции при условии, что это решение не влечет за собой приостановления или отступления от выполнения определенных основных и неотъемлемых прав, включая право на жизнь, гарантируемое статьей 4. Из этого следует, что любая оговорка, сформулированная государством с целью приостановить применение любого из основных прав, отступления от которых полностью запрещены, должна считаться не совместимой с объектом и целями Конвенции и, следовательно, запрещенной ею. Ситуация была бы иной, если бы оговорка была направлена просто на ограничение определенных аспектов такого неотъемлемого права, не умаляя при этом его основной цели. Поскольку оговорка, на которую Комиссия ссылается в настоящем запросе, не предусматривает, по-видимому, отрицания права на жизнь как такового, Суд приходит к выводу, что в данном случае оговорка не может в принципе считаться не совместимой с объектом и целями Конвенции[336].

141. В противовес любому заявлению о возможности формулирования оговорок к положению, не допускающему отступлений, было заявлено, что когда договором исключается любое приостановление предусмотренных в нем обязательств, "какие бы более веские основания ни приводились, не должна признаваться никакая оговорка, сформулированная государством без указания сроков ее снятия; подобные оговорки никоим образом не совместимы с объектом и целями таких догово-

---

[329] См. пункт 120, выше.

[330] См. в этой связи, например, оговорки Малави и Мексики к Конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 года, в которых применение статьи 16 (Разрешение споров и юрисдикция Суда) было поставлено в зависимость от их факультативных заявлений, сделанных в соответствии со статьей 36, пункт 2, Статута МС (United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), vol. II, p. 112. Нет никаких сомнений в том, что такие оговорки в принципе не запрещены; см. пункт 96, выше.

[331] В связи с этим вопросом см., в частности, Riquelme Cortado, op. cit., pp. 152–159.

[332] См. статью 4, пункт 2, Пакта о гражданских и политических правах, статью 15, пункт 2, Европейской конвенции (см. также статью 3 Протокола № 6, пункт 3 статьи 4 Протокола № 7, статью 2 Протокола № 13) или статью 27 Межамериканской конвенции. Ни Пакт об экономических, социальных и культурных правах, ни Африканская хартия не содержат таких условий (см. Ouguergouz, "L'absence de clause de dérogation dans certains traités relatifs aux droits de l'homme: les réponses du droit international général").

[333] См. замечание общего порядка № 24 Комитета по правам человека: "в любом случае не может быть сделана оговорка [в отношении определенных прав, например запрещения пыток и произвольного лишения жизни] из-за их статуса как императивных норм" (сноска 230, выше), пункт 10, стр. 123).

[334] См. замечание общего порядка № 29, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 40 (*A/56/40), том I, приложение VI, пункт 11, стр. 210–211. См. также Riquelme Cortado, op. cit., pp. 153–155, и Teraya, "Emerging hierarchy in international human rights and beyond: from the perspective of non-derogable rights".

[335] Замечание общего порядка № 24 (see сноску 230, выше), пункт 10.

[336] Inter-American Court of Human Rights (см. сноску 198, выше), pp. 83–84, para. 61.

ров"[337]. Это неубедительный аргумент: одно дело не иметь возможности отступить от положения, имеющего обязательную силу; другое дело – определить, имеет ли данное положение обязательную силу для этого государства[338]. Ведь речь идет о решении именно этой второй проблемы.

142. Поэтому необходимо признать, что, хотя определенные оговорки к положениям, не допускающим отступлений, конечно исключены – либо потому, что они нарушают императивную норму, либо потому, что они противоречат объекту и целям договора, – в действительности дела не всегда обстоят таким образом[339]. Неотъемлемый характер права, находящегося под защитой договора о правах человека, сам по себе не исключает возможности формулирования оговорки, если она относится лишь к определенным ограниченным аспектам осуществления данного права; однако такой характер права свидетельствует о его важном значении и представляет собой полезный критерий для оценки принципов, лежащих в основе объекта и целей договора.

143. Наглядным примером этого сбалансированного решения является возражение Дании против оговорок Соединенных Штатов к статьям 6–7 Пакта о гражданских и политических правах:

Дания обращает внимание на пункт 2 статьи 4 Пакта, в соответствии с которым, даже когда во время чрезвычайного положения в государстве жизнь нации находится под угрозой, это не может служить основанием для каких-либо отступлений от ряда основополагающих статей, к которым относятся статьи 6 и 7.

По мнению Дании, оговорка Соединенных Штатов в отношении смертной казни за преступления, совершенные лицами в возрасте до 18 лет, а также оговорка 3 к статье 7 представляют собой общие отступления от статей 6 и 7, тогда как в соответствии с положениями пункта 2 статьи 4 Пакта такие отступления не разрешаются.

Поэтому и с учетом того, что статьями 6 и 7 обеспечивается защита двух из важнейших прав, закрепленных в Пакте, правительство Дании считает вышеупомянутые оговорки несовместимыми с объектом и целями Пакта; Дания возражает в этой связи против указанных оговорок[340].

Дания выступила против этих оговорок Соединенных Штатов не потому, что они касаются неотъемлемых прав, а потому, что в том виде, в каком они сформулированы, они сводят на нет саму суть этих основных положений. Следует также отметить, что в ряде случаев участники не высказали никаких возражений против оговорок к положениям, которые не допускают никаких отклонений[341].

144. В то же время тот факт, что от какого-либо положения могут в принципе делаться отступления, не означает, разумеется, что любая оговорка к этому положению будет действительной[342]. К такой оговорке также применяется критерий совместимости с объектом и целями договора.

145. Напрашивается ряд замечаний:

a) во-первых, при определении действительности оговорок применяются различные принципы в зависимости от того, относятся ли эти оговорки к положениям, содержащим нормы общего международного права, или к нормам, не допускающим отступлений;

b) в первом случае все оговорки запрещены, поскольку они могут поставить под угрозу целостность императивной нормы, применение которой (в отличие от обычных норм, которые допускают отступления) должно иметь единообразный характер;

c) однако во втором случае сохраняется возможность формулирования оговорок при том условии, если они не ставят под сомнение принцип, закрепленный в договорной норме; в этой ситуации полностью применяются методологические критерии, изложенные в проекте руководящего положения 3.1.6[343].

146. Поскольку между этими двумя случаями существует принципиальная разница, их желательно, по-видимому, рассмотреть в двух отдельных проектах руководящих положений:

"3.1.9 *Оговорки к положениям, содержащим норму общего международного права*

Государство или международная организация не могут формулировать оговорку к положению договора, содержащему императивную норму общего международного права".

---

[337] Ibid., *Blake* case, *Reparations (art. 63(1) of the American Convention on Human Rights)*, Judgment of 22 January 1999, Series C No. 48. Индивидуальное мнение А. А. Кансадо Триндаде, p. 101, para. 11; см. также комментарий в поддержку этого мнения Рикельме Кортадо, op. cit., p. 155. См. далее в этой связи возражение Нидерландов (сноска 340, ниже).

[338] См. комментарий Соединенного Королевства к замечанию общего порядка № 24 Комитета по правам человека: "Отступление от формально принятого на себя обязательства и нежелание принимать на себя обязательство – это прежде всего не одно и то же" (сноска 290, выше), пункт 6, стр. 133).

[339] См. заключительный рабочий документ, представленный Фрасуазой Хэмпсон (сноска 230, выше), пункт 52; Higgins, "Human rights: some questions of integrity", p. 15; McBride, loc. cit., pp. 163–164; Polakiewicz, op. cit., p. 113, и Redgwell, op. cit., "Reservations to treaties …", p. 402; противоположное мнение: Lijnzaad, op. cit., p. 91.

[340] United Nations, *Multilateral Treaties* ... (см. сноску 220, выше), p. 186; см. также – хотя они и в меньшей степени мотивированы обязательным характером статей 6 и 7 – оговорки Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Норвегии и Финляндии (которые уточняют (ibid., p. 189), что оговорка Соединенных Штатов к статье 7 "равнозначна общему отступлению от этой статьи, тогда как согласно положениям статьи 4 Пакта любые отступления запрещены, даже во время чрезвычайного положения в государстве"), Норвегоо, Португалии или Швеции (ibid., pp. 186–191).

[341] См. многочисленные примеры, приведенные Шабасом в отношении Международного пакта о гражданских и политических правах и европейской и американской конвенций о правах человека, op. cit., "Reservations to human rights treaties", pp. 51–52, сноска 51.

[342] См. Redgwell, op. cit.,"Reservations to treaties …", p. 402.

[343] "Определение объекта и цели договора" (см. пункт 91, выше).

"3.1.10 *Оговорки к положениям, касающимся неотъемлемых прав*

Государство или международная организация могут формулировать оговорку к положению договора, касающемуся неотъемлемых прав, при условии, что эта оговорка не является не совместимой с основными правами и обязательствами, вытекающими из этого положения. При определении совместимости оговорки с объектом и целями данного положения следует учитывать то важное значение, которое участники придали этим правам, признав их неотъемлемыми".

D. Определение действительности оговорок и их последствий

147. Следует признать, что хотя понятие объекта или цели договора и не столь "загадочно", как об этом было написано[344], оно нелегко поддается научной систематизации и неизбежно оставляет место для субъективного подхода толкователя[345], которому в каждом конкретном случае надлежит дать конкретную оценку, принимая во внимание, в частности, элементы, упомянутые в проекте руководящего положения 3.1.6[346], с учетом характера нормы (обычной, неотъемлемой, императивной), к которой относится оговорка (даже если на самом деле это определение непосредственно не связано с определением объекта и цели[347]).

148. Тем не менее не следует преувеличивать связанные с этим неудобства. В конце концов эти руководящие положения, представляющие собой общие ориентиры, которым должен добросовестно следовать толкователь, не являются более неопределенными, чем те, которые вытекают из правил, изложенных в статьях 31–32 Венской конвенции 1969 года, к которым они, впрочем, очень близки[348]; между тем, как об этом было справедливо сказано, речь идет об "одном из самых выдающихся успехов" Конвенции[349]. И если осуществление этих руководящих положений на практике не обязательно происходит легко, они не создают непреодолимых проблем и являются достаточно эффективными.

149. Следовательно, хотя Венские конвенции 1969 и 1986 годов абсолютно точно не предусматривают никакого механизма урегулирования споров, которые могут возникнуть в связи с совместимостью оговорки с объектом и целью договора, которого она касается[350], подлинной проблемы определения того, кто компетентен определять совместимость (или несовместимость) оговорки с объектом и целью договора, не существует. Кроме того, как было указано выше, эта проблема возникает в той же форме, когда речь идет об определении соответствия оговорки договорному положению, запрещающему формулировать оговорки или ограничивающему такую возможность[351].

150. Эта констатация могла бы помочь снять остроту весьма оживленных дискуссий по вопросу о компетенции оценивать действительность оговорок, возвращение к которому также даст возможность вновь рассмотреть отдельные предварительные выводы по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним международным договорам, включая договоры по правам человека, принятые Комиссией в 1997 году[352]. С другой стороны, неопределенность институтов, уполномоченных оценивать действительность оговорок, приводит к дублированию полномочий, подлинных или потенциальных, еще больше затрудняет ответ на ключевой вопрос о последствиях несовместимости оговорки с предметом и целью договора или с положениями договора, прямо или косвенно запрещающими отдельные оговорки или категории оговорок.

1. Компетенция определять действительность оговорок

151. Само собой разумеется, что любой договор может включать специальное положение, предусматривающее особые процедуры оценки действительности оговорки – либо определенной долей государств-участников, либо органом, уполномоченным делать это. Одно из наиболее известных и наиболее часто комментируемых положений[353] в этой связи содержится в пункте 2 статьи 20 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации:

> Оговорки, не совместимые с целями и задачами настоящей Конвенции, не допускаются, равно как и оговорки, могущие препятствовать работе каких-либо органов, созданных на основании настоящей Конвенции. *Оговорка считается несовместимой или препятствующей работе, если по крайней мере две трети государств – участников Конвенции возражают против нее**[354].

---

[344] См. пункты 72 и 84, выше.

[345] См. пункт 72, выше.

[346] См. пункт 91, выше.

[347] См. пункты 120–125, 134–136 и 140–143, выше.

[348] См. пункт 86, выше.

[349] Reuter, op. cit., p. 96.

[350] См., например, Combacau, "Logique de la validité contre logique de l'opposabilité dans la Convention de Vienne sur le droit des traités", pp. 197–198 and 201–202; и Zemanek, "Some unresolved questions concerning reservations in the Vienna Convention on the Law of Treaties", p. 331.

[351] См. пункты 52–53, выше.

[352] *Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), пункт 157, стр. 64. См. также сноску 136, выше.

[353] См., например, Cassese, "A new reservations clause (article 20 of the United Nations Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination)"; Redgwell, op. cit., "The law of reservations …", pp. 13–14; и Riquelme Cortado, op. cit., pp. 317–322.

[354] См. также, например, статью 20 Конвенции о таможенных льготах для туристов от 4 июня 1954 года, которая допускает оговорки, "принятые на Конференции большинством ее членов и отраженные в заключительном акте" (пункт 1) или представленные после подписания, если треть договаривающихся государств не сделают оговорки в течение 90 дней после уведомления об оговорке Генеральным секретарем (пункты 2–3), и аналогичные положения содержатся в статье 14 Дополнительного протокола к этой Конвенции и в статье 39 Таможенной конвенции, касающейся временного ввоза частных дорожных перевозочных средств, и в пункте 3 статьи 50 Единой конвенции о наркотических средствах и в пункте 3 статьи 32 Конвенции о борьбе против незакон-

(*продолжение сноски на следующей стр.*)

152. Это положение об оговорке, безусловно, основано на безуспешных попытках включить в саму Венскую конвенцию 1969 года мажоритарный механизм оценки действительности оговорок[355]:

a) два из четырех предложений, представленных de lege ferenda в 1953 году г-ном Лаутерпахтом, обусловливали формулирование оговорки согласием двух третей заинтересованных государств[356];

b) г-н Фицморис не внес никакого конкретного предложения по данному вопросу, поскольку он придерживался строгого применения принципа единогласия[357]; тем не менее он неоднократно указывал, что коллективная оценка приемлемости оговорок представляла бы собой "идеальную" систему[358];

c) хотя сэр Хэмфри Уолдок также не предложил такой механизм в своем первом докладе в 1962 году[359], многие члены Комиссии выступили в его защиту[360];

d) в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров соответствующая поправка Республики Корея, Филиппин и Японии[361] была отвергнута большинством голосов[362], несмотря на поддержку нескольких делегаций[363]; эксперт-консультант сэр Хэмфри Уолдок[364], а также другие делегации[365] проявили большую сдержанность в отношении такого механизма коллективного контроля.

153. Тем не менее следует признать, что такие положения, несмотря на их кажущуюся привлекательность в интеллектуальном плане[366], далеко не решают все проблемы: на практике они не побуждают государства проявлять особую бдительность, которую можно было бы от них ожидать[367], и они оставляют без ответа важные вопросы:

a) исключают ли они имеющуюся у государств-участников возможность делать оговорки во исполнение положений пунктов 4 и 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года? С учетом весьма большой свободы действий, которой располагают государства в этой свя-

(*продолжение сноски 354*)

ного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в которых регулируются вопросы допустимости оговорок при отсутствии возражений со стороны трети договаривающихся государств.

[355] Резюме обсуждений по данному вопросу в Комиссии и на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров, см. Riquelme Cortado, op. cit., pp. 314–315.

[356] Альтернативные проекты A и B, в первом докладе по праву договоров (*Ежегодник.., 1953 год* (сноска 22, выше), стр. 91–92 англ. текста). В альтернативных проектах C и D задача определения приемлемости оговорок возлагается соответственно на комиссию, созданную государствами-участниками, и на камеру суммарного судопроизводства МС (ibid., p. 92); см. также предложения, представленные при разработке Пакта о правах человека и воспроизведенные во втором докладе г-на Лаутерпахта (*Ежегодник.., 1954 год* (сноска 22, выше), стр. 132 англ. текста).

[357] Первый доклад, *Ежегодник.., 1956 год* (см. сноску 22, выше), стр. 115–116 и 126–127 англ. текста.

[358] Fitzmaurice, op. cit.,"Reservations …", p. 23.

[359] *Ежегодник ... 1962 год*, том II (см. сноску 23, выше).

[360] См., в частности, г-н Бриггс, *Ежегодник.., 1962 год*, том I, 651-е заседание, пункт 28, и 652-е заседание, пункты 73–74; г-н Грос, 654-е заседание, пункт 43; г-н Бартош, там же, пункт 56; с противоположным мнением: г-н Розенн, 651-е заседание, пункт 83; г-н Тункин, 653-е заседание, пункты 24–25, и 654-е заседание, пункт 31; г-н Хименес де Аречага, 653-е заседание, пункт 47; и г-н Амадо, 65-е заседание, пункт 34. Сэр Хэмфри предложил альтернативный вариант, отражающий эти мнения (см. 654-е заседание, пункт 16), который, будучи не принят Комиссией, тем не менее был отражен в комментариях по проектам статей 18–20 (*Ежегодник.., 1962 год* (см. сноску 18, выше), пункт 11, стр. 179 англ. текста) и в комментариях по проектам статей 16 и 17 (*Ежегодник.., 1966 год* (см. сноску 18, выше), пункт 11, стр. 205 англ. текста). См. также четвертый доклад сэра Хэмфри, *Ежегодник.., 1965 год* (см. сноску 20, выше), пункт 3, стр. 49 англ. текста.

[361] Поправка к пункту 2 статьи 16 предусматривала, что, если "возражения сформулированы большинством договаривающихся государств на дату истечения указанного периода в двенадцать месяцев, подписание, ратификация, принятие, утверждение этой оговорки или присоединение к ней не имеют юридической силы" (A/CONF.39/C.1/L.133/Rev.1), *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (см. сноску 28, выше), para. 177 i) *a*)). Первоначально в поправке (A/CONF.39/C.1/ L.133) предлагалось сократить этот период с двенадцати до трех месяцев. См. также выступление представителя Японии на Конференции, там же (сноска 31, выше), 21-е заседание, пункт 29, стр. 110 англ. текста, и 24-е заседание, пункты 62–63, стр. 113 англ. текста); и аналогичную поправку Австралии (A/CONF.39/C.1/L.166 ibid. (сноска 28, выше), пункт 179 v) *f*) и vii)), стр. 136 англ. текста, которую она впоследствии сняла (там же, пункт 181). Не представляя официального предложения, Соединенное Королевство указало, что "безусловно, необходимо создать механизм, обеспечивающий объективное применение критерия сопоставимости, посредством либо внешнего органа, либо коллегиальной системы, когда значительное число заинтересованных государств считают, что оговорки не совместимы с объектом и целью договора" (там же (сноска 31, выше), 21-е заседание, para. 76, стр. 114 англ. текста).

[362] 48 голосов против 14 при 25 воздержавшихся (там же (см. сноску 28, выше), пункт 182 *c*, стр. 136 англ. текста).

[363] Вьетнам (ibid. (см. сноску 31, выше), 21-е заседание, пункт 22), Италия (22-е заседание, пункт 79), Китай (23-е заседание, пункт 3), Сингапур (там же, пункт 16), Новая Зеландия (24-е заседание, пункт 18), Индия (там же, пункты 32 и 38), Замбия (там же, пункт 41), Гана (22-е заседание, пункт 71–72). Швеция, поддержав в принципе идею создания механизма контроля, указала, что предложение Японии является "попыткой найти решение этой проблемы" (там же, пункт 32). См. также оговорки, сделанные Соединенными Штатами (24-е заседание, пункт 49) и Швейцарией (25-е заседание, пункт 9).

[364] В отношении поправки, предложенной Японией и другими делегациями (см. сноску 361, выше), эксперт-советник указал, что "предложения такого рода, несмотря на лежащие в их основе благие намерения, сместят равновесие в сторону строгого регулирования и, возможно, еще больше затруднят достижение общего согласия по оговоркам. Кроме того, такая система, возможно, останется лишь в теории, поскольку государства неохотно высказывают возражения против оговорок" (там же, 24-е заседание, пункт 9).

[365] Таиланд (там же, 21-е заседание, пункт 47), Аргентина (24-е заседание, пункт 45), Чехословакия (пункт 69), Эфиопия (там же, 25-е заседание, пункт 17).

[366] Тем не менее могут возникать сомнения в обоснованности коллегиальной системы, учитывая, что сама цель оговорки как раз и заключается в "сохранении позиции государства, которое считает важным положение, которое не получило одобрения большинства в две трети" (г-н Хименес де Аречага, *Ежегодник.., 1962 год,* том I, 654-е заседание, пункт 37). См. также резкую критику Кассесе, loc. cit., passim и, в частности, стр. 301–304 англ. текста.

[367] По вопросу о бездействии государств в данной области см. соображения, высказанные экспертом-советником на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров (сноска 364, выше), и Imbert, op. cit., pp. 146–147, и Riquelme Cortado, op. cit., pp. 316–321; см. также пункт 186, ниже.

зи, безусловно, напрашивается отрицательный ответ; кроме того, государства, возражающие против оговорок, сформулированных в соответствии со статьей 20 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, поддержали их[368], несмотря на отсутствие поддержки их позиции двумя третями государств-участников, необходимой для "объективного" определения несовместимости в соответствии с этим положением.

b) с другой стороны, учрежденный в соответствии со статьей 20 механизм удержал учрежденный Конвенцией Комитет по ликвидации расовой дискриминации от формулирования своей позиции по вопросу о действительности оговорок[369], что ставит вопрос о том, осуществляется ли оценка, когда это уместно или же, при отсутствии конкретных механизмов оценки, наблюдательные органы должны воздерживаться от выражения своего мнения. По правде сказать, ничто не обязывает их делать это: как только допускается, что такие механизмы превалируют над предусмотренными договорами процессами определения действительности оговорок и что органы по правам человека призваны высказываться по этому вопросу в рамках осуществления своего мандата[370], они могут делать это во всех случаях на тех же правах, что и государства.

154. По сути ожесточенный теоретический спор по этому вопросу обусловлен сочетанием нескольких факторов:

a) вопрос фактически возникает лишь в связи договорами по правам человека;

b) если это так, то прежде всего потому, что именно в этой области и только в ней современные договоры почти систематически создают механизмы контроля за осуществлением содержащихся в них норм; между тем, поскольку никто и никогда не оспаривал компетенцию судьи или арбитра оценивать действительность оговорки, в том числе ее совместимость с объектом и целью договора, к которому она относится[371], договоры по правам человека предоставляют создаваемым в соответствии с ними органам различные полномочия (некоторые из них, действующие на региональном уровне, могут издавать обязательные для выполнения постановления, другие же, включая Комитет по правам человека, могут направлять государствам рекомендации общего характера или связанные с индивидуальной жалобой);

c) это явление относительно ново и не было принято во внимание составителями Венской конвенции 1969 года;

d) кроме того, органы по правам человека имеют особенно расширительное понимание своей компетенции в этой области: они не только признали себя компетентными оценивать совместимость оговорки с объектом и целью конвенции, в соответствии с которой они созданы, но и, как представляется, считают, что они располагают для этого директивными полномочиями, даже если они и не были ими наделены[372], и, применяя концепцию "раздельного подхода", они объявили государства-авторы оговорок, которые они признали недействительными, связанными договором, в том числе тем положением или положениями, которых касаются эти оговорки[373];

e) тем самым они вызвали возражения государств, не желающих быть связанными договором вне приемлемых для них рамок, которые они намерены изменять как можно свободно; некоторые из них отреагировали особенно решительно и пошли даже на отрицание наличия у соответствующих органов полномочий в этой области[374];

f) к этому следует добавить сверхчувствительность в этом вопросе сторонников прав человека и правозащитной доктрины, что отнюдь не способствовало урегулированию спора, который между тем в значительной степени носит искусственный характер.

155. На самом деле положение дел, безусловно, не столь сложно, как об этом обычно пишут, что не означает, что ситуация является абсолютно удовлетворительной. Во-первых, нет сомнений в том, что органы по правам человека компетентны высказывать свое мнение – рассматривая – в ходе выполнения своего мандата – вопрос о

---

[368] См. United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), pp. 144–149.

[369] "Комитет должен учитывать оговорки, сделанные государствами-участниками во время ратификации или присоединения; он не имеет права поступать иначе; решение – даже единодушное, принятое Комитетом в отношении того, что оговорка неприемлема, не может иметь никаких правовых последствий" (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, тридцать третья сессия, Дополнение № 18* (A/33/18), пункт 374 *a*). См. на эту тему замечания Imbert, op. cit., “Reservations and human rights …”, pp. 41–42; и Shelton, “State practice on reservations to human rights treaties”, pp. 229–230. Тем не менее, недавно Комитет по ликвидации расовой дискриминации несколько смягчил свою позицию; так, в 2003 году он указал в отношении оговорки, сформулированной Саудовской Аравией, что "[ш]ирокие и неуточненные рамки общей оговорки государства-участника вызывают обеспокоенность с точки зрения ее соответствия предмету и целям Конвенции. Комитет призывает государство-участник пересмотреть данную оговорку, с тем чтобы официально отказаться от нее" (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят восьмая сессия, Дополнение № 18* (A/58/18), пункт 209).

[370] См. пункт 157, ниже.

[371] См. сноску 383, ниже.

[372] См. в этой связи комментарии в Aust, op. cit., pp. 122–123.

[373] Общее замечание № 24 (сноска 230, выше), пункт 18; сообщение № 845/1999 (сноска 232, выше). Это решение вынудило соответствующее государство денонсировать Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (см. United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), p. 227), что не помешало Комитету в последующем решении от 26 марта 2002 года считать, что Тринидад и Тобаго нарушил несколько положений Пакта, в том числе положение, которого касалась оговорка (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 40* (A/57/40), том II, приложение IX.T).

[374] См., в частности, резкие критические замечания Франции (A/51/40 (сноска 293, выше)), стр. 114–116, Соединенных Штатов (там же), p. 127, и Соединенного Королевства (A/50/40 (сноска 230, выше)), стр. 114–116.

действительности оговорки, в том числе, разумеется, о ее совместимости с объектом и целью конвенции[375]. Действительно, необходимо признать, что эти органы не могли бы выполнять возложенные на них функции, если бы они не могли быть уверены в своей конкретной компетенции в отношении соответствующих государств – либо в связи с рассмотрением запросов государств или отдельных лиц или периодических докладов, либо при выполнении консультативных функций; поэтому в их полномочия входит определение действительности оговорок, сделанных государствами-участниками договоров, в соответствии с которыми эти органы созданы[376]. Во−вторых, они не располагают в этой связи ни большими, ни меньшими полномочиями, чем в любых других вопросах: Комитет по правам человека и другие универсальные органы по правам человека, не имеющие директивных полномочий, не располагают ими и в отношении оговорок; региональные судебные инстанции, которые могут выносить решения, имеющие характер судебного постановления, имеют такие полномочия, но в определенных рамках[377]. Действительно, в−третьих и в заключение, если все органы по правам человека (или органы по регулированию споров) могут оценивать действительность оспариваемой оговорки, они не могут заменить своей собственной оценкой согласие государства быть связанным договором[378].

156. Действительно, само собой разумеется, что компетенция этих органов не затрагивает компетенции государств соглашаться с оговорками, определяемыми и регулируемыми статьями 20, 21 и 23 Венской конвенции 1969 года, или возражать против них[379]. Также ничто не препятствует национальным судебным органам определять, в случае необходимости, действительность формулируемых государством оговорок в связи с представленным на их рассмотрение спором[380], в том числе определять соответствие этих оговорок объекту и цели договора в тех случаях, когда они уполномочены обеспечивать применение норм международного договорного права – для государств – участников Конвенции, или обычного права, – поскольку изложенный в статье 19 *c* принцип имеет признаки обычного права[381].

157. Разумеется, этой компетенцией определять действительность оговорки могут также обладать международные судебные или арбитражные органы. Так дело, безусловно, обстояло бы в том случае, если бы договором конкретно предусматривалось вмешательство судебного органа для вынесения решения по спору, касающемуся действительности оговорок, однако, как представляется, соответствующего положения об оговорке не существует, в то время как данный вопрос неизбежно должен определяться в судебном порядке[382]. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что решение по такому спору может быть вынесено любым органом, назначенным сторонами для высказывания своего мнения по спорам, касающимся толкования или применения договора. Поэтому следует считать, что любое общее положение о регулировании споров устанавливает компетенцию органа, назначенного сторонами в этой области. Такова, собственно, была позиция МС, выраженная в его консультативном заключении 1951 года *Reservations to the Convention on Genocide*:

> может возникнуть ситуация, когда отдельные стороны, считая несовместимым с целями Конвенции согласие с оговоркой, данное другими сторонами, примут решение рассматривать этот спор в судебном порядке и добиваться урегулирования возникшего таким образом спора либо путем компромисса, либо с помощью средств, указанных в статье IX Конвенции[383].

---

[375] См. пункт 5 предварительных выводов Комиссии 1997 года по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека: "при отсутствии в таких договорах положений по данному вопросу наблюдательные органы, учрежденные в соответствии с ними, обладают компетенцией высказывать замечания и выносить рекомендации в отношении, среди прочего, допустимости оговорок государств, с тем чтобы выполнять возложенные на них функции" (*Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65).

[376] Для получения исчерпывающего представления о позиции наблюдательных органов, созданных в соответствии с договорами по правам человека, см. *Ежегодник.., 1996 год* (сноска 27, выше), пункты 193–210, стр. 82–86; и Greig, loc. cit., pp. 90–107; и в отношении конкретно органов Конвенции по правам человека, Cameron and Horn, loc. cit., pp. 87–92.

[377] Ср. пункт 8 предварительных выводов Комиссии по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека: "Комиссия отмечает, что юридическая сила заключений, сделанных наблюдательными органами при осуществлении их полномочий по рассмотрению оговорок, не может преобладать над юридической силой заключений, сделанных на основе полномочий, предоставленных этим органам для выполнения ими своей роли в осуществлении общего наблюдения" (*Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65).

[378] В этой связи Комиссия в пунктах 6 и 10 своих предварительных выводов по вопросу об оговорках к нормативным многосторонним договорам, включая договоры о правах человека констатировала, что компетенция наблюдательных органов в отношении оценки действительности оговорок "не исключает и никак иначе не затрагивает традиционных форм контроля, обеспечиваемого договаривающимися сторонами," и "что в случае неприемлемости какой-либо оговорки ответственность за принятие мер несет государство, сделавшее эту оговорку. Такие меры могут включать, например, либо изменение государством оговорки, чтобы устранить причину такой неприемлемости, либо снятие оговорки, либо отказ от участия в договоре" (там же).

[379] См., тем не менее, замечание общего характера № 24 Комитета по правам человека (сноска 230, выше), пункт 18, стр. 125: "такая задача [определения совместимости оговорки с объектом и целью Международного пакта о гражданских и политических правах] для государств-участников является неподходящей, поскольку она связана с договорами о правах человека"; эта фраза противоречит предыдущему пункту, в котором Комитет признает, что "возражение на оговорку со стороны государств может служить для Комитета важным указанием при толковании вопроса о ее совместимости с объектом и целями Пакта".

[380] См. постановление Федерального верховного суда Швейцарии от 17 декабря 1992 года по делу *F.* v. *R. and the Council of State of Thurgau Canton* (*Journal des tribunaux* (1995), pp. 523–537), и комментарий в Flauss, “Le contentieux de la validité des réserves à la CEDH devant le Tribunal fédéral suisse: requiem pour la déclaration interprétative relative à l’article 6 § 1”.

[381] См. пункт 56, выше.

[382] См. в этой связи Bourguignon, “The Belilos case: new light on reservations to multilateral treaties”, p. 369, и Bowett, “Reservations …”, p. 81.

[383] *I.C.J. Reports 1951* (1см. сноску 19, выше), p. 27. Также в своем решении от 30 июня 1977 года арбитражный суд, учрежденный для рассмотрения дела *English Channel*, косвенно признал себя компетентным высказывать свое мнение относительно действительности оговорок Франции, указав, что "три оговорки к статье 6 [Конвенции о континентальном шельфе] являются подлинными и допустимыми оговорками" (UNRIAA (сноска 90, вы-

158. Таким образом, следует считать, что компетенцией определять действительность оговорки в целом располагают различные инстанции, призванные применять и толковать договоры: государства, внутренние судебные органы и, в рамках их круга ведения, органы по урегулированию споров и наблюдению за осуществлением договора.

159. С другой стороны, в соответствии с широко распространенным принципом "депозитарий-почтовый ящик"[384], закрепленным статьей 77 Венской конвенции 1969 года[385], депозитарий может в принципе лишь принимать к сведению оговорки, о которых его уведомляют, и препровождать их договаривающимся государствам[386], не высказывая своего суждения относительно их действительности.

160. Принимая проект руководящего положения 2.1.8, Комиссия международного права, тем не менее, указала – в свете прогрессивного развития международного права, – что в случае явно [недопустимых][387], по ее мнению, оговорок депозитарий должен "обратить внимание автора оговорки на то, в чем, по его мнению, состоит эта [недопустимость]"[388]. Небезынтересно отметить, что в этой связи "Комиссия пришла к выводу о том, что было бы неоправданно разграничивать различные основания недопустимости, перечисленные в статье 19" Венских конвенций 1969 и 1986 годов[389].

161. Таким образом, для нынешней ситуации в области контроля за действительностью оговорок к договорам, и прежде всего к конвенциям по правам человека, характерна конкуренция или, во всяком случае, сосуществование нескольких механизмов контроля за действительностью оговорок[390]:

a) один из них, относящийся к общему праву, – это чисто межгосударственный механизм, которому посвящена статья 20 Венских конвенции 1969 и 1986 годов и который может быть дополнен особыми положениями об оговорках, фигурирующими в конкретных договорах;

b) когда в соответствии с договором учреждается орган по наблюдению за его осуществлением, предполагается, что этот орган может также высказывать свое мнение в отношении действительности этих оговорок;

c) однако это сохраняет для участвующих государств и международных организаций возможность использовать, в случае необходимости, обычные средства мирного урегулирования споров, включая судебные или арбитражные, если между ними возникает спор относительно законности оговорки[391];

d) кроме того, не исключена и возможность того, что сами национальные суды по аналогии со швейцарскими судебными органами[392] будут считать себя вправе также определять действительность оговорки применительно к международному праву.

162. Ясно, что многочисленные возможности контроля имеют определенные недостатки, немаловажным из которых является опасность противоречий между позициями, которые различные наблюдательные органы могут занимать в отношении одной и той же оговорки (или двух идентичных оговорок различных государств)[393]. Однако, по правде сказать, этот риск присущ любой системе контроля – с течением времени один и тот же орган может принимать противоречивые решения, и, возможно, лучше, когда есть слишком много контроля, чем вообще никакого контроля.

163. Более серьезной является опасность последовательной передачи функций контроля с течением времени при отсутствии какого бы то ни было ограничения срока, в течение которого этот контроль может осуществляться. Проблема не касается "венского режима",

ше), p. 40, para. 56). См также позицию МС по вопросу о действительности оговорок (особого характера и отличающихся от оговорок, о которых говорится в Руководстве по практике, ср. проект руководящего положения 1.4.6 (Односторонние заявления, сделанные в соответствии с факультативным положением) и комментарий к нему (*Ежегодник.., 2000 год*, том II (часть вторая), стр. 135–137), включенных в факультативные заявления о принятии ее обязательной юрисдикции (см., в частности, постановление от 26 ноября 1957 года по делу *Right of Passage over Indian Territory, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1957,* pp. 141–144; мнения сэра Херша Лаутерпахта: индивидуальное – в деле *Certain Norwegian Loans* (*I.C.J. Reports 1957* (сноска 183, выше) pp. 43–45) и особое – в деле *Interhandel, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1959,* pp. 103–106; см. также особые мнения Председателя Клэдштада и судьи Арман-Югона, ibid., pp. 75 and 93). См. далее приведенные выше примеры судебной практики, пункт 96.

[384] *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/518 и Add.1–3, пункт 165, стр. 190. См. также пункты 158–160, стр. 188–189; см. далее Combacau, “Logique de la validité ...”, p. 199.

[385] Которая соответствует статье 78 Венской конвенции 1986 года.

[386] См. *Ежегодник.., 2001 год* (сноска 384, выше), пункты 160–167, стр. 189–190, и проект руководящего положения 2.1.7 (Функции депозитария) Руководства по практике и комментарий к нему (*Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), стр. 49–52).

[387] Объяснение употребления квадратных скобок см. в пункте 6, выше.

[388] Руководящее указание 2.1.8 (Процедура в случае явно [недопустимых] оговорок), пункт 1, *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), стр. 52–54. См. также пункт 183, ниже.

[389] *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), стр. 53, пункт 5 комментария к проекту руководящего положения 2.1.8.

[390] См. *Ежегодник.., 1996 год* (сноска 27, выше), пункты 211–215, стр. 86–88, дальнейшее развитие которых было предметом широкого рассмотрения. Четкая позиция в поддержку взаимодополняемости систем контроля изложена в Lijnzaad, op. cit., pp. 97–98; см. также Cohen-Jonathan, loc. cit., p. 944.

[391] Это, тем не менее, имеет место при условии наличия "самодостаточных режимов", к числу которых, несомненно, следует относить режимы, созданные в соответствии с Европейской и Американской конвенциями по правам человека или Африканской хартией прав человека и народов (см. Simma, “Self-contained regimes”, pp. 129 et seq., и Meron, *Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law*, pp. 230 et seq.

[392] См. сноску 380, выше.

[393] См., в частности, позицию Имбера, который говорит об опасности несовместимости, присущей системе Европейской конвенции, в частности несовместимости между позициями Суда и Комитета министров (“Reservations to the European Convention …”, pp. 590–591).

поскольку пункт 5 статьи 20 Венской конвенции 1969 года ограничивает двенадцатью месяцами с даты получения уведомления об оговорке (или датой выражения со стороны возражающего государства согласия на обязательность для него договора) период, в течение которого государство может сформулировать возражение[394]. С другой стороны, эта проблема остро встает во всех случаях судебного или квазисудебного контроля, который предположительно связан со случайными факторами и зависит от передачи вопроса на рассмотрение органа по регулированию или наблюдению. Во избежание этого было предложено также ограничить двенадцатью месяцами право наблюдательных органов высказывать свою позицию[395]. Помимо того, что ни один из действующих в настоящее время договоров не предусматривает такое ограничение, оно, как представляется, абсолютно несовместимо с самим принципом деятельности наблюдательных органов, которая направлена на обеспечение уважения общих принципов международного права (сохранение объекта и цели договора). Кроме того, как было отмечено, одна из причин того, почему государства высказывают мало возражений, как раз заключается в том, что правило о двенадцати месяцах часто не дает им достаточно времени[396]; та же проблема может в еще большей степени возникать у наблюдательных органов, в результате чего их деятельность окажется парализованной.

164. С другой стороны, как представляется, возможности перекрестного контроля, наоборот, позволяют режиму оговорок и, в частности, принципу совместимости с объектом и целью договора, играть свою подлинную роль. Задача заключается не в противопоставлении их друг другу или утверждении монополии какого-либо механизма[397], а в их сочетании в целях укрепления их общей эффективности, поскольку, хотя они функционируют различным образом, их конечная цель одинакова: в любом случае речь идет об увязке двух противоречивых, но основополагающих требований – целостности договора и универсальности участия. Вполне нормально, что государства, пожелавшие стать участниками договора, могут высказать свою точку зрения; вполне естественно, что наблюдательные органы в полной мере играют роль хранителей договоров, которую стороны на них возложили.

165. Эта ситуация не исключает, а, наоборот, предполагает определенную взаимодополняемость между различными формами контроля и сотрудничество между органами, на которые он возложен. В частности, необходимо, чтобы при определении действительности оговорки наблюдательные органы (а также органы по урегулированию споров) в полной мере учитывали позиции, выражаемые договаривающимися государствами посредством принятия или возражения. И наоборот, государства, призванные действовать в соответствии с решениями, принятыми наблюдательными органами, когда они наделили их полномочиями принимать решения, должны серьезно подходить к продуманным и мотивированным мнениям этих органов, даже если те не могут принимать юридически обязательные решения[398].

166. Рассмотрение компетенции определять действительность оговорок в отношении как объекта и цели договора, так и договорных положений, исключающих или ограничивающих способность формулировать оговорки, послужило возможностью вновь обсудить отдельные предварительные выводы, принятые Комиссией в 1997 году и, в частности, пункты 5, 6 и 8 этих выводов[399], при том, что никакой решающий элемент не изменил их смысл. В этой связи, как представляется, настало время изменить их формулировки с целью их включения в форме руководящих положений в Руководство по практике, конкретно не упоминая при этом договоры по правам человека, даже если фактически

---

[394] Следует, тем не менее, отметить, что проблема возникает в результате разброса по времени ратификаций и присоединений.

[395] См. Imbert, op. cit., p. 146, footnote (25), и "Reservations and human rights conventions", pp. 36 and 44); противоположное мнение: Council of Europe, *Proceedings of the Fourth International Colloquy about the European Convention on Human Rights, Rome, 5–8 November 1975*, pp. 271–272; Golsong, "Les réserves aux instruments internationaux pour la protection des droits de l'homme", p. 27; and Edwards Jr., loc. cit., pp. 387–388.

[396] См. Clark, loc. cit., pp. 312–314.

[397] Хотя естественная тенденция компетентных органов заключается в выражении своего мнения; см. Противоположные позиции Комитета по правам человека ("такая задача для государств-участников является неподходящей, поскольку она связана с договорами о правах человека" – замечание общего характера № 24, (сноска 230, выше), пункт 18) и Франции ("лишь государства-участники, и только они, если данный договор не предусматривает иное, могут устанавливать несовместимость той или иной оговорки с объектом и целью данного договора" – A/51/40 (см. сноску 293, выше), пункт 14).

[398] См., тем не менее, чрезвычайно резкую реакцию на общее замечание № 24, выраженную в законопроекте об оживлении внешних сношений, представленном в сенате Соединенных Штатов сенатором Хелмсом 9 июня 1995 года, согласно которому "никакие средства, ассигнование которых санкционировано настоящим законом или каким-либо другим законом или которые каким-либо иным образом будут иметься в наличии, не могут быть направлены или потрачены на какую-либо деятельность, объектом и целью которой являются:

A) подготовка доклада Комитету по правам человека во исполнение статьи 40 Международного пакта о гражданских и политических правах; или

B) ответ на попытку Комитета по правам человека использовать процедуры статей 41 и 42 Международного пакта о гражданских и политических правах для расследования жалоб других сторон Пакта, согласно которым Соединенные Штаты не выполняют свои обязательства в соответствии с Пактом, до тех пор, пока президент не представит конгрессу свидетельство, о котором говорится в пункте 2.

2. свидетельство. Упомянутое в пункте 1 свидетельство является заверением, данным президентом конгрессу, согласно которому Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах:

A) снял свое общее замечание № 24, принятое 2 ноября 1994 года; и

B) конкретно признал действительность как вопрос о ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах".

(104th Congress, 1st session, S.908 (report No. 104–95, title III, chap. 2, sect. 314)).

[399] *Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65, в частности, пункт 155, выше.

дублирование компетенции оценивать действительность оговорок создает проблемы именно в отношении этих договоров.

167. Соответствующая серия проектов руководящих положений должна, несомненно, начинаться с общего положения, напоминающего, что различные механизмы контроля не исключают, а взаимодополняют друг друга – в частности и в том числе когда договором учреждается орган, которому поручено следить за его осуществлением. Это утверждение соответствует утверждению, содержащемуся – в несколько иной форме – в пункте 6 предварительных выводов[400]. Таким образом, проект руководящего положения 3.2 мог бы быть сформулирован следующим образом:

"3.2 *Компетенция оценивать действительность оговорок*

Компетенцией высказывать свое мнение о действительности оговорок к договору, сформулированных государством или международной организацией, располагают:

a) другие договаривающиеся государства [в том числе, в случае необходимости, их внутренние судебные органы] или другие договаривающиеся организации;

b) органы по урегулированию споров, предположительно компетентные толковать или применять договор;

c) органы по наблюдению за осуществлением договора, которые могут быть созданы в соответствии с этим договором".

168. Упоминание в квадратных скобках не обязательно, поскольку внутренние судебные органы с точки зрения международного права являются неотъемлемой частью "государства", ответственность которого они могут, в случае необходимости, устанавливать[401]. Это уточнение может, тем не менее, быть полезным в той мере, в какой их вмешательство, даже если оно может иметь последствия в международном плане, осуществляется во внутренней сфере, в то время как подпункт *a* предложенного проекта руководящего положения отсылает прежде всего к государственным органам, имеющим возможность устанавливать эту ответственность в международном плане[402]. С другой стороны представляется ненужным упоминать (ограниченную) роль в этом вопросе депозитария: о ней говорится в проектах руководящих положений 2.1.7 и 2.1.8 (см. пункты 159–160, выше).

169. Проект руководящего положения 3.2 предполагает, что наблюдательные органы, созданные в соответствии с договором, имеют компетенцию высказывать свое мнение по вопросу о действительности оговорок, сформулированных договаривающимися государствами, однако прямо это не определяет, в отличие от пункта 5 предварительных выводов, принятых Комиссией в 1997 году, согласно которому, даже в случае отсутствия конкретных указаний в договоре, наблюдательные органы, созданные в соответствии с нормативными международными договорами, "обладают компетенцией высказывать замечания и выносить рекомендации в отношении, среди прочего, допустимости оговорок государств, с тем чтобы выполнять возложенные на них функции"[403].

170. Смысл этой последней части фразы проясняется пунктом 8 предварительных выводов:

> Комиссия отмечает, что юридическая сила заключений, сделанных наблюдательными органами при осуществлении их полномочий по рассмотрению оговорок, не может преобладать над юридической силой заключений, сделанных на основе полномочий, предоставленных этим органам для выполнения ими своей роли в осуществлении общего наблюдения[404].

171. В проекте единого руководящего положения можно было бы установить одновременно компетенцию наблюдательных органов высказывать мнение о действительности оговорок – что с учетом обсуждений по данному вопросу напрашивается само собой – и о рамках этих полномочий:

"3.2.1 *Компетенция наблюдательных органов, созданных в соответствии с договором*

1. При создании в соответствии с договором органа по наблюдению за осуществлением договора, этот орган для выполнения возложенных на него функций располагает компетенцией оценивать действительность оговорок, сформулированных государством или международной организацией.

2. Заключения, сформулированные таким органом при осуществлении им этой компетенции, имеют такую же юридическую силу, что и при выполнении им своей роли в осуществлении общего наблюдения".

172. Кроме того, следует отметить, что предложенная выше формулировка проекта руководящего положения 3.2 затрагивает лишь часть существа пункта 6 предварительных выводов 1997 года[405]: в нем перечислены лица или учреждения, компетентные высказывать свое

---

[400] "Комиссия подчеркивает, что эта компетенция наблюдательных органов не исключает и никак иначе не затрагивает традиционных форм контроля, обеспечиваемого договаривающимися сторонами, с одной стороны, в соответствии с (...) положениями Венских конвенций 1969 и 1986 годов [касающимися оговорок] и, при необходимости, этими органами в целях урегулирования любого спора, который может возникнуть по поводу толкования или применения таких договоров" (*Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65).

[401] См. статью 4 проекта Комиссии об ответственности государств за международно-противоправные деяния (Поведение органов государства), *Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), стр. 43–44, и резолюция 56/83 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2001 года, приложение.

[402] См. статью 7 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

[403] *Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

[404] Там же.

[405] См. сноску 400, выше.

мнение о действительности оговорок, но не уточняется, что эти полномочия являются совокупными и не исключающими друг друга. Представляется необходимым уточнить этот момент в отдельном проекте руководящего положения:

"3.2.4 *Множественность инстанций, компетентных оценивать действительность оговорок*

При создании в соответствии с договором органа по наблюдению за осуществлением договора компетенция этого органа не исключает и не затрагивает каким-либо иным образом компетенцию оценивать действительность оговорок к договору, сформулированных государством или международной организацией, других договаривающихся государств и других договаривающихся международных организаций или органов по урегулированию споров, предположительно компетентных толковать или применять договор".

173. С другой стороны, представляется нецелесообразным, чтобы Комиссия на данном этапе принимала один или несколько проектов руководящих положений, касающихся последствий оценки действительности оговорки: эти последствия не могут быть определены без углубленного исследования воздействия принятия оговорок и возражений против них – исследования, которое может быть проведено лишь в следующем году.

174. Однако возникает вопрос о том, намерена ли Комиссия включать в Руководство по практике в форме проектов руководящих положений рекомендации, сформулированные в пунктах 7 и 9 предварительных выводов 1997 года по вопросу об оговорка нормативным международным договорам, включая договоры по правам человека. Эти рекомендации сформулированы следующим образом:

> 7. Комиссия предлагает предусмотреть конкретные положения в нормативных многосторонних договорах, включая, в частности, договоры о правах человека, или разработать протоколы к действующим договорам, в которых по желанию государств устанавливалась бы компетенция наблюдательного органа в отношении оценки или определения допустимости оговорок.
>
> …
>
> 9. Комиссия призывает государства сотрудничать с наблюдательными органами и надлежащим образом учитывать любые рекомендации, которые могут вынести эти органы, или же основываться на их оценке, если такие органы будут наделены соответствующей компетенцией[406].

175. Безусловно, было бы нецелесообразно включать положения такого рода в проект статей, который предполагалось бы принимать в форме международной конвенции. Однако это не относится к разрабатываемому Руководству по практике, которое, как предполагается, должно представлять собой "кодекс рекомендуемой практики", направленный на поощрение адекватной практики государств и международных организаций в области оговорок, но не имеющего обязательного для выполнения правового характера[407]. Исходя из этого, Комиссия уже приняла решение включить в Руководство по крайней мере один проект руководящего положения, сформулированного в форме рекомендации в адрес государств и международных организаций[408].

176. Аналогичным образом Комиссия могла бы пожелать рекомендовать государствам и международным организациям:

a) с одной стороны, включать в многосторонние договоры, которые они будут заключать в будущем и которые будут предусматривать создание наблюдательного органа, конкретные положения, предоставляющие этому органу компетенцию оценивать действительность оговорок и уточняющие юридические последствия этой оценки (или дополнять существующие договоры соответствующими протоколами);

b) с другой стороны, сотрудничать с такими органами и надлежащим образом учитывать их заключения относительно действительности оговорок.

177. Проект руководящего положения 3.2.2, который учитывал бы эти моменты (и отражал бы пункт 7 предварительных выводов Комиссии[409]), мог бы быть сформулирован следующим образом:

"3.2.2 *Положения, уточняющие компетенцию наблюдательных органов в области оценки действительности оговорок*

Государства или международные организации должны включать в договоры, предусматривающие создание органов по наблюдению за их осуществлением, положения, уточняющие характер и, в случае необходимости, рамки компетенции этих органов в области оценки действительности оговорок. С этой же целью могут быть приняты протоколы к существующим договорам".

178. Призыв к сотрудничеству государств и международных организаций с наблюдательными органами, обращенный в пункте 9 предварительных выводов Комиссии[410], мог бы быть повторен в проекте руководящего положения 3.2.3, формулировка которого должна, тем не менее, быть иной, с тем чтобы снять двусмысленность формулировки, принятой в 1997 году: слова "если такие органы будут наделены соответствующей компетенцией *в будущем**" могут означать, что в настоящее время они ею не обладают, а это не совсем точно: они без всякого сомнения могут оценивать действитель-

---

[406] *Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

[407] См. в этой связи комментарий к проекту руководящего положения 2.5.3, *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть вторая), стр. 89.

[408] См. проект руководящего положения 2.5.3 (Периодический пересмотр полезности оговорок) и пункты 5 и 6 комментария (там же).

[409] См. пункт 174, выше.

[410] См. *Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

ность оговорок к договорам, за соблюдением которых они должны наблюдать[411]. Но при этом они не могут:

a) с одной стороны, навязывать свою оценку сделавшим оговорку государствам и международным организациям в силу того, что они не располагают общими директивными полномочиями[412];

b) с другой стороны, в любом случае – занимать место автора оговорки в плане последствий, которые должны вытекать из недействительности оговорки[413].

179. С учетом этих замечаний проект руководящего положения 3.2.3 мог бы быть сформулирован следующим образом:

"3.2.3 *Сотрудничество государств и международных организаций с наблюдательными органами*

Государства и международные организации, сформулировавшие оговорки к договору, в соответствии с которым создан орган по наблюдению за его осуществлением, должны сотрудничать с этим органом и в полной мере учитывать его оценку действительности сформулированных ими оговорок. Если данный орган располагает директивными полномочиями, автор оговорки должен выполнять решение этого органа [при условии, что тот действует в рамках своей компетенции]".

180. Хотя пункт 9 предварительных выводов сформулирован в форме рекомендации ("Комиссия призывает государства...")[414], представляется возможным сохранить более твердую формулировку для проекта руководящего положения 3.2.3: нет никаких сомнений в том, что договаривающиеся стороны несут общее обязательство сотрудничать с органами по наблюдению за осуществлением договора, которые они создали, и эти органы наделены полномочием принимать решения, которые они должны выполнять. С другой стороны, в связи с тем, что еще не был рассмотрен вопрос о последствиях констатации недействительности оговорок, представляется преждевременным конкретно говорить о допустимых последствиях решения в этой связи. Осторожный характер этой формулировки, безусловно, усилится, если Комиссия сохранит слова в квадратных скобках, которые ясно указывают на то, что вопрос о рамках компетенции наблюдательных органов в этой области остается открытым.

2. Последствия недействительности оговорок

181. В статье 19 не только не говорится о последствиях формулирования оговорки, прямо (подпункт *a*) или косвенно (подпункт *b*) запрещенной договором, которого она касается, но и не упоминаются последствия формулирования оговорки, запрещенной подпунктом *c*[415], и ничто в тексте Венской конвенции не указывает на то, как эти положения соотносятся с положениями статьи 20, касающейся принятия оговорок и возражений. В этом состоит "нормативный пробел"[416], в связи с которым напрашивается вопрос: не был ли он преднамеренно задуман авторами Конвенции[417].

182. Во всяком случае следует признать, что подготовительная работа по подпункту *c* статьи 19 является запутанной и не вносит дополнительной ясности в отношении последствий, которые, по мнению составителей Венской конвенции 1969 года, должны вытекать из несовместимости оговорки с объектом и целью Конвенции[418]:

a) в предложенном сэром Хэмфри Уолдоком в 1962 году проекте статьи 17 объект и цель договора представлены лишь как указание, которым должно руководствоваться само государство, делающее оговорку[419];

b) обсуждения по этому проекту на пленарных заседаниях Комиссии были особенно запутанными[420] и высветили прежде всего раскол между сторонниками индивидуальной оценки государствами и теми, кто выступал за коллегиальный механизм (см. пункт 152, выше), при этом реального обсуждения по вопросу о последствиях этой оценки не проводилось;

c) тем не менее, после изменения Редакционным комитетом текста проекта, который был приближен к нынешней формулировке статьи 19, большинство, как представляется, склонилось к тому, что объект и цель представляют собой критерий, с учетом которого должна оцениваться действительность оговорки[421]; это подтверждается новым изменением статьи 18 бис, которое состоит, с одной стороны, во включении критерия несовместимости и, с другой стороны и прежде всего,

---

[411] См. пункт 155, выше, а также *Ежегодник.., 1996 год* (сноска 27, выше), пункты 206–209, стр. 118–119.

[412] См. проект руководящего положения 3.2.1, пункт 2 (пункт 171 выше), и *Ежегодник.., 1996 год* (сноска 27, выше), пункты 234–240, стр. 91.

[413] См. пункт 10 предварительных выводов (*Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65) и *Ежегодник.., 1996 год* (сноска 27, выше), пункты 218–230, стр. 88–90.

[414] *Ежегодник.., 1997 год*, том II (часть вторая), стр. 65.

[415] См. Greig, loc. cit., p. 83.

[416] Horn, op. cit., p. 131; см. также Combacau, “Logique de la validité ...”, p. 199.

[417] См. Imbert, op. cit., pp. 137–140.

[418] Следует напомнить, что включение критерия в проект было запоздалым, поскольку это относится лишь к первому докладу сэра Хэмфри Уолдока (*Ежегодник.., 1962 год* (сноска 23, выше); см. также пункты 72–73, выше.

[419] Пункт 2.*a* статьи 17; см. пункт 72, выше; см. также выступление Специального докладчика на четырнадцатой сессии (*Ежегодник..,. 1962 год,* том I, 651-е заседание, пункт 85, стр. 145–146 англ. текста).

[420] См. *Ежегодник ... 1962 год,* том I, стр. 139–168 и 172–175 англ. текста.

[421] Там же, в частности, стр. 225–234 англ. текста: в ходе обсуждения новой статьи 18 бис, озаглавленной "Действительность оговорок", все члены Комиссии ссылались на критерий совместимости с объектом и целью договора, который, тем не менее, не был упомянут в проекте, принятом Редакционным комитетом.

в изменении названия этого положения на "Последствия оговорок" вместо "Действительность оговорок"[422], что показывает, что их действительность является предметом рассмотрения статьи 17 (ставшей статьей 19 Венской конвенции 1969 года);

d) удачный вариант комментария к проектам статей 18 и 20 (соответствующих статьям 19 и 21 Венской конвенции 1969 года), принятых в 1962 году, оставляет вопрос открытым: в нем одновременно утверждается, что совместимость оговорки с объектом и целью договора представляет собой критерий, регулирующий формулирование оговорок, и что, поскольку этот критерий "в определенной степени является элементом субъективной оценки... единственная возможность его применения в большинстве случаев – это самими государствами в индивидуальном порядке, путем принятия оговорки или отказа от нее", но это лишь при отсутствии трибунала или иного компетентного органа[423];

e) в своем докладе 1965 года Специальный докладчик сэр Хэмфри Уолдок также отметил в связи со статьей 19, касающейся договоров, в которых не затрагивается вопрос об оговорках (ставшей статьей 20 Венской конвенции 1969 года), что "Комиссия признала, что критерий "совместимости" достаточно субъективен и что могут иметь место расхождения во мнениях относительно совместимости конкретной оговорки с объектом и целью конкретного договора. Тем не менее, она сочла, что при отсутствии обязательной судебной инстанции единственный способ применения этого критерия – это положиться на принятие или непринятие оговорки каждым государством"; она также признала, что "предложенные Комиссией правила были бы более приемлемыми, если бы их толкование и применение определялись решениями международного судебного органа"[424];

f) между тем комментарии Комиссии по проектам статей 16–17 (ставшим, соответственно, статьями 19–20) также не являются ясными и ограничиваются указанием на то, что "приемлемость или отсутствие неприятия оговорки, относящейся к пункту *c* во всех случаях в значительной степени зависит от того, насколько договаривающиеся государства считают ее приемлемой", и что поэтому пункт *c* проекта статьи 16 следует понимать "с учетом положений статьи 17, касающейся принятия оговорок и возражений против оговорок"[425];

g) в ходе Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров некоторые делегации стремились придать больше содержания критерию объекта и цели договора; так, Мексика предложила конкретно предусмотреть последствия судебного решения о признании несовместимости оговорки с объектом и целью договора[426], однако именно сторонники системы коллегиальной оценки предприняли попытку определить конкретные последствия несовместимости оговорки с объектом и целью договора[427].

183. Кроме того, как указывается в пункте 62 выше, ничто – ни в тексте статьи 19, ни в материалах подготовительной работы – не дает основания считать, что следует проводить различие между одними и другими: ubi lex non distinguit, nec nos distinguere debemus. В трех случаях, как это ясно вытекает из текста статьи 19, государство не может делать оговорку и, с момента, когда признается, что запрещенная договором оговорка не имеет юридической силы согласно подпунктам *a–b* статьи 19 (см. пункт 53 выше), нет оснований делать иные выводы в отношении подпункта *c*. Тем не менее против такого вывода были выдвинуты три различных по своей значимости возражения.

184. Во-первых, было отмечено, что, хотя депозитарии отвергают оговорки, запрещенные договором, они препровождают другим договаривающимся государствам текст тех оговорок, которые prima facie несовместимы с его объектом и целью[428]. Такова по существу практика, которой придерживается Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций[429], однако ее распространенность относительна. Действительно,

> лишь *в случае отсутствия… любых сомнений** в том, что заявление, сопровождающее документ, представляет собой несанкционированную оговорку, Генеральный секретарь отказывает в принятии на хранение
>
> ...
>
> *В случае сомнений**, Генеральный секретарь просит заинтересованное государство уточнить свою позицию
>
> Генеральный секретарь, тем не менее, считает, что *в его обязанности не входит на систематической основе запрашивать подобного рода разъяснения** и что, скорее, государствам надлежит формулировать возражения против заявлений, которые они считают несанкционированными оговорками[430].

---

[422] См. там же, стр. 252–253 англ. текста.

[423] *Ежегодник ... 1962 год,* (см. сноску 18, выше), пункт 22, стр. 181 англ. текста.

[424] *Ежегодник ... 1965 год* (см. сноску 20, выше), пункт 9, стр. 52 англ. текста.

[425] *Ежегодник ... 1966 год* (см. сноску 18, выше).

[426] *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (см. сноску, 31, выше), 21-е заседание, пункт 63, стр. 113 англ. текста. Мексика предложила два решения: первое заключалось в том, чтобы обязать государство, сделавшее несовместимую оговорку, снять ее, а в случае отказа сделать это, лишить его права стать участником договора; второе решение заключалось в рассмотрении договора в целом как не действующего между государством, сделавшим оговорку, и государством, сформулировавшим возражение.

[427] См., в частности, выступления различных делегаций (сноски 361 и 363, выше).

[428] См. Gaja, “Unruly treaty reservations”, p. 317.

[429] См. United Nations, *Summary of Practice of the Secretary-General as Depositary of Multilateral Treaties* (ST/LEG/7/Rev. 1) (United Nations publication, Sales No. E.94.V.15), p. 57, paras. 191–192.

[430] Ibid., pp. 57–58, paras. 193 и 195–196. Практика, которой следует Генеральный секретарь Совета Европы, аналогична, за одним исключением: в случае трудностей он может обратиться (и обращается) за консультацией к Комитету министров (см. J. Polakiewicz, op. cit., p. 90–93).

Иными словами, отличие, отмеченное в практике Генерального секретаря, основано не на разграничении ситуаций, предполагаемых в пунктах *a–b* статьи 19, с одной стороны, и пункте *c* этой статьи, с другой стороны, а на определенности противоречия между оговоркой и договором: как только возникает необходимость в толковании, Генеральный секретарь возлагает эту задачу на государства; так дело всегда обстоит в вопросах несовместимости оговорки с объектом и целью договора; так может быть и в отношении конкретно или косвенно запрещенных оговорок. Кроме того, в проекте руководящего положения 2.1.8 Руководства по практике Комиссия в рамках работы по прогрессивному развитию права указала, что "если с точки зрения депозитария оговорка является явно [недопустимой][431], он обращает внимание автора оговорки на то, в чем, по его мнению, состоит эта [недопустимость][432] "; в этой связи, как об этом напоминается в пункте 161, выше: "Комиссия пришла к выводу о том, что было бы неоправданно разграничивать различные основания "недопустимости", перечисленные в статье 19"[433].

185. Во-вторых, в этой же связи было отмечено, что применительно к пунктам *a–b* сделавшее оговорку государство не могло не знать о запрете и что, следовательно, оно должно считаться принявшим договор в целом, несмотря на свою оговорку ("теория делимости")[434]. Нет сомнений в том, что несовместимость оговорки с объектом и целью договора сложнее оценивать объективно, нежели при наличии запретительного положения. Это замечание, безусловно, уместно, хотя и не является решающим: оценка роли положений об оговорках не столь очевидна, как об этом иногда думают, особенно когда запрет выражен косвенно, как в случае пункта *b*[435]; кроме того, бывает сложно определить, является ли одностороннее заявление оговоркой или нет, и сформулировавшее его государство может добросовестно считать, что оно не нарушило запрета, полагая при этом, что принятие его толкования договора обусловливает его согласие на обязательность этого договора для него[436]. И, по правде сказать, если предполагается, что государство знает о запрете, вытекающем из положения об оговорке, оно также должно осознавать, что оно не может лишать договора его сути, делая оговорку, несовместимую с его объектом и целью.

186. В-третьих и прежде всего, было отмечено, что в пунктах 4–5 статьи 20 указывается лишь одно ограничение возможности принимать оговорку: наличие противоположного положения в договоре[437]; с другой стороны, из этого вытекает полная свобода принятия оговорок невзирая на положения статьи 19 *c*[438]. Хотя верным является то, что на практике государства мало возражают против оговорок, являющихся между тем противоречащими объекту и цели договора, которого они касаются, и что это фактически означает лишение конкретной значимости правила, установленного статьей 19 *c*[439], – по крайней мере в отсутствие органа, компетентного принимать решения в этой связи[440], множество доводов, основанных на самом тексте Венской конвенции 1969 года, говорят против такого заключения:

a) статьи 19–20 Конвенции имеют различные функции; правила, которые они устанавливают, применяются в различные "моменты" формулирования оговорки: в статье 19 излагаются случаи, в которых оговорка не может быть сформулирована; в статье 20 указывается, что происходит, когда она была сформулирована[441];

b) предложенное толкование лишит пункт *c* статьи 19 всего его полезного действия: в результате этого оговорка, не совместимая с объектом и целью договора, будет иметь точно такие же последствия, что и совместимая оговорка;

c) оно также лишает смысла пункт 1 статьи 21, в котором уточняется, что оговорка действует лишь "в соответствии со статьями 19, 20 и 21" (см. пункт 14, выше, и пункт 187, ниже); и

d) оно предполагает разграничение между действием пунктов *a–b* статьи 19, с одной стороны, и пункта *c* этой же статьи, с другой стороны, что текст статьи никоим образом не допускает (см. пункты 52 и 183, выше).

187. Таким образом, ничто ни в тексте статьи 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, ни в ее контексте, ни в материалах по подготовке конвенций, ни даже в практике государств или депозитариев не обосновывает проведение такого разграничения между последствиями формулирования оговорки, несмотря на содержащийся в конвенции запрет, с одной стороны (пункты *a–b* статьи 19), и ее несовместимость с объектом и целью договора, с другой стороны (пункт *c*). Это могло бы быть предметом рассмотрения проекта руководящего положения 3.3:

---

[431] Объяснение употребления квадратных скобок см. в пункте 193, ниже.

[432] *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), стр. 52.

[433] Там же, пункт 5 комментария к проекту руководящего положения 2.1.8, стр. 53.

[434] Fodella, loc. cit., p. 143.

[435] См. пункты 39–42, выше.

[436] По вопросу о различии между оговорками, с одной стороны, и заявлениями о толковании, простыми и условными, см. проекты руководящих положений 1.3–1.3.3 Руководства по практике Комиссии и комментарии к ним, *Ежегодник.., 1999 год*, том II (часть вторая), стр. 125–131.

[437] Общим для двух положений выражением является: "если в договоре не сказано об ином".

[438] См. Greig, loc. cit., pp. 134–137.

[439] См., в частности, Carreau, *Droit international*, p. 137; Gaja, "Unruly treaty reservations", pp. 315–318; Greig, loc. cit., pp. 86–90; and Imbert, op. cit., pp. 134–137.

[440] См. пункты 157–158, выше; см. также Coccia, loc. cit., p. 33, and Szafarz, loc. cit., p. 301.

[441] См. Bowett, "Reservations …", p. 80, и Redgwell, "Reservations to treaties …", pp. 404–406.

"3.3 *Последствия недействительности оговорки*

Оговорка, сформулированная несмотря на прямой или косвенный запрет, вытекающий из положений договора, или ее несовместимость с объектом и целью договора, является недействительной, при этом нет необходимости проводить различие между этими двумя основаниями недействительности".

188. Приняв тезис о том, что три пункта статьи 19 имеют одинаковую функцию и что государство не может формулировать оговорку, противоречащую их положениям, тем не менее, необходимо дать ответ на вопрос о том, что произойдет, если несмотря на эти запреты государство сформулирует оговорку. Несомненно, что если оно, тем не менее, это сделает, это не может иметь юридических последствий, которые статья 21 четко обусловливает формулирование оговорки "в соответствии со статьями 19 [в целом], 20 и 23"[442]. И наоборот, эти последствия недействительности оговорки могут рассматриваться лишь вместе с последствиями оговорок, их принятия и возражений против них.

189. Но это еще не все вопросы: с одной стороны, следует ли считать, что поступая таким образом государство-автор оговорки совершает международно-противоправное деяние, которое влечет за собой его международную ответственность? С другой стороны, могут ли другие государства согласиться с оговоркой, сформулированной несмотря на запреты, содержащиеся в статье 19?

190. Что касается первого из этих двух вопросов, то было отмечено, что оговорка, не совместимая с объектом и целью договора[443], "равносильна нарушению обязательства", вытекающего из статьи 19 *с*. "Поэтому речь идет о противоправном деянии, влекущим за собой ответственность соответствующего государства в отношении каждой другой стороны договора. Это означает не нарушение самого договора, а скорее нарушение указанного в Венской конвенции общего правила, запрещающего "несовместимые" оговорки"[444]. Такое заключение, конкретно основанное на нормах, касающихся ответственности государств за международно-противоправные деяния[445], не может убедить[446].

191. Нет сомнений в том, что "[н]арушение государством международно-правового обязательства имеет место, когда деяние данного государства не соответствует тому, что требует от него данное обязательство, независимо от его происхождения или характера"[447], и что нарушение обязательства не предпринимать действие (в данном случае – не формулировать оговорку, не совместимую с объектом и целью договора) представляет собой международно-противоправное деяние, которое может повлечь за собой международную ответственность государства таким же образом, как и обязательство предпринимать действие. К тому же необходимо, чтобы данный вопрос рассматривался в сфере ответственности. Между тем, как на это особо указал МС в деле *Gabčíkovo-Nagymaros Project*, эта отрасль права и право договоров "со всей очевидностью имеют различные сферы применения"; аналогичным образом "именно на основе права договоров следует определять, остается ли в силе Конвенция и правомерно ли было приостановлено или отменено ее действие"[448], и именно этой отрасли права надлежит определять возможность формулирования оговорки. Из этого как минимум следует, что возможная ответственность сделавшего оговорку государства не может определяться в свете норм Венской конвенции и она не является уместной для целей "права оговорок". Кроме того, даже если ущерб не представляет собой необходимое условие, влекущее за собой ответственность государства[449], он обусловливает ее осуществление и, в частности, возмещение ущерба[450], в связи с чем для того, чтобы недействительная оговорка могла привести к конкретным результатам в плане ответственности, необходимо, чтобы государство, которое ссылается на это, могло указать на ущерб, что является весьма маловероятным.

192. Но есть еще один момент. Весьма характерно, что никакое государство при формулировании возражения против запрещенной оговорки никогда не ссылалось на ответственность сделавшего оговорку государства: последствия, связанные с констатацией недействительности оговорки, могут быть различными[451], но они никогда не представляют собой обязательства возместить ущерб, и если выдвигающее возражение государство предложит государству-автору оговорки снять свою оговорку или изменить ее в рамках "диалога по оговор-

---

[442] Статья 21 (Юридические последствия оговорки и возражений против оговорок): "Оговорка, действующая в отношении другого участника в соответствии со статьями 19, 20 и 23".

[443] Тем более это должно касаться оговорок, запрещенных договором.

[444] Coccia, loc. cit., pp. 25–26.

[445] См. статьи 1 и 2 проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния Комиссии, содержащегося в приложении к резолюции 56/83 Генеральной Ассамблеи и *Ежегодник.., 2001 год* (сноска 401, выше).

[446] См. Gaja, "Unruly treaty reservations", p. 314, footnote (29).

[447] Статья 12 (см. сноску 445, выше).

[448] См. *I.C.J. Reports 1997* (сноска 182, выше), p. 38, para. 47; см. также решение от 30 апреля 1990 года о разногласиях между Новой Зеландией и Францией относительно толкования или применения двух договоров, заключенных от 9 июля 1986 года между двумя государствами и которые касаются проблем, связанных с "Rainbow Warrior" событиями, UNRIAA, vol. XX (Sales No. E/F.93.V.3), pp. 251–252, para. 75. По вопросу о взаимосвязи между двумя отраслями права см., в частности, Bowett, "Treaties and State responsibility"; Combacau, "Logique de la validité ..."; Dupuy, "Droit des traités, codification et responsabilité internationale"; Weckel, "Convergence du droit des traités et du droit de la responsabilité internationale à la lumière de l'arrêt du 25 septembre 1997"; Weil, "Droit des traités et droit de la responsabilité"; и Yahi, "La violation d'un traité: l'articulation du droit des traités et du droit de la responsabilité internationale".

[449] См. в этой связи статью 1 проекта статей Комиссии (сноска 401, выше).

[450] См. статьи 31 и 34 проекта Комиссии (там же), стр. 109–115.

[451] A contrario, они вытекают из статей 20 и, прежде всего, статьи 21 Венских конвенций 1969 и 1986 годов.

кам"[452], оно будет действовать не в области права ответственности, а в области права договоров и только в ней.

193. Такова, впрочем, причина того, почему Комиссия международного права, которая вначале оставила термин ""недопустимый" (illicite) в качестве эквивалента английскому слову "impermissible" для квалифицирования оговорок, сформулированных вопреки положениям статьи 19, приняла в 2002 году решение зарезервировать свою позицию по данному вопросу в ожидании рассмотрения последствий таких оговорок (см. пункт 6, выше). Между тем нет сомнений в том, что формулирование оговорки, не допустимой каким-либо из пунктов статьи 19, регулируется правом договоров, а не правом ответственности государства за международно-противоправное деяние. В этой связи оно не влечет за собой ответственность делающего оговорку государства[453].

194. Хотя это представляется само собой разумеющимся, было бы, безусловно, целесообразно уточнить это в проекте руководящего указания 3.1.1 Руководства по практике, чтобы снять любую возможную двусмысленность. Это руководящее положение могло бы быть сформулировано следующим образом:

"3.3.1 *Недействительность оговорок и ответственность*

Формулирование недействительной оговорки имеет последствия в рамках права договоров. Как таковое оно не устанавливает ответственности государства или международной организации, которые ее сформулировали".

195. Тем не менее возникает вопрос о том, могут ли другие стороны, коллективно или в одностороннем порядке, принимать оговорку, которая не отвечает условиям, определенным одним из пунктов статьи 19. Речь в данном случае идет о центральной проблеме, вызывающей споры между сторонниками концепции противопоставимости и теми, кто выступает в поддержку допустимости[454].

196. Центральный вопрос, на который Венская конвенция 1969 года почти не проливает свет, заключается в том, является ли действительность оговорок объективным вопросом или же он зависит от субъективной оценки других государств-участников. Этот вопрос был выражен Боуэтом следующим образом:

> Вопрос о "допустимости" является предварительным. Он должен быть решен с помощью ссылки на договор и главным образом является вопросом о толковании договора; он никоим образом не связан с вопросом о том, считают ли другие стороны оговорки приемлемыми или нет. Если какая-либо оговорка считается недопустимой, то из этого может следовать, что либо недопустима сама оговорка (что означает, что государство-участник, считающее ее недопустимой, рассматривает ее как неприемлемую), либо недопустимая оговорка делает недействительным принятие государством, выдвинувшим эту оговорку, договора в целом[455].

197. Это особенно авторитетное мнение представляет собой квинтэссенцию взглядов представителей школы "допустимости" (или "объективной действительности"). С другой стороны, по мнению сторонников противопоставимости, в системе, принятой в Венской конвенции, "действительность оговорки зависит исключительно от принятия оговорки другим договаривающимся государством". В этой связи статья 19.c) представляется "как чисто теоретическое утверждение, которое может служить ориентиром для государств в вопросах принятия оговорок, но не более того"[456].

198. Для сторонников концепции "противопоставимости" ответы на вопросы о действительности оговорок, полностью субъективные, содержатся в положениях статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов: "действительность оговорки зависит – в рамках системы Конвенции – от того, принята ли эта оговорка другим государством, а не от выполнения условия о ее принятии на основе ее совместимости с объектом и целью договора"[457]. Сторонники же тезиса о "допустимости", напротив, считают признанным, что недействительная оговорка не может быть противопоставлена другим государствам; поэтому

---

[452] После долгого размышления Специальный докладчик пришел к выводу, что это понятие не может быть рассматриваться исключительно в связи с процедурой формулирования принятия оговорок или возражений и что она неотделима от последствий, связанных с принятием оговорки или с возражениями. В отличие от того, что предполагалось ранее (см. *Ежегодник.., 2000 год* (сноска 27, выше), пункт 222, стр. 217, *Ежегодник.,. 2001 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/518 и Add.1–3, пункт 31, стр. 167, и *Ежегодник.., 2003 год*, том II (часть первая), документ A/CN.4/535 и Add.1, пункт 70, стр. 51), "диалог по оговоркам" будет предметом рассмотрения в последующем докладе.

[453] Ни, тем более, ответственность государств, которые имплицитно принимают запрещенную или не совместимую с объектом и целью договора оговорку (см., тем не менее, Lijnzaad, op. cit., p. 56: "Ответственность за несовместимые оговорки разделяется государством, делающим оговорку, и государствами, принимающими ее", однако из контекста, как представляется, вытекает, что автор не рассматривает ни несовместимую оговорку, ни ее принятие как международно-противоправные деяния; вместо ответственности в юридическом смысле этого слова ("responsibility") следует, безусловно, говорить об ответственности в смысле отчетности ("accountability").

вопрос о "противопоставимости" является второстепенным вопросом и предполагает, что оговорка допустима. Решит ли участник принять оговорку, возразить против этой оговорки или возразить как против оговорки, так и против вступления в силу договора между государством, сделавшим оговорку, и выдвигающим

[454] По вопросу об этих двух школах см. первый доклад об оговорках к международным договорам, *Ежегодник.., 1995 год* (сноска 6, выше), пункты 101–105, стр. 166–167; пункты 196–198, ниже, основываются на пунктах 101–102 этого доклада; см. также, в частности, Koh, loc. cit., passim, особенно, pp. 75–77; см. далее Redgwell, "Universality or integrity? Some reflections on reservations to general multilateral treaties", особенно, pp. 263–269; Riquelme Cortado, op. cit., pp. 73–82; и Sinclair, op. cit., p. 81, endnote 78.

[455] Bowett, "Reservations …", p. 88.

[456] Ruda, loc. cit., p. 190. Схожую точки зрения см. в Combacau, *Le droit des traités*, p. 60, и loc. cit., p. 200; Gaja, "Unruly treaty reservations", pp. 313–320; Imbert, op. cit., pp. 134–137; Reuter, *Introduction to the Law of Treaties*, p. 81; и Zemanek, loc. cit., pp. 331–333.

[457] Ruda, loc. cit., p. 190.

возражение государством – это вопрос, оставленный на его усмотрение, и, как таковой, он не может регулироваться критериями в отношении допустимости и не может быть предметом судебного рассмотрения[458].

199. Большинство авторов, независимо от того, какой из этих двух концепций они придерживаются, считают, тем не менее, что оговорка, сформулированная вопреки содержащемуся в конвенциях запрету, не имеет силы[459], и те, кто относит себя к сторонникам "допустимости", считают, что формулирование такой оговорки влечет за собой недействительность выражения согласия на обязательность договора[460]. Если это так, то эти выводы в той же мере применимы к вопросу о последствиях оговорки, сформулированной вопреки положениям статьи 19 *c* (см. пункт 53, выше).

200. Представляется преждевременным высказывание Комиссией позиции по вопросу о том, ведет ли отсутствие у оговорки законной силы к недействительности самого согласия обязательность договора: по этому вопросу существуют противоположные точки зрения, и он может быть решен лишь после более подробного изучения роли принятия оговорок и возражений к ним. Тем не менее представляется разумным уже сейчас закрепить решение, с которым согласны сторонники концепций "допустимости" и "противопоставимости" и которое также соответствует позиции наблюдательных органов договоров по правам человека[461] и согласно которому несоблюдение условий действительности формулирования оговорок, изложенных в статье 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и повторенных в проекте руководящего указания 3.1, влечет за собой лишение оговорки законной силы. Иными словами, если Комиссия пока еще не может высказать свое мнение о последствиях отсутствия у оговорки законной силы, она может, с другой стороны, изложить в проекте руководящего положения 3.3.2 принцип отсутствия законной силы у недействительных оговорок.

"3.3.2 *Отсутствие законной силы у недействительных оговорок*

Оговорка, не удовлетворяющая условиям действительности, изложенным в руководящем положении 3.1, является лишенной законной силы".

201. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что одностороннее принятие оговорки, сформулированной вопреки пунктам *a–b* статьи 19, исключается. Это было ясно подтверждено на Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров экспертом-консультантом сэром Хэмфри Уолдоком, высказавшим свои (не вызвавшие возражений) соображения в отношении запрещенных оговорок[462]. Между тем, как указывается в пунктах 52 и 183–187 выше, нет никаких причин не распространять это разумное решение на оговорки, подпадающие под действие пункта *c*. На самом деле, отсутствие действительности оговорок, сформулированных вопреки одному из трех пунктов статьи 19, обосновано теми же основными соображениями: государство не может делать все что ему заблагорассудится; оно не может – не поступаясь принципом добросовестности – ни формулировать запрещенную оговорку, ли лишать договор его сути, формулируя оговорку, не совместимую с объектом и целью договора, и другие участники не могут также принимать ее в одностороннем порядке[463]. Это привело бы к изменению договора в отношениях между делающим оговорку государством и принимающим ее государством, что не совместимо с подпунктом 1 *b* ii) статьи 41 Венской конвенции 1969 года, который исключает любое изменение такого рода, именно если оно затрагивает "положение, отступление от которого является несовместимым с эффективным осуществлением объекта и целей договора в целом"[464].

202. Из этого вытекает, что принятие одной или несколькими договаривающимися сторонами оговорки, являющейся недействительной – либо поскольку она запрещена договором, либо поскольку она несовместима с его объектом и целью, – не может устранить присущий оговорке недействительный характер: она не имеет законной силы, поскольку не отвечает положениям договора, в котором она нарушает равновесие, утвержденное всеми сторонами, и "отдельные участники"[465] не могут поставить его под угрозу в отношениях между собой. Это могло бы быть уточнено в проекте руководящего положения 3.3.3:

"3.3.3 *Последствия одностороннего принятия недействительной оговорки*

Принятие оговорки договаривающимся государством или договаривающейся международной организацией не устраняет недействительности оговорки".

---

[458] Bowett, "Reservations …", p. 88.

[459] Там же, например, в Bowett and Gaja, "Unruly treaty reservations", pp. 318–320; см. также пункт 53, выше.

[460] Bowett, "Reservations …", p. 84; см. критические замечания в отношении этих мнений, высказанные в Greig, *loc. cit.*, pp. 56–57. См. также Tomuschat, loc. cit., p. 467; и ссылки на обсуждение в Комиссии, ibid., note 12; данное обсуждение в этом смысле является менее убедительным, чем на это намекает автор.

[461] *Ежегодник.., 1996 год* (см. сноску 27, выше), пункты 194–201, стр. 82–84.

[462] *Official Records of the United Nations Conference on the Law of Treaties* (см. сноску 31, выше), 25th meeting, p. 133, para. 2. Это толкование было представлено на пленарном заседании как "точное" представителем Канады, который обусловил им свое принятие статьи 16, не вызвав при этом возражений (ibid. (см. сноску 60, выше), 10-е пленарное заседание, p. 30, para. 33). См. также пункты 50–51, выше, Bowett, "Reservations …", pp. 82–83, и Tomuschat, , loc. cit., p. 467, где сообщается, что во время обсуждений в Комиссии ее члены выразили единодушное мнение по этому вопросу.

[463] Lijnzaad, op. cit., pp. 55–59.

[464] В этой связи см. Greig, loc. cit., p. 57, и Sucharipa-Behrmann, loc. cit., pp. 78–79; см., тем не менее, противоположные мнения, высказанные г-ном Хименесом де Аречагой и г-ном Амадо в ходе обсуждений предложений сэра Хэмфри Уолдока в 1962 году (*Ежегодник.., 1962 год*, том I, 653-е заседание, пункты 44–45, стр. 158 англ. текста, и пункт 63, стр. 160 англ. текста).

[465] Статья 41 (Соглашения об изменении многосторонних договоров только во взаимоотношениях между определенными участниками).

203. Задача данного проекта руководящего положения заключается не в определении того, каковы последствия принятия оговорки государством, а лишь в констатации, что в случае недействительности оговорки она остается лишенной законной силы, несмотря на ее принятие. Эта констатация соответствует тексту статьи 21, которая предусматривает последствия оговорок лишь в том случае, если они сформулированы не только в соответствии со статьями 20 и 23 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, но и конкретно в соответствии со статьей 19. Кроме того, заложенный в проекте руководящего положения 3.3.3 принцип может быть увязан с положениями статьи 20; в частности, он не препятствует тому, что принятие могло иметь другие последствия и, в том числе, позволять вступление в силу договора в отношении сформулировавших оговорку государства или международной организации.

204. Это необязательно означает, что стороны не могут договориться принять оговорку, несмотря на предусмотренный в договоре запрет. В предложенном сэром Хэмфри Уолдоком в 1962 году проекте пункта 1 *b* статьи 17 предусматривался "исключительный случай, когда государство желает сформулировать оговорку, которую запрещают или исключают положения договора"[466]; в этом случае предусматривалось получение "предварительного согласия всех других заинтересованных государств"[467]. Это положение не было включено в проекты статей Комиссии 1962[468] и 1966 годов и не фигурирует в Венской конвенции 1969 года[469].

205. Это умолчание не решает проблемы. Действительно, можно утверждать, что участники всегда имеют право с общего согласия между собой вносить поправки в договор в соответствии со статьей 39 Венских конвенций 1969 и 1986 годов и ничто не мешает им прийти с этой целью к единодушному согласию[470] в отношении оговорок[471]. Эта возможность, соответствующая принципу консенсуса, присущему всему праву договоров[472], тем не менее, ставит весьма сложные проблемы. И прежде всего вопрос о том, означает ли отсутствие в течение года возражений всех сторон общее согласие, влекущее за собой изменение положения об оговорке. На первый взгляд, из пункта 5 статьи 20 Конвенции вытекает положительный ответ на этот вопрос.

206. Однако при здравом размышлении это не является самим собой разумеющимся: умолчание государства-участника не означает, что оно занимает определенную позицию в отношении действительности оговорки; это означает всего-навсего, что оговорка ему противопоставляется[473] и что оно не может возражать против нее в будущем[474]. Доказательством этому служит то, что невозможно утверждать, что наблюдательные органы, будь то МС, арбитражный суд или наблюдательный орган в рамках договора по правам человека, лишены возможности оценивать действительность оговорки, даже если против нее не было высказано возражений[475]. В отсутствие практики[476] сложно предлагать какие-либо действия; возможно, Комиссия пожелает руководствоваться решением, принятым ею по вопросу о позднем формулировании оговорок, и согласиться с тем, что запрещенная договором или явно противоречащая его

---

[466] Первый доклад по праву международных договоров, *Ежегодник.., 1962 год*, (см. сноску 23, выше), пункт 9, стр. 65 англ. текста.

[467] Там же статья 17, пункт 1 *b*, стр. 60 англ. текста.

[468] Против этого выступили г-н Тункин (там же, том I, 651-е заседание, пункт 19, стр. 140 англ. текста) и г-н Кастрен (там же, пункт 68, стр. 143, англ. текста, и 652-е заседание, пункт 30, стр. 148 англ. текста), которые сочли его излишним, и оно не было включено в упрощенный проект, оставленный Редакционным комитетом (там же, 663-е заседание, пункт 3, стр. 221 англ. текста).

[469] Это решение было между тем принято для положения об оговорке Европейского соглашения, касающегося работы экипажей транспортных средств, производящих международные автомобильные перевозки, пункт 2 статьи 21 которого гласит:

> "Если во время сдачи на хранение своего документа о ратификации или присоединения государство формулирует оговорку, не предусмотренную пунктом 1 настоящей статьи, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций направляет эту оговорку государствам, которые уже сдали на хранение свои документы о ратификации или присоединении и после этого не денонсировали настоящее соглашение. Оговорка будет считаться принятой, если в течение шести месяцев с даты этого сообщения ни одно из этих государств не выступит против ее принятия. В противном случае оговорка не будет принята и, если сформулировавшее ее государство не снимет ее, сдача на хранение этим государством документа о ратификации или присоединении не будет иметь юридической силы".

На основе этого положения и при отсутствии возражений других государств – участников Конвенции государства – члены Европейского экономического сообщества сформулировали не разрешенную Соглашением оговорку, исключающую применение соглашения к операциям. См. оговорки государств, которые на тот момент являлись членами Сообщества, United Nations, *Multilateral Treaties* ... (сноска 220, выше), pp. 838–839.

[470] Но не к согласию лишь между отдельными участниками (см. пункт 202, выше).

[471] См. в этом отношении Greig, loc. cit., pp. 56–57, и Sucharipa-Behrmann, loc. cit., p. 78. Такова также позиция Боуэта, который между тем считает, что эта возможность не относится к праву оговорок ("Reservations …", p. 84; см. также Redgwell, "Universality or integrity …", p. 269).

[472] См. сноски 254–255, выше. Кроме того, невозможно разумно утверждать, что изложенные в статье 19 и особенно в ее пункте *c* правила представляют собой императивные нормы общего международного права, от которых участники не могли бы отступить путем согласия.

[473] См. в этой связи Coccia, loc. cit. p. 26; Horn, op. cit., pp. 121 and 131, и Zemanek, loc. cit., pp. 331–332; см. также Gaja, "Unruly treaty reservations", pp. 319–320. Как справедливо отмечает Лижнзаад, речь не идет о принятии в строгом смысле этого слова: речь скорее идет о проблеме бездействующих государств, сверхтерпимость которых приводит к принятию оговорок, противоречащих объекту и цели" (op. cit., p. 56).

[474] И даже это не очевидно; Комиссия должна принять решение по этому важному моменту при рассмотрении вопроса о последствиях принятия и возражений.

[475] См. Greig, loc. cit., pp. 57–58. Уже в ходе обсуждений в Комиссии в 1962 году г-н Бартош указал, что немыслимо, чтобы явно недействительная оговорка могла – в результате простого использования положений о сроках для формулирования возражений – "избежать впоследствии любого обжалования" (*Ежегодник.., 1962 год*, том I, 654-е заседание, пункт 29, стр. 163 англ. текста).

[476] См., тем не менее, "оговорку о нейтралитете" Швейцарии (Mendelson, loc. cit., p. 140) к Статуту Лиги Наций, которая была принята, несмотря на запрещение оговорок к Статуту... (сноска 64, выше).

объекту и цели оговорка не может быть сформулирована, за исключением случаев, "если это не вызывает возражений ни одной из других договаривающихся сторон"[477] надлежащим образом проконсультировавшись с депозитарием[478].

207. С учетом этого проект руководящего положения 3.3.4 мог бы это предусматривать:

"3.3.4 *Последствия коллективного принятия недействительной оговорки*

1. Оговорка, которая прямо или косвенно запрещена договором или несовместима с его объектом и целью, может быть сформулирована государством или международной организацией, если ни одна другая договаривающаяся сторона не выскажет возражения против этого, специально проконсультировавшись перед этим с депозитарием.

2. В ходе этой консультации депозитарий обращает внимание подписавших государств и международных организаций и договаривающихся государств и международных организаций и, в надлежащих случаях, компетентного органа соответствующей международной организации, на характер возникающих в связи с этой оговоркой правовых проблем".

208. Формулировка пункта 2 этого проекта руководящего положения схожа с формулировкой пункта 2 руководящего положения 2.1.8 и отвечает тем же требованиям[479].

---

[477] Проект руководящих положений 2.3.1 Руководства по практике (*Ежегодник.., 2001 год*, том II (часть вторая), стр. 224). См. также проекты руководящих положений , 2.3.2 и 2.3.3 и комментарии к ним, там же, стр. 229–232.Это решение равносильно "незаметному" возвращению к системе единогласия, о котором, впрочем, прямо говорится в отдельных положениях об оговорках (см. примеры, представленные Bishop Jr., loc. cit., p. 324).

[478] См. проект руководящего положения 2.1.8 (Процедура в случае явно [недопустимых] оговорок) и комментарий к нему, *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), стр. 52–54. Более подробную информацию на эту тему см. Riquelme Cortado, op. cit., pp. 223–230.

[479] *Ежегодник.., 2002 год*, том II (часть вторая), стр. 52.

Приложение

ТЕКСТ ПРОЕКТОВ РУКОВОДЯЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОГОВОРОК К ДОГОВОРАМ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ В НАСТОЯЩЕМ ДОКЛАДЕ

3. Действенность оговорок

3.1 Способность формулировать оговорку

Государство или международная организация может при подписании, ратификации, официальном подтверждении, принятии или утверждении договора или присоединении к нему формулировать оговорку, за исключением тех случаев, когда:

a) данная оговорка запрещается договором;

b) договор предусматривает, что можно делать только определенные оговорки, в число которых данная оговорка не входит;

c) в случаях, не подпадающих под действие подпунктов *a* и *b*, оговорка не совместима с объектом и целью договора.

3.1.1 Оговорки, ясно запрещаемые договором

Оговорка запрещена договором, если он содержит конкретное положение:

a) запрещающее любые оговорки;

b) запрещающее оговорки к конкретным положениям;

c) запрещающее некоторые категории оговорок.

3.1.2 Определение определенных оговорок

Для целей руководящего положения 3.1 выражение "определенные оговорки" означает оговорки, которые определенно разрешаются договором к конкретным положениям и которые должны соответствовать условиям, указанным в договоре.

3.1.3 Оговорки, подразумеваемо разрешаемые договором

Когда договор запрещает формулирование некоторых оговорок, то оговорка, которая не запрещена договором, может формулироваться государством или международной организацией только в том случае, если она совместима с объектом и целью договора.

[3.1.3/3.1.4 Совместимость оговорок, допускаемых договором, с его объектом и целью

Когда договор прямо или косвенно допускает некоторые оговорки, не определяя их, оговорка может формулироваться государством или международной организацией только в том случае, если она совместима с объектом и целью договора.]

3.1.4 Разрешаемые не определенные договором оговорки

Когда договор разрешает некоторые оговорки, не определяя их, то оговорка может формулироваться государством или международной организацией только в том случае, если она совместима с объектом и целью договора.]

3.1.5 Определение объекта и цели договора

Для целей оценки действительности оговорок объект и цель договора означают существенно важные положения договора, в которых заключается смысл его существования.

3.1.6 Установление объекта и цели договора

1. В целях установления объекта и цели договора договор в целом должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте.

2. Для этой цели контекст охватывает преамбулу и приложения. Возможно также обращение, в частности, к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, а также к названию договора и, в случае необходимости, к статьям, которые определяют его базовую структуру [и последующую практику сторон].

3.1.7 Неясные и общие оговорки

Оговорка, составленная в неясных и общих выражениях, не позволяющих определить сферу ее действия, несовместима с объектом и целью договора.

3.1.8 Оговорки к положению, в котором излагается обычная норма

1. Обычный характер нормы, изложенной в положении договора, сам по себе не исключает возможности формулирования оговорки к этому положению.

2. Оговорка к положению договора, в котором излагается обычная норма, не изменяет обязательного характера этой обычной нормы в отношениях между государством или международной организацией, формулирующими оговорку, и другими государствами или

международными организациями, которые связаны этой нормой.

3.1.9 Оговорки к положениям, излагающим норму jus cogens

Государство или международная организация не могут формулировать оговорку к положению договора, излагающему императивную норму jus cogens.

3.1.10 Оговорки к положениям, касающимся неотъемлемых прав

Государство или международная организация могут формулировать оговорку к положению договора, касающемуся неотъемлемых прав, при условии, что эта оговорка не является несовместимой с основными правами и обязательствами, вытекающими из этого положения. При определении совместимости оговорки с объектом и целью данного положения следует учитывать то важное значение, которое участники придали этим правам, признав их неотъемлемыми.

3.1.11 Оговорки, касающиеся применения внутреннего права

Оговора, посредством которой государство или международная организация желает исключить или изменить применение определенного положения договора в целях обеспечения целостности своего внутреннего права, может формулироваться лишь в том случае, если она совместима с объектом и целью договора.

3.1.12 Оговорки к общим договорам по правам человека

Для оценки совместимости той или иной оговорки с объектом и целью общего договора по вопросам защиты прав человека необходимо учитывать неделимость изложенных в нем прав, значение права, которое является предметом оговорки в общей структуре договора, или серьезность воздействия на него оговорки.

3.1.13 Оговорки к договорным положениям, касающимся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора

Оговорка к тому или иному договорному положению, касающемуся урегулирования споров или наблюдения за осуществлением договора, сама по себе не является несовместимой с объектом и целью договора, если только:

a) в положении, с которым связана оговорка, не заключается смысл существования договора; или

b) оговорка не имеет своим следствием вывести ее автора из-под действия механизма урегулирования споров или осуществления договора в связи с договорным положением, которое ранее принял автор, если сама задача договора состоит в обеспечении функционирования такого механизма.

3.2 Компетенция оценивать действительность оговорок

Компетенцией высказывать свое мнение о действительности оговорок к договору, сформулированных государством или международной организацией, располагают:

a) другие договаривающиеся государства [в том числе, в случае необходимости, их внутренние судебные органы] или другие договаривающиеся организации;

b) органы по урегулированию споров, предположительно компетентные толковать или применять договор;

c) органы по наблюдению за осуществлением договора, которые могут быть созданы в соответствии с этим договором.

3.2.1 Компетенция наблюдательных органов, созданных в соответствии с договором

1. При создании в соответствии с договором органа по наблюдению за осуществлением договора, этот орган для выполнения возложенных на него функций располагает компетенцией оценивать действительность оговорок, сформулированных государством или международной организацией.

2. Заключения, сформулированные таким органом при осуществлении им этой компетенции, имеют такую же юридическую силу, что и при выполнении им своей роли в осуществлении общего наблюдения.

3.2.2 Положения, уточняющие компетенцию наблюдательных органов в области оценки действительности оговорок

Государства или международные организации должны включать в договоры, предусматривающие создание органов по наблюдению за их осуществлением, положения, уточняющие характер и, в случае необходимости, рамки компетенции этих органов в области оценки действительности оговорок. С этой же целью могут быть приняты протоколы к существующим договорам.

3.2.3 Сотрудничество государств и международных организаций с наблюдательными органами

Государства и международные организации, сформулировавшие оговорки к договору, в соответствии с которым создан орган по наблюдению за его осуществлением, должны сотрудничать с этим органом и в полной мере учитывать его оценку действительности сформулированных ими оговорок. Если данный ор-

ган располагает директивными полномочиями, автор оговорки должен выполнять решение этого органа [при условии, что тот действует в рамках своей компетенции].

3.2.4 Множественность инстанций, компетентных оценивать действительность оговорок

При создании в соответствии с договором органа по наблюдению за осуществлением договора компетенция этого органа не исключает и не затрагивает каким-либо иным образом компетенцию оценивать действительность оговорок к договору, сформулированных государством или международной организацией, других договаривающихся государств и других договаривающихся международных организаций или органов по урегулированию споров, предположительно компетентных толковать или применять договор.

3.3 Последствия недействительности оговорки

Оговорка, сформулированная несмотря на прямой или косвенный запрет, вытекающий из положений договора, или ее несовместимость с объектом и целью договора, является недействительной, при этом нет необходимости проводить различие между этими двумя основаниями недействительности.

3.3.1 Недействительность оговорок и ответственность

Формулирование недействительной оговорки имеет последствия в рамках права договоров. Как таковое оно не устанавливает ответственности государства или международной организации, которые ее сформулировали.

3.3.2 Отсутствие законной силы у недействительных оговорок

Оговорка, не удовлетворяющая условиям действительности, изложенным в руководящем положении 3.1, является лишенной законной силы.

3.3.3 Последствия одностороннего принятия недействительной оговорки

Принятие оговорки договаривающимся государством или договаривающейся международной организацией не устраняет недействительности оговорки.

3.3.4 Последствия коллективного принятия недействительной оговорки

1. Оговорка, которая прямо или косвенно запрещена договором или несовместима с его объектом и целью, может быть сформулирована государством или международной организацией, если ни одна другая договаривающаяся сторона не выскажет возражения против этого, специально проконсультировавшись перед этим с депозитарием.

2. В ходе этой консультации депозитарий обращает внимание подписавших государств и международных организаций и договаривающихся государств и международных организаций и, в надлежащих случаях, компетентного органа соответствующей международной организации, на характер возникающих в связи с этой оговоркой правовых проблем.

ВЫСЫЛКА ИНОСТРАНЦЕВ

[Пункт 7 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/554

Предварительный доклад о высылке иностранцев, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Морисом Камто

[*Подлинный текст на английском/французском языках*]
[*2 июня 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр.
Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе		235
Работы, цитируемые в настоящем докладе		236
Главы	*Пункты*	
ВВЕДЕНИЕ	1–6	237
Главы		
I. ПОНЯТИЕ ВЫСЫЛКИ ИНОСТРАНЦА	7–13	238
II. ПРАВО НА ВЫСЫЛКУ	14–16	240
III. МОТИВЫ ВЫСЫЛКИ	17–20	240
IV. ПРАВА, СВЯЗАННЫЕ С ВЫСЫЛКОЙ	21–27	241
V. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	28–30	243

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.	НАБРОСОК ПЛАНА РАБОТЫ	244
II.	ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	246

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) (Рим, 4 ноября 1950 года)	United Nations, Treaty Series, vol. 213, No. 2889, p. 221.
Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Страсбург, 16 сентября 1963 года)	Ibid., vol. 1496, No. A–2889, p. 263.
Протокол № 7 к вышеупомянутой Конвенции (Страсбург, 22 ноября 1984 года)	Ibid., vol. 1525, No. 2889, p. 195.
Протокол № 11 к Конвенции от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных свобод, реорганизация контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией (Страсбург, 11 мая 1994 года)	Ibid., vol. 2061, No. A–2889, p. 7.

	Источник
Конвенция о статусе апатридов (Нью-Йорк, 28 сентября 1954 года)	Ibid., vol. 360, No. 5158, p. 117.
Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	Ibid., vol. 999, No. 14668, p. 225.
Американская конвенция о правах человека: "Пакт Сан-Хосе, Коста-Рика" (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 года)	Ibid., vol. 1144, No. 17955, p. 123.
Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 27 июня 1981 года)	Ibid., vol. 1520, No. 26363, p. 217.
Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (Нью-Йорк, 18 декабря 1990 года)	*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок пятая сессия, Дополнение № 49,* резолюция 45/158, приложение.

Работы, цитируемые в настоящем докладе

AFOLAYAN, A. A.

"Immigration and expulsion of ECOWAS aliens in Nigeria", *International Migration Review*, vol. 22, No. 1, spring 1988, pp. 4–27.

BLUNTSCHLI, J. C.

Le droit international codifié. French translation by C. Lardy. 5th rev. ed. Paris, Félix Alcan, 1895. 602 p.

BOGATIN, Marc

"The Immigration and Nationality Act and the exclusion of homosexuals: *Boutilier* v. *INS* revisited", *Cardozo Law Review*, vol. 2, No. 2, winter 1981, pp. 359–396.

BOECK, Charles de

"L'expulsion et les difficultés internationales qu'en soulève la pratique", *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1927–III*. Paris, Hachette, 1928. Vol. 18, pp. 445–650.

D'HAËM, Rudolph

La reconduite à la frontière des étrangers en situation irrégulière. Paris, Presses Universitaires de France, 1997. (Que sais-je?)

DUPUY, Pierre-Marie

Droit international public. 7th ed. Paris, Dalloz, 2004. 805 p.

GRIFFIN, W. Martin

"Colonial expulsion of aliens", *American Law Review* (St. Louis), vol. XXXIII, 1899, pp. 90–96.

IRIZARRY Y PUENTE, J.

"Exclusion and expulsion of aliens in Latin America", AJIL, vol. 36, 1942, pp. 252–368.

JENNINGS, Sir Robert and Sir Arthur WATTS, eds.

Oppenheim's International Law, vol. I, *Peace*. 9th ed. Harlow, Longman, 1992.

JULIEN-LAFERRIÈRE, François and Sophie de SÈZE

"France", *in* Bruno Nascimbene, ed., *Expulsion and Detention of Aliens in the European Union Countries.* Milan, Giuffrè, 2001, pp. 183–221.

NASCIMBENE, Bruno and Alessia DI PASCALE

"Synthesis report and conclusions", *in* Bruno Nascimbene, ed., *Expulsion and Detention of Aliens in the European Union Countries.* Milan, Giuffrè, 2001, pp. 533–602.

ODA, Shigeru

"The individual in international law", *in* Max Sørensen, ed., *Manual of Public International Law*. London and Basingstoke, Macmillan, 1968, pp. 469–530.

REWALD, Roman

"Judicial control of administrative discretion in the expulsion and extradition of aliens", *American Journal of Comparative Law*, vol. XXXIV (Supp.), 1986, pp. 451–465.

SILVERS, Samuel M.

"The exclusion and expulsion of homosexual aliens", *Columbia Human Rights Law Review*, vol. 15, No. 2, spring 1984, pp. 295–332.

SALMON, Jean, ed.

Dictionnaire de droit international public. Brussels, Bruylant, 2001.

SOHN, Louis B. and Thomas BUERGENTHAL, eds.

The Movement of Persons across Borders. Washington, D.C., American Society of International Law, 1992. 193 p. (Studies in Transnational Legal Policy, vol. 23)

TCHERNOFF, Juda

Protection des nationaux résidant à l'étranger: avec introduction sur la souveraineté des États en droit international. Paris, Pedone, 1899. 544 p.

TOUCHARD, Jean and OTHERS

Histoire des idées politiques, vol. 1, *Des origines au XVII*e *siècle.* Paris, Presses Universitaires de France, 1959.

TWADDLE, Michael, ed.

Expulsion of a Minority: Essays on Ugandan Asians. London, Athlone Press, 1975. 240 p.

UNITED NATIONS

International Provisions Protecting the Human Rights of Non-Citizens. Study prepared by the Baroness Elles, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities (E/CN.4/Sub.2/392/Rev.1). United Nations publications, Sales No. E.80.XIV.2.

Экономический и Социальный Совет. Комиссия по правам человека. Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Всеобъемлющее рассмотрение тематических вопросов, касающихся ликвидации расовой дискриминации. *Права лиц, не являющихся гражданами*. Рабочий документ, представленный г-ном Дэвидом Вайсбродтом в соответствии с решением 1998/103 Подкомиссии от 31 мая 1999 года (E/CN.4/Sub.2/1999/7).

Введение

1. История человечества изобилует примерами недоверия к иностранцам и попыток отгородиться от них. Нам нет нужды здесь пытаться дать исчерпывающую картину этого явления, которое охватывает все районы мира. Можно вспомнить, например, что уже греческие города-государства хотели полностью самоизолироваться, не различая по ту сторону своих крепостных стен ничего, кроме необразованных варваров, живших племенами[1]. Так, в Спарте иностранцам было запрещено входить в город, поскольку считалось, что они нарушают добрый порядок, установленный законами, – "евномию", что отражало попытку уже в те далекие времена сослаться на соображения публичного порядка. От Спарты до Рима отношение было одинаковым. Иностранец приравнивался к врагу. Как гласила латинская пословица, "Hostis, hospes" ("Иностранец – враг")[2]. За крепостными стенами, которые являлись границами города, а затем империи и о которых до сегодняшнего дня впечатляюще свидетельствуют остатки стены Адриана на границе между Англией и Шотландией, жили иностранцы, лишенные статуса, который имели римляне, и гражданин Рима никогда не отваживался находиться в этой зоне, разве что в случае ссылки.

2. В наше время статус иностранца весьма отличается от того статуса, который иностранцы имели в римском праве. Практически повсюду современные либеральные законы обеспечивают им полное гражданско-правовое равенство с гражданами. В первой половине XX века в этом отношении можно отметить полную открытость в отношении иностранцев в Латинской Америке, когда даже министр юстиции (Attorney General) Чили Монтт заявил, что они имеют все те же преимущества, за исключением доступа к должностям высокого уровня в Национальном конгрессе, и аналогичное положение наблюдается во всей Латинской Америке[3]. До последнего времени такая политика проводилась в ряде африканских стран. В 60−е годы в течение первых двух десятилетий после завоевания независимости нередки были случаи, когда гражданин одной страны выполнял в другой стране континента официальные функции весьма высокого уровня в государственных учреждениях, при этом он сохранял свое первоначальное гражданство, или когда большие группы иностранцев, являющихся гражданами других африканских стран, селились в такой другой стране и мирно жили там, причем им не было нужды соблюдать формальности в отношении въезда и пребывания или получения гражданства принимающего государства. Такая открытость существовала также в отношениях между старыми европейскими государствами, где она постепенно привела к созданию Европейского сообщества.

3. Однако, несмотря на эту либеральную тенденцию в современных законодательствах, высылка иностранцев, тем те менее, по-прежнему практикуется на всех континентах. Исходя из того, что право на высылку является неотъемлемым правом государства, государства без колебаний используют его в качестве щита против иностранцев, которые рассматриваются то как угроза для безопасности страны, то как фактор нарушения доброго социального порядка в принимающей стране. Так, например, такое право широко применялось в отношении китайцев, случаи высылки которых в конце XIX века, в частности из Соединенных Штатов Америки, были весьма многочисленными; Китай тогда не имел статуса в семье наций, считавшихся цивилизованными, и поэтому не мог апеллировать к международному сообществу, тем более что и сам он довольно часто использовал право на высылку иностранцев[4]. А в военный период высылка иностранцев вообще представляла собой совершенно естественное явление в эпоху, когда война между государствами не была запрещена международным правом, даже если речь не шла о самообороне, и когда считалось, что объявление войны автоматически превращает граждан воюющих государств во взаимных врагов. В конце XIX века один автор писал на эту тему следующее: "Не вызывает никаких сомнений право британского должностного лица исключать во время войны поданных недружественной державы"[5].

4. Развитие свободы и демократии, а также эволюция гуманитарного права и прав человека выявили те обстоятельства, что правительство способно вступать в войну вопреки мнению даже большинства своего населения, и привели к тому, что как право, так государства и их общественность стали отделять комбатантов от некомбатантов, а акты государств от актов отдельных лиц. К тому же до сегодняшнего времени иностранцы подвергаются высылке намного чаще в мирное время, чем во время войны. Таким образом, более не делается различия между иностранцами – гражданами вражеской страны и иностранцами – гражданами дружественной страны. При высылке иностранцев значение имеет уже не столько дружба между двумя государствами, сколько стремление производящего высылку государства решить проблему внутреннего порядка. Используются ли иностранцы в качестве "козлов отпущения"[6] или же являются жертвами собственной непорядочности, в ко-

---

[1] См. Touchard and others, *Histoire des idées politiques*, pp. 9–10.

[2] См. Организация Объединенных Наций, исследование, подготовленное баронессой Эллес, пункт 11, стр. 2 англ. текста.

[3] См. Irizarry y Puente, “Exclusion and expulsion of aliens in Latin America”, pp. 252–253.

[4] См. Griffin, “Colonial expulsion of aliens”, pp. 90–91.

[5] Ibid., p. 91.

[6] Например, случай, когда в марте 2004 года несколько сот камерунцев были высланы из Экваториальной Гвинеи на том основании, что находящийся в этой стране у власти режим оказался под угрозой дестабилизации со стороны иностранных наемников (см. “Country report: Cameroon”, *The Economist Intelligence Unit* (May 2004)).

нечном счете мотив их высылки заключается главным образом в стремлении обеспечить защиту внутреннего порядка[7]. Нельзя сказать, что практика государств не вызывает проблемы в области международного права, поскольку она нередко вступает с ним в коллизию[8].

5. Тема высылки иностранцев сегодня представляет особый интерес, поскольку она вскрывает противоречие между экономической и технической глобализацией, которая способствует торговому обмену между государствами, и ужесточением создаваемых в силу суверенитета преград, которые затрудняют или нарушают передвижение людей в результате установления процедур отбора в отношении того, кто имеет право на въезд и проживание на территории такого государства или группы государств и кто такого права лишен. Как известно, с развитием и увеличением скорости современных транспортных средств миграционные потоки из одной страны в другую и из одной части мира в другую резко возросли, выявив неравенство в развитии между государствами, которое заставляет все более широкие слои населения бедных стран стучаться в двери богатых стран в надежде на лучшее будущее[9]. Парадокс, однако, заключается в том, что национальные границы все более герметично закрываются, а прием иностранцев стал зависеть от самых разных соображений, к числу которых относится экономическая полезность прибывающих, их научная ценность и даже их религиозные убеждения. Беспрецедентные масштабы международного терроризма и та угроза, которую он в себе таит, положения дел никак не упрощают; они обострили напряженность в отношениях между странами, которая в течение долгого времени была обусловлена главным образом социально-экономическим эгоизмом и ксенофобией. Центральная проблема этой темы заключается в изучении того, каким образом примирить право на высылку, которое, как представляется, является неотъемлемым атрибутом суверенитета государства, и требования международного права, в частности основополагающие нормы международного права прав человека.

6. Цель настоящего предварительного доклада заключается в том, чтобы представить обзор данной темы, выделив правовые проблемы, которые она поднимает, и трудности, связанные с их изучением. По мнению Специального докладчика, цель и сама суть предварительного доклада заключаются в том, чтобы обрисовать порученную ему тему, с тем чтобы указать направление, которому он предлагает следовать при ее изучении, и получить от Комиссии указания в этой связи. С учетом этого в таком докладе должны быть сформулированы проблемы и предложены пути, а не окончательные решения, подкрепленные позитивным правом или предлагаемые в порядке прогрессивного развития международного права. Именно в этом духе Специальный докладчик в настоящем докладе намеревается сначала обрисовать поставленные самим понятием "высылка иностранцев" проблемы (глава I), затем дать обзор права на высылку в международном праве (глава II), и мотивов высылки, которые вытекают из практики (глава III), а также тех прав, которые затрагиваются в случае высылки (глава IV), и уже затем перейти к методологическим проблемам, связанным с рассмотрением данной темы (глава V). И наконец, Специальный докладчик предлагает вести исследование этой темы на основе проекта плана работы, представленного на обсуждение Комиссии; он включен в приложение I к предварительному докладу, а в приложении II содержится библиография, которая ни в коей мере не носит исчерпывающего характера и цель которой заключается лишь в том, чтобы представить дополнительную информацию, которая могла бы способствовать обогащению будущей работы Специального докладчика.

[7] К числу недавних случаев относится высылка 19 марта 2005 года из Мадагаскара в Южную Африку трех пасторов основанной в Бразилии религиозной организации "Всемирный собор Царства Божьего", поскольку она жгла библии на публичной площади (*Radio France Internationale*, 19 March 2005).

[8] См. Boeck, “L’expulsion et les difficultés internationales qu’en soulève la pratique”.

[9] В качестве примера можно привести вышеназванное исследование (см. сноску 2, выше) Подкомиссии Организации Объединенных Наций по предупреждению дискриминации и защите меньшинств (пункт 5, стр. 1 англ. текста), в котором было отмечено, что более 20 лет назад с 1945 года свыше 10 миллионов человек эмигрировали из Европы и еще 10 миллионов иммигрировали в пределах Европейского сообщества; с 1947 года свыше 7 миллионов человек были переселены из Индии в Пакистан; в Африке каждый год отмечается около 5 миллионов трудящихся-мигрантов.

ГЛАВА I

Понятие высылки иностранца

7. Тема "Высылка иностранцев" слагается из двух понятий: "высылка" и "иностранец", которые необходимо определить, прежде чем приступать к поиску соответствующих норм международного права в этой области. Поскольку понятие "высылка" имеет смысл, только когда оно употребляется вместе с понятием "иностранец", мы и начнем с этого последнего понятия. Под "иностранцем" понимается лицо, которое не обладает гражданством государства приема или пребывания и сохраняет свою связь в виде гражданства с государством, выходцем из которого оно является, – государством происхождения – или не имеет никакого гражданства вообще, являясь таким образом апатридом[10].

8. Если смотреть на высылку как на фактическое обстоятельство, то ее можно представить просто как насильственное перемещение через границу или выезд с территории государства лица, которое вынуждают это сделать. Однако для юридической конструкции понятия

[10] См., в частности, Nascimbene and Di Pascale, “Synthesis report and conclusions”, and Dupuy, *Droit international public*, p. 129.

высылки такого описательного подхода недостаточно. Ее юридическое определение требует более тщательного изучения, поскольку данное понятие, как представляется, является частью целого ряда смежных понятий, в которых его не всегда легко вычленить. Как представляется Специальному докладчику, предлагать определение понятия "высылка" в международном праве можно лишь после изучения таких понятий, как "перемещение населения", "исход", "депортация", "принудительное возвращение", "отказ во въезде", "запрет во въезде на территорию", "внесудебная передача", "чрезвычайная передача", "отдаление от территории", "препровождение до границы".

9. Большинство этих концепций имеют общие моменты с понятием высылки, однако во многих аспектах они от него отличаются. Так, нельзя посредством одной и той же правовой концепции объяснить дело *"Тампа"* – плавающего под норвежским флагом судна, которое правительства Австралии и Индонезии отказались принять, поскольку они не хотели впускать сотни ищущих убежище афганцев и иракцев, находившихся на его борту[11], и произведенную в марте 2004 года высылку сотен выходцев из Африки различных национальностей из одной африканской страны, где они проживали иногда в течение долгого времени[12].

10. Можно без труда договориться о том, что данная тема не охватывает лиц, перемещенных в их собственной стране. Отказ во въезде или в допуске, который охватывает ситуацию, когда лицу, которое еще не въехало на территорию какого−либо государства, воспрещается это делать, занимает в данной теме пограничное положение. Необходимо будет установить, следует ли включать в нее этот институт. Кроме того, нужно ли отвечать на вопрос о том, будет ли лицо, которое проникло на территорию какого−либо государства подпольно и которое с нее "удаляется", объектом высылки или отказа во въезде; а также на вопрос о том, входят ли в сферу охвата этой темы случаи высылки, осуществляемой правительством, победившим в каком−либо конфликте против лиц, отстаивающих свое право на исключительный контроль над одной и той же территорией: в частности, это случай сотен тысяч палестинцев, которые были вынуждены уйти или были изгнаны из своих домов и со своей земли в период создания Государства Израиль в 1948 году, затем вследствие оккупации части их территории после так называемой "шестидневной" войны в 1967 году.

11. Специальный докладчик не намерен в настоящем предварительном докладе заниматься семантическим сопоставлением каждой из вышеназванных концепций с центральным понятием высылки или предлагать ответы на различные вышеизложенные проблемы. Одна из задач первого доклада как раз и будет заключаться в уточнении этих концепций и учете указаний Комиссии, с тем чтобы определить сферу применения понятия высылки иностранцев для целей разработки проектов статей. В настоящем докладе достаточно будет показать существующее в этой области терминологическое разнообразие как в доктрине[13], так и в ряде национальных законодательств[14] и предложить весьма предварительное определение понятия высылки, с тем чтобы очертить сферу предварительной проработки и обсуждения данной темы.

12. С точки зрения внутреннего права под высылкой можно подразумевать принимаемую административной полицией меру по принуждению иностранца покинуть территорию, на которой он находится[15]. Во французском праве, например, термин "высылка" распространяется на иностранцев, присутствие которых на французской территории, хотя и является вполне законным, представляет собой "серьезную угрозу публичному порядку"[16]. Такое жесткое определение понятия исключает из сферы его применения многие другие меры удаления иностранцев, которые, по мнению Специального докладчика, должны бы были входить в сферу применения этого понятия применительно к нынешней теме. Термин "удаление" на первый взгляд представляется более удачным, поскольку он имеет более широкий охват, и хотя он используется некоторыми теоретиками[17], неудобство его заключается в том, что он не закреплен как правовая концепция, хотя отдельные авторы его и употребляют.

13. Специальный докладчик полагает, что для целей настоящей темы необходимо сохранить термин "высылка", но в широком понимании, охватывающем все меры удаления иностранцев с территории высылающего государства. С точки зрения международного права желательно уточнить, что речь идет об одностороннем правовом акте – акте некоего государства; следует добавить, что речь идет о мере принуждения в отношении лица или группы лиц. В этой связи можно в первом приближении констатировать, что под "высылкой иностранца" понимается правовой акт, которым государство заставляет лицо или группу лиц, являющихся гражданами другого государства, покинуть свою территорию. Исследование покажет, вписывается ли физическое пересечение высылаемым границы государства высылки в понятие "высылка" или же оно является его следствием и нужно ли проводить разграничение между правовым актом высылки и материальным фактом пересечения границы или выезда с территории высылаемым иностранцем.

---

[11] По делу *MV Tampa* см. Amnesty International's annual report on the Pacific region of 24 August 2002, entitled "Australia-Pacific—offending human dignity: the 'Pacific Solution'" (www.amnesty.org).

[12] См. случаи высылки из Экваториальной Гвинеи, о которых говорилось выше.

[13] Авторы оперируют, например, таким понятием, как "удалении с территории" (см. D'Naëm, *La reconduite à la frontière des étrangers en situation irrégulière* p. 3) and of deportation (см. "Governing rule 12: expulsion or deportation of aliens", в Sohn and Buergenthal, *The Movement of Persons across Borders*, pp. 89–97).

[14] См., например, закон Франции от 9 сентября 1986 года об условиях въезда и пребывании иностранцев во Франции, где употребляются термины "высылка", "препровождение до границы", "запрет во въезде на территорию" (*Journal Officiel de la République française*, 12 September 1986).

[15] Salmon, *Dictionnaire de droit international public*, p. 488.

[16] Julien-Laferrière and Sèze, "France", p. 183.

[17] Ibid.; см. также название указанной работы (*Expulsion and Detention of Aliens in the European Union Countries*).

ГЛАВА II

Право на высылку

14. Осуществление государством наблюдения за своими границами включает не только их охрану от возможного вторжения иностранных вооруженных сил, но и их защиту от проникновения иностранцев, желающих мирно попасть на территорию, с тем чтобы жить в сложившихся там условиях[18]. Поэтому международное право признает за каждым государством дискреционное правомочие разрешать въезд на свою территорию или отказывать в нем. Кроме того, международное право признает за каждым государством право самому устанавливать условия въезда и пребывания иностранцев на своей территории[19]. "Каждая страна имеет право определять условия, на которых она допускает иностранцев в свои пределы… Осуществление этого права не должно являться основанием для жалоб со стороны какого бы то ни было государства", – писал один автор в конце XIX века[20].

15. Другим естественным и логическим аспектом этого права регулировать допуск или недопуск является право на высылку иностранцев. Каждое государство в полной мере обладает этим правом, которое является неотъемлемым атрибутом его суверенитета. Речь идет о принципе международного обычного права, против которого мало кто возражал[21]. Как когда-то писал Ода:

> Право государства высылать по своему усмотрению иностранцев, присутствие которых на его территории оно считает нежелательным, считается, так же, как и право отказывать иностранцам в допуске на свою территорию, атрибутом суверенитета[22].

16. Национальное законодательство, международная практика и доктрина сходятся в том, что это право на является абсолютным правом государства[23]. Государство, которое прибегает к высылке, должно привести мотивы в ее обоснование[24]. И действительно, если каждое государство имеет право свободно определять в соответствии со своими собственными критериями мотивы высылки иностранца, то "остается отметить, что использование права на высылку не должно становиться объектом злоупотреблений"[25]. Право на высылку иностранца государством переносится, таким образом, в сферу международного права.

[18] См. Rewald, "Judicial control of administrative discretion in the expulsion and extradition of aliens", p. 451.

[19] См. Irizarry y Puente, loc. cit., p. 254.

[20] Griffin, loc. cit., p. 90.

[21] В этой связи можно привести пограничное мнение в Tchernoff, *Protection des nationaux residant à l'étranger*, где говорится: "Мало кто сегодня утверждает, что право на высылку иностранцев является обычным атрибутом государства, осуществляющего свою гражданскую функцию".

[22] "The individual in international law", p. 482.

[23] См. Bluntschli, *Droit internationale codifié*, p. 228, art. 383; Jennings and Watts, *Oppenheim's International Law*, p. 940.

[24] См. дело *Boffolo* (1903), UNRIAA, vol. X (Sales No. 1960.V.4), p. 533; см. также *Paquet*, *ibid*., vol. IX (Sales No. 1959.V.5), p. 323.

[25] Oda, loc. cit., p. 482.

ГЛАВА III

Мотивы высылки

17. Для высылки иностранца каким-либо государством всегда существует мотив, будь то объявленный или скрытый. Принято считать, что некоторые мотивы для высылки не противоречат международному праву. Так в целом обстоит дело с мотивами, связанными с покушением на "публичный порядок", "государственную безопасность" или "национальную безопасность". Дело в том, что столь расплывчатое понятие, как "публичный порядок", иногда влечет за собой самые разные и зачастую весьма широкие толкования, включающие акты, которые могут и не обосновывать законность высылки.

18. В разных странах для высылки могут использоваться различные мотивы. Например, в Соединенных Штатах закон об иммиграции и гражданстве, вступивший в силу в 1965 году, исключал въезд на территорию страны иностранцев, страдающих психическими отклонениями, приступами эпилепсии или психическим заболеванием. И в двух случаях Верховный суд, опираясь на этот закон, принял решения по двум знаменитым делам *Boutilier* v. *Immigration and Naturalization Service*[26] и *Longstaff*[27], отказав во въезде, с одной стороны, и распорядившись о высылке, с другой стороны, иностранцев-гомосексуалистов на основании половых отклонений.

19. К тому же изучение ряда других национальных законодательств свидетельствует о том, что диапазон мотивов для высылки является еще более широким. Так, высылка может быть мотивирована тем обстоятельством, что, среди прочего, иностранец представляет

[26] Supreme Court of the United States, District of Columbia, *Federal Reporter*, 2nd ed., vol. 387, p. 118 (1967) и критическое замечание в Bogatin, "The Immigration and Nationality Act and the exclusion of homosexuals: *Boutilier* v. *INS* Revisited".

[27] Petition for Naturalization of Richard John Longstaff, *Federal Reporter*, 2nd ed., vol. 716, p. 1439 (1983).

угрозу или опасность для общественного спокойствия, что он подрывает отношения страны с другими государствами, что он подстрекает к изменению политической системы насильственным путем, что он опирается на доктрины, которые носят подрывной характер или противоречат установленному порядку, что он не имеет профессии, домицилия или средств к существованию, что он является преступником или в отношении его ведется следствие и что он поражен заразной или серьезной болезнью, имеет психическое расстройство, нищенствует, занимается проституцией, является аферистом, незаконным торговцем. Эти мотивы можно обнаружить в законодательстве стран Латинской Америки в период с 1907 по 1925 год[28]. Следует отметить также высылку цыган из целого ряда стран Европы и Латинской Америки, высылку иностранцев из некоторых стран ввиду их идеологических убеждений, в частности во время холодной войны[29], или высылку отдельных лиц в силу их сексуального поведения, например гомосексуалистов[30].

20. Изменилась международная обстановка, а с ней изменились и нормы международного права. Нормы, касающиеся защиты основных прав человека, теперь уже в значительной степени не зависят от государств, а право, применимое к высылке иностранцев, представляет собой их частный случай. Таким образом, суть проблемы заключается в том, какие из многочисленных мотивов для высылки иностранцев допускаются международным правом или же, наоборот, какие мотивы запрещены. Но как можно эффективно решить эту проблему, зная, что то, что принято или допустимо в одном государстве или каком-либо регионе мира, может быть не принято или недопустимо в другом? Законность или незаконность мотива для высылки меняется в зависимости от изменения международно-правовых стандартов в области защиты прав человека. К тому же необходимо определить, в чем заключаются универсальные стандарты в этой области.

[28] Эти мотивы имеются в законодательстве Бразилии (1907 год), Панамы (1914 год), Чили (1919 год), Колумбии (1920 год) и Боливарианской Республики Венесуэла (1925 год); (Irizarry y Puente, loc. cit., p. 256, footnotes 22–34).

[29] Речь идет, в частности, о высылке коммунистов в Соединенных Штатах в эпоху маккартизма (1950–1954).

[30] См. Silvers, “The exclusion and expulsion of homosexual aliens”.

ГЛАВА IV

Права, связанные с высылкой

21. Осуществление права на высылку затрагивает права высылаемых иностранцев, а также права их государств происхождения. Объем прав высылаемых зависит от того, о какой высылке идет речь: индивидуальной, коллективной или же высылке трудящихся-мигрантов.

22. Индивидуальная высылка, которая встречается чаще всего, затрагивает права лица в целом. Эти права могут вытекать как из национального законодательства государства высылки, так и из международного права прав человека. Правомерность высылки зависит в этой связи от двух элементов: соблюдения процедур высылки, действующих в государстве высылки, и соблюдения основных прав человека.

23. Что касается процедуры высылки, то по логике вещей, если государство имеет право устанавливать условия иммиграции на свою территорию без ущерба для норм международного права, то оно также обязано соблюдать нормы, которые оно само приняло или под которыми подписалось[31], применительно к высылке тех, кого оно, по его мнению, не может принять или оставить на своей территории. В этом отношении государство связано одним и/или другим из двух следующих принципов: pacta sunt servanda и tu patere legem quam ipse fecisti. Таким образом, требование в отношении соблюдения предусмотренных законом процедур может рассматриваться как обязательство общего международного права, а не как, строго говоря, конвенционное или сугубо внутренне-правовое обязательство. Поскольку в отсутствие конвенции вполне можно было бы считать, что оно имеет обычно-правовую основу или является общим принципом права. Что касается прав лица, которые должны соблюдаться в случае высылки, то международное право проявляется как через обычное право, так и через конвенционное. Обычные международно-правовые обязательства государства территории применяются ко всем иностранцам независимо от гражданства. Они сгруппированы вокруг весьма неточного понятия "минимального стандарта", в основе которого лежит идея о том, что международное право сегодня предоставляет иностранцу минимум гарантий, хотя и довольно сложно с точностью указать, какие именно[32]. Как минимум известно то, что требование в отношении уважения достоинства иностранца, подвергающегося высылке, представляет собой один из этих стандартов, гарантированных международным правом в отношении физических лиц. Что касается имущества, которое высылаемый иностранец имеет на территории высылающего государства, то оно охраняется действующими в

[31] См. статью 13 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 16 декабря 1966 года (резолюция 2200A (XXI)); см. также Конвенцию о статусе апатридов 1954 года (статья 31); Конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года (статья 22), а на региональном уровне – Американскую конвенцию о правах человека 1969 года (статья 22.6); Африканскую хартию прав человека и народов 1981 года; Протокол № 7 1984 года к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 1).

[32] См. Dupuy, op. cit., p. 131.

этой области нормами общего международного права. В то же время защита высылаемого или подлежащего высылке иностранца, а также его имущества может регулироваться и конвенционными нормами: нормами международных конвенций в области прав человека, участником которых является государство высылки, нормами специальных конвенций в области защиты имущества и инвестиций, когда такие специальные конвенции существуют в отношениях между государством высылки и государством происхождения иностранца.

24. Что касается коллективной высылки, то принцип, вытекающий из конвенционного права, заключается в ее запрете[33], хотя она до сих пор и практикуется отдельными государствами[34]. Но является ли этот запрет абсолютным? Несмотря на лаконичность положений, в которых он изложен, в этом можно усомниться. Например, было бы крайне сложно использовать этот принцип в отношении государства, находящегося в вооруженном конфликте с другим государством, группа граждан которого, проживающих на его территории, наносит ущерб его безопасности или представляет собой явную для нее угрозу. Комиссии следовало бы изучить вопрос о том, необходимо ли даже в этом случае рассматривать положение каждого члена этой группы в отдельности или же для правового обоснования коллективной высылки достаточно конститутивного факта ее мотива.

25. Случай трудящихся-мигрантов подчиняется особому режиму, установленному Конвенцией о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей[35]. В статье 22 этой Конвенции более подробно определены условия высылки соответствующих лиц. Запрещается применение мер коллективной высылки в отношении трудящихся-мигрантов и членов их семей и предписывается индивидуальное рассмотрение каждого случая высылки. Процедура высылки, которая в ней подробно изложена, усиливает гарантии защиты прав высылаемых, посредством, в частности, принятия простых административных решений и обеспечения права высылаемых на информацию, представление их доводов против высылки и возмещение в случае последующей отмены решения о высылке после его осуществления.

26. Кроме того, высылка иностранцев обосновывает право государства происхождения на осуществление своей компетенции в области личной защиты своих граждан, проживающих за его пределами. В данном случае оно подкрепляется международным правом совершать действия в их интересах посредством дипломатической защиты в двояком аспекте этого института – дипломатической защиты в бесспорных и спорных ситуациях. Поскольку дипломатическая защита представляет собой самостоятельную тему, изучение которой в настоящее время завершается в Комиссии, Специальный докладчик хотел бы только исследовать в свое время то, каким образом этот институт может быть использован государством происхождения высылаемых. Дело *Diallo*[36], которое было передано в МС в 1998 году Гвинеей, продемонстрировало не только то, что институт дипломатической защиты не так устарел, как об этом иногда говорят, но также и то, что он по−прежнему является в некоторых случаях единственным способом для государства эффективно обеспечить защиту интересов одного из своих граждан, высылаемых другим государством.

27. С учетом этого Специальный докладчик полагает, что следовало бы изучить все правовые последствия высылки применительно к ответственности высылающего государства и возмещению, возникающему вследствие ущерба, причиненного лицам, которые были высланы с нарушением процедуры (процессуальные нормы) или по мотивам, противоречащим нормам международного права (материальные нормы). Речь, естественно, идет не о (повторном) изучении общих норм об ответственности государств за международно противоправные деяния, поскольку Комиссия, как известно, завершила работу над этим вопросом в 2001 году[37], а о том, чтобы выяснить, каким образом использовать часть указанных норм для разработки всеобъемлющего режима в области высылки иностранцев в международном праве. Безусловно, можно заметить, что для некоторых высылаемых лиц главная проблема заключается не просто в получении компенсации, но также в реализации своего права на возвращение в страну, из которой они были высланы с нарушением установленного порядка, а случаи лиц, высланных в установленном порядке в соответствии с международным правом, представляет собой совершенно иной вопрос.

---

[33] См. статью 4 Протокола № 4 к Европейской конвенции по правам человека (свобода передвижения и выбора места жительства; запрещение ссылки, коллективной высылки иностранцев и лишения свободы за имущественный долг), вступившего в силу 2 мая 1968 года.

[34] См., например, коллективную высылку из Уганды индусов и пакистанцев при Иди Амине Даде в 70-х годах (см. Twaddle, *Expulsion of a Minority: Essays on Ugandan Asians*; групповую высылку африканцев различного гражданства (в частности, бенинцев и ганцев) из Нигерии в 80-х годах (Afolayan, “Immigration and expulsion of ECOWAS aliens in Nigeria”); вышеуказанный случай (см. сноску 6 выше) коллективной высылки в марте 2004 года из Экваториальной Гвинеи сотен камерунцев.

[35] Краткое изложение этой Конвенции, а также состояние ратификации в 1999 году см. United Nations, *The rights of non-citizens* (E/CN.4/Sub.2/1999/7), paras. 47–49.

[36] United Nations, *The rights of non-citizens* (E/CN.4/Sub.2/1999/7), paras. 47–49.

[37] *Ежегодник.., 2001 год*, том I, пункт 71, стр. 342.

ГЛАВА V

Методологические вопросы

28. Тема "Высылка иностранцев" относится как к внутреннему, так и к международному праву. Как известно, она затрагивает национальные нормы, которые государство принимает в порядке реализации своего территориального суверенитета, и нормы международного права, будь то общие, конвенционные или специальные, в области защиты прав человека. Основополагающую роль в определении того, какие нормы могут считаться общими для сообщества государств и, следовательно, пригодными для кодификации в качестве международно-правовых норм, будут играть национальная практика и сравнительное право. Эта национальная практика будет определяться посредством сопоставления законодательства и прецедентов, которые имеются или могут быть получены в большинстве государств, а также международных региональных судебных органах по правам человека. Такой транснациональный сравнительный подход оправдан еще и потому, что даже некоторые национальные судебные органы для обоснования своих решений по делам, касающимся высылки иностранцев, опираются на сравнительное право. Так, например, по делу *Habeas Corpus de Alfredo Rossi России*[38] федеральный окружной суд Рио-де-Жанейро, Бразилия, сослался на законодательство нескольких европейских стран для обоснования наличия права на высылку иностранца по мотивам публичного и политического порядка:

> Учитывая, что право на высылку иностранца по мотивам публичного и политического порядка осуществлялось и осуществляется всеми правительствами; и прямо закреплено в законодательствах Франции, Швейцарии, Дании, Испании, Нидерландов и Великобритании[39].

29. В этом отношении практика Комиссии и Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека и Африканской комиссии по правам человека и народов содержит обширный и богатый материал, изучение которого поможет определить несколько четких норм в этой области.

30. Возникает вопрос, по которому Специальный докладчик хотел бы получить мнения членов Комиссии: как следует поступать с существующими конвенционными нормами в этой области? Нужно ли их включать в будущий проект статей или же этот проект должен ограничиваться лишь заполнением имеющихся правовых пробелов? Следует ли заняться формулировкой основополагающих принципов в области высылки иностранцев или же, напротив, предложить всеобъемлющий правовой режим в этой области? Специальный докладчик склонен считать, что проект статей по этой теме будет представлять интерес лишь в том случае, если он будет содержать максимально полный правовой режим, разработанный на основе общих принципов, составляющих правовой фундамент, на котором покоится институт высылки иностранцев в международном праве. Руководствуясь таким подходом, он решил предложить набросок своего плана работы, который прилагается к настоящему предварительному докладу.

---

[38] *Revista de Direito*, pp. 536–541, quoted by Irizarry y Puente, loc. cit., p. 258.

[39] Ibid., p. 539.

Приложение I

НАБРОСОК ПЛАНА РАБОТЫ

Часть первая

ОБЩИЕ НОРМЫ

I. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ

A. Высылка и смежные понятия

1. Высылка и ссылка
2. Высылка и перемещение населения
3. Высылка и массовый исход населения
4. Высылка и депортация
5. Высылка и выдача
6. Высылка и принудительное возвращение на границу
7. Высылка и отказ во въезде
8. Высылка и внесудебная передача
9. Высылка и "чрезвычайная передача"
10. Высылка и запрет во въезде на территорию
11. Высылка и препровождение до границы

B. Определение

1. Иностранец
2. Высылка
3. Высылка иностранца

II. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

A. Право как атрибут суверенитета государства

1. Обычная норма
2. Норма неабсолютного характера

B. Осуществление права при соблюдении основополагающих норм международного права

1. Принцип невысылки граждан и апатридов
2. Принцип соблюдения основных прав человека при процедуре высылки
3. Принцип запрещения коллективной высылки

C. Мотивы и правомерность высылки

1. Классические мотивы, допускаемые международным правом
   a) публичный порядок
   b) государственная безопасность
   c) высшие интересы государства?
2. Возможные спорные мотивы в международном праве
   a) религиозные убеждения
   b) происхождение
   c) сексуальное поведение
   d) физическое и психическое состояние
   e) прочие мотивы

Часть вторая

РЕЖИМЫ ВЫСЫЛКИ

I. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ВЫСЫЛКА

B. Процедура

C. Правомерность

II. КОЛЛЕКТИВНАЯ ВЫСЫЛКА

A. Принцип запрещения

B. Пределы действия принципа

III. ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ ТРУДЯЩИХСЯ МИГРАНТОВ

A. Принцип запрещения коллективной высылки

B. Условия высылки

Часть третья

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫСЫЛКИ

I. ПРАВО ВЫСЫЛАЕМОГО

A. Право на соблюдение основных прав на достоинство

B. Право на возвращение на территорию государства высылки

C. Право на компенсацию за причиненный ущерб

II. ПРАВО ГОСУДАРСТВА ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

A. Дипломатическая защита в бесспорных случаях

B. Дипломатическая защита в спорных случаях

III. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЫСЫЛАЮЩЕГО ГОСУДАРСТВА

A. Принцип

B. Последствия

Annexe II

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Публикации и статьи

ABRAHAM, Ronny

"La reconduite à la frontière des demandeurs d'asile", *Revue française de droit administratif* (Paris), vol. 8, No. 1, January–February 1992, pp. 90–103.

ANDRIAMIRADO, Sennen

"Les 'Palestiniens' de l'Afrique de l'Ouest, *Jeune Afrique Économie*, 3 June 1996, pp. 74–77.

BARUTCISKI, Michael

"Chronique de jurisprudence canadienne en droit des réfugiés (1992)—expulsion pour cause de sécurité publique: une protection réduite", *Documentation Réfugiés*, Supplement to No. 217, 25 May–7 June 1993.

BEATTIE JR, Chester S.

"The 1980 Lei do Estrangeiro: the return of traditional defenses against expulsion in Brazilian immigration law?", *Texas International Law Journal*, vol. 18, No. 1, 1983, pp. l51–173.

BENDERMACHER-GEROUSSIS, Emile and Alexandre BENDERMACHER-GEROUSSIS

"Le contrôle juridictionnel du pouvoir discrétionnaire dans l'expulsion et l'extradition des étrangers", *Revue hellénique de droit international*, vols. 38–39, 1985–1986, pp. 375–388.

BENOIT ROHMER, Florence

"Reconduite à la frontière: développements récents", *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, vol. 110, 1994, pp. 429–478.

BES DE BERC, Emmanuel

De l'expulsion des étrangers. Paris, 1888.

BHABHA, Jacqueline and Geoffrey COLL, eds.

Asylum law and practice in Europe and North America: A comparative analysis by leading experts. Washington, D.C., Federal Publications, 1992. 239 p.

BØDTCHER, Anne la Cour and Jane HUGHES

"The effects of legislation imposing fines on airlines for transporting undocumented passengers", *in* Morten Kjaerum, ed., *The Effects of Carrier Sanctions on the Asylum System.* Copenhagen, Danish Refugee Council, 1991, pp. 6–13.

BRUNELLE, Christian

"La primauté du droit: la situation des immigrants et des réfugiés en droit canadien au regard des chartes et des textes internationaux", *Les Cahiers de Droit*, vol. 28, No. 3, September 1987, pp. 585–624.

CAMPIGLIO, Cristina

"Reciprocity in the treatment of aliens in Italy: good reasons for its abolition", *Italian Yearbook of International Law*, vol. 11, 2001, pp. 125–137.

CARLIER, Jean-Yves

"L'expulsion collective d'étrangers", *in* Pierre Lambert and Christophe Pettiti, eds., *Les mesures relatives aux étrangers à l'épreuve de la Convention européenne des droits de l'homme*: actes du séminaire du 21 mars 2003 organisé par les Instituts des droits de l'homme du barreau de Bruxelles et du barreau de Paris. Brussels, Nemesis/Bruylant, 2003, pp. 111–138.

"Droit des étrangers" (Jurisprudence), *Journal des procès* (Brussels), Nos. 218–219, 29 May and 12 June 1992.

CHADBOURNE, Julie

Spain—Discretion without bounds: the arbitrary application of Spanish immigration law. Washington, D.C., Human Rights Watch, 2002. 23 p.

CHALANTON, Paul

La nationalité néerlandaise (Pays-Bas et colonies)—nationalité et service militaire: police des étrangers: admission, expulsion et surveillance des étrangers: extradition: lois traduites et annotées d'après les plus récents documents officiels: avec un appendice et un index alphabétique. The Hague, Boucher, 1928. 134 p.

CHALTIEL, Florence

"Le juge administratif, juge de l'immigration", *Revue du droit public*, vol. 116, No. 1, January/February 2000, pp. 153–193.

CHANTRE, Alfred

Du séjour et de l'expulsion des étrangers. Geneva, Aubert-Schuchardt, 1891. 132 p. (Thesis, University of Geneva)

CHEVALLIER, Jacques

[French] Constitutional Council, 28 July 1989, decision No. 89–281 DC, *Actualité juridique–Droit administratif*, 1989, pp. 619–627.

CHOLEWINSKI, Ryszard

"Strasbourg's 'hidden agenda'?: the protection of second-generation migrants from expulsion under article 8 of the European Convention on Human Rights", *Netherlands Quarterly of Human Rights*, vol. 12, issue 3, 1994, pp. 287–306.

CLARK, Tom

"Human rights and expulsion: giving content to the concept of asylum", *International Journal of Refugee Law*, vol. 4, issue 2, 1992, pp. 189–204.

COSTA-LASCOUX, Jacqueline

"Les politiques migratoires à l'épreuve des faits", *Collection of lectures: texts and summaries*. Strasbourg, Institute of Human Rights, 1992. 13 p.

COSTA-LASCOUX, Jacqueline and Patrick WEIL

Logiques d'États et immigrations. Paris, Kimé, 1992.

CREPEAU, François

"Quel statut pour l'étranger absolu? La condition du demandeur d'asile selon le droit canadien", *Les réfugiés en France et en Europe—quarante ans d'application de la Convention de Genève 1952–1992: actes du colloque organisé à l'initiative de l'OFPRA, 11–13 juin 1992*. Paris, Office français de protection des réfugiés et des apatrides, 1992.

"Condition des étrangers—Conseil d'État: 13 décembre 1991 (Préfet de l'Hérault c. Dakouri)", *Revue critique de droit international privé*, vol. 81, No. 3, July–September 1992.

Droit d'asile: de l'hospitalité aux contrôles migratoires. Brussels, Bruylant, 1995. Collection de droit international, 29. 424 p.

CUGNIN, Robert

L'expulsion des étrangers. Nancy, Crépin-Leblond, 1912. 342 p. (Thesis, University of Nancy, France)

DARUT, Joseph-André

De l'expulsion des étrangers—principe général: application en France. Aix, B. Niel, 1902. 249 p. (Thesis, University of Aix-Marseille, France)

DENT, John A

Research paper on the social and economic rights of non-nationals in Europe. London, European Council on Refugees and Exiles, 1998. 130 p.

DEVELOPPEMENTS RECENTS EN DROIT DE L'IMMIGRATION (1998)

Cowansville, Quebec, Yvon Blais, 1998. (Service de la formation permanente, Barreau du Québec)

DE ZAYAS, Alfred M.

Nemesis at Potsdam—the Anglo-Americans and the expulsion of the Germans: background, execution, consequences. 2nd rev. ed. London, Routledge & Kegan Paul, 1979. 268 p.

DJIK, P. van

Protection of 'integrated' aliens against expulsion under the European Convention on Human Rights, *in* Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe*. The Hague, Kluwer, 2001, pp. 23–39.

DOCKX, Véronique

"L'accès au territoire, la détention et l'expulsion des mineurs étrangers non accompagnés à la lumière de la loi sur la tutelle", *Revue du droit des étrangers*, issue 128, 2004, pp. 167–181.

DONAHUE, Bill

"Life in Limbostan: stranded in a Spanish outpost in Africa, illegal immigrants from around the globe await the blessing of expulsion", *Mother Jones*, vol. 28, issue 5, September-October 2003.

ECONOMIST

"War with Milosevic: a widening conflict". London, 3 April 1999, pp. 19–21.

ETZWILER, Nancy G.

"Le traitement des demandeurs d'asile aux ports d'entrée et le concept de 'zones internationales'". Paris, Association nationale d'assistance aux frontières pour les étrangers, April 1992. 18 p. Document présenté au colloque sur le statut juridique de la zone internationale, 10–11 April 1992.

EVANS, A. C.

"United Kingdom courts and European Community law governing the exclusion or expulsion of migrants", *Public Law*, winter 1981, pp. 497–510.

FABRE-ALIBERT, Véronique

"Réflexions sur le nouveau régime juridique des étrangers en France", Chronique administrative, *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, vol. 110, July–August 1994, pp. 1165–1195.

FATHOLAHZADEH, Ardavan and Louis TINTI

"Luxembourg", *in* Bruno Nascimbene, ed., *Expulsion and Detention of Aliens in the European Union Countries.* Milan, Giuffrè, 2001, pp. 377–412.

FAVOREU, L.

"La jurisprudence du Conseil constitutionnel en 1980", *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, No. 6, November–December 1980, pp. 1627–1698.

FERNANDEZ-KELLY, Patricia M.

"Rethinking citizenship in the Global Village: reflections on immigrants and the underclass". Paper presented at the Conference on gender issues and refugees: development implications, York University, Toronto, Canada, 9–11 May 1993, vol. 1, pp. 386–438.

FITZPATRICK, Joan

"The post-exclusion phase: extradition, prosecution and expulsion", *International Journal of Refugee Law*, vol. 12, winter 2000, pp. 272–292.

FORDHAM INTERNATIONAL LAW JOURNAL (New York)

"State responsibility for constructive wrongful expulsion of foreign nationals", vol. 11, summer 1988, pp. 802–838.

FORDHAM LAW REVIEW (New York)

"Deportation: procedural rights of re-entering permanent resident aliens subjected to exclusion hearings", vol. 51, May 1983, pp. 1339–1359.

FRELICK, Bill

"Haitian boat interdiction and return: first asylum and first principles of refugee protection, *Cornell International Law Journal*, vol. 26, 1993, pp. 675–694.

GENEVOIS, Bruno

"La compétence constitutionnelle du juge administratif et la police des étrangers: à propos de la décision du Conseil constitutionnel No. 89–261 DC du 28 juillet 1989", *Revue française de droit administratif* (Paris), vol. 5, No. 4, July–August 1989, p. 691–702.

"L'entrée des étrangers en France: le rappel des exigences constitutionnelles", *Revue française de droit administratif* (Paris), vol. 8, No. 2, 1992, , pp. l85–20l.

A constitutional status for foreigners: apropos the [French] Constitutional Council's decision No. 93–325 DC of 13 August 1993. *Revue française de droit administratif* (Paris), vol. 9, No. 5, September–October 1993, pp. 871–900.

GOODWIN-GILL, Guy S.

International Law and the Movement of Persons between States. Oxford, Clarendon Press, 1978. 324 p.

"The Haitian *refoulement* case: a comment", *International Journal of Refugee Law*, vol. 6, No. 1, 1994, pp. 103–109.

GRABLE, David M.

"Personhood under the due process clause: a constitutional analysis of the Illegal Immigration Reform and Immigrant Responsibility Act of 1996", *Cornell Law Review*, vol. 83, No. 3, March 1998, pp. 820–865.

GROENENDIJK, Kees

"Long-term immigrants and the Council of Europe", *in* Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe.* The Hague, Kluwer, 2001, pp. 7–22.

GUILD, Elspeth

"Security of residence and expulsion of foreigners: European Community law", *in* Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe*. The Hague, Kluwer, 2001, pp. 59–80.

GUILD, Elspeth and Paul MINDERHOUD, eds.

Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe. The Hague, Kluwer, 2001. 249 p.

GUIMEZANES, Nicole

"La nouvelle loi sur l'entrée et le séjour des étrangers en France (loi No. 89–548 du 2 août 1989)". *La Semaine juridique: Juris-Classeur Périodique*, No. 64, 1990, p. 3424.

HAGUE ACADEMY OF INTERNATIONAL LAW

The right of asylum. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1990. 121 p. (Centre for Studies and Research in International Law and International Relations)

HAILBRONNER, K.

"Expulsion of aliens from the Federal Republic of Germany", *in* R. Bernhardt and U. Beyerling, eds., *Reports on German Public Law and Public International Law*. Heidelberg, C. F. Muller, 1986, pp. 97–113.

HANNUM, Hurst

The Right to Leave and Return in International Law and Practice. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1987. 189 p. (International Studies in Human Rights, 8)

HARTMANN, Rainer

"Yemeni exodus from Saudi-Arabia: the Gulf conflict and the ceasing of the workers' emigration", *Journal of South Asian and Middle* EASTERN *Studies*, vol. 19, No. 2, 1995, pp. 38–52.

HARVEY, Colin

"Expulsion, national security and the European Convention", *European Law Review*, vol. 22, No. 6, December 1997, pp. 626–633.

"Promoting insecurity: public order, expulsion and the European Convention on Human Rights", *in* Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe*. The Hague, Kluwer, 2001, pp. 41–57.

HELTON, Arthur C.

"The Malaysian policy to redirect Vietnamese boat people: non-refoulement as a human rights remedy", *New York University Journal of International Law and Politics*, vol. 24, 1992, pp. l203–1217.

HENCKAERTS, Jean-Marie

"The current status and content of the prohibition of mass expulsion of aliens", *Human Rights Law Journal*, vol. 15, issue 8–10, 1994, pp. 301–317.

Mass Expulsion in Modern International Law and Practice. The Hague, Martinus Nijhoff, 1995. 257 p.

HOLLIFIELD, James F.

"Migration and international relations: cooperation and control in the European Community", *International Migration Review*, vol. 26, No. 2, summer 1992, pp. 568–595.

HOTOP, S. D.

"Judicial control of administrative discretion in the expulsion and extradition of aliens", *in* A. E. S. Tay, ed., *Law and Australian Legal Thinking in the 1980s*. Sydney, 1986, pp. 551–576. (Collection of the Australian contributions to the 12th International Congress of Comparative Law)

JACQUES, André

Les Déracinés. Paris, Ed. La Découverte, 1985. 240 p.

JAEGER, Gilbert

Irregular movements: the concept and possible solutions", *The new asylum seekers—refugee law in the 1980s: the ninth Sokol colloquium on international law*. 1988, pp. 23–48. (International Studies in Human Rights)

JULIEN-LAFFERIERE, François

"Le traitement des réfugiés et des demandeurs d'asile au point d'entrée", *Revue Universelle des Droits de l'Homme*, vol. 2, No. 2, 28 February 1990, pp. 53–58.

Frontières du droit, frontières des droits: l'introuvable statut de la zone internationale. Paris, Le Harmattan/ANAFE, 1993. 237 p.

"Le mythe de 'l'immigration zéro'", *L'actualité juridique: Droit administratif*, vol. 50, 1994, pp. 83–95.

KARAGIANNIS, Syméon

"Expulsion des étrangers et mauvais traitements imputables à l'État de destination ou à des particuliers: vers une évolution de la jurisprudence européenne?", *Revue Trimestrielle des Droits de l'Homme*, vol. 10, No. 37, 1999, pp. 33–88.

KIDD, John

"Extradition and expulsion orders and the European Convention on Human Rights: the Soering decision and beyond", *Bracton Law Journal*, vol. 26, 1994, pp. 67 *et seq*.

KOPROLIN, Eva

"Introduction", *in* Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe*. The Hague, Kluwer, 2001, pp. 3–6.

LABAYLE, Henri

"Le contrôle contentieux des 'expulsions dirigées' ou les prolongements de la jurisprudence *Bozano* au Palais-Royal. *Revue française de droit administratif* (Paris), vol. 5, No. 1, January–February 1989, pp. 3–45.

LALOUPO, Francis, ed.

"Un monde sans pitié!", *Le Nouvel Afrique Asie*, October 1996, pp. 10–15.

LEBULLENGER, Joël

"À propos de l'expulsion des étrangers: les garanties de procédure administrative en droits français et communautaire", *Revue critique de droit international privé*, vol. 70, No. 3, July–September 1981, pp. 447–488.

LEIN, Yehezkel, Ofir FEUERSTEIN and Yael STEIN

Nu'man, East Jerusalem: life under the threat of expulsion. Talpiot, Jerusalem, B'tselem, 2003. 33 p. (Duah matsav (Be-tselem (Organization: Jerusalem)), September 2003)

LE POINT

"Zaïre: le grand K.-O" (Paris), 29 July 1995, pp. 32–37.

LOCHAK, Danièle

Étrangers: de quel droit? 1st ed. Paris, Presses Universitaires de France, 1985. 256 p. (Politique d'aujourd'hui)

"L'entrée et le séjour des étrangers en France: une législation sous influence". *L'actualité Juridique: Droit Administratif*, vol. 45, 1989, pp. 586–597.

LUCHAIRE, François

"Le Conseil constitutionnel et la loi du 24 avril 1997 sur l'immigration", *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, vol. 113, No. 2, July–August 1997, pp. 931–964.

LYON-CAEN, Antoine

"Étranger, immigré, immigrant: question de définition". *Revue de droit sanitaire et social*, vol. 23, No. 2, April–June 1987, pp. 189–196.

MADUREIRA, Joao

Aliens' admission to and departure from national territory—case-law of the organs of the European Convention on Human Rights and the European Social Charter: Background document for the colloquy "Human Rights without Frontiers", Strasbourg, France, 30 November-1 December 1989. Strasbourg, Council of Europe, 1989. 50 p.

MAGISTRO, John V.

"Crossing over: ethnicity and transboundary conflict in the Senegal River valley", *Cahiers d'Études africaines*, vol. XXXIII–2, 1993, pp. 201–232.

MALABRE, Jean Eric

"Security of residence and expulsion—protection of aliens in Europe: the French experience", in Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe*. The Hague, Kluwer, 2001, pp. 125–137.

MARSH, A. H.

"Colonial expulsion of aliens: an answer", *American Law Review* (St. Louis), vol. XXXIII, 1899, pp. 246–253.

MARTIN, Scott M.

"Non-refoulement of refugees: United States compliance with international obligations", *Harvard International Law Journal*, vol. 23, winter 1983, pp. 357–380.

MARTINI, Alexis

L'expulsion des étrangers. Paris, Larose & Tenin, 1909. 269 p.

MASCLET, Jean-Claude

"Les politiques d'immigration dans la Communauté", *Revue politique et parlementaire* (Paris), No. 947, May-June 1990, pp. 59–79.

MIDDLE EAST REPORTER WEEKLY

"Egypt, Sudan calm about Libya expelling workers", vol. 77, 16 september 1995, pp. 15-–16.

"Controversy over JRA deportation", vol. 94, No. 1090, 25 March 2000, pp. 15–17.

MILES, Robert

"L'Europe de 1993: l'État, l'immigration et la restructuration de l'exclusion, *Sociologie et sociétés*, vol. XXIV, No. 2, autumn 1992, pp. 45–57.

MINNESOTA LAW REVIEW

"Constitutional restraints on the expulsion and exclusion of aliens", vol. XXXVII, 1952–1953, pp. 440–458.

MODEEN, Tore and Matti PELLONPÄÄ

Judicial control of administrative discretion in the expulsion and extradition of aliens. Helsinki, Yliopistopaino, 1986. 29 p. (Paper presented at the XIIth International Congress of Comparative Law, Australia, 18–27 August 1986)

MORRIS, Maria V.

"The exit fiction: unconstitutional indefinite detention of deportable aliens", *Houston Journal of International Law*, vol. 23, No. 2, winter 2001, pp. 255–304.

NASCIMBENE, Bruno, ed.

Expulsion and detention of aliens in the European Union countries. Milan, Giuffrè, 2001. 602 p.

NGUYEN VAN YEN, Christian

Droit de l'immigration. Paris, Presses Universitaires de France, 1986. 352 p.

NOVICKI, Margaret A.

"West Africa after the exodus", *Africa Report*, vol. 30, July–August 1985, pp. 10–13.

PACURAR, Andi

"Smuggling, detention and expulsion of irregular migrants: a study on international legal norms, standards and practices", *European Journal of Migration and Law*, vol. 5, No. 2, 2003, pp. 259–283.

PEAUCELLE, Jean-Christophe

"L'immigration et la libre circulation des personnes en Europe: enjeux et perspectives", *Revue française de droit administratif* (Paris), vol. 6, No. 4, July–August 1990, pp. 516–524.

PELLONPÄÄ, Matti

Expulsion in international law: a study in international aliens law and human rights with special reference to Finland. Helsinki, Suomalainen tiedeakatemia, 1984. 508 p. (Dissertationes humanarum litterarum, 39)

"Judicial control of administrative discretion in the expulsion and extradition of aliens", *in* K. Buure-Haglund, ed., *The Finnish national reports to the Twelfth Congress of the International Academy of Comparative Law*. Helsinki, Institutum Iurisprudentiae Comparativae Universitatis Helsingiensis, 1986, pp. 133–171.

PERRUCHOUD, Richard

"L'expulsion en masse d'étrangers", AFDI, vol. XXXIV, 1988, pp. 677–693.

L'expulsion en masse d'étrangers: étude de droit international. Geneva, Independent Commission on International Humanitarian Issues.

PILLING, Mark

"Airlines foot bill for illegal entry", *Interavia*, vol. 47, No. 9, September 1992, pp. 70–71.

PLENDER, Richard

International Migration Law. 2nd rev. ed.. Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1988. 587 p.

"Competence, European Community law and nationals of non-member States", *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 39, 1990, pp. 599–610.

PUECHAVY, Michel

"Le renvoi des étrangers à l'épreuve de la Convention européenne des droits de l'homme", *in* Pierre Lambert and Christophe Pettiti, eds., *Les mesures relatives aux étrangers à l'épreuve de la Convention européenne des droits de l'homme: actes du séminaire du 21 mars 2003*. Brussels, Bruylant, 2003, pp. 75–95.

RICCA, Sergio

Migrations internationales en Afrique: aspects légaux et administratifs. Paris, L'Harmattan, 1990. 280 p.

RICCI, Marco

"A legislative outline of Italian regulations governing foreigners: regulations in force and new proposals", *Italy, Documents and Notes*, vol. 34, October–December1985, pp. 15–31. English translation by Euan Cecil Wright.

ROGERS, Andrea

"Exploitation v. expulsion: the use of expedited removal in asylum cases as an answer to a compromised system", *William Mitchell Law Review*, vol. 24, No. 3, 1998, pp. 785–821.

RONDEPIERRE, Jean

Statut des étrangers—entrée, séjour, expulsion, naturalisation, cartes de travailleur et de commerçant, obligations des employeurs: textes, commentaires, jurisprudence, conventions internationales. Paris, Imprimerie administrative centrale, 1953. 190 p.

RUPNIK, Jacques and Anne BAZIN

"The difficult reconciliation between Germany and the Czech Republic". *Politique étrangère*, vol. 66, No. 2, April–June 2001, pp. 353–370.

SIEVEKING, Klaus

"Security of residence and expulsion: the German experience", *in* Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe*. The Hague, Kluwer, 2001, pp. 105–123.

STENBERG, Gunnel

Non-expulsion and non-refoulement: the prohibition against removal of refugees with special references to articles 32 and 33 of the 1951 Convention relating to the status of refugees. Uppsala, Iustus Førlag, 1989. 309 p. (Thesis, University of Uppsala, Sweden)

SWINDELL, Kenneth

"International labour migration in Nigeria 1976–1986: employment, nationality and ethnicity", *Migration*, No. 8, 1990, pp. 135–155.

TEITGEN-COLLY, Catherine

"Le droit d'asile: la fin des illusions", *L'Actualité Juridique: Droit Administratif* (Paris), vol. 50, February 1994, pp. 97–114.

TEITGEN-COLLY, Catherine and François JULIEN-LAFERRIERE

"Chronique de législation: étrangers", *L'Actualité Juridique: Droit Administratif* (Paris), No. 11, 20 November 1998, pp. 922–930.

THAYER, Nate

"Hostile home: Vietnamese fear expulsion under new law", *Far Eastern Economic Review*, 13 October 1994, pp. 20–21.

TOTH, Judith

"Security of residence and expulsion: protection of aliens in Hungary", *in* Elspeth Guild and Paul Minderhoud, eds., *Security of Residence and Expulsion: Protection of Aliens in Europe*. The Hague, Kluwer, 2001, pp. 165–174.

TURPIN, Dominique

"La réforme de l'ordonnance du 2 novembre 1945 sur la condition des étrangers par la loi du 10 janvier 1980", *Revue critique de droit international privé*, vol. 69, 1980, pp. 41–57.

"Les nouvelles conditions de l'expulsion des réfugiés, *Revue française de droit administratif* (Paris), vol. 2, No. 2, March–April 1986, pp. 137–154.

"La réforme de la condition des étrangers par les lois des 24 août et 30 décembre 1993 et par la loi constitutionnelle du 25 novembre 1993", *Revue critique de droit international privé*, vol. 83, 1994, pp. 1–61.

TURPIN, Dominique, ed.

Immigrés et réfugiés dans les démocraties occidentales: défis et solutions. Paris, Economica, 1989. 319 p.

VIGROUX-ECHEGUT, Muriel

"Le contrôle de la qualification juridique des faits dans le contentieux de l'expulsion des étrangers", *Revue Trimestrielle des Droits de l'Homme* (Brussels), vol. 11, issue 43, 2000, pp. 479–502.

VINCENT, J.-Y.

"La réforme de l'expulsion des étrangers par la loi du 29 octobre 1981", *Semaine Juridique*, general ed., part I (doctrine), 1982, p. 3054.

WILSHER, Daniel

"The administrative detention of non-nationals pursuant to immigration control: international and constitutional law perspectives", *International and Comparative Law Quarterly* (United Kingdom), vol. 53, No. 4, October 2004, pp. 897–934.

WHITE, Robin C. A.

"Procedural guarantees and expulsion", *European Law Review* (United Kingdom), vol. 21, June 1996, pp. 241–246.

WOODS, Lorna

"Consequences of TRNC—expulsion of Greek Cypriots, article 8: home right to culture, article 1 of Protocol 1: treatment of remaining Greek Cypriots and Cypriot Gypsies, article 2: right to life, missing persons, access to medical treatment, article 3, article 5: lack of education", *British Year Book of International Law, 2001*, vol. 72, pp. 493–504.

"Right to receive medical treatment—inhuman and degrading treatment, expulsion of aliens, article 3, mental health, private life, article 8, judicial review, effective remedy, article 13", *British Year Book of International Law, 2001*, vol. 72, pp. 513–516.

II. Международные документы

A. Европейские организации

European Community (Commission). Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on immigration and asylum policies, 23 February 1994 (COM (94) 23 final). 94 p.

European Community (Council). Press release on the meeting of ministers responsible for immigration, 2 June 1993, No. 6712/93 (Presse 90). 6 p.

European Community (Council). Declaration on principles of governing external aspects of migration policy, Edinburgh European Council, 11–12 December 1992.

European Community (European Parliament). Report on a European Migration Policy (Van den Brink report), 2 October 1992. 27 p. See resolution on European immigration policy (A3–0280/92), *Official Journal of the European Communities*, No. C 377, vol. 35, 21 December 1992.

Council of Europe. Ad Hoc Committee of Experts on the Legal Aspects of Territorial Asylum, Refugees and Stateless Persons (CAHAR)—Compatibility of carrier sanctions in four community States with international civil aviation and human rights obligations: a report by A. Cruz (Consultant) (CAHAR (90) 7), Strasbourg, 23 November 1990. 22 p.

Council of Europe. Report on the exodus of Albanian nationals (Böhm report), 1992 (document 6555). 12 p.

Council of Europe. Report on migratory flows in Czechoslovakia, Hungary and Poland (Guirado report), 1992 (document 6633). 15 p. См. рекомендацию 1188 (1992) относительно миграционных потоков в Венгрии, Польше и Чехословакии. Parliamentary Assembly, 1992 (REC.1188). 3 p.

Council of Europe. Report on clandestine migration: traffickers and employers of clandestine migrants (Pahtas report), 1993 (document 6817). 24 p.

Protocol No. 4 to the Convention of 4 November 1950 for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, securing certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and in the first Protocol thereto.

Protocol No. 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 4 November 1950, restructuring the control machinery established thereby.

B. Межправительственные консультации по вопросам убежища, беженцев и миграционной политики в Европе, Северной Америке и Австралии

Orientation of multilateral cooperation. Full round consultations. Niagara-on-the-Lake, 29–30 June 1992 (document No. 07/92).

Removal policies with respect to infected asylum-seekers. Full round consultations. Niagara-on-the-Lake, 29–30 June 1992.

Development of information exchange. Full round consultations. Niagara-on-the-Lake, 29–30 June 1992.

Country of origin information (focal points). Full round consultations. Niagara-on-the-Lake, 29–30 June 1992 (document No. 6/Add/92). 21 p.

Background to assessment approach. Full round consultations. Niagara-on-the-Lake, 29–30 June 1992 (document No. 07/92.

Statistical tables (document No. 08/92).

Report of the Country Assessment Approach on Ghana. Full round consultations. Niagara-on-the-Lake, 27 June–1 July 1992. 23 p.

C. Специальная группа по иммиграции

Report from the Ministers responsible for immigration to the European Council meeting in Maastricht on immigration and asylum policy (Brussels, 3 December 1991) (SN 4376/91, WGI 930). l5 p. Reproduced in Elspeth Guild and Jan Niessen, eds., *The Developing Immigration and Asylum Policies of the European Union: Adopted Conventions, Resolutions, Recommendations, Decisions and Conclusions*. The Hague, Kluwer, 1996, pp. 449–492.

Recommendation regarding practices followed by Member States on expulsion (16 November 1992) (SN 4678/92, WGI 1266). 11 p. Ibid., pp. 219–238.

Recommendation concerning checks on and expulsion of third country-nationals residing or working without authorization (Brussels, 25 May 1993) (SN 3017/93, WGI 1516). 6 p. Ibid., pp. 275–292.

D. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев

“Position du HCR concernant les résolutions adoptées le 30 novembre 1992 par les ministres des États membres des communautés européennes responsables de l’immigration sur les demandes d’asile manifestement infondées, les pays tiers d’accueil et les pays où il n’y a en règle générale aucun risque grave de persécution”, *Documentation-Réfugiés*, No. 212, 16–29 March 1993), annex II, p. 12.

“The Haitian interdiction case 1993: brief *amicus curiae*”, *International Journal of Refugee Law*, vol. 6, No. 1, 1994, pp. 85–102.

“Position du Haut Commissariat des Nations Unies pour les réfugiés sur le projet de loi relatif à la maîtrise de l’immigration et aux conditions d’entrée et de séjour des étrangers en France”, *Documentation-Réfugiés*, No. 220, 6–19 July 1993, annex, p. 12.

E. Организация экономического сотрудничества и развития

Trends in International Migration. Report of the Continuous Reporting System on Migration (SOPEMI). Paris, OECD, 1992. 157 p.

F. Экономический и Социальный Совет Организации Объединенных Наций

Commission on Human Rights. Question of the violation of human rights and fundamental freedoms in any part of the world, with particular reference to colonial and other dependent countries and territories. Study on human rights and massive exoduses, by Sadruddin Aga Khan, Special Rapporteur (E/CN.4/1503 of 31 December 1981).

Комиссия по правам человека. Всеобъемлющее рассмотрение тематических вопросов, касающихся ликвидации расовой дискриминации. "Права лиц, не являющихся гражданами", Рабочий документ, представленный г-ном Дэвидом Вайсбродтом в соответствии с решением 1998/103 Подкомиссии (E/CN.4/Sub.2/1999/7 от 31 мая 1999 года).

Международный Пакт о гражданских и политических правах. Комитет по правам человека. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта: Соединенные Штаты Америки (CCPR/C/81/Add. 4 от 24 августа 1994 года).

International Provisions Protecting the Human Rights of Non-Citizens. Study prepared by the Baroness Elles, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities (E/CN.4/Sub.2/392/Rev.1). United Nations publications, Sales No. E.80.XIV.2.

G. "Международная амнистия"

Australia-Pacific—offending human dignity: the “Pacific Solution”, www.amnesty.org.

United Nations Committee’s recommendations to Lebanon: need for effective measures to protect the human rights of Palestinian refugees, www.amnesty.org.

Cambodia: refugee protection in crisis, www.amnesty.org.

France: deaths during forcible deportation. Concerns in Europe and Central Asia: June 2003 www.amnesty.org.

Bali Ministerial Conference on People Smuggling, Trafficking in Persons and Trans-national Crime must address human rights concerns, www.amnesty.org.

Libya: imminent deportation of Eritrean army deserters, www.amnesty.org.

Iraq: compulsory return must not be imposed on Iraqi asylum seekers, www.amnesty.org.

Iran: hundreds of Afghan refugees forcibly removed from Iran, www.amnesty.org.

Sudan—civilians still under threat in Darfur: an agenda for human rights protection, www.amnesty.org.

H. Организация американских государств

Inter-American Commission on Human Rights, Progress report on the situation of migrant workers and their families in the hemisphere, www.cidh. org.

III. Национальные тексты

A. Франция

Ordonnance du 2 novembre 1945 relative aux conditions d'entrée et de séjour des étrangers en France consolidée, modifiée et complétée par la loi n° 2003–1119 du 26 novembre 2003 relative à la maîtrise de l'immigration, au séjour des étrangers en France et à la nationalité.

Arrêté du 26 février 2004 du Ministre de l'intérieur, de la sécurité et des libertés locales ordonnant l'expulsion de M. Bouziane du territoire français.

B. Камерун

Loi n° 97/012 du 10 janvier 1997, fixant les conditions d'entrée, de séjour et de sortie des étrangers au Cameroun.

Décret n° 2002/003 du 4 janvier 2002 portant organisation de la Délégation Générale à la Sûreté Nationale.

IV. Судебная практика

A. Европейский суд по правам человека

Application No. 51564/99, 5 February 2002, *Čonka* v. *Belgium*: nationals of Slovakian Roma origin arrested in view of their expulsion even though they had been summoned by the police to go through certain formalities (violation of articles 5, paragraph 4, and 13 of the Convention and of article 4 of its Protocol No. 4).

Application No. 50963/99, 20 June 2002, *Al-Nashif* v. *Bulgaria*: impossibility of contesting the lawfulness of detention while awaiting an expulsion order (violation of article 5, paragraph 4, of the Convention): expulsion separating a family (violation of article 8); absence of any effective recourse procedure (violation of article 13).

Application 56811/00, 11 July 2002, *Amrollahi* v. Denmark: alien risking separation from his spouse and children because of the expulsion order taken out against him after a conviction (violation of article 8 of the Convention).

Application No. 37295/97, 31 October 2002, *Yildiz* v. *Austria*: expulsion of an alien following his conviction and subsequent separation from his spouse and child (violation of article 8 of the Convention).

Applications Nos. 57374/00 and 57575/00, 8 November 2002, *Sulejmanovic and others* and *Sejdovic and Sulejmanovic* v. *Italy*: expulsion of Roma families to Bosnia-Herzegovina (violation of articles 3 and 13 of the Convention, and article 4 of its Protocol No. 4—friendly settlement).

Application No. 36757/97, 6 February 2003, *Jakupovic* v. *Austria*: deportation of a 16-year-old to Bosnia-Herzegovina where he had no family (violation of article 8 of the European Convention on Human Rights).

Application No. 53470/99, 10 April 2003, *Mehemi* v. *France*: time taken to authorize return of an alien following the Court's conclusion that the expulsion had violated article 8 and refusal to lift the banning order (art. 8). No violation.

Application No. 52853/99, 17 April 2003, *Yilmaz* v. *Germany*: expulsion of a second-generation immigrant (violation of article 8 of the Convention).

Application No. 53441/99, 10 July 2003, *Benhebba* v. France: expulsion of an alien after a long period of residence (violation of article 8 of the Convention).

Application No. 52206/99, 15 July 2003, *Mokrani* v. *France*: threat of expulsion of a second-generation immigrant (violation of article 8 of the Convention).

Application No. 56132/00, 23 July 2003, *Taskin* v. *Germany*: foreign national risking separation from her family because of her expulsion (art. 8 of the Convention, case struck out).

Application No. 40226/98, 29 July 2003, *Cervenakova and others* v. *The Czech Republic*: eviction of Slovakian nationals from their homes (violation of articles 3 and 8 of the Convention).

Application No. 48321/99, 9 October 2003 (Grand Chamber), *Slivenko* v. *Latvia*: deportation, in the context of the withdrawal of Russian troops, of the former military officer, his wife and daughter who had always lived in Latvia (violation of article 8 of the Convention).

B. Межамериканская комиссия по правам человека

Report No. 6/02, petition 12.071, 27 February 2002: 120 Cuban nationals and 8 Haitian nationals detained in the Bahamas. Admissibility.

Report No. 07/02, petition 11.661, 27 February 2002, *Manickavasagam Suresh* v. *Canada*. Admissibility.

Report No. 51/01, case 9903, 4 April 2001, *Rafael Ferrer-Mazorra* et al. v. *United States*.

C. Африканская комиссия по правам человека и народов

Communication 71/92, *Rencontre Africaine pour la Défense des Droits de l'Homme* v. *Zambia*, 20th Ordinary Session, October 1997, Grand Bay, Mauritius.

Communication 212/98, *Amnesty International* v. *Zambia*, 25th Ordinary Session, 5 May 1999, Bujumbura.

Communication 73/93, *Mohammed Lamine Diakité* v. *Gabon*, 27th Ordinary Session, 11 May 2000, Algiers.

Communication 133/94, *Association for the Defence of Human Rights and Freedoms* v. *Djibouti*, 27th Ordinary Session, 11 May 2000, Algiers.

Communication 219/98, *Legal Defence Centre* v. *Gambia*, 11 May 2000, Algiers.

Communication 97/93, *John K. Modise* v. *Botswana*, 28th Ordinary Session, 23 October-6 November 2000, Cotonou.

Communication 239/2001, *Interights* (on behalf of José Domingos Sikunda) v. *Namibia*, 31st Ordinary Session, 2–16 May 2002, Pretoria.

Communication 233/99, *Interights* (on behalf of Pan African Movement and Citizens for Peace in Eritrea) v. *Ethiopia*, 33rd Ordinary Session, 15–29 May 2003, Niamey.

Communication 234/99, *Interights* (on behalf of Pan African Movement and Inter Africa Group) v. *Eritrea*, 33rd Ordinary Session, 15–29 May 2003, Niamey.

D. Организация Объединенных Наций

UNRIAA, vol. X, Mixed Claims Commission Italy-Venezuela constituted under the Protocols of 13 February and 7 May 1903, *Boffolo* case (United Nations publication, Sales No. 60.V.4).

Комитет по правам человека

Communication No. 34/1978, *Jorge Landinelli Silva* et al. v. *Uruguay*, 8 April 1981, *Selected Decisions under the Optional Protocol (sec-*

ond to sixteenth session), United Nations publication, Sales No. E.84.XIV.2, p. 65.

Communication No. 193/1985, *Pierre Giry* v. *Dominican Republic*: expulsion of the victim to a third country by the State party's authorities even though he was in transit on its territory. Adoption of views: 20 July 1990. *Official Records of the General Assembly, Forty-fifth Session, Supplement No. 40* (A/45/40), Report of the Human Rights Committee, vol. II, annex IX, p. 38.

Communication No. 236/1987, *V. M. R. B.* v. *Canada*: refusal to comply with deportation order enforcing Canadian immigration law. Decision of 18 July 1988: inadmissibility. *Ibid., Forty-third Session, Supplement No. 40* (A/43/40), Report of the Human Rights Committee, annex VIII, sect. F, p. 258.

Communication No. 296/1988, *J. R. C.* v. *Costa Rica*: expulsion from Costa Rica of a stateless person. Decision on admissibility: 30 March 1989. *Ibid., Forty-fourth Session, Supplement No. 40* (A/44/40), Report of the Human Rights Committee, annex XI, p. 293.

Communication No. 291/1988, *Mario I. Torres* v. *Finland*: detention of the author in accordance with the law on aliens while awaiting his extradition to his country of origin. *Ibid., Forty-fifth Session, Supplement No. 40* (A/45/40), Report of the Human Rights Committee, vol. II, annex IX, p. 96.

Communication No. 743/1997: *Truong* v. *Canada* (Decision adopted on 28 March 2003). *Ibid., Fifty-eighth Session, Supplement No. 40* (A/58/40), Report of the Human Rights Committee, vol. II, annex VI, sect. B, p. 397.

Communication No. 829/1998: *Judge* v. *Canada* (Views adopted on 5 August 2003). *Ibid.*, annex V, sect. G, p. 76.

Communication No. 1011/2001, *Madafferi* v. *Australia* (CCPR/C/81/D/1011/2001 of 26 August 2004). *Ibid., Forty-ninth Session, Supplement No. 40* (A/59/40), Report of the Human Rights Committee, vol. II, annex IX, sect. Y, p. 208.

Communication No. 1069/2002: *Bakhtiyari* v. *Australia* (Views adopted on 29 October 2003). *Ibid., Fifty-ninth Session, Supplement No. 40* (A/59/40), Report of the Human Rights Committee, vol. II, annex IX, sect. DD, p. 301.

Communication No. 1051/2002: *Ahani* v. *Canada* (Views adopted on 29 March 2004). *Ibid.*, sect. BB, p. 260.

E. Национальные суды

Франция

Conseil d'État, 4 October 2004, *Ministry of the Interior, internal security and local freedoms* v. M. Bouziane (confirmation of expulsion order).

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

[Пункт 8 повестки дня]

ДОКУМЕНТ A/CN.4/552

Первый доклад о воздействии вооруженных конфликтов на международные договоры, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Яном Броунли

[*Подлинный текст на английском/французском языках*]
[*21 апреля 2005 года*]

СОДЕРЖАНИЕ

			Стр.
Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе			256
Работы, цитируемые в настоящем докладе			258
Разделы		*Пункты*	
A	Включение этой темы в повестку дня Комиссии	1–2	259
B.	Структура доклада	3	260
C.	Введение	4–13	260
	1. Концептуальная история вопроса	4–10	260
	2. Некоторые методологические вопросы	11–13	261
D.	Проекты статей	14–127	261
	Проект статьи 1. Сфера применения		261
	Комментарий	14	261
	Проект статьи 2. Употребление терминов		261
	Комментарий	15–24	262
	a) Договор	15	262
	b) Вооруженный конфликт	16–24	262
	Проект статьи 3. Прекращение или приостановление ipso facto		263
	Комментарий	25–28	263
	Проект статьи 4. Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта		263
	Комментарий	29–54	263
	Проект статьи 5. Прямые положения, касающиеся действия международных договоров		267
	Комментарий	55–58	267
	Проект статьи 6. Международные договоры, касающиеся причины возникновения вооруженного конфликта		267
	Комментарий	59–61	267
	Проект статьи 7. Действие международных договоров на основании необходимого условия, вытекающего из их объекта и цели		268
	Комментарий	62–118	268
	a) Договоры, являющиеся прямо применимыми в случае вооруженного конфликта	66–67	269

	Пункты	*Стр.*
b) Договоры, объявляющие, устанавливающие или регулирующие постоянные права или постоянный режим или статус	68–74	269
c) Договоры о дружбе, торговле и мореплавании и аналогичные соглашения, касающиеся прав частных лиц	75–83	270
d) Договоры о защите прав человека	84–87	272
e) Договоры, касающиеся защиты окружающей среды	88–91	273
f) Договоры, касающиеся международных водотоков и смежных сооружений и объектов	92–98	274
g) Многосторонние нормоустановительные договоры	99–106	275
h) Договоры, связанные с урегулированием споров между государствами мирными средствами, включая примирение, посредничество, арбитраж и Международный Суд	107	276
i) Обязательства, возникающие по многосторонним конвенциям, касающимся коммерческого арбитража и приведения в исполнение арбитражных решений	108–110	276
j) Договоры о дипломатических сношениях	111–113	277
k) Договоры о консульских сношениях	114–118	278
Проект статьи 8. Метод приостановления или прекращения действия договора		278
Комментарий	119	278
Проект статьи 9. Возобновление действия приостановленных договоров		278
Комментарий	120–121	278
Проект статьи 10. Законность поведения сторон		278
Комментарий	122–123	278
Проект статьи 11. Решения Совета Безопасности		279
Комментарий	124	279
Проект статьи 12. Статус третьих государств как нейтральных		279
Комментарий	125	279
Проект статьи 13. Случаи прекращения или приостановления действия договора		279
Комментарий	126	279
Проект статьи 14. Восстановление действия утративших силу или приостановленных договоров		279
Комментарий	127	279
Приложение. Тексты проектов статей		280

Многосторонние договоры, цитируемые в настоящем докладе

	Источник
Декларация об уважении положений морского права (Париж, 16 апреля 1856 года)	*British State Papers 1856*, vol. LXI, pp. 155–158.
Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль до 400 граммов веса (С.-Петербург, 11 декабря 1868 года)	Ф. Лист, Международное право в систематическом изложении, Юрьев, 1912, стр. LXXXV-LXXXVI.
Гаагские конвенции 1899 года (II) и 1907 года (IV) об уважении законов и обычаев сухопутной войны (Гаага, 29 июля 1899 года и 18 октября 1907 года)	Там же, приложение, стр. XCIII-CVI; извлечение см. Международное право в избранных документах, том II, изд-во ИМО, М., 1957, стр. 247-259.
Декларация (IV, 2) о запрете применения удушающих газов (Гаага, 29 июля 1899 года)	Ibid., p. 225.
Декларация (IV, 3) о запрете применения разрывных пуль (Гаага, 29 июля 1899 года)	Ibid., p. 227.
Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 6 июля 1906 года)	ICRC, *Handbook of the International Red Cross*, 10th ed. (Geneva, 1953), p. 18.
Конвенция об ограничении применения силы для взыскания договорных долгов (Конвенция Драго-Портера) (Гаага, 18 октября 1907 года)	J. B. Scott, ed., *The Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907*, 3rd ed. (New York, Oxford University Press, 1918), p. 89.

	Источник
Конвенция VI 1907 года о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий (Гаага, 18 октября 1907 года)	Ibid., p. 141.
Договор об уважении независимости и территориальной целостности Норвегии (Христиания, 2 ноября 1907 года)	*British and Foreign State Papers*, vol. 100, p. 536. См. также *Supplement to* AJIL, vol. 2 (1908).
Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор) (Версаль, 28 июня 1919 года)	*Итоги империалистической войны: серия мирных договоров*, "Версальский договор", полный перевод с французского, под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина, Литиздат НКИД, М., 1925; *British and Foreign State Papers, 1919*, vol. CXII (London, H.M. Stationery Office, 1922), p. 1.
Конвенция о регулировании воздушной навигации (Париж, 13 октября 1919 года)	League of Nations, *Treaty Series*, vol. XI, No. 297, p. 173.
Конвенция и Статут о режиме судоходных водных путей международного значения (Барселона, 20 апреля 1921 года)	Ibid., vol. VII, No. 172, p. 35.
Конвенция об учреждении Статута навигации по Эльбе (Дрезден, 22 февраля 1922 года)	Ibid., vol. XXVI, No. 649, p. 219.
Протокол об арбитражных оговорках (Женева, 24 сентября 1923 года)	Ibid., vol. XXVII, No. 678, p. 157.
Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 года)	СССР, НКИД, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, выпуск V, 1930, стр. 4-5.
Конвенция об исполнении иностранных арбитражных решений (Женева, 26 сентября 1927 года)	League of Nations, *Treaty Series*, vol. XCII, No. 2096, p. 301.
Общий договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. (Пакт Бриана-Келлога) (Париж, 27 августа 1928 года)	Ibid., vol. XCIV, p. 57.
Конвенция о режиме проливов (Монтре, 20 июля 1936 года)	Ibid., vol. CLXXIII, No. 4015, p. 213.
Мирный договор с Италией (Париж, 10 февраля 1947 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 49, No. 747, p. 3.
Мирный договор с Румынией (Париж, 10 февраля 1947 года)	Ibid., vol. 42, No. 645, p. 3.
Женевские конвенции о защите жертв войны (Женева, 12 августа 1949 года)	
Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях	МИД СССР, *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*, выпуск XVI, Госполитиздат, М., 1957, стр. 71.
Женевская конвенция об обращении с военнопленными	Там же, стр. 125.
Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны	Там же, стр. 204.
Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) (Рим, 4 ноября 1950 года)	United Nations, *Treaty Series*, vol. 213, No. 2889, p. 221.
Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и Протокол (Гаага, 14 мая 1954 года)	Ibid., vol. 249, pp. 292 and 366.
Женевские конвенции по морскому праву (Женева, 29 апреля 1958 года)	
Конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря	United Nations, *Treaty Series*, vol. 559, p. 285.
Конвенция о континентальном шельфе	Ibid., vol. 499, No. 7302, p. 325.
Конвенция об открытом море	Ibid., vol. 450, p. 114.
Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне	Ibid., vol. 516, No. 7477, p. 231.
Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 года)	Ibid., vol. 500, No. 7310, p. 146.
Венская конвенция о консульских сношениях (Вена, 24 апреля 1963 года)	Ibid., vol. 596, No. 8638, p. 359.
Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 года)	Ibid., vol. 480, No. 6964, p. 44.
Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года)	Ibid., vol. 99, No. 14668, p. 225.
Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 года)	Ibid., vol. 1155, No. 18232, p. 417.

	Источник
Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (Вена, 23 августа 1978 года)	Ibid., vol. 1946, No. 33356, p. 101.
Конвенция Организации Объединенных Наций о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 21 мая 1997 года)	*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 49,* том III, резолюция 51/229, приложение.

Работы, цитируемые в настоящем докладе

AKANDE, Dapo

"Nuclear weapons, unclear law? Deciphering the *Nuclear Weapons* advisory opinion of the International Court", *British Year Book of International Law, 1998* (Oxford), vol. 68, pp. 165–217.

AUST, Anthony

Modern Treaty Law and Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.

BAXTER, R. R.

The Law of International Waterways: with Particular Regard to Interoceanic Canals. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1964. 798 p.

BEVANS, Charles I., ed.

Treaties and Other International Agreements of the United States of America 1776–1949. Vol. 12. Washington, D.C., Department of State, 1974.

BIRNIE, P. W. and A. E. BOYLE

International Law and the Environment. 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 2002.

BRIGGS, Herbert W., ed.

The Law of Nations. 2nd ed. New York, Appleton-Century-Crofts, 1952.

BROMS, Bengt

"The effects of armed conflicts on treaties". Preliminary report. Institute of International Law, *Yearbook*, vol. 59, part I, session of Dijon 1981. Paris, Pedone, 1981, pp. 224–247.

CAVARE, Louis

Le droit international public positif. Vol. II, *Les modalités des relations juridiques internationales: les compétences respectives des États*. 3rd ed. Jean-Pierre Quéneudec, ed. Paris, Pedone, 1969. 952 p.

CHINKIN, Christine M.

"Crisis and the performance of international agreements: the outbreak of war in perspective", *Yale Journal of World Public Order*, vol. 7, No. 2, spring 1981, pp. 177–205.

DAILLIER, Patrick and Alain PELLET

Droit international public, 6th rev. ed. París, LGDJ, 1999.

DAVID, Eric

Principes de droit des conflits armés. 3rd ed. Brussels, Bruylant, 2002. 994 p.

DELBRÜCK, Jost

"War, effect on treaties", *in* Rudolf Bernhardt, ed., *Encyclopedia of Public International Law*, vol. 4. Amsterdam, Elsevier, 2000, pp. 1367–1372.

DENZA, Eileen

Diplomatic Law: A Commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1998. 451 p.

FITZMAURICE, G. G.

"The juridical clauses of the peace treaties", *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1948–II*. Paris, Sirey, 1949. Vol. 73, pp. 259–364.

GIALDINO, Agostino Curti

Gli Effetti della Guerra sui Trattati. Milan, Giuffrè, 1959.

GUGGENHEIM, Paul

Traité de droit international public. 2nd rev. ed. Geneva, Georg, 1967. 351 p.

GUGGENHEIM, Paul and others, eds.

Répertoire suisse de droit international public: documentation concernant la pratique de la Confédération en matière de droit international public 1914–1939. Basel, Helbing & Lichtenhahn, 1975. 566 p.

HALL, William Edward

A Treatise on International Law. 8th ed. Oxford, Clarendon Press, 1924. 952 p.

HARVARD LAW SCHOOL

"Research in International Law, part III, Law of Treaties", Codification of International Law, *Supplement to* AJIL, vol. 29, 1935, pp. 653–1204.

HUDSON, Manley O.

The Permanent Court of International Justice 1920–1942: A Treatise. New York, Macmillan, 1943. 807 p.

HURST, Sir Cecil J. B.

"The effect of war on treaties", *British Year Book of International Law, 1921–22* (London), vol. 2, pp. 37–47.

INSTITUTE OF INTERNATIONAL LAW

Annuaire de l'Institut de Droit International, vol. 25, session of Christiania, August 1912. París, Pedone, 1912. 709 p.

Yearbook, vol. 59, part II, session of Dijon 1981, Paris, Pedone, 1982.

Yearbook, vol. 61, part I, session of Helsinki 1985. Paris, Pedone, 1985.

Yearbook, vol. 61, part II, session of Helsinki 1985. Paris, Pedone, 1986.

KOLB, Robert

Ius in bello—le droit international des conflits armés: précis. Basel, Helbing & Lichtenhahn, 2003. 299 p.

LEE, Luke T.

Consular Law and Practice. 2nd ed. New York, Oxford University Press, 1991.

LENOIR, James J.

"The effect of war on bilateral treaties, with special reference to reciprocal treaty provisions", *Georgetown Law Journal*, vol. 34, No. 2, January 1946, pp. 129–177.

MCINTYRE, Stuart Hull

Legal Effect of World War II on Treaties of the United States. The Hague, Martinus Nijhoff, 1958. 392 p.

MCNAIR, Lord

"Les effets de la guerre sur les traités", *Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye, 1937–I*. París, Sirey, 1937. Vol. 59, pp. 527–585.

The Law of Treaties. Oxford, Clarendon Press, 1961. 789 p.

MCNAIR, Lord and A. D. WATTS

The Legal Effects of War, Cambridge, Cambridge University Press, 1966.

MOLLARD BANNELIER, Karine

La protection de l'environnement en temps de conflit armé. Paris, Pedone, 2001. 532 p.

OPPENHEIM, L.

International Law: A Treatise. Vol. II, *Disputes, war and neutrality*. 7th ed. H. Lauterpacht, ed. London, Longmans, 1952.

PARRY, Clive

"The law of treaties", *in* Max Sørensen, ed., *Manual of Public International Law*. London and Basingstoke, Macmillan, 1968, pp. 175–245.

PARRY, Clive, ed.

A British Digest of International Law. part III. London, Stevens, 1967.

PROVOST, René

International Human Rights and Humanitarian Law, Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 418 p.

RANK, Richard

"Modern war and the validity of treaties: comparative study", *Cornell Law Quarterly* (Ithaca, New York), vol. XXXVIII, 1952–1953, pp. 321–355.

RESS, Georg

"Guarantee treaties", *in* Rudolf Bernhardt, ed., *Encyclopedia of Public International Law*. Vol. 2. Amsterdam, Elsevier, 1995, pp. 634–637.

REUTER, Paul

Droit international public. 6th ed. Paris, Presses Universitaires de France, 1983.

ROUSSEAU, Charles

Droit international public. Vol. I. París, Sirey, 1970. 450 p.

SALMON, Jean, ed.

Dictionnaire de droit international public. Brussels, Bruylant, 2001.

SANDS, Philippe

Principles of International Environmental Law. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 1116 p.

SHEARER, I. A.

Starke's International Law. 11th ed. London, Butterworths, 1994. 629 p.

SIBERT, Marcel

Traité de droit international public. Vol. 2, *Le droit de la paix*. Paris, Dalloz, 1951. 812 p.

STONE, Julius

Legal Controls of International Conflict. 2nd rev. ed. London, Stevens, 1959. 903 p.

TOBIN, Harold J.

The Termination of Multipartite Treaties. New York, Columbia University Press, 1933. 321 p.

VERZIJL, J. H. W.

International Law in Historical Perspective. Part VI. Leiden, Sijthoff, 1973.

WHITEMAN, Marjorie M.

Digest of International Law. Vol. 14. Washington, D.C., Department of State, 1970. 1203 p.

A. Включение этой темы в повестку дня Комиссии

1. Тема "Воздействие вооруженных конфликтов на международные договоры" была включена в долгосрочную программу работы Комиссии международного права во время ее пятьдесят второй сессии в 2000 году[1]. Краткий план разработки темы с описанием возможной общей структуры и подхода к теме был включен в приложение к докладу Комиссии за тот год[2]. В своей резолюции 55/152 от 12 декабря 2000 года Генеральная Ассамблея приняла к сведению включение этой темы.

2. На своей пятьдесят шестой сессии в 2004 году Комиссия постановила включить тему "Воздействие вооруженных конфликтов на международные договоры" в свою текущую программу работы и назначить Яна Броунли Специальным докладчиком по этой теме[3]. В пункте 5 своей резолюции 59/41 от 2 декабря 2004 года

[1] *Ежегодник.., 2000 год*, том II (часть вторая). пункты 726–733, стр. 157–158.

[2] Там же, приложение, стр. 161.

[3] *Ежегодник.., 2004 год*, том II (часть вторая), пункт 364. На этой же сессии было решено включить в текущую программу работы Комиссии тему "Высылка иностранцев".

Генеральная Ассамблея поддержала решение Комиссии включить эту тему в повестку дня.

B. Структура доклада

3. Настоящий доклад состоит из двух частей:

a) введение, в котором обсуждается концептуальная история вопроса и некоторые методологические вопросы;

b) полный свод проектов статей с комментариями. Представление полного свода проектов статей было сочтено уместным с учетом взаимосвязанности индивидуальных статей и относительно ограниченной сферы охвата темы.

C. Введение

1. Концептуальная история вопроса

4. Указание концепций, которые фигурируют в доктрине в качестве разъяснений правового режима, постулируемого отдельными авторами, имеет определенный, хотя и ограниченный смысл. В любом случае сколь-нибудь общепринятое мнение отсутствует.

5. Всего имеется порядка четырех аргументов, которые можно резюмировать следующим образом:

a) война является полной противоположностью миру и сопряжена с полным разрывом отношений и возвратом к анархии. Из этого следует, что все без исключения договоры аннулируются. Право на аннулирование вытекает из факта начала войны, независимо от первоначального намерения сторон;

b) критерием является соответствие целям войны или состояния военных действий[4]. Это также проявляется в том, что договоры сохраняют свою силу с учетом военной необходимости[5];

c) критерий заключается в намерении сторон в момент заключения ими договора;

d) отдельный элемент в доктрине связан с посылкой о том, что с 1919 года и особенно после принятия Устава Организации Объединенных Наций государства более не обладают общим правом прибегать к применению силы, за исключением законной обороны[6]. Из этого следует, что применение силы не должно быть признано в качестве общего основания для отмены договорных обязательств.

6. Это подборка аргументов не очень помогает. Суждения относительно несложны и непоследовательны. Кроме того, за исключением пункта (c), соответствующие обобщения, как правило, не облечены в юридическую форму и полны неопределенности.

7. Альтернативный подход заключается в попытке классифицировать проблему либо как элемент права международных договоров, либо как элемент права, касающегося вооруженного конфликта. В 1963 и 1966 годах Комиссия, как представляется, заняла позицию, согласно которой вопрос о воздействии начала военных действий на договоры не должен являться элементом права международных договоров. Так, в своем докладе Генеральной Ассамблее в 1966 году Комиссия заявила следующее[7]:

> На своей пятнадцатой сессии в 1963 году Комиссия пришла к выводу о том, что проекты статей не должны содержать какие-либо положения, касающиеся воздействия начала военных действий на договоры, хотя в связи с этой темой могут возникнуть проблемы, связанные как с прекращением договоров, так и приостановлением их действия. В докладе 1963 года разъяснялось, что:
>
> "Комиссия считает, что исследование этой темы неизбежно будет сопряжено с рассмотрением воздействия положений Устава, касающихся угрозы силой или ее применения, на законность обращения к рассматриваемым конкретным военным действиям; и она не считает, что этот вопрос уместно рассматривать в контексте текущей работы над темой о праве международных договоров"[8].

8. При анализе этой аргументации можно заметить, что, хотя Комиссия четко указала ограничивающий фактор, она не заняла позицию, согласно которой эта тема по существу выходит за рамки права международных договоров. Акцент сделан на "уместности рассмотрения"[9]. В любом случае вопрос о воздействии начала военных действий между государствами в явно выраженной форме исключен из Венской конвенции о праве международных договоров (в дальнейшем Венская конвенция 1969 года) (см. статью 73).

9. В комментарии к проекту статьи 69 о праве международных договоров Комиссия изложила довольно отличающуюся точку зрения и привнесла сильный элемент политики:

> Оба эти вопроса могут оказывать воздействие на функционирование некоторых элементов права международных договоров в условиях полностью нормальных международных отношений, и Комиссия считает, что соображения логики и завершенности проектов статей указывают на желательность включения общей оговорки, охватывающей случаи правопреемства и случаи ответственности государств.
>
> (2) По мнению Комиссии, в случае начала военных действий между сторонами договора применимы другие соображения. Она признала, что фактическое состояние, сложившееся в результате начала военных действий, может на практике не позволять применять договор в превалирующих обстоятельствах. Она также признала, что могут возникать вопросы, касающиеся правовых последствий начала военных действий в отношении обязательств, вытекающих из договоров. Однако она выразила мнение о том, что в современном международном праве начало военных действий между государствами должно рассматриваться как абсолютно аномальное состояние и что нормы, регулирующие его правовые последствия, не должны рассматриваться как составляющие часть общих норм международного права, применимых к

---

[4] См. *A Treatise on International Law*, p. 454.

[5] См. Institute of International Law, *Annuaire de l'Institut de droit international* (August 1912), p. 648.

[6] См. Reuter, *Droit international public*, p. 158.

[7] *Ежегодник.., 1966 год*, том II, документ A/6309/Rev.1, пункт 29, стр. 176 англ. текста.

[8] *Ежегодник.., 1963 год*, том II, документ A/5509, пункт 14, стр. 189 англ. текста.

[9] Там же.

нормальным отношениям между государствами. Так, Женевские конвенции, кодифицирующие морское право, не содержат оговорки в отношении начала военных действий, несмотря на явное воздействие, которое такое событие может оказать на применение многих положений этих конвенций; они также никоим образом не направлены на регулирование последствий такого события. Справедливо, что одна статья в Венской конвенции о дипломатических сношениях (статья 44) и аналогичная статья в Конвенции о консульских сношениях (статья 26) содержат ссылку на случаи "вооруженного конфликта". Однако упоминание о случаях вооруженного конфликта в этих статьях продиктовано очень особыми соображениями, и оно только подчеркивает, что нормы, изложенные в этих статьях, сохраняют свое действие даже в таких случаях. Венские конвенции не предполагают какого−либо иного регулирования последствий начала военных действий; они также не содержат никакой общей оговорки в отношении воздействия этого события на применение их положений. Поэтому Комиссия пришла к выводу об обоснованности позиции, согласно которой начало военных действий между сторонами договора полностью выходит за рамки общего права международных договоров, кодифицируемого в настоящих статьях; и выводу о том, что в проектах статей не следует никаким образом учитывать или упоминать этот случай[10].

10. Современные авторы считают, что более предпочтительным вариантом является отнесение к праву международных договоров, и Специальный докладчик считает, что этот подход основывается на логичных принципах.

2. Некоторые методологические вопросы

11. На протяжении нескольких поколений авторы настоятельно указывали на неопределенность, присущую этой теме. В 1921 году Херст отметил следующее:

> Существует немного вопросов, по которым люди, занимающиеся практическим применением норм международного права, находят учебники менее полезными, чем в вопросе о воздействии войны на договоры, действующие в отношениях между воюющими сторонами. Как практика государств, о чем свидетельствуют положения мирных договоров, так и заявления государственных деятелей, как представляется, вступают в противоречие с принципами, изложенными в учебниках[11].

В седьмом издании подготовленного Оппенгеймом тома II *Курса международного права под наименованием Трактат* Лаутерпахт писал (в 1952 году):

> Доктрина, поддерживавшаяся ранее и поддерживаемая даже в наши дни некоторыми авторами, заключалась в том, что начало войны ipso facto прекращает все договоры, ранее заключенные между воюющими сторонами, за исключением лишь тех договоров, которые были заключены специально для целей войны. Однако значительное большинство современных авторов в области международного права отошло от этой позиции, и в настоящее время бытует довольно распространенное мнение о том, что война никоим образом не аннулирует каждый договор. Однако единогласие относительно того, какие договоры аннулируются войной, а какие нет, не существует. Отсутствует также единообразная практика государств, и имели место случаи, когда государства четко заявляли о том, что они считают все договоры аннулированными в силу войны. Таким образом, вопрос в целом пока не урегулирован[12].

В монографии, опубликованной в 2000 году Аустом, который ссылался на Оппенгейма (цитируется выше), отмечается, что:

> Правовое воздействие на начало военных действий между сторонами на договор по−прежнему не является определенным, и единственное всеобъемлющее исследование по этому вопросу в настоящее время устарело. Эта тема выходит за рамки Конвенции (статья 73), поскольку Комиссия международного права встала, видимо, на довольно идеалистическую позицию, согласно которой "в современном международном праве [1966 год] начало военных действий между государствами должно рассматриваться как абсолютно аномальное состояние, и что нормы, регулирующие его правовые последствия не должны рассматриваться как часть общих норм международного права, применимых к нормальным отношениям между государствами"[13].

12. С учетом нынешнего уровня неопределенности и противоречий в источниках права необходимы некоторые профилактические меры. Первая такая мера заключается в составлении проектов статей на временной основе, которые отражают некоторые элементы в доктрине, несмотря на то, что рассматриваемые посылки, по мнению Специального докладчика, являются несовершенными в одном или нескольких отношениях. Такой подход будет способствовать решению проблем на раннем этапе.

13. В этом же ключе предполагается, что на заключительном этапе нынешней сессии появится достаточное число проектов статей, которые заложат действенную базу для привлечения комментариев правительств и, в частности, информации о практике государств. В конце концов, существуют разумные основания предполагать, что более широкий доступ к практике государств позволит Комиссии выполнить задачи, заключающиеся в разъяснении права.

D. Проекты статей

Проект статьи 1. Сфера применения

Настоящие проекты статей применяются к воздействию вооруженного конфликта на международные договоры между государствами.

Комментарий

14. За образец были взяты положения статьи 1 Венской конвенции 1969 года (см. также статью 1 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров). Термин "договор" определяется в статье 2, ниже.

Проект статьи 2. Употребление терминов

Для целей настоящих проектов статей:

***a*) "договор" означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое согла-**

---

[10] *Ежегодник.., 1966 год* (см. сноску 7, выше), пункты 1–2, стр. 267–268 англ. текста.

[11] "*The effect of war on treaties*", p. 38.

[12] Oppenheim, *International Law: A Treatise,* vol. II: *Disputes, war and neutrality,* pp. 302–303, para. 99 (сноски не включены).

[13] Aust, *Modern Treaty Law and Practice,* p. 243 (сноски не включены).

шение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования;

***b*) "вооруженный конфликт" означает состояние войны или конфликт, сопряженные с военными действиями, которые в силу своего характера или масштабов могут затронуть действие договоров между государствами-сторонами вооруженного конфликта или между государствами-сторонами вооруженного конфликта и третьими государствами, независимо от официального объявления войны или иного объявления какой-либо стороной или всеми сторонами вооруженного конфликта.**

Комментарий

a) *Договор*

15. Определение заимствовано из Венской конвенции 1969 года. Значение и применение определения разъясняется в комментарии Комиссии по проектам статей по праву международных договоров в ее докладе Генеральной Ассамблее[14]. Это определение является достаточным для нынешних целей, и в любом случае Комиссии не следует пытаться переработать Венскую конвенцию.

b) *Вооруженный конфликт*

16. Приведенное определение основывается на формулировке, принятой Институтом международного права в его резолюции от 28 августа 1985 года[15]. Нет никаких сомнений в том, что работа Комиссии значительно затянется, если будет предпринята попытка разработать очень сложное определение. Ученые обычно указывают на некоторую шероховатость и явные недостатки такого определения. Так, Макнэйр и Уоттс указывают, что состояние войны может существовать, даже если противоборствующие стороны не применяют вооруженную силу и реальные боевые действия не ведутся между ними[16]. Определение, предложенное Институтом международного права, является в разумной степени полным[17]. Однако определенные трудности все же сохраняются. Так, определение, основанное на понятии "вооруженный конфликт", не всегда включает в себя состояние войны в отсутствие боевых действий. Политические соображения указывают на включение блокады даже в отсутствие боевых действий между сторонами[18].

17. Современные вооруженные конфликты размыли различие между международными и внутренними вооруженными конфликтами. Количество гражданских войн увеличилось. Кроме того, многие из этих "гражданских войн" включают в себя "внешние элементы", такие, как поддержка и причастность в разной степени других государств, поставляющих оружие, предоставляющих учебные лагеря и средства и т.д. Внутренние вооруженные конфликты могут сказываться на действии договоров в такой же, если не в большей степени, что и международные вооруженные конфликты[19]. Поэтому проекты статей, предложенные Специальным докладчиком, включают в себя воздействие на договоры внутренних вооруженных конфликтов. Этот подход дает Комиссии и правительствам возможность рассмотреть это предложение и высказать свои мнения.

18. В то же время в доктрине существует консенсус относительно основополагающего характера различия между международным вооруженным конфликтом и вооруженным конфликтом немеждународного характера[20].

19. Существует также вопрос об оккупации территории, которая не встречает никакого военного сопротивления. В этом контексте значительный интерес представляют положения Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Так, соответствующая часть статьи 18 предусматривает следующее:

Статья 18

О ПРИМЕНЕНИИ КОНВЕНЦИИ

1. Кроме постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, который может возникнуть между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже если состояние войны не было признано одной или несколькими из них.

2. Конвенция также будет применяться во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встречает никакого военного сопротивления.

20. Решения внутригосударственных судов относительно определения "войны" для настоящих целей не имеют большой ценности.

21. В предложенном выше определении в проекте статьи 2 *b* содержится указание на военные действия, которые в силу своего характера или масштабов могут затронуть действие договоров между государствами-сторонами вооруженного конфликта. Эта формулировка является контекстуальной и, как следует презюмировать, указывает на то, что те, кто принимают решения, должны учитывать два фактора: *a*) характер или масштабы военных действий; и *b*) согласие, зафиксированное в соответствующем договоре, и намерение сторон.

---

[14] *Ежегодник.., 1966 год* (см. сноску 7, выше), пункты 1–8, стр. 187–189 англ. текста.

[15] Institute of International Law, *Yearbook*, vol. 61, part II, p. 278.

[16] См. McNair and Watts, *The Legal Effects of War*, pp. 2–3.

[17] См. Institute of International Law, *Yearbook*, vol. 59, part II, pp. 210–212.

[18] По этому вопросу см. McNair and Watts, op. cit., pp. 20–21.

[19] См. "Воздействие вооруженного конфликта на международные договоры: анализ практики и доктрины", меморандум Секретариата (A/CN.4/550 и Corr.1-2), пункты 146–149, стр. 96–98, доступен на веб-сайте Комиссии.

[20] См. Broms, "The effects of armed conflicts on treaties", pp. 224-229; David, *Principes de droit des conflits armés*, pp. 104-123, paras. 1.45–1.69; Salmon, *Dictionnaire de droit international public*, pp. 233–234; and Kolb, *Ius in bello— le droit international des conflits armés: précis*, pp. 72–93, paras. 138–185.

22. Такой способ применения определения следует поддержать именно из-за того, что оно не предусматривает, что вооруженный конфликт оказывает автоматическое воздействие на все договорные отношения соответствующих государств. Напротив, выделяется элемент воздействия, с тем чтобы придать смысл с точки зрения конкретных договорных обязательств. Этот фактор необходимо учитывать при внесении каких-либо поправок в этот проект статьи.

23. Следует отметить, что в этом определении отсутствует указание на принципы, касающиеся законности применения силы или угрозы ею. Институт международного права рассмотрел этот вопрос в двух статьях резолюции, принятой в 1985 году, следующим образом:

Статья 7

Государство, осуществляющее свои права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, имеет право приостановить полностью или частично действие договора, несовместимого с осуществлением этого права, с учетом любых последствий, вытекающих из последующего определения Советом Безопасности этого государства в качестве агрессора.

…

Статья 9

Государство, совершающее агрессию по смыслу Устава Организации Объединенных Наций и резолюции 3314 (XXXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, не прекращает или не приостанавливает действие договора, если в результате оно извлечет из этого пользу.

24. Вопрос о законности будет рассмотрен ниже.

Проект статьи 3. Прекращение или приостановление ipso facto

Начало вооруженного конфликта ipso facto не прекращает или не приостанавливает действие договоров:

***a*) между сторонами вооруженного конфликта;**

***b*) между одной или несколькими сторонами вооруженного конфликта и третьим государством.**

Комментарий

25. Эта формулировка воспроизводит статью 2 резолюции, принятой Институтом международного права в 1985 году[21]. Этот принцип был поддержан рядом видных ученых. В курсе Оппенгейма под редакцией Лаутерпахта говорится, что "довольно распространено мнение о том, что война никоим образом не аннулирует каждый договор"[22]. Макнэйр, выражая по существу британскую точку зрения, заявляет: "Таким образом ясно, что война per se не прекращает довоенные договорные обязательства в отношениях между противоборствующими воюющими сторонами"[23].

26. Во время работы в Институте международного права в 1983 году г-н Герберт У. Бриггс заявил следующее:

Наша первая и самая важная норма заключается в том, что сам факт начала вооруженного конфликта (будь то объявленная война или нет) ipso facto не прекращает или не приостанавливает действие договоров в отношениях между сторонами конфликта. Эта норма утвердилась в международном праве[24].

27. Эта формулировка встретила определенную оппозицию в Институте международного права, однако это, видимо, было вызвано неправильным пониманием намерения авторов. Как указала г-жа Денис Биндшедлер-Роберт, цель статьи заключалась не в том, чтобы не допустить прекращения действия действующих договоров в случае начала вооруженного конфликта, а в указании на то, что такое начало не всегда само по себе ведет к прекращению действия действующих договоров[25]. В данном случае статья 2 (проекта Института) была принята 33 голосами против 1 при 9 воздержавшихся[26].

28. Проект статьи 3 не является безупречным. Его можно поддержать как полезное и логическое начало, закладывающее основу. Однако на определенном этапе он может быть сочтен излишним. Строго говоря, он не является материально-правовым, и принципы, согласно которым договоры сохраняют свою силу после начала вооруженного конфликта, излагаются в последующих статьях. Однако при правильном понимании это положение вносит важный элемент ясности. Если будет сочтено необходимым сохранить его в проекте, было бы целесообразно заменить выражение “ipso facto” словом "заведомо".

Проект статьи 4. Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта

1. Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта определяется в соответствии с намерением сторон во время заключения договора.

2. Намерение сторон договора относительно возможности его прекращения или приостановления действия определяется с учетом:

***a*) положений статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров; и**

***b*) характера и масштабов соответствующего вооруженного конфликта.**

Комментарий

---

[21] *Yearbook* (см. сноску 15, выше), pp. 280 and 282.

[22] Op. cit., p. 302.

[23] *The Law of Treaties*, p. 697.

[24] Institute of International Law, *Yearbook* (см. сноску 15, выше), part I, p. 8. См. также Briggs, *The Law of Nations*, p. 938.

[25] Ibid., part II, p. 215.

[26] Ibid., p. 217.

29. В современной доктрине существуют два общих принципа, которые различны по своему характеру, но, видимо, не по существу. Один из этих общих принципов основывается на намерении сторон, однако это дополняется рядом презумпций, касающихся объекта и цели договоров, явно выраженные положения которых не указывают намерение сторон с достаточной ясностью.

30. Второй общий принцип прямо не касается намерения сторон и утверждает общий принцип прекращения (caducité). Однако этот принцип связан с признанием ряда существенных изъятий, основанных на объекте и цели, а также судебной практике. Второй общий принцип обычно фигурирует в доктрине на французском языке.

31. Этот принцип основывается на двух следующих элементах:

a) неопровержимая презумпция на основе практики государств о том, что двусторонние договоры прекращаются, с учетом ясно выраженных положений, свидетельствующих об обратном;

b) использование объекта и цели различных видов договоров в качестве основы для решения вопроса о прекращении.

32. Необходимо проанализировать доктрину, поддерживающую основную роль намерения. Одним из первых ее выдающихся сторонников был Херст. Его скрупулезное толкование заслуживает полного воспроизведения:

> В прошлом ученые, как представляется, относились к характеру войны как фактору, который определяет ее воздействие на договоры, действующие в отношении между воюющими сторонами. В более современное время именно характер договора или конкретного положения договора рассматривается в качестве важного элемента при определении воздействия, которое оказывается на него в результате начала войны. Я испытываю сомнения относительно того, действительно ли характер или природа договорного положения являются решающим элементом, и я выношу на суд тех, кто может посвятить себя изучению этого вопроса, предложение о том, что подлинным критерием в отношении того, продолжает ли договор существовать после начала войны между сторонами, является намерение сторон в момент заключения договора. Я считаю, что, как срок действия контрактов между частными лицами зависит от намерения сторон, так и срок действия договоров между государствами должен зависеть от намерения сторон, и что договоры будут продолжать существовать после начала войны или прекращаться в соответствии с тем, какую цель преследовали стороны при заключении договора.
>
> Если вышеуказанный критерий является подлинным, то проблема, которую должны решить юристы-международники, заключается в формулировании ряда презумпций для учета случаев, когда формулировка в самом договоре четко не указывает на намерение сторон в момент заключения договора. Когда намерение четко выражено, то очевидно, что оно должно превалировать, но не в силу определенного принципа права, касающегося сохранения или аннулирования договоров, а в силу самой цели, которую договаривающиеся стороны имели в виду при заключении соглашения. Если войну начинают два государства, между которыми действует договор, предусматривающий, что в случае войны их соответствующие граждане должны иметь много месяцев для того, чтобы покинуть территорию другого государства, причина, по которой этот договор продолжает действовать после начала войны, заключается не в том, что существует принцип, согласно которому в целом все договоры между воюющими сторонами продолжают действовать, или в том, что существует категория, которая представляет собой исключение из общего принципа о том, что война аннулирует все договоры между воюющими сторонами, а в том, что стороны четко выразили свое намерение о том, что договор должен сохранять свою силу. Случаи, которые сопряжены с трудностями, – это случаи, когда договор четко не указывает на намерение сторон и когда намерение должно выводиться из характера договора или из сопутствующих обстоятельств. Для учета этих случаев в своде норм необходимо тщательно проанализировать этот вопрос как с практической, так и с научной точки зрения[27].

33. Процитировав первый пункт вышеуказанной статьи Херста, Макнэйр отметил следующее:

> Считается, что в значительном большинстве случаев, если не во всех случаях, любой из этих критериев должен привести к одному и тому же результату, поскольку характер договора определенно является лучшим доказательством намерения сторон. Таким образом, очевидно, что, заключая конвенцию о порядке ведения войны, стороны намеревались, чтобы она действовала во время войны[28].

34. Фицморис, читая в 1948 году лекции в Гаагской академии международного права, занял более или менее аналогичную позицию и сделал вывод о том, что вопрос о сохранении договоров является "вопросом, который решается в каждом конкретном случае с учетом характера договора и намерения сторон в отношении него"[29].

35. В различных других авторитетных источниках зафиксирован принцип, согласно которому критерием является намерение сторон, официально выраженное в договоре. Эту позицию заняли ученые Гарвардской колы права (1935 год)[30], американский эксперт Джеймс Дж. Ленуар (сотрудник министерства юстиции Соединенных Штатов Америки, выразивший свое собственное мнение)[31] и эксперт из Германии Ричард Ранк[32].

36. Теперь следует обратиться к французской и швейцарской доктрине. В труде Гугенхейма правовая позиция описывается следующим образом:

> Согласно бытовавшему в прошлом мнению, основанному на идее о том, что война как проявление полной анархии в межгосударственных отношениях не поддается какой-либо юридической квалификации, все конвенции, сторонами которых являются воюющие стороны, аннулируются без исключения и независимо от числа договаривающихся сторон. Однако современная дипломатическая и судебная практика признает исключения из этого принципа[33].

Как представляется, это признание принципа аннулирования в качестве следствия метаюридической посылки о том, что война не укладывается в рамки правового понимания.

37. Руссо занимает очень сходную позицию.

---

[27] Loc. cit., pp. 39–40.

[28] McNair, op. cit., p. 698. См. также McNair, “Les effets de la guerre sur les traités”, pp. 531–532.

[29] “The juridical clauses of the Peace Treaties”, p. 312.

[30] *Supplement to* AJIL, vol. 29 (1935), Codification of International Law, pp. 1183–1204.

[31] “The effect of war on bilateral treaties, with special reference to reciprocal treaty provisions”, pp. 137–138.

[32] “Modern war and the validity of treaties: a comparative study”, pp. 325–333.

[33] *Traité de droit international public*, p. 241.

Постановка проблемы – На первый взгляд дидлистическая идея о том, что война означает полный разрыв международных отношений и что договоры являются самой завершенной юридической формой этих отношений, приводит к предварительному выводу о несовместимости состояния войны с самим существованием международных договоров. Однако этот обобщенный вывод нуждается в нюансировке: в действительности, практика показывает, что если одни договоры аннулируются, то другие – просто приостанавливаются, а третьи – в конечном итоге продолжают оставаться в силе. Отсюда сложная ситуация, которую трудно систематизировать с помощью формулировок общего порядка.

Впрочем, мнения в доктрине по этой проблеме разделились. Некоторые ученые (Кавальери) считают, что, поскольку практика является очень неопределенной, отсутствуют какие-либо нормы в подобной области. Другие ученые (Макнэйр, Шейли) сводят проблему к проблеме толкования воли сторон. Наконец, некоторые юристы (Анцилотти, Селле) отвергают как следствие системы a priori идею, что война сама по себе может быть причиной для прекращения договоров.

В действительности, война не является фактом, который с международной точки зрения не имеет отношения к действительности конвенционных норм. Так же, как революция во внутреннем конституционном порядке, состояние войны представляется способом аннулирования, который является аномальным, непредвиденным и метаюридическим в позитивном праве с той оговоркой, что, если принцип аннулирующего действия в результате войны действительно существует, он, тем не менее, допускает важные исключения[34].

38. Аналогичные позиции отражены в коротких выдержках, содержащихся в учебниках Рейтера, а также Дайлера и Пелле[35].

39. В связи с аргументацией во французских источниках возникают некоторые вопросы. Во-первых, главная посылка (caducité), как представляется, основывается на метаюридической посылке относительно характера войны. Но в то же время изъятия, которые признаны, зависят от намерения или выводимого намерения. Кроме того, французские источники признают влияние ясно выраженных положений, согласно которым договор должен действовать во время вооруженного конфликта. В результате этого в доктрине возникает коллизия. Если война является метаюридическим явлением, то почему она оказывает лишь частичное воздействие? Следует также подчеркнуть, что метаюридический аргумент не применяется к категории договоров, устанавливающих обязательства в отношении ведения войны.

40. Метаюридический аргумент следует отклонить. Помимо отмеченных выше крупных противоречий такой аргумент чужд духу и сути Венской конвенции 1969 года. Причины, приведенные Комиссией для отказа от рассмотрения темы о влиянии начала военных действий, не связаны с каким-либо аргументом о метаюридическом характере предмета.

41. Принцип намерения не пользуется значительной явной поддержкой в практике государств. Однако, как показывает Макнэйр, бóльшая часть практики согласуется с таким подходом[36]. Практика в определенной степени относится к мирным договорам, которые подтверждают, возобновляют или прекращают действие довоенных договоров. Дайлер и Пелле считают, что мирные договоры 1919 и 1947 годов подтверждают принцип аннулирования в случае двусторонних договоров[37]. Руссо занимает такую же позицию[38].

42. Другие ученые, такие, как Бриггс, занимают более гибкую позицию:

> Практика подтверждения, возобновления или прекращения действия довоенных договоров в мирных договорах и используемая терминология не предоставляют четких доказательств существования нормы права, касающейся воздействия войны на договоры, кроме как права на приостановление исполнения по отношению к вражеским государствам[39].

43. Видимо, большая часть практики государств облечена в форму соображений о том, что в доктрине существуют споры относительно существования и характера общего принципа[40].

44. Общепризнано, что решения внутригосударственных судов относительно влияния войны на международные договоры "не оказывают большой помощи"[41].

45. С учетом этого Специальный докладчик желает представить некоторые предварительные соображения. Отсутствуют причины для классификации принципа аннулирования, если он является общим принципом иным, чем правовой принцип. Второй вопрос заключается в том, является ли правовой принцип самостоятельным и общим правовым принципом с признанными изъятиями или чем-то иным. По мнению Специального докладчика, на деле этот принцип не является общим принципом, сформулированным исключительно по отношению к двусторонним договорам. Кроме того, принцип сформулирован таким образом, что допускает ряд существенных исключений, которые сами, по существу, основываются на объекте и цели документа.

46. В этих условиях было бы более логичным и более последовательным сформулировать общий принцип, основанный на намерении сторон в отношении всех видов договоров, и этот подход отражен в проекте статьи 4.

47. С учетом элементов неопределенности в источниках гораздо более уместно сослаться на соображения стратегического свойства. Как представляется, упор на намерении оправдан в первую очередь в силу того, что он сохраняет надлежащую связь с правом международных договоров и схемой, установленной положениями Венской конвенции 1969 года. Фактор намерения способствует

---

[34] Rousseau, *Droit international public*, pp. 218–219, para. 195. Позицию других французских ученых в послевоенный период см. Sibert, *Traité de droit international public*, pp. 347–358; и Cavaré, *Le droit international public positif*, pp. 214–219.

[35] Reuter, op. cit., pp. 158–159; Daillier and Pellet, *Droit international public*, pp. 309–310, para. 200.

[36] McNair, op. cit., pp. 702–710.

[37] Op. cit., p. 309.

[38] Op. cit., p. 221, para. 199.

[39] Briggs, op. cit., p. 944.

[40] См. Guggenheim and others, *Répertoire suisse de droit international public: documentation concernant la pratique de la Confédération en matière de droit international public, 1914–1939*, pp. 188–191, para 1.89 (Federal Department of Justice and Police, note of 3 November 1931).

[41] Parry, “The law of treaties”, p. 237. Разумеется, что в ходе подготовки настоящего доклада многие решения внутригосударственных судов будут приняты во внимание, однако согласованная система учета таких решений отсутствует.

индивидуализации ситуаций и позволяет избежать навязывания решений по типу "одно для всех". Наконец, принцип намерения способствует обеспечению правовой безопасности и эффективному применению принципа pacta sunt servanda, закрепленного в статье 26 Венской конвенции, в которой говорится следующее: "Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться".

48. Очевидно, что принцип намерения будет определять все правовые ситуации, связанные с тем или иным договором. В частности, именно намерение является доказательством как существования, так и сохраняющейся действительности договора, а также его действия в отношениях между воюющими сторонами и между воюющими сторонами и третьими государствами.

49. В соответствии с общими принципами права международных договоров использование принципа намерения не наносит ущерба прекращению или приостановлению действия договора в результате: *a*) соглашения сторон; или *b*) существенного нарушения; или *c*) последующей невозможности выполнения; или *d*) коренного изменения обстоятельств.

50. Необходимо рассмотреть еще два аспекта этого вопроса. Авторы, как правило, отличают отношения между сторонами вооруженного конфликта от отношений с третьими государствами или между такими государствами. Вполне очевидно, что это различие является значительным, однако утверждается, что оно значимо только в рамках критерия намерения. Именно этот критерий будет определять отношения между "воюющими сторонами" и "нейтральными сторонами". Кроме того, охват понятия вооруженного конфликта не полностью соотносится с дихотомией воюющей стороны и нейтральной стороны.

51. Аналогичный вопрос возникает тогда, когда придается значение различию между двусторонними и многосторонними договорами. Связанные с этим политические соображения были охарактеризованы сэром Сесилем Хёрстом следующим образом:

> Многосторонние договоры с нейтральными сторонами, несомненно, должны иметь иной статус, чем договоры между сторонами, все из которых вовлечены в войну. Последний мировой конфликт впервые поставил в крупных масштабах проблему многосторонних договоров, все участники которых являлись воюющими сторонами. В теории, как представляется, нет причины, по которой такие договоры не должны иметь такой же статус, что и двусторонние договоры между воюющими сторонами. С другой стороны, если имеются третьи стороны, которые являлись нейтральными во время войны, то взаимные права и обязательства в отношениях между каждой воюющей стороной и третьей стороной, а также трудности, сопряженные с прекращением действия таких прав и обязательств в отношениях между любыми двумя сторонами, когда они сохраняют свою силу в отношениях между другими сторонами, порождают вероятность того, что во время заключения договора намерение сторон состояло в том, что в отношениях между воюющими сторонами война не должна приводить к прекращению действия этого договора, даже в том случае, когда, хотя фактически военные действия продолжаются, вполне может быть затруднительным или даже невозможным реализовывать этот договор в отношениях между воюющими сторонами.
>
> В самую общую категорию случаев такого рода входят случаи, которые касаются общих международных конвенций по таким вопросам, как почтовая или телеграфная корреспонденция, промышленная собственность, вопросы санитарии и т.д., однако данный принцип будет также охватывать многосторонние конвенции, политический объект которых затрагивает главным образом какую−либо нейтральную третью сторону, например Конвенцию 1907 года об уважении независимости и целостности Норвегии. С учетом ее положений цель этой Конвенции заключалась в том, что она должна была представлять собой определенного рода документ об отказе великих держав от своих интересов с целью обеспечения целостности государства, которое оставалось нейтральным в течение последней войны. Использованная формулировка не дает никаких оснований предполагать, что стороны, когда они заключали эту конвенцию, имели своим намерением то, что в случае начала войны между ними они должны быть освобождены от своих обязательств в отношениях между собой в большей мере, чем от их обязательств по отношению к государству, которое оставалось нейтральным.
>
> В целом представляется обоснованным заявить, что начало войны не лишает в отношениях между воюющими сторонами силы какой−либо многосторонний договор, в котором участвуют государства, сохраняющие свой нейтралитет, даже в том случае, когда, хотя военные действия продолжаются, положения данного договора может быть трудно или невозможно выполнять; однако многосторонний договор, все участники которого являются воюющими сторонами, будет иметь такой же статус и будет оцениваться с помощью тех же критериев, что и двусторонние договоры между воюющими сторонами[42].

52. Ключевой момент заключается в том, что принцип намерения обеспечивает общий критерий независимо от того, идет ли речь о двусторонних или многосторонних договорах или исключительно о взаимоотношениях между сторонами вооруженного конфликта, или же о взаимоотношениях между сторонами конфликта и третьими государствами.

53. Венская конвенция 1969 года устанавливает следующие правила толкования как двусторонних, так и многосторонних международных договоров:

Статья 31. Общее правило толкования

1. Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

2. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения:

a) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

b) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

3. Наряду с контекстом учитываются:

a) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений;

b) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашения участников относительно его толкования;

c) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

4. Специальное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение.

Статья 32. Дополнительные средства толкования

[42] Loc. cit., pp. 40–41.

Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31:

a) оставляет значение двусмысленным или неясным; или

b) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

54. Пункт 2 *b* проекта статьи 4 призван отразить существо проекта статьи 2 *b*.

Проект статьи 5. Прямые положения, касающиеся действия международных договоров

1. Международные договоры, применимые к ситуациям вооруженного конфликта в соответствии с их прямыми положениями, действуют в случае вооруженного конфликта без ущерба для заключения правомерных соглашений между сторонами вооруженного конфликта, сопряженных с приостановлением или прекращением действия соответствующих международных договоров.

2. Возникновение вооруженного конфликта не затрагивает полномочий сторон вооруженного конфликта, касающихся заключения международных договоров в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров.

Комментарий

55. Настоящий проект статьи является в некотором смысле излишним, однако с учетом исторических соображений и имевшего место ранее признания принципа аннулирования договоров он должен играть определенную роль с точки зрения уточнения. В любом случае в ряде трактатов общего характера было сочтено полезным подтвердить данный принцип[43]. В проекте конвенции о праве международных договоров, подготовленном Гарвардской школой права применимый принцип излагается следующим образом:

Статья 35. Влияние войны

a) Действие международного договора, который прямо предусматривает, что установленные обязательства должны исполняться во время войны между двумя или несколькими сторонами, или который в силу его характера и цели явно предназначался сторонами для сохранения своей силы во время войны между двумя или несколькими из них, не прекращается и не приостанавливается началом войны между двумя или несколькими такими сторонами[44].

56. Пункт 2 проекта статьи 5 имеет некоторое значение. Как заметил Макнэйр: "Не имеет места внутренняя юридическая невозможность… при установлении договорных обязательств между двумя противостоящими друг другу воюющими сторонами во время войны[45]". Такие соглашения заключались на практике, и ряд авторов ссылались на соответствующие эпизоды. Вторя до некоторой степени Макнэйру, Фитцморис в своих лекциях в Гаагской академии международного права отметил:

Опять-таки, не имеет места внутренняя невозможность фактического заключения международных договоров между двумя воюющими сторонами в ходе войны. Как раз именно это происходит тогда, когда, например, воюющие стороны заключают соглашение о перемирии. Это также происходит тогда, когда воюющие стороны заключают специальные соглашения об обмене военнослужащими или о безопасном проходе военнослужащих противника через их территорию и т.д. Возможно, такие соглашения должны заключаться при посредничестве какого-либо третьего нейтрального государства или обеспечивающей защиту державы, однако после их заключения они являются действительными и обязательными международными соглашениями[46].

57. Этот принцип и его практическое значение также признаются Бриггсом (op. cit., p. 942) и Аустом (*op. cit.*, p. 233). Уайтмен цитирует вариант 1965 года, содержащийся в Своде правил Американского института права (American Law Institute Restatement of the Law Second, *Foreign Relations Law of the United States*, p. 482):

Международное соглашение, которое либо в силу прямого положения, либо по причине его характера призвано сохранять свою силу во время военных действий, не затрагивается военными действиями с участием одной или нескольких сторон этого соглашения[47].

58. Изложенный во пункте 2 проекта статьи 5 принцип по существу связан с положениями проекта статьи 4, а также отражает принцип pacta sunt servanda.

Проект статьи 6. Международные договоры, касающиеся причины возникновения вооруженного конфликта

Действие международного договора, статус или толкование которого является существом вопроса, который стал причиной возникновения вооруженного конфликта, как предполагается, не прекращается в силу норм права, однако данное предположение не будет действовать, если есть свидетельство иного намерения договаривающихся сторон.

Комментарий

59. Некоторые известные ученые придерживаются мнения о том, что в случаях, когда вооруженный конфликт вызван разногласиями в отношении смысла или статуса международного договора, можно предположить, что данный договор будет аннулирован[48]. Этот принцип разъясняется Холлом следующим образом:

Во всех случаях, когда война вызвана разногласиями в отношении смысла какого-либо международного договора, данный договор должен считаться аннулированным. Во время военных действий встает вопрос о правильном толковании, и было бы педан-

---

[43] См. Rousseau, op. cit., pp. 222–223, para. 200. II; and Institute of International Law resolution of 28 August 1985 on the effects of armed conflicts on treaties, *Yearbook* (сноска 15, выше), art. 3, p. 280.

[44] Codification of international law (см. сноску 30, выше), p. 1183.

[45] Op. cit., p. 696.

[46] Loc. cit., p. 309.

[47] Whiteman, *Digest of International Law*, p. 509.

[48] См. Hall, op. cit., pp. 458–459; and Briggs, op. cit., p. 939.

тичным настаивать на аналогии между войной и правовым процессом в отношении смысла, который в конечном счете будет санкционирован победой, как представляющий непрерывно действующее обязательство по первоначальному договорному акту. В отношении того, будет ли спорный вопрос урегулирован в мирное время с помощью прямых положений или же события войны носили такой характер, какой обусловливает отсутствие необходимости в прямых положениях, используется новая отправная точка; мир, который, будь то косвенно или с помощью прямых положений, придает силу любому из этих двух толкований означает замену сомнения определенностью и таким образом возрождает к жизни новое положение вещей[49].

60. Такая установка, хотя ее и поддерживают видные ученые, вызывает сомнения. Во время вооруженного конфликта исполнение положений соответствующего договора, несомненно, будет приостановлено. В других контекстах данный принцип открыт для серьезных сомнений.

61. В качестве правового принципа и обоснованной политики предположение о том, что какой-либо международный договор, образующий один из элементов спора, аннулируется всего лишь потому, что он сопряжен с частью "причин" возникновения вооруженного конфликта, является неприемлемым. Практика государств подтверждает, что когда начинается процесс мирного урегулирования, то рассматриваемый международный договор или договоры не считаются недействительными или прекращенными в силу связи с вооруженным конфликтом как таковым. Последние примеры такого мирного урегулирования включают дело *Rann of Kutch*[50] и решения, вынесенные Комиссией по границе между Эритреей и Эфиопией[51].

Проект статьи 7. Действие международных договоров на основании необходимого условия, вытекающего из их объекта и цели

1. В случае международных договоров, объект и цель которых сопряжены с необходимым условием, согласно которому они продолжают действовать во время вооруженного конфликта, возникновение вооруженного конфликта само по себе не препятствует их действию.

2. Международные договоры такого характера включают следующие договоры:

***a*) договоры, являющиеся прямо применимыми в случае вооруженного конфликта;**

***b*) договоры, объявляющие, устанавливающие или регулирующие постоянные права или постоянный режим или статус;**

***c*) договоры о дружбе, торговле и мореплавании и аналогичные соглашения, касающиеся прав частных лиц;**

***d*) договоры о защите прав человека;**

***e*) договоры, касающиеся защиты окружающей среды;**

***f*) договоры, касающиеся международных водотоков и смежных сооружений и объектов;**

***g*) многосторонние нормоустановительные договоры;**

***h*) договоры, касающиеся урегулирования споров между государствами мирными средствами, включая использование согласительной процедуры, посредничества, арбитража и участие Международного Суда;**

***i*) обязательства, возникающие по многосторонним конвенциям, касающимся коммерческого арбитража и приведения в исполнение арбитражных решений;**

***j*) договоры о дипломатических сношениях;**

***k*) договоры о консульских сношениях.**

Комментарий

62. Содержание проекта статьи 7, строго говоря, является избыточным. Критерий намерения в принципе предполагает общее применение и, таким образом, является применимым посредством ссылки на все соответствующие обстоятельства. Однако основной аспект его рассмотрения в литературе сопряжен с указанием на категории международных договоров для определения видов международных договоров, действие которых в принципе не может быть приостановлено или прекращено в случае вооруженного конфликта. Этот подход отражен в работах Холла[52], Макнэйра[53], Фитцмориса[54], Тобина[55], Руссо[56], а также Дайле и Пелле[57]. Руссо формулирует общий принцип (le principe de la caducité)[58], а затем излагает серию существенных исключение из данного общего принципа. В исследовании Секретариата используется система категоризации и определяются "договоры, сопряженные с весьма значительной вероятностью применения", "договоры, сопряженные с относительно большой вероятностью применения", "договоры, сопряженные с различной или возникающей вероятностью применения" и "договоры, со-

[49] Hall, op. cit., p. 458.

[50] Case concerning the Indo-Pakistan Western Boundary (Rann of Kutch) (India *v*. Pakistan), award dated 19 February 1968, UNRIAA, vol. XVII (Sales No. E/F.80.V.2), pp. 1–576. См. также ILR, vol. 50, p. 2.

[51] UNRIAA, vol. XXV (Sales No. E/F.05.V.5), p. 83. См. также ILM, vol. 41, No. 5 (September 2002), p. 1057, решение от 13 апреля 2002 года относительно делимитации границы между Эритреей и Эфиопией.

[52] Op. cit., pp. 453–459.

[53] Op. cit., pp. 697–725.

[54] Loc. cit., pp. 312–317.

[55] *The Termination of Multipartite Treaties, passim.*

[56] Op. cit., pp. 222–224.

[57] Op. cit., pp. 309–310.

[58] Op. cit., p. 222.

пряженные с незначительной вероятностью применения"[59].

63. Специальный докладчик использовал только одну категорию исключений из этого общего принципа, основывающуюся на объекте и цели договора (ср. ссылки на "объект и цель", содержащиеся в статье 20, пункт 2, и статье 31, пункт 1, Венской конвенции 1969 года). Предлагаемые возможные исключения основываются главным образом на мнениях авторов. Не все исключения, указанные в настоящем докладе, рекомендуются для включения, а цель состоит в том, чтобы позволить Комиссии изучить все возможности.

64. С учетом имеющихся материалов, объем которых является значительным, целесообразно изложить исходную информацию, содержащуюся в источниках. Следует подчеркнуть, что эти источники не ограничиваются доктриной.

65. Категории, которые наиболее часто встречаются в источниках, далее будут рассматриваться в порядке, указанном в пункте 2 проекта статьи 7.

a) *Договоры, являющиеся прямо применимыми в случае вооруженного конфликта*

66. В источниках неизменно признается, что договоры, прямо применимые к ведению военных действий, не затрагиваются в случае вооруженного конфликта. Британская практика описывается лордом Макнэйром следующим образом:

> Существует множество свидетельств того, что договоры, которые посредством прямых положений имеют своей целью регулирование взаимоотношений между договаривающимися сторонами во время войны, включая фактическое ведение военных действий, сохраняют свою силу во время войны и не требуют возобновления действия после ее завершения.
>
> В начале первой мировой войны существовал ряд договоров (сторонами которых являлись одно или несколько нейтральных государств), объектом которых являлось регулирование ведения военных действий, например Парижская декларация 1856 года и некоторые Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов. Предполагалось, что такие договоры не затрагиваются войной и сохраняют свою силу, и многие решения, вынесенные британскими и другими призовыми судами, опирались на эти договоры. Кроме того, их действие не было конкретно возобновлено мирными договорами или согласно мирным договорам. Вопрос о том, обусловливается ли этот правовой результат тем обстоятельством, что договаривающиеся стороны включали некоторые нейтральные государства, или же характером данных договоров как источником общих норм права, предназначенных действовать во время войны, не является ясным, однако считается, что последний аспект рассматривался в качестве обоснованного. Если требуются свидетельства того, что Гаагские конвенции рассматривались правительством Соединенного Королевства как действующие после заключения мира, то этими свидетельствами могут служить многочисленные ссылки на них в ежегодных британских перечнях "присоединений, выходов и т.д.", публиковавшихся в Британской серии договоров в течение последних лет, а также денонсация Великобританией Гаагской конвенции VI 1907 года в 1925 году. Аналогичным образом, в 1923 году правительство Соединенного Королевства, которому иностранным правительством был задан вопрос о том, рассматривает ли оно Женевскую конвенцию, касающуюся Красного Креста, от 6 июля 1906 года как все еще сохраняющую свою силу в отношениях между бывшими союзными державами и бывшими враждебными державами, ответило, что, по мнению правительства Его Величества, данная Конвенция, входя в категорию договоров, объектом которых является регулирование поведения воюющих сторон во время войны, не была затронута началом войны[60].

67. Этот принцип признается в целом как в доктрине, так и в практике государств. В 1963 году генеральный адвокат министерства обороны Соединенных Штатов Америки, касаясь вопроса о применении Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия [Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой] во время войны, заявил следующее:

> По моему мнению, которое разделяет юрисконсульт Государственного департамента, данный договор нельзя обоснованно толковать таким образом.
>
> Далее он указал:
>
> …следует отметить, что согласно стандартной практике, которой придерживаются стороны договоров, объявляющих вне закона использование конкретных видов оружия или конкретные действия во время войны, предусматривается, что в таких договорах прямо указывается на то, что они применяются во время войны, с тем чтобы исключить возможное применение нормы, согласно которой война может приостанавливать или прекращать действие договоров в отношениях между их воюющими сторонами. (Ср. *Karnuth v. United States*, 279 U.S. 231, 236–239; Oppenheim's "International Law", vol. II, 7th ed., pp. 302–306). См., например:
>
> Международную декларацию о запрещении употребления во время войны разрывных пуль (Санкт–Петербург, 29 ноября (11 декабря) 1868 года);
>
> Международную декларацию относительно удушающих газов, Гаага, 29 июля 1899 года; Международную декларацию относительно разрывных пуль, Гаага, 29 июля 1899 года;
>
> Международную конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, Гаага, 18 октября 1899 года;
>
> Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, Женева, 17 июня 1925 года;
>
> Женевские конвенции 1949 года об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (статья 2) и об обращении с военнопленными (статья 2) и о защите гражданского населения во время войны (статья 2).
>
> В настоящем случае формулировка, конкретно запрещающая применение ядерного оружия во время войны, не включена; с учетом этого следует предположить, что никакое запрещение такого рода не применяется[61].

b) *Договоры, объявляющие, устанавливающие или регулирующие постоянные права или постоянный режим или статус*

68. Доктрина, сохраняющаяся в течение жизни нескольких поколений, признает, что действие договоров, объявляющих, устанавливающих или регулирующих постоянные права или постоянный режим или статус, не приостанавливается и не прекращается в случае вооруженного конфликта. В число соответствующих ученых входят Холл[62], Хёрст[63], Оппенгейм[64], Фитцморис[65],

[59] A/CN.4/550 и Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), пункты 17–78.

[60] McNair, op. cit., p. 704.

[61] Whiteman, op. cit, p. 510.

[62] Op. cit., pp. 456–457.

[63] Loc. cit., p. 46.

[64] Op. cit., p. 304.

Макнэйр[66], Руссо[67], Гугенхейм[68], Дайлье и Пелле[69], Ауст[70], Тобин[71], Дельбрюк[72], Стоун[73] и Джиальдино[74].

69. Виды связанных с этим соглашений включают договоры о цессии территории; договоры о союзе; договоры, нейтрализующие часть территории государства; договоры, устанавливающие или изменяющие границы, договоры, устанавливающие исключительные права пользователя или обеспечивающие доступ в отношении территории какого-либо государства.

70. Эта категория договоров и правовые последствия, с которыми связана такая категоризация, признаются весьма внушительным числом видных ученых. Кроме того, существует определенная практика государств, поддерживающая позицию, согласно которой такие соглашения не затрагиваются возникновением вооруженного конфликта. Макнэйр описывает соответствующую британскую практику[75], а Тобин утверждает, что такая практика в целом является совместимой с точкой зрения, бытующей в данной доктрине[76].

71. В ходе арбитражного разбирательства[77] по делу *North Atlantic Coast Fisheries* британское правительство утверждало, что права Соединенных Штатов Америки в отношении рыболовства, предусмотренные Мирным договором 1783 года[78], были аннулированы в качестве одного из последствий войны 1812 года. Суд не разделил эту точку зрения и заявил, что: "Международное право в своем современном развитии признает, что значительное число договорных обязательств не аннулируется войной, но в крайнем случае их действие приостанавливается войной"[79].

72. Вместе с тем использование этой категории порождает определенные проблемы. В частности, договоры о цессии и другие договоры, затрагивающие постоянные территориальные диспозиции, устанавливают постоянные права. Как подчеркивает Хёрст: "Именно приобретенные права, которые вытекают из договоров, являются постоянными, а не сами договоры"[80]. Следовательно, если такие договоры исполняются, они не могут затрагиваться последующим вооруженным конфликтом между их сторонами.

73. Еще один источник трудностей сопряжен с тем обстоятельством, что рамки этой категории являются до некоторой степени неопределенными. Речь идет о трех областях деятельности. Первой областью является использование договоров о гарантии. Этот вопрос является весьма широким[81], и вполне ясно, что воздействие вооруженного конфликта будет зависеть от точного объекта и цели договора о гарантии. Действие договоров, призванных гарантировать постоянное положение вещей, например постоянный нейтралитет какой-либо территории, не будет прекращено вооруженным конфликтом. Так, как отмечает Макнэйр:

> договоры, устанавливающие и гарантирующие постоянный нейтралитет Швейцарии или Бельгии, или Люксембурга, несомненно, носят политический характер, однако они не аннулируются началом войны, поскольку вполне ясно, что их объект заключается в установлении постоянной системы или статуса[82].

74. Ряд авторов включают соглашения, касающиеся предоставления взаимных прав гражданам и приобретения гражданства, в категорию договоров, устанавливающих постоянные права или постоянный статус. Однако соображения, ведущие к такому статусу таких соглашений, какой не предусматривает прекращения их действия, следует отличать в определенной степени от договоров, касающихся цессии территории и границ. Соответственно, такие соглашения целесообразно увязывать с более широкой категорией договоров о дружбе, торговле и мореплавании и других соглашений, касающихся прав частных лиц. Эта категория договоров рассматривается ниже.

c) *Договоры о дружбе, торговле и мореплавании и аналогичные соглашения, касающиеся прав частных лиц*

75. Такого рода договоры образуют весьма важную категорию международных сделок и являются предшественниками заключенных в последнее время двусторонних договоров об инвестициях. Используется разная терминология, и такие договоры часто называются учредительными договорами или договорами о согласии. Их не следует путать с обычными договорами о торговле. Значительное число весьма уважаемых авторов ссылаются на договоры о дружбе, торговле и судоходстве (или учредительные договоры) как на договоры, действие которых не прекращается в результате вооруженного конфликта. В число таких авторов входят: Хёрст[83], Тобин[84], Макнэйр[85], Фитцморис[86] и Верзийль[87]. Эта категория также используется в меморан-

[65] Loc. cit., pp. 312–313.

[66] Op. cit., pp. 704–710 and 720.

[67] Op. cit., p. 223.

[68] Op. cit., pp. 241–242.

[69] Op. cit., p. 309.

[70] Op. cit., p. 244.

[71] Op. cit., pp. 50–69.

[72] "War, effect on treaties", p. 1370.

[73] *Legal Controls of International Conflict*, p. 448.

[74] *Gli Effetti della Guerra sui Trattati*, pp. 240 and 245.

[75] Op. cit., pp. 704–715.

[76] Op. cit., pp. 137 *et seq*.

[77] The *North Atlantic Coast Fisheries* Case (Great Britain, United States of America), award dated 7 September 1910, UNRIAA, vol. XI (Sales No. 1961.V.4), p. 167.

[78] Bevans, *Treaties and Other International Agreements of the United States of America 1776–1949*, p. 8.

[79] UNRIAA (см. сноску 77, выше), p. 181. См. также Parry, *A British Digest of International Law*, pp. 585–605.

[80] Loc. cit., p. 46. См. также Fitzmaurice, loc. cit., pp. 313–314 and 317.

[81] См. Verzijl, *International Law in Historical Perspective*, pp. 457-459; Tobin, op. cit., pp. 55–69; Ress, "Guarantee treaties"; и McNair, op. cit., pp. 239–254.

[82] Op. cit., p. 703.

[83] Loc. cit., pp. 43–44.

[84] Op. cit., pp. 82–87.

[85] Op. cit., pp. 713–715 and 718–719.

[86] Loc. cit., pp. 314– 315.

[87] Op. cit., pp. 382–385.

думе Секретариата о влиянии вооруженных конфликтов на международные договоры[88].

76. Эта категория договоров включает другие договоры, касающиеся предоставления взаимных прав гражданам, проживающим на территории соответствующих сторон, включая право на приобретение собственности, право на отчуждение такой собственности и право на приобретение собственности в порядке наследования[89]. С этой категорией связаны соглашения, касающиеся приобретения и утраты гражданства и других вопросов гражданского состояния, включая брак и опеку[90].

77. Политическая основа предоставления специального статуса этой категории договоров по существу представляет собой правовое обеспечение для граждан и других затрагиваемых этим частных лиц наряду с выполнением условия взаимности. Другими словами, нет веских оснований для того, чтобы начало вооруженного конфликта означало отмену взаимовыгодного статус-кво. По этой причине не вызывает удивления существование определенной практики государств, подтверждающей позицию, согласно которой действие таких договоров не прекращается в случае вооруженного конфликта.

78. В 1931 году правительство Швейцарии, т.е. федеральный департамент юстиции и полиции, не согласилось с тем, что договоры об учреждении и торговле могут быть аннулированы или их действие приостановлено в отношениях между воюющим государством и нейтральным государством[91]. Британское правительство заняло противоположную Швейцарии позицию в ходе соответствующих переговоров. Вместе с тем на практику Соединенных Штатов Америки оказали воздействие некоторые судебные решения. Изменение в практике Соединенных Штатов Америки отражено в дайджесте Уайтмен. Особый интерес представляет следующий материал:

В связи с судебным процессом, касающимся имущества покойных, в отношении которого попечитель иностранной собственности заявил о наличии интересов граждан Германии, министр юстиции Биддл в 1945 году направил запрос о том, согласен ли государственный департамент с позицией, которую заняло министерство юстиции и согласно которой положения статей I и IV Договора о дружбе, торговле и консульских правах от 8 декабря 1923 года. заключенного с Германией (U.S. TS 725; 44 Stat. 2132; 52 LNTS 133), не были отменены войной и все еще сохраняют свою силу. В ответе исполняющего обязанности Государственного секретаря Грю от 21 мая 1945 года на имя Министра юстиции указывалось:

"Статья I Договора охватывает широкую область, предоставляя гражданам каждой Высокой Договаривающейся Стороны право въезжать и проживать на территории другой стороны, заниматься конкретно указанными профессиями, иметь в собственности или арендовать здания и арендовать землю, а также пользоваться свободой от дискриминации с точки зрения налогов, свободой доступа в суды и защитой их личности и собственности. Статья IV касается отчуждения и наследования недвижимого и движимого имущества.

Как представляется, законодательные положения, касающиеся воздействия войны на международные договоры, ни в коем случае не являются недвусмысленными или устоявшимися… [Ниже приводятся ссылки и цитаты из дел *Karnuth* v. *United States*, 279 U.S. 231, 236 (1929), *Techt* v. *Hughes*, 229 N.Y. 222, 240 (1920), 128 N.E. 185, 191 (1920), certiorari denied 254 U.S. 643 (1920), и Sophie Rickmers, 45 Fed. 2d 413 (S.D.N.Y. 1930).]

…

При применении принципов этих решений к статье I Договора 1923 года с Германией, как представляется, возникают значительные сомнения в отношении нынешней действительности некоторых положений данной статьи, например положений, касающихся въезда в Соединенные Штаты Америки, права заниматься определенными профессиями и т.д. С другой стороны, по всей видимости, нет оснований считать, что статья IV не сохраняет свое действие, несмотря на начало войны.

Положение Договора с Австро-Венгрией, аналогичное статье IV, было сочтено сохраняющим свою силу во время войны в решении по делу *Techt v. Hughes*, supra,..

За решением по этому делу последовало решение по делу *State ex rel. Miner* v. *Reardon* [120 Kans. 614, 245, Pac. 158 (1926)]. Верховный суд Небраски пришел к такому же выводу в связи с делом *Goos* v. *Brocks* [117 Neb. 750 (1929), 223 N.W. 13 (1929)], ...

Хотя договорное положение в данном случае несколько отличается от положения, связанного с делом *Karnuth*, следует отметить, что в последнем случае Верховный суд установил, что, "как представляется, по достаточно общему согласию, по меньшей мере, следующие договорные положения сохраняют свою силу: … положения, предоставляющие гражданам или подданным одной из высоких договаривающихся держав право удерживать и передавать землю на территории другой державы …

Хотя Государственный секретарь Лансинг 10 сентября 1918 года писал, что департамент не считает такие договорные положения, касающиеся отчуждения и наследования недвижимости, сохраняющими свою силу во время войны с Германией и Австро-Венгрией… это заявление было сделано до вынесения судебных решений, которые здесь рассматриваются, и до того, как суды столь очевидно стали придерживаться подхода, обусловленного этими решениями. Как представляется, существует тенденция к признанию большей непрерывной действительности договорных положений во время войны, чем в предыдущее время. Считается, что заявление Государственного секретаря Лансинга не отражает точку зрения, которая бытует в настоящее время.

Можно отметить, что суды этой страны, по всей видимости, заняли позицию, которая является несколько более благоприятной по отношении к непрерывной действительности договорных положений во время войны, чем позиция многих ученых в области международного права. Среди современных авторов, как представляется, существует тенденция к поддержке мнения о том, что "элемент, от которого должен зависеть ответ на вопрос о том, отменяется ли какой-либо конкретный договор началом войны между его сторонами, надлежит искать в намерении сторон во время заключения ими данного договора, а не в характере самого договорного положения". (Sir Cecil Hurst, 'The Effect of War on Treaties', 1921–1922 *British Year Book of International Law*, 37, 47). См. также C. C. Hyde, *International Law* (2nd ed., 1945) volume II, pp. 1546 *et seq.*; Harvard Research in International Law, *Law of Treaties*, 29 *A.J.I.L.* Supp. (1935), 1183 et seq. По всей видимости, нет никаких свидетельств в отношении фактического намерения сторон во время заключения в 1923 году данного договора с Германией. Однако с учетом принятого в то время последнего решения по делу *Techt v. Hughes*, выше, разумно было бы предполагать, что такое положение, как статья IV Договора 1923 года, должно сохранять свою силу в случае начала войны.

С учетом вышеизложенного Департамент не усматривает возражений против позиции, которую Вы занимаете и которая заключается в том, что статья IV Договора от 8 декабря 1923 года,

---

[88] A/CN.4/550 и Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), pp. 68–74.

[89] См. McNair, op. cit., p. 711; Fitzmaurice, loc. cit., p. 315; Verzijl, op. cit., pp. 382–385; A/CN.4/550 и Corr.1–2 (сноска 19, выше), paras. 37–46, 67 and 76; Oppenheim, op. cit., p. 304.

[90] См. McNair, op. cit., p. 714; and Verzijl, op. cit., p. 385.

[91] Guggenheim, *Répertoire suisse de droit international public*, pp. 188–191.

заключенного с Германией, сохраняет свою силу, несмотря на начало войны".

The Acting Secretary of State (Grew) to the Attorney General (Biddle), letter, May 21, 1945, MS. Department of State, file 740.00113 EW/4–1245[92].

79. В 1948 году занятая позиция была подтверждена исполняющим обязанности Юрисконсульта Джэком Б. Тейтом. Он отмечает:

"В письме исполняющего обязанности Государственного секретаря от 21 мая 1945 года на имя министра юстиции государственный департамент изложил свои мнения относительно сохранения силы статьи IV вышеупомянутого договора, несмотря на начало войны. По делу *Clark* v. *Allen* (1947), 91 L. Ed. 1633, 1641–1643, Верховный суд решил, что положения статьи IV Договора 1923 года, заключенного с Германией, касающиеся приобретения, отчуждения и налогообложения собственности, сохраняют свою силу во время войны. Департамент отмечает, что обычно, как указывается в решении по делу *Clark* v. *Allen* и в ряде других решений, вынесенных Верховным судом Соединенных Штатов Америки, определяющий фактор заключается в том, существует ли такого рода несовместимость между данным договорным положением и сохранением состояния войны, чтобы было абсолютно ясно, что выполнение данного положения не следует обеспечивать.

В связи с собственностью, приобретенной в Сан-Франциско германским правительством в 1941 году в консульских целях, соответствующими положениями Договора с Германией 1923 года являются положения второго пункта статьи XIX … Государственный департамент считает, что правовое воздействие этих положений не изменилось в результате начала войны между Соединенными Штатами Америки и Германией. Эта точка зрения полностью соответствует политике, которую в течение длительного времени проводило данное правительство как в мирное время, так и во время войны и которая касается собственности, принадлежащей правительству одной страны и находящейся в пределах территории другой страны. Данное правительство неизменно стремилось распространить на собственность других правительств, находящуюся на территории под юрисдикцией Соединенных Штатов Америки, признание, которое обычно предоставляется такой собственности в соответствии с международной практикой, и добросовестно соблюдало любые права, гарантированные такой собственности международным договором. Данное правительство также в равной мере неустанно требует, чтобы другие правительства предоставляли такое признание и права на его собственность, находящуюся на их территории.

История предоставления данным правительством соответствующего статуса германской дипломатической и консульской собственности в Соединенных Штатах Америки после начала войны между Соединенными Штатами Америки и Германией может представлять интерес в связи с этим вопросом.

…

С учетом этих соображений государственный департамент не усматривает возражений против позиции, которую заняло Управление по иностранной собственности и согласно которой положение второго пункта статьи XIX договора, подписанного 8 декабря 1923 года с Германией, сохраняет свою силу, несмотря на начало войны между Соединенными Штатами Америки и Германией".

The Acting Legal Adviser (Tate) to the Attorney-General (Clark), letter, 10 November, 1948, MS. Department of State, file 711.622/9-1648[93].

80. Эта точка зрения отражена в решениях муниципальных судов в нескольких штатах, однако судебные решения ни в коей мере не являются последовательными[94].

81. Решения, принятые МС в отношении аналогичных договорных положений, не являются неблагоприятными для правовых позиций, изложенных выше. Однако Суд не затрагивал вопроса о последствиях вооруженного конфликта для действительности или приостановления действия в связи с делом *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua*[95]. Кроме того, Суд не вынес никакого заключения по вопросу о существовании или отсутствии "вооруженного конфликта" между сторонами[96]. Следует напомнить о том, что Соединенные Штаты Америки все еще поддерживают дипломатические отношения с Никарагуа и что не имело места объявление войны или вооруженного конфликта.

82. Решение МС по делу *Oil Platforms*[97] также основывается на предположении о том, что Договор о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 года сохранял свою силу. Значимость этих решений затрагивается тем обстоятельством, что Договор о дружбе сохранял свою силу[98]. Это обстоятельство не было оспорено сторонами.

83. Кроме того, вполне разумно предположить, что данная категория договоров включает двусторонние договоры об инвестициях. Как подчеркивает Ауст, цель таких соглашений заключается в обеспечении взаимной защиты граждан сторон[99].

d) *Договоры о защите прав человека*

84. В соответствующей литературе содержится очень мало ссылок на статус в данных целях международных договоров о защите прав человека. Такое положение вещей фактически вполне можно объяснить. Большая часть соответствующей литературы появилась раньше, чем появились нормы, касающиеся прав человека, в эру Устава Организации Объединенных Наций. Кроме того, в специализированной литературе по правам человека проявляется тенденция к игнорированию проблем, которые носят в большей мере технический характер. Резолюция Института международного права, принятая в 1985 году, включает следующее положение (статья 4):

Существование вооруженного конфликта не дает какой-либо из сторон права в одностороннем порядке прекращать или приостанавливать действие договорных положений, касающихся защиты человеческой личности, если только этот договор не предусматривает иное[100].

---

[92] Whiteman, op. cit., pp. 495–497.

[93] Ibid., pp. 502–503, письмо от 10 ноября 1948 года на имя министра юстиции.

[94] См. Rank, loc. cit., pp. 511–533; Whiteman, op. cit., pp. 497–505; и Verzijl, op. cit., pp. 377–385.

[95] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua* v. *United States of America), Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984*, pp. 426–429.

[96] A/CN.4/550 и Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), paras. 72–74.

[97] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran* v. *United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2003*, p. 161. См. также решение по делу *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran* v. *United States of America), Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1996*, p. 803.

[98] Ibid., p. 809, para. 15.

[99] См. Aust, op. cit., p. 244.

[100] *Yearbook* (см. сноску 15, выше), p. 280.

Статья 4 была утверждена 36 голосами при 2 воздержавшихся, причем никто не голосовал против[101].

85. Использование категории защиты прав человека может рассматриваться как естественное распространение статуса, предоставляемого договорам о дружбе, торговле и мореплавании и аналогичным соглашениям, касающимся прав частных лиц, включая двусторонние договоры об инвестициях. Кроме того, существует тесная связь с договорами, устанавливающими территориальный режим и при этом устанавливающими стандарты, регулирующие права человека населения в целом, или режим для меньшинств, или же режим для местной автономии.

86. Порядок применения договоров о правах человека во время вооруженного конфликта описывается в меморандуме Секретариата[102] следующим образом:

> Хотя все еще продолжаются дискуссии относительно того, применяются ли договоры по вопросам прав человека к вооруженному конфликту, прочно утвердилось положение о том, что не допускающие отступлений статьи договоров в области прав человека применяются в период вооруженного конфликта. Во-первых, Международный Суд в консультативном заключении относительно ядерного оружия заявил, что "защита, предоставляемая Международным пактом о гражданских и политических правах, не прекращается в период войны, за исключением статьи 4 Пакта, в соответствии с которой от некоторых положений можно отступать в период чрезвычайного положения в государстве". В заключении о ядерном оружии Суд ближе всего подошел к анализу воздействия вооруженных конфликтов на международные договоры, включая предметное обсуждение последствий вооруженного конфликта как для договоров в области прав человека, так и для экологических договоров. Во-вторых, в своем комментарии к статьям об ответственности государств за международно-противоправные деяния Комиссия международного права заявила, что неотъемлемое право на самооборону может оправдывать несоблюдение некоторых договоров, "[п]оскольку в отношении обязательств по международному гуманитарному праву и не допускающих отступлений положений в области прав человека самооборона не исключает противоправности поведения". Наконец, ученые также согласны с тем, что не допускающие отступлений положения о правах человека являются применимыми в период вооруженного конфликта. Поскольку не допускающие отступлений положения о правах человека кодифицируют нормы jus cogens, применение не допускающих отступлений положений о правах человека в период вооруженного конфликта можно рассматривать в качестве следствия нормы, которая сформулирована в предыдущем разделе 4, выше, и гласит, что договорные положения, отражающие нормы jus cogens, должны соблюдаться, несмотря на факт возникновения вооруженного конфликта.

87. Это описание иллюстрирует проблемы, касающиеся применимости стандартов в области прав человека в случае вооруженного конфликта[103]. Задача Комиссии заключается не в том, чтобы затрагивать такие вопросы существа, но в том, чтобы обратить внимание на вопрос о последствиях вооруженного конфликта для действия или действительности конкретных международных договоров. В связи с этим критерий возможности отступлений не является целесообразным, поскольку возможность отступлений касается действия положений и не относится к вопросу действительности или прекращения действия договоров. Однако право отступать от определенных положений "[в]о время войны или иной общественной чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни нации"[104], несомненно, свидетельствует о том, что вооруженный конфликт как таковой не приводит к приостановлению или прекращению действия договора. В конечном счете надлежащим критерием является намерение сторон. Реализация (или нет) полномочия отступать от каких-либо положений не препятствует тому, чтобы другая сторона договора утверждала, что приостановление или прекращение действия договора является оправданным ab extra.

e) *Договоры, касающиеся защиты окружающей среды*

88. Специальный докладчик решил, что Комиссии следует предложить изучить вопрос о включении данной категории договоров. Большинство договоров о защите окружающей среды не содержит прямых положений, касающихся их применимости в случае вооруженного конфликта. Предмет и возможные варианты договоров о защите окружающей среды чрезвычайно разнятся[105]. Единственный общий принцип – это принцип намерения сторон.

89. В состязательных бумагах, касающихся консультативного заключения МС *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*[106], вполне недвусмысленно указывается, что нет общего согласия в отношении предположения о том, что все договоры о защите окружающей среды применяются как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта, если только не наличествуют прямые положения, указывающие на иное[107]. При любых обстоятельствах Специальный докладчик не считает, что существуют убедительные аргументы в пользу того, чтобы полагаться на эту категорию договоров в качестве ориентира, касающегося намерения сторон.

90. В консультативном заключении относительно ядерного оружия МС сформулировал общую правовую позицию следующим образом:

> Суд признает, что окружающая среда ежедневно подвергается угрозе и что применение ядерного оружия могло бы иметь для нее катастрофические последствия. Суд также признает, что окружающая среда не является чем-то абстрактным, а служит средой обитания, определяет качество жизни и само здоровье людей, в том числе будущих поколений. Общее обязательство государств обеспечивать, чтобы деятельность, осуществляемая в пределах их юрисдикции и под их контролем, не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами национального контроля, является ныне частью свода норм международного права, касающихся окружающей среды.
>
> Однако Суд придерживается мнения, что вопрос заключается не в том, применимы ли в период какого-либо вооруженного кон-

---

[101] Ibid., p. 221.

[102] A/CN.4/550 and Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), para. 32 (сноски не включены).

[103] См. Provost, *International Human Rights and Humanitarian Law*.

[104] Статья 15 Европейской конвенции по правам человека.

[105] См. Sands, *Principles of International Environmental Law*, pp. 307–316; Birnie and Boyle, *International Law and the Environment*, pp. 148–151; и Mollard Bannelier, *La protection de l'environnement en temps de conflit armé*.

[106] *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996*, p. 226.

[107] См. A/CN.4/550 и Corr.1–2 (сноска 19, выше), paras. 58–63.

фликта договоры, касающиеся защиты окружающей среды, или нет, а в том, призваны ли обязательства, вытекающие из этих договоров, быть обязательствами проявлять всемерную сдержанность в период вооруженного конфликта.

Суд не считает, что данные договоры могли иметь целью лишение какого-либо государства возможности осуществить свое право на самооборону в соответствии с международным правом на основании его обязательств, касающихся защиты окружающей среды. Тем не менее государства должны принимать во внимание экологические соображения при оценке того, что является необходимым и соразмерным в ходе достижения законных военных целей. Защита окружающей среды – один из элементов, учитываемых при оценке того, соответствует ли какое-либо действие принципам необходимости и соразмерности.

Такой подход подкрепляется, в сущности, положениями Принципа 24 Рио-де-Жанейрской декларации, который предусматривает:

> "Война неизбежно оказывает разрушительное воздействие на процесс устойчивого развития. Поэтому государства должны уважать международное право, обеспечивающее защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов, и должны сотрудничать, при необходимости, в деле его дальнейшего развития".

Кроме того, Суд отмечает, что пункт 3 статьи 35 и статья 55 Дополнительного протокола I предусматривают дополнительную защиту окружающей среды. Эти положения, взятые вместе, воплощают общее обязательство защищать природную среду от обширного, долговременного и серьезного экологического ущерба; запрещение использования методов и средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб; и запрещение посягательств на природную среду в порядке репрессалий.

Упомянутые положения представляют собой мощные сдерживающие факторы для всех подписавших их государств[108].

91. Эти положения, конечно, имеют большое значение и обеспечивают общую и косвенную поддержку использования презумпции, согласно которой договоры о защите окружающей среды применяются в случае вооруженного конфликта. Однако, как указывается в письменных докладах, представленных в ходе разбирательства с целью подготовки консультативного заключения, консенсус в отношении данного конкретного правового вопроса отсутствует[109].

f) *Договоры, касающиеся международных водотоков и смежных сооружений и объектов*

92. Договоры, касающиеся водотоков или прав на судоходство, в основном образуют подкатегорию договоров, создающих или регулирующих постоянные права или постоянный режим или статус. Тем не менее представляется целесообразным рассмотреть эту группу отдельно. Ряд известных ученых считают, что эта категория международно-правовых документов не подлежит прекращению в период вооруженного конфликта. В число таких авторов входят Тобин[110], Макнэйр[111], Фитцморис[112], Рэнк[113], Чинкин[114] и Дельбрук[115].

93. Указанная картина, однако, далеко не простая. Вот как излагает практику государств Фитцморис:

> В тех случаях, когда все стороны той или иной конвенции, какой бы характер она ни носила, являются воюющими сторонами, вопрос решается в основном таким же образом, как если бы эта конвенция являлась двусторонней. Например, категория нормоустановительных договоров или конвенций, предназначенных для того, чтобы добиться постоянного урегулирования, как, например, конвенции, предусматривающие свободу судоходства в определенных каналах или водных путях или свободу и равенство торговли в колониальных районах, не будут затронуты тем фактом, что началась война с участием всех сторон. Их действие может быть частично приостановлено, однако они продолжают существовать и их действие автоматически возобновляется с восстановлением мира[116].

94. Применение договоров, касающихся статуса определенных водных путей, может зависеть от осуществления неотъемлемого права на самооборону, признаваемого в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций[117].

95. В любом случае, режим конкретных проливов и каналов обычно решается посредством специальных положений. Примерами таких договоров являются Конвенция, определяющая режим судоходства по реке Эльбе (статья 49), положения Версальского договора о Кильском канале (часть XII, раздел VII), Конвенция о режиме проливов, Договор о Панамском канале[118] и Договор о постоянном нейтралитете и эксплуатации Панамского канала[119]. Встает также вопрос о связи таких договоров с принципами обычного права[120]. Воздействие вооруженного конфликта на эти договоры регулируется главным образом критерием намерения, и в силу ряда веских политических причин Специальный докладчик не намерен призывать Комиссию заняться подробным изучением этого вопроса.

96. В некоторых многосторонних соглашениях прямо предусматривается право приостанавливать их действие в период войны. Так, например, в статье 15 Статута о режиме водных путей международного значения 1922 года предусматривается, что:

> В настоящем Статуте не устанавливаются права и обязанности воюющих и нейтральных сторон в период войны. Вместе с тем Статут будет продолжать оставаться в силе во время войны в той мере, в какой такие права и обязанности позволяют это.

97. В статье 29 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 года предусматривается следующее:

---

[108] *I.C.J. Reports 1996* (see footnote 106 above), pp. 241–242, paras. 29–31.

[109] См. Akande, "Nuclear weapons, unclear law? Deciphering the *Nuclear Weapons* advisory opinion of the International Court", pp. 183–184.

[110] Op. cit., pp. 89–95.

[111] Op. cit., p. 720.

[112] Loc. cit., pp. 316–317.

[113] Rank, loc. cit., pp. 326–327.

[114] Chinkin, "Crisis and the performance of international agreements: the outbreak of war in perspective", pp. 202–205.

[115] Loc. cit., p. 1370.

[116] Fitzmaurice, loc. cit., p. 316.

[117] См. Baxter, *The Law of International Waterways with particular regard to interoceanic canals*, p. 205.

[118] United Nations, *Treaty Series*, vol. 1280, No. 21086, p. 3. См. также ILM, vol. XVI, No. 5 (September 1977), p. 1022.

[119] United Nations, *Treaty Series*, vol. 1161, No. 18342, p. 177. См. также ILM (сноска 118, выше), p. 1040.

[120] См. в целом Baxter, op. cit., и Chinkin, loc. cit. См. также решение МС по делу *S.S. "Wimbledon", Judgments, 1923, P.C.I.J., Series A, No. 1.* Дополнительные ссылки имеются в A/CN.4/550 и Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), paras. 56–57; и в Rank, loc. cit., pp. 325–329.

Международные водотоки и сооружения в период вооруженного конфликта

Международные водотоки и относящиеся к ним сооружения, установки и другие объекты пользуются защитой, предоставляемой согласно принципам и нормам международного права, применимым в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, и не используются в нарушение этих принципов и норм.

98. Существует определенное обоснование для включения этой категории договоров в проект статьи 7, однако такое обоснование не является очень убедительным. В частности, из объекта и цели таких договоров необязательно следует, что вооруженный конфликт не имеет на них никакого воздействия, в частности когда он касается прибрежного государства. Обстоятельства, связанные с каждым водным путем, являются самыми разнообразными, и многое будет зависеть от интенсивности данного вооруженного конфликта. Комиссия должна принять решение по вопросу о том, следует ли этой категории договоров приписывать особый статус.

g) *Многосторонние нормоустановительные договоры*

99. Макнэйр определяет следующим образом категорию нормоустановительных договоров:

i) *Многосторонние нормоустановительные договоры*. Под ними подразумеваются договоры, которые образуют нормы международного права в целях регулирования будущего поведения сторон, не создавая при этом международного режима, статуса или системы. Представляется, что эти договоры переживают войну независимо от того, вовлечены ли в нее все договаривающиеся стороны или только некоторые из них. Именно на эти договоры можно обычно ссылаться, обосновывая намерение создать перманентное право. Примеры на этот счет не являются многочисленными. Одним из таких примеров является Парижская декларация 1856 года; из ее содержания ясно, что стороны исходили из намерения регулировать ею свое поведение во время войны. Однако утверждают, что причина, почему она продолжает действовать, состоит в том, что при помощи нее стороны намеревались создать постоянные нормы права. Другими примерами этой категории являются Гаагская конвенция II 1907 года об ограничении применения силы при взыскании по договорным долговым обязательствам и Парижский мирный пакт 1928 года. Конвенции нормотворческого характера, касающиеся гражданства, брака, развода, взаимного исполнения судебных решений и т.п., будут, вероятно, относиться к этой же категории[121].

100. О значении этой категории говорится в трудах некоторых других известных юристов, включая Руссо[122], Фитцмориса[123], Старке[124], Дельбрука[125] и Джиальдино[126]. Этой категории также уделено серьезное внимание в меморандуме Секретариата[127].

101. Накоплен определенный багаж практики государств, связанной с многосторонними договорами технического характера, появившимися в результате последовательных договоренностей, вытекающих из второй мировой войны. Фитцморис, который работал в правовом департаменте министерства иностранных дел, обсуждает, как подходили к вопросу оживления или чего-либо в этом роде двусторонних договоров, который предусматривал метод уведомления. Далее Фитцморис продолжает:

Польза от положения такого рода состоит в том, что оно без какой-либо тени сомнения утверждает позицию в отношении каждого двустороннего договора, который действовал на момент начала войны между бывшими вражескими государствами и какими-либо союзными или объединившимися державами, чего, несомненно, не было бы в отсутствие такого положения, учитывая значительные трудности и неразбериху, которые связаны с вопросом о воздействии войны на договоры, особенно на двусторонние договоры.

Эти трудности также возникают в связи с многосторонними договорами и конвенциями, однако они являются менее серьезными, поскольку, как правило, совершенно очевидно, какое воздействие начало войны будет иметь на те или иные многосторонние договоры или конвенции. Следовательно, учитывая огромное число многосторонних конвенций, участниками которых являлись бывшие враги и союзные и объединившиеся державы (вместе с определенным числом других государств, некоторые из которых являлись нейтральными и не участвовали в мирном урегулировании), а также трудность, связанную с разработкой подробных положений относительно всех этих конвенций, было принято решение ничего не упоминать о них в мирных договорах и оставить этот вопрос на усмотрение основных норм международного права, которыми он руководствуется. Вместе с тем, интересно заметить, что, когда этот вопрос обсуждался в Юридической комиссии Мирной конференции, мнение Комиссии было официально занесено в протокол заседаний и в целом гласило, что многосторонние конвенции, заключенные между враждующими сторонами, особенно те, которые носят технический характер, не подлежат воздействию в связи с началом войны в плане их юридической силы и продолжают действовать, хотя в течение войны может оказаться невозможным их применение между враждующими сторонами или даже в некоторых других случаях между враждующими и нейтральными сторонами, которые могут оказаться отрезанными по причине военных действий; такие конвенции в крайнем случае приостанавливают свое действие и автоматически возобновляют его по восстановлении мира без необходимости принятия какого-либо специального положения на этот счет. На практике, однако, оказалось, что этот вопрос является не таким уж простым даже в связи с многосторонними конвенциями; в любом случае такова была общая позиция, на основе которой было принято решение не включать в мирные договоры какое-либо ясно выраженное положение на этот счет[128].

102. Юридический советник государственного департамента Эрнст А. Гросс изложил позицию Соединенных Штатов по этому вопросу в письме от 29 января 1948 года:

Что касается многосторонних договоров этой категории, о которых говорится в Вашем письме, то правительство этой страны считает, что в целом многосторонние договоры неполитического характера, участником которых являлись Соединенные Штаты, когда они стали воюющей стороной, и которые это правительство с того времени не денонсировало в соответствии с условиями, изложенными в них, то они продолжают до сих пор действовать в отношении Соединенных Штатов, и что состояние войны между некоторыми участниками таких договоров не аннулировало их ipso facto, хотя вполне понятно, что по практическим причинам некоторые из положений могут оказаться недействующими. Правительство этой страны считает, что воздействие войны на такие договоры заключается лишь в прекращении или приостановлении их действия между противостоящими враждующими сторонами, и что в отсутствие особых причин для противоположного мнения

[121] Op. cit., p. 723.

[122] Rousseau, op. cit., pp. 223–224.

[123] Fitzmaurice, loc. cit., pp. 308–309 and 313.

[124] Shearer, *Starke's International Law*, p. 493.

[125] Delbrück, loc. cit, p. 1370.

[126] Gialdino, op. cit., pp. 225–239.

[127] A/CN.4/550 и Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), paras. 47–51.

[128] Fitzmaurice, loc. cit., pp. 308–309. См. также Oppenheim, op. cit., pp. 308–309.

они остаются в силе между враждующими сторонами, между враждующими сторонами и нейтральными сторонами и между нейтральными сторонами.

Правительство этой страны считает, что по вступлении в силу 15 сентября 1947 года мирного договора с Италией многосторонние договоры неполитического характера, которые оставались в силе между Соединенными Штатами и Италией во время войны между двумя сторонами и которые ни одно из правительств этих стран не денонсировало в соответствии с условиями, содержащимися в них, они в настоящее время остаются в силе и продолжают действовать между Соединенными Штатами и Италией. Аналогичную позицию правительство Соединенных Штатов заняло в отношении Болгарии, Венгрии и Румынии[129].

103. Позиция британского правительства была изложена в письме министерства иностранных дел от 7 января 1948 года и являлась следующей:

Я отвечаю… на Ваше письмо…, в котором Вы интересовались относительно правового статуса многосторонних договоров технического или неполитического характера и вопроса о том, считает ли правительство Его Величества Соединенного Королевства такие договоры аннулированными в результате войны или же просто приостановившими свое действие.

Вы можете заметить, что в мирных договорах с Италией, Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией не содержится никакого упоминания о таких договорах, и что на мирной конференции было высказано мнение, что не следует принимать каких-либо положений относительно их, поскольку, согласно международному праву, такие договоры в принципе просто приостанавливают свое действие между воюющими сторонами в период войны и автоматически возобновляют его с заключением мира. Правительство Его Величества не считает, что многосторонние конвенции должны ipso facto терять силу с началом войны; так именно и обстоит дело в случае конвенций, участниками которых являются нейтральные державы. Яркими примерами таких конвенций являются Международная конвенция 1919 года о воздушном сообщении и различные конвенции о почтовых и телеграфных службах. В действительности, правильная правовая доктрина по-видимому гласит, что лишь приостановление обычных мирных отношений между воюющими сторонами делает невозможным выполнение многосторонних конвенций между ними. Здесь имеет место лишь временное приостановление действия таких конвенций между воюющими сторонами. В некоторых случаях, однако, как, например, в случае с Конвенцией Красного Креста, такие многосторонние конвенции специально предназначены для целей регулирования отношений держав во время войны, и вполне ясно, что такие конвенции будут продолжать оставаться в силе и их действие не будет приостанавливаться.

Что касается многосторонних конвенций, участниками которых являются лишь воюющие стороны, то если они носят не политический, а технический характер, то, по мнению правительства Его Величества, их действие будет приостановлено на период войны, однако после войны это действие будет автоматически возобновлено, если только они конкретно не будут аннулированы. Однако такой случай на практике еще не встречался[130].

104. Позиция германского[131], итальянского[132] и швейцарского[133] правительств является, по-видимому, аналогичной обсуждаемому вопросу. Вместе с тем, практика государства не является полностью последовательной и необходимы дополнительные свидетельства, подтверждаемые практикой, и особенно нынешней практикой.

105. Решения муниципальных судов должны рассматриваться в качестве сомнительного источника. Прежде всего, вполне нормально, что решения зависят от четкого указания исполнительной власти. Во-вторых, муниципальные суды могут полагаться на политические элементы, прямо не связанные с принципами международного права. По крайней мере можно будет сказать, что муниципальная юриспруденция не относится враждебно к принципу сохранения договора[134]. Этот общий принцип был подтвержден в решении шотландского суда по делу *Masinimport* v. *Scottish Mechanical Light Industries Limited* (1976)[135].

106. Хотя не все источники являются подходящими, категория нормоустановительных договоров может быть рекомендована для признания в качестве такой категории договоров, которые обладают статусом сохранивших свое действие. В принципе они должны рассматриваться как таковые, и нет недостатка в практике государств, которая не подтверждала бы этот принцип сохранения действия.

h) *Договоры, связанные с урегулированием споров между государствами мирными средствами, включая примирение, посредничество, арбитраж и Международный Суд*

107. Эта категория договоров не так широко освещается в литературе и, вероятно, в какой-то степени она слилась с категорией многосторонних договоров, устанавливающих международный режим. Некоторые ученые, однако, прямо признают постоянное действие договоров, образующих механизм мирного урегулирования международных споров[136]. В соответствии с этим принципом специальные соглашения, заключенные до первой мировой войны, были применены с целью задействовать систему арбитража после этой войны.

i) *Обязательства, возникающие по многосторонним конвенциям, касающимся коммерческого арбитража и приведения в исполнение арбитражных решений*

108. По принципиальным соображениям и исходя из разумной политики, принцип сохранения действия договора должен применяться к обязательствам, возникающим из многосторонних конвенций, касающихся арбитража и исполнения решений. В деле *Masinimport* v. *Scottish Mechanical Light Industries Limited*, шотландский суд постановил, что такие договоры пережили вторую мировую войну и не охватывались Мирным договором с Румынией[137]. Соответствующими соглашениями являлись Протокол об арбитражных оговорках, и Конвенция об исполнении иностранных арбитражных решений. Суд классифицировал эти договоры как "многосторон-

[129] Rank, loc. cit., pp. 343–344.

[130] Ibid., p. 346.

[131] Ibid., pp. 349–354.

[132] Ibid., pp. 347–348.

[133] Guggenheim and others, op. cit., pp. 186–191.

[134] Rank, loc. cit., pp. 511 and 533; and Verzijl, op. cit., pp. 387–391.

[135] ILR, vol. 74, p. 564.

[136] См. McIntyre, *Legal Effect of World War II on Treaties of the United States*, pp. 74–86; and McNair, op. cit., p. 720. См. также Hudson, *The Permanent Court of International Justice 1920–1942: A Treatise*.

[137] См. сноску 135, выше.

ние нормотворческие"[138]. В 1971 году итальянский кассационный суд постановил, что положения Протокола об арбитражных оговорках остаются в силе, несмотря на объявление Италией войны Франции, и действие этой Конвенции было лишь приостановлено до прекращения состояния войны между ними[139].

109. Признание этой категории договоров представляется оправданным, и также существуют связи с другими категориями договоров, включая многосторонние нормоустановительные договоры.

110. Существует значительная аналогия с вопросом о воздействии враждебных операций на положение об арбитраже на основании Регламента Международной торговой палаты. В деле *Dalmia Cement Ltd.* v. *National Bank of Pakistan* единственный арбитр Пьер Лалив, упоминая о враждебных действиях, которые имели место между Индией и Пакистаном в сентябре 1965 года, сделал следующее заключение:

> …И наконец, у меня нет сомнений в том, что когда истец обратился в арбитражный суд МТП с просьбой об арбитраже, между сторонами действовало имеющее обязательную силу соглашение обратиться к арбитражу в соответствии с Регламентом МТП, даже если предположить, что между Индией и Пакистаном существовало состояние войны. Нет необходимости тогда рассматривать вопрос о том, будет ли означать обращение к арбитражу сношение с врагом, и имели ли власти, которые поддерживали это утверждение, в виду лишь английский арбитраж или же местный, но также и международный арбитраж на основании регламента МТП. В равной степени нет необходимости обсуждать вопрос о том, предполагали ли стороны или могли ли они предполагать, когда соглашались с положением об арбитраже, что между Пакистаном и Индией может возникнуть "состояние войны" или же вооруженный конфликт, не доводящий до войны.
>
> ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ,
>
> Нижеподписавшийся арбитр
>
> считает, что арбитражное разбирательство, начатое истцом, относится к компетенции Арбитражного суда Международной торговой палаты и что арбитр обладает компетенцией выносить решения по спору в соответствии со статьей 13(3) Согласительного и арбитражного регламента МТП[140].

j) *Договоры о дипломатических сношениях*

111. Имеются веские основания для того, чтобы отнести договоры, касающиеся дипломатических сношений, к категории соглашений, которые необязательно прекращают или приостанавливают свое действие в случае вооруженного конфликта. Хотя указанное не подкрепляется достаточной документацией, нет ничего необычного в том, что посольства продолжают оставаться открытыми во время вооруженного конфликта. В любом случае четкие положения Венской конвенции о дипломатических сношениях свидетельствуют о ее применении во время вооруженного конфликта. Так, например, статья 24 предусматривает, что архивные документы представительства неприкосновенны "в любое время", и эта фраза была добавлена на Конференции Организации Объединенных Наций по дипломатическим сношениям и иммунитету для того, чтобы четко определить, что неприкосновенность продолжает действовать в период вооруженного конфликта[141]. Другие положения включают в себя слова "даже в случае вооруженного конфликта" (статья 44 о содействии, необходимом для выезда). Статья 45 представляет особый интерес и предусматривает следующее:

> В случае разрыва дипломатических сношений между двумя государствами либо окончательного или временного отозвания представительства:
>
> *a*) государство пребывания должно, даже в случае вооруженного конфликта, уважать и охранять помещения представительства вместе с его имуществом и архивами;
>
> *b*) аккредитующее государство может вверить охрану помещений своего представительства вместе с его имуществом и архивами третьему государству, приемлемому для государства пребывания;
>
> *c*) аккредитующее государство может вверить защиту своих интересов и интересов своих граждан третьему государству, приемлемому для государства пребывания.

112. Принцип сохранения договоров признан Чинкиным[142], а также в меморандуме Секретариата[143]. Особый характер режима, отраженный в Венской конвенции о дипломатических сношениях, был четко описан МС в деле *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran*. По словам Суда:

> Короче говоря, нормы дипломатического права представляют собой автономный режим, в котором, с одной стороны, излагаются обязательства принимающего государства относительно создания условий и предоставления привилегий и иммунитетов дипломатическим представительствам, а с другой − предусматривается возможность злоупотребления ими со стороны работников представительства и конкретно указываются средства, находящиеся в распоряжении принимающего государства, по борьбе с любым таким злоупотреблением. Эти средства по своему характеру являются полностью действенными, и если аккредитующее государство не отзывает сразу же нежелательного члена представительства, перспективы почти немедленной утраты его привилегий и иммунитетов по причине отказа со стороны принимающего государства признавать его в качестве члена представительства, практически заставят это лицо в его же собственных интересах сразу покинуть страну. Однако принцип неприкосновенности лиц, являющихся дипломатическими агентами и помещений дипломатических представительств является одним из самых основных в этом давно установившемся режиме, в эволюцию которого традиции ислама внесли значительный вклад. Более того, фундаментальный характер принципа неприкосновенности решительно подчеркивается положениями статей 44 и 45 Конвенции 1961 года (сравни также статьи 26 и 27 Конвенции 1963 года). Даже в случае вооруженного конфликта или в случае разрыва дипломатических отношений эти положения требуют, чтобы принимающее государство уважало как неприкосновенность членов дипломатического представительства, так и неприкосновенность помещений, имущества и архивов представительства[144].

113. Венская конвенция о дипломатических сношениях находилась в силе как для Ирана, так и для Соединенных Штатов. В любом случае МС достаточно ясно указал, что применимое право включает в себя "примени-

---

[138] Ibid.

[139] *Lanificio Branditex* v. *Società Azais e Vidal*, ILR, vol. 71, p. 595. См. также решение Федерального суда Швейцарии относительно Протокола об арбитражных оговорках: *Telefunken* v. *N. V. Philips*, ibid. (1952), p. 557.

[140] Ibid., vol. 67, award of 18 December 1976, p. 629.

[141] См. Denza, *Diplomatic Law*, p. 160.

[142] Loc. cit., pp. 194–195.

[143] A/CN.4/550 и Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), para. 36.

[144] *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, Judgment, I.C.J. Reports 1980*, p. 40, para. 86.

мые нормы международного общего права"[145] и что эта Конвенция представляет собой кодификацию права[146].

k) *Договоры о консульских сношениях*

114. Как и в случае с договорами о дипломатических сношениях, имеются весомые основания относить договоры о консульских сношениях к категории соглашений, которые необязательно прекращают или приостанавливают свое действие в случае вооруженного конфликта. Широко признано, что консульские сношения могут продолжаться даже в случае войны или разрыва дипломатических сношений[147]. Четкие положения Венской конвенции о консульских сношениях указывают на ее применимость в период вооруженного конфликта. Так, например, в статье 26 предусматривается, что условия, обеспечиваемые государством пребывания для работников консульского учреждения и других работников, должны предоставляться "даже в случае вооруженного конфликта". В статье 27 предусматривается, что государство пребывания должно, "даже в случае вооруженного конфликта", уважать и охранять консульские помещения.

115. Принцип сохранения договоров признан Чинкиным[148], а также в меморандуме Секретариата[149].

116. МС в своем решении по делу *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran* подчеркнул особый характер этих двух Венских конвенций 1961 и 1963 годов (см. пункт 112, выше).

117. Венская конвенция о консульских сношениях находилась в силе как для Исламской Республики Иран, так и для Соединенных Штатов. Кроме того, МС признал, что эта Конвенция представляет собой кодификацию права, и он достаточно ясно указал, что применимое право включает в себя "применимые нормы международного общего права"[150].

118. Практика государств, относящаяся к консульским положениям в двусторонних договорах, является не очень последовательной[151]. Необходимо иметь больше информации и, в частности, информации о современной практике.

Проект статьи 8. Метод приостановления или прекращения действия договора

В случае вооруженного конфликта метод приостановления или прекращения действия договора является таким же, что и метод приостановления или прекращения действия договора, содержащийся в положениях статей 42–45 Венской конвенции о праве международных договоров.

Комментарий

119. Основной момент здесь заключается в том, что приостановление или прекращение действия договора не происходит ipso facto или в результате действия права. Следовательно, необходимо решить вопрос о методе. Следует отметить, что указанное положение не предлагает применение статей 42–45 Венской конвенции 1969 года как таковых (см. статью 73).

Проект статьи 9. Возобновление действия приостановленных договоров

1. Действие договора, приостановленного вследствие вооруженного конфликта, возобновляется при условии, что это происходит в соответствии с намерением сторон, выраженным во время заключения договора.

2. Намерение сторон договора, действие которого было приостановлено вследствие вооруженного конфликта, относительно возможности договора возобновить свое действие, определяется с учетом:

***a*) положений статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров;**

***b*) характера и масштабов данного вооруженного конфликта.**

Комментарий

120. Проект статьи 9 представляет собой дальнейшее развитие проекта статьи 4, в которой излагается общий критерий намерения.

121. В Венской конвенции 1969 года содержатся следующие нормы толкования договоров, как двусторонних, так и многосторонних (см. пункт 53, выше). Пункт 2 *b* проекта статьи 9 предназначен для включения содержания пункта 1 *b* проекта статьи 2.

Проект статьи 10. Законность поведения сторон

В соответствии с принципами международного общего права и положениями Устава Организации Объединенных Наций частота прекращения или приостановления действия договора не затрагивается законностью поведения сторон вооруженного конфликта.

Комментарий

122. Здесь затронут важный аспект политики и законной безопасности. В отсутствие авторитетной основы определения незаконности одностороннее утверждение о незаконности явилось бы своекорыстным и вредным для стабильности отношений. В любом случае, нижеследующий проект статьи состоит из оговорки о правовых последствиях имеющих обязательную силу решений Совета Безопасности на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций.

---

[145] Ibid., p. 41, para. 90.

[146] Ibid., p. 24, para. 45; и (в постановляющей части), p. 44, para. 95.

[147] См. Lee, *Consular Law and Practice*, p. 111.

[148] Loc. cit., pp. 194–195.

[149] A/CN.4/550 и Corr.1–2 (см. сноску 19, выше), para. 36.

[150] *I.C.J. Reports 1980* (см. сноску 144, выше), p. 41, para. 90.

[151] См. Rank, loc. cit., pp. 341–355; и McIntyre, op. cit., pp. 199–207.

123. Отдельной темой для рассмотрения является законодательная политика, которая позволила бы не увязнуть в вопросах законности использования силы или угрозы силой, и применение положений Устава Организации Объединенных Наций. Резолюция Института международного права, принятая в 1985 году, включала следующие положения:

Статья 7

Государство, осуществляющее свои права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, вправе приостановить целиком или частично действие договора, несовместимого с осуществлением этого права, с учетом любых последствий, вытекающих из определения позднее Советом Безопасности этого государства как агрессора.

Статья 8

Государство, выполняющее резолюцию Совета Безопасности Организации Объединенных Наций относительно действий в связи с угрозами миру, нарушениями мира или актами агрессии, либо прекращает, либо приостанавливает действие договора, который несовместим с такой резолюцией.

Статья 9

Государство, совершающее агрессию по смыслу Устава Организации Объединенных Наций и резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, не прекращает и не приостанавливает действие договора, если такое прекращение или приостановление пойдет на пользу такому государству[152].

Проект статьи 11. Решения Совета Безопасности

Указанные статьи не наносят ущерба правовым последствиям решений Совета Безопасности в соответствии с положениями главы VII Устава Организации Объединенных Наций.

Комментарий

124. Это положение не является строго обязательным, но тем не менее оно полезно в пояснительном тексте. Можно напомнить, что статья 75 Венской конвенции 1969 года предусматривает следующее:

Случай государства-агрессора

Положения настоящей Конвенции не затрагивают никаких обязательств в отношении договора, которые могут возникнуть для государства-агрессора в результате мер, принятых в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в связи с агрессией со стороны этого государства.

[152] *Yearbook* (см. сноску 15, выше), pp. 280 and 282.

Проект статьи 12. Статус третьих государств как нейтральных

Настоящий проект статей не наносит ущерба статусу третьих государств как нейтральных в связи с вооруженным конфликтом.

Комментарий

125. Это положение не является строго обязательным, однако оно служит прагматической цели.

Проект статьи 13. Случаи прекращения или приостановления действия договора

Настоящий проект статей не наносит ущерба прекращению или приостановлению действия договоров вследствие:

***a*) соглашения между сторонами; или**

***b*) существенного нарушения; или**

***c*) последующей невозможности выполнения; или**

***d*) коренного изменения обстоятельств.**

Комментарий

126. Вновь можно сказать, что такая оговорка говорит о вполне очевидном. Вместе с тем, считают, что это пояснение имеет определенный смысл.

Проект статьи 14. Восстановление действия утративших силу или приостановленных договоров

Настоящий проект договоров не наносит ущерба компетенции сторон вооруженного конфликта регулировать на основе соглашения вопрос о сохранении в силе или восстановлении действия договоров, приостановленных или утративших свою силу в результате вооруженного конфликта.

Комментарий

127. Эта оговорка преследует конкретную цель урегулирования ситуации, в которой статус "довоенных" соглашений является неясным, и необходимо провести общую оценку состояния договоров. На практике такая оценка может включать в себя восстановление действия договоров, статус которых являлся неясным или которые рассматривались одной или обеими сторонами как прекратившими свое действие.

Приложение

ТЕКСТЫ ПРОЕКТОВ СТАТЕЙ

Проект статьи 1. Сфера применения

Настоящие проекты статей применяются к воздействию вооруженного конфликта на международные договоры между государствами.

Проект статьи 2. Употребление терминов

Для целей настоящих проектов статей:

a) "договор" означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования;

b) "вооруженный конфликт" означает состояние войны или конфликт, сопряженные с военными действиями, которые в силу своего характера или масштабов могут затронуть действие договоров между государствами-сторонами вооруженного конфликта или между государствами-сторонами вооруженного конфликта и третьими государствами, независимо от официального объявления войны или иного объявления какой-либо стороной или всеми сторонами вооруженного конфликта.

Проект статьи 3. Прекращение или приостановление ipso facto

Начало вооруженного конфликта ipso facto не прекращает или не приостанавливает действие договоров:

a) между сторонами вооруженного конфликта;

b) между одной или несколькими сторонами вооруженного конфликта и третьим государством.

Проект статьи 4. Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта

1. Возможность прекращения или приостановления действия договоров в случае вооруженного конфликта определяется в соответствии с намерением сторон во время заключения договора.

2. Намерение сторон договора относительно возможности его прекращения или приостановления действия определяется с учетом:

a) положений статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров; и

b) характера и масштабов данного вооруженного конфликта.

Проект статьи 5. Прямые положения, касающиеся действия международных договоров

1. Международные договоры, применимые к ситуациям вооруженного конфликта в соответствии с их прямыми положениями, действуют в случае вооруженного конфликта без ущерба для заключения правомерных соглашений между сторонами вооруженного конфликта, сопряженных с приостановлением или прекращением действия соответствующих международных договоров.

2. Возникновение вооруженного конфликта не затрагивает полномочий сторон вооруженного конфликта, касающихся заключения международных договоров в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров.

Проект статьи 6. Международные договоры, касающиеся причины возникновения вооруженного конфликта

Действие международного договора, статус или толкование которого является существом вопроса, который стал причиной возникновения вооруженного конфликта, как предполагается, не прекращается в силу норм права, однако данное предложение не будет действовать, если есть свидетельство иного намерения договаривающихся сторон.

Проект статьи 7. Действие международных договоров на основании необходимого условия, вытекающего из их объекта и цели

1. В случае международных договоров, объект и цель которых сопряжены с необходимым условием, согласно которому они продолжают действовать во время вооруженного конфликта, возникновение вооруженного конфликта само по себе не препятствует их действию.

2. Международные договоры такого характера включают следующие договоры:

a) договоры, являющиеся прямо применимыми в случае вооруженного конфликта;

b) договоры, объявляющие, устанавливающие или регулирующие постоянные права или постоянный режим или статус;

c) договоры о дружбе, торговле и мореплавании и аналогичные соглашения, касающиеся прав частных лиц;

d) договоры о защите прав человека;

e) договоры, касающиеся защиты окружающей среды;

f) договоры, касающиеся международных водотоков и смежных сооружений и объектов;

g) многосторонние нормоустановительные договоры;

h) договоры, касающиеся урегулирования споров между государствами мирными средствами, включая использование согласительной процедуры, посредничества, арбитража и участие Международного Суда;

i) обязательства, возникающие по многосторонним конвенциям, касающимся коммерческого арбитража и приведения в исполнение арбитражных решений;

j) договоры о дипломатических сношениях;

k) договоры о консульских сношениях.

Проект статьи 8. Метод приостановления или прекращения действия договора

В случае вооруженного конфликта метод приостановления или прекращения действия договора является таким же, что и метод приостановления или прекращения действия договора, содержащийся в положениях статей 42–45 Венской конвенции о праве международных договоров.

Проект статьи 9. Возобновление действия приостановленных договоров

1. Действие договора, приостановленного вследствие вооруженного конфликта, возобновляется при условии, что это происходит в соответствии с намерением сторон, выраженным во время заключения договора.

2. Намерение сторон договора, действие которого было приостановлено вследствие вооруженного конфликта, относительно возможности договора возобновить свое действие, определяется с учетом:

a) положений статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров; и

b) характера и масштабов данного вооруженного конфликта.

Проект статьи 10. Законность поведения сторон

В соответствии с принципами международного общего права и положениями Устава Организации Объединенных Наций частота случаев прекращения или приостановления действия договора не затрагивается законностью поведения сторон вооруженного конфликта.

Проект статьи 11. Решения Совета Безопасности

Указанные статьи не наносят ущерба правовым последствиям решений Совета Безопасности в соответствии с положениями главы VII Устава Организации Объединенных Наций.

Проект статьи 12. Статус третьих государств как нейтральных

Настоящий проект статей не наносит ущерба статусу третьих государств как нейтральных в связи с вооруженным конфликтом.

Проект статьи 13. Случаи прекращения или приостановления действия договора

Настоящий проект статей не наносит ущерба прекращению или приостановлению действия договоров вследствие:

a) соглашения между сторонами; или

b) существенного нарушения; или

c) последующей невозможности выполнения; или

d) коренного изменения обстоятельств.

Проект статьи 14. Восстановление действия утративших силу или приостановленных договоров

Настоящий проект статей не наносит ущерба компетенции сторон вооруженного конфликта регулировать на основе соглашения вопрос о сохранении в силе или восстановлении действия договоров, приостановленных или утративших свою силу в результате вооруженного конфликта.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ СЕССИИ

Обозначение документа	*Наименование документа*	*Примечания и ссылки*
A/CN.4/546	Шестой доклад по вопросу о дипломатической защите, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джоном Дугардом	Воспроизводится в настоящем томе.
A/CN.4/547	Ответственность международных организаций: комментарии и замечания, полученные от международных организаций	То же.
A/CN.4/548	Предварительная повестка дня	Отпечатан на мимеографе. Утвержденную повестку дня см. в *Ежегоднике.., 2005 год*, том II (часть вторая).
A/CN.4/549 и Add.1	Подготовленное Секретариатом тематическое резюме обсуждения, состоявшегося по докладу Комиссии в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее пятьдесят девятой сессии	Отпечатан на мимеографе.
A/CN.4/550 [и Corr.1–2]	Воздействие вооруженного конфликта на международные договоры – исследование практики и доктрины: меморандум, подготовленный Секретариатом	Отпечатан на мимеографе.
A/CN.4/551 [и Corr.1] и Add.1	Третий доклад об общих природных ресурсах, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Тусэем Ямадой	Воспроизводится в настоящем томе.
A/CN.4/552	Первый доклад о воздействии вооруженных конфликтов на международные договоры, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Чусеем Ямадой	То же.
A/CN.4/553	Третий доклад об ответственности международных организаций, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джорджо Гая	То же.
A/CN.4/554	Предварительный доклад о высылке иностранцев, подготовленный Специальным докладчиком Морисом Камто	То же.
A/CN.4/555 и Add.1	Общие природные ресурсы: комментарии и замечания, полученные от правительств и соответствующих международных организаций	То же.
A/CN.4/556	Ответственность международных организаций: комментарии и замечания, полученные от правительств и международных организаций	То же.
A/CN.4/557	Восьмой доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седеньо	То же.
A/CN.4/558 [и Corr.1] и Add.1 [и Corr.1–2]	Десятый доклад об оговорках к международным договорам, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Аленом Пелле	То же.
A/CN.4/L.665	Оговорки к международным договорам: заголовки и тексты проектов руководящих положений, принятые Редакционным комитетом	Отпечатан на мимеографе. См. также *Ежегоднике.., 2005 год*, том I, краткие отчеты о 2842-м заседании (пункт 50).
A/CN.4/L.666/Rev.1	Ответственность международных организаций. Заголовки и тексты проектов статей, принятые Редакционным комитетом	То же, краткие отчеты о 2848-м заседании (пункт 1).
A/CN.4/L.667	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее пятьдесят седьмой сессии: глава IV (Общие природные ресурсы)	Отпечатан на мимеографе. Принятый текст см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10* (A/60/10). Окончательный текст представлен в *Ежегоднике.., 2005 год,* том II (часть вторая).

Обозначение документа	*Наименование документа*	*Примечания и ссылки*
A/CN.4/L.668	То же: глава V (Воздействие вооруженных конфликтов на международные договоры)	То же.
A/CN.4/L.669 и Add.1	То же: глава VI (Ответственность международных организаций)	То же.
A/CN.4/L.670	То же: глава VII (Дипломатическая защита)	То же.
A/CN.4/L.671 и Add.1–2 [и Corr.1]	То же: глава X (Оговорки к международным договорам)	То же.
A/CN.4/L.672 и Add.1–2	То же: глава IX (Односторонние акты государств)	То же.
A/CN.4/L.673	То же: глава I (Организация работы сессии)	То же.
A/CN.4/L.674	То же: глава VIII (Высылка иностранцев)	То же.
A/CN.4/L.675 [и Corr.1]	Программа, процедуры и методы работы Комиссии, и ее документация: доклад Группы по планированию	Отпечатан на мимеографе.
A/CN.4/L.676 [и Corr.1]	Доклад Исследовательской группы по фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права	То же. Воспроизводится в *Ежегоднике.., 2005 год,* том II (часть вторая), глава XI, раздел C.
A/CN.4/L.677	Проект доклада Комиссии международного права о работе ее пятьдесят седьмой сессии: глава XI (Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права)	Отпечатан на мимеографе. Принятый текст см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 10* (A/60/10). Окончательный текст представлен в *Ежегоднике.., 2005 год,* том II (часть вторая).
A/CN.4/L.678	То же: глава XII (Другие решения и выводы Комиссии)	То же.
A/CN.4/L.679	То же: глава II (Резюме работы Комиссии на ее пятьдесят седьмой сессии)	То же.
A/CN.4/L.680	То же: глава III (Конкретные вопросы, изложение мнений по которым представляло бы особый интерес для Комиссии)	То же.
A/CN.4/L.681 [и Corr.1]	Доклад Рабочей группы по общим природным ресурсам (грунтовые воды)	Отпечатан на мимеографе.
A/CN.4/SR.2831–A/CN.4/SR.2866	Предварительные краткие отчеты о 2831–2866-м заседаниях	То же. Окончательный текст представлен в *Ежегоднике.., 2005 год,* том I.